

ГЛАВА 1. Черная лоза

Грегору все больше казалось, что он видит наведенный кошмар из тех, где вроде бы не происходит ничего страшного, но внутренний, глубинный ужас вяжет по рукам и ногам, запирает в горле крик, и магия не исчезает, но становится такой же бесполезной, как умение танцевать - посреди кладбища, полного голодной нежити.

Айлин жива! Еще утром Грегор думал, этого будет достаточно, чтобы исчез отвратительный выматывающий страх, изводивший его все это время. В конце концов, он как никто другой знал: хороший целитель с полным резервом способен поставить на ноги даже умирающего, лишь бы того доставили в лазарет вовремя. Айлин же, хоть и окровавленная, грязная и осунувшаяся, умирающей все же не выглядела, и, значит, целители ее спасут, что бы ни произошло на трижды драном Барготом холме!

Но все эти в высшей степени разумные рассуждения вовсе не успокаивали. Ждать известий под дверями операционной оказалось куда мучительнее, чем портала к Разлому!

Целители сновали по коридору, как испуганные упыри, в маточник которых швырнули «Могильной плитой», - беспорядочно, во всех направлениях и совершенно бессмысленно с виду. То и дело они перебрасывались какими-то словами, смысла которых Грегор, как ни старался, не мог уловить...

«Видит Претемнейшая, — измученно подумал он. - Если Эддерли чувствовал себя хоть вполновину так же, когда оперировали Саймона, я, пожалуй, готов понять, почему он обнял Роверстана. Я бы и сам сейчас обнял хоть умертвив, хоть стригоя, лишь бы услышать, что все наконец-то закончилось и Айлин в безопасности...»

- Милорд Великий магистр? - услышал он смутно знакомый голос, вскинулся и едва не застонал от разочарования.

Райнгартен! Проклятие, что ему нужно настолько немедленно, что нельзя оставить Архимага в покое хотя бы в лазарете?!

- Я слушаю вас, Этьен, — откликнулся он, со смутным удивлением отмечая, что Райнгартен почему-то побледнел.

Но не отступил, а решительно продолжил, понизив голос так, чтобы его не услышал никто, кроме Грегора. Словно бы здесь кому-то было дело до тайн Райнгартена.

- Мы должны обсудить Разлом, милорд. Я успел измерить показатели магического поля и...

«Разлом?! Сейчас? - поразился Грегор. - Когда жизнь Айлин, может быть, все еще в опасности? Да чтоб вас всех, неужели нельзя дать мне хотя бы двух-трех часов?! Просто чтобы я убедился - все будет в порядке, и никто не умрет?!»

- Позже, Этьен, — попросил он, не собираясь, разумеется, признаваться, что вряд ли способен сосредоточиться на делах.

Непростительная слабость для мага! Для Архимага - тем более. И неважно, насколько он устал за последние страшные недели.

- Да послушайте же! - перебил оранжевый магистр. - Показатели магического поля...

- Позже, — повторил Грегор, чувствуя, что начинает закипать.

Что может быть неясного в просьбе перенести разговор на другое время? Эти Райнгартены!

- Но Разлом...

- Разлом закрыт! - рявкнул Грегор и неожиданно почувствовал, как тревога отступает, переплавляясь в ярость на слишком назойливого подчиненного. - Закрыт или нет?!

- Разумеется, закрыт! - подтвердил Райнгартен так оскорбленно, словно именно Грегор изводил его разговорами в не подходящее для этого время. - Но показатели...

- Все прочее - подождет, — отчеканил Грегор и отвернулся, давая понять, что продолжения беседы

не будет, и делая вид, что не слышит возмущенного выдоха: «Да чтоб вас, Бастельеро!» — а потом и демонстративно громких удаляющихся шагов.

И снова потянулось бесконечное, изматывающее ожидание, и Грегор не мог бы сказать, сколько прошло времени, прежде чем дверь открылась, и из операционной вышел Бреннан.

Обвел взглядом коридор, остановился рядом и прежде, чем Грегор смог сказать хоть что-то, устало уронил:

- Живы. Все трое. Один из юношей, тот, что дорвенантец, потерял много крови, к тому же отравлен ядом демонов, но поправится. Пусть скажет спасибо, что ему вовремя наложили швы, иначе он бы истек кровью прежде, чем мы успели что-то сделать, а так - будет жить. Теперь уже совершенно точно будет. У итлийца тоже сильнейшее отравление, и он тоже ранен, хотя и не так сильно...

- Претемная с ними, Бреннан! — нетерпеливо выпалил Грегор. - Что с Айлин Ревенгар?

- Уместность и деликатность иных ваших высказываний, милорд Великий магистр, просто поразительна, — буркнул целитель. - Ее жизнь вне опасности. Сильное магическое истощение.

- И что-то еще, так? - настойчиво спросил Грегор, безошибочно услышав в голосе Бреннана то ли сомнение, то ли недосказанность. - Что именно? Я должен знать, понимаете? Это моя ученица, а вы... вы давали клятву Архимагу! Я требую, чтобы вы рассказали мне то, что скрываете!

- Клятву Милосердной сестре я давал намного раньше, лорд Бастельеро, — сердито проворчал Бреннан. - Помните об этом, когда в следующий раз решите потребовать чего-то у целителей. Адептка использовала неизвестное мне заклинание, в результате которого ее магическая суть и жизненные потоки переплелись с жизненными потоками ее спутников. Я не могу даже предположить, каковы будут последствия.

- То есть как «неизвестное»? - поразился Грегор. - Даже вам?!

- О, неужели вы наконец-то признали, что еще кто, кроме вас, что-то смыслит в своем ремесле? — устало съязвил Бреннан. - Представьте себе, действительно неизвестное. Это не проклятие! - прервал он прежде, чем Грегор открыл рот именно для такого предположения. - Что я, проклятий не навиделся за эти годы, спасибо нашим адептам? Наложить, конечно, не смогу, но уж распознать-то сумею. Ничего общего! Ни следа фиолетовой силы! И красной, разумеется, тоже, —добавил он, сердито глянув на пробегающего мимо целителя, слегка замедлившего шаг.

Тот мгновенно ускорился, словно взгляды Зеленого магистра имели силу штормового ветра, ударившего в паруса легкого суденышка.

- Ни красной, ни фиолетовой? - растерянно уточнил Грегор, подозревая, что чего-то не понимает из-за усталости и чудовищного нервного напряжения. - А какой тогда? Вы же не хотите сказать, что она...

Мелькнула совершенно дикая и неправдоподобная мысль, что сумасшедшая девица оказалась не Двойной Звездой, а, скажем, Тройной! Ну и что, если таких случаев не встречалось до сих пор даже в легендах, не говоря уже об официальных анналах Ордена. Это же Айлин Ревенгар! Невозможность - ее второе имя!

Но Грегор тут же осадил разыгравшееся воображение. Невозможно, потому что просто быть этого не может. Тройных Звезд не бывает. И уж точно эта сила как-то проявилась бы ранее.

- Но вы хотя бы цвет магии определили? - спросил он торопливо.

- Нет у нее цвета! - огрызнулся Бреннан. - Вообще нет, представляете? И не вздумайте сказать мне, что это невозможно! Я, конечно, не Избранный, но каких только оттенков не повидал у заклятий. Сами знаете, на дуэлях они иной раз так перемешаются... А у этого цвета нет! Вообще!

- Как же вы его тогда обнаружили?

Грегор совершенно не понимал, о чем говорит Бреннан. Деление магии на цвета - это основы, понятные любому мажонку. Потом, уже совершенствуясь, начинаешь понимать, что заклятия часто совпадают по структуре, и одно и то же может действовать совершенно по-разному у целителей, некромантов и, скажем, стихийников. Поэтому есть универсальные арканы, которыми пользуется любой маг независимо от цвета своей силы. Но аркан - это лишь оболочка, а вливается в нее все равно алая магия, желтая или фиолетовая... Не бывает магии без цвета!

- Может, белая? - предположил он, холодея от мысли, что Айлин могла каким-то образом найти, адаптировать и применить одно из утерянных заклятий барготопкпонников.

- Не белая, не розовая, не серо-малиновая! - рявкнул Бреннан. - Бесцветная! Благие Семеро, ну что непонятного? Мы вообще поняли, что там поработало заклятие, только по следам его проявления. Начали копать в каналах девочки и нашли устойчивые связи...

Он оглядел пустой коридор, бесцеремонно взял Грегора за рукав и подвел к ближайшему окну. Выглянул в него, убедившись, что внизу пусто, и продолжил, понизив голос:

- Милосердной Сестрой клянусь, никогда не видел ничего подобного. Эта штука перемешала суть всех троих, как...

Он поводил рукой в воздухе, не находя слов, и выдавил:

- Стыдно признаться, но придется ждать, пока очнется юная Ревенгар, чтобы хоть что-то понять.

- Магия без цвета... — ошеломленно повторил Грегор и восторженно воскликнул: — А Роверстан?! Он же был там! Что он говорит?

- Ничего он не говорит, — устало выдохнул Бреннан и пояснил: — Он выложился досуха, перекачивая адептке резерв напрямую. Из накопителей, конечно. И если бы не Дункан, Айлин Ревенгар, скорее всего, выгорела бы дотла. У нее и так заметно обожжены каналы... Но с этим мы хотя бы знаем, что делать. Главное, что искра цела... А Роверстана я настоятельно рекомендую не трогать до завтрашнего дня! Как целитель! - Бреннан посмотрел так сердито, словно Грегор настаивал на немедленном применении к разумнику допроса с пристрастием, и сварливо закончил: — То же самое относится и к вам, милорд Архимаг. Я, конечно, понимаю, что чувство долга погонит вас на службу даже мертвым, но лучше все-таки до этого не доводить. А вы, к слову, уже напоминаете умертвив гораздо сильнее, чем это прилично человеку, на котором держится Орден.

- Пустое! - бросил Грегор, растирая виски кончиками пальцев. - Нужно всего лишь выспаться. Теперь уже можно.

- Теперь уже нужно, — поправил его Бреннан. - Абсолютно необходимо! Разлом, насколько я понимаю, закрыт.

- А Ревенгар...

- Проспит сутки - и это самое меньшее! Разумеется, о посещениях пока и речи быть не может. Как только девушка будет в состоянии принять кого-то, кроме целителей, я немедленно вас извещу.

- Благодарю, Бреннан, — выдохнул Грегор, понимая правоту магистра, но все-таки не в силах отделаться от желания немедленно увидеть Айлин.

Пусть даже спящую - все равно! Однако такая настойчивость будет выглядеть глупой и странной. И, главное, она бесполезна. Девушке необходим покой, это понятно... Так что придется потерпеть. Он ждал так долго, что значит еще день?!

- Пожалуй, останусь на ночь в Академии, — решил Грегор вслух. - Сделайте одолжение, пришлите мне снотворное. Боюсь...

- Устали так, что заснуть не сможете? - понимающе подхватил Бреннан. - Разумеется, пришло. И предупрежу всех, чтобы вас не тревожили. Ради Благих, милорд, идите уже. На вас лица нет.

Грегор посмотрел вслед магистру, снова ушедшему в операционную, и отвернулся к окну, за которым совсем стемнело. Какой бесконечный был день... Вишни уже отцвели, но из сада тянуло тонким запахом каких-то ночных цветов, раскрывшихся с приходом темноты. Этот аромат напомнил о Вишневой ночи, и Грегор невольно стиснул пальцы на подоконнике, опомнившись только, когда их свело судорогой боли. Как же давно это было... Словно рубеж между прежней жизнью и новой. Какой простой казалась та жизнь, несмотря на заговоры, интриги, даже войну...

- Милорд Бастельеро? - окликнул его знакомый голос Эддерли-младшего.

Грегор повернулся и удивленно взглянул на неразлучную пару, подошедшую по коридору со стороны учебных аудиторий. Саймон опирался на трость, и было заметно, что перевязанная нога ему мешает, однако ковылял он достаточно бодро, и Грегор мельком позавидовал жизненной силе, что присуща молодости. Мальчишка недавно валялся в лазарете, едва оставшись в живых, и вот, пожалуйста, скоро будет бегать. А у него самого дурацкое случайное растяжение никак не проходит...

А вот идущий рядом Дарра Аранвен был еще бледнее обычного, если это возможно, когда говоришь об Аранвенах. Парадный камзол, белоснежный, расшитый серебром и мелким жемчугом, он так и не сменил на более удобную одежду, но почему-то был без перчаток, обязательных к этому наряду. Странно, Аранвен - и одет не по этикету?! Грегор попытался вспомнить, видел ли он перчатки на

Дарре до этого, но не смог. Какая разница, впрочем? У кого-то другого он бы и внимания не обратил на подобную мелочь, но это же Дарра! Кстати...

- Вы пришли навестить Айлин Ревенгар, господу? - осведомился он. Саймон закивал, жадно вглядываясь в его лицо и едва не подпрыгивая от нетерпения, даже навстречу подался, как охотничий пес, почуявший дичь. Дарра тоже кивнул, но едва заметно, и свет от настенной лампы блеснул на его гладкой, тщательно уложенной прическе, из которой не выбилось ни одного волоска. - Магистр Бреннан говорит, что ее жизнь вне опасности.

- Спасибо, милорд! - радостно выпалил Саймон, а Дарра снова молча склонил голову.

- Эддерли, — вздохнул Грегор. - Не стоит брать с меня пример во всем и так буквально. Уверю, в отношении к своему здоровью я никак не могу служить достойным образцом для подражания. Почему бы вам не отправиться в палату, пока целители не пожаловались вашему отцу?

- Да, милорд! — звонко отозвался Саймон, глядя на него такими радостными глазами, что сразу было понятно: нравоучение он пропустил мимо ушей. - Позвольте узнать, а когда можно будет ее навестить?

- Не сегодня и не завтра - это точно, — твердо ответил Грегор, рассудив, что позволь этой парочке, и к Ревенгар потянется вереница посетителей, причем не только тех, кто искренне за нее беспокоится, но и просто любопытных. - Возможно, послезавтра. Магистр Бреннан говорит, что ей необходим полный покой.

Саймон разочарованно вздохнул, а Дарра откликнулся своим обычным безупречно ровным и учтивым тоном:

- Мы вам очень благодарны, милорд. С вашего разрешения, я хотел бы уехать сегодня на ночь домой. До завтрашних занятий, разумеется.

- Да-да, конечно... — рассеянно отозвался Грегор. - Передайте вашему почтенному отцу... Впрочем, не нужно ничего передавать, я напишу ему письмо завтра, а лучше всего - сам заеду.

Аранвен молча поклонился и увел Саймона, который то и дело оглядывался то на дверь операционной, то на Грегора, явно желая еще что-то сказать. Грегор видел, как они свернули к палате, где лежал Эддерли-младший, и ненадолго остановились возле нее. Высокий тонкий силуэт Дарры серебряной тенью выделялся на фоне стены, освещенной артефактной лампой. Аранвен что-то сказал, и Эддерли покорно зашел в палату, закрыв за собой дверь, а его собеседник проплыл дальше по коридору, скрывшись за очередным поворотом.

Проводив его взглядом, Грегор досадливо поморщился. Дарре осталось учиться еще год, но в его случае это полностью лишено смысла. Никто не сомневается, что юный Аранвен хоть сейчас способен сдать не только выпускные экзамены, но и вступительные испытания на должность преподавателя. Правда, вряд ли у него есть склонность к этому виду деятельности, да и канцлер не позволит, чтобы его единственный сын и наследник растрачивал таланты в Академии. И хвала Претемной! Чем раньше он покинет Академию, занявшись придворной карьерой, тем лучше.

Нет, Грегор даже мысли не допускал, что Аранвен-младший может оказаться ему настоящим соперником, но... В конце концов, это всего лишь детская дружба, которая рано или поздно распадется. Возможно, они с Эддерли когда-то сделали ошибку, добавив Айлин Ревенгар к Воронам. Она одаренная и талантливая некромантка, это верно, и именно поэтому следовало не поощрять ее совместные с Эддерли-младшим и Аранвеном выходки, а научить сдерживать чувства. Слишком раннее развитие - это не всегда хорошо! Если бы Айлин училась со своим курсом, не слишком опережая программу, она была бы в гораздо большей безопасности! Не было бы той детской глупости с походом на кладбище и знакомства с Вальдероном, не было бы бесконечных отработок и шалостей в компании юных магов. И этого безумного риска с Разломом - тоже не случилось бы!

«Кажется, я очень плохо присматривал за твоей дочерью все эти годы, Дориан, — в приступе беспощадного раскаяния подумал Грегор. - Если бы она погибла... Все мы во власти Претемной, и каждому уготовано место в ее Садах, но я никогда не прошу себе, что по моей вине ей пришлось столько пережить. Эти ужасные недели в пути, от которых она не скоро оправится душой и телом... Слухи, которые непременно поползут, пачкая ее репутацию... Да если бы я мог предвидеть, чем закончится мой приказ Кастельмаро, никогда его не отдал бы! Путешествовать в сопровождении двух дворян и наемной охраны - это, все-таки, совсем не то, что с парой мужчин! Тогда она была бы под постоянным присмотром множества глаз, хоть какая-то защита репутации, а сейчас... Благие Семеро, ее же заклеят шлюхой! И даже то, что она спасла Дорвенант, не поможет... Нет-нет, об этом даже думать не стоит! Она станет моей женой, и любой, кто посмеет испачкать ее имя, будет иметь дело со мной. Но как мне заслужить ее прощение? Я должен был оберегать ее! Не знаю, каким чудом она выжила, закрыв Разлом, но это должен был быть я!»

Он оперся ладонями о подоконник, бессмысленно и устало глядя в темноту сада, не в силах уйти к

себе и лечь спать, как обещал Бреннану. Мысли то текли вялые и пустые, то, напротив, летели вскачь, впрочем, тоже не принося никакой пользы. Откуда Аранвен узнал, что Грегор собирается к Разлому? Допустим, во дворце тоже могли отметить колебания магического поля, там служат стихийники... Допустим, об этом немедленно известили канцлера - это логично и правильно! Но Дарра примчался так быстро, что простым любопытством это не объяснить... Что ж, наверняка у Ангуса Аранвена имеются свои люди и в Академии, канцлер осторожен, предусмотрителен и по долгу службы обязан знать все, что происходит. Но кто?! В отряде было всего несколько человек... А, да какая разница?!

Гораздо интереснее, что там делал Роверстан! На воды ехал и остановился посмотреть? Можно не сомневаться, что-то вроде этого разумник и ответит... И даже представит доказательства... Непонятно, правда, какие, но этого скользкого угря застань в компании самого Баргота - он и тут найдет оправдание, причем самое достоверное и внушающее почтение.

Грегор опустил голову и снова потер виски пальцами, опираясь локтями на подоконник. На душе было так тошно, словно одна из величайших опасностей в истории Дорвенанта сегодня не закончилась, а только набирала силу. Разлом закрыт... Закрыт! Больше не будет разрывов ткани мироздания и полчищ демонов, что из них лезут. Возможно, удастся спасти большую часть урожая, который еще не побили морозы. На окраинах Дорвенны наконец-то настанет тишина, беженцы вернутся в город, а в провинциях солдаты разберутся с разбойничьими шайками... Все кончилось, причем почти благополучно! Благополучно?

Воспоминания резанули вспышкой: окровавленные тела Малкольма и Криспина, холодное мертвое лицо Кристиана и кровь, запекавшаяся на земле. Битва за Академию... мальчишки и девчонки, умирающие в лапах демонов, Ирвинг с Аделин Мэрли... и та итлийка, как ее там... Морьеза... И еще множество смертей в Дорвенне, в провинции, в деревнях и на дорогах... Благополучно? Звучит кошмарно! Но жертв могло быть гораздо больше, если бы не сумасшедшая девочка, которой удалось невозможное. То, что не смог, а если правду сказать - не рискнул сделать он, Избранный Претемной!

«Она не просто тебя превзошла, — беспощадно подумал Грегор, испытывая почти мучительное удовольствие от этой мысли. - Она нашла какой-то способ, до которого ты не додумался. Спасла последнего из Дорвеннов и при этом осталась в живых сама! Да, чудом - это несомненно! Но как-то выжила... И ты будешь вечно благодарить за это Претемную, потому что иначе ничто, никакие соображения высшего блага не стали бы оправданием твоей трусости! Она пожертвовала собой! А ты... не смог».

Он с усилием оторвался от подоконника, на который снова поставил ладони. Мельком глянул на полированное дерево, почти ожидая, что увидит там кровавые пятна, так сводило судорогой руки. Оглянулся на дверь операционной, где было тихо и темно. Ну да, там же есть другой выход в лазарет... И Айлин, и ее спутников давно унесли в палату... Спутники... Что там еще за третий к ним прибился? Бреннан сказал, что профан, и вроде бы упоминал, что парень - итлиец... Впрочем, это подождет. Главное, что жива не только Айлин, но и Вальдерон!

То есть Дорвенн.

И это меняет... Все меняет, если быть честным с самим собой. Бастард наверняка узнает, какую участь готовил ему Грегор, если не знает до сих пор. Айлин могла ему рассказать... Даже должна была, раз уж он поехал с ней к Разлому. Но это тоже неважно, Грегор и не собирался скрывать свое решение. Если его спросит Совет или будущий король, кто бы это ни был, он ответит правду. И это значит... Ничего хорошего это не значит, разумеется. Обвинение в государственной измене выстроить на таких доказательствах проще, чем прыщавую порчу наложить. А желающие найдутся...

Да хоть бы и сам бастард - неужели он упустит такую возможность поквитаться? Хоть за Разлом, хоть за ту ночь пятилетней давности, когда Грегор за шиворот выкинул его из комнаты Айлин. Мальчишка еще тогда пыжился, обещал мстить... Ну а теперь у него и все возможности имеются! Если его признают принцем крови, Грегор даже на дуэль его вызвать не сможет! Королевская кровь священа.

Он сделал шаг от окна, не оборачиваясь, потом еще один, потом все-таки заставил себя повернуться к темному провалу в сад спиной и пойти по совершенно пустому коридору. До преподавательского крыла не так уж далеко, а ехать домой действительно никаких сил нет. Еще и нога снова разболелась, мстительно припоминая крутую лестницу в башне Архимага и все остальные переходы за день. Грегор тяжело оперся на дедову трость. Теперь, впрочем, это уже его трость, собственная... В тишине шаги и стук наконечника казались оглушительно громкими, он даже поморщился.

Завтра Ангус Аранвен захочет узнать, как так получилось, что Разлом все-таки удалось закрыть без человеческой жертвы. И Грегору придется объяснять, почему ошибся он, опытный и сильный некромант, а не адептка шестого курса. И выглядеть это будет именно так, что он замыслил

погубить Аластора Дорвенна! Иначе почему утверждал, что закрытие Разлома требует его смерти?

А еще завтра на него свалится очередная груда забот протектора и Архимага, потому что заработают порталы! Восстановится сообщение с другими странами и провинцией, обрушится шквал донесений, которые раньше шли с курьерами и далеко не всегда прибывали в срок. Так, пожалуй, и плаха за измену покажется милостью по сравнению с работой, которая его ждет. И Айлин... Простит ли она его? Сможет ли понять? Или он навсегда ее потерял в этой безумной круговерти событий? Видят и Претемная, и Всеблагая, которой Грегор уже давно не молился, прося обретения взаимной любви, что эта кара будет страшной из всех.

***

Первым, что ощутила Айлин, была кровать. Слишком мягкая в сравнении с одеялом, брошенным на землю, и куда жестче, чем диванчик на террасе в Запределье, где она очнулась в прошлый раз.

Почти сразу она почувствовала горьковатый свежий запах лекарственных трав и целительских зелий и окончательно поняла, что находится в лазарете Академии. Но ведь она только на минутку позволила себе потерять сознание!

- Откройте глаза, юная леди, я прекрасно вижу, что вы очнулись, — услышала она ворчливый, искренне обеспокоенный голос магистра Бреннана и послушалась.

Глаза тут же заболели от яркого дневного света, и Айлин заморгала, пытаясь рассмотреть лицо пожилого целителя, но почти сразу ей на лоб легла рука.

- Сейчас все пройдет, — пообещал Бреннан. - Как вы себя чувствуете? Способны говорить?

- Способна, милорд, — выдохнула Айлин неуверенно, больше проверяя - правда ли это, но Бреннана ее ответ вполне удовлетворил.

Сухая твердая ладонь погладила ее по лбу, и следующий вопрос целителя прозвучал уже куда более тепло:

- В таком случае, ради Милосердной Сестры, скажите, что за ритуал вы провели над собой и вашими спутниками?

- Ритуал? - растерянно переспросила она и удивилась, что тут непонятного.

Разработанный лордом Бастельеро, конечно! Тот, которым закрывала портал! Неужели магистр Бреннан об этом не знает? Но почти тут же вспомнила, как испугалась, что Ал умрет, и от отчаяния схватилась за заклинание, подаренное доном Разном... Ужасно сложное заклинание, с которым так и не разобралась до конца и которым ни за что не воспользовалась бы без подготовки, будь у них выбор. Но выбора-то и не было! А что, если что-то пошло не так, и Аластор...

- М-милорд магистр! Аластор! Он жив?

- Оба ваших спутника живы, — успокоил ее Бреннан. - А чем раньше мы разберемся в вашем заклинании, тем скорее они выздоровеют. Итак, ритуал, который вы провели...

- Я не знаю, — пролепетала Айлин, чувствуя себя невозможно глупой. - Мне его подарили... Один арлезийский дон, очень достойный человек, правда! Он сказал, что это их семейное заклинание, и оно очень древнее... Создано еще... до прихода Благих... Сумка! - воскликнула она, вдруг поняв, чем может помочь. - Я отдала ее моему второму спутнику, синьору Фарелли! Артефактная сумка у него на поясе! В ней тетрадь, я все записала туда, всю схему! Только я могла в ней ошибиться, не успела разобраться до конца...

- Я-то думал, ваша лихая компания меня уже ничем не сможет удивить, — сокрушенно вздохнул магистр Бреннан. - Что, казалось бы, может быть хуже умертвия дракона или, хм... нефритовой флейты... Айлин, дитя мое, вы ведь разумная девочка, как же вы могли применить неизвестное заклинание, даже не разобравшись в нем толком?

На короткое мгновение Айлин почувствовала острый стыд за свою неосторожность, но тут же отогнала это изумительно несвоевременное чувство.

- Аластор умирал, — тихо ответила она. - И я ничем, совсем ничем не могла ему помочь, понимаете? Только этим! И у меня получилось... Вы же сами сказали, что они живы! Оба! А если бы я не попыталась, и они умерли...

Она задыхнулась, на мгновение представив это, и ей вдруг показалось, что глаза Бреннана странно блеснули, словно подернувшись влагой. Но, конечно, это просто показалось...

- Что ж, милое дитя, — произнес целитель сочувственно. - Пожалуй, я действительно зря упрекнул

вас. Приношу извинения. Хорошо, что вы сохранили схему заклęcia, это очень нам поможет. Пока скажите кратко, что оно должно было сделать?

- Фамилиара, — прошептала Айлин, не в силах поверить, что магистр Зеленой гильдии так просто извинился перед ней, adeptкой шестого курса и к тому же действительно виноватой. - Оно должно было создать связь между Аластором и нами. Так, чтобы я и Лу... то есть синьор Фарелли... чтобы мы смогли поделиться жизненной силой с Аластором. Если бы они двое были магами, то и резервом тоже, но они ведь профаны...

С каждым ее словом озабоченное лицо Бреннана все прояснялось.

- Так вот оно что! Поэтому мы и не могли привести юношей в чувство! Один отравлен ядом демонов, второй - целым набором опасных зелий, и они делятся друг с другом этой отравой! Точнее, ее влиянием на сознание. А вы... хм, да... Ну что ж, хвала Милосердной Сестре, вы пришли в себя, и теперь нам будет намного легче! Значит, следует очищать их кровь как единое целое, независимо от исходного диагноза... прекрасно, просто прекрасно. Вы очень нам помогли, дитя мое. А теперь я вас оставляю, мне нужно заняться вашими спутниками...

- Подождите, милорд магистр! - выпалила Айлин, только сейчас почувствовав странную пустоту внутри, какой не испытывала никогда раньше, и впервые заметив тонкие - тоньше шнура! - золотые цепочки на своих запястьях. - При чем здесь я? Вы сказали, что я тоже чем-то делилась? И почему я...

Она зажмурилась, потянулась к силовым линиям, пронизывающим всю Академию, но вместо привычного отклика почувствовала ту же пустоту, что поселилась у нее внутри.

- Моя магия, — прошептала она. - Милорд магистр, я ничего не чувствую! Совсем ничего! Я...

Она осеклась, не решаясь дать имя ужасу, охватившему все ее существо, и Зеленый магистр сочувственно вздохнул.

- Вы вплели себя в ритуал, дитя мое. Таким образом, формально вы - такой же фамилиар вашего спутника, как и синьор итлие. А ваша магия...

Его речь прервал негромкий стук, и Бреннан, поднявшись со стула у кровати Айлин, подошел к двери.

- А, Дункан, — услышала Айлин спустя бесконечно долгое мгновение. - Здравствуйте, мой мальчик. Как любезно с вашей стороны согласиться меня подменить. Айлин, дитя мое, простите, но мне действительно пора. Не пугайтесь, магистр Роверстан объяснит вам все, что касается вашей магии и здоровья. Он очень нам помог!

Дункан!

Сердце Айлин горячо и сильно забило, и она невольно подумала, что если бы не пустота внутри, и не линии силы, до которых никак не получалось дотянуться, она была бы непредставимо счастлива его увидеть.

Дверь снова негромко стукнула, и Айлин, сама не зная почему, зажмурилась. Услышала быстрые шаги, тихий скрип стула - и ее руки коснулась ласковая горячая ладонь.

- Я рад видеть вас живой и здоровой, — мягко проговорил Дункан. - Не пугайтесь, вы не потеряли магию.

Айлин едва не задохнулась, такое немыслимое безбрежное облегчение затопило ее всю. Глаза открылись сами собой. Она увидела магистра, сидящего рядом и склонившегося к ней. Черные глаза блестели участием и нежностью, и Айлин показалось, что прежний облик Роверстана, увиденный ею на холме, был сном, шуткой помутившегося сознания.

Вот ведь он, снова ухоженный и сияющий безупречной аккуратностью. Белоснежная мантия отглажена, борода и собранные в хвост волосы в полном порядке, и даже золотая серьга празднично поблескивает в солнечных лучах. Только под глазами все-таки залегли усталые тени, и у Айлин защемило сердце. Нет, это был не сон и не галлюцинация. Он был там! Он промчался через весь Дорвенант, чтобы спасти ее, и спас, каким-то образом вытащив из Запределья...

- Дункан, — шепнула она, успев подумать, что вот если бы кто-то услышал, что она зовет магистра просто по имени! Однако сейчас ей было совершенно все равно, только пусть он продолжает сидеть рядом и смотреть так ласково. И скажет еще что-нибудь замечательное! Вот только... — Ноя ничего не чувствую!

- Тот второй ритуал исчерпал все ваши силы, — подсказал разумник. - Вы ведь это помните? Вы

надорвались, пройдя через столько ритуалов за очень короткий срок, и сейчас ваши магические каналы повреждены, поэтому до их восстановления вам придется носить артефакторные браслеты.

Он ласково провел кончиками пальцев по ее руке от локтя вниз и коснулся запястья с цепочкой.

- Артефакторные браслеты? - беспомощно повторила Айлин. - Те, что отрезают от внешних источников и запирают искру? Это... неужели это обязательно?!

- К сожалению, да, — вздохнул Роверстан. - В противном случае вы рискуете перегореть на самом простом аркане. Как только магистр Бреннан заключит, что ваши каналы восстановились, браслеты снимут. Вас утешит, если я скажу, что носить их вам придется не слишком долго?

- О да, Дункан, — горячо заверила Айлин. Недолго - это сущие пустяки! И вообще, надо же быть такой глупой! Она готовилась умереть, а теперь страдает только из-за того, что ей придется жить без магии, к тому же совсем немного! —А... сколько?

- Год-полтора, вряд ли больше, — откликнулся разумник, и у Айлин упало сердце.

Год?! Целый год?! И это недолго?! Да ведь с двенадцати лет она не жила без магии и дня! И что же ей теперь делать, если она не сможет ни колдовать, ни учиться?!

- И я хотел бы предложить вам заняться в это время предметами, которыми вы прежде несколько пренебрегали, — закончил Дункан мягко. - Теоретическими предметами. Что же касается практики, то магистр Эддерли вчера сказал, что за один только ритуал с Разломом готов подписать вам диплом.

Айлин невольно потупилась. Если бы магистр Эддерли знал еще и остальное... Когда она бросала в лицо кадавру, что сдаст выпускные экзамены его упокоением, ею двигали злость и отчаяние. Она вообще не рассчитывала дожить до момента, когда за все, сделанное в этом походе, придется ответить. И... далеко не каждый ее поступок заслуживает награды. Ой-ой-ой...

- Простите, Дункан... — сказала она еле слышно, боясь поднять на него взгляд. - Я очень виновата перед вами. И перед магистром Эддерли, и... Я не могла поступить иначе, но я понимаю, что очень, очень виновата!

- Вам действительно не следовало решать все это самой, моя милая девочка, — услышала она ответ, которого ждала почти с ужасом. - Хотя бы как ваш нареченный жених я имею право принимать участие в вашей жизни. И в ваших решениях - тоже. Вы это понимаете?

Айлин молча кивнула, чувствуя, что в горле стоит ком. Почему он не упрекает ее? Не злится, не ругает... От этого спокойствия еще сложнее принять такое великодушие. И... он сказал «жених»? Значит... он не собирается расторгнуть помолвку?! После всего, что она натворила! Бросила его, уехала с чужими мужчинами, погубив свою репутацию... Он мог решить, что она не доверяет ему! Больше того, он обязан был решить именно так! И как теперь объяснить, что тогда она не доверяла никому, испугавшись за Аластора и полностью отчаявшись?

- Мне... очень жаль... — выдавила она, изнывая от стыда и заливаясь краской. - Я доставила вам столько неприятностей...

- Ради Странника! - Дункан немного повысил голос, и Айлин сжалась в комок, но все-таки не забрала у него руку. - Я чуть с ума не сошел от страха за вас! Глупая вы девочка! Неприятностей? А если бы вы погибли?! Вы хоть понимаете, что мои неприятности даже близко не могут сравниться с этим?! Ну почему вы просто не пришли ко мне за помощью? Или хотя бы к магистру Эддерли, если уж мне не доверяете?

- Доверяю! - вскрикнула Айлин, испугавшись, что ее предположение все-таки сбывается. - Я доверяю вам, клянусь! Просто... так получилось. Нужно было все решать очень быстро, и я... Я испугалась, вы правы. Не за себя, конечно. За Аластора... Только не подумайте ничего такого! - торопливо добавила она, сообразив, как это можно расценить, и вскинув на магистра умоляющий взгляд. - Мы просто друзья! Давно, с самого детства... Он мне как брат... И даже ближе родного брата, понимаете? Как Саймон и Дарра... Ох, я понимаю, что говорю глупости, но...

Дункан все-таки выпустил ее руку, и Айлин прижала ладони к пылающим щекам. Неужели он ей не поверит? Неужели решит, что она... Все то, что в таких случаях говорила леди Гвенивер, непрошено всплыло в памяти. Девушка обязана не просто блюсти свою репутацию, у ее избранника не должно быть даже мысли, что она способна на неверность! А Дункан знает о ней такое... такое... Как ему теперь поверить в ее чистоту?!

- Айлин... — Магистр Дункан смотрел на нее с таким странным выражением лица, что теперь ей

стало по-настоящему страшно. Сейчас он скажет... — Я очень надеюсь, что в следующий раз, когда у вас что-то случится, вы признаете за мной право помогать вам. И вашей семье, и вашим друзьям, кто бы они ни были. Если они часть вашей жизни, то и моей, следовательно, тоже. И я предпочел бы узнавать о проблемах, когда они еще... не приняли такого размера. Вы отважная девочка... Очень отважная и очень верная. Но прояви вы немного больше рассудительности... Ох, проклятье, да не смотрите вы так! - снова повысил он голос, но теперь Айлин совершенно перестала бояться, только глаза почему-то наполнились слезами. - На ваше счастье, телесные наказания адептов запрещены. Иначе я бы не удержался от соблазна и выпорол вас. Розгами! Верите, всю дорогу от столицы до Разлома мечтал об этом!

- Верю... — всхлипнула Айлин и моргнула, хотя губы сами собой тянулись в счастливой улыбке. - Но вы же не собираетесь... ну...

- Не собираюсь, — вздохнул Дункан и посмотрел на нее мягче. - Поверьте, когда я делал вам предложение, то в полной мере понимал, кому именно его делаю. Во всяком случае, мне так казалось. - Он улыбнулся уголками губ, но Айлин все равно заметила и мгновенно воспрянула духом. - Вы продолжаете удивлять меня каждый день... Но хватит об этом. Вам еще предстоит не одна беседа о ваших действиях и их последствиях, но не сейчас, а когда вы хоть немного окрепнете. Кстати, вот.

Он взял со столика и протянул Айлин белую фарфоровую чашку, над которой поднимался парок. По комнате разнесся запах, напоминающий шамьет, но при этом все-таки иной и очень знакомый. Шоколад? Но почему напиток?!

- Это жидкий шоколад, — пояснил Дункан, видя ее недоумение. - В Дорвенанте его не готовят, разве что в нескольких домах. Надеюсь, он вскоре войдет в общее употребление, но пока что его хорошо варят только в Арлезе. И еще кое-что...

Айлин, как замороженная, взяла приятно горячую чашку - артефактная, конечно, раз сохранила тепло, откуда бы магистр ее ни принес. Вдохнула упоительный запах... А магистр провел рукой над пустым вроде бы столом, и на нем проявилась вазочка высотой с ее ладонь, в которой стояла единственная изящная веточка с глянцево-зелеными листьями. Ее густо осыпали белоснежные цветы с простым венчиком, но очаровательной пушистой сердцевинкой. Цветы тоже источали запах, нежный, сладкий, очень тонкий.

- Какая прелесть... — выдохнула Айлин. - Это мне? Благодарю, милорд!

Отпускать чашку не хотелось, поэтому она перехватила ее одной рукой, а второй потянулась к столику. Дункан с улыбкой подал ей веточку. Айлин немедленно сунула в нее нос и прищурилась от удовольствия.

- Что это за цветы? Никогда не видела таких!

Она вдруг смутилась, что ведет себя так по-детски и, напоследок полной грудью вдохнув запах, вернула магистру веточку, которую он снова поставил в воду.

- Это кофе, моя дорогая. - В уголках его губ снова появилась улыбка, на этот раз уже не скрытая раздражением. - Очень близкий родственник шамьета, который вы так любите. Собственно говоря, шамьет - это потомок некоторых сортов кофе, но облагороженных и улучшенных. Немного меньше горечи, мягче и дольше воздействие, нет некоторых вредных веществ в составе. Но кофе тоже можно пить, если правильно приготовить! В Арлезе он растет диким, как здесь... боярышник, например. И считается напитком бедняков, которые не могут позволить себе шамьет. Но в садах его иногда выращивают ради цветов. Их запах считается полезным - и вполне заслуженно. Я подумал, что вам может быть приятно узнать, чем сейчас пахнут сады Арлезы.

- Кофе... — повторила Айлин. - Это прекрасно! Благодарю вас! И так сочетается с шоколадом!

Запах действительно смешивался очень приятно. Айлин сделала глоток густого напитка, горячего как раз в меру, приятно пряного и тоже в меру сладкого. Изумительного! Пожалуй, не хуже шамьета, который варил Лучано! Отпила еще немного и смущенно улыбнулась Дункану, который с улыбкой за ней наблюдал.

- Очень вкусно!

- А еще хорошо восстанавливает силы. - Магистр лукаво блеснул глазами. - Поэтому никто не удивится, что я приношу его своей... пациентке. - Его мягкий голос будто погладил Айлин, и по ее спине пробежали приятные мурашки.

Действительно, пока что им никак не следует раскрывать своих отношений! Хотя бы пока она лежит в лазарете. А вакации еще так нескоро! Никогда в жизни она не ждала их с таким нетерпением! Но ничего, даже эти невыносимо долгие недели когда-нибудь закончатся. Дункан будет ее навещать...

А она расскажет ему все-все! Ну почти все. Наверное, самое страшное и противное лучше не рассказывать, он и так о ней беспокоился.

Она пила шоколад, который оказался даже вкуснее своего твердого собрата, смущенно и благодарно улыбалась и думала, что теперь все будет хорошо. Без магии, конечно, ужасно скучно, но... это не такая уж высокая цена за то, что ей удалось сделать. Какое счастье, что Дункан их так вовремя нашел! Кстати...

- А как вы нас отыскиали? - выпалила Айлин, наконец-то спохватившись.

Ничего не скажешь, вовремя! С другой стороны, подумать об этом раньше было совершенно некогда.

По лицу Роверстана скользнула тень. Он помолчал, потом, вздохнув, расстегнул ворот камзола и вытянул что-то... что-то блестящее. Медальон?

Помедлив еще немного, разумник снял его и, взяв Айлин за руку, вложил украшение ей в ладонь.

- Взгляните сами, моя девочка, — сказал он так мягко и ласково, что Айлин на миг устыдилась.

«Но ведь он разрешил посмотреть, — тут же возразила она самой себе. - Значит, это не будет невежливо!»

Овальный золотой медальон был небольшим, всего в две фаланги пальца, его верхнюю крышку покрывала вязь древних рун. Прищурившись, Айлин разобрала «Поиск» и «Путь». Провела по крышке ладонью и досадливо прикусила губу: медальон наверняка был амулетом! Раньше она точно почувствовала бы, зачарован он или нет, а сейчас... Ох, как сложно остаться без магии! Все равно, что ослепнуть или оглохнуть!

Она снова погладила крышечку и поддела ее край ногтем. Неуверенно взглянула на Дункана, и тот кивнул, глядя на нее со странным беспокойством.

Медальон, тихо щелкнув, открылся, и Айлин замерла - внутри медно блеснула аккуратно уложенная прядь волос.

- Когда я узнал, что вы покинули Дорвенну в сопровождении юного лорда Вальдерона,

- тихо сказал Дункан, - я попросил мэтра Гельсингфорца изготовить поисковый амулет, настроенный на вас, и выехал из Дорвенны, как только он был готов. Я мог только надеяться, что не опоздаю, но...

Он болезненно поморщился, и Айлин растерянно потрогала пальцем туго заплетенную прядку. Подумать только, если бы она не подарила магистру локон, он так и не узнал бы, где их искать, не вытащил ее из Запределья, и Ал с Лу наверняка погибли бы! Во всяком случае, Ал - точно!

Она невольно вспомнила сон-предупреждение, явившийся ей в доме мастера Витольса. Как же она тогда рассердилась на Дарру! А вот сейчас ее переполняло радостное смущение и горячая благодарность, и не только за спасение, но и за то, что Дункан сразу все рассказал! Наверняка ведь мог бы отшутиться, перевести разговор или даже сказать про чары поиска, но не показывать медальон. Правда, он обещал никогда не лгать, но ведь все это не было бы ложью!

Она осторожно закрыла медальон, снова погладила узорчатую крышку и протянула его разумнику.

- Возьмите, — шепнула она. - Это же был подарок! И... спасибо, Дункан. За все!

Тонкое покрывало, которым она все это время была укутана, сползло с плеча, и Айлин его торопливо поправила. Магистр, конечно, ее жених, но показаться перед ним в одной тонкой рубашке? Это уж слишком! Но Дункан и сам старательно отвел глаза, хотя губы, снова дрогнувшие в улыбке, она все-таки заметила. Непослушное одеяло продолжало соскальзывать, и Айлин, сражаясь с ним, поставила пустую чашку на край стола.

- Знаете, — сказала она тихо, — когда я думала, что умру... Я вспоминала вас! И даже попросила своего спутника передать вам мои записи и кое-что на память. Браслет-накопитель, например... Правда, ваш нож я обещала ему. Вы ведь не обидитесь? Но теперь ни за что не отдам. Он спас мне жизнь...

- Нож или ваш спутник? - слегка изогнув бровь, поинтересовался магистр, и сердце Айлин сладко замерло.

Как же ей нравилась эта чуть уловимая тень насмешки в его голосе! Совсем не обидная, напротив!

- Оба, — призналась она, доверчиво улыбнувшись в ответ. - Вашим ножом я упокоила... одну тварь,

— спохватилась она в последний момент, что решила не рассказывать о самом страшном. - А синьор Фарелли не раз спасал нас с Аластором. Правда, мы его - тоже. Как и Аластор нас.

- Полагаю, это путешествие должно было связать вас не меньше, чем проведенный ритуал, — задумчиво отозвался Дункан, вглядываясь в ее лицо. - Я очень рад, что мой подарок вам помог. Между прочим, о ритуале. Я имею в виду второй. Можно узнать, где вы его взяли?

- У вашего друга, — удивленно посмотрела на него Айлин. - Я надеюсь... поняла его правильно, когда он сказал, что ваш друг. Дон Раэн, арлезиец!

- Раэн?

В голосе Дункана послышалось такое изумление, что Айлин на миг даже испугалась - вдруг она была обманута, и их случайный гость совсем не добрый знакомый магистра.

- Дон Раэн, да, — повторила она. - Он говорил, что едет к вам в гости. И что вы давно знаете друг друга...

- Весьма давно... — согласился магистр. - Я просто не предполагал, что... Впрочем, неважно. Это действительно человек, достойный доверия. Говорите, он ехал ко мне? Жаль, что мы разминулись. Меня ведь не было в столице.

- Очень жаль, — виновато подтвердила Айлин. - Мы случайно встретили его по дороге к Разлому. Он провел с нами вечер и был очень любезен. Подарил синьору Фарелли лютню, а мне показал этот аркан. Такой странный! Аркан, а не дон Раэн.

- Мой дорогой друг дон Раэн тоже отличается некоторыми странностями, — не согласился с ней Дункан. - Но я уверен, им двигали лучшие намерения. Непонятно только, что теперь делать с последствиями его намерений и ваших действий. Вы знаете, что использованный вами аркан связал вас и ваших спутников? Не исключено, что очень надолго. А возможно, что и навсегда.

- Я тогда не думала об этом, — призналась Айлин. - Вы же сами видели...

- Видел, — подтвердил Дункан. - И готов поклясться хоть Благими, хоть Странником, что ваше решение спасло жизнь юному... лорду Вальдерону.

Айлин прекрасно поняла заминку, когда он назвал Аластора по титулу, но прикусила язычок. Она и так очень много болтает! Наверняка Дункан знает, кто такой Ал, но если не зовет его принцем, значит, и ей тоже не стоит. А Дункан взял ее правую руку и мягко, но решительно освободил от одеяла.

- Поднимите рукав, — попросил он. - Повыше локтя. Или спустите рубашку с плеча...

Его голос снова скользнул по Айлин вкрадчивой мурлыкающей лаской, но она, не поддаваясь, закатала рукав тонкой полотняной сорочки. Спустить?! Ну уж нет! Конечно, бальные наряды открывают тело даже сильнее, но то бальные!

Широкий рукав поддался легко, и Айлин замерла, у нее даже дыхание прервалось на пару мгновений.

- Что это? - выдохнула она, вглядываясь в черную ажурную вязь, лентой обхватившую ее руку выше локтя, но ниже плеча.

Словно рисунок, но странный, глубоко окрасивший кожу и едва заметно выступающий над ней. Черная лоза с крошечными листьями и всего несколькими бутонами, зато усеянная длинными острыми шипами. Не роза, не терновник... Что-то совершенно незнакомое!

- Что это? - повторила она дрогнувшим голосом.

- След вашего аркана, — совершенно спокойно отозвался магистр. - Его физическое проявление. Точно такой же имеется на руке у вашего итлийского спутника, только на левой. А у лорда Вальдерона отмечены обе руки. Полагаю, это связано со структурой аркана.

- Д-да... — подтвердила Айлин, не сводя взгляда с жуткого и в то же время завораживающе красивого рисунка. - Аркан... он не совсем подходил, и я его изменила. Вместо связи хозяина и фамильяра построила треугольник с Аластором на вершине. Ну и еще кое-что поменяла.

- Поменяли, — тем же странным спокойным голосом повторил за ней Дункан. - В древнем аркане, созданном... очень давно созданном. Мой добрый друг дон Раэн - великий специалист подрывностям и... неожиданностям. Очень надеюсь, что смогу должным образом поблагодарить его при встрече...

- Ия тоже, — пискнула Айлин. - Я очень хотела бы увидеть его и поблагодарить. Если бы Аластор погиб... А это теперь так и останется?!

- Понятия не имею, — вздохнул магистр, а потом, продолжая держать Айлин за запястье, второй рукой провел по рисунку кончиками пальцев, повторяя изгиб черной лозы.

Медленно, очень медленно... Айлин судорожно вздохнула, едва не рванувшись, но в то же мгновение изнутри ее окатила жаркая сладкая волна. Приятно напрягся низ живота, а дыхание стало прерывистым, и ей показалось, что она взлетает на огромных качелях, а потом падает на них же - страшно и восхитительно разом.

- Вам не стоит беспокоиться об этом, дорогая моя. - Голос Дункана словно наполнил все ее тело, пока пальцы следовали прихотливым чернильным виткам. - Даже если рисунок останется навсегда. Он прекрасен. И делает вас еще более особенной...

«Он делает меня сумасшедшей, — подумала Айлин, замерев от нахлынувших чувств и ощущений. - Или не он, а этот голос. Прикосновения. Слова и то, что они означают Помоги мне Всеблагая, если этот мужчина творит со мной такое одним только голосом и кончиками пальцев, то... Разве так бывает?! Может, и эти проклятые итлийские романы все-таки не всегда врут?!»

Она вспомнила, как подобие этого томного сладкого чувства испытала в палатке, когда Лучано провел пальцами по ее щеке. Да что они знают за секрет, эти мужчины?! Не все, конечно, а некоторые. Как им удается заставить ее тело отзываться, словно музыкальный инструмент, и молить о большем, словно она умирает от жажды?

Но дыхание и самого Дункана стало быстрее, а черные глаза блеснули особенно ярко. Айлин вспомнила Вишневую ночь, и взгляд магистра, когда он склонился к ней для поцелуя. Если в этом и была особая магия, то действовала она на обоих. Лицо Дункана было совсем близко...

Но когда Айлин уже приоткрыла губы, в коридоре послышался звук шагов, и она испуганно отпрянула, упав на подушку, а Дункан неувловимо быстро поменял позу.

Миг - и вошедший в палату молодой целитель в зеленой мантии и со стаканом в руках не увидел ничего неподобающего. Айлин только надеялась, что ему не придет в голову проверить ее пульс - сердце колотилось, как бешеное. И щеки пылают! Интересно, можно это списать на действие горячего шоколада?!

- Магистр Бреннан прислал вам лекарство и велел выпить немедленно, — сказал целитель совершенно обычным тоном. - И просил вас, милорд, зайти, как только освободитесь.

Дункан кивнул и встал. Айлин показалось, что он тоже с трудом надел маску обычной невозмутимости. Ее рука, снова спрятанная под одеяло, все еще чувствовала прикосновения, словно они продолжались...

- Я зайду еще, как только смогу, — сказал разумник ровным голосом. - Отдыхайте и ни о чем не беспокойтесь. Кстати, ваших родных известили о случившемся, но молодой лорд Ревенгар служит в гвардии, и его полк находится далеко от столицы. А леди Гвенивер гостит у одной из сестер и письмо магистра Эддерли пока не получила. Думаю, она навестит вас в ближайшем времени, но пока что мы с магистром Бреннаном против любых посещений. Вам нужен покой.

- Очень нужен! — подтвердила Айлин, сообразив, что запрет на посещения — это отличная причина отложить визит Артура и леди Ревенгар. И тут же попросила: - А можно мне увидеть тетушку Элоизу? То есть госпожу Арментрот! - добавила она для целителя, так и ожидающего с лекарством.

Лицо Дункана почему-то дрогнуло, словно он хотел что-то сказать, но сдержался. И все-таки через пару мгновений магистр отозвался:

- Разумеется. Она скоро вас навестит.

И, поклонившись, он вышел. Айлин послушно выпила кисловатое снадобье и снова легла на подушки, прикрыв глаза. Запах кофе и шоколада так и стоял в палате, а еще, если прислушаться, неувловимо пахло самим Дунканом. Тот самый аромат, что она когда-то почувствовала во время урока фехтования пять лет назад. Какой маленькой она была! Хвоя, душистый табак, ладан и сандал... Никто из ее знакомых больше не использовал такие мужские духи, сложные, но восхитительные. Кажется, она очень развратная особа, но... скорее бы прошли эти недели до свадьбы!

***

Солнечный луч погладил Грегора по лицу, и он нехотя открыл глаза, прощаясь с прекрасным, хотя и не задержавшимся в памяти ни одной яркой деталью сном. Только чудилось что-то теплое,

мягкое, золотисто-рыжее, будто пропитанное этим самым весенним солнцем. Укоризненный взгляд ярко-зеленых глаз, россыпь веснушек на сливочно-белой коже и покой. Нежное тихое спокойствие, взявшее его в плен, которому Грегор даже не думал сопротивляться.

«Пожалуй, сон был даже слишком прекрасным!» — признал Грегор, бросив единственный взгляд в окно и прислушавшись: солнце стояло высоко в небе, а с тренировочной площадки, на которую выходило окно комнаты, доносились азартные выкрики адептов. Сколько же он проспал? Занятия, выходит, уже вовсю идут!

Словно отвечая его растерянному изумлению, слабо засветился зеленый луч Звезды Архимага, которую он вчера оставил на прикроватном столике, и усталый голос Бреннана - он что, вообще не ложился?! - виновато окликнул:

- Милорд Архимаг? Вы уже проснулись?

- Да, магистр! — уверил его Грегор и тут же ужаснулся: что должно было произойти, чтобы его потревожил целитель?! - Что-то случилось? С кем из пациентов?!

- С ними все в порядке, — заверил Бреннан. - Дело в другом. Лорд-канцлер Аранвен счел нужным навестить Академию и просил вас, если вы уже проснулись, отправиться с ним во дворец. Он ожидает во дворе.

- Благодарю. Передайте, что я спущусь через несколько минут, — выдавил Грегор, чувствуя, как хорошее настроение, вызванное приятным сном, испарилось так быстро, словно испугалось самого имени Аранвена.

Прямо сегодня, уже через четверть часа, придется объясняться с канцлером, а Грегор по-прежнему не представляет, что ему сказать.

И какого драного Барготова демона Ангус вообще делает в Академии?! То есть понятно, что он наверняка приехал узнать о здоровье бастарда, но зачем же лично?

Ладно, не стоит тянуть, эта встреча точно не станет приятнее от длительного ожидания!

Грегор нашел взглядом свою одежду и поморщился. Да, прислуга Академии тщательно вычистила камзол и сапоги, но вчерашнюю рубашку определенно нельзя было считать свежей. Какое тонкое напоминание, что все имеет свою цену, даже если речь идет о такой мелочи, как сон прямо в Академии, а жертвовать приходится всего лишь свежестью сорочки!

Ангус встретил Грегора возле своего экипажа, белоснежной кареты с серебряным лебедем и вензелем Аранвенов на дверце. Слегка поклонился и непринужденно, словно они встретились на каком-нибудь приеме, предложил:

- Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию, милорд Архимаг? Нас ждет малый Совет во дворце, но прежде я хотел бы поговорить с вами наедине. Разумеется, после совета вас доставят обратно в Академию или куда угодно по вашему выбору.

- Буду чрезвычайно благодарен, — выдавил Грегор.

Он терпеть не мог экипажи, но нога, вроде бы притихшая к утру, мстительно очнулась, как только он дошел до крыла целителей, и явно намекала, что сесть в седло нерадивый хозяин сможет еще очень и очень нескоро.

Да и Совет этот... Впрочем, спасибо Аранвену хотя бы за такую возможность поговорить наедине. Если удастся убедить канцлера, что Грегор вовсе не собирался погубить принца крови...

«Не удастся, — подумал он, устраиваясь на неожиданно широком и странно мягком сиденье напротив Ангуса. - Мы оба знаем, что именно это я и намеревался сделать - и не моя заслуга в том, что мальчишка жив. Тогда о чем пойдет разговор?!»

- Могу ли я узнать, что привело вас в Академию? - спросил он негромко, не в силах изводиться ожиданием.

Любимый метод Аранвенов! В умении перемолчать любого собеседника им нет равных. Вот и Дарра такой же!

- Разумеется, — вежливо склонил голову канцлер. - Я счел необходимым посетить свидетеля. Единственного, пребывающего в здравом уме и ясном сознании свидетеля того, что случилось в Озерном Крае. Я должен был понять, что там произошло, прежде чем выносить это событие на обсуждение Совета.

- Роверстан! - с тихой злобой выдохнул Грегор. «Не трогать до завтра!» В самом деле, «завтра» уже

наступило, и никто не решился бы отказать канцлеру в посещении. Что ж, если кто и смог заставить эту разумническую гадюку говорить, так это и в самом деле Аранвен. Пожалуй, Грегор дорого бы дал, чтобы понаблюдать за этой... грызней двух змей! - И как? Поняли?

- Боюсь, наоборот, — вздохнул Аранвен, откидываясь на сиденье напротив Грегора. - О, магистр Роверстан вполне подробно ответил на все мои вопросы. Если бы это добавило хоть какой-то ясности! Если я правильно помню ваши объяснения, Разлом должен был закрыться кровавым ключом, и моя дорогая Немайн полностью подтвердила это...

«Немайн Аранвен?! И в самом деле, она ведь некромантка, и пять лет назад Ангус советовался с ней по вопросу порталов, он сам это сказал... и теперь - снова?! Он так доверяет знаниям собственной жены или не доверяет мне? Ну, так спросил бы Эддерли или Райнгартена! Да кого угодно!»

- ...Но юная леди Ревенгар, по-видимому, использовала принципиально иной способ. По словам Дункана, она шагнула в Разлом сама... Прошу вас учесть, милорд, — голос Ангуса вдруг опасно зазвенел, как будто треснул огромный хрустальный сосуд, - что сейчас я нарушаю данное мной обещание молчать о том, что рассказал мне магистр Роверстан. Надеюсь, вы не заставите меня об этом пожалеть! Так вот, по его словам, леди Ревенгар использовала кровь юного лорда в качестве ключа и сама шагнула в Разлом, а затем каким-то образом вернулась оттуда живой и невредимой. Магистр Роверстан категорически против обнародования этих... деликатных подробностей. Магистр Бреннан, с которым я поговорил позже, утверждает, что нет никаких оснований полагать, будто юного лорда Аластора пытались принести в жертву. Среди множества рваных ран на его теле присутствует лишь одна резаная - на руке. Притом не слишком глубокая. Колотых нет ни одной. Все это подтверждает, что леди Ревенгар действительно использовала иной способ закрытия Разлома.

- Так и есть, — бесцветно подтвердил Грегор, когда молчание в экипаже, мягко тронувшемся с места, стало совершенно невыносимым. - Она... разделила роли. Использовала кровь бастарда как... опознавательный знак и ключ, но роль жертвы взяла на себя.

Говорить это было невыносимо трудно и мерзко. И еще хуже оттого, что Аранвен молча посмотрел на Грегора, наверняка мгновенно уловив все, о чем Грегор промолчал. Айлин Ревенгар попросту пожертвовала собой, а не бастардом. Сделала то, что должен был сделать он, опытный сильный некромант. Лорд, присягавший королю, пусть и ныне мертвому. Единственный друг Малкольма, приговоривший к смерти его последнего сына.

Грегор выдержал спокойный холодный взгляд темно-серых глаз канцлера с внутренним содроганием, ожидая слов Аранвена, как приговора.

- Вот как? - уронил лорд-канцлер. - Весьма самоотверженно со стороны столь юной девицы. Полагаю, ее покойный отец гордился бы дочерью. Нам непременно следует отметить заслуги леди Ревенгар должным образом. Очень достойное поведение.

Он замолчал, сомкнув узкие бледные губы, и Грегор смог выдохнуть, хотя в глазах все равно темнело от злости и стыда на самого себя. Аранвен говорил только об Айлин! Ни слова о самом Грегоре! Но они ведь оба понимают, что обвинения неминуемо прозвучат, если только...

- Я правильно понимаю, что юная леди воспользовалась методом, который разработали именно вы? И что никто другой о нем больше не знает?

Грегор молча склонил голову.

- То есть о вашем решении воспользоваться кровью Аластора Вальдерона... иным способом, знаем только мы с вами? - уточнил Аранвен.

Грегор снова кивнул, промолчав, что Айлин тоже, разумеется, это поняла. Ангус - профан, он может и не сообразить... Впрочем, глупо на это надеяться. Ясно, что девчонка именно потому бросилась спасать бастарда, что все поняла. Пять лет! Ей было всего двенадцать, как она могла вообще помнить это случайное знакомство?! Как решилась отдать собственную жизнь за... этого?!

- Что ж, всего трое — это почти надежно... — безжалостно уронил Аранвен, как всегда прочитав мысли собеседника. - То есть, разумеется, даже двое. Не так ли, милорд Архимаг? Ведь юная леди все еще адептка, не получившая перстень, и могла что-то перепутать. Понять неправильно. Поддаться чувствам. Самым благородным, разумеется. Любви и верности королевскому роду, желанию спасти Дорвенант. Ничего недостойного.

- Разумеется, — выдавил Грегор, ненавидя Ангуса и весь мир в этот момент, но больше всего - себя.

- Тогда, полагаю, нет никакой необходимости вообще привлекать внимание Совета к этой... детали. Очень жаль, что ваша неосторожность позволила адептке ознакомиться с описанием ритуала. Вашего личного ритуала, призванного закрыть Разлом безопасно для последнего наследника крови Дорвеннов.

- Хватит, Ангус! - не выдержал Грегор. - Я не отказываюсь ответить за то, что собирался сделать!

- В самом деле? - Светлые брови Аранвена едва заметно изогнулись. - Что ж, тогда будьте любезны придерживаться именно этой версии. Ответственность не всегда означает готовность героически взойти на плаху. Сейчас вы нужны Дорвенанту ничуть не меньше, чем ранее. Кстати, прекрасная сегодня погода, не так ли? словно сама природа ликует вместе с нами.

Он отвернулся и старательно всмотрелся в окно, разглядывая улицу с редкими прохожими. Грегор стиснул зубы, изнывая от бешенства и стыда, терпя их, как приступ отката. Проклятье, его выпороли, как провинившегося мальчишку! И неважно, что словами, а не розгами, так еще мучительнее!

В полном молчании они подъехали ко дворцу. Канцлер первым покинул карету, за ним лакей придержал дверцу экипажа для Грегора.

- Я собрал Малый совет в том же составе, — уронил Аранвен, когда они шли дворцовым коридором к кабинету лорда-канцлера. - Отсутствует только командор Райнгартен, но его кузен будет говорить за обоих.

- А что с Эженом? - рассеянно удивился Грегор. - Пропустить такое? На него это не похоже.

- Его присутствие срочно потребовалось в провинции. - Канцлер поморщился, и в его голосе зазвучала досада: — Полковник Райнгартен, помните? Тот, что взял под командование егерский полк.

- Разумеется, помню. Он вызвал дядюшку на помощь?

- Нет, позволил себе в самый разгар действий против демонов погибнуть на дуэли. Вообразите только! Причем с одним из собственных офицеров.

- Что?! - искренне поразился Грегор. - Дуэли в военное время запрещены! И... как же субординация? У кого хватило наглости обнажить рапиру против собственного командира? Да еще фактически во время войны!

- Грегор, это же егерский полк! Неужели мне нужно напоминать вам, какого сорта люди там служат? Офицеры из дворян, разумеется, но все равно...

Грегор молча с ним согласился. Чтобы управиться со смертниками, выбравшими егерский полк вместо виселицы или каторги, нужно быть человеком особого склада. Такие и полковника, пожалуй, способны вызвать на дуэль. Особенно такого, как Райнгартен. Но все равно, что-то здесь нечисто. Хм, убийство, прикрытое дуэлью?

Лакей распахнул перед ними дверь кабинета, и Аранвен учтиво пропустил Грегора вперед как хозяина, а потом вошел следом. Грегор пересек едва заметную магическую преграду - чары от подслушивания - и поклонился собравшимся. Дождался, пока лорд-канцлер займет место во главе стола и только тогда сел в последнее свободное кресло. Эддерли, Кастельмаро, Этьен Райнгартен и теперь они двое - Малый Совет снова собрался, чтобы решить судьбу Дорвенанта.

- Благодарю, что откликнулись на мое приглашение, милорды, — произнес Ангус, складывая руки на столе перед собой и сплетая длинные бледные пальцы, унизанные перстнями. - То, что я скажу, возможно, кому-то из вас уже известно, однако не всем. - Он покосился в сторону Эдвина Кастельмаро, единственного, кто не имел никакого отношения к Академии, и лорд-боевик, привстав, поклонился. - Итак, слава Семи Благим, страна в безопасности от нашествия демонов. Первоначальный Разлом, ставший причиной стольких бед, был закрыт магическим ритуалом с использованием крови Дорвеннов. Да-да, милорды, я счастлив сообщить вам, что нашелся живой представитель этого священного для нас рода.

Он обвел всех взглядом, к счастью, не задержавшись на Грегоре, так что последние слова прозвучали данью учтивости, а не злой издевкой. Впрочем, когда имеешь дело с Аранвеном, различить эти два понятия иногда невозможно.

- Мне не слишком приятно об этом говорить, — ровно продолжил Ангус, — однако его величество Малкольм, да примет Претемная его душу милостиво, до вступления в брак имел связь с одной из дворцовых фрейлин. Девица понесла, и, чтобы избежать понятных претензий невесты, ее выдали замуж. Я лично занимался устройством этого брака и могу заверить, что бастард его покойного величества попал в исключительно достойную семью.

- Прекрасная Джанет... — пробормотал Эддерли. - Но постойте, получается, что юноша - ровесник его высочества Криспина?

- Именно так, — склонил голову Аранвен. - Разница в несколько месяцев. Разумеется, в пользу бастарда. Фактически, именно он старший сын покойного короля. Внебрачный, но от девицы дворянского происхождения, ни капли неблагородной крови. Его величество все эти годы следил за судьбой своего отпрыска, но не поддерживал никаких отношений ни с ним, ни с его матерью - это было условием, которое поставила ее величество Беатрис. Юноша вырос, не зная о своем происхождении, считая себя сыном и наследником лорда Себастьяна Вапдерона. Ваши родственники, милорд Райнгартен, если не ошибаюсь? И вашего кузена?

- Именно так, милорд Аранвен, — подтвердил Этьен, и его глаза блеснули маслено, как у кота, заполучившего полный доступ в кладовую. - Волей Всеблагот Матери я женат на девице из этой достойнейшей семьи, а мой кузен - на ее сестре. Конечно, мы ничего не знали! Но тем больше причин гордиться подобным родством...

«Родством с кем? - про себя устало съязвил Грегор. - С мальчишкой-бастардом? С его матерью, всех заслуг которой - раздвинутые перед королем ноги? Или с его приемным отцом, прикрывшим этот позор своим именем? Вот уж много чести для лорда из Трех Дюжин породниться с таким семейством. Хотя, конечно, иметь шурином последнего из Дорвеннов - этот шанс Райнгартены ни за что не упустят. Надо же, как удачно для них все сложилось. И в корыстолюбии не обвинить - в самом деле ничего не знали, женившись на обычных дворяночках, - и к трону они теперь подошлись почти наравне с Аранвенами».

- Лорд Вальдерон... — пробормотал Эддерли. - Мы были друг другу представлены на свадьбе нашего дорогого Этьена. Он весьма похож внешне на его величество Малкольма. Ангус, не подумайте, что я... Но вы уверены в подлинности происхождения этого юноши?

Аранвен молча открыл шкатулку черного дерева, стоящую на столе, и вытащил небольшой листок пергамента, исписанный и заверенный несколькими оттисками печатей. Положил его на стол перед собой и пояснил:

- Это заключение королевской геральдической коллегии. Когда юного лорда доставили в лазарет Академии, мне передали образец его крови, которую незамедлительно проверили на родовом камне крови Дорвеннов.

«Дарра! - вспомнил Грегор. - Так вот почему он был без перчаток! Что может быть проще, чем мазнуть чистой белой тканью по раненому бастарду, взяв образец? А уж перчатки у любого из Аранвенов не просто чистейшие - эталон безупречности. Вот почему он так спешил к отцу... Нес ему материал для анализа!»

К собственному удивлению Грегор понял, что даже не злится на такое недоверие. Да, конечно, Дарра Аранвен - один из его, Грегора, личных учеников. Но Аранвен — всегда Аранвен. Они не умеют быть верными никому кроме собственной семьи и государства. Мальчик вырос, и игра в Воронов Бастельеро перестала его развлекать. Ничего странного...

- Можете ознакомиться с заключением, милорды, — проговорил Аранвен, передавая пергамент сидящему слева от него Кастельмаро. - От себя добавлю, что лично присутствовал при этом анализе и должен заметить - я никогда, ни при одном подобном ритуале не видел такой четкой яркой вспышки. Маги геральдической коллегии кланутся, что на их памяти подобное тоже редкость. Исключительно сильная кровь! Очень близкая к исходному образцу! Но если кто-то усомнится и в их заключении, и в моих словах... — Он позволил себе усмешку, быстро скользнувшую по тонким губам. - Тогда ритуал можно повторить в любое время и при любых свидетелях, хоть при всем Большом Совете.

«Разве можно усомниться в словах самого лорда-канцлера? - желчно подумал Грегор. - Ни в коем случае! А что до этого он столько лет скрывал тайну дочерей Беатрис - ну так это для блага государства, конечно же! Как и тайну бастарда Малкольма... Один-один, как в игре. Какая же это мерзость - политика!»

- Впрочем, — закончил Аранвен с еще более безмятежным видом, — есть и другое свидетельство, едва ли не более достоверное в глазах людей. Кровь лорда Аластора смогла закрыть Разлом, открытый кровью его несчастного брата по отцу, бедного Кристиана. Не будь он Дорвенном, это было бы невозможно, как меня убедили сразу нескольких достойных доверия источников.

- Одну минутку, милорд канцлер, — встрепнулся вдруг Кастельмаро, сидевший до этого молча, с отрешенно-задумчивым видом. - Верно ли я понял ваши слова? Принц-бастард знал, что его кровь послужит ключом к Разлому?

- Никто не может утверждать это наверняка, — уронил Аранвен, взглянув на Кастельмаро с усталым неодобрением. - Кроме самого принца, который пока не пришел в себя. Но...

- Да прекратите вы, Аранвен! - неожиданно яростно выкрикнул Кастельмаро, вскакивая с места и опираясь ладонями о стол. - Не юлите хотя бы с нами, если уж сами решили, что можете нам

доверять! Зачем бы еще он поехал в Озерный край в сопровождении целого отряда, да еще прихватив с собой боевую магессу! То есть, некромантку... — на минуту смешался он и тут же спохватился: - Ту самую некромантку, которая провела обряд! Разумеется, он знал! — Его яростный взгляд остановился на Грегоре. - Принц собирался исполнить свой долг, а вы, милорд Бастельеро, послали меня, чтобы я остановил его, и не ваша заслуга, что мне это не удалось! Если бы я только знал то, что вы скрыли, видит Пресветлый - я счел бы за честь присоединиться к ним, а вместо этого лишил принца и его спутницу... лишил защиты дочь моего друга! Будьте вы прокляты, Бастельеро, вы хоть понимаете, что они могли просто не доехать до этого Барготом помеченного Разлома?!

- Сядьте, Эдвин! - не повышая голоса, попросил Аранвен. - И прошу вас быть осторожней в высказываниях. Склоки в Малом Совете - последнее, что нам нужно! Лорд Бастельеро просил вас вернуть юного лорда в столицу, намереваясь дать ему как можно более точные инструкции и наилучшее сопровождение.

- В таком случае, почему он не приказал мне просто передать эти инструкции и присоединиться к его отряду? - желчно поинтересовался Кастельмаро, став вдруг поразительно похожим на покойного Великого Магистра. - Не станете же вы утверждать, что лорд-протектор собирался бросить столицу и отправиться к Разлому лично?! Тогда он сделал бы это сразу, обошелся бы без моей помощи! Скажите, что я неправ, Бастельеро, — так тихо, словно потратил все силы на крик, потребовал он вдруг. - Скажите, что я болван. Что неверно понял ваш приказ. Что вы не хотели причинить зла сыну вашего друга. Скажите, что боялись за него, как я - за дочь своего. Скажите хоть что-нибудь, будьте вы прокляты! Я поверю вашему слову, подштанниками Пресветлого клянусь! Ну же!

Грегор промолчал, стиснув зубы.

- Молчите, — горько сказал боевик. - Что ж. Мне все ясно. И за это тоже... благодарю.

- Довольно! - В голосе канцлера хрустнул лед, и боевик мрачно умолк. - Эдвин, ваши слова опасно близки к оскорблению!

- И неосторожны, — укоризненно добавил Райнгартен. - Клянусь Всеблагот Матерью, я искренне надеюсь, что любимый брат моей дорогой Мэнди вскоре выздоровеет и примет свои новые... обязанности. Но все же юноша пока не пришел в себя, а это весьма тревожный признак, милорды. Если, вопреки нашим надеждам, юный принц не сможет взойти на трон...

- Тогда Совет коронует лорда Бастельеро, — тяжело уронил Ангус. - Трижды спасителя Дорвенанта. Не забывайте, что ритуал, закрывший Разлом, разработал именно он. И лично обучал адептку, которая сумела его провести. Поэтому Эдвин, еще раз прошу вас быть сдержаннее.

- Надеюсь, что королем станет лорд Вальдерон! — отчеканил Кастельмаро. - Которому я принесу присягу с радостью и гордостью.

- Мы все ему присягнем, — услышал Грегор собственный голос и поразился, как тускло он звучит. - И если законный король потребует отчета в любых моих действиях, не сомневайтесь, я этот отчет предоставлю.

- Полагаю, так и случится! - упрямо огрызнулся Кастельмаро и хотел еще что-то сказать, но его прервало единственное слово, тяжело упавшее из уст Аранвена:

- Хватит!

Под взглядом лорда-канцлера боевик фыркнул в усы, но все-таки уселся обратно в кресло, мрачно поглядывая на Грегора.

«Вот теперь я его потерял окончательно, — отстраненно подумал Грегор. - Не друга, конечно, но умного отважного подчиненного и верного соратника. Того, кому мог бы довериться, а вместо этого предпочел использовать как слепое орудие. Что ж, сам виноват. Уже в который раз...»

- Все, что было сделано лордом Бастельеро, имело целью спасение Дорвенанта, — тихо сказал Аранвен. - И привело именно к этому результату, прошу заметить. Так что не будем обсуждать то, что могло случиться, но, к счастью, не случилось. Принц жив, и можно надеяться, что могучее здоровье Дорвеннов проявит себя, позволив ему выздороветь в самом близком времени. Из этого и будем исходить. Таким образом, у нас есть прямой потомок Дорве, доказавший свою преданность стране самым героическим образом. Конечно, заслуги юной леди Ревенгар тоже следует учесть, но это предмет уже совсем другого разговора.

- Кстати, милорд канцлер! - подался вдруг вперед Эддерли. - И снова не поймите меня неправильно! Я прекрасно сознаю, насколько мужественным и необходимым был поступок лорда Аластора. Но как быть с тем, что в результате ритуала юноша оказался связан с леди Айлин? И, если не

ошибаюсь, не только с ней, но еще и со вторым своим спутником, который нам пока что неизвестен даже по имени. Магистр Ладецки, впрочем, утверждает, что это типичный наемник, вроде бы итлиец. Так вот, что мы будем делать с этим обстоятельством? Оно может оказаться очень важным!

- Связаны? - переспросил Кастельмаро.

- Именно, — кивнул Эддерли. - Насколько я понял, после ритуала по закрытию на наших спасителей нажились демоны, блуждавшие поблизости от Разлома. Юный принц был ранен тяжелее всех, и леди Ревенгар провела еще один ритуал. Как бы вам объяснить, Эдвин... Что-то вроде перекачки резерва, только с жизненной энергией. - Боевик понимающе кивнул, и пожилой некромант продолжил с жизнерадостностью, которой Грегор сейчас совершенно не разделял: — Но обстоятельства и уровень знаний адептки Ревенгар были таковы, что она... каким-то образом связала всех троих, включая себя, на уровне жизненной сути в единое целое. Не спрашивайте - как, мы сами пока не можем понять.

«Безумная девочка, - устало подумал Грегор, видя, как изумленно расширяются глаза Кастельмаро, с каким непроницаемым лицом сидит Райнгартен и как морщится Аранвен, который явно не собирался обсуждать это сейчас. - Связать себя и этого... Еще и наемник... Ну да, был там какой-то на холме... Что теперь со всем этим делать?! И ведь можно даже не сомневаться, Эддерли, старый плут, давным-давно вытянул из другого старого плута Бреннана все, что только можно. А я, Архимаг, знаю то, что мне решают сообщить!»

- Природа их связи действительно пока не ясна, — холодно сказал Аранвен. - Полагаю, с этим мы разберемся позже. Прямо сейчас нужно дожидаться выздоровления принца, сообщить ему все обстоятельства и готовиться к коронации. Впрочем, если вы, милорды, решительно против, у нас все еще остается в запасе кандидатура лорда Бастельеро.

- Милорд канцлер! - Кастельмаро даже привстал в кресле, возмущенно уставившись на Аранвена.

Райнгартен открыл рот и... закрыл. Ну, еще бы, этот, конечно, всемерно жаждет видеть на троне своего родственника, но и с Архимагом пока что портить отношения не станет. Грегору стало противно и от происходящего, и от себя самого. Хватит уже молчать!

- В данных обстоятельствах, милорд Аранвен, — бросил он в наступившую тишину, — моей кандидатуры у вас нет и быть не может. Если имеется прямой наследник по крови, способный принять корону и исполнять обязанности короля, нам всем следует присягнуть ему. С любыми связями и последствиями, как вы мудро заметили, разберемся потом.

- Лорд Бастельеро совершенно прав! - воспрянул Райнгартен, глядя на Грегора чуть ли не с умилением. - Кровь Дорвеннов - святыня Дорвенанта! Все остальное... пустяки, я уверен.

- А я вот не так уверен насчет пустяков, — задумчиво промолвил Эддерли. — Но... судя по всему, юноша действительно может оказаться хорошим королем. Во всяком случае, он знает, что такое ответственность.

- Может? - поразился Кастельмаро. - Милорды, он спас Дорвенанта! Это ли не прекрасное начало и лучшая рекомендация?! Пока мы здесь вычерпывали из тонущего корабля воду дырявой ложкой, он поехал и закрыл этот Барготов Разлом! За одно это ему стоит присягнуть! Какие могут быть сомнения?

«О Малкольме они уже все забыли, — с горечью подумал Грегор. - А он ведь тоже был когда-то юным, рьяным, подающим надежды... И к чему все произошло? Хотя Кольм, я уверен, не отказался бы сунуться в Барготов дыру, если б это понадобилось стране. Дорвенны бывают разными. Жестокими, самолюбивыми, развратными, невыносимыми, но трусов среди них не водится. Что ж, надеюсь, мы не пожалеем об этом решении. И сохрани нас всех Претемная...»

- Да будет так, — подытожил Аранвен и поднялся из кресла, давая понять, что Совет окончен. - Милорд Бастельеро, Академия в вашем ведении. Я надеюсь, для лорда Вальдерона — пока еще лорда Вальдерона! - сделают все необходимое. — Не сомневайтесь, милорд, — ответил поклоном Грегор и тоже встал. - А когда вы намерены утвердить это решение в Большом Совете?

- Большой Совет? - Аранвен приподнял брови в точности, как это всегда делал его сын. - А зачем им что-то утверждать? На каком, простите, основании? Лорды, пусть даже из Трех Дюжин, должны не выбирать короля, а смиренно принимать его законную власть. Как только юный лорд Вальдерон очнется, мы начнем готовиться к коронации, и Большой Совет обо всем узнает. До встречи, господа. Рад был всех видеть.

Эддерли вышел из кабинета первым, следом за ним откланялся Кастельмаро. Грегор тоже подошел к порогу, кивнув на прощание Аранвену, но тут его бесцеремонно поймали за рукав.

- Ну уж нет, милорд Архимаг! - заявил Райнгартен. - Теперь, когда основной вопрос решен, извольте

уделить мне время! Это не терпит отлагательства. Милорд Аранвен, прошу и вашего внимания!

ГЛАВА 2. Личная жизнь Архимага

- Милорд Райнгартен? - сдержанно удивился Аранвен. - Что ж, мы слушаем вас со всем вниманием.

- Наконец-то! - выдохнул стихийник с каким-то немислимым облегчением, выпустил рукав Грегора и заговорил с несвойственной ему поспешностью. - Когда мы... я хочу сказать, когда милорд Архимаг и сопровождающие... уносили от Разлома лорда Аластора и его спутников, я заметил одну странность, объяснения которой не нахожу до сих пор.

Аранвен выжидающе кивнул, а Грегор встрепенулся, пытаясь припомнить, когда он слышал что-то подобное? Ах да, вчера Этьен пытался сказать что-то о Разломе, но нужно признать - выбрал для этого самое неподходящее время! Что ж, теперь Грегор выслушает его со всем возможным вниманием, как и обещал Ангус...

- Дело в том, — продолжил Этьен по-прежнему торопливо. - Что на месте Разлома нет характерных возмущений. Прошу прощения, Ангус, вам, профану, это должно быть не слишком понятно, но поверьте, они обязаны быть! Более того, подобные возмущения не могли улечься раньше, чем через пару лет, а их... их просто нет! - повысил голос Райнгартен, и Грегор ясно различил в этом вскрике нотки истерики. - Некрозманаций - сколько угодно! Стихийные тоже присутствуют, хотя куда в меньшей степени, чем должно...

- Прошу прощения, Этьен, — прервал его Грегор. - Но я решительно не понимаю, чем вы озабочены. Каких еще возмущений вам не хватает? Разлом закрылся - и слава Благим!

Райнгартен посмотрел на него возмущенно, глубоко вздохнул и тихо, но веско отчеканил:

- Разлом вел в Запределье, милорд Архимаг. Не просто в Бездну, как остальные разрывы ткани мироздания, а через нее насквозь! Когда мы были там в прошлый раз, эманации Запределья были таковы, что... Неважно, — осекся он, вздрогнув. - Вы не стихийник и в самом деле не могли этого заметить, но довольно, что заметил я. Прямо сейчас в месте Разлома нет ни следа силы Запределья, и я ручаюсь, что подобное невозможно естественным образом.

- Но Разлом закрыт? - уточнил Аранвен, и Райнгартен вскинулся, яростно сверкая глазами.

- Разлом закрыт! Но поймите же, возможны последствия, и никто, слышите, Ангус, никто не может предсказать - какие именно!

- Мы понимаем вас, милорд Райнгартен, — заверил канцлер, и Грегор молча кивнул.

Конечно, он не стихийник! Но напрасно Этьен думает, что маг другой гильдии не поймет его опасений. Если ты чистишь беспокойное кладбище, на котором совершенно точно засели стригои, а пахнет на нем упырями, ночницами, но только не стригоями, это означает лишь одно - большую и, к предсказателю не ходи, опасную гадость. А неизвестность любую опасность может только удвоить.

- Что вы предлагаете, Этьен? - спросил он.

- Нам необходимо как можно скорее отправиться в Озерный Край, — быстро отозвался стихийник. - И детально изучить место бывшего Разлома. Ликвидировать некротические и стихийные возмущения, а когда магический фон выровняется, изучить показатели магического поля хотя бы за несколько дней. Вдруг я все же беспокоюсь напрасно, и эманации Запределья были всего лишь заглушены силой ритуала? - добавил Райнгартен так безнадежно, что стало понятно - в подобную удачу он не верит ни на мгновение. - Впрочем, вам наверняка потребуется время на сборы, да и мне тоже, не говоря уж о том, что я должен навестить мою дорогую Мэнди. Вы ведь знаете, что ей сейчас ни в коем случае нельзя волноваться, а меня не будет дома самое меньшее несколько дней! Притом нам потребуется не меньше полдюжины моих коллег и самое малое - столько же некромантов. Ну, и полдюжины боевиков для охраны. Полагаю, Ладецкий нам не откажет...

- Погодите, — прервал его Грегор, в полной мере вдруг осознав, о чем говорит Райнгартен. - К Разлому? Сейчас? Абсолютно невозможно! Этьен, я понимаю ваше беспокойство, но... Разлом только что закрылся, прямо сейчас ничего страшного с ним не происходит. И, в конце концов, можно поставить там наблюдательный пост! Но прямо сейчас я не могу все бросить и отправиться на этот клятый холм! У меня есть и другие дела, не менее...

- Другие дела?! - взвился Райнгартен, и Грегор с изумлением понял, что всегда спокойного и вальяжного стихийника, похожего на откормленного кота, натурально трясет. - Нет у вас более

важных дел, милорд, и быть не может! Все остальное подождет! Вы только представьте, что случится, если эта проклятая дыра опять распахнется. Я не знаю - как! Но распахнется! Только уже без привязки на жертвенную кровь! И чем тогда мы станем ее закрывать? Вы сами шагнете в нее по примеру покойного Кристофа или кого-то отправите?! А я вас предупреждаю, там возможно что угодно! Она ведет себя неправильно, вы это понимаете? Не бывает бури, которая способна улететь за несколько минут. Не бы-ва-ет! А если она притихла, значит, вот-вот разразится с еще большей силой! И не говорите мне про дела, милорд Архимаг! Я бросаю беременную жену и готов сам - лично! - торчать на этом Барготовом холме, лишь бы хоть что-то понять и исключить возможность... любую возможность повторения, слышите?! А если у вас дела, так снимите Звезду Архимага и занимайтесь чем... чем угодно, ясно? Найдется, кому поставить дела Ордена и Дорвенанта выше своих собственных!

- Этьен, успокойтесь, — удивительно мягко попросил Ангус и налил бледному и трясущемуся Райнгартену воды в стакан из кувшина, стоящего тут же на столе. - Я уверен, мы поняли вас верно. И я, и Великий Магистр. Не так ли, лорд Бастельеро?

- Вполне, — бросил Грегор, разрываясь между желанием извиниться перед Райнгартеном и сделать ему выговор за безобразную истерику.

Да еще в присутствии профана! Неважно, что это сам Аранвен, есть же этикет Ордена и субординация! А Этьен его отчитал, как провинившегося адепта!

Райнгартен схватил стакан, осушил его одним махом и признательно посмотрел на канцлера. Потом упрямо вскинул подбородок и глянул на Грегора, сухо сообщив:

- Прошу прощения, милорд Архимаг Но имейте в виду, я совершенно серьезен. Если вы пренебрежете моим докладом, я созову Совет Ордена и подниму вопрос о доверии Великому Магистру. Будет отвратительный скандал, разумеется, и это совершенно не то, чего я хочу! Видит Вселенная, я всемерно вас уважаю, поэтому... не заставляйте меня это делать!

- И чего вы этим добьетесь, Этьен? - тихо и очень мрачно спросил Грегор. - Если я сниму Звезду, неужели вы думаете, что вам позволят ее надеть? Магистры уже однажды ясно выразили свою волю в этом вопросе. Может, обсудим все иначе? Претемной ради, я же не отказываюсь! И всегда готов был выслушать вас...

- Выслушать? - язвительно фыркнул Райнгартен. - Не спорю. Но сейчас вы должны не только выслушать меня, но и послушаться, уж простите! Это вам не пустяк вроде обеспечения для сирот или даже назначения главы алхимикам. Это жизненно важное дело! Которое касается всех нас!

«Именно потому ты и взял в союзники Аранвена, — понял Грегор с бессильным злым восторгом. - Конечно, можно сколько угодно говорить, что канцлер и королевская власть не вмешиваются в дела Ордена, но мы все знаем, что это не так. И теперь ты... готовишь почву. Показываешь Ангусу, как радеешь за Дорвенант. Лучше бы ты пять лет назад поддержал меня на том совете по поводу порталов. Тогда бы и пугался непредвиденных последствий! Может, сейчас ткань мироздания не вела бы себя таким странным образом. А то ведь мы оба понимаем, что в Озерном крае творится Баргот знает что в самом прямом смысле, но для профанов это выглядит совсем иначе!»

- Разве я спорю? - спросил он. - Этьен, вы меня неправильно поняли! Я вовсе не считаю, что ваши слова недостойны внимания! Но... сколько времени это может занять? Может быть, пока действительно выставить там пост? В конце концов, неужели вам самому тоже необходимо там присутствовать? С измерениями справится кто-то другой. И не говорите мне, что вся Оранжевая гильдия состоит исключительно из вас!

- Никому другому я подобное не доверю! - отрезал Райнгартен уже спокойнее, но тем холодным непримиримым тоном, который Грегор у него не слышал почти никогда. - Не хочу, чтобы в случае чего это легло на мою совесть. Но сколько... Хм... Что-то около недели, я полагаю. Меньше просто не имеет смысла! Надеюсь, моим профессиональным способностям вы доверяете?

- В полной мере, — подтвердил Грегор, понимая, что выхода ему просто не оставили.

Айлин! Еще целую неделю не иметь возможности видаться с ней. Даже не поговорить толком... Сейчас бедная девочка еще не оправилась от всего, что с ней случилось, а когда она придет в себя, Грегора не будет рядом. Неделя?! Да это же вечность!

«Ты дурак, — с издевательской горечью сказал он себе. - Ты ждал столько лет, пока в твоей жизни появится именно она. Бесценная, ненаглядная, единственная! А теперь боишься разлуки на неделю, пока она будет выздоравливать?!»

«Я упустил ее из виду на одну ночь, — возразил он сам себе, — и чем это закончилось?! Она сбежала, прихватила с собой бастарда и отправилась к Разлому. И едва не погибла...»

- В самом деле, дорогой Грегор, — тем же бесконечно терпеливым тоном произнес Ангус. - Почему бы вам не прислушаться к нашему не менее дорогому Этьену и не... успокоить Дорвенант, исследовав бывший Разлом как положено. Неделя? Иногда это очень много, но сейчас я решительно не вижу неотложных дел, требующих вашего неперемennого присутствия. С остатками демонов справятся егеря, столица чиста от мародеров - между прочим, вашими усилиями и благодаря милорду Эжену. Да-да, Этьен, мы глубоко ценим заслуги вашего брата! Дела Ордена? Ну, есть же у вас толковые заместители? Нельзя все взваливать только на собственные плечи! Даже Фрагана ведет себя исключительно любезно и намерена заключить прочный мирный договор. Отправляйтесь и не переживайте ни о чем! Я обещаю посылать вам уведомления каждый день. Порталы работают, в случае необходимости вы сможете вернуться в Дорвенну в течение часа!

- Боюсь, что нет, — извиняющимся тоном поправил его Райнгартен. - Мы ведь отправимся именно для того, чтобы провести точные измерения. Любое открытие портала ближе, чем в дне пути вверх, создаст неминуемые искажения, и все окажется напрасным. Даже если вы, милорд, пришлете обещанное уведомление, придется начинать замеры сначала. Поэтому вылазки в Дорвенну возможны только в исключительной ситуации, в деле жизни и смерти.

Ангус кивнул, что понял, и вопросительно посмотрел на Грегора. Ответить на это можно было только одним.

- Милорд Аранвен, — поклонился Грегор, глубоко вдохнув и выдохнув, чтобы хоть как-то привести в порядок разбегающиеся мысли. - Прошу прощения, что в ближайшую неделю буду вынужден переложить на ваши плечи еще и мои собственные заботы лорда-протектора. Впрочем, никто другой не справится с этим лучше.

Что ж, теперь и правда все решилось. Он не может отказать Райнгартену, потому что это будет полной тупостью. Если глава стихийников говорит, что положение настолько серьезно, то... он знает, о чем говорит, верно? И уж тем более он не может отказать канцлеру, который столь любезен, что облек прямой приказ в форму учтвого совета. Но это все-таки приказ, и это понятно каждому из них.

- Отправимся завтра, — уронил он, стараясь не смотреть на Этьена. — Вам действительно стоит успокоить жену, да и подготовиться нужно как следует. Если, конечно, вы не против.

- Слушаюсь, милорд. - Райнгартен, волшебным образом вспомнивший о субординации, поклонился, и только его глаза блеснули то ли удовлетворенно, то ли, напротив, разочарованно, этого Грегор так и не смог понять. - Лорд Аранвен, вы позволите откланяться?

- Да-да, конечно, — кивнул Ангус, напоказ погружаясь в чтение какой-то бумаги, выуженной им из стопки на столе. - Желаю удачи, милорды, и прошу вас, в свою очередь, извещать меня обо всем по мере надобности.

Выйдя из кабинета вслед за Грегором, Райнгартен молча прошагал рядом с ним по коридору несколько шагов и лишь тогда напряженно бросил:

- Мои глубочайшие извинения. Я бы никогда не стал... Но вы сами не выслушали меня трижды!

- Я об этом жалею, — сухо сообщил Грегор. - И понимаю ваше раздражение. Но впредь рекомендую подумать, прежде чем ставить мне ультиматумы. В свою очередь прошу прощения, что был невнимателен к вашим словам раньше. Полагаю, на этом закончим?

Райнгартен также молча поклонился, а потом пробормотал:

- Целая неделя. Всеблагоей клянусь, если бы вы знали, как мне самому не хочется уезжать! Мэнди прекрасно переносит беременность, но так дорожит каждой минутой, которую мы проводим вместе. И сейчас отказывать ей в этом просто бесчестно. Неделя, мда... Меньше, чем браслетом, я точно не отделаюсь!

- Э... чем? - поразился Грегор, который искренне не уловил связь. - Браслетом?

- Ну разумеется! - посмотрел на него Райнгартен укоризненно. - Бастельеро, неужели вы в свои годы не знаете, что лучшее лекарство для расстроенных женских нервов - это драгоценности? Впрочем... э-э-э... ну да, простите! - смешался он и, явно желая загладить неловкость, торопливо продолжил: — Знаете, моя дорогая Мэнди обожает цитрины! А работать с ними по-настоящему хорошо умеет всего один ювелир. Истинный магистр своего дела!

- Артефактор? - рассеянно уточнил Грегор больше, чтобы поддержать разговор.

- Представьте себе - нет. Обычный профан, фраганец. Но великий умелец! Ах да, вы же не были у меня на свадьбе... — добавил он обиженно. - Я заказывал для Мэнди полный гарнитур с цитринами, ей они исключительно идут, вы же понимаете... А Эжену пришлось разориться на такой же, но

только с голубыми топазами. Потому что нет ни одной девушки на свете, которая в такой день простит свою сестру, если у той будут украшения лучше! Впрочем, поверьте, оно того стоило. Сделал за две недели, и исполнение превосходное.

- Вот как? - Грегор несколько мгновений поколебался, а потом небрежно спросил: — И как зовут этого несравненного мастера? Вы ездили к нему во Фрагану?

- Разумеется! - подтвердил Этьен. — Конечно, в Дорвенне у него есть ювелирный магазин, но покупать для такого случая что-то готовое - как можно? Я заказывал у него лично. Месьор ди Амбруаз живет в Люрье. Улица Голубых Лилий, если не ошибаюсь... А... вам зачем?

Брошенный на него удивленный взгляд Райнгартена был откровенно обидным. Более того - оскорбительным! Да, Грегор одинок! И что, он теперь не может заказать украшения для... какой-то женщины?

Впрочем, Этьен и сам понял свою бестактность, потому что с преувеличенной любезностью распрощался, как только они вышли из дворца, и торопливо направился к своему экипажу.

- Милорд Бастельеро? — Подошедший лейтенант дворцовой охраны отдал ему честь. — Ваш экипаж подан.

Ах да, Ангус же обещал... Безупречно любезен и внимателен даже в мелочах и никогда ничего не забывает.

- Благодарю, — кивнул Грегор, чувствуя, что экипаж ему более чем необходим.

Верхом, конечно, быстрее, но проклятая нога... Ну что ж, вот на барготовом холме заодно и обеспечит себе покой, о котором твердят целители. Ходить там просто некуда! Но сначала нужно закончить все дела здесь, а времени осталось не так уж много. Благодарение Семи Благим, что порталы снова работают!

- К ближайшей порталной площадке, — велел он кучеру. - И гони быстрее.

***

- Доброе утро, юноша! - весело произнес незнакомый мужской голос, и Аластор окончательно проснулся.

Очнулся он всего несколько мгновений назад и даже не успел ни о чем подумать, кроме как о том, что лежит в чистой мягкой постели раздетым, а во всем теле чувствуется приятная тяжесть. Голова, напротив, была легкой и пустой, и ему пришлось постараться, чтобы вспомнить... вспомнить...

Аластор рывком сел, открыв глаза и попытавшись осмотреться. Небольшая комната со светло-зелеными стенами, открытое окно, шум деревьев... Где он? Как сюда попал? И где...

Память безжалостно показала, как Айлин шагает в портал, как проклятый Разлом поглощает ее, и Аластор задохнулся от боли, резанувшей его изнутри так, что дыхание перехватило. Он согнулся, спрятав лицо в руки...

- Ну-ну, юноша! - с упреком сказал все тот же человек, подходя к кровати. - Разве можно так резко? Мы не для того уводили вас подальше от Претемных Садов, чтобы вы все испортили нетерпением. А ну-ка, извольте лечь! И выпить вот это. Что значит, не будете? - удивился он, когда Аластор помотал головой. - Такому хм... взрослому юноше не к лицу бояться лекарств.

- Прекратите... — выдавил Аластор, в этот момент ненавидя и себя, и этого дородного старика в зеленой мантии. - Она... Вы нашли... тело?

Назвать Айлин этим отвратительным словом было почти невозможно, но он убрал руки от лица, невольно стиснув их в кулаки, и отчаянно посмотрел на целителя. Айлин... И Лучано! Все, что помнил Аластор, это как на них двоих накатила волна клыков, когтей и чешуйчатых шкур. Разве мог итлиец уцелеть там, где упал сам Аластор? Значит... и он тоже?!

Боль стала почти нестерпимой, и седой целитель озабоченно покачал головой, вглядываясь ему в глаза, потом молниеносным движением ткнул пальцем куда-то в живот-и спазм отпустил, позволив Аластору дышать. А вот боль осталась.

- Что это вы себе надумали, мальчик мой? - сердито отчитал его лекарь. - Ваши спутники живы, хоть и не совсем невредимы. Хуже всех досталось вам, считайте, что заново родились по воле Милосердной Сестры! Так что прекратите над собой издеваться и быстренько... вот так, умница!

Он быстро влил в онемевшего и ничего не понимающего Аластора полстакана горького зелья и толкнул его обратно в кучу подушек.

Живы? Он сказал «спутники»? Но если бы речь шла об одном Лучано, то... Может ли надежда вспыхивать так же ярко, как до этого - отчаяние и боль? Аластор упрямо приподнялся и выдохнул:

- Милорд целитель, умоляю! Вы сказали - «живы»! Так вы нашли их? Обоих?! И... леди Айлин тоже?!

Голос позорно сорвался на всхлип, но Аластору было плевать. Он нащупал руку целителя, которой тот оперся на кровать, и сжал ее.

- Милосердная Сестра, ну разумеется! Да лежите вы спокойно! И бедная девочка, и второй юноша - оба живы, лежат по соседству с вами! - заверил его целитель, показавшийся Аластору самым прекрасным существом на свете. - Вот наказание с этими вояками... Родились бы вы с искрой, точно стали бы боевиком! - добавил он с легким раздражением и ловко укутал Аластора одеялом, так что пошевелиться оказалось совершенно невозможно. - Все, спать! Категорически запрещаю вставать в ближайшие несколько часов!

Но Аластор и не сопротивлялся, снова провалившись в теплую темноту забытья. «Айлин жива, — повторял он себе, боясь поверить, но и не в силах отказаться от этой мысли. - Он же не мог меня обмануть, правда?! Зачем, если я и так все узнаю. Айлин жива... Не знаю, как это может быть, но... она же сильная магесса! Наверное, она смогла как-то выбраться... И Лу жив! Благие Семеро, пусть это будет правдой! Обещаю, больше никогда вас ни о чем не попрошу, только пусть не окажется, что они погибли из-за меня! Как Искра и Белла... Пожалуйста...»

Второй раз он проснулся, когда солнце уже село, и закатные лучи заливали комнату теплым золотым светом, прозрачным и сладким, как ярмарочные леденцы. Не открывая глаз, прислушался, и тревога, все-таки терзавшая его, чуть разжала когтистые лапы, впившиеся в сердце. Лучано! Итлиец что-то объяснял виноватым и одновременно лстивым тоном, словно нашкодивший Паскуда внезапно обрел человеческую речь.

- Не извольте беспокоиться, грандсиньор, — мурлыкал он с истовой почтительностью. - Это были очень хорошие зелья, что одно, что второе. Их, конечно, не стоило смешивать, но...

- Не стоило? - прервал его уже знакомый сварливый голос целителя. - Послушайте, юноша! Я не знаю, кто учил вас зельеведению, но на его месте я бы вас выпорол! Вы едва не умерли от разрыва сердца! И остались бы калекой, не будь кое-кто из моих учеников почти непростительно талантлив. Не стоило смешивать! Вы хоть понимаете, чего именно наглотались? Какой жуткой, смертельно опасной и отвратительной дрянью?!

- Отлично понимаю, грандсиньор, — тихо ответил итлиец, неувовимо меняя интонацию так, что у Аластора по спине пополз холодок. - И тогда на холме понимал это не хуже. Но если бы я не наглотался этой дрянью, то не продержался бы столько... сколько было нужно.

Он замолчал, и Аластор понял, что к его долгу перед сумасшедшим итлийским котяркой прибавился еще один пункт из тех, которые выплачивают всю жизнь. Впрочем, им ли уже считаться между собой долгами? Никаких счетных книг не хватит... А следом поднялась удушливая мерзкая волна обиды. Лучано знал! Знал, что задумала Айлин, и молчал! Позволил ей пожертвовать собой, спасая Аластора. Ну еще бы, ведь у него был приказ королевы! Как он мог выполнить этот приказ такой ценой?!

- Ох, мальчишки... — вздохнул пожилой целитель в точности, как отец Аластора, выговаривая ему за какую-то опасную шалость. - Что же вы творите... Ну, хорошо, что обошлось. Но кровь, сударь мой, вам придется хорошенько почистить!

- Не имею ничего против, грандсиньор! - снова воспрянул Лучано. - Кстати, не могли бы вы распорядиться, чтобы мне вернули мою сумку? Там есть кое-какие медикаменты, которые...

- Медикаменты?! - рявкнул лекарь. - Снова какая-то дрянь, неизвестно кем сваренная?!

- Ну почему же неизвестно? - обиженно отозвался итлиец. - Я сам их готовил! Все, от первого до последнего. За качество ручаюсь. «Фениксовы слезы», тинктура Лабиозо и «синий жемчуг»! Отличные детоксы!

- Хм... Что, и «фениксовы слезы» — сам? - Целитель на несколько мгновений задумался, а потом со вздохом признал: — Ну, тогда ладно. Если у вас, юноша, хватило мастерства и терпения такое изготовить, надо думать, вы умеете этим пользоваться. Но вашему спутнику не вздумайте ничего дать! Все его лекарства готовятся под моим руководством.

- Слушаюсь, грандсиньор! - выдохнул Лу и снова замурлыкал: — Кстати, премного наслышан о вашей несравненной мудрости от синьорины Айлин. И вижу, что она нисколько не преувеличена!

- Нахал и льстец! - припечатал лекарь. А потом встал и подошел к Аластору, упрямо глядевшему в стену с окном. - Ну-с, а что у нас тут? Как вы себя чувствуете, молодой человек?

- Великолепно, — процедил Аластор. - Я вам крайне обязан за помощь, милорд...

- Бреннан, — подсказал ему старик. - Магистр Бреннан, к вашим услугам.

Магистр? То есть сам глава Зеленой гильдии?! Аластор толком не рассмотрел его в первый раз, но память подсказывала, что целитель выглядит именно так, как и положено такому значительному лицу. Почтенный, внушающий доверие, строгий и видящий в нем и Лучано всего лишь «мальчишек». А еще он и его подчиненные спасли жизнь Аластору и Лу с Айлин... И...

Десятки, если не сотни вопросов теснились у Аластора на языке, но глухая обида мешала повернуться к Лу и задать их ему. Так что он с трудом проговорил, не глядя ни на кого:

- Милорд Бреннан, сколько я уже здесь? И как давно...

- О, всего лишь сутки, мой юный лорд, — отозвался целитель.

- Сутки? - Аластор неверяще приподнялся на кровати, потому что сил снова вскинуться у него не было. - Но как?! Мы же были в Озерном крае!

- Порталом, разумеется, — обыденно объяснил целитель. - Как только первоначальный Разлом закрылся, порталы снова заработали и стали безопасны. Милорд Архимаг немедленно собрал отряд и лично отправился к бывшему Разлому. Там мы вас и нашли, всех четверых.

- Четверых? - растерянно переспросил Аластор. - Но...

- С вашего позволения, пусть ваш спутник расскажет все подробно! А мне необходимо отлучиться.

Бреннан поклонился, и Аластор увидел, что целитель выглядит усталым, а его мантия - несвежей и помятой.

- Да, милорд, — сказал он с виноватой благодарностью. - И еще раз примите мою глубочайшую признательность. Я вам очень обязан. А... леди Айлин... ее можно увидеть?

Увидеть - и высказать этой... этой предательнице все! Злость кипела внутри, мешаясь с облегчением, радостью и непредставимой обидой. Пожалуй, всего раз в жизни Аластор испытывал такую же яростную обиду - когда лорд Бастельеро выкинул его из комнаты Айлин, словно щенка - за шкурку. Но тогда это хотя бы было заслужено! А за что она с ним так?!

- И речи быть не может, — решительно отозвался на ходу магистр Бреннан, большим зеленым пятном продвигаясь к двери.

Аластор проморгался и упрямо запретил себе снова засыпать. Целитель оглянулся на него и добавил уже мягче:

- Бедной девочке необходим отдых не меньше, чем вам. У вас еще будет время ее поблагодарить.

И вышел.

Поблагодарить? Поблагодарить?! За этот... позор? За страх, и отчаяние, пока он думал, что Айлин мертва? За вину, которую он нес бы всю жизнь? За что ему ее благодарить?! За то, что она все решила за него? Словно за несмышленного ребенка, не имеющего права распоряжаться своей жизнью?! Она же... Она лишила его честного имени дворянина! Превратила в труса, который спрятался за девушку и отправил ее вместо себя на смерть!

Аластор захлебнулся очередной фразой, которую, оказывается, шипел вслух, потому что на крик не было сил. Горло изнутри будто кошки драли, и он закашлялся, а потом с трудом отдышался. Предатели! Оба! Эти... Друзья, называется! И Айлин, и этот... на соседней кровати!

- Скажи, Альс, друг мой, — протянул итлиец, разглядывая зеленую шерсть одеяла так сосредоточенно, будто ничего интереснее в мире не существовало, а его, Аластора, негодование вовсе не стоило внимания. - Что ты сделал бы, если бы знал, что один из вас должен погибнуть?

- Прыгнул бы сам в этот восьмиклестый Разлом, чтоб его Баргот отодрал! - рявкнул Аластор. - Что бы я ни думал про всех этих хитрозадых... м-магов... Здесь живут мои родители! И сестры, хоть они и дуры! И прячутся за спину друзей только трусы, которые никаких друзей не заслуживают!

- Тогда почему ты удивляешься, что она сделала именно это? - жестко спросил Лу, наконец подняв взгляд и уставившись на него посветлевшими почти до прозрачности глазами. - Разве ее семья живет не в Дорвенанте? Разве ты не ее друг?

- Я - мужчина, — огрызнулся Аластор, беспомощно понимая, что не знает, как еще ответить на возражения Лу.

Неужели Лучано не понимает столь очевидных вещей?!

- А она - некромантка и боевая магесса, — пожал плечами итлие. - И, как я понял, их мастера учат девиц в точности так же, как юношей. И еще скажи мне, Альс... Если я все еще могу называть тебя так... Почему ты оставляешь право на честь для себя, но отказываешь в нем ей? Разве ты не знаешь Айлин? Ее характер, сердце и душу? Разве она не сожгла за собой все мосты, когда отправилась с тобой, м? Или для ваших благородных синьорин такая прогулка - обычное дело? Так чего же ты от нее ждал?

Каждое слово итлия беспощадно било в цель, и Аластор не знал, что возразить. Но и правоту Лучано признать тоже не мог Айлин - девушка, хоть и магесса. Она не должна была даже рисковать собой, не говоря о том, чтобы жертвовать! Это был его долг! А она... Конечно, если бы она призналась, он бы ни за что ей не позволил!

- А ты все знал... — глухо проговорил он, отводя взгляд от бледного осунувшегося Лучано. - Тебе она рассказала...

- Она беспокоилась, что с тобой будет потом, — помолчав, ответил итлие бесцветным голосом. - Боялась, что ты ее не простишь. И просила, чтобы я не дал тебе надеть глупостей. Просто... ей некого было больше попросить. Она тебя очень любит, Альс. Я не знал, что можно так любить... Чтобы идти на смерть и думать, как бы другому не было от этого слишком больно. Так что... Давай ты набьешь морду мне, если очень кулаки чешутся, а? Только ее ни в чем не вини.

Он безрадостно улыбнулся, и всю злость Аластора смыло волной горячей нежности, вины и желания немедленно сделать хоть что-нибудь! Что угодно, лишь бы исправить все, уже случившееся с Айлин, и то, что еще будет. Какой же он тупица! Немыслимый! Бревно безмозглое, хуже колоды для рубки дров! Айлин не было нужды беспокоиться за свою репутацию, потому что она не собиралась возвращаться в Дорвенну живой. И... Он внезапно понял страшное: и отец, и месьор д'Альбрэ тоже знали об этом! Все эти взгляды, недомолвки, прощания... Они знали! И приняли жертву Айлин ради него! Как... как ему теперь не просто заслужить ее прощение, но и доказать, что это было не зря?! Что его жизнь того стоила!

- Может, и набыю, — упрямо буркнул он, борясь со смущением. - Когда выздоровеешь!

Раздался стук в дверь, и юноша в зеленой мантии адепта вошел в палату. Поклонился и положил на столик рядом с Лучано его грязную измятую сумку. В изумительной чистоте палаты она выглядела так странно и чужеродно!

- Благодарю, синьор маг, — поспешно сказал итлие. - Скажите, а в этой сумке не было... никакого зверька?

- Нет, сударь, — удивленно отозвался адепт. - У нас с этим строго, в лазарете не позволено держать животных. Мы бы точно заметили.

- Вот как... Благодарю еще раз...

Лучано смолк и словно потух изнутри, проводив вышедшего целителя равнодушным взглядом. Аластор вздохнул и молча выругал себя. Он боялся вспомнить Искру, хоть это и было трусостью! Та страшная картина вспыхивала в его памяти постоянно, стоило подумать о любимой верной кобыле, и Аластор с ужасом думал, что теперь будет вспоминать только смерть Искры - всегда! А Лучано так привязался к этой мелкой вредной скотинке... Сам говорил, что у него никогда не было собственного зверья. И вот - надо же. Подарить ему другого енота? Глупость... Ему-то самому никакая лошадь, хоть самая быстрая и верная, Искру не заменит.

- Лу... — начал он неловко. - Слушай, может, он просто убежал? Там, на холме. Забился куда-нибудь... Ну дохлого же его в сумке нет, правда? Значит, живой...

- Спасибо, Альс, — улыбнулся итлие одними губами. - Ничего. Забудь.

Аластор поворочался в постели и хотел еще что-то сказать, но тут в дверь снова раздался стук. Она открылась, и в больничную палату вошел самый необычный человек, которого он когда-либо видел. Невысокий, совершенно седой и невыносимо лохматый, он уставился на Аластора одним глазом, черным и неподвижным. Второй, ярко-голубой, в это время вращался в глазнице сам по себе, оглядывая немудреную обстановку, пока не остановился на Лучано. Как у незнакомца получилось смотреть на них обоих разными глазами, Аластор понятия не имел. Наверное, и здесь без магии не обошлось. А потом странный пришелец запустил руку за воротник ярко-желтой мантии и вытащил откуда-то из-под нее... Перлюрена!

Енот болтался в его руке и выглядел полностью здоровым, даже лоснящимся. И даже шлейку, что смастерил для него Аластор, не потерял.

- Перлюрен! - вскрикнул Лу, сев на кровати. - О, синьор, тысяча благодарностей! Где вы его нашли?!

- Тысяча? - переспросил странный маг, обращая на него теперь черный глаз, а голубым глядя куда-то в окно. - Слишком долго, хватит одной. Перлюрен... хм... да, определенно, ему подходит. Его обнаружили в поварне. Он опрокинул бутылку с маслом, искупался в нем, потом залез в муку, потом - в патоку. И был пойман, когда добрался до хранилища орехов. Очень, очень способное животное! Чрезвычайно много успел! Полагаю, его спас ошейник. Повара увидели шлейку и закономерно решили, что зверь кому-то принадлежит. Но почему именно моему факультету? Хм... Не настолько мы безумны, чтобы держать енота! Хотя идея интересная, да... Так это ваш зверь?

Енот, завидевший Лучано, радостно верещал и рвался к нему, словно путешественник, после долгих лет странствий увидевший издалека родную землю. Или как приговоренный к смерти — за помилованием, что вернее.

Итлиец кивнул и сконфуженно пообещал:

- Как только встану на ноги, постараюсь возместить достойным синьорам поварам убытки и хлопоты.

- А, пустяки! - Странный маг махнул рукой, обтянутой желтым рукавом, и Перлюрен плюхнулся к итлийцу на постель.

Завизжав от восторга, енот кинулся к нему обниматься. Потом вцепился в ворот рубахи итлийца и замер, внезапно замолчав и только тихонько поскуливая.

- Он очень просил, чтобы его отнесли к папе, — безмятежно сообщил иллюзорник, насколько Аластор понял по цвету мантии. - Мои поздравления, сударь. Вы умеете выбирать... отпрысков. Не растеряйте это качество, еще пригодится.

Так и не представившись, он вышел, оставив ошеломленного Лучано, наглаживающего енота, и Аластора, которому впервые за долгое время захотелось рассмеяться.

- К папе? - приподнял он бровь. - Лу, неужели ты бесчестно поступил с какой-то енотихой? Как ты мог?! Хотя да, сходство заметное. Смотреть вы умеете совершенно одинаково! Ну и что ты будешь делать с этим... бандитто? - передразнил он выговор итлийца. - Идиотто... хм, енотто?! Оставишь себе?

— Понятия не имею, — улыбнулся Лучано обескураженно и очень искренне. - Но не отправлять же его теперь в лес. Все-таки... боевой товарищ. Синьор Перлюрен дель Енотто...

И он опять погладил шерстку прикинувшегося к нему счастливого зверька.

***

Месьор ди Амбруаз, к особняку которого Грегора доставил уже фраганский экипаж, был немолод, невысок и напоминал героя сказки про оживший и укатившийся из печи круглый хлеб, только не пшеничный, как это положено доброй дорвенантской булке, а ржаной и при этом слегка подгоревший. Его темные волосы с проседью были заплетены в короткую косицу черные глаза блестели из-под седых бровей хитринкой и откровенным любопытством, а тонкие длинные усы залихватски закручивались крупными кольцами. Грегора он принял в большом светлом кабинете, обставленном скорее удобно, чем роскошно, миленькая горничная тут же подала шамьет, сливки и несколько видов печенья. Грегор из учтивости пригубил горячий пряный напиток и тут же поставил его на стол, показывая, что предпочел бы перейти к делу.

- Что угодно вашей милости? - любезно, однако без малейшего подобострастия поинтересовался фраганец, и Грегор почему-то вспомнил пройдоху Гельсингфорца.

- Гарнитур, — коротко бросил он. - Лучший, какой вы можете изготовить, и в самый короткий срок.

- Разумеется, — невозмутимо согласился фраганец. - Гарнитур для мадам? Для демуазель?

- Для девицы, — процедил Грегор, начиная раздражаться - какая разница, в конце концов? - Изумрудный. Полагаю, что-то вроде того, что вам заказывал лорд Райнгартен для своей супруги...

- Мгновение, месьор! — прервал его мастер, глядя так изумленно, словно с ним заговорил стол. - Вы пришли к лучшему ювелиру моей прекрасной родины и желаете научить меня делать мою работу? Я не создаю копий! Нет! Никогда никаких копий! Покажите мне ту демуазель, что будет носить украшения, и я сотворю для вас шедевр. Таковы мои правила. Или ищите другого мастера, да-да-да,

месьор!

- Любопытно, что мне помешает и в самом деле обратиться к другому мастеру? - сдержанно поинтересовался Грегор, неожиданно для себя забавляясь воинственной задиристостью фраганца. - У которого нет столь неожиданных и... нахальных правил?

- О, ничего, совсем ничего! - закивал фраганец, совершенно не обижевшись, даже с удовольствием. - Любой из моих драгоценных... О, каких драгоценных! коллег... сделает все ровно так, как вы прикажете, ни одному мастеру на этой улице не откажешь в умении. Все заметят прекрасные украшения демуазель!

«Любопытно, — мысленно отметил Грегор. - Похвалить коллег так, чтобы осталось острое чувство подвоха? Для такого определенно нужен талант! Был бы месьор магом - белую искру у него определили бы безо всяких испытаний!»

- А что же увидят, если работу выполните вы? - уточнил он и столкнулся с прямым и серьезным взглядом ювелира.

- Демуазель, — веско ответил фраганец. - Никто иной вам этого не скажет. Но поверьте, если глаз видит безупречную огранку, чистоту камня или изысканность оправы - это не шедевр, хотя работа может быть дивной. Истинный шедевр, когда драгоценность привлекает внимание не к себе, а к демуазель, и в их слиянии рождается новое совершенство.

Он отпил шамьета, и Грегор тоже взял чашку, стараясь скрыть возникшую неловкость. С этого ракурса он никогда работу ювелиров не рассматривал. Понятно, что украшения должны быть женщине к лицу он сам именно так подбирал подарок Беатрис. Но... в этом подходе определенно что-то есть. Жаль, что выполнить требования фраганца нельзя.

- Я, кажется, понимаю... — проговорил он, снова ставя чашку. - Но боюсь, что познакомить вас и эту... демуазель невозможно. Во-первых, гарнитур должен быть сюрпризом. Во-вторых, сейчас демуазель нездорова, и к ней почти никого не пускают. А заказ в высшей степени срочный. Боюсь, я не могу даже показать вам портрет. Но у нее зеленые глаза и рыжие волосы...

«И веснушки», — вспомнилось вдруг, и у Грегора сладко защемило сердце. Все известные ему девицы неизменно скрывали этот маленький дефект, полагая его вульгарным, но Айлин даже в этом шла наперекор общему мнению. И эта золотая россыпь на лице и плечах ничуть ее не портила! Даже напротив...

Он смущенно откашлялся, делая вид, что поперхнулся шамьетом, и наткнулся на понимающий взгляд ди Амбруаза.

- Рыжие волосы имеют десятки тонов, — нравоучительно произнес фраганец. - И неверный выбор камней непременно станет губительным. Не говоря уже о глазах! Что еще вы можете сказать об этой демуазель? Какова она? Каков ее... темперамент?

- Она самая прекрасная девушка на свете, — с ужаснувшей его самой искренностью ответил Грегор и понял, что больше не может сказать об Айлин ничего.

Любые слова применительно к ней - это все равно, что описать солнце, сказав, что оно желтое и горячее. Проклятье!

- Разумеется! - подхватил ювелир. - В моей богатой практике ни разу не было случая, чтобы я делал украшения для какой-то иной демуазель! Не самой прекрасной на свете! Но все-таки... хм...

Он посмотрел на Грегора, пошевелил густыми бровями, что-то напряженно обдумывая, и наконец решил:

- Я сделаю вам очень редкое предложение, месьор Бастельеро! - произнес он торжественно. - Я готов отправиться вместе с вами в Дорвенант! Покажите мне эту демуазель хотя бы втайне от нее, дайте услышать голос... О! Всего лишь несколько фраз, чтобы уловить особые оттенки души! И я сделаю вам гарнитур! Демуазель, покоровшая сердце Ворона Дорвенанта... О, это должна быть интереснейшая работа!

«Ворон Дорвенанта? - растерялся Грегор. - Это он... обо мне? Так вот как фраганцы меня зовут? Хотя... ничего обидного. Даже логично, это же мой герб! Но как показать ему Айлин так, чтобы это не привлекло особого внимания? Впрочем, Архимаг я или кто?»

- Благодарю за предложение, месьор ди Амбруаз, — поспешно согласился он. - Когда вы сможете меня сопровождать?

- О, да хоть сейчас! - расплылся в улыбке ювелир, отставляя пустую чашку и вскакивая с кресла. - К

чему тянуть время? Экипаж будет готов через несколько минут! Мы как раз успеем до вечера, не так ли?

- Да, конечно, — снова согласился Грегор, посмотрев на солнце, начавшее клониться к закату, но еще высокое...

Академия произвела на месьора ди Амбруаза преприятнейшее впечатление. Месьор на коротких толстых ножках, обтянутых бархатными кюлотами и белоснежными чулками, катился по академическим коридорам и вслух восхищался каждой картиной, мозаикой или латами, к которым Грегор так привык, что уже давно их не замечал.

- Как экспрессивно! - то и дело слышалось от фраганца. - Как натурально! Какая прелестная наивность! А это что? Ах, сцена битвы... Баталио! Какая прелесть...

Грегор, который в сценах битвы никогда не видел ничего прелестного, молча терпел. И, как назло, навстречу все время попадались не только адепты, но и знакомые преподаватели. Даже Роверстан, которому полагалось вроде бы лежать в лазарете, вывернул из-за очередного угла, учтиво поклонился Грегору, а потом любезнейшим образом раскланялся с ювелиром, который при виде разумника просто просиял.

- Вы знакомы? - слегка удивился Грегор, когда разумник свернул в другой коридор.

- О да, — беззаботно сообщил ди Амбруаз. - Этот превосходный месьор мой давний и постоянный заказчик. Он каждый год приобретает к праздникам прелестные безделушки для своей матушки, сестер и еще какой-то мадам, то ли родственницы, то ли близкой подруги...

- Подруги? - скептически уточнил Грегор.

- Вы не верите в дружбу между мужчиной и женщиной? - проницательно уточнил месьор. - О, чего только не бывает в нашем мире! Уверяю вас, я способен отличить подарок для возлюбленной от подарка для дамы... иной категории. Хотя его последний заказ... тот, что был перед Вишневой ночью, о да... А у вас в Дорвенанте эмаль еще не вошла в моду, жаль, жаль! Изумительный материал, за ним огромное будущее в искусстве, хотя и настоящее прекрасно при должном умении. Но вы, северяне, предпочитаете исключительно камни в оправе.

Ди Амбруаз вздохнул так горестно, словно то, что в Дорвенанте не любят эмаль, расстраивало его до глубины души. Грегор даже улыбнулся такой искренней приверженности своему делу. Хм, любопытно, на какие доходы Роверстан позволяет себе делать родственницам такие подарки, еще и постоянно? Уж точно не на жалованье магистра. Это вполне приличный доход, но... У него даже собственного дома в столице нет, насколько было известно Грегору. Впрочем, содержимое чужих карманов касается только владельца этих карманов, пока у Белой гильдии нет никаких претензий к своему магистру.

У входа в целительское крыло маялся на дежурстве адепт-старшекурсник, лицо которого показалось Грегору смутно знакомым. Ах да, полгода назад именно на него Саймон Эддерли наложил очередное лично составленное проклятие, показавшееся мальчишке невероятно остроумным! А запомнил Грегор целителя потому, что он, единственный из всех, устроил Саймону ответную пакость - одарил его зубной болью в таком месте, которое обнажают разве что в уборной, да еще у целителей по особенным показаниям. Зубы, разумеется, сначала пришлось там вырастить...

- Милорд Архимаг! - вскинулся целитель, заметив Грегора, и поспешно поклонился, с любопытством взглянув на фраганца. - Вы к Ревенгар? Магистр Бреннан сказал - можно! Только ненадолго!

Они прошли по целительскому крылу и подошли к собственно лазарету. Грегор смутился, поняв, что не спросил, в какой палате устроили Айлин, но стоило пройти несколько дверей, как звонкий голос, доносящийся из полуприкрытых дверей, заставил его сердце забиться чаще.

- А он стоит рядом с палаткой в одном сапоге, представляешь?! И ругается на проклятых енотов! А у второго сапога отвороты просто в кружево погрызены и по всему голенищу дырки! Ты бы это видела!

- Могу себе представить, — фыркнула другая девица, голос которой показался Грегору знакомым. — Но ты мне уши не заливай, лопай давай! И нечего носом крутить! Вкусные пирожки, мне маменька из дома привезла! Не как в столовой - вечно там начинку не докладывают...

- Вкусные! - согласилась Айлин. - Спасибо, Иоланда! Только я правда больше не могу, это уже пятый!

- И шестой съешь, — пропыхтела девица. - И седьмой... Ты себя в зеркале видела? Молчи, знаю, что нет! И правильно! Это ж надо так себя довести - выглядишь хуже, чем коза у бедняка! Кожа да

кости, а руки и вовсе ни на что не похожи! Ничего, ты у меня еще расцветешь...

- И распушусь. Как роза Гвендолин! - подхватила Айлин, и в палате повисла изумленная тишина, прервавшаяся звонким двухголосым смехом, от которого на душе у Грегора стало вдруг удивительно светло.

Фраганец, что замер рядом с ним, тоже заулыбался и подкрутил усы.

- Роза... Ой, не могу... Роза Гвендолин! - смеялась девица, которую Грегор наконец-то вспомнил.

Та самая иллюзорница, флиртовавшая с Саграссом! Соседка Айлин по комнате. Что ж, значит, целители уже разрешили посещения? И что там за роза? Какая-то шутка, понятная исключительно девицам? Но ди Амбруаз так лукаво блеснит глазами, словно... Впрочем, неважно. Главное, что Айлин смеется. Он не слышал у нее такого заливистого, счастливого и свободного смеха... никогда?

Эта простая мысль резанула по сердцу острой болью. Да, он всегда был для нее лишь преподавателем, но разве могло быть иначе? Теперь все изменится, и недельная разлука совершенно ничем не помешает.

- Я оставлю дверь открытой, — негромко сказал он фраганцу. - Если вы не против подождать меня несколько минут...

- О, конечно, — отозвался тот заговорщицким тоном. - Не торопитесь, месьюр, я готов ждать, сколько требуется.

«Фраганцы, — усмехнулся Грегор про себя. - Все они таковы, когда дело касается любовных устремлений. Развратнее них только итлийцы».

Он постучал по дверному косяку, и смех в палате смолк, а потом послышался голос Айлин:

- Войдите! Ой... милорд... — добавила она, когда Грегор шагнул в палату. - Вы...

И умолкла, бросив умоляющий взгляд на иллюзорницу. Та поспешно поднялась с постели, на которой сидела, но вместо того, чтобы выйти, принялась демонстративно хлопотать: поправила подушку Айлин, натянула повыше край одеяла, прошла к окну и торопливо его открыла, впуская в палату свежий воздух. Грегор отмечал все это краем глаза, чувствуя одновременно глухую досаду от того, что не может остаться с Айлин наедине, и странное облегчение. Разумеется, при встрече мужчины с девицей просто обязана присутствовать компаньонка, а иллюзорница, следует признать, ведет себя с должным тактом и полным пониманием момента.

- Магистр Бреннан заверил меня, что вы вскоре будете совершенно здоровы, — вымолвил наконец Грегор, не в силах придумать ничего другого. - Как вы... как вы себя чувствуете, Ай... — он бросил быстрый взгляд на замершую у подоконника иллюзорницу. - Адептка Ревенгар?

- Благодарю вас, милорд, я чувствую себя превосходно, — откликнулась Айлин и подтянула край одеяла еще выше, дернув при этом плечом столь резко и нервно, что широкий ворот тонкой рубашки скользнул вниз.

Ахнув, она поспешно прикрыла обнажившееся плечо и руку, но Грегор задохнулся, успев увидеть безобразные черные линии, изуродовавшие тонкую белую кожу.

- Что это? - выдохнул он.

- След аркана, который я использовала, — отчеканила Айлин и, помедлив несколько мгновений, добавила: - Милорд Бреннан полагает, что он может остаться навсегда.

«Навсегда? - ужаснулся Грегор. - Бедная моя девочка!»

- Я уверен, целители смогут вам помочь! - заверил он бледную Айлин. - Лично поговорю с магистром Бреннаном! Если способа лечения для... этого пока не существует, он будет придуман!

- Не извольте беспокоиться, милорд, — ответила Айлин с легкой, но все-таки отчетливой прохладой. - Я не вижу причины относиться к этому иначе, чем к боевым шрамам. А их, насколько мне известно, стыдиться не принято.

- Стыдиться? - не понял Грегор и выругал себя последними словами за бестактность. Она решила, что он считает эти следы уродливыми? Ну да, так и есть... Но уродливы они, а не сама Айлин. - Вы меня неверно поняли. Я лишь хочу, чтобы у вас осталось как можно меньше неприятных воспоминаний об этой поре вашей жизни. То, что вы сделали... этим можно и нужно гордиться! Но это не значит, что вы должны принимать все последствия. Для юной прекрасной девушки...

Он замолчал, боясь и сказать слишком много, и не сказать самого нужного. Как же сложно балансировать на тончайшей грани между искренностью и этикетом. Может быть, попросить иллюзорницу принести воды или что-то передать целителям? Девица, похоже, сообразительная, поймет все правильно. А слухи... да плевать! Он не делает ничего предосудительного! Это его адептка, у которой он уже много лет куратор! И вообще Архимаг...

Но Айлин смотрела так скованно и настороженно, что Грегор мучительно почувствовал еще большее бессилие, чем в начале разговора. Неужели она боится?! Чего, наказания?! И как разбить вставшую между ними стену?!

- Я говорил с лордом-канцлером о вашем поступке, — уронил он, досадуя, что девица у окна явно превратилась в сплошные уши. - Ваше мужество помогло спасти Дорвенант, и никто не поставит вам в вину некоторую... неосторожность, которую вы при этом проявили. Но мне жаль, что все получилось именно так.

- Мне тоже, милорд, — ответила Айлин этим новым голосом, все еще по-девичьи звонким, но стылым, как весенняя вода. И тут же добавила гораздо теплее и мягче: — Моя заслуга не так уж велика, поверьте! Это Апастор и Лу... То есть лорд Вальдерон и синьор Фарелли! Они настоящие герои. А я сделала то, что должна была.

И снова Грегора резануло по сердцу сознание собственной вины. Никогда, никогда он не простит себе, что идти в этот страшный путь пришлось ей, такой нежной, хрупкой, юной...

- Вам надели артефакторные браслеты? - спросил он, когда молчание в комнате затянулось сверх приличного. - Сочувствую. Но это необходимо, вы же понимаете?

- Понимаю, — отозвалась Айлин, вздохнув. - Но мне сказали, что нет нужды прерывать обучение. Пока не восстановятся каналы, я могу посещать лекции и заниматься теорией. Вы же... позволите мне остаться на вашем особом курсе?

Ее голос дрогнул, и Грегор возблагодарил Всеблагую за присутствие иллюзорницы. Только поэтому он не упал на колени перед постелью Айлин, покрывая руки девушки поцелуями и уверяя, что сделает все, что угодно. Только бы она никогда не смотрела на него с таким затаенным страхом перед отказом.

Айлин - умная и целеустремленная девушка, она желает получить перстень магессы, и это более чем достойно! И хотя обучаться в Академии для замужней женщины немислимо, он что-нибудь придумает! Будет давать ей уроки дома, и это наверняка их сблизит... С остальными преподавателями тоже можно договориться о частном обучении. Никто не откажет Архимагу в подобной услуге. Но сейчас главное, чтобы она полностью выздоровела и восстановила силы. Бреннан - умница! Даже будь каналы Айлин в полном порядке, ей бы не помешало некоторое время носить ограничители. Меньше будет соблазна влипнуть в новую историю, хотя бы пока он не вернется.

- Разумеется, вы сможете учиться дальше, — пообещал он с легким сердцем. - Ограничители лишь временная мера для вашей пользы. Айлин, — позволил он себе отступление от этикета, вложив в это единственное слово всю накопившуюся мучительную тревогу, — вы не представляете, как я... как мы все переживали!

- Простите, милорд...

Она отвела взгляд, и Грегор, пользуясь тем, что иллюзорница по-прежнему стояла спиной, быстро склонился над рукой Айлин, лежащей поверх одеяла. Взял теплую девичью ладонь в свою и поцеловал тонкие пальцы, а потом сразу выпрямился.

Айлин смотрела на него, распахнув глаза так, что они показались огромными на осунувшемся лице. Приоткрыла рот, желая что-то сказать, но лишь беспомощно покосилась на спину подруги, увлеченно протирающей и так чистый подоконник.

- Отдыхайте, — попросил Грегор. - Ни о чем не беспокойтесь, теперь все будет хорошо.

И встал, торопясь выйти, пока не наделал каких-нибудь глупостей. Сердце колотилось так бешено, словно он отбивался от стаи упырей. Впрочем, с упырями он бы точно знал, что делать, это как раз не требовало беспокойства. За его спиной, пока Грегор шел к двери, прозвучал жизнерадостный голос иллюзорницы:

- Ну вот видишь, тебе даже отработку не назначили! И вообще, ты теперь героиня! Как только тебя выпустят из лазарета, устроим в комнате пирושку!

Грегор заставил себя растянуть губы в улыбке. Молодость... Чудесное спасение после подвига - всего лишь повод отпраздновать это! А кстати, еще предстоит выяснить, как у девочки это

получилось. Он точно знал, что формула верна и требует неременной смерти либо мага, либо приносимой жертвы. Но Айлин жива... Благодарение Претемной за это чудо! Он бы и Баргота за него поблагодарил, если бы следовало...

Он вышел в коридор и вздрогнул от неожиданности. Совершенно забыл о фраганце! Но ювелир, кажется, не был в претензии. Он что-то увлеченно черкал карандашиком в крохотном блокноте, а увидев Грегора, поднял на него невозмутимый взгляд. Грегор постарался отогнать мысль о том, сколько лишнего мог услышать излишне увлеченный своим ремеслом мастер и осведомился:

- Вы довольны?

- Чрезвычайно, — любезно поклонился тот и веско уронил: — Я возьму ваш заказ. И это будет шедевр. Если, разумеется, вас устроит цена.

«А что меня может не устроить? - с легким высокомерным недоумением подумал Грегор. - Если уж Райнгартены позволили себе такие расходы, род Бастельеро им точно не уступит. К тому же, насколько я знаю, дела в поместях идут превосходно, а серебряная шахта на границе с Дильмахом становится все прибыльнее...»

- Слушаю вас, — уронил он, и фраганец назвал цену.

- Сколько? - переспросил Грегор, искренне думая, что ослышался.

Ди Амбруаз повторил, сопровождая слова совершенно безмятежным взглядом. «Издевается! - подумал Грегор. - Нет, разумеется, подобный гарнитур - вещь огромной стоимости, но... не настолько же! Что, Фрагана решила взять реванш хотя бы в этом? Любопытно, сколько он запросил с Райнгартенов? То-то Этьен использовал именно слово «разориться».

Он вспомнил зеленые глаза Айлин на бледном личике и веснушки, проступившие от этой бледности еще сильнее. А потом его кольнула холодная мысль, что неизвестно, каким образом закончится его недолгое бурное протекторство. Учítывая, кто взойдет на трон и сколько счетов у будущего монарха накопилось лично к Грегору. Может статься, что его ждет смертный приговор...

«Имею ли я право в таком случае вообще делать предложение этой бедной девочке? - отчаянно подумал он. - Остаться вдовой, так и не став женой по-настоящему - такую ли участь я ей желаю?! Но... не будем умирать раньше времени. И в любом случае, пусть у нее останется мой подарок. Вещь такой цены, которую ей вряд ли подарит кто-то другой. Что-то, хоть немного способное передать, как я ее люблю!»

- Мой поверенный привезет вам деньги завтра, — сказал он совершенно спокойно. - И я чрезвычайно благодарен, что вы согласились взять этот заказ. В ближайшее время я отбываю из Дорвенны по делам Ордена, но мы ведь все решили, не так ли?

- Одно удовольствие иметь дело со столь щедрым меcьюром, — снова поклонился фраганец. - Не будете ли вы столь любезны помочь мне добраться домой?

- Разумеется, — кивнул Грегор. - Надеюсь, не покажусь неучтивым, если найду вам провожатого? У меня очень много дел.

Он посмотрел в окно на сад, где уже сгущались сумерки. День прошел, а так мало сделано! Положим, нужные вещи за ночь соберут слуги, а Райнгартен наверняка уже позаботился об устройстве лагеря. Этого холеного кота пошли хоть к Барготу, стихийник и туда отправится со всеми возможными удобствами.

Они вышли в сад, и Грегор повел гостя к каретному двору.

- Месьор Клод! - раздался вдруг радостный возглас, и от ближайшего экипажа к ним поспешил Гельсингфорц, расплываясь в подозрительно восхищенной улыбке. - И вы не заглянули ко мне?! Я обижен до глубины души!

- Ах, Курт! - отозвался ювелир не менее восторженно. - Мои самые искренние извинения! Очень краткий визит, и я предположить не мог, что встречу вас именно здесь. Но... вы ведь уже решили ваши мелкие сложности с порталами, не так ли? Значит, как обычно, в следующий день Всеумелого? У вас или у меня? Как я скучал, если бы вы знали!

«Все знают всех, — обреченно подумал Грегор, слушая, как эти двое договариваются о встрече в шестой день недели, то есть послезавтра. - Хотя здесь и удивляться нечему. Эти два жадных дракона просто не могли не подружиться! Даже не знаю, на кого бы я поставил, дойди у них до схватки...»

Гельсингфорц тем временем заверил ди Амбруаза, что сам доставит его до портальной площадки,

ведь им нужно поговорить о стольких вещах, и они, раскланявшись с Грегором, сели в экипаж и укатили.

«Я не поговорил с канцлером о Саграссе, — вспомнил вдруг Грегор, глядя на кроваво-алый закат над Академией. - Конечно, у нас и так было слишком много тем для беседы, причем пренеприятных, но я же собирался узнать о его судьбе. Аранвен уже наверняка что-то решил с Советом... Что ж, без меня его не казнят, по закону я должен заверить смертный приговор. Значит, еще неделя у бедняги точно будет, а там посмотрим...»

Он снова посмотрел на закат, в лучах которого крыши и шпили Академии казались тревожно алыми, словно залитыми кровью, поморщился. Кровь - это совсем не то, о чем он хотел бы сейчас думать. Слишком ее было много за последние недели. А ведь с Вишневой ночи минуло меньше двух месяцев!

«Нужно отправить кого-то домой за вещами, — подумал он рассеянно. - Оставить распоряжения секретарям, спросить Бреннана о той гадости на руке Айлин... И что вообще эта безумная девочка сотворила, применив неизвестный аркан? Заодно возьму мазь для ноги... А еще... еще нужно отправить кого-то в цветочную лавку, самую лучшую в Дорвенне. И распорядиться, чтобы Айлин каждое утро доставляли букет. Проклятье, я не знаю, какие цветы она предпочитает! Стыдно, Бастельеро! Ну, пусть приносят розы - их любят все девушки. И эти... лилии. Кажется, они сейчас в большой моде. И вообще, если каждый раз присылать букет из новых цветов, с какими-то получится угадать! Да, утром и вечером по букету - определенно! И никаких карточек, но она ведь будет знать, что это от меня...»

Губы снова вспомнили нежность теплой девичьей кожи, и Грегор судорожно вздохнул, опять нехорошим словом помянув и Райнгартена, и Барготов портал, и вообще всех, считающих, что у Архимага и протектора не может быть личных дел. «Всего неделя, — пообещал он себе. - И мы обязательно будем счастливы».

***

От первого удара Лучано увернулся. И от второго - тоже. Тело, подстегнутое жуткой смесью, двигалось точно, плавно и стремительно. Но третьим Альс все равно умудрился задеть его по плечу, едва не свалив, и тут же продолжил молотить воздух огромными кулачищами, каждый раз промахиваясь совсем немного. В голубых глазах плескалось боевое безумие - и никаких проблесков рассудка. «Берсерк, — вспомнил Лучано. - Вот как это зовут северяне...»

- Она сама этого хотела! - крикнул он, пытаясь достучаться до разума друга. - Альс, она хотела этого!

На мгновение Лучано показалось, что Апастор услышал. Он замер, повел взглядом так, словно что-то искал, - и внезапно его глаза снова вспыхнули.

«Что он такого увидел?!» — удивился Лучано и едва не застонал, почувствовав, как резко ослабли колени. «Умри после меня» перестало действовать. Проклятье, как же не вовремя! А вот в Альса, напротив, словно влились новые силы. Немыслимо быстрым, змеино-гибким движением он наклонился, схватил что-то с земли, шагнул вперед, и Лучано с ужасом увидел, как в руке дорвенантца блестит нож. Нож, с которым не расставалась магесса!

Руки налились невыносимой тяжестью, не давая не то что выхватить рапиру, но даже шевельнуть пальцем. Лучано ясно понимал, что обезумевший Альс вот-вот его прикончит, но не мог ни двинуться, ни моргнуть, только зачарованно смотреть в прозрачно-голубые глаза своей смерти.

Альс взмахнул рукой, и горло обожгло холодом. Боли не было. Пока не было, но Лучано ни на миг не сомневался: через несколько мгновений придет и она. Силы оставили его, ноги подломились, но, уже падая на колени, он увидел, как далеко внизу за спиной Аластора выметываются из леса проворные черные тени, услышал, как почти по-человечески рыдают рвущиеся с привязи лошади, как воеет, захлебываясь, Пушок, а Апастор страшно смеется и не замечает ничего вокруг...

...Он вырвался из тяжелого вязкого сна и не сразу поверил, что проснулся. Рядом, в точности, как в кошмаре, выл и хрипел Пушок. Пушок? Откуда он здесь?! Лучано попытался вскочить, запутался в туго спеленавшем его одеяле, упал на пол, попытался удержаться за крохотный столик у кровати, но вместо этого повалил и его... Шип, называется! Да за такое из гильдии нужно гнать с позором!

Дверь распахнулась, палату залил яркий свет, безжалостно ударил по глазам, и Лучано поспешно прикрыл их рукой, все же успев заметить два силуэта, один - в зеленом, другой - в белом, метнувшихся ко второй кровати... Кровати Аластора! Вот откуда доносился звук, который Лучано принял за хрип волкодава!

- Ах, проклятье! - крикнул первый голос. — С ним же все было в порядке! Придержите мальчика, я взгляну!

- Разумеется, магистр, прошу вас... — отозвался второй, низкий, глубокий и смутно знакомый.

Приподнявшись, Лучано распахнул тут же заслезившиеся глаза, проморгался и лишь тогда все увидел. Альс бился и метался на постели, рычал и хрипел, на его губах выступила пена, а глаза... глаза оставались плотно закрытыми!

Над его головой склонился тот самый целитель, что осматривал их днем, а с правой стороны кровати Аластора пытался удержать... Баргот?!

Это был он! Тот самый всадник на огромном жеребце, примчавшийся на проклятый холм! Тот, что непостижимым образом вытащил Айлин из Запределья, а потом спас Аластора! Высоченный, черноволосый и смуглый, с яркими темными глазами, породистым арлезийским носом и холеной бородкой. Одно лицо с Барготом на стене храма!

Только сейчас он был не в черном дорожном костюме, а в светлом шелковом халате, накинутом прямо на голое тело, и мягких домашних туфлях без задников. Наверное, спал где-то поблизости? Сознание Лучано словно раздвоилось. Рассудком он понимал, что грандсиньор... как же его... Дункан? Что грандсиньор Дункан никак не может быть Барготом. Не отнимал же он магессу сам у себя?! Но память неумолимо обрушивала на Лучано видение, где воедино слились черно-алая закатная фреска и явление спасителя на холм к Разлому. Кто еще, кроме Баргота, способен на подобное?!

«Я схожу с ума, — подумал Лучано. - Может, этот сон - предупреждение? Но о чем? И ради всех Благих, что с Альсом?! Отравили?!»

- Ничего не понимаю... — выдохнул целитель. - Я сам брал у него анализы два часа назад! Кровь была чистой, никаких причин для припадка. Неужели падучая?!

- Нет! - отозвался Дункан. - Это не падучая, звездой ручаюсь.

Он стиснул Аластора обеими руками так, что на мощной спине вздулись мышцы, ясно видные через тонкий шелк. Но припадок, что бы его ни вызвало, утроил силы Альса. Наверное, проще было бы смирить обезумевшего арлезийского жеребца, вроде той зверюги, что передавила демонов у Разлома.

- Я не смогу держать долго! — хрипло выдохнул грандсиньор Дункан. - Бреннан, успокойте же его!

Лучано, отшвырнув, наконец, проклятое одеяло, метнулся к кровати друга, вцепился в его левое плечо, мокрое от пота и дрожащее от чудовищного напряжения словно бы каждой жилкой по отдельности. Навалился, прижимая к кровати всем весом, но понимая, что и этого надолго не хватит...

- Я делаю, что могу! - огрызнулся пожилой маг, и Лучано ясно услышал в его голосе растерянность и даже страх.

Воздух в комнате вдруг задрожал, повеяло запахом мяты, и с пальцев целителя потекла тонкая зеленоватая дымка, впитываясь в голову Альса. Несколько мгновений казалось, что это помогает, Аластор замер, но тут же снова выгнулся с такой силой, что Лучано еле удержался на постели.

И вдруг он почувствовал, что плечо Альса под его пальцами расслабляется, а судороги... Да, судороги стали, кажется, слабее?

Снова хлопнула дверь, по полу прошлепали босые ноги, и рядом с его пальцами легли другие - тонкие девичьи, которые Лучано узнал бы из тысячи! Вот теперь, он готов был поклясться, бывшие Альса судороги действительно начали затихать.

- Ревенгар? - изумился целитель. - Что вы здесь делаете?!

Лучано позволил себе поднять голову и даже немного отстраниться, потому что Альса уже не нужно было держать. Мощное тело дорвенантца заметно расслабилось, опустилось на кровать и будто растеклось по ней. Глаза он так и не открыл, но задышал ровнее, хотя все еще слишком быстро.

А Лучано жадно всмотрелся в Айлин. Рыжие косы синьорины, свободно заплетенные на ночь, растрепались, бледное лицо осунулось, но глаза... глаза остались прежние! Яркие, полные тревоги и слегка испуганного удивления. Невозможно красивые...

На его восхищенный взгляд синьорина ответила своим - сердитым! - и свободной рукой запахнула слишком открытый ворот полотняной ночной рубашки, длинной и просторной, но все равно восхитительно обрисовавшей грудь. Опомнившись, Лучано заставил себя опустить взгляд на Аластора, который разметался по постели.

Мда... Так себе отвлекся, конечно. Грандсиньор Дункан до сих пор удерживал обнаженного по пояс Альса с другой стороны, Айлин замерла напротив него, и Лучано беспомощно подумал, что теперь никогда не сможет избавиться еще от одного видения. Смуглый и черноволосый арлезиец Баргот, медно-рыжая, совсем еще юная Всеблагая из Дорвенанта и словно вылитый из серебра Пресветлый Воин-северянин. Трое самых красивых людей, которых он видел в своей жизни, так близки, что еще немного - и рухнут друг к другу в объятия!

«Великий Безликий! - взмолился он. - Ну почему ты не дал мне таланта?! Будь я равен маэстро дель Арбицци, я продал бы душу кому угодно, лишь бы изваять всех троих - вот так! Воплощенные Мощь и Красота, склонившиеся над юной Силой... Боги, о чем я думаю?! В такой момент! Наверное, это отравы до сих пор гуляет по крови...»

- Ревенгар! - повторил Бреннан, и магесса посмотрела на него, стремительно заливаясь краской.

- Я... не знаю, — выдавила она. - Я проснулась... Мне снилось что-то нехорошее... — Голос дрогнул, и она, отпустив руку Аластора, обняла себя за плечи. - Что-то ужасное. А потом я поняла, что нужна ему... им... Я не понимаю! Что происходит?!

- Ну-ну, дитя мое... — неловко произнес Бреннан, а грандсиньор Дункан, встав, подошел к постели Лучано, взял с нее тонкое покрывало и набросил синьорине на плечи.

Она торопливо закуталась и посмотрела на него с такой благодарностью, что Лучано почти простил им обоим кощунственный поступок - скрыть подобную красоту под складками одеяла! Эти дорвенантцы! Нет бы помедлить еще хоть минутку, а теперь даже тонкие изящные лодыжки и точеные ступни не видно.

- Что происходит?!

Голос Айлин зазвенел приближающейся истерикой, и Лучано себя одернул. Не время думать о приятных фриivolностях! Что-то здесь и в самом деле творится неладное.

- Ничего страшного, — мягко отозвался грандсиньор. - Мы стали свидетелями очень странного явления, но оно не такое тревожное, каким кажется. Теперь все хорошо, и мы с магистром Бреннаном наверняка сумеем разобраться и с причиной, и с последствиями...

Его голос лился, как струя каштанового меда. Темный, сладкий, но с отчетливой горчинкой и потому не приторный. Лучано поймал себя на том, что даже ему хочется расслабиться и безусловно поверить этому прекрасному, достойному всякого доверия человеку. Моргнув, он не без сожаления сбросил приятную негу и с еще большим уважением посмотрел на грандсиньора. Тот, без всякого сомнения, старался ради Айлин. Магесса глубоко вздохнула, и ее напряженные плечи спокойно опустились.

- Вы... вы же правда сможете? - совсем по-детски переспросила она и снова смутилась: — Прошу прощения, я не должна была являться сюда в таком виде! Но Аластор... С ним же все будет хорошо? Ох, Лу, прости, я с тобой не поздоровалась!

- Доброго вечера, синьорина, — с должной почтительной любезностью отозвался Лучано, и где-то внутри болезненно царапнуло по сердцу, когда она, будто опомнившись, кивнула ему.

Так прекрасно воспитанные дамы кивают очень доверенному, но все-таки слуге. Что ж, а он чего ожидал? Что Айлин кинется ему на шею? При свидетелях? Или хотя бы посмотрит, как раньше, весело и открыто?

«Но даже останься мы одни, — безжалостно напомнил он себе, — на такое лучше не рассчитывать. Все закончилось. Она зовет тебя Лу по старой памяти, но скоро вспомнит, что это тоже неприлично. Здесь она грандсиньорина и магесса, а ты... знай свое место, Шип».

Они с Айлин еще раз обменялись взглядами и разом посмотрели на Аластора. Тот лежал с плотно закрытыми глазами и дышал мерно, глубоко, словно спал. Пожалуй, на падучую это и вправду не было похоже, а местные целители-маги знают свое дело. Однако Лучано грызла нарастающая тревога. Вапьерон был воплощением здоровья и телесной крепости! Но не слишком ли дорого обошлось ему спасение Дорвенанта?

Отстранив Бреннана, грандсиньор Дункан опустился на колени у изголовья постели, положил огромные ладони на виски Аластора, влажные от пота, и закрыл глаза. На его правой руке блеснул золотой перстень с крупным камнем, в котором Лучано распознал белый опал редкой чистоты и сияния. Серьга, выполненная ему в пару, качнулась в ухе, когда Дункан склонил голову, и Лучано вдруг понял.

Белый камень! Маг разума! Ну конечно, какой же он идиотто!

Осколки мозаики сошлись в безупречно прекрасном ярком витраже. Все, что Айлин рассказывала о своем таинственном женихе, его подарки и то, как магесса о нем вспоминала... Мужчина, который подарил ей нож из небесного железа и духи с ароматом каштана! Лучано еще тогда понял, что это должен быть очень редкий... экземпляр!

Кто же еще мог бросить вызов самому Барготу, кроме магистра гильдии разумников? И кто мог явиться за синьориной к Разлому, кроме... ее будущего мужа?

Лучано совершенно новым взглядом оглядел великолепную фигуру, едва скрытую светлым шелком. Если с Аластора можно было ваять юного Пресветлого Воина, то грандсиньор Дункан был воплощением роскошной мужской зрелости. Мощная шея, валуны плеч и широкая грудь... Резкие черты лица, напомнившие огромную хищную птицу из тех, что гнездятся в горах Арлезы. Глаза... Черная кайма бородки, обрамляющая чувственный рот. Руки, что сейчас лежат на висках Аластора, крупные, сильные, но такой же правильной аристократической формы, как у самого дорвенантца. И голос. Всеблагая, какой голос! Да за несколько слов, сказанных таким голосом, можно позволить все, что угодно!

«И я еще удивлялся, что она мне отказала?! - с неожиданным отчаянием подумал Лучано. - Ради такого мужчины я бы сам себе отказал! Тьфу, что я несу? Отказал бы такому, как я... А если... Не будь идиотом! Ты же не думаешь, что мужчина, ради невесты промчавшийся через весь Дорвенант и отбивший ее у Падшего, польститесь на... на тебя?! И вообще, это жених Айлин! Фортунато, проснись! Это тебе не предрассветные грезы, в которых возможно все. Всеблагая и Претемнейшая, как же вы любите пошутить... Только я успел очнуться, удивиться и порадоваться, что не сдох на том холме, как судьба показывает мне такое... такого... и без малейших шансов! Обидно же!»

- Это аркан заставил юного лорда видеть кошмар? - напряженно уточнил целитель, но разумник молча качнул головой, так и сжимая виски Аластора.

«Такими руками можно, пожалуй, раздавить голову, — подумал Лучано с восхищенным ужасом. - Если, конечно, приложить должную силу. Какое счастье, что этот достойный грандсиньор нам не враг!»

В самом деле, хватка мага даже на вид была удивительно бережной!

- Юноша пережил сильнейшее потрясение, — заговорил грандсиньор Дункан отсутствующим голосом. - Именно поэтому ему привиделся кошмар. Аркан же призвал на помощь его спутников, и, почувствовав их рядом, юный лорд успокоился. Память о пережитом со временем сгладится, а пока... я настоятельно рекомендую оставить наших героев вместе.

- Молодые люди лежат в одной палате, — напомнил целитель. - Это не слишком помогло.

- Значит, придется поместить сюда же леди, — спокойно закончил грандсиньор Дункан и открыл наконец глаза. — Как только юный лорд справится с потрясением, необходимость в таких мерах отпадет. Я, со своей стороны, сделаю все, чтобы помочь.

- Леди? - беспомощно переспросил пожилой маг. - В одну палату с юношами? Дункан, мальчик мой, вам не кажется, что это уже... слишком?

- Они путешествовали втроем несколько недель, — напомнил грандсиньор Дункан. - Еще несколько дней ничего не изменят в сложившемся положении. Во имя Странника, магистр Бреннан, я тоже не в восторге, но сейчас мы должны позаботиться о здоровье всех троих. Заверяю вас как разумник, если подобное будет повторяться каждую ночь, выздоровление лорда Аластора затянется на неопределенный срок.

- Милосердная Сестра... — вздохнул Бреннан и сочувственно поглядел на Айлин. - Вы слышали, дитя мое? В этом случае даже я не имею права приказывать вам. Ваши заслуги столь велики, что никто не может потребовать от вас...

- Окончательно уничтожить мою репутацию? - подсказала Айлин удивительно спокойным голосом. - Магистр Бреннан, вы полагаете, от нее еще что-то осталось?

Она бросила в сторону разумника быстрый взгляд, и Лучано прикусил язык, сообразив, что не все здесь, возможно, знают о том, что связывает этих двоих. Айлин же продолжала:

- Согласитесь, магистр, очень глупо было бы рисковать здоровьем Аластора, то есть лорда Вальдерона, ради условностей этикета. Если кто-то не поймет, почему я на это согласилась...

- То я сам с радостью это объясню любому! - воинственно закончил целитель, и разумник молча кивнул.

- Тогда я пойду и соберу свои вещи, — с удивительным достоинством и простотой сказала Айлин. -

Вы ведь попросите кого-нибудь перенести сюда еще одну кровать? Незачем ждать до утра, вдруг это... повторится? Аластору нужно выспаться, чтобы восстановить силы.

- Благослови вас Милосердная Сестра! - от души пожелал Бреннан. - Кровать сейчас будет! И ширма! Конечно, мы поставим ширму, чтобы... Идите, дитя мое!

Айлин подхватила покрывало, в которое куталась, чтобы оно не мешало ей идти, и на миг Лучано показалось, что на девичьих плечах не тонкая шерсть больничного одеяла, а королевская мантия. Так не двигаются те, кто боится чужого осуждения и смешков - неважно, за спиной или в лицо. Юная магесса вышла из палаты, безупречно спокойная, почти величественная, и все трое мужчин, включая Лучано, посмотрели ей вслед очень долгим взглядом.

- Пойду распоряжусь! - спохватился целитель, когда шаги Айлин затихли в коридоре. - Ну и ночь... Дункан, мальчик мой, простите ради Сестры! Вы не побудете здесь еще несколько минут? А я пришлю дежурного...

- Разумеется, магистр, — отозвался разумник. - Я подожду, сколько понадобится.

Он дождался, когда пожилой маг выкатится в коридор с удивительным для его возраста и сложения проворством, а потом внимательно посмотрел в глаза Лучано, присевшему на край постели Аластора и уронил:

- Благодарю за помощь, сударь...

- Фарелли! - торопливо отозвался Лучано, с ужасом понимая, что сердце куда-то ухнуло при одном звуке этого голоса, обращенного на этот раз именно к нему. - Лучано Фортунато Фарелли, к вашим услугам.

- Итлиец... — задумчиво сказал грандсиньор, и Лучано молча склонил голову, а потом зачем-то подтвердил:

- Из Вероккьи. И... позвольте выразить вам свою вечную и неизменную благодарность, грандсиньор Дункан.

- Роверстан, — с легкой улыбкой, едва мелькнувшей в уголках губ, поправил его разумник. - Магистр Роверстан, тоже к вашим услугам. Дунканом меня называют только очень старые друзья.

- Мои извинения, синьор, — поклонился Лучано. - Не хотел показаться неучтивым!

«Дункан Роверстан? - изумился он про себя. - Дорвенантец? С таким лицом? И с привычкой ругаться по-арлезийски? Да у него южная кровь бросается в глаза сильнее, чем у меня! Скорее я сойду за дорвенантского дворянина, чем этот синьор! Впрочем... полукровка, может? Или приемный?»

Разумник между тем благодушно махнул рукой, показывая, что принял извинения и вовсе не в обиде. Он внимательно поглядел на Аластора, который уже безмятежно и ровно дышал, и очень любезно осведомился у Лучано:

- Полагаю, мы еще услышим, какие обстоятельства привели вас в отряд... лорда Аластора? И на тот холм...

- О, ничего особенного, грандсиньор! - отозвался Лучано, лихорадочно соображая.

Снова назваться просто наемником? Глупо! Дело вышло такое громкое, что все его участники поневоле прославятся и окажутся под прицелом сотен внимательных взглядов... Маску скромного приказчика уже не сохранить, но... можно попробовать утаить работу на гильдию. Даже нужно, учитывая, кто его нанял! С другой стороны, а что ему скрывать? Второе задание - да, но первым можно только гордиться! И если его правильно подать, никто не станет копать глубже. А ее величество... Что ж, она ему не приказывала хранить тайну ценой собственной жизни.

- Понимаете... — осторожно начал он, испытывая очень неприятное ощущение, что собеседник видит его насквозь. - Есть одна особа, очень заинтересованная в благополучии синьора Вальдерона...

- Синьора? - переспросил разумник. - Именно его? Не синьорины?

- Боюсь, что благополучие синьорины ее совершенно не беспокоит, — извиняющимся тоном подтвердил Лучано. - Но она пожелала, чтобы юный благородный синьор вернулся в Дорвенант живым и как можно более невредимым. А для этого наняла меня и велела присоединиться к их отряду.

- То есть у вас был приказ от этой особы охранять лорда Вальдерона? - уточнил магистр Роверстан.

- Охранять и всемерно способствовать, — склонил голову Лучано не столько в знак согласия, сколько желая избежать пронзительного взгляда черных непроницаемых глаз.

Чутье кричало, что сейчас он ходит по канату, натянутому над пропастью. Если великолепный и восхитительный грандсиньор узнает, что Лучано должен был убить его невесту, то... Убьет. Ни тени сомнения!

- Должно быть, вы очень хорошо выполняли свой долг, — задумчиво сказал магистр. - Если согласились на неизвестный вам магический ритуал, чтобы спасти юного лорда.

- Ритуал? Ах да...

Лучано о нем помнил, разумеется. Синьорина что-то такое говорила. Что-то важное. Очень важное, кажется.

- Вы не помните? - сочувственно спросил магистр, и его глаза странно блеснули. - В таком состоянии, как тогда, это неудивительно. Тогда позвольте вам сказать, что вы согласились соединить себя магическими узами с лордом Вальдероном и леди Ревенгар.

«Только если получится, мы оба будем связаны с Алом. Я не знаю точно - как! Это потом снимут... Наверное... — всплыл в памяти горячий шепот Айлин. - Там ключ на добровольности. Мне нужно... твоё имя».

Что же он ей ответил?!

- Клянусь Претемнейшей, — повторил Лучано вслух то, что подсказала цепкая память Шипа, даже в том помрачении запечатлевшая каждое слово. - Позволю синьорине Айлин все, что ей угодно...

- Именно так, — кивнул Роверстан. - Это было очень великодушно с вашей стороны. И весьма неосторожно.

Лучано посмотрел на него, впервые медленно осознавая, что сделал. Айлин каким-то образом их связала?! Всех троих? Тогда это помогло Альсу выжить, а сегодня... Альс, умирая от страха в кошмаре, позвал их обоих?! И Лучано, и Айлин кинулись к нему, словно их дернули за невидимый поводок!

- Но как же это... — с трудом шевельнул он губами. - Да, я согласился, но... Это снимается?!

Роверстан пожал плечами. А потом посмотрел на Лучано и с явным сочувствием добавил:

- Орден сделает все возможное.

«А иначе ваш будущий король будет связан с каким-то подозрительным итлийцем-простолудином, — хотел съязвить Лучано, однако язык не повернулся. - При этом Шипом, проклятым на смерть. И еще неизвестно, как это отразится на Аласторе в случае чего! Ее величество будет в бешенстве. Гильдия будет в бешенстве, когда все узнает. Мастер Ларци... ох, что он со мной сделает! Отказаться от предложения аккару, чтобы дать клятву девчонке-магессе и принцу-бастардо?! Еще и непонятно к чему обязывающую клятву!»

- Посмотрите на свою левую руку, — мягко сказал разумник, молча наблюдавший за ним. - Выше локтя.

Лучано закатал просторный рукав рубашки, в которую его переодели, и... замер.

Черная шипастая лоза трижды обвивала его плечо, чуть проступая над кожей. Несколько изящных узких листьев, никаких цветов или бутонов, но роскошные длинные шипы. Смертельная изысканная красота. И приговор для того, кому нельзя иметь никаких особых примет.

- Это... — начал он и осекся, не зная, что сказать.

- След аркана, — тихо подсказал Дункан. - У леди Ревенгар такой же на правой руке. У лорда Аластора их два, на правой и левой. Полагаю, это потому, что вы оба ему присягнули магически. Орден исследует это явление самым тщательным образом, можете не сомневаться. Но боюсь, что в Итлию вы в ближайшем будущем не вернетесь.

- Думаю, нанявшая меня особа это... учтет, — растянул Лучано губы в бесстрастной и насквозь фальшивой улыбке.

Лоза... Лоза для Шипа! Какая... забавная и вместе с тем мерзкая шутка судьбы! И что ему теперь делать?! Отличная добавка к проклятию, спящему под сердцем! Хотя правда сбегай в гостеприимно

распахнутые объятия аккару! Там все будет честно, а главное, по его собственному выбору!

- Жалеете? - понимающе уточнил магистр, и Лучано вдруг опомнился.

По собственному выбору? Но... разве Айлин его заставляла?! Он сам согласился на все, желая спасти Аластора! И вовсе не ради приказа Беатрис! Просто потому, что Альс должен жить. Иногда забавный, иногда раздражающий своей прямоотой и упрямством, но честный и великодушный... Истинный принц, воплощение благородства, словно сейчас из красивой детской сказки. И так хочется, чтобы он просто жил где-то... Просто знать, что этот мир не совсем утонул в грязи, раз уж в нем есть такие, как Альс и синьорина Айлин!

Жалеть?! Он бы сделал это снова. И расплатится по всем счетам, которые судьбе будет угодно ему предъявить.

- Нет, — совершенно спокойно уронил Лучано и аккуратно опустил рукав обратно. - Вы же помните, я согласился на это сам.

В коридоре послышался шум, дверь распахнулась, и двое здоровяков в простой коричневой одежде втащили кровать. Еще пара внесла следом ширму из плотной ткани, натянутой на деревянную раму. Кровати Лучано и Аластора сдвинули почти вплотную, отгородили их ширмой, а третью кровать поставили у окна. Аластор во время всего этого шума так и не проснулся.

- Вот как? — Магистр Роверстан пристально посмотрел ему в глаза. - Что ж, примите мое уважение. Редкое присутствие духа. Я имею в виду, вы ведь тогда в самом деле были... несколько не в себе. Наверное, не очень хорошо помните все случившееся?

И снова Лучано ударило ощущение шагов над пропастью. Холодная злая тревога, заставляющая пригнуться, чтобы смертельный удар пролетел рядом. Он вспомнил располосованную ладонь грандсиньора и полную пригоршню крови, полетевшую... куда-то. И яростные слова на арлезийском, то ли проклятия, то ли заклинания, летящие по ветру. И несколько раз помянутый Баргот.

«Он разумник, — почему-то очень спокойно подумал Лучано, глядя в непроницаемые черные глаза. - Если его обвинят в поклонении Барготу, это будет очень логично и обоснованно. Как-то же он уговорил Запределье вернуть синьорину. Все знают, что разумники не так уж давно отреклись от Падшего и вернулись в лоно благой веры. Грандсиньор магистр, похоже, и сам ходит над пропастью. Сколько же он поставил на карту ради невесты! Да попросту все. Если докажут... ему не жить. В Итлии барготопоклонников жгут, а здесь что делают? Четвертуют вроде бы...»

- Не понимаю, о чем вы говорите, грандсиньор, — улыбнулся он любезно и очень уверенно. - Я прекрасно помню, как вы и синьорина Айлин спасали его вы... то есть лорда Вальдерона! - тщательно оговорился он, и арлезийские глаза Роверстана понимающе блеснули. - И как я давал согласие синьорине - тоже помню. А вот все, что было до этого... Увы, оно как в тумане. Разве синьор Бреннан, дай Сестра ему здоровья, вам не говорил? Мне под зельями такое виделось! Помню, смотрю вроде бы на демонов, а вижу голубых котов. И один из них, самый крупный, алхимический змеевик в лапах тащит! С розовым маслом! - добавил он убежденно, вспомнив скотину Мышьяка. - Хорошо, что самого Баргота не увидел, хвала Благим!

- Сочувствую... — медленно сказал Роверстан, и его черные глаза, до этого казавшиеся Лучано кусочками ледяной Бездны, неуловимо потептели. - Голубые коты, значит?

- Именно так, — истово подтвердил Лучано. - Матерые, на задних лапах! Вы только не говорите никому, ладно? Мне моя репутация еще дорога!

- Ну что вы, сударь, — усмехнулся магистр, весело блеснув окончательно оттаявшим взглядом. - Я прекрасно понимаю! Желаю скорейшего выздоровления, еще увидимся.

Он поклонился и вышел, а Лучано почувствовал, что рубаха на спине насквозь промокла от пота и прилипла к коже. Словно допрос у грандмастера выдержал! Но теперь, если синьор действительно разумник и пустит правильные слухи, никто не поверит словам человека, которому такое мерещится. Понятно же, под зельями был!

Забравшись в свою постель, он несколько минут лежал и ждал, не прозвучат ли снова легкие шаги Айлин. Очень хотелось поинтересоваться у синьорины, что она учинила над ними всеми. Но мгновения тянулись, и Лучано нечаянно задышал в том же ритме, что и лежащий рядом Альс, а потом... незаметно уснул.

Что-то изменилось. Аластор понял это, едва успев проснуться, хотя никаких видимых причин для беспокойства вроде бы не было. Тело уже не ныло так, будто он свалился с лошади, и чашка с шамьетом не показалась непосильной тяжестью, как вчера. Руки, во всяком случае, не дрожали.

Аластор усмехнулся про себя: хорош герой, на ноги встать страшно. Вон, Лучано уже вовсю болтает с хорошенькой целительницей, которая принесла им завтрак, и ходит по палате... Кстати, а почему их кровати стоят так близко?! И... Он наконец понял, что именно изменилось. Ширма!

- Лу! - позвал он, когда разругавшаяся от комплиментов девица выпорхнула из комнаты. - Зачем это?

И указал взглядом на темное полотно, перегородившее комнату так, что кровати пришлось почти сдвинуть.

Итлие, кормивший Перлюрена остатками своего завтрака, посмотрел на Аластора очень странным взглядом и бесстрастно поинтересовался:

- А ты не помнишь?

- Я должен что-то помнить? - Аластор приподнялся, чтобы опереться о подушку, и скривился от боли. - Когда ее поставили? Вечером же ничего не было. — Он осекся, внимательно посмотрел на Лучано и вкрадчиво уточнил: — Ну и что теперь мне лучше не знать?

- Альс! - Итлие обиженно вскинулся, выпустив енота из рук. - Я бы и так все рассказал!

- Тогда рассказывай, — согласился Аластор и опять отпил пару глотков шамьета.

Снова поморщился, на этот раз не от боли, а вдруг оценив разницу между этим напитком и тем, что варил в походе Лу. Вроде бы и меда в шамьете хватает, и не горчит, но... Все равно, что сравнивать месьора д'Альбрэ с обычным фехтовальщиком. Однажды поняв разницу, уже ни за что не перепутаешь.

Лучано вздохнул, опять подхватил Перлюрена и каким-то подозрительно равнодушным тоном сообщил:

- У тебя ночью был кошмар. Очень сильный. Странно, что ты его не помнишь, но, может, это и к лучшему. Тебя били судороги, как в падучей, даже грандсиньор Бреннан ничего не мог сделать. И грандсиньор Дункан - тоже. А потом... — Он прерывисто вздохнул и тем же нарочито ровным тоном закончил: — Потом пришла синьорина Айлин, мы с ней оказались рядом, и все прекратилось. Ты просто уснул и проспал до самого утра.

- Так... — Аластор снова посмотрел на ширму и обострившимся в последнее время чутьем на неприятности понял главное. - Я спал? А где были вы?

- Здесь, — бледно улыбнулся Лучано. - За этой перегородкой теперь стоит кровать синьорины. Господа маги считают, что это должно помочь, пока не получится убрать последствия второго ритуала.

- Второго... ритуала?

Аластор испытал почти непреодолимое желание встать, взять этого кошака итлийского за шиворот и хорошенько встряхнуть, чтобы из него вылетело сразу все. Какой второй ритуал?! Какие последствия?! И почему Айлин теперь придется жить в этой же комнате?! Это непристойно в высшей степени! Если в походе к Разлому им приходилось делить палатку по необходимости, то здесь, в Академии, подобное нарушение этикета оправдать нельзя. Но неужели маги Ордена это не понимают?!

- Лу... — сказал он тихо и вроде бы спокойно, но итлие, у которого чутье было даже лучше, чем у самого Аластора, заметно напрягся. - Если ты сейчас же не расскажешь мне все по порядку с самого начала, я... тебе хвост оторву!

В последний момент он все-таки проговорился, забыв, что имеет дело не с Паскудой, но Лучано не обиделся, только посмотрел укоризненно, и Аластору стало почти стыдно. На пару мгновений, не больше! А потом он допил шамьет - как можно было так испортить вкусный напиток? - и сел поудобнее, опираясь на высокие подушки, а Лучано, снова вздохнув, спустил енота с коленей и принялся рассказывать.

Все по порядку, как Аластор и потребовал. О том, как на холме появился один из орденских магов, причем не Бастельеро, как смутно ожидал Аластор, а какой-то иной, совершенно ему не знакомый.

Дункан Роверстан, магистр Белой гильдии. Как этот разумник подхватил выпавшую из Разлома Айлин и принялся спасать Аластора. Как Айлин, видя, что надежды нет, провела ритуал. Тот самый, второй, в который по уши влез уже и Лучано. Подарочек дона Раэна, чтоб его... Не мог объяснить заранее, что это за гадость, раз уж подарил?!

Услышав про магическую метку, Аластор молча закатал сначала один рукав, затем второй. Глянул - и его передернуло. Черная вязь оплетала руки и выглядела не нарисованной, а словно впаянной в кожу, едва заметно выступая над ней. Какие-то веточки, острые листики, шипы... Ничего особенного, даже было бы красиво, наверное, но от метки веяло чем-то невероятно чужим и странным. Аластора передернуло, и он опустил рукава.

- У тебя тоже? - спросил отрывисто, и Лу кивнул.

- На одной, — уточнил он спокойно. - Слева. А у синьорины Айлин - справа. Насколько я понял грандсиньоров магов, эти метки нас и связывают.

«Словно клеймо на породистом жеребце, — с неприязнью подумал Аластор. - Простой честный шрам был бы куда лучше. Впрочем, не мне жаловаться. Если эта метка спасла мне жизнь... Интересно, а откуда на холме взялся этот маг? Как его... Роверстан? Да, точно, Дункан Роверстан...»

Спрашивать об этом он не стал, откуда Лучано знать? А тот продолжал рассказывать в подробностях и, кажется, ничего не утаивая. Как вскоре после второго ритуала открылся портал, и на холм явились маги из Академии во главе с самим лордом-протектором. Ах, он теперь, оказывается, еще и Архимаг?

«Осталось только на трон взойти, — ядовито подумал Аластор. - Все остальные возможности возвыситься лорд Бастельеро уже использовал. Впрочем, если у него получится и это, я уж точно в претензии не буду».

- Значит, убрать метку, - он кивнул на свою правую руку, — пока нельзя?

Лу молча помотал головой.

- А вам... придется быть рядом со мной?

Лучано так же молча кивнул, словно у него слова кончились, явление для говорливого итлийца настолько необычное, что Аластор даже отвлекся от собственных тяжелых дум.

- Слушай, — начал он неловко, — я понимаю, что ты на такое не рассчитывал. И если я смогу как-то исправить... Я все для этого сделаю!

«Они же действительно оказались ко мне привязаны, — осенило его. - И Лу, и Айлин! Но... как теперь быть? У них собственная жизнь. Айлин должна продолжить учебу, а Лу снова уедет в Итлию... или куда-нибудь еще, куда его позовет ремесло наемника. Я не могу требовать, чтобы они остались рядом со мной, просто не имею на это права! И ни за что не стану даже просить. Но маги, наверное, сделают с этой связью что-нибудь. И все закончится!»

Он представил, что приходит новый день - а они, все трое, расстались. Больше нет необходимости делить одну палатку и добытую Пушком дичь. Айлин не станет сушить волосы у костра, а Лу - расчесывать их, жмурясь от удовольствия и думая, что никто этого не видит. Не будет шамьета, сваренного в котелке, но куда вкуснее, чем у поваров Академии. Не будет пахнущей дымом одежды и мохнатого тела Синьора Собаки, как зовет его Лу, греющего им всем ноги в палатке. И лютни на привалах, и фырканыя Искры...

Вообще не будет ничего, связавшего их навсегда теснее, чем родных братьев и сестру! Ни опасностей, ни боли и смертей, ни той особой искренности, что возможна лишь с людьми, которым доверяешь свою жизнь. Они... просто снова пойдут каждый своей дорогой! А главное, с чего он, Аластор, взял, что кому-то из них нужна эта связь?

- Не бери в голову, Альс, — опять улыбнулся Лучано, и фальшь в этой улыбке мог бы заметить только тот, кто видел совсем другие улыбки итлийца. - Я останусь, пока буду тебе нужен. Думаю, ее величество поймет все обстоятельства. А синьорина...

- Кстати, где она? - встрепнулся Аластор. - Я должен ее увидеть...

Мысли теснились, не желая облекаться в слова должным образом. Конечно, он не станет упрекать Айлин! Лу был прав, она не могла поступить иначе. Но он должен сказать ей... Сказать все!

- Ушла, — отозвался Лу. - Сказала, что идет в купальню, а потом к себе в комнату, забрать кое-какие вещи. Альс, ты же не думаешь, что девица обойдется гребешком и парой лент, если вернулась домой? Да я бы сам сейчас из купальни неделю не вылез! Но надо подождать, пока все заживет...

Он продолжал болтать, и Аластора почти отпустила странная тревога, накатившая, стоило подумать о проведенном ритуале. Здесь полно могущественных магов, придумают что-нибудь! Главное, что все закончилось. Ведь закончилось, правда?! И он, и Айлин с Лучано живы, почти здоровы, не покалечены. Айлин даже магию не потеряла! Все остальное можно исправить или вытерпеть...

В дверь постучали, Лучано смолк, а в следующее мгновение она открылась, и в палату шагнул высокий худой человек в белом, которого узнал бы любой дворянин Дорвенанта. Серебро когда-то золотистых, а ныне седых волос, темно-серые пронизательные глаза на бледном лице, почти лишенном морщин. И взгляд, безусловно, доброжелательный, но все равно Аластору захотелось выпрямиться под ним, словно удерживая давящую тяжесть.

- Лорд Вальдерон, — спокойно сказал канцлер Аранвен, не спрашивая, а утверждая. И внимательно посмотрел на Аластора. - Сударь Фарелли. ..

Взгляд, похожий на арбалетный прицел, переместился на Лучано. Понятливый итлиеэ вскочил с постели, поклонился и заявил:

- Мое почтение, грандсиньоры! Кажется, моему еноту необходимо погулять. С вашего позволения!

Он подхватил Перлюрена и, дождавшись едва уловимого, но, несомненно, одобрителного кивка гостя, выскочил в коридор. А лорд-канцлер присел на стул напротив кровати Аластора, положил на колени кожаный футляр для бумаг и так же негромко уронил:

- Я чрезвычайно рад видеть вас живым и в добром здравии, ваше высочество.

«Началось», — подумал Аластор так равнодушно, будто слова первого человека в государстве после короля относились к кому-то другому.

- Прошу прощения, милорд, — сказал он с должной учтивостью, — но вы ошибаетесь. Я наследник рода Вальдерон и никем иным быть не могу. Полагаю, вам это известно лучше, чем любому другому. Если не ошибаюсь, это ведь вы устраивали брак моих родителей, — вовремя вспомнил он слова отца.

В темно-серых глазах канцлера появился интерес, и он посмотрел на Аластора еще внимательнее. Несколько мгновений длилось молчание, потом Аранвен снова заговорил:

- Вы совершенно правы, мой юный лорд. Однако это положение дел перестало быть верным два дня назад. Вот здесь, — он показал на футляр, — документы геральдической королевской коллегии об исследовании вашей крови. Я приношу самые почтительные извинения, что ритуал провели без вашего ведома и позволения, но обстоятельства не позволяли с этим тянуть. Однако счастлив сообщить, что ваша принадлежность к роду Дорвеннов не может вызвать ни малейшего сомнения. Теперь вы самым законным образом подтвержденный и признанный принц крови, последний и единственный наследник трона по мужской линии.

- Признанный кем? - бросил Аластор, чувствуя, как внутри разгорается гнев. - Разве может признать бастарда кто-то другой, кроме его... отца?

- Это возможно в особых обстоятельствах, — бесстрастно ответил Аранвен. - Например, если родитель умер или погиб. В таком случае ответственность за установление истины берет на себя геральдическая коллегия. Ваш случай далеко не единственный.

- А эта коллегия всегда ждет больше двадцати лет?! - выдохнул Аластор. - А потом копается в грязном белье, чтобы разрушить семью? Опозорить женщину, которая и так пострадала, измазать грязью репутацию мужчины, который спас ее и ребенка? Милорд Аранвен, я глубоко благодарен вам за то, что обрел в лице лорда Вальдерона настоящего отца. Но я отказываюсь признавать себя сыном человека, который так поступил с моей матерью. Не говоря уж о том, что он меня так и не признал. Да что там признавать! За всю мою жизнь он уделил мне пару слов на представлении ко двору! И я должен иметь к нему какое-то отношение?!

Он чуть понизил голос, понимая, что говорит слишком громко. Но Аранвен, казалось, ничуть не оскорбился. Сложив изящные бледные руки на футляре с документами, он рассматривал собеседника с интересом, словно редкую книгу или диковинную зверюшку. Дождался, когда Аластор отдышится после приступа резкой боли, а потом сообщил также ровно и спокойно:

- Я понимаю ваше возмущение, лорд Вальдерон.

Аластор хотел высказать все остальное, что накопилось на душе, но запнулся, услышав этот

бесстрастный, чуть утомленный голос, а главное - обращение! Канцлер с ним не спорил! Неужели... он признал доводы? Однако следующей фразой Аранвен подтвердил опасения, что легкой победы в этом споре Аластору не видать.

- Но прошу заметить, — уронил он, — что ритуал исследования крови подтверждает не отцовство, а принадлежность к определенному роду. Скажите, разве все остальные Дорвенны перед вами чем-то провинились?

- При чем тут они? - возмутился Аластор. - Вы же хотите, чтобы я признал себя сыном совершенно определенного Дорвенна! Именно того, который отказался от меня и матушки!

- Я? - приподнял серебристые брови канцлер. - Благие с вами, милорд. Неужели из моих слов можно сделать такой вывод? Я полностью разделяю ваше возмущение поступком его величества. Это было весьма непорядочно с его стороны. Правда, я могу поручиться честью, что король всю жизнь сожалел об этом, но слова мало что стоят без поступков. Поверьте, я вполне понимаю вашу привязанность к лорду Себастьяну и всецело ее одобряю. Никто не требует от вас отказываться от рода Вальдеронов. В конце концов, вы единственный и признанный наследник.

- Ничего не понимаю, — вырвалось у Аластора. - Нельзя же быть одновременно Вальдероном и Дорвенном!

- Нельзя, — невозмутимо согласился канцлер. - Зато можно признать себя Дорвенном по крови и сохранить титул лорда Вальдерона в качестве одного из малых титулов, а затем передать его кому-то из своих детей. Что касается урона репутации ваших родителей, то... все зависит от того, как представить это двору. Родить бастарда короля - поступок не слишком почтенный, но подарить Дорвенанту спасителя и восстановить едва не угасший великий род Дорвеннов - это милость Благих, не иначе. Не нам спорить с их решениями.

В палате стало так тихо, что Аластор прекрасно слышал листву, шелестящую за окном. А еще быстрый и тут же прервавшийся стрекот енота... Оставалось надеяться, что на последний звук обратил внимание только он.

- Вы все продумали, да, ваша светлость? - сказал он так же тихо, как до этого Аранвен. - Скажите, а чем вас не устраивает возвести на трон одну из принцесс? Они совсем юны, но ведь можно назначить регента. Я не слишком хорошо разбираюсь в политике, но есть вы, есть лорд Бастельеро... Зачем вам именно я? Кровь Дорвеннов продолжится в детях их высочеств Алиеноры и Береники.

- Не по мужской линии, — возразил канцлер. - Аучитывая, что принцессы пошли в мать, не сохранив родовые черты Дорвеннов, можно с уверенностью утверждать, что они унаследовали кровь Дорве в куда меньшей степени, чем вы.

Он вздохнул и проникновенно взглянул Аластору в глаза, а потом задумчиво поинтересовался:

- Могу ли я узнать, почему вы так упорно отвергаете то, что положено вам по праву? Обида на его величество? Это веский довод, но король, как бы он с вами ни обошелся, умер, а Дорвенант жив и нуждается в вас. Это наследие ваших предков, милорд, ваша страна, и она молит вас о помощи. Юные принцессы, даже при наличии регента, это совсем не то, что нужно для уверенности в будущем. Никто не собирается лишать их подобающего положения, но трон и корона Дорве должны принадлежать тому, кто способен их удержать и защитить. Вы молоды, сильны, прекрасно воспитаны и овеяны героической славой спасителя - Дорвенант примет вас с радостью! Будучи королем, вы сможете повести его к процветанию. Право, я не понимаю вашего отказа от заслуженной награды...

- К процветанию? - фыркнул Аластор. - Милорд канцлер, я действительно выгляжу провинциальным неучем, способным поверить в эти красивые обещания? Вы пытаетесь всучить мне нищую страну, разоренную демонами даже меньше, чем ее собственными лордами. Я проехал от столицы до южной окраины, и знаете, что я видел? Голодные деревни и города! Рынки с ценами, взлетевшими до небес. Необработанные земли. Жителей, которые косятся на каждого чужака, подозревая в нем грабителя. Менял, обманывающих путников и уверенных в своей безнаказанности. И селян, знающих, что скорее умрут от голода, чем получат помощь у своего сеньора! Процветание! Да будь Дорвенант лошадкой, я бы посоветовал избавить ее от мучений, сдав на скотобойню! Простите, милорд канцлер, но я с четырнадцати лет помогаю отцу вести хозяйство. На землях Вальдеронов порядок и то самое процветание, о котором вы говорите, но лишь потому, что мы с отцом старались ради этого много лет. Я знаю, что такое управлять большим поместьем! Это ежедневные заботы, которые никогда не заканчиваются! А вы хотите, чтобы я взял на себя ответственность за весь Дорвенант?! Чтобы отказался от собственной жизни, которая мне нравится, и полностью лишился свободы?! Ваша награда выглядит хуже каторги, с той, говорят, хоть сбежать можно! А от короны, которую сам согласился надеть, уже не сбежишь.

Он замолчал, с трудом переведя дух и вдруг устыдившись собственных слов. Теперь Аранвен будет думать, что имеет дело с трусом и лентяем, уходящим от исполнения долга. Ну и пусть думает! Потому что три недели путешествия к Разлому и даже готовность пожертвовать собой несравнимы с пожизненным исполнением обязанностей короля. Шагнуть в лапы хоть демонам, хоть самому Барготу - подвиг. А то, что предлагает Аранвен, участь рабочей лошади, пусть даже этой лошади полагается самый лучший корм и богатая сбруя.

- Я чрезвычайно рад, что не ошибся в вас, лорд Аластор, — уронил канцлер, поднимаясь со стула. - И прошу только об одном, подумайте над собственными словами прежде, чем дадите мне окончательный ответ.

- Он окончательный! - упрямо заявил Аластор, но величественный лорд покачал головой, так что благородная серебряная седина блеснула на солнце.

- Позвольте мне пока его не принять, — мягко попросил он и, отступив на шаг, отвесил изысканный глубокий поклон, положенный для прощания с лицами королевской крови.

Аластор молча склонил голову, благо больному или раненому, лежащему в постели, это дозволялось. Оставив футляр с документами на столике у кровати, Аранвен прошествовал до самой двери, но возле нее обернулся и посмотрел на Аластора с прежним непроницаемым лицом, только во взгляде его что-то изменилось.

- Я старый человек, лорд Аластор, — сказал он совершенно спокойно. - Врата Претемных Садов кажутся мне все ближе. Но в этой стране будет жить мой сын, мои родичи и множество других не безразличных мне людей. И я всей душой желаю, чтобы Дорвенант благоденствовал. Сейчас тот редкий миг, в который судьбу нашей страны можно повернуть к лучшему или к окончательной гибели. Будь у меня еще одна жизнь, я бы с радостью потратил ее на благо Дорвенанта, как уже потратил эту. О, я прекрасно знаю, какова цена, которую платят за власть. Ни один разумный человек не назовет ее малой. Но я все же прошу... нет, я умоляю вас взять корону, чего бы это вам ни стоило. Кораблю, лишенному руля, не помогут поднятые паруса, они лишь скорее погубят его. Дорвенанту нужен король. А король, знающий, что власть - это не только удовольствия, нужен во много крат больше. Я навещу вас через несколько дней, с вашего позволения, но если примете решение раньше, прошу известить меня в любое время.

И он вышел, прикрыв за собой дверь и оставив Аластора растерянным и пристыженным.

Через несколько минут дверь открылась, и в палату проскользнул Лучано с Перлюреном на руках. Енот держал в лапах ветку с какими-то ягодами и упоенно лопал их, перемазав мордочку темным соком. Спустив его на пол, итлиец растянулся на своей кровати, лениво отщипнул кусочек оставшейся от завтрака булочки...

- Все слышал? - прямо спросил Аластор, вспомнив стрекотанье под окном.

- Да, — спокойно ответил Лучано. Помолчал и добавил: — Но у меня нет приказа сообщать ее величеству обо всем, что я вижу и слышу. Если только она не задаст прямой вопрос. Но... откуда ей знать, в каких именно кустах любит гулять Перлюрен?

- Вряд ли для нее это тайна, — буркнул Аластор. - То есть про меня, а не про Перлюрена. И... что думаешь?

- Ты спрашиваешь моего мнения? - изумился Лу, приподнявшись на локте и повернувшись к Аластору. - Становиться тебе королем или нет?!

- Это я и сам знаю, — с досадой отозвался Аластор, чувствуя себя дураком, потому что так и не нашел в разговоре с канцлером нужных слов. Как можно объяснить, что отчаянно боишься не справиться? Это ведь тоже трусость, хоть и другого сорта, чем та, что он показал. - Корона мне не нужна! Я сын своего отца и никогда не хотел быть кем-то другим. Настоящего отца, понимаешь?

Он искоса глянул на Лучано, который достал платок и принялся старательно оттирать измазанную мордочку и лапы Перлюрена, словно в мире ничего нет важнее. Это Аластор мог понять, он и сам шел чистить лошадей, когда нужно было хорошо подумать. Хм, выходит, Лу сейчас о чем-то усиленно размышляет? Потому что в последнее время енот отлично умывался и сам.

- Знаешь, Альс... — начал задумчиво Лучано, не поднимая взгляда от попискивающего зверька. - Я ничего не понимаю в ваших дорвенантских делах, но... Королева Беатрис - она ведь Риккарди, верно? Риккарди - это деньги, много денег. И если у ваших грандсеньоров есть капля разума, они не выпустят из рук такой золотой источник. Но если разума у них больше капли, то и останься на троне регентшей при своих дочерях они Беатрис не позволят. Потому что Риккарди тогда очень быстро приберут к рукам весь Дорвенант. Страна у вас хоть и бедная, но выжать из нее можно много, если правильно взяться за дело, а Риккарди это умеют. Им плевать, сколько в девочках-принцессах итлийской крови, а сколько -дорвенантской, главное, чтобы могли подписывать векселя

и правильно вышли замуж. И, думается мне, грандсиньор канцлер это понимает лучше нас. Поэтому остаешься ты. Молодой, красивый, да еще и герой. И он запихнет тебя на трон, чего бы ему это ни стоило. А вернее, чего бы это ни стоило тебе.

- Не понимаю, — угрюмо сказал Аластор. - А если я не соглашусь? Нельзя короновать кого-то против его воли.

Лучано посмотрел на него с обидной жалостью, как на несмышленного ребенка, и мягко пояснил:

- Это ты сейчас так думаешь. На самом деле еще как можно. М-м-м... Ну представь, ты откажешься - и что дальше?

- Уеду домой, — убежденно отозвался Аластор. - В поместье. И носа больше в столицу не покажу! Пусть возводят на трон, кого хотят. В самих Аранвенах достаточно крови Дорве!

- Уедешь, — кивнул Лучано. - Я даже не сомневаюсь. Но если бы грандсиньор канцлер хотел сесть на трон или посадить туда своего сына, он бы так и сделал. Беда в том, что ты, Альс, всегда будешь упреком любому, кто на этот трон взойдет. Опасным упреком. И захоти кто угодно свергнуть короля - любого короля! - лучше предлога, чем твои права, не найти. Ты же последний и единственный по мужской линии претендент, остальным тебя никогда не догнать! И любой король всегда будет бояться, что ты передумал. Или что тебя попросту используют, как знамя, под которое соберутся все недовольные. Понимаешь? Ну и как тебя в живых-то оставить при этом?

- Что? - растерялся Аластор, так просто и обыденно Лучано это сказал. - Ты думаешь, меня убьют? Но я же откажусь от трона! Поклянусь Благими!

- Благие высоко и далеко, — пожал плечами итлиец. - А корона - вот она. Альс, я верю, что ты не нарушишь клятву по своей воле. Но у тебя ведь есть родные, верно? Родители, сестры... А теперь скажи, сможешь ли ты сдержать клятву, если твои батюшка с матушкой однажды пропадут из вашего поместья? А потом ты получишь письмо, что они гостят у твоего верного подданного, который мечтает восстановить справедливость и увидеть тебя на троне. И что ты будешь делать, Альс? Опять откажешься, зная, что получишь их головы?

- Лу... — пораженно выдохнул Аластор. - Ты что говоришь? Так... просто не бывает! Зачем?! Зачем кому-то возводить меня на трон такой ценой?!

- Ну, например, чтобы на трон не сели Риккарди, — так же спокойно объяснил Лучано, рассеянно почесывая енота за ухом. - Это у вас тут на всех итлийцев смотрят одинаково, чуть ли не как на родственников. А в Итлии у семьи Беатрис врагов больше, чем устриц на отмелях. И они наизнанку вывернутся, чтобы Риккарди не укрепились еще сильнее, подмяв под себя аж целый Дорвенант! А еще есть ваши грандсиньоры, Те, у кого есть подходящие сыновья, через несколько лет передерутся за право женить их на принцессах, а потом поделить трон. А те, у кого дочери, продадут Барготу душу, лишь бы выдать одну из них за тебя, а потом... сам понимаешь. И поверь, твое мнение интересоваться не будет никого. Можешь вообще отречься от трона в пользу своих детей, тебе только спасибо скажут. А вот если женишься по собственному выбору и откажешься от короны, тебе всю жизнь придется беречь наследников - они ведь тоже будут нужной крови.

- Хватит! - не выдержал Аластор и принялся растирать пальцами виски, которые заломило. - Тебя послушать, так мне стоило самому прыгнуть в Разлом и ни в коем случае оттуда не выбираться!

- Так и есть, — усмехнулся Лу. - Вот если бы ты оказал всем любезность и героически погиб, очень удобно было бы тебя любить. Поставили бы тебе памятник на главной площади, назвали твоим именем два-три десятка новорожденных - и беллиссимо! А ты имел наглость остаться в живых и теперь мешаешь всем, будто камешек в башмаке.

- И что мне делать? - мрачно спросил Аластор, вдруг испытав недостойное подозрение, что Лучано говорит это все по приказу королевы или канцлера. - Принять корону?

- Разве я могу за тебя решать? - пожал плечами итлиец и скормил еноту остаток булочки. - Это твоя жизнь, Альс. Но сейчас, пока тебя просят со всей учтивостью, можешь ставить условия. А вот потом, если возьмут за горло, придется соглашаться на чужие. Тебе никто не позволит выйти из игры, слишком высокие в ней ставки. Так не лучше ли хотя бы самому выбрать правила?

- Я... подумаю, — отозвался Аластор, глубоко вздохнув, и Лучано понимающе кивнул.

«А еще ведь есть Айлин, — непрошено кольнула предательская мысль. - Ты клялся себе, что защитишь ее репутацию. Никто не посмеет открыто обвинить в непристойном поведении девушку, которая спасла короля. И что мне делать? Я не хочу ни власти, ни всего, что к ней прилагается. Но не обойдется ли это слишком дорого тем, кого я люблю? И снова я должен сделать выбор сам».

***

- Эта мне тоже велика, — вздохнула Айлин, стягивая очередную мантию и кидая ее в кучу уже примеренных и отвергнутых. - Да что же такое!

- А я тебе говорила, что ты отошала, как кошка помоечная, — невозмутимо напомнила Иоланда, сидя на кровати и лениво расчесывая волосы. - Белье ведь тоже висит, верно?

- Ты про козу говорила, — расстроено буркнула Айлин и попыталась одной рукой подхватить и прижать лиф, который действительно болтался на ней слишком свободно. - Коза, кошка... Ну и что теперь делать? Попросить прислугу, чтобы подогнали? А пока в чем ходить?

- Если ушить, потом расставлять придется, — заметила Иоланда со своей обычной рассудительностью. - Ладно уж, Ревенгар, придумаем что-нибудь. Иди в купальню, а я попрошу девочек найти тебе вещи. Но послушайся доброго совета, возвращай обратно то, что у тебя было! - И она выразительно провела рукой по собственной пышной груди. — Кстати, это правда, что ты теперь будешь ночевать в одной палате с двумя мужчинами?

- Правда... — настороженно отозвалась Айлин и искоса взглянула на соседку по комнате.

Если Иоланда скажет, что это неприлично, значит, вообще вся Академия думает именно так!

- На! - Иллюзорница решительно придвинула к ней сундучок с богатейшим собранием пудр, кремов, помад и прочих достижений алхимии. - Хотя нет, все тебе не нужно, сейчас выберем. Что ты на меня так смотришь? Ревенгар, ты же не будешь бегать сюда каждое утро, чтобы подкраситься? А ходить при мужчинах бледной молью я тебе не позволю. Нечего нашу комнату позорить! Так, вот это тебе не надо, это тоже, а вот это обязательно... Ничего, мы из тебя быстро красавицу сделаем. Вот этим намажешь волосы перед мытьем и поддержишь, вот этим потом смоешь. Это для умывания. Это для ресниц и бровей, только намазывай на ночь. А вот этого - три капли на расческу и сто раз по волосам, когда высохнут. Эй, ты меня слышишь?!

Гора отложенных для нее баночек и флакончиков стремительно росла, у Айлин предательски защипало в глазах и в носу. Конечно, они с Иоландой давно уже не ссорились по пустякам, как при первой встрече, но и такого трудно было ожидать. Вспомнилась ночь, когда она сбежала от лорда Бастельеро - тогда Иоланда тоже поддержала ее.

- Я все не запомню.

Она шмыгнула носом и посмотрела на подругу с виноватой благодарностью. Иоланда фыркнула и явно хотела высказаться насчет ее умственных способностей, но тут в дверь постучали, и раздался голос, при звуках которого Айлин кинулась натягивать первую попавшуюся мантию:

- Вы позволите?

Дункан? В женском крыле?! Среди бела дня?!

- Минутку! - откликнулась Иоланда и, обернувшись к Айлин, сделала огромные глаза, а потом прошипела:

- Ревенгар, ты совсем с ума сошла? Тебя же девицы на ленточки порвут! Мало тебе двух красавчиков в лазарете? Ты что, с преподавателем закрутила? Да еще... с ним?!

Айлин, барахтаясь в мантии, яростно замотала головой и жалобно пискнула:

- Нет... Иоланда, ты все не так поняла...

- Ну коне-е-е-ечно... — Иоланда быстро одернула на ней мантию и, схватив щетку, принялась приводить волосы Айлин в порядок. - Это я все не так поняла? Да вся Академия видела, как он тебя на руках таскал! Два раза, между прочим. Сначала перед тем, как ты исчезла... Ну, когда демоны старого Архимага сожрали. А потом — когда вернулась. От самого портала в лазарет нес, больше ведь некому оказалось. Да не вертись ты! Но чтобы прямо сюда прийти?

Она ловко уложила мгновенно заплетенную косу вокруг головы Айлин, заколола шпильками и открыла баночку с помадой.

Айлин снова замотала головой. Краситься? Сейчас?! Когда Дункан стоит под дверью и ждет ее?!

Она едва сообразила, что никто в Академии не знает об их тайной помолвке, значит, для всех это выглядит просто визитом преподавателя к адептке. Мало ли зачем она могла понадобиться? Может... это из-за Аластора?!

- Перестань, — прошипела она, отталкивая руку Иоланды с кисточкой. - Это просто... Ничего такого, слышишь? Это из-за Разлома! Милорд Роверстан пытается снять с моих спутников аркан, который я нечаянно наложила. Вот и все!

Вскочив, она сунула ноги в башмачки и кинулась к дверям, чувствуя, как спину жжет недоверчивый взгляд Иоланды. Стыдно-то как! Ведь Иоланда скоро узнает, что Айлин ей соврала. Все узнают, когда станет известно об их свадьбе! Но пока что надо молчать. Ей только и не хватало сплетен девиц, которые много лет охотились на Дункана!

Айлин едва не застонала, бросив мимолетный взгляд в большое зеркало, висящее рядом с дверью. Ужас! Хуже всякого умертвия! Лицо бледное, осунувшееся, волосы потускнели, и прядки торчат, несмотря на старания Иоланды. Мантия сидит отвратительно! А губы? Может, и правда стоило мазнуть по ним помадой? Самую капельку, легонечко! Зато не было бы видно, какие они обветренные. Иоланда права - кошка драная! Помочная! И вот такой выйти к Дункану?! Он, конечно, видел ее в лазарете, но тогда было понятно, что она еще больна, а сейчас...

Она замерла на пороге, рассматривая носки своих башмаков и боясь посмотреть вверх.

- Доброго дня, адептка Ревенгар, — снова раздался его голос.

Решившись, Айлин подняла взгляд, и Дункан едва заметно улыбнулся ей, скорее блеснувшими глазами, чем губами. Какой же он все-таки красивый! Странно, что из комнат по всему коридору еще не торчат любопытные уши, но можно не сомневаться, что ждать этого недолго. Не каждый день магистр гильдии приходит к адептке, да еще и чужого факультета!

- Доброго дня, м-милорд, — проговорила она, не сомневаясь, что Иоланда за спиной ловит каждое слово чутко, словно кошка, стерегущая мышь. - Вы хотели меня видеть?

Дура! Конечно, хотел, раз уж пришел! Да что же у нее все так не попадет?! Айлин едва не застонала, но Дункан чуть склонил голову и сообщил все тем же спокойным и любезным тоном преподавателя, говорящего с ученицей:

- Лорд Эддерли просил сообщить, что ожидает вас в лазарете. Его очень интересует все, что случилось во время вашей поездки.

- Милорд магистр Эддерли? - растерянно переспросила Айлин. - Д-да, конечно... А... лорд Бастельеро?

- Его светлость Великий Магистр отбыл по делам Ордена и вернется не раньше, чем через несколько дней, — так же невозмутимо сказал Дункан. - В его отсутствие вашим делом будет заниматься лорд Эддерли как глава вашей гильдии. Ну и мы с магистром Бреннаном, если вы не возражаете.

Он снова спрятал улыбку в усы, но Айлин все же успела ее заметить, и сердце радостно стукнуло. Видит Претемная, это лучшее, что могло пока случиться! Лорда Бастельеро нет в Академии, так что разговаривать с ним пока не придется. Она вдруг осознала, что именно услышала. Великий Магистр?! Архимаг всего Ордена?!

Когда лорд Бастельеро пришел к ней в лазарет, на нем не было семилучевой звезды, но раз Дункан говорит, это должно быть правдой. Лорд Бастельеро - Архимаг... Ну что ж, он действительно этого достоин. Архимаг должен быть строгим и непреклонным, так что никто не справится с этой ношей лучше. Но... хорошо, что теперь лорд Бастельеро занят более важными делами. А магистры Эддерли и Бреннан - они замечательные! Тоже строгие, но добрые и справедливые... Им можно рассказать... почти все! Нет, про аккару она будет молчать, разумеется, но вот остальное точно можно!

- Конечно, я иду! - ответила Айлин радостно. - Иоланда? - Она обернулась в комнату и попросила: — Ты же позаботишься? Ну, о том, что обещала...

И выразительно глянула на кучу мантий.

Иллюзорница молча кивнула, жадно разглядывая магистра за ее плечом, но тому к любопытным взглядам девиц было не привыкать. Благоклонно кивнув Иоланде, он отступил, пропуская Айлин в коридор, и пояснил:

- Я сам провожу вас. Есть обстоятельства, по которым этой беседе лучше состояться в моем присутствии. Кроме магистра Эддерли, с вами побеседует мэтр Овайн из службы безопасности Ордена. Не пугайтесь, это обычная процедура для любых случаев, связанных с жертвоприношением.

Айлин чуть не спросила, кто кого приносил в жертву, но вовремя прикусила язык и снова обозвала себя душой.

- Но я не знаю, что рассказывать, — растерянно отозвалась она, спускаясь по лестнице на первый этаж. - Я сама не поняла, как все получилось!

Тетрадь Кирана Лоу! Магистр Бреннан, должно быть, уже забрал ее, а там описаны оба ритуала, и тот, что она украла у лорда Бастельеро, и подаренный доном Разном. Ну и как объяснить магу из службы безопасности, где она их взяла?

Айлин невольно замедлила шаг, покосившись на Дункана, невозмутимо идущего рядом. Спросить его? Нет уж, за свои поступки нужно отвечать самой! Лорд Бастельеро обещал, что никакого наказания не будет, но служба безопасности... про них рассказывают всякое. И, между прочим, их главой был мэтр Денвер!

Они свернули за угол, и полдюжины боевиков-старшекурсников, громко обсуждающих то ли дуэль, то ли драку, разом смолкли. Торопливо отдав магистру положенный по этикету поклон, они жадно воззрились на Айлин, так что ей захотелось немедленно осмотреть себя - нет ли дыры на мантии. Такими взглядами можно и прожечь!

- У нее на счету демонов, как у нас всех, вместе взятых... — услышала Айлин восхищенный шепот за спиной, которому сразу откликнулось несколько голосов: - Закрытый разлом... А еще она в Запределье была... Я вру?! Магистр Ладечки тоже врет, по-твоему? Не профаны же разлом закрыли! А может, она и Баргота видела?..

Айлин передернулась и невольно опять опустила голову. Ей бы радоваться, столько обожания и восторга слышалось в этих словах, но никак не получалось. Перед глазами вставал огненный ветер, который едва спас их всех, и тут же следом вспоминалась жуткая вонь паленых демонов. Неупокоенная деревня. Бывший преподаватель, ставший мерзкой нечистью. Усталость, голод и отчаяние. Страх не справиться... Они и правда думают, что она героиня? А ей больше всего хочется забыть то, что наверняка будет являться в кошмарах до конца дней. И никому не объяснить, что держать на руках умирающего друга гораздо страшнее встречи с Барготом...

- Академия полна слухов, — ровно уронил Дункан, подтверждая самые неприятные ее мысли. - Но это даже хорошо. За слухами легче спрятать то, о чем говорить не хочется. Кстати, при беседе будет использован артефакт, определяющий ложь, поэтому отвечайте на вопросы правдиво и ничего не бойтесь.

Они спустились в крыло целителей и уже почти дошли до кабинета магистра Бреннана, когда Дункан остановился и снова обратился к ней:

- Могу я кое о чем попросить? - Айлин торопливо кивнула, и он продолжил: — Мэтр Овайн, который будет с вами беседовать, разумник. Сами понимаете, я не имею права вмешиваться в вашу беседу и диктовать ему, какие вопросы задавать. Поэтому... — В его глазах вдруг заплескали веселые искры, а голос упал до заговорщицкого шепота: — Убедительно прошу вас во время разговора с мэтром Овайном ни в коем случае не думать о...

- О нашей помолвке? - подхватила Айлин, удивляясь, что жених просит ее о подобном.

Будто она сама не понимает, что никому не нужно об этом знать! Пока, во всяком случае. Но ведь разумники не умеют читать мысли... или все-таки умеют? Ей не раз казалось, что Дункан все-таки читает, значит, могут и остальные? Не все, конечно, ведь даже проклинать умеют не все некроманты, но уж маги из службы безопасности - наверняка!

- Что? - изумленно переспросил Дункан. - Нет, моя дорогая! Ни в коем случае. Полагаю, если мои собратья по гильдии узнают о нашей помолвке, они только порадуются за меня. Я хотел попросить вас не думать об... арлезийских львах и способах их ловли. Боюсь, что увидеть... подобное... окажется слишком ярким впечатлением для моего немолодого и почтенного коллеги. Обещаете? - Конечно! - горячо заверила Айлин, чувствуя, как загорелись щеки при воспоминании о том сне. Он все-таки видел это в ее мыслях! И не забыл за целых пять лет? - Вот только, — спохватилась она почти сразу, - вдруг я снова увижу змею? Вы же знаете, я...

- Не слишком хорошо переносите магию разума, — кивнул Роверстан. - Видения змей вам не грозят, ведь ваша собственная магия заблокирована. Однако я в любом случае буду рядом и позабочусь о вашей безопасности.

Айлин успела послать ему взгляд, полный благодарности, а затем Дункан распахнул перед ней дверь и, войдя следом, объявил:

- Милорды, мы к вашим услугам. Мэтр Овайн, прошу помнить, что беседа не должна быть слишком долгой. Адептка Ревенгар все еще не здорова.

- Магистр Бреннан сообщил мне об этом уже трижды, — отозвался высокий сухощавый старик в белой мантии, окинув Айлин неприятно пронзительным взглядом. - Право, милорд Роверстан, нет нужды напоминать в четвертый раз.

Айлин сделала реверанс, чувствуя, как взгляды скрестились на ней, словно векторы, по которым

идет заклятие. Магистр Бреннан сидел за своим столом, а рядом с ним в кресле расположился магистр Эддерли, и оба пожилых мага смотрели на нее с доброжелательным сочувствием. Мэтр Овайн отошел от окна, возле которого стоял, и опустился на один из двух свободных стульев, жестом предложив Айлин занять второй. За спиной слышались шаги - Дункан прошел на освободившееся у окна место и встал там, скрестив руки на груди.

Откашлявшись, магистр Эддерли чуть наклонился вперед и попросил:

- Итак, Айлин, дитя мое, не ответите ли вы нам на несколько вопросов?

Айлин, сложив руки на коленях, благовоспитанно отозвалась:

- Да, милорд магистр.

- Превосходно, — кивнул Эддерли ей и обратился к седому разумнику: — Мэтр Овайн, прошу.

- Это ваша вещь? - отрывисто поинтересовался тот, поднимая в руке знакомую тетрадь. - Откуда она у вас?

- Да, мэтр, — ответила Айлин, порадовавшись, что первый вопрос такой простой. - Это подарок моего учителя, мэтра Кирана Лоу.

- Лоу? - Овайн вскинул седые брови. - Я не знаю такого преподавателя.

- Кхм... — снова откашлявшись, прервал его Эддерли. - Мэтр Лоу был штатным призраком нашего факультета много лет. Пожалуй, его можно назвать преподавателем, учитывая... Айлин, вы его вызывали? На занятиях?

- Нет, милорд магистр, — покачала Айлин головой. - Мы... встречались вне занятий. Однажды мэтр Лоу предостерег меня от очень большей ошибки и после этого стал моим наставником. Он помогал мне... — Она вспомнила их последнюю встречу и с трудом вдохнула ставший вдруг плотным воздух. - А перед тем, как уйти в Сады, он оставил мне этот дневник.

- Призрак сказал вам, как его найти? - с подозрением уточнил разумник.

- Нет, мэтр Овайн, — возразила Айлин. - Этот дневник сделан частично из его тела, поэтому остался с ним после смерти мэтра Лоу. И поэтому он смог воплотить его, чтобы отдать мне.

- Человеческая кожа... — пробормотал Овайн, глядя на тетрадь с брезгливым отвращением. - Снять с себя кожу, чтобы сделать гримуар? Кто поручится, что это было добровольно?

- За это поручился сам Лоу, — вмешался Эддерли. - Овайн, вы разумник, вам простительно не знать, что артефакт, изготовленный подобным образом, нельзя украсть или отнять даже в посмертии, чем и воспользовался Лоу. И создать его маг может исключительно сам. Это не те гримуары, с которыми вы имеете дело по службе, расследуя всякие темные ритуалы. Как магистр Фиолетовой гильдии свидетельствую, что Айлин Ревенгар могла получить данную тетрадь от ее создателя и ни от кого иного.

- Но она отдала ее итлийцу! - возмутился разумник. - Как это соотносится с вашими словами?

- Не отдала, а передала на сохранение, — парировал Эддерли. - Уверяю вас, если бы кто-то украл гримуар или отнял силой, то очень об этом пожалел бы. Такие вещи умеют о себе позаботиться. Именно поэтому я рекомендую вернуть его адептке Ревенгар. Вы же сами видели, что большая часть записей сделана много лет назад и не представляет интереса для нашего... разговора. Кстати, прекрасный учебник по нежитиеведению получился бы, - вздохнул он. - Айлин, дитя, если вы позволите сделать с него копию...

- Я буду очень рада, — кивнула Айлин. - И мэтр Лоу тоже порадовался бы.

- Вернемся к нашему делу, — сварливо сказал Овайн и, раскрыв тетрадь, ткнул в нее пальцем. - Ритуал, предназначенный для закрытия Разлома. Где вы с ним познакомились?

Айлин снова глубоко вздохнула и призналась:

- Я... увидела его в бумагах лорда Бастельеро, моего куратора.

- Вот как? - Глаза Овайна блеснули, словно у кота, увидевшего мышку. - И где, позвольте спросить, вы имели случай сунуть нос в эти бумаги?

«Только бы не выдать Дарру, — мелькнуло в мыслях Айлин. - Ой, нельзя об этом даже думать. Нет-нет... Но что же сказать? Может, что залезла в кабинет лорда Бастельеро на спор? Да какая разница, все равно это проступок, заслуживающий изгнания из Академии с позором!»

Но прежде, чем она открыла рот, магистр Бреннан с каменным лицом поинтересовался:

- А почему бы вам, дорогой Овайн, не спросить об этом самого лорда Бастельеро? Уверен, наш дорогой Великий Магистр с удовольствием ответит, где он, — целитель сделал явное ударение на последнем слове - оставил эти бумаги, так что их смогла прочитать адептка-шестикурсница. Между прочим, одна из его личных учениц, несколько лет посещавшая особый курс вместе с сыном лорда Эддерли - последовал небрежный кивок в сторону магистра некромантии - и сыном лорда-канцлера Аранвена.

Овайн захлебнулся глотком воздуха вместе с тем, что хотел сказать. Беспомощно посмотрел на невозмутимого Эддерли, затем куда-то в окно. Кажется, в сторону Башни Архимага. А может, и в сторону двorca. Пошевелил губами, а потом выдохнул:

- Ну, если особый курс... Полагаю, это меняет дело. Наверное, вы увидели их среди учебных записей, верно?

- Да! - радостно выдохнула Айлин, вспомнив, что план ритуала действительно был засунут среди планов лекций. - Честное слово, я нечаянно его увидела! Там... были лекции...

Претемная, благослови магистра Бреннана! Если бы не он...

- И контрольные, вероятно? - фыркнул Овайн, стремительно выбравшись на знакомую почву. - Впрочем, это уже мелочи. Итак, вы увидели ритуал и сразу поняли, как его применить? Данное заклятие не относится к общеизвестным.

- Это вариант заклятия ключа, — ответила Айлин предательски дрогнувшим голосом. - А ему меня научил милорд магистр Кристоф. Я... была с ним, когда... он...

- Тише, тише! - прервал ее Бреннан и метнул на разумника сердитую молнию взгляда. - Овайн, вы с ума сошли? Напоминать бедной девочке этот ужас! Она была с Кристофом в его последнем бою! Может, вы и в этом хотите ее обвинить? Айлин, так это наш дорогой магистр Кристоф?..

Айлин кивнула и пояснила отвратительно дрожащим голосом:

- Он сказал, что это из тех знаний, которые передаются только от наставника к ученику. И что он... хочет научить... меня... Я не знала, что он собирается делать, честное слово! А он показал мне плетение и... шагнул в разлом...

Голос у нее все-таки сорвался. Айлин сама не ожидала, что будет так больно вспомнить о гибели старого боевика. Того, кто указал ей путь такой страшной ценой.

Бреннан налил из кувшина воды в стакан и подал ей, а Эддерли сердито глянул на разумника и холодно уточнил:

- Мы все свидетели, что Айлин Ревенгар, несмотря на юность, доблестно исполнила свой долг магессы в том бою. И что она осталась с магистром Кристофом по его просьбе. Дать последний урок даже собственной смертью - это... так в его духе. Разумеется, девочка изучила и запомнила заклятие ключа, а когда увидела его вариацию, то сразу поняла, что это. Ревенгар одна из лучших адептов, да и уроки Бастельеро чего-то стоят, знаете ли. Овайн, если вы собираетесь расспрашивать так подробно, вам понадобится не одна беседа, а дюжина. В лучшем случае!

Они ее защищали! И магистр Бреннан, и магистр Эддерли! Прикрывали от неудобных вопросов, наверняка зная правду! То есть вряд ли они знали, что лорд Бастельеро разрабатывал это заклятие, чтобы применить его на Аласторе, но... если даже она додумалась, то уж лорд Эддерли точно должен был все понять.

У Айлин опять защипало глаза, как при разговоре с Иоландой и при воспоминании о смерти Кристофа. Что-то она сегодня так и норовит расплакаться. Обычно такое настроение посещало ее перед женскими днями, но для них вроде бы не время? Она попыталась вспомнить, когда придут очередные, запуталась и отбросила эти мысли - нашла, о чем думать! Да еще во время допроса!

Что это допрос, а не просто беседа, уже было совершенно понятно. И ясно, почему Дункан не стал предупреждать ее заранее, Айлин перепугалась бы до полусмерти, ожидая от мага страшной службы безопасности чего угодно. А так... Она была очень благодарна всем трем магистрам и, пожалуй, зла на Овайна. Желание расплакаться сменилось возмущением столь быстро и сильно, что Айлин посмотрела на разумника так же сердито, как до этого глядел Эддерли.

- Милорд Эддерли, прошу не мешать, — огрызнулся тем временем Овайн. - Я всего лишь выполняю свою работу! В этом деле множество неизвестных моментов, которые не позволяют с полным доверием отнестись к словам адептки Ревенгар. Например, очень хотелось бы узнать, где она познакомилась с... известной вам особой! То есть лордом Вальдероном. Или это вы тоже

предложите узнать у него самого?

- Отличная мысль, — ехидно вставил Бреннан. - И вполне исполнимая. Могу лично проводить вас к его высочеству. Но что бы он ни ответил, с каких пор знакомство юного дворянина и такой же юной дворянки является предметом ваших расследований? Я полагал, вас интересует, как Ревенгар закрыла Разлом, а не ее знакомства.

- Простите, но так невозможно работать! - Овайн вскочил и, развернувшись, уставился на пожилых магистров, ответивших ему безмятежными взглядами. - Милорд Роверстан, не могли бы вы объяснить, что мои действия требуют полного сосредоточения?

- О, прошу прощения, дорогой Овайн! - откликнулся от окна Дункан изысканно любезным тоном. - Но перед вашим появлением я уже говорил им об этом... да-да, раза три, не меньше. Не повторять же мне в четвертый, как вы сами недавно изволили заметить.

Айлин только чудовищным усилием смогла удержаться от смешка.

«А вот не надо было задевать Дункана! - подумала она с мстительным триумфом. - Он не даст в обиду ни себя, ни меня . »

Эта мысль была такой сладкой, что Айлин едва не пропустила следующий вопрос, слетевший с побелевших от злости губ седого разумника.

- Благодарю за помощь... — процедил он и снова обратился к Айлин: — Вынужден все-таки спросить, вы понимали, к какому результату приведут ваши действия? Что, если бы у вас не хватило сил закрыть Разлом? Или если вы погибли бы?

- Если? Но я и так знала, что погибну. - Айлин искренне удивилась, что Овайн не понимает такой простой вещи. - Просто я должна была уберечь его высочество. Он последний из Дорвеннов и... мой друг. А сильных некромантов достаточно, рано или поздно у кого-то получилось бы то, что не смогла сделать я. Это же ради спасения Дорвенанта! Простите, я... что-то не то сказала?

Она обвела взглядом пожилых магов, уставившихся на нее с одинаково странным выражением лица. То ли с удивлением, то ли... В другом случае она бы подумала, что это восхищение. Во всяком случае, они смотрели в точности, как те боевики в коридоре.

- Нет-нет, дитя мое, — первым опомнился магистр Эддерли. - Вы совершенно правы. - И перевел взгляд на мэтра Овайна. - Может быть, перейдем к действительно важным вопросам? Вы говорили, что намерены провести исследование разума адепки. Полагаю, вы понимаете, что долго оно длиться не может? Так что советую тщательно рассчитывать время.

- Не дольше нескольких минут, — подтвердил Бреннан и поднялся с кресла. - Идите сюда, девочка моя, здесь будет удобнее. Нет-нет, не спорьте! Вы забыли, что я ваш целитель? Вот так, садитесь...

Растерянная Айлин, к которой разом вернулись все страхи, села в глубокое кресло и откинула голову на его мягкую высокую спинку. Исследование разума? Это значит, что ей заглянут в мысли?! Встрепенувшись, она умоляюще посмотрела в сторону Дункана и тут же устыдилась своей несдержанности. Ее жених сказал, что ничего страшного не случится. Она должна хотя бы в этот раз довериться ему! Но... Дункан не знает, что ей действительно есть, что скрывать. О, как много она должна утаить, если подумать!

Просьбу Дарры, которая привела ее в кабинет лорда Бастельеро! И... ту ночь, которая была перед этим. И предложение... оба предложения! Не покажет она этому противному старику, что связывает ее и Дункана! Что-то не похоже, чтобы мэтр Овайн порадовался за своего магистра... А еще у нее в разуме можно подсмотреть секреты Лучано, которые ей вовсе не принадлежат! И тот позор, когда лорд Бастельеро нашел Аластора в ее комнате и выгнал! Претемная, благослови еще раз магистров Бреннана и Эддерли, которые не дали мэтру Овайну расспросить ее об этом. Ни за что не удалось бы доказать, что это была просто невинная детская дружба! А еще ей непременно нужно скрыть встречу с Барготом и Претемной! Это, наверное, самое страшное. Вдруг ее... сочтут барготопоклонницей?! Что же делать?!

- Успокойтесь, адепка, — мрачно приказал мэтр Овайн, глядя на нее и не торопясь подходить. - Это совершенно безвредная процедура. Вам даже больно не будет. Я всего лишь задам пару вопросов, и вы постараетесь как можно точнее вспомнить то, о чем я спрошу. Во всех подробностях.

Айлин послушно кивнула, больше всего желая очутиться подальше отсюда. Магистры Эддерли и Бреннан смотрели на нее ободряюще, а в сторону Дункана Айлин сама боялась глянуть, помня его просьбу. Никаких арлезийских львов! Только бы никаких арлезийских львов. Ни в коем случае не думать о них...

- Прошу вас быть как можно осторожнее, коллега, — предупредил Дункан. - У адепки Ревенгар

непереносимость белой магии и не совсем обычная реакция на нее.

- Она же в браслетах, — отозвался Овайн, приглядываясь к запястьям Айлин. - Какое значение имеет непереносимость?

- Ну, даже не знаю, — пожал магистр могучими плечами, обтянутыми щегольской белоснежной мантией. - Лично я встречался с этим эффектом дважды. И если в первый раз отделался разбитым об меня стаканом, то во второй адептка Ревенгар меня едва не убила. Вот, милорд Эддерли подтвердит.

- Подтверждаю, — бросил Эддерли. — Милорду Роверстану тогда чрезвычайно повезло. Но вы не беспокойтесь, мэтр, при необходимости я поставлю щит. Да и браслеты удержат... наверное...

От сомнения в его голосе Овайн побледнел еще сильнее, а Роверстан поверх его головы подмигнул Айлин именно в тот момент, когда Эддерли с Бреннаном не видели. Она не решилась улыбнуться в ответ, но на душе стало спокойнее.

Разумник тем временем перенес стул к ее креслу и, усевшись, бесцеремонно положил неприятно холодную руку Айлин на лоб. Да она еще и влажная! Айлин почему-то явственно вспомнила мэтра Денвера - хотя вот у него руки были сухие. Только грязные, с обломанными ногтями, а уж когда он полез этой рукой ей под рубашку... Фу! Стоит только вспомнить, как начинает мутить! Ну что ж, мэтра Денвера больше нет, она сама... ну, почти сама его успокоила. Нечего и вспоминать такую дрянь!

Айлин старательно попыталась отогнать видение, как она лежит на мэтре Денвере и всаживает некромантский нож ему в грудь, пока руки кадавра удерживают Лучано с Аластором. Ох, ну и поза... Но тогда было не до приличий!

Разумник вздрогнул и почему-то уставился на нее с ужасом.

- Вы... — Он откашлялся и спросил хриплым голосом: — Вы его встретили? М-м-мэтра Денвера?!

- Да, — виновато подтвердила Айлин и добавила с проснувшейся снова злостью: — Он сам был виноват! Он хотел принести меня в жертву! И вселиться в тело Аластора! То есть его высочества! И вообще, что плохого, что я успокоила кадавра?

- Сделали что? - спросил Эддерли, опять наклоняясь в ее сторону. - Дитя мое, вы встретили мэтра Денвера?! Хм, я понимаю ваши чувства, Денвер был... пренеприятной личностью, но звать кого-то кадавром - для девицы это несколько чересчур...

- Но это же правда! - растерялась Айлин. - Когда он попытался нас убить, Лучано Фарелли убил его самого! И мэтр Денвер встал кадавром! А я его успокоила!

- Вы... его... успокоили... — Магистр Эддерли смотрел на нее так, что Айлин едва не испугалась, но упрямо кивнула. - Кадавра?! Во имя Претемной, как вы могли успокоить кадавра, дитя мое?!

- Я отдала его Провожатым. Понимаете, однажды я помогла Провожатым забрать призрака, который охотился на людей. То есть на одного человека, но это неважно. Я его успокоила, и господу Провожатые забрали этого мерзавца. И сказали, что в долгу передо мной. - Айлин едва не убрала голову из-под руки Овайна, но вовремя опомнилась. Это она могла рассказать, тут стыдиться или бояться нечего. - А когда мэтр Денвер встал кадавром и напал на нас, я позвала Провожатых. И пришел сам лорд Бастельеро! То есть не этот, не его светлость, а другой... старый! Его дедушка... Но очень похож, я сразу его узнала. Он мне подсказал про мост и любезно согласился забрать мэтра Денвера!

- Ну, если это был Стефан, то... неудивительно, — слабым голосом подтвердил лорд Эддерли, разглядывая Айлин, словно какую-то диковину. - Продолжайте, дитя мое. Значит, Денвер встал кадавром? Вот этому тоже нисколько не удивляюсь! Что ж, туда ему и дорога. Полагаю, вы позаботились об останках?

- Да! - радостно подтвердила Айлин. - Мы их сожгли, и все нужные ритуалы я тоже провела. Между прочим, мэтр Денвер, пока еще был кадавром, обещал зачесть мне экзамен по нежитеведению за то, что я его опознала.

Рука разумника на ее лбу почему-то стала еще более влажной, и Айлин решила, что сейчас неподходящий момент просить магистра Эддерли засчитать ей практику за упокоенную деревню. Наверное, лучше потом? А сейчас побыстрее бы избавиться от этой противной потной руки! И тетрадь мэтра Кирана забрать, пока ее не испачкали...

- Вспомните Разлом, — велел Овайн слегка окрепшим голосом. - Все, что было до и после проведения ритуала. Как именно вы его закрыли?

- Кровавым ключом, — терпеливо повторила Айлин. - Тем ритуалом, что я... взяла у лорда Бастельеро. Кровь его высочества Аластора я использовала как ключ, а в Разлом шагнула сама.

- Это нам уже известно, — проскрипел Овайн. - А что было потом?

- Н-не помню, — соврала Айлин. - То есть помню темноту! И боль. Было очень больно! - Здесь она сказала чистую правду, и рука разумника у нее на лбу дрогнула, будто подтверждая.

Айлин же изо всех сил пыталась вспомнить каждое мгновение этой невыносимой оглушительной боли, пряча за ней тихий ночной сад, террасу и накрытый стол, два тонких профиля, нежность и участие... Прятать почему-то было удивительно просто. Айлин точно знала, что забыла что-то важное, но даже то, что помнила, легко скрылось багрово-ало- черным туманом боли.

- А потом я вернулась обратно, — выдохнула она.

- Хорошо... — прозвучал над ее головой тихий шепот мэтра разумника. - Вспоминайте...

Перед глазами так явственно, будто Айлин снова очутилась там, встал холм, словно вырастающий из тумана, Искра, украшенная цветами, как сахарная лошадка - глазурью, темная груда зарубленных демонов...

Виски вдруг заболели так, словно ей на голову надели раскаленный обруч и медленно сжимают его все сильнее и сильнее... Это и есть чтение мыслей? Ну уж нет! Гадкому старику, который соврал, что не будет больно, она ни за что не позволит увидеть ни одной самой крохотной мысли! Понятно, почему Дункан просил ее не думать об арлезийском льве - если бы его увидел этот... этот...

Над холмом в ее памяти раздалось торжествующее ржание, и по склону легко, как на крыльях, взлетел огромный черный конь. На спине коня, припав к холке и вставив задние лапы в стремя, сидел...

Айлин закусила губу, в панике пытаясь подумать о чем-нибудь другом, о чем угодно! Но черный арлезийский лев, облаченный в белую мантию разумника, не исчез! Густая смоляная грива торжествующе развевалась по ветру, хвост с роскошной кисточкой на конце хлестал воздух. Перехватив поводья одной могучей лапой, лев наклонился в седле и небрежно рванул когтями другой снова возникших невест откуда демонов!

Ох, как можно быть такой бестолковой! Она же обещала не думать об этом проклятом льве! Айлин почувствовала, как на глазах закипают слезы, и боль почти тут же прекратилась.

- Мэтр? - удивленно спросил магистр Эддерли, глядя на пожилого разумника.

Встав со стула и наконец-то убрав ладонь со лба Айлин, тот развел руками.

- Боюсь, применение магии разума в данном случае невозможно. Очевидно, пережитое потрясение оказалось непомерно велико, и видения, которые являются адептке... — Он покачал головой, взглянул на Айлин и кисло закончил: - Приношу извинения за неприятные минуты, которые вам пришлось пережить.

- Н-ничего страшного, — всхлипнула Айлин. - Я понимаю, так было нужно...

- Видения? - вскинулся магистр Бреннан. - Я могу узнать - какие?

- Я предпочел бы забыть их как можно скорее, — брюзгливо фыркнул старик, а потом с опаской покосился на Дункана. - Но если милорд Роверстан не возражает... Его это, некоторым образом, тоже касается.

- Нисколько не возражаю, — любезно подтвердил Дункан.

Овайн подошел к магистру Бреннану и зашептал ему на ухо.

Целитель выслушал его с каменным лицом, а затем выдохнул:

- Милосердная Сестра! Бедняжка...

И посмотрел на Айлин, сгорающую со стыда, с глубоким сочувствием. В сторону Дункана ни он, ни мэтр Овайн старательно не глядели.

- Дорогой Дункан, простите, что злоупотребляю вашей любезностью, — оживился магистр Эддерли, — но не проводите ли вы адептку Ревенгар снова в палату? Не стоит отпускать ее одну, а вы тоже некоторым образом целитель...

- Разумеется, милорд, — поклонился разумник.

Айлин вскочила, схватила дневник Лоу, лежавший на столе, и торопливо вышла из кабинета, почти выбежала, не зная, как попросить прощения.

Она обещала! Ей нужно было всего лишь не вспоминать проклятый сон пятилетней давности - а она не справилась! Но не станут же магистры Бреннан и Эддерли насмехаться над коллегой? Или станут?!

Встав у стены, она дождалась подошедшего разумника, обреченно тянула на него и замерла от ужаса, увидев такое, чего прежде и представить не могла: остановившийся рядом с ней магистр спрятал лицо в ладонях, а его плечи крупно вздрагивали...

- Дункан... — испуганно шепнула Айлин пересохшими губами, а потом, вдруг обретя пропавший было голос, вскрикнула: - Милорд! Простите! Я...

Роверстан отнял ладони от лица, и Айлин поняла, что он безуспешно прятал... смех!

- Вы! - прошептала она, наконец-то все поняв. - Вы нарочно! Нарочно напомнили мне про этого льва, а теперь... теперь смеетесь?!

- Разумеется, я нарочно, — согласился Дункан, шагнул к ней и положил тяжелые горячие ладони ей на плечи, так что Айлин даже через мантию согрело их ласковое тепло. - Дорогая моя девочка, мэтр Овайн — действительно лучший мастер допросов, и он мог бы прочитать в вашей памяти многое, чем вы не хотели бы делиться с... кем бы то ни было. Я не спрашиваю вас, что вы видели в Запределье, но не сомневаюсь, что чем меньше об этом узнают мои коллеги, тем в большей безопасности вы будете.

- Вы... опять меня спасли... — Больше всего Айлин хотелось уткнуться лицом в его широкую грудь, прижаться щекой, спрятаться в объятиях, но она заставила себя договорить до конца. - Но теперь они все будут над вами смеяться! Вдруг даже магистры... проговорятся?

- О, дальше кабинета нашего дорогого Бреннана ничего не пойдет, — небрежно ответил Дункан. - Но даже если Овайн не побоится испортить со мной отношения... Меня не волнуют разговоры за спиной. Знаете, как говорим мы, арлезийские простолюдины? - Его голос опять стал насмешливым, а глаза весело заблестели. - Когда меня нет, пусть меня хоть бьют!

Айлин неуверенно улыбнулась шутке, а Дункан, бережно поймав ее ладонь, поднес пальцы к губам. В коридоре никого не было, но в любое мгновение могли появиться люди, и сердце Айлин замерло в сладком ужасе. А магистр, поцеловав ее руку, поднял взгляд...

— Я навещу вас вечером, — шепнул он так низко и бархатно, что у Айлин снова сладко закружилась голова.

«Но за этого льва я обязательно ему отомщу! - подумала она, греясь в нежности глаз Роверстана. - Выйду за него замуж и буду мстить! Всю жизнь!»

***

К обеду палата превратилась в подобие оранжереи. По части интриг слуги не отстают от благородных синьоров, и однажды Шипам заказали такую важную во дворце персону, как личный садовник дожа. Смерть должна была выглядеть естественной, и гильдия передала заказ мастеру Ларци. Лучано неделю провел в дворцовых садах и теплицах, пропалывая, подрезая и подвязывая то, что ему доверили, пока не удалось капнуть зелье на куст редких голубых лилий, к которым садовник больше никого не подпускал. Через пару дней бедолага скончался от сердечного приступа - переутомился в душном и влажном воздухе оранжереи, не иначе...

Вот именно такой роскошный букет из небесно-голубых фраганских лилий высотой в половину человеческого роста появился в их комнате первым.

Айлин все еще не было, когда его принесли. Лучано обошел вокруг плетеной корзины, скрывающей емкость с водой, потрогал узкие листики и осмотрел каждый стебель, а потом и лилии размером с тарелку каждая. Цветы выглядели невинно, благопристойно и чудовищно дорого. Никакой карточки или записки к ним не прилагалось, но это ничего не значило, разумеется.

- Что ты там пытаешься вынюхать? - насмешливо поинтересовался Аластор со своей кровати. - Учти, Айлин вряд ли понравится, если Перлюрен сожрет такую красоту.

Енот укоризненно посмотрел сначала на него, потом - на букет и громко чихнул. А затем еще потер нос лапами для убедительности. Впрочем, пахли цветы действительно очень сильно. Лучано поморщился, понимая, что их аромат скроет любой запах яда. Но не выкидывать же?

А немного погодя местная прислуга принялась тащить все новые и новые букеты, причем такие, что

Лучано только диву давался, где их нарвали. К этим уже в большинстве прилагались карточки, и Лучано торжественно зачитывал их скучающему Аластору.

- Оранжевый факультет с глубокой благодарностью и уважением!

Стихийники прислали три корзины роскошных роз, кремовых, белых и нежно-малиновых. Свежие тугие бутоны и едва распустившиеся соцветия сразу заняли целый угол палаты.

- Синий факультет с уважением и глубокой благодарностью!

В корзинке, сплетенной из позолоченной проволоки, торчали самые обычные белые лилии, зато ее усеивали фигурки бабочек и птиц. Стоило поднести к ним руку, бабочки начинали махать крылышками, а птицы звонко чирикали на разные голоса. В первый раз это казалось мило и забавно, но уже на третий жутко раздражало. К сожалению, магическая корзинка не понимала, кто ее трогает, и отзывалась даже Перлюрену, которого очень заинтересовала. Так что ее Лучано убрал подальше и повыше на шкаф.

- Голубой факультет с уважением... Белый факультет с глубокой благодарностью... Хм, неужели синьоры маги не знают других слов? О, что-то новенькое! «Ревенгар, мы рядом!»

Лучано пораженно воззрился на букет, собранный из самых разных растений, причем явно не срезанных садовником, а выданных с клумбы чьей-то решительной, но не очень опытной в этом деле рукой. И не только с клумбы, но и с лекарской грядки! Розы и лилии, стебли валерианы и наперстянки, амарант, колокольчики и пионы...

- Всеблагая Мать! Они сюда аконит сунули! - растерялся Лучано. - Ты это видишь?!

Он выдернул из охапки, перевязанной алой лентой, стебель с розовато-лиловыми цветочками и показал Аластору.

- О, а я его знаю! - радостно отозвался тот. - Наш конюх эту траву в конюшне раскладывает. Говорит, от мышей очень помогает!

- Нисколько не сомневаюсь, — язвительно сообщил Лучано. - От мышей, от крыс, от назойливых супругов - отличное средство! А если еще добавить вон тот пучок... — указал он на наперстянку, — то можно половину здешней Академии на кладбище отправить. Перлюрен, убери лапы!

Он шлепнул енота, который вознамерился попробовать аконит на зуб, и снова растерянно посмотрел на чудовищный букет. Нет, за попытку отравления никто в здравом уме это не принял бы, но...

- А еще здесь внутри бутылка, — сказал он, заглянув в середину цветочной охапки. Вытащил, откупорил, капнул на руку и с должной осторожностью лизнул. - Карвейн. Альс, я знаю, что Дорвенант - поразительная страна. Но неужели здесь принято присылать благородной синьорине карвейн? Ладно бы ликер или старое вино...

- Думаю, это соученики Айлин с Алого факультета, — посмеиваясь, объяснил Аластор. - Маги пополняют карвейном резерв, помнишь?

- Ах, боевики! - сообразил Лучано. - Тогда конечно...

Бутылка карвейна и странный букет превосходным образом связались воедино. Лучано отправил опасное подношение на тот же шкафчик подальше от цепких лап Перлюрена, а цветы все продолжали нести. Фиалки, перевязанные белыми и зелеными ленточками. Розы. Все те же лилии, но попроще, не аристократически голубые, а желтые в черную крапинку. Еще два букета с красными лентами, уже составленные из приличных цветов, но с неизменным карвейном внутри. Кажется, у синьоров боевиков это было обязательным правилом этикета.

Кроме цветочных даров, на столик Айлин усердные посыльные то и дело сгружали коробки, корзинки и пакетики с конфетами, цукатами, печеньем... При взгляде на них Лучано про себя отчаянно взвыл: не может ведь он перепробовать каждое лакомство! Утешало только то, что вряд ли кто-то задумал отравить их всех, а прекрасно воспитанная синьорина непременно поделится угощением, и рассчитать, кому достанется отравленная конфета, невозможно.

«С чего я вообще решил, что Айлин захотят убить? - вдруг озадачился он. - Конечно, ее гадючье величество вряд ли отказалась от своих планов насчет синьорины, но для этого у Беатрис есть я».

Под сердцем кольнуло, будто соглашаясь и напоминая, что проклятие не дремлет, но Лучано предпочел старательно этого не заметить. У него еще имеется время, чтобы придумать подходящее оправдание. И попытаться убедить королеву, что Айлин Ревенгар ничем не угрожает ни королевской власти, ни самой Беатрис. В конце концов, синьорина пожертвовала собой, чтобы

спасти наследника! Неужели королева продолжит считать ее коварной и расчетливой интриганкой?

Настроение испортилось еще сильнее, и, когда за Аластором пришел дежурный целитель, чтобы отвести его на перевязку, Лучано растянулся на кровати, шикнул на Перлюрена, рвавшегося к сладостям, и принялся составлять в уме отчет для мастера Ларци. Но родная итлийская речь, которой Лучано владел с виртуозностью прирожденного болтуна, упрямилась и решительно не хотела передавать всю странность того, что с ним происходило в Дорвенанте. А рассказ о приключениях звучал бахвальством и постоянным нарушением правил гильдии, которые предписывали Шипу быть как можно более незаметным. «Идиотто, — вздохнул в сознании Лучано голос мастера. - Разве можно поддаваться чувствам к заказу? Неважно, охраняешь ты его или пытаешься убить. Они всего лишь твой заказ, мальчик мой. Оба...»

«Я знаю, мастер, — ответил мысленно Лучано. - И мне самому страшно от того, что со мной происходит. Я не понимаю, чего хочу больше? Чтобы все продолжалось, и неважно, куда меня это приведет, или чтобы стало как раньше, когда я не задумывался о всяких глупостях вроде любви и дружбы. Боюсь, мастер, и в том, и в другом случае пропащий я человек. По-новому жить не получится, просто не имею права, а по-старому не хочу. Такая тоска берет... Но я больше не могу видеть в этих двоих всего лишь строчки в приходно-расходных книгах гильдии. Что со мной сделал проклятый Дорвенант?!»

Хлопнула дверь, и Лучано услышал, как ахнула синьорина.

- Лу, Ал?

Магесса постучала по деревянной раме ширмы, и Лучано откликнулся:

- Лорда Аластора увели целители, а я здесь. Чем могу служить?

Он никак не мог взять с Айлин прежний тон, простой и легкий, но годившийся лишь для путешествия, где они были равны перед лицом постоянной опасности, а здесь мгновенно оказавшийся слишком фамильярным.

- Что это? - испуганно спросила синьорина. - Вот это вот... все!

- Полагаю, выражение восхищения от ваших поклонников, — сообщил Лучано. - Боюсь, не все цветы стоят в воде, так что если хотите их оставить, нужно об этом позаботиться.

- Куда мне столько... — жалобно протянула Айлин. - И они так пахнут! Лу, я... А-а- апчхи!

Она чихнула совсем как Перлюрен, но громче, а потом спросила:

- Лу, ты не сможешь выставить их в коридор? Может, девочки с Зеленого факультета захотят забрать...

Лучано вскочил с постели, мигом воспрянув и заверив, что счастлив помочь. После краткого совещания решено было оставить розы и несколько небольших букетиков, лишенных запаха. Дурманно пахнущие лилии отправились в изгнание первыми, только на голубое фраганское чудо Айлин посмотрела с недоумением и призналась, что понятия не имеет, кто мог бы прислать подобную роскошь.

- Отдам их Иоланде, — решила она, рассеянно поглаживая небольшой сундучок, от которого Лучано даже в невыносимом цветочном благоухании уловил знакомый запах лосьона для волос.

О, да синьорина воспользовалась косметикой! Ресницы умело подкрашены, губы свежо розовеют от бальзама... И волосы! Волосы уложены в простую, но изящную фраганскую «плетенку», а концы распущены по плечам. Прелесть какая! Лучано молча одобрил изменения, хотя сама Айлин явно чувствовала себя неловко и то и дело тянулась рукой к лицу, но тут же, спохватившись, отдергивала пальцы. Совсем не привыкла к средствам для ухода за собой? Бедная девочка... Но кого же мы готовимся принимать? Для боевых товарищей вроде них с Альсом такую красоту не наводят... Хм, синьор жених изволит заглянуть?

Выставив в коридор все, что пахнет, и попросив пробегающего мимо юнца отнести голубые лилии в комнату синьорины Иоланды - удивительно, тот сразу понял, о ком речь, — Лучано вернулся к себе за ширму как раз вовремя, чтобы отнять у Перлюрена пакет с печеньем. Оглядел свою кровать, приподнял подушку и обнаружил под ней целый склад конфет в обертках и без. Перлюрен немедленно принял скорбный вид и прижал испачканные кремом лапы к животу, но Лучано был неумолим. Он сгреб конфеты и уже собирался отнести их на половину Айлин, как в дверь постучали, и раздался смутно знакомый голос, радостно воскликнувший с порога:

- Ревенгар! А вот и мы! Ух ты, у тебя там целая оранжерея в коридоре и еще одна здесь. Кстати, магистр Бреннан сказал, что если боевики еще раз обнесут его драгоценные грядки, он лично

напоит слабительным всех, кого за этим поймают.

- Методы магистра Бреннана не всегда соответствуют уставу Академии, но чрезвычайно действенны, — заметил другой голос, высокий и чистый, но бесцветный, лишенный звучности и яркости первого. - Милая Айлин, я... мы с Саймоном рады видеть вас в добром здравии.

«Синьор Ледяная Глыба, — вспомнил Лучано. - Белоснежное одеяние и перчатки, невероятной чистоты сапоги и манеры принца. Только не такого, как Альс, а настоящего, точно знающего, что весь мир создан к его услугам. Тем удивительнее слышать в этом голосе искреннее беспокойство и тепло...»

- Дарра, Саймон! - воскликнула Айлин. - Я тоже так рада! Садитесь! Как хорошо, что вы пришли! Саймон, хочешь конфет? Мне принесли так много, я столько не съем. И даже вместе с Алом и Лучано... Кстати, я должна вас познакомить! Лу, ты позволишь тебя потревожить?

«Она снова зовет меня Лу, — мелькнула мысль. - Не наедине, а при юных благородных синьорах, один из которых, если не ошибаюсь, имеет прямое отношение к грандсиньору канцлеру. Меня, простолюдина! Благие Семеро, хоть бы это приняли за обычное пренебрежение к слуге! Иначе как бы моя скромная персона не привлекла слишком много внимания...»

Подхватив енота, он вышел на половину Айлин и почтительно поклонился. Перлюрен заверещал и радостно рванулся у него из рук. Лучано выпустил его от неожиданности, потому что высокий и стройный юноша с бледно-золотыми волосами и лицом мраморной статуи, одетый в темную мантию, держал в руках его Ласточку.

- Синьор Фарелли, — уронил этот красавец с бесстрастной любезностью. - Я слышал о вас. Рад знакомству, сударь.

- Благодарю, грандсиньор, — снова поклонился Лучано. — Перлюрен, прекрати!

Дорвавшийся до сладостей енот запихивал за обе щеки конфеты. Его мордочка раздулась, челюсти непрерывно двигались, но Перлюрен все равно смотрел на столик, заваленный сладостями, алчно и жалобно.

- Эй, это же енот! - возмущенно воскликнул второй молодой маг, тоже одетый в черное и светловолосый, но невысокий, смуглый и круглолицый. - Он ест конфеты!

- Саймон, — укорила его Айлин, едва сдерживая смех. - Перлюрен тоже наш боевой товарищ! Он был с нами на... в общем, в том путешествии. Я не могу пожадничать и лишить его угощения.

- Зато я могу и даже обязан это сделать, — улыбнулся Лучано. - Ему вредно столько сладкого. Перлюрен, веди себя прилично.

Он мягко, но решительно отнял у енота конфеты и вернул их на столик, а потом взял мохнатого сладкоежку за шлейку и обратился к сыну канцлера, если только правильно понял их невероятное сходство. Черты лица и стать, манера держаться, холодный пронзительный взгляд... Сын или племянник, но, несомненно, родственник!

- Прошу прощения, грандсиньор, моя лютня... Не знаю, как вас благодарить...

- Так она принадлежит вам? - уточнил юноша и поставил футляр на пол, прислонив его к кровати Айлин. - Прекрасный инструмент. Мне было несложно ее забрать.

Он тут же потерял к Лучано всякий интерес, взглянув на Айлин со странным выражением, которое Лучано определил бы как робкую нежность, если бы применительно к Синьору Ледяной Глыбе это не звучало так немыслимо. Синьор Саймон тем временем развалился на кровати Айлин в изножье и принялся дегустировать конфеты, невероятно напоминая Перлюрена. С набитым ртом он еще ухитрялся что-то рассказывать, и Айлин улыбалась, кивая и глядя на Саймона совершенно по-сестрински, с умилением и ласковой насмешкой.

«Этот - братец, — безошибочно определил Лучано. - Старше нее годами, но разумом точно моложе. А теперь, пожалуй, и душой, потому что за три недели путешествия Айлин повзрослела не на один год. И собственная пережитая смерть, разумеется, никому душевной юности не добавляет. А вот грандсиньор Дарра - тот посложнее. Неужели он и Айлин?.. Нет! Он - безусловно... Но не она».

Он подхватил с пола лютню, закинул ее ремень за плечо и взял Перлюрена в руки. Енот прижался к нему, обиженно и ревниво поглядывая на синьора Саймона и явно считая, что из них двоих заслуживает конфет куда больше.

- Прошу прощения, благородные синьоры и синьорина, — поклонился Лучано. — Я вас оставляю.

- Конечно! - светло улыбнулась Айлин.

Саймон лишь рассеянно кивнул, уплетая цукаты из большой коробки, зато Дарра окинул его оценивающим взглядом, под которым Лучано захотелось поежиться, хотя день был теплый. «Я тебя увидел и запомнил, — говорил этот взгляд. - И если мне покажется, что ты помеха...»

«Ну что вы, грандсиньор, — постарался выразить Лучано и ответным взглядом, и еще одним прощальным поклоном, почтительно отступая спиной к дверям. - Я знаю свое место! Где-то на коврике рядом с Перлюреном, не извольте сомневаться!»

Серые глаза, удивительно темные для такого бледного лица, снова стали равнодушными, и Лучано вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Атам, пользуясь, что его никто не видит, все-таки передернулся. Саймон и Дарра... Герои веселых рассказов синьорины магессы. Саймон, значит, это который с нефритовой флейтой... Очаровательная парочка.

Один, попадись ему на дороге, прибьет безмятежно, словно муху, искренне не понимая, что кому-то еще, кроме него, может быть больно. Ребенок с чудовищным могуществом опытного мага, играющий заклятиями, словно Перлюрен - веточками. Второй даже слишком взрослый для своего возраста. Этот, если ему помешаешь, взвесит тебя, словно опытный меняла - подозрительную монету. Вычислит все убытки и выгоды, а потом бесстрастно разотрет в порошок любого, у кого хватит глупости вызвать его недовольство.

«Любимый братец и несчастливый влюбленный, молчаливый и тоскующий... Но как Айлин этого не видит?! Она же смотрит на грандсиньора Дарру без тени кокетства, сочувствия или неловкости...»

В коридоре Лучано устроился на низкой скамеечке между двух больших кадок с лимонными деревьями, ухоженными и пышными. Спустил Перлюрена с рук, и енот мгновенно исчез в густой блестящей листве, а Лучано откинулся на стенку и вытянул ноги, на которые положил футляр Ласточки.

Из палаты слышались приглушенные голоса, и вполне можно было подслушать, о чем Айлин говорит с благородными синьорами, но Лучано так устал от постоянной необходимости быть настороже, что позволил себе расслабиться. И очень быстро об этом пожалел. Айлин что-то воскликнула резко, тревожно. Лучано встрепнулся, но голоса мигом стали тише.

Он уже хотел подобраться к двери, как та распахнулась, и юные синьоры вышли из палаты. Саймон имел вид сконфуженный и виноватый, а Дарра излучал холодное неодобрение так явственно, что Лучано сам едва не устыдился непонятно чего. Великий талант! Грандсиньора Дарру ждет блестящая карьера, где бы он ни решил применить свои способности управления людьми.

Он ожидал, что юные маги уйдут, но те остановились в дюжине шагов от Лучано возле открытого окна, выходящего в сад. Саймон понурил голову, а Дарра принялся тихо и монотонно отчитывать его за что-то. Лучано попытался превратиться в слух, но тут с другой стороны коридора застучали каблук, и показалась такая восхитительная дама, что он окинул ее восторженным взглядом.

Пожалуй, именно так, только лет на пятнадцать моложе, Лучано представлял себе саму Айлин до того, как впервые ее увидел, по одному лишь описанию Беатрис. Лицо дамы трудно было назвать красивым - во всяком случае, по дорвенантским меркам, — но оно было столь изысканным, тонким и умным, что мгновенно западало в душу. И это не говоря уже о глазах, голубых, как Льяметта в полдень, и роскошных тяжелых косах цвета чистейшего золота!

«Мастер Ларци пришел бы в восторг, — подумал Лучано. - Мастер Лоренцо тоже... Да что там, будь я сам на десяток лет старше! Так выглядела бы рапира из лучшей стали, если бы кто-то вздумал дать ей человеческий облик».

Единственным, что никак не портило впечатление, но, напротив, усиливало эффект от ее вида, было то, что дама носила глубокий траур. Глухое черное платье без единой оборки или ленточки, туго заплетенные и ничем не украшенные волосы, руки в черных перчатках... Дама прошла мимо скамьи, равнодушно глянув на Лучано, и скрылась за дверью палаты Айлин.

«Неужели матушка?»

Сладко замирая от любопытства, Лучано посмотрел на синьоров, увлеченных беседой, встал и шагнул к двери, делая вид, что манит к себе Перлюрена.

- Айлин, милая! - воскликнула гостья с такой бесконечной нежностью и облегчением, что Лучано уверился в своем предположении.

- Тетушка Элоиза! - воскликнула Айлин, и Лучано замер, пораженный.

Тетушка? Тетушка?! Нет, следовало признать, о тетушках он знает... ровно столько же, сколько и о

матерях, если быть честным. Но готов был поклясться, что таким тоном может говорить только мать, причем искренне любящая!

Послышалось шуршание шелка, и Лучано понял, что в палате обнимаются. Воображение нарисовало картину так явно, что он устыдился, словно подсмотрел за чем-то сокровенно личным и святым.

- Тетушка, но... почему вы в трауре? - пораженно спросила Айлин несколькими мгновениями позже.

Он не слышал, что ответила дама. Элоиза, какое изящное имя, такое же прекрасное, как его обладательница. Но еще через пару вздохов послышался всхлип, и Айлин простонала:

- Претемнейшая, как же это... Дядюшка Тимоти...

Сердце Лучано резанула боль. То есть отзвук чужой боли, как он внезапно понял с полной уверенностью. Совсем рядом, в нескольких шагах от него, Айлин плакала, уткнувшись лицом в плечо, обтянутое черным траурным шелком, а тетушка Элоиза гладила ее по спине и просила не расстраиваться...

- Я так надеялась... — всхлипывала Айлин, пока Лучано замер, стискивая кулаки и точно зная, что он там сейчас лишний. - Что у вас все хорошо... Что дядя Тимоти... Он ведь так мечтал увидеть меня у алтаря...

- Я знаю, милая, — ответила Элоиза. - И очень за тебя рада. Ну что ты так удивленно смотришь? Конечно, Дункан все рассказал, мы ведь дружим столько лет. Кстати, надеюсь, ты не собираешься отменить свадьбу?

Айлин что-то тихо промолвила, но Лучано не расслышал, как ни пытался. Зато изумительная тетушка немного повысила голос, уверенно сказав:

- Даже не думай! Тимоти мечтал увидеть тебя счастливой невестой. Он беспокоился о тебе, как переживал бы о собственной дочери, будь она у нас. И я точно знаю, что он бы не обрадовался этой отсрочке. Да, я в трауре, и что? Я не собираюсь его нарушать, но ничто не мешает мне отвести тебя к алтарю. Если, конечно, ты мне это позволишь...

- Тетушка... — снова зарыдала Айлин, а Лучано поспешно юркнул в проем между лимонными кадками, потому что в коридоре появилось новое лицо.

Грандсиньор Дункан! В ослепительно белой мантии, которая шла ему так, что у Лучано быстрее застучало сердце, разумник шел по коридору с той же стороны, откуда пришла тетушка Айлин. Увидев его, юный грандсиньор Дарра смолк, прекратив отчитывать Саймона, и пошел навстречу. Они встретились в нескольких шагах от убежища Лучано, где он притаился, как мышь рядом с двумя матерыми котами, изо всех сил изображая, что интересуется лишь енотом.

- Милорд Дункан?

Лучано второй раз за день изумился. Голос Ледяной Глыбы звучал совершенно по-человечески. Больше того, Дарра говорил почтительно, как сам Лучано обращался бы к мастеру Ларци.

- Здравствуйте, мальчик мой, — откликнулся разумник с мягкой сердечностью. - Вы навещали Айлин?

- Да, милорд магистр, — сказал Дарра. Помолчал, а потом уронил снова с пугающей бесстрастностью: — Милорд, мы соперники?

Лучано отвел в сторону веточку лимонной кроны, понимая, что не может этого упустить, даже если его проклянут с двух сторон.

Двое мужчин стояли посреди коридора. Одинаково высокие, но черноволосый смуглый Дункан, одетый в белое, в плечах был чуть ли не в два раза шире Дарры, тонкого и удивительно бледного в своей черной мантии. Невероятный контраст. Прекрасный и смертельно опасный. Лучано чувствовал, как в воздухе висит грозное напряжение, и вот-вот ударит молния.

Однако Дункан покачал головой, глядя на Дарру с явным сочувствием. А потом сказал так ласково, словно обращался к ребенку:

- Нет, мой мальчик.

Лучано с немим восторгом оценил изящество этого ответа. А грандсиньор Дарра понял все безупречно верно, потому что его изумительно красивое лицо исказилось болезненной гримасой, но тут же снова вернулось к спокойному совершенству. А потом Дарра отступил на шаг, почтительно поклонился, как младший - старшему, и сказал с безупречной бесстрастной четкостью:

- Благодарю за правду, милорд. Мы ведь можем... остаться друзьями?

Он не уточнил, с кем, и Лучано снова восхитился взаимопониманием этих двоих, словно читающих мысли друг друга.

- Мы будем рады, — отозвался разумник.

Дарра быстро и резко кивнул. Должно быть, даже его изумительное хладнокровие дало трещину, потому что он отвернулся и торопливо ушел по коридору. Лучано проводил взглядом идеально ровную спину юного грандсиньора и глянул на дверь палаты. Синьора Элоиза как раз выходила оттуда, и они с Дунканом обменялись короткими уважительными поклонами, а потом разумник вошел внутрь.

***

- Ну, Ревенгар! Рассказывай! - жадно потребовал Саймон, как только Лучано вышел из палаты.

С сожалением глянул на опустевшую коробку и придвинул к себе еще одну. Вытащил сразу три конфеты в блестящих обертках, одну щедро протянул Айлин, вторую — Дарре, а третью, мгновенно развернув, сунул в рот и подался вперед, глядя на Айлин горящими от любопытства глазами.

Ей вдруг стало так легко и весело! Все-таки некоторые вещи никогда не меняются!

- Что рассказывать? - спросила она, невольно улыбаясь, и поспешно поджала ноги еще выше - Саймон так и подпрыгнул на кровати от негодования.

- Как - что?! Все! У тебя были такие приключения, а мы ничего не знаем! Ну же, рассказывай, как это было - странствовать без отряда? Сражаться с демонами? Закрыть Разлом в Запределье?

Он смотрел так заворуженно, что у Айлин защемило сердце. Ну, она же понимала, что Саймон обязательно об этом спросит - и вот он спросил, а она совсем не знает, что ему ответить! Да и что рассказывать? Ведь не про утопившуюся в колодце крестьянку? И не про старуху с тремя мальчишками, которые то ли смогли добраться до земель Вальдеронов, то ли нет? И уж конечно не про мэтра Денвера! И не про того торговца, который хотел обмануть Аластора, и которому друг разнес лавку, хотя слушать про это было бы действительно смешно... если не думать, что в это самое время Лу умирал от лихорадки в лесной сторожке!

- Страшно, — наконец ответила она. - Ты был на том холме, правда? Значит, считай, что все видел сам. Это было страшно, правда... А еще холодно, грязно и иногда противно. И больно тоже бывало.

Взгляд Дарры, сочувственный и понимающий, Айлин почувствовала всей кожей, а восторженное ожидание на лице Саймона сменилось разочарованием.

- Так нечестно! У тебя были приключения, а ты рассказываешь только... вот это! Прямо как Саграсс... А, ты же его не знаешь. Ну, неважно... Подумать только, я все пропустил! А мог бы отправиться с тобой и помочь! Или биться за Академию вместе со всеми, а не как...

Он с отвращением взглянул на собственную забинтованную ногу и скривился, а вот Айлин показалось, что она ослышалась. И как-то по-новому вдруг увиделась эта повязка, которая Саймону ничуть не мешала, но все же...

- Биться... за Академию? - переспросила она тихо-тихо. - А зачем... за нее было биться? И с кем?

- Саймон, ты неосторожен, — укоризненно бросил Дарра. - Милорд Бреннан, кажется, упоминал, что милую Айлин нельзя тревожить, а ты... К сожалению, случилось так, — пояснил он, переведя взгляд на Айлин, — что большое количество порталов открылось в Академии. К счастью, младшие курсы были отправлены в город, как и те из взрослых магов, кто не мог за себя постоять, и отбить атаку демонов удалось.

- Большое количество порталов? В Академии? - переспросила Айлин, не слыша собственного голоса.

Перед ее глазами снова встала мертвая деревня, живой мальчик, повисший на сапоге Аластора, и мертвый - стоявший у забора и одними глазами моливший о милосердии. И другие: согнутый работой седой старик, молоденькая девушка с толстой косой, даже младше самой Айлин, симпатичный парень, чем-то похожий на Саймона, наверняка весельчак и любимец девушек - такие разные, безнадежно мертвые, мертвые, мертвые... Благие Боги, за что это Академии? Правда, здесь оставались маги, но все-таки...

- Сколько... сколько погибло? - прошептала она.

- Милая Айлин, — осторожно начал Дарра, но Айлин перебила его так громко и яростно, что эхо ее голоса испуганно заметалось по комнате:

- Сколько погибло, Дарра?!

- Четверо преподавателей, — тихо ответил Аранвен. - Трое служащих. Девятнадцать адептов... Сразу и в первые два дня в лазарете. И еще несколько человек в течение недели от ран...

- Двадцать шесть человек... — прошептала Айлин, пытаясь осознать эту чудовищную в своей простоте мысль.

Конечно, в той деревне погибло куда больше - но ведь это были совсем другие, незнакомые ей люди! Что же она за чудовище! Но все-таки... двадцать шесть магов, которых она наверняка знала!

- Мэтр Ирвинг, — пробормотал Саймон, как-то вдруг тоже погаснув. - Вот это было совсем нечестно... Мы только потом узнали...

Мэтр Ирвинг?! Такой веселый и добрый, так интересно рассказывающий о нечисти?! Еще совсем не старый и влюбленный в Аделин Мэрли с факультета целителей... Это была страшная тайна Аделин, поэтому о ней знали все девочки, кроме самых младших, и никто ей не завидовал, наоборот! Помогали влюбленным встречаться, передавали записки и украдкой вздыхали об их прекрасной, такой романтической и невозможной любви. Девушка из Трех Дюжин и бедный дворянин... Правда, сама Айлин была незнакома с Аделин - только слышала разговоры Иоланды и ее подруг, но очень сочувствовала влюбленным.

Она на миг представила, что вот если бы Дункан... нет, никаких демонов, ни за что! Просто предложил расторгнуть помолвку! И едва не закричала - так больно сжалось сердце. А ведь это она только что придумала сама! Аделин же пришлось намного хуже... Потерять возлюбленного! Да еще так страшно!

- Бедная Аделин, — пробормотала она невольно.

- Аделин? - удивился Саймон. - Какая Аделин? Мэрли? С которой Дарра ходил на Вишневый Бал? Вы что, дружили? Я не знал!

- Нет, — вздохнула Айлин. - Мы не общались. Просто я слышала... говорят, она очень славная. И магистр Бреннан ее хвалит.

- Хвалил, — поправил Саймон. - Она тоже погибла. Жалко! А почему ты назвала ее бедной?

- Полагаю, милая Айлин имела в виду, что леди Мэрли была влюблена в мэтра Ирвинга, — изрек Дарра, неодобрительно взглянув на друга. - Саймон, ты...

- Да-да, знаю. Бестактен, — буркнул Саймон, неловко ероша волосы на затылке. - Я не знал. И правда, жаль... Ну, зато теперь они вместе в Претемных Садах... И еще... — продолжил он как-то неуверенно, поглядывая на нее почему-то с опаской. - Та итлийка с твоего курса, помнишь? Она вроде как прикрывала свою подругу и тоже погибла.

Ида?! Айлин задыхнулась, не в силах поверить в услышанное. Прекрасная, гордая, талантливая Ида? А ведь они могли бы, наверное, подружиться - теперь, когда обе побывали в настоящем бою. Или совсем наоборот... Но все равно они должны были еще шесть лет учиться вместе, насыщать друг на друга порчу и подстраивать глупые мелкие пакости вроде той истории с Дерекком. Да, именно глупые и мелкие! После Разлома та история выглядит настолько незначительной! А теперь ничего этого уже не будет?! Ида погибла, прикрывая Лионору? Лионору, которую, как шептались злые языки, держит при себе, чтобы казаться еще красивее и умнее?!

- Милая Айлин...

- Извини, Дарра, — проговорила она тихо. - Я хочу побыть одна. Саймон, пожалуйста...

- Прости... — Лицо Эддерли-младшего вытянулось, он отложил недоеденные конфеты и виновато посмотрел на Айлин. - Дарра прав, я ужасно бестактен. То есть это он слишком вежлив, чтобы напрямую назвать меня дураком. Ревенгар... Айлин, мне правда жаль! Очень... Магистр Бреннан говорил, чтобы тебя не волновали, но я не подумал...

- Не думать - это тебе иногда исключительно удается, — холодно сообщил ему Дарра и встал. - Идем, тебе тоже пора делать перевязку, если не ошибаюсь. Милая Айлин...

Он поклонился, и Айлин старательно улыбнулась в ответ, а потом протянула друзьям обе руки, показывая, что не сердится. Саймон сжал ее ладонь в своих и непривычно робко заулыбался, а Дарра церемонно склонился и коснулся пальцев Айлин легким поцелуем.

«Они ведь совсем взрослые, — мелькнуло у нее в мыслях, когда друзья выходили из палаты. - Дарра - почти ровесник Аластора, да и Саймон ненамного их младше. Взрослые молодые лорды, почти

полные маги. И... я могла их потерять... Саймон был ранен! И наверняка серьезно, если рану до сих пор не залечили. Ни он, ни Дарра никогда не прятались от опасности. Я могла вернуться и узнать, что они... что их больше нет. Как Иды, Аделин, мэтра Ирвинга... Нет, и больше никогда не будет в этой жизни. Да, в Претемных Садах мы все встретимся, но это... совсем другое. Как же много можно утратить вместе с тем, кто тебе дорог...»

Она откинулась на подушки и попыталась проморгаться, но на глаза неудержимо наворачивались слезы. Странно, раньше она не была такой плаксивой. Но это, конечно, из-за услышанного. А еще почему-то страшно раздражал запах цветов, до сих пор наполнявший комнату. И ведь Лу проветривал, но сладкий аромат лилий проникал повсюду, наверное, просачивался из коридора. Фу, какая гадость! И за что ей раньше лилии нравились? Воняют мертвечиной! Снова вспомнилась уничтоженная демонами деревня, и Айлин замутило.

Она уже собралась встать и опять распахнуть окно, как дверь открылась.

- Айлин, милая! - воскликнула тетушка Элоиза, стремительно входя в палату. И добавила гораздо тише: — Бедная моя девочка... Я бы пришла раньше, но к тебе не пускали.

Черный шелк ее платья зашелестел, когда Айлин прямо с кровати бросилась к тетушке и сжала ее в объятиях. Черный?! И вместо любимых жасминовых духов едва заметная вербеновая отдушка, один из немногих ароматов, позволенных в трауре...

- Тетушка, но... почему вы в трауре? - выдохнула Айлин, замерев от ужаса.

Кто? Кто еще? Ведь это кто-то из родственников, да?! Неужели Артур или... леди Гвенивер? Или тетушка Мэйв? Тетушка Брайд? Их мужья и дети... Айлин перебирала всех, не зная, чье имя больше всего боится услышать. Да, она не общалась с многочисленной родней уже... Ох, как давно! И все-таки узнать, что кто-то из них умер или погиб... Это совсем не то, что ей сейчас нужно.

- Тимоти, — сказала тетушка Элоиза так же тихо, и Айлин задохнулась от боли. - Девочка моя, прости, что я с такими новостями. Я знаю, ты любила его...

... - Айлин, милая, мне жаль, но пора идти, — шепнула тетушка через несколько минут, не переставая обнимать ее и гладить по голове. - Я обещала целителям, что не стану тебя утомлять. Увидимся через пару дней, а пока прислать тебе что-нибудь? Может, фруктов или...

Она окинула взглядом прикроватный столик, полный сладостей, и осеклась.

- Кажется, мне придется шить новый гардероб, — всхлипнув, призналась Айлин, чувствуя себя отвратительно.

Дядюшка Тимоти умер, а она думает о том, что сильно похудела.

- О, это такие пустяки, — улыбнулась ей тетушка. - Я завтра же пришлю портниху снять мерки.

Она достала из поясного кошелечка платок и протянула Айлин, которая только сейчас поняла, как выглядит. У нее же краска для ресниц размазалась! А она так хотела быть красивой, нарочно после допроса вернулась к Иоланде и попросила сделать с ее лицом хоть что-нибудь! Иоланда целый час старалась, а теперь все это осталось только смыть побыстрее!

Не боясь испачкаться, тетушка поцеловала ее в щеку и вышла. Айлин осталась посреди палаты, стиснув платок и всхлипывая. И, конечно, в этот самый миг у дверей раздался голос Дункана:

- Доброго вечера. Прошу прощения, что задержался, но... Айлин, вы плакали?!

- Не смотрите, — попросила она, торопливо отворачиваясь. - Я так ужасно... Ох, да какая теперь разница?!

Рыдания снова подступили к горлу, и Айлин расплакалась, чувствуя себя отвратительно беспомощной. Что, если магия к ней так и не вернется? Придется уйти из Академии, а это вся ее жизнь! Что, если завтра с тетушкой Элоизой тоже что-нибудь случится? Или с Аластором? Или с Лучано, который вообще смертельно проклят, мерзавец Алессандро и об этом донес. Но Лу молчит и даже не просит о помощи. Да и чем Айлин способна ему помочь? Если колъе с проклятием подарил королеве сам лорд Бастельеро, значит, чары там его работы. А проклятия рода Бастельеро умеют снимать только они сами, это всем известно. И отменять желание королевь лорд Бастельеро не станет. А она... она ничего не может с этим сделать! И дядюшка Тимоти умер, а он был такой хороший! И отец его уважал! Гораздо больше, чем супругов остальных тетушек, хоть они и дворяне... А теперь уже ничего, ничего не исправить! Больше никогда не будет семейных обедов у Арментротов, когда дядюшка смотрел на Айлин с такой гордостью и говорил, что она выросла, уже совсем невеста... И на свадьбу к ней он прийти не сможет. И... Академия... как теперь возвращаться на курс, где нет Иды?! А мэтр Ирвинг... и Аделин...

- Ревенгар, прекратите! - рявкнул Дункан, мгновенно превращаясь в магистра, пусть и чужой гильдии.

Только тогда Айлин поняла, что уже давно говорит вслух, захлебываясь рыданиями и не понимая, что с ней происходит. Как будто стержень, державший ее изнутри все время путешествия, сломался...

А магистр Роверстан, нет, снова Дункан... Он шагнул к ней, развернул к себе и обнял, не боясь испачкать белоснежную мантию. Айлин только вздрогнула и напряглась, но не от страха, что их застанут, а от безнадежной горечи осенившего ее вдруг понимания, что Дункан мог не добраться до холма вовремя. Он в одиночку мчался по Дорвенанту через погодные аномалии, демонов, разбойников и еще Баргот знает какие опасности! Разве это не чудо, что он выжил и явился вовремя? Но ведь мог же... мог и погибнуть! Тоже...

- Айлин, глупая девочка, перестань! — потребовал Дункан, прижимая ее сильнее. - Все хорошо, слышишь? Все обошлось... Да, я знаю про твоего дядюшку. И про погибших в Академии - тоже. Но с этим уже ничего не поделать. Если бы не вы, жертв было бы несравнимо больше. Демоны продолжали бы убивать... Айлин, дорогая... Тимоти уже было под семьдесят, это немалый срок для профана. Аужс его сердцем... Девочка моя, последние годы его спасали только маги-целители, но это не могло продолжаться вечно. Он ушел быстро и легко, я точно знаю. Ну же, Айлин, успокойся... Он гордится тобой в Претемных Садах, как и твой отец...

Голос магистра был мягким, ровным, успокаивающим, он проникал в уши, обволакивал рассудок, и Айлин притихла, слушая и изредка всхлипывая.

- А Ида... — прошептала она куда-то в белую мантию. - И остальные... Саймон ранен...

- Лорд Эддерли-младший ранен исключительно по собственной глупости и неосторожности, — мягко возразил ей Дункан. - Можно только надеяться, что он сделает из этого должные выводы. Что до остальных... Айлин, дорогая, мне жаль. Мне так жаль... Я скорблю вместе с тобой. Но это жизнь. Она бывает беспощадной. Кому-то не повезло. Но они погибли ради того, чтобы жили остальные, понимаешь? И ты - тоже. Не делай их жертву напрасной, отвергая ее... Ну все, все, слышишь?

- Простите... — выдохнула Айлин, отрывая лицо от груди Дункана, но оставаясь в кольце его рук. - Ваша мантия... То есть твоя... Прости, я не хотела...

- Сущие пустяки, — отозвался Дункан и тронул кончиками пальцев измятую, запачканную черными разводами ткань.

Подернувшись дымкой, та расправилась и приобрела прежнюю чистоту.

- Ой... — прошептала Айлин не без зависти. - А как...

- Всего лишь иллюзия, — улыбнулся Дункан. - Всегда ходить в белом, это эффектно, однако очень непрактично. Некромантам в этом смысле повезло гораздо больше. Вы позволите?

Он снова перешел на «вы», но тон остался мягким и ласковым, и Айлин зарделась, видя, как магистр достает из-за обшлага мантии платок. Тоже белый, разумеется, но куда больше, чем платочек тети Элоизы.

- Намочите его в воде, — посоветовал Дункан очень серьезно и взглядом указал на кувшин посреди столика. - Боюсь, иначе не получится оттереть...

Он понял, что она покрасилась! И, конечно, понял, что для него. Покрасневшая Айлин плеснула воды из кувшина прямо на платок и принялась жестоко тереть лицо. Дункан несколько мгновений наблюдал за этим, а потом повторил:

- Позвольте мне.

Взял платок у нее из рук, повернул чистой стороной... Замерев и зажмурившись, Айлин чувствовала осторожные, но сильные прикосновения на своем лице, тепло рук и невероятное ощущение заботы...

- Вот и все, — сказал Дункан почему-то охрипшим голосом.

Она открыла глаза и судорожно втянула воздух. Дункан был так близко! Словно собирался ее поцеловать... Вот прямо такую, растрепанную и заплаканную, с красным носом и припухшими веками, в плохо сидящей мантии...

- Не верьте никому, моя дорогая, — шепнул Дункан, наклонившись еще ближе. - Ни чужим словам, ни зеркалу. Вы прекрасны. И кстати, у меня для вас подарок. Он, конечно, не такой... пышный, как

все эти букеты... Но так похож на вас!

Весело блеснув глазами, он протянул одну-единственную веточку с мелкими листьями и странными цветами - плотные ярко-красные венчики-звезды распускались еще более алыми нежными лепестками. Веточка словно горела, объята пламенем.

- Что это? - ахнула Айлин, принимая веточку и восторженно разглядывая.

- Гранат, — улыбнувшись, сообщил магистр. - Маленький привет из моей любимой Арлезы. Огненный цветок для вашего огненного сердца. Когда мы поженимся, я увезу вас в свадебное путешествие, и вы увидите гранатовые деревья. Они похожи на огромные костры, которые колыхает ветер, и лепестки падают на землю, будто раскаленные угольки. А потом цветы превратятся в плоды, как это бывает и с растениями, и с людьми... Вам понравится!

Завороженная и словами, и тоном, Айлин кивнула. Но тут в коридоре послышались шаги и голос Аластора, который что-то рассказывал Лучано. Магистр отступил, приняв учтивый, но благопристойный вид, и только в черных глазах мелькнуло сожаление.

- Я не прощаюсь, — негромко сказал он. - Впереди ночь, и мы увидимся в моих снах. А может быть, и в ваших...

Айлин стиснула веточку и подумала со смесью сладкого ужаса и предвкушения, что ее сны, должно быть, будут такими же яркими и горячими, как цветение гранатовых деревьев.

ГЛАВА 4. Принц, бретер и благородный дон

Этой ночью Аластор выспался великолепно, никакие кошмары его не мучили, напротив, до самого утра снилось что-то приятное и даже игривое. Море, которого он никогда не видел, но о котором с благоговейным придыханием рассказывал Лучано, и роскошный сад, где то и дело оживали обнаженные мраморные статуи прекрасных дев и с лукавым смехом убегали, прячась в зарослях.

Аластор, конечно, был слишком хорошо воспитан, чтобы преследовать не желающих знакомства девиц, но долг дворянина требовал проверить, не прячется ли в траве змея, способная укусить нежные ножки. Поэтому он добросовестно проверял заросли, то и дело натываясь на девиц, но ни разу не смог ни одной поймать... Змеи, конечно! Не девицы же... Сон не портило даже то, что большинство деревьев почему-то были ярко-красными, а где-то неподалеку слышался голос Лучано, звавшего Перлюрена. В общем, время во сне он провел сумбурно, однако весело и не без приятности.

Магистр Бреннан, утром навестивший их и дотошно расспросивший, как спалось, на смущенный рассказ о девах довольно хмыкнул и заверил, что сон исключительно благоприятен, говорит о выздоровлении, и вообще в возрасте милорда следует беспокоиться, когда прекрасные девы не интересуют ни во сне, ни наяву.

Лучано жизнерадостно подтвердил это со своей кровати, а потом невинно и вкрадчиво поинтересовался, уверен ли магистр Бреннан, что некоторые сны стоит озвучивать в присутствии прекрасной синьорины. Целитель фыркнул и заверил, что ему достаточно знать общее направление, на что Лучано разочарованно вздохнул и сообщил, что направление было исключительно многообещающим, только увело не так далеко, как хотелось бы.

В разгар их беседы скрипнула дверь, и в палату вошел смутно знакомый Аластору человек, высоченный широкоплечий южанин в белоснежной мантии и с точно такой звездой, как у магистра Бреннана, только усыпанной не изумрудами, а искристо-прозрачными камнями и жемчугом. Приветливо поклонившись, он встал у окна, скрестив на груди руки и с интересом вслушиваясь в рассказ итлийца.

- А, Дункан, — обрадовался ему целитель. - Вы удивительно вовремя! Послушайте, как интересно! Оказывается, нашим пациентам снились похожие сны, разнятся только детали. Что там за деревья были в этом вашем саду, юноша? - обратился он к итлийцу.

- Разумеется, гранаты, грандсиньор, — уверенно отозвался Лучано. - Я же из Вероккьи, неужели не отличу цветущие гранаты от... да от чего угодно! Такой странный сад... — подумав, добавил он. - С гранатами там должны были расти совсем другие деревья, но я помню липы, вишни в полном цвету, сирень и то, что здесь называют жасмином, хотя это вовсе не жасмин. Очень странный подбор! Будто кто-то смешал местные растения и южные... Но почему не было апельсинов и глициний? Не понимаю! - закончил он с некоторым возмущением.

Бреннан, все время кивавший, снова повернулся к тому, кого назвал Дунканом, и Аластор заметил, как по губам южанина скользнула быстрая улыбка. Впрочем, Дункан сразу же снова посерьезнел и обратился к Айлин:

- А что снилось вам, юная леди?

Ради визита целителя ширму сложили и собрали к одному краю, чтобы она не мешала беседе.

Аластор с удивлением увидел, что подруга, сидящая на кровати, с утра уже тщательно причесанная и в новенькой светло-серой мантии, залилась краской. Старательно глядя в окно мимо Дункана, она пролепетала, что тоже видела во сне какой-то сад... кажется. Да, точно сад. Но без всяких... неприличных статуй и даже без Перлюрена.

Мгновенно пожалевший о слишком подробном рассказе Аластор понял, что тоже краснеет, но его спас магистр Бреннан, который начал уточнять, какие именно цветы и деревья были в том саду.

- Цветущая вишня, — проговорила Айлин, став почему-то совершенно пунцовой. - И липы... Я точно не помню!

- Думаю, вполне достаточно, — мягко прервал ее Дункан. - Нам с коллегой Бреннаном совершенно ясно, что ваши сны несут в себе некие общие приметы. Это хорошо, поскольку подтверждает, что мы правы в решении насчет общей палаты. Но работу над блоками следует начать как можно раньше. Дорогой Бреннан, вы согласны, что можно попробовать уже сегодня?

- Разумеется! - подтвердил целитель и спохватился: — О, прошу прощения! Я же не представил вам своего дражайшего коллегу! То есть адептка Ревенгар его прекрасно знает, конечно, но вы, милорды... Дункан Роверстан, магистр гильдии Разума! Исключительно талантливый и умелый маг, украшение Ордена! Между прочим, ваш спаситель, юный лорд Вальдерон. Это Дункан произвел первичную обработку ваших ран на том холме, так что вы обязаны ему жизнью...

Аластор наконец понял, где видел этого человека. Вчера, когда они с Лу возвращались из столовой, приметная фигура магистра Белой гильдии мелькнула в коридоре. Разумник шел по коридору впереди них, как будто вышел из какой-то палаты... Навещал Айлин? Что ж, ничего удивительного. Подруга весь вечер была грустной, а потом призналась, что ей сообщили о смерти дядюшки, которого она очень любила. Неудивительно, что ей понадобилась помощь целителя, а разумники вроде бы как раз исцеляют душевную боль. Очень хорошо, что в Академии так внимательны к Айлин, ей и без того нелегко.

- Я чрезвычайно вам обязан, — отозвался он вслух и склонил голову.

Разумник ответил легким поклоном, но возразил:

- Вы обязаны жизнью не столько мне, сколько стараниям адептки Ревенгар и преданности синьора Фарелли. Без их усилий мои оказались бы совершенно напрасны.

Магистр смотрел на него без малейшего подобострастия, а главное, именовал его Вальдероном, что было правильно и потому очень приятно. Аластор невольно вспомнил вчерашний разговор с канцлером, о котором думал весь остаток дня. О разговоре, конечно. Впрочем, и о канцлере тоже. Лорд Аранвен достоин величайшего почета за то, что все эти годы делал для страны и делает до сих пор. Не зря батюшка так его уважает. Но канцлер ведь не отступится. И хотя то, что Лучано так обыденно описывал, все равно казалось Аластору невозможным кошмарным сном, рассудок требовал признать, что итлиец прав. Если вспомнить историю Дорвенанта и сопредельных стран, в ней и не такие случаи бывали. В борьбе за трон некоторые не гнушаются ничем.

- Вы не возражаете, если мы начнем именно с вас, юный лорд? - предложил разумник. — Душевное равновесие адептки Ревенгар еще не восстановилось после вчерашних известий.

- Если бы я знал, что эта дама принесет подобные новости, — ворчливо сообщил Бреннан, — ни за что не разрешил бы ей посещение. Ну-ну, девочка моя, не вздумайте снова расстраиваться! Кстати, вы правильно сделали, что велели выставить из комнаты все эти букеты. Присылать в лазарет сильно пахнущие цветы! Верх необразованности и дурных манер! Держу пари, это все ваши боевики! Если бы я им не запретил, с них бысталось и карвейна прислать! Кстати, надеюсь, они этого не сделали?

- Нет, милорд магистр, — удивленно отозвалась Айлин.

Аластор, который вчера лично убирал злополучные бутылки в корзинку на высокий шкаф, деликатно промолчал.

- Удивительно... — протянул целитель, показывая глубокое знание натуры адептов. - Что ж, Дункан, не будем вам мешать. Синьор Фарелли отправится прогулять своего еота, а Ревенгар...

- Я загляну к Иоланде, — торопливо сказала Айлин. - С вашего позволения, милорды!

- Кстати, у меня для вас приятная новость, — улыбнулся разумник. - Мэтр Гельсингфорц, заместитель магистра Девериана, тоже отдал должное вашим стараниям на благо Дорвенанта. Сегодня утром он кое-кого привел и сообщил, что его работа...

- Пушок! - воскликнула Айлин, радостно распахивая глаза.

В дверь со стороны коридора яростно заскреблись, будто ждали именно этого.

Улыбающийся разумник открыл дверь, и огромный белый ком влетел в палату. С разбегу кинулся в объятия Айлин, поставив лапы ей на плечи, мгновенно облизал лицо замшевым языком, а потом звонко гавкнул.

- Пушок! - снова ахнула Айлин. - Ты... ты лаешь!

- Мэтр Гельсингфорц в полном недоумении, — развел руками Дункан. - Он уверял меня, что ваш пес никак не мог быть, равно как издавать любые звуки, кроме хрипа. Строение горла не позволяло... Но ему пришлось поверить мне на слово, что Пушок на холме именно это и делал. А теперь Синяя гильдия в лице мэтра Гельсингфорца улучшила свое творение. Прошу!

- Пушок... — прошептала Айлин, обнимая волкодава и зарываясь лицом в густую шерсть.

Пес негромко, но выразительно проскулил, будто жалуясь, что его разлучили с любимой хозяйкой.

- Шкуру тоже зашили, — негромко добавил магистр разумников. - А местами заменили полностью. Там, где ему... слишком досталось. Пушок честно выдержал свой бой.

- Синьор Собака исключительно прекрасен, — дрогнувшим голосом подтвердил Лучано, прижимая к себе енота. - И гораздо живее многих так называемых живых. Простите, синьоры, синьорина, я вас оставляю.

Фарелли поднялся и торопливо вышел, Аластору даже показалось, что глаза итлийца как-то особенно влажно сверкнули, но он сам был последним, кто осудил бы Лучано за это. Пушок — верный товарищ, который бился рядом и не раз их спасал от голода и холода. А что мертвый... Так Лу прав, настоящая жизнь не всегда соответствует представлениям о ней.

- Я тоже пойду, — чистым и словно просветлевшим голосом сказала Айлин. - Погуляю в саду. Пушку там нравится!

Не отпуская холку волкодава, глубоко запутавшись пальцами в белом мехе, она соскользнула с кровати и вышла из палаты, причем Пушок, проходя мимо магистра Роверстана, немного замедлил величественный шаг и лизнул руку разумника, вильнув хвостом. Роверстан ему учтиво кивнул, улыбаясь одними глазами, и дверь за Айлин с Пушком закрылась. Аластор остался с двумя магистрами, которые поглядели на него с хищным интересом, как Долгий Мартин на заковыристый механизм, принесенный для ремонта. Внутренне поежившись, Аластор выпрямился еще сильнее и попросил:

- Если можно, давайте займемся этим побыстрее, милорды. Стыдно признаться, но не люблю я всякие... лечебные процедуры.

Магистр Роверстан кивнул, покрутил мажеский перстень с крупным белым камнем, и Аластор почувствовал, что его неумолимо клонит в сон. Перед глазами замелькали кроваво-красные гранатовые деревья, беломраморные статуи с лукавой улыбкой Айлин, потом где-то в кустах замелькали Пушок с Перлюреном, за которыми гонялся кот Паскуда с котелком в одной лапе и арбалетом в другой. Что ж, главное, что там не было демонов, и Аластор спокойно отдался этому сну, все время чувствуя присутствие друзей, будто связанных с ним невидимой, но очень прочной нитью.

Пробуждение оказалось не таким приятным. У него болела голова, и во рту пересохло, словно после карвейна. Аластор открыл глаза, обнаружил себя лежащим на постели и попытался проморгаться.

- Вот, выпейте, — сочувственно сказал магистр Роверстан и подал ему стакан, в котором оказалась вода с лимонным соком. - Вам не очень хорошо, но это вскоре пройдет. Голова кружится?

- Да, — сознался Аластор. - И болит.

- Изумительная способность к ментальному сопротивлению, — то ли одобрил, то ли упрекнул его магистр. - Проще говоря, поразительное упрямство. Но все-таки мы определенным образом продвинулись, нащупав нужные ключи к дверям сознания. Процедуру придется повторить еще не раз, однако... определенные подвижки имеются. Дорогой Бреннан, не могли бы вы снять юноше

спазм сосудов?

- Да-да, конечно! - отозвался тот.

Сел на край кровати Аластора и положил приятно теплую руку ему на лоб. Через несколько мгновений стало гораздо легче, и Аластор выдохнул:

- Благодарю.

- О, не стоит, — хмыкнул пожилой целитель. - Прекрасные сосуды, одно удовольствие с ними работать. И общее состояние здоровья великолепное. Полагаю, вы не увлекаетесь всякими... излишествами? Карвейн, бессонные ночи за картами, женщины?

Его голубые глаза под устало набрякшими веками блеснули весело и пытливо.

- Я почти всю жизнь провел в деревенской усадьбе, — сообщил ему Аластор. - Какие бессонные ночи, милорд? У нас принято вставать на рассвете, и пока все дела переделаешь, до кровати доползти бы. А карвейн не люблю.

О женщинах он умолчал, полагая, что те пять посещений борделя милорда магистра никоим образом не касаются.

И несколько приятных встреч с хорошенькой дочкой мельника - тоже. Притом она уже давно вышла замуж, Аластор даже был почетным гостем на свадьбе, и молодые кланялись ему в ноги за щедрый подарок на хозяйство. В общем, вряд ли целитель, говоря о женщинах, имел в виду такие... мелочи.

- Не могу не одобрить! - Магистр Бреннан пружинисто встал и обратился к Дункану: — Коллега, вы еще немного побудете с нашим дорогим пациентом? Я сделал, что мог, остальное исключительно по вашей части.

- С огромным удовольствием, — кивнул разумник, и Бреннан упругим мячиком выкатился из палаты.

Роверстан же прошелся по комнате, рассеянно тронул венчики цветов на столике Айлин, глянул на верх шкафа со злополучной корзинкой и с совершенным равнодушием заметил:

- Я, конечно, всем сердцем верю в исключительное послушание господ боевиков и в то, что они ревностно соблюдают правила больничного крыла. Но на всякий случай должен предупредить, что карвейн вам всем в ближайшие дни строго противопоказан. Самое большее, немного столового вина за обедом.

- Милорд магистр! - запротестовал Аластор, чувствуя себя исключительно глупо. - Мы не собирались!

- Вот и славно, — отозвался разумник. - Потому что в противном случае головная боль вам обеспечена, а магистр Бреннан принципиально не лечит подобные последствия.

- Полностью с ним согласен, — буркнул Аластор. - За собственную глупость нужно уметь отвечать. Скажите, милорд, а когда мне разрешат посещения? Хотелось бы увидеть родителей. Можно хотя бы известить их о моем возвращении?

- В этом нет нужды, — спокойно ответил Роверстан. - В особняк Вапьероных уже послали письмо сегодня утром, и ваши почтенные родители приедут сюда после обеда. Вы как раз успеете принять очередные процедуры и отдохнуть.

Отец! Матушка! А может, и месьор д'Апбрэ! Наконец-то он увидит их и сможет успокоить! Сказать, что вернулся почти невредимым, и теперь все будет по-прежнему!

«По-прежнему? - язвительно переспросил его внутренний голос. - Не обманывай сам себя. Тебе никто не позволит просто вернуться к обычной жизни. Невидимое клеймо королевского бастарда не сведешь, в отличие от лошадиного. Ты всегда будешь окружен жадным вниманием сплетников и просто любопытных. Косые взгляды, шепотки... Никто больше не увидит в тебе наследника Вальдероных, обычного юного дворянина со своими мечтами и желаниями. Оттени Дорвеннов за спиной ты уже никогда не избавишься. И твоим родителям, между прочим, придется еще хуже, чем тебе. Позор-то ляжет на них!»

- Вы не рады? - проникательно поинтересовался Роверстан. - Этот визит всегда можно перенести, пока вы окончательно не поправитесь.

- Что? Нет, я очень рад! - заверил его Аластор. - Дело совершенно в другом.

Он вдруг задумался, а что магистр делал на том холме? Проезжал мимо и увидел бой? Но там

поблизости не было ни одной дороги в прямой видимости. Так что могло понадобиться главе Белой гильдии в пограничной глуши? Споры нет, появился он исключительно вовремя, но как и откуда?

А еще кольнуло понимание, что он признал себя должником за спасенную жизнь, но Роверстан, возможно, ожидает возвращения долга от принца, а не от обычного дворянина.

Аластор посмотрел на разумника, который стоял у окна и с совершенно непроницаемым лицом глядел в сад. Оттуда слышались возгласы и звонкий залиvistый лай, временами переходящий в басовитое гавканье. Счастливый Пушок примерял и настраивал новый голос...

- Милорд Роверстан, — начал он. - Я действительно вам очень благодарен. И если могу чем-то вернуть долг жизни...

- Я же говорил, в этом нет ни малейшей нужды. - Разумник повернулся и ответил Аластору прямым откровенным взглядом. - Давайте расставим все руны в звезде, милорд Вальдерон. Вы мне равным счетом ничем не обязаны. Право, не буду же я выставять счет за моток хирургической нити и полчаса своего драгоценного времени, которое потратил на операцию.

Его черные глаза весело блеснули, и разумник удивительно напомнил Аластору месьора д'Альбрэ. И даже серьги у них в одном и том же ухе... А Роверстан продолжил:

- К тому же на том холме я преследовал собственные интересы, которые вас никоим образом не касаются. Так что успокойтесь, вы мне ничего не должны. Но если позволите, я попрошу бы ответа на один вопрос.

- Разумеется, милорд, — настороженно отозвался Аластор.

- Вы твердо решили отказаться от титула и положения наследного принца? Уверяю, я спрашиваю не из пустого любопытства. Я магистр гильдии и отвечаю за своих людей. Ваш отказ будет иметь огромное политическое значение, и мне необходимо знать, к чему готовиться, если королевская династия прервется.

Он был совершенно серьезен и спрашивал спокойно, без тени фальши или алчного интереса, поэтому Аластор ответил тоже с полной откровенностью:

- Да, милорд, я решил именно так. Не чувствую в себе ни сил, ни права взойти на трон, не говоря уже о желании.

- Полагаю, сложность именно в отсутствии желания? - подсказал ему разумник. - Ваше право несомненно, что касается сил, то никто не знает заранее, на что способен. Если бы вам несколько лет назад сказали, что ваша судьба - спасти Дорвенант, вы бы поверили? Но ведь закрытием Разлома вы сделали именно это.

- А вот теперь моя очередь сказать, что главная заслуга принадлежит не мне, — усмехнулся Аластор. - Без моих спутников я бы не проехал и середины пути. Да что там, даже из столицы не выбрался бы. И что сотворила Айлин, вы знаете не хуже меня. Право, милорд, отдать чашку своей крови - невеликий подвиг. Примерно, как потратить полчаса времени и моток ниток.

- Туше!

Роверстан склонил голову, признавая пропущенный удар, словно в тренировочном поединке, и его глаза снова весело блеснули.

- Что ж, тем сильнее мне жаль, что вы отказываетесь, — сказал он все с той же подкупающей искренностью. - Дорвенант заслуживает короля, который не только знает правила чести, но и живет по ним.

- И даже уговаривать не станете? Как лорд-канцлер, например...

Разумник пожал могучими плечами.

- Я уверен, что человека нельзя насильно сделать счастливым, — уронил он. - Или заставить выполнять долг. Вы считаете, что достаточно сделали для Дорвенанта, кто я такой, чтобы спорить об этом. Да, вам будет нелегко отказаться от титула, но если проявите должную уверенность, рано или поздно от вас отступятся. Возможно, вам даже позволят жить, как вы хотите... — добавил он с явной неуверенностью, напомнившей Аластору рассуждения Лучано. - В любом случае, у вас будет гораздо больше свободы, это верно. Что касается Дорвенанта... Он уже пережил множество не самых лучших королей и, надеюсь, переживет еще одного, кто бы это ни был.

- У Дорвенанта есть королева, — бросил Аластор. - Принцессы-наследницы. Лорд-канцлер и лорд-протектор. Королевский Совет Трех Дюжин, в конце концов!

- Королева может лишь хранить трон для своих дочерей, — мягко возразил магистр, — а принцессы слишком малы. Вы же не думаете всерьез, что девочки их лет способны управлять государством? Они сами нуждаются в помощи и защите. Лорд Аранвен, при всем моем глубоким уважении, уже немолод и вскоре уйдет на покой, а его сын еще слишком неопытен. Со временем он станет прекрасным канцлером, но будет ли это время у Дорвенанта? Что касается лорда Бастельеро... Он великолепно умеет выигрывать войны и справляться с разрушениями, но... вряд ли что-то способен построить. Я уверен, как ни кощунственно это звучит, счастливее всего лорд Бастельеро был во время войны, а затем во время нападения демонов. Не потому, что он негодяй, желающий зла своей стране! Вовсе наоборот! Просто мирное время не для него, лорд Бастельеро понятия не имеет, как жить без свистящих над головой снарядов и демонических атак. Вот с ними он прекрасно знает, что делать, но король на то и король, что должен думать об урожае, дорогах, падеже скота в провинции, сборе налогов и тысяче других скучнейших вещей. Вставать на рассвете, как вы верно изволили заметить, и заниматься делами до позднего вечера... Право, мой юный лорд, я прекрасно понимаю, почему вы не хотите взваливать на себя эту страшную ношу!

- Но Дорвенант же не останется без короля, если я откажусь. Я мог погибнуть по пути к Разлому! Или вообще умереть в младенчестве!

- Но не умерли и не погибли, — парировал магистр. - Нет-нет, я действительно вас не уговариваю! Владения Вальдеронов обширны и прекрасно управляются. В свое время вы их унаследуете и проживете долгую спокойную жизнь, наслаждаясь покоем. А на трон... да сядет кто-нибудь, не сомневайтесь. Например, лорд Девериан, считающий, что можно до бесконечности поднимать налоги и обдирать голодающих крестьян, у которых мороз побил посевы. Помнится, он предлагал именно таким способом пополнить казну. Ведь вместо умерших от голода крестьян уцелевшие нарожают новых. Или вот лорд Логрейн. На предложение строить мануфактуры и фабрики он ответил, что это козни алчных магов, которые хотят нажиться на государстве.

- Что за бред? - вырвалось у Аластора. - Да у нас в поместье небольшое кожевенное заведение приносит изрядную часть дохода! А была бы полноценная мануфактура...

Он осекся, разумник же неумолимо продолжал:

- Чуть больше месяца назад Королевский Совет проголосовал против предложения канцлера изменить налоговую систему и отдать право сбора провозных пошлин короне. С точки зрения Совета нам не нужны фабрики и мануфактуры, которые кормят Фрагану, Иглию и даже Арлезу. Нет денег? Просто потрясти купцов, как предлагает лорд Логрейн, и в казне снова зазвенит золото.

- Но нельзя же это делать до бесконечности! — возмутился Аластор. - Даже овцу стригут не каждый месяц, а когда отрастет новая шерсть. И не в самые морозы! Если это понимаю я, простой провинциальный дворянин, то почему Совет...

- Потому что милорды члены Совета знают овец только в виде вкусного жаркого и нарядной крашеной шерсти, — утомленно объяснил Роверстан. - Чего стоит выкормить овцу, они понятия не имеют. Большинству из них неизвестно, почему налоги собираются осенью, и что выгоднее, продать сырую шерсть на фабрики Арлезы или поставить сукновальни в Дорвенанте. А потом готовую ткань, обработанную артефакторами, отправить на фраганские и арлезийские рынки... Впрочем, простите, я увлекся. Не сомневаюсь, на землях Вальдеронов именно так вскоре и будет. А остальной Дорвенант...

- Прекратите, — прошипел Аластор, стискивая ладонями снова занывшие виски. - Вы думаете, я не понимаю, что вы сейчас делаете? То же самое, что и канцлер!

- Найдите в моих словах каплю лжи, и я немедленно извинюсь, а потом замолчу, — холодно возразил разумник. - Но от моего молчания ничего не изменится. Вы знаете правду, лорд Вальдерон. Дорвенанту нужен король не меньше, чем поместьям Вальдеронов - рачительный умный хозяин. Вы проехали эту страну, вы видели ее, она стонет от нищеты. Никто не может заставить вас принять корону - увы, это горькая истина. Ну так не принимайте. Живите спокойно в своем уютном цветущем поместье под властью его величества Бастельеро или его величества Сазерленда. Для вас-то ничего не изменится.

- Я вас ненавижу, — выдавил Аластор. - Вы же все понимаете...

- Да, милорд, — кивнул разумник, и взгляд его черных блестящих глаз показался Аластору очень грустным. - Вам не нужна власть ради власти, иначе этот разговор не имел бы никакого смысла. Лорд-канцлер Аранвен просил вас взойти на трон. Я прошу гораздо большего! Загляните себе в душу и скажите, сможете ли вы жить в ладу с самим собой, если этого не сделаете?

Перед внутренним взором Аластора мелькнуло худенькое серьезное личико Дани и морщинистое лицо старухи, имя которой он, к своему стыду, забыл. Улицы Шермеза, о котором он сам с таким возмущением рассказывал Аранвену... Да, это не его личное поместье и не его люди. Да, он может

просто отступить! Отдать корону кому-то другому, принести вассальную присягу и заниматься, чем угодно! «Ты за все отвечаешь сам, — словно шепнул ему на ухо мягкий голос арлезийца, их странного знакомого на один вечер, чей подарок уже изменил судьбу всех троих. - И, значит, решать тоже должен сам...»

Все верно. Никто не может его заставить. Кроме него самого.

- Я этого не хочу, — обреченно сказал Аластор и посмотрел в полные сочувствия глаза разумника. - Но я это сделаю. Можете так и передать канцлеру.

«Только не радуйтесь, — добавил он про себя. - Если мне придется стать королем, вас, милорд, я сделаю одним из своих советников. И на благо Дорвенанта вы будете трудиться рядом со мной».

Что-то во взгляде Роверстана изменилось, а затем магистр отвесил ему глубокий почтительный поклон, уронил: «Я вас оставлю, если позволите», — и вышел из палаты.

Аластор посмотрел ему вслед, чувствуя себя так, словно только что выдержал самый важный и тяжелый поединок в своей жизни, только непонятно, выиграл или проиграл.

Через несколько минут в комнату скользнул Лучано и протянул ему чашку с дымящимся шамьетом, пояснив:

- Я попросил на местной кухне разрешения сварить самому. Пей, а то на тебе лица нет... Что, такое неприятное лечение?

— Лечение? Не очень, — рассеянно отозвался Аластор. - Слушай, Лу, а ты не знаешь, между магистром Роверстаном и Айлин... что-то есть?

Итлийский котяра бросил на него праведно укоризненный взгляд и чопорно спросил:

- Друг мой Альс! Не ты ли у некоего озера учил меня приличным манерам и утверждал, что наша драгоценная синьорина тебе как сестра?! Сплетничать о сестре с ее собственным братом?! Да еще о благородной даме? За кого ты меня принимаешь?

- Ну ты и... нахал! - растерялся Аластор, который даже не представлял, что против него обернут его собственные слова. И, главное, кто?! - Ладно... А о постороннем лорде ты посплетничать можешь?

- Хм... — Лучано напоказ задумался, а потом просиял: — Альс, да ты становишься похож на человека, а не на статую рыцаря! О лорде - это сколько угодно. Тебя интересует грандсиньор Роверстан? - Он дождался кивка Аластора и принялся перечислять, загибая пальцы и не забывая следить за еномом, который полез в розы: — Отец - королевский архитектор, простолюдин, но принят при дворе. Мать вроде бы арлезийка. Состоятельная приличная семья, но самую блестящую карьеру сделал сам синьор Дункан. Ах, какое имя... И какой мужчина... Молчу-молчу, не сверкай так глазами. Уже и восхититься нельзя... Я же с полным уважением!

- Айлин, — напомнил Аластор.

- А ты сам как думаешь? - вздохнув, посмотрел на него Лучано. - Он примчался к Барготову холму на полчаса позже нас. А мы ведь сокращали путь, как могли. Значит, грандсиньор маг летел по дорогам сломя голову и не щадя свою арлезийскую зверюгу. А потом он вытащил синьорину из Разлома. Не спрашивай - как. Я только помню, что он ругался, словно портовый грузчик, и пытался взломать Разлом, будто гуардо - винный склад.

- Он спас Айлин, — кивнул Аластор, у которого несколько просветлело на душе. - И меня... Очень достойный человек. А... она?

- Она... — протянул Лучано. - Ну если бы я даже не видел, как она на него смотрит, то... Видишь на столике стакан? А в нем одна веточка?

- И что?

Аластор с недоумением пригляделся. Действительно, веточка с ярко-красными цветами. Броская, но словно спрятанная среди остальных букетов от чужих глаз.

- Я помню каждый букет, принесенный синьорине, — объяснил итлиеца. - И те, что отнес в коридор, и оставшиеся. Когда мы уходили, этой гранатовой веточки не было. А после визита грандсиньора Дункана она появилась. И кому сегодня снились цветущие гранаты? Мне, конечно, тоже могли, но настоящие, а не такие... словно нарисованные. А сны у нас, между прочим, были общие...

- Я понял, — проговорил Аластор и застенчиво отвел взгляд от ветки, словно она могла завянуть под его взглядом.

Значит, Айлин и этот разумник... Он, конечно, не из Трех Дюжин, однако магистр гильдии - все равно прекрасная партия. И если у него честные намерения, репутация Айлин будет спасена. Конечно, Аластор и сам готов был предложить ей... В общем, готов! Но если она любит Роверстана - это совсем другое дело. Можно только порадоваться за них обоих! Мужчина, который примчался спасать Айлин из лап самого Баргота, никогда не упрекнет ее в потере репутации, как не упрекнул бы сам Аластор.

- Молчим об этом, — предупредил он Лучано, и тот кивнул, но на веточку бросил странно тоскливый взгляд.

***

Сразу после обеда в палату явилась пара деловитых немолодых целителей, чтобы сделать Аластору перевязки. На Лучано, деликатно сунувшего нос, они покосились неодобрительно, но, удостоверившись, что он молчит и никуда не тянет руки, позволили посмотреть. От мелких порезов остались только розовые полоски, но крупные рваные раны еще требовали ухода, и было понятно, что в ближайшую пару недель Альсу стоит побережиться. Впрочем, без магии он либо не выжил бы совсем, либо остался калекой, так что Лучано в очередной раз горячо поблагодарил Милосердную Сестру и лично грандсиньора Дункана за его ловкие умелые руки.

Когда целители ушли, Аластор удобнее устроился в постели и принялся чего-то напряженно ждать. Он то брал принесенный по его просьбе фраганский роман, то снова откладывал книгу, поминутно поглядывая в окно и вскидываясь каждый раз, когда в коридоре слышались шаги.

- Сегодня должны приехать мои родители, — объяснил он, наконец, и Айлин восторженно ахнула:

- Это же прекрасно! Они, наверное, так беспокоились!

Как только Аластор оделся после процедур, синьорина с ногами устроилась в большом кресле, поставленном возле шкафа для визитов синьора Бреннана. Ради соблюдения странного дорвенантского этикета кресло находилось на ее половине, но кровати Лучано с Аластором оттуда было прекрасно видно.

- Думаю, да, — кивнул Аластор и улыбнулся с удивительной теплотой и застенчивостью. - Я должен обязательно поговорить с отцом, но дело не только в этом, вы же понимаете?

- Конечно, понимаем, — заверила его Айлин. - Правда, Лу?

Лучано кивнул, размышляя, что будет очень интересно увидеть достойного синьора Вальдерона и женщину, которая была фавориткой короля. Наверное, весьма красивая дама. Но еще интереснее, о чем Альс беседовал с грандсиньором Дунканом. Точнее, даже не так. О чем они беседовали, догадаться легко, а вот чем закончился разговор?

Однако время тянулось, шаги по коридору неизменно проходили и удалялись, Аластор неумовимо мрачнел, и даже Айлин тихонько перебралась из кресла обратно, когда в дверь палаты снова постучали.

- Прошу! — откликнулся Аластор, встrepенувшись, и несчастный роман полетел на одеяло.

- О, мои искренние извинения, — сообщил грандсиньор Роверстан, входя. - Если не возражаете, господа, я бы хотел продолжить лечение. Синьор Фарелли, вы готовы?

Вопрос не то чтобы застал Лучано врасплох... Да, он понимал, что их странная магическая связь должна быть разорвана, однако позволить кому-то копаться в своем разуме?! Даже блистательному грандсиньору Дункану, которому лично он позволил бы очень многое, но... совсем другого рода. Нет-нет, и даже думать об этом не стоит!

- Если вы уверены, что это необходимо, — выдавил он, всерьез рассматривая возможность выскочить в окно и сбежать.

Глупо, конечно, и все-таки чутье в один голос с рассудком кричало, что открывать свои мысли - самое худшее, что можно сделать в его положении. А теперь никуда не денешься! Словно кто-то позволит ему увильнуть от процедуры, которая призвана обезопасить принца и грандсиньорину. Ему, простому наемнику! Ну почему он был таким идиотом и не смылся из лазарета пораньше?! Да хоть бы и под крылышко к ее гадючьему величеству, что тоже не заинтересована в раскрытии своих маленьких грязных секретов. О том, что Беатрис легче было бы убить его, чем выдать магам, Лучано подумал мгновением позже и с полной обреченностью.

- Буду премного вам обязан, — кивнул Дункан, разглядывая его с подозрительной смешинкой в глазах, так что Лучано внезапно вспомнил о еноте в котелке.

И не стыдно ему тогда было насмехаться над бедняжкой Перлюреном? Теперь вот самому некуда деваться.

- Это не больно, — успокоил его разумник. - И я обещаю, что ваши тайны останутся в полной безопасности. Считайте меня мастером, который чинит входную дверь дома, не посягая на то, что внутри. В конце концов, лорд Вальдерон и леди Ревенгар мне доверяют...

«Им не нужно столько скрывать, — подумал Лучано совсем уже в тошнотворном ужасе. - Разумеется, синьорина доверяет своему жениху, а прошлое Альса наверняка белее, чем фата невесты. А я... Я наемный убийца, у которого на счету столько жизней, что я им даже счет не веду. Меня наняли, чтобы я убил синьорину Айлин, и неважно, что я этого не сделал, за это еще предстоит отчитываться перед королевой. И я точно чем-то сильно прогневал Всеблагую, если смотрю на человека, который может отправить меня на плаху, просто прочитав мои мысли, и при этом хочу его так, что эти самые мысли путаются. Да я даже не знаю, за какую из этих трех причин он меня убьет, если узнает о них!»

- Ни за какую, — меланхолично, терпеливо и совершенно спокойно сообщил грандсиньор Дункан, глядя на него. - Конечно, до тех пор, пока мысли остаются всего лишь мыслями. - И добавил с утомленным вздохом: — Ноя был бы крайне признателен, если бы вы не думали их так громко.

«Как будто это от меня зависит, — тоскливо подумал Лучано, видя, с каким сочувствием на него смотрит синьорина и с каким недоумением - Аластор. - Если бы я мог спрятать то, что сейчас думаю, даже не сомневайтесь, засунул бы эти мысли в самый большой артефактный ларь и замок сверху повесил. Проклятье, как же невыносимо чувствовать себя... прозрачным! Хуже, чем связанным по рукам и ногам . »

- Решайтесь, юноша, — посоветовал грандсиньор Дункан таким добрым тоном, какой на памяти Лучано удавался только мастеру Ларци. - И поверьте, содержимое чужого разума меня давным-давно не волнует. Это интересно первые года три-четыре, не дольше, а потом становится ясно, что ничего нового уже не увидишь.

Лучано обреченно кивнул, и грандсиньор, по-прежнему ласково улыбаясь, подсел к нему на постель и положил руку на лоб.

- Закройте глаза, — посоветовал он, — и постарайтесь расслабиться. Чем меньше будете сопротивляться, тем быстрее и легче все пройдет.

Лучано зажмурился, подумав, что куда охотнее выполнил бы этот приказ в другой обстановке, без свидетелей и более располагающей к расслаблению. И уж там сопротивляться точно не стал бы! Воображение мстительно подбрасывало одну за одной такие картины, что он сам в ужасе попытался их отогнать, но вместо возмущения услышал смешок, а потом проклятый грандсиньор с полнейшим равнодушием изволил сообщить:

- Можете не стараться, я уже почти двадцать лет преподаю в Академии, в том числе на старших курсах. Наших благонравных адептов вам все равно не переплюнуть.

Лучано вспомнил бабочек в животе, нефритовые флейты... и выдохнул с некоторым облегчением: действительно, любой наставник, умеющий читать в разуме своих подопечных, неизбежно насмотрится всякого. Это было последней осознанной мыслью, а потом рука у него на голове стала тяжелой и горячей, голос Айлин, тихо говорящей что-то Аластору, отдалился, и Лучано полетел в теплую уютную темноту.

Ему показалось, что дремота длилась всего несколько минут. В ладонь ткнулся прохладный влажный нос Перлюрена, и Лучано погладил зверька.

- Просыпайтесь, — весело подбодрил Дункан. - На сегодня все уже закончилось. Как вы себя чувствуете?

- Великолепно, — с некоторым удивлением признал Лучано, открывая глаза. - Кажется, прекрасно выспался.

- У тебя даже голова не болит? - с некоторым удивлением поинтересовался Аластор.

- Нет...

Лучано прислушался к себе. В его мыслях ровным счетом ничего не изменилось, голова тоже не болела.

- У синьора Фарелли совершенно другой тип реакции, — объяснил разумник. - Вы, милорд, изо всех сил сопротивлялись, вот напряжение и привело к такому эффекту. А ваш достойный итлийский друг любое воздействие охотно принимает, но так же легко пропускает его через себя. Разница как

между каменной стеной, что отражает удары, и сетью с крупными ячейками. Не скажу, что работать с ним было легче, чем с вами, — добавил он, вытащил из-за манжета белоснежный платок и промокнул им лоб. - Если бы не настоятельная необходимость торопиться, я посчитал бы это великолепной практикой. Провел ряд опытов, сделал необходимые замеры...

В его голосе слышалась мечтательность увлеченного своим делом мастера, которую Лучано не мог не оценить. Так мастер Ларци говорил о зельях, Аластор - о лошадях, а сам Лучано - о благовониях.

И тут в дверь постучали, Аластор откликнулся, и в палате мгновенно стало тесно. Уже далеко не юная, но очаровательная дама бросилась к нему, присела на край постели и заключила Альса в объятия.

- Мальчик мой! - выдохнула она, вглядываясь в лицо Вальдерона. - Дорогой... Как твои раны?!

- Матушка... — шептал Альс, обнимая даму. - Ну что вы, право... Все хорошо. Я уже почти здоров, клянусь Благими. Не стоит вашего беспокойства... Ну же, матушка...

- Прости, дорогой мой. - Дама нехотя разомкнула объятия, но не встала, а осталась сидеть рядом, держа его ладонь в своих и с любовью и беспокойством разглядывая смущенного сына. - Ты жив. Я никогда не устану благодарить богов...

Как и ожидал Лучано, она оказалась на редкость хороша, однако не броской красотой Беатрис, а более тонким очарованием. Золотистые волосы, нежная бледная кожа и ясные голубые глаза - на первый взгляд ничего особенного, хотя в Итлии этого было бы довольно, чтобы считаться красавицей. Но в синьоре Вальдерон было что-то еще, помимо прелести дорогой фарфоровой куклы. Ее глаза светились нежностью и добротой, а весь облик дышал достоинством, которое напомнило Лучано тетюшку Айлин.

И дело даже не в том, что обе дамы были голубоглазыми золотистыми блондинками. В остальном они казались не слишком похожими внешне. Госпожа Элоиза - высокая, тонкая, с резкими чертами лица и стремительными движениями. Синьора Вальдерон — на голову ниже, с изящным, но при этом приятно округлым станом и грудью, которой могла бы позавидовать иная юная красотка. Совершенно разные, они могли бы быть сестрами по тому обаянию, которое излучали. И было совершенно понятно, почему король в свое время так увлекся тогда еще юной синьориной, что изменял с ней такой невесте, как Беатрис. Лучано и сам из двух женщин выбрал бы эту, как бы ни была великолепна другая. Беатрис похожа на чашу сладкого, пьянящего, но ядовитого зелья. Синьора Вальдерон - на источник чистой ключевой воды.

Не без труда отведя взгляд от женщины, шепчущей что-то Альсу, он быстро осмотрел остальных, пользуясь тем, что на него никто внимания не обращает. Высокий светловолосый синьор так походил на Аластора статью и выражением лица, что здесь и гадать не нужно - отец. Да, не по крови, но точно по духу. Подойдя к Айлин, он склонился в нижайшем почтительном поклоне, а потом поцеловал протянутую ему руку синьорины с явным благоговением.

- Никогда не забуду... — слышал Лучано негромко сказанные с дрожью слова. - Ближе родных дочерей... мое дорогое храброе дитя... заслужить ваше прощение...

- Что вы такое говорите, милорд? - отчаянно и звонко запротестовала Айлин, заливаясь краской. - Разве я могла поступить иначе? И... все ведь обошлось, правда? Милостью Благих!

«И еще тем, что она шагнула в пасть Баргота вместо Альса, — подумал Лучано. - О да, этому синьору и его жене есть, за что благодарить синьорину магессу».

Его взгляд метнулся к двоим мужчинам, стоящим у двери, в стороне от обеих разыгравшихся сцен. Оба немолоды, но в самом расцвете сил, оба черноволосы, смуглы и неуловимо похожи военной выправкой и статью - не очень высокие и скорее худощавые, но жилистые и наверняка опасные в драке. И оба ему знакомы!

Один, одетый в черный камзол фраганского покроя с белоснежным крутым воротником и манжетами, горбоносый и черноглазый, безусловно, был тем самым бретером. Золотая серьга - единственное цветное пятно в облике месьора - поблескивала в его правом ухе, а острый взгляд медленно и внимательно перемещался по палате, остановившись, наконец, на Лучано. Фраганец склонил голову, обозначая поклон, и Лучано, не вставая, поклонился в ответ, жалея, что нельзя прикрыться от этого взгляда кирасой или магическим щитом синьорины. Зачем ему рапира, он и зрчками кого угодно проткнет насквозь.

Второй, стоявший возле фраганца, оказался - вот шутка судьбы! - тем благородным синьором, что разгромил на дороге отряд Аластора и взял в плен его наставника. Голубоглазый и смуглый брюнет, похожий на итлийца. Как же его... Кастельмаро! Лучано не мог не признать, что ало-золотой мундир идет синьору просто изумительно. А еще мгновенно вспомнились краденые лошади, палатка, фляжка... Бедняжка Беллочка! Кстати, Альс вроде бы весьма зол на синьора Кастельмаро

за ту стычку и покалеченных лошадок!

Дождавшись, пока синьор Вальдерон отойдет от Айлин к сыну, дорвенантский лорд-гвардо сделал два шага к синьорине, шелкнул каблуками, вытянувшись в струнку, по-военному четко поклонился и попросил неожиданно дрогнувшим голосом:

- Миледи, могу ли я просить о частном разговоре? Понимаю, что обстоятельства нашей прошлой встречи были не слишком благоприятны. Тем не менее, надеюсь на ваше великодушие.

Взгляды всех, кто был в палате, скрестились на Айлин. Альс даже открыл было рот, но посмотрел на отца, обменялся взглядами с фраганцем, медленно прикрывшим глаза, и выдохнул недовольно, однако молча, снова повернувшись к родителям.

- Разумеется, милорд, — чинно ответила Айлин.

Она присела в грациозном реверансе, не смущаясь тем, что одета в мантию, а не в платье, и Кастельмаро, подскочив к двери, распахнул ее перед синьориной, величественно выплывшей в коридор, а потом вышел следом. Аластор снова принялся уверять матушку, что совершенно здоров, и тут фраганец неожиданно обратился к разумнику, что молча наблюдал за всем:

- Прошу прощения, милорд. Нас не представили, позвольте мне исправить эту оплошность, не отвлекая моего ученика от более важного разговора. Жозеф д'Альбрэ, капитан фраганской армии в отставке.

- Дункан Роверстан, маг разума, — встав с кровати Лучано, поклонился магистру. - К вашим услугам, месьор д'Альбрэ, и примите мое искреннее восхищение вашим учеником.

- О, благодарю! - откликнулся фраганец, и его глаза довольно блеснули. - Но его воспитание - заслуга его благородных родителей. Не будет ли с моей стороны дерзостью поинтересоваться, милорд Роверстан, каково происхождение вашей серьги?

И он, подняв руку, затянутую в черную перчатку, тронул свою собственную. Лучано напрягся, сообразив, что именно происходит, однако Роверстан, напротив, улыбнулся с совершеннейшим благодушием и отозвался: - Я бы охотно ответил вам на этот вопрос, месьор д'Альбрэ. Но, согласно уставу вашего благородного общества, отвечать за меня в первую очередь должна моя рапира, не так ли? Разумеется, если у вас нет желания отказаться от этого этапа знакомства.

- Не вижу никаких оснований для отказа, — церемонно ответил месьор, снова блеснув глазами на этот раз с азартным интересом. - Если, конечно, у вас нет срочных дел или иных препятствий.

«Вежлив, как бретер», — вспомнил Лучано старую поговорку. Ну разумеется, если встретились два бретера... Сколько же интересного таит в себе великолепный грандсиньор Дункан?!

- Устав Академии запрещает поединки в ее стенах, — осведомил тем временем собеседника разумник. - Но если мы пройдем на тренировочную площадку, это не будет нарушением. Правда, я бы предпочел не привлекать в качестве свидетелей адептов или кого-нибудь из коллег. Не хотелось бы лишнего внимания.

- Согласен, — поклонился фраганец. - Позвольте положиться на ваше усмотрение этого вопроса. Я мог бы пригласить лорда Кастельмаро, но он занят. Не отвлекать же дворянина от беседы с дамой ради такого пустяка.

- Месьор д'Альбрэ? - снова насторожился Аластор, обратив внимание на разговор. - Милорд магистр?

- О, не беспокойтесь, юноша, — поспешил успокоить его разумник. - Это не более чем обычная тренировка. Старинный и очень увлекательный фраганский обычай, известный как «бретерская беседа».

«Только вот рапиры в нем, насколько мне известно, используются отнюдь не тренировочные, — подумал Лучано. - Потому что господа благородные бретеры владеют ими достаточно хорошо, чтобы довериться друг другу, а если в беседу вступает тот, кто не имеет права на серьгу, ну... сам виноват, мир его душе. А нам-то что делать, если два благородных синьора решили попробовать друг друга на прочность к взаимному удовольствию? Да ничего! Что тут сделаешь?»

- Хм... — задумался разумник и вдруг просиял, обратив взор на Лучано. - Мой любезный итлийский друг! Не окажете ли вы услугу мне и нашему гостю? - И пояснил, обращаясь к фраганцу: — Позвольте представить вам синьора Фарелли, спутника лорда Вальдерона в этом путешествии. Синьор не дворянин, но, несомненно, человек клинка, и я лично готов поручиться за его доблесть. Как и синьор Вальдерон, я думаю.

Фраганец снова повертел взглядом в Лучано пару дырок, а потом учтиво поклонился. Лучано же вскочил с кровати и торопливо ответил поклоном, едва понял, что именно произошло. Свидетель чести! «Бретерская беседа» не требует секундантов, но должен быть хоть один человек, который при необходимости покажет в суде под присягой, что это была именно «беседа», а не обычная дуэль или вообще убийство. Быть свидетелем при «бретерской беседе»? Да ради такого зрелища можно наизнанку вывернуться! Не говоря уже о том, что Дункан... то есть грандсиньор Роверстан сам позвал его!

- Месьор д'Альбрэ! - с возмущением возопил Аластор. - А как же я?! Лу... то есть синьор Фарелли достоин, разумеется, но...

- А вы, юноша, еще не имеете права выйти из лазарета, — неумолимо сообщил фраганец, — господа целители особенно это подчеркнули. К тому же я ни за что не позволю себе прервать вашу встречу с родителями. И вам бы не следовало даже думать об этом. Буду рад попросить об услуге вашего спутника. - И он снова глянул на Лучано.

- Сочту за честь!

Лучано торопливо обулся и бросил на Аластора виноватый взгляд, мол, ты же понимаешь... Дорвенанец мрачно посмотрел в ответ и отвернулся к родителям, надувшись, как мальчишка, которому не дали сладкого перед обедом. Лучано скрыл улыбку, пристегивая к поясу собственную рапиру.

- К вашим услугам, благородные синьоры! - провозгласил он и снова поклонился.

...Тренировочная площадка оказалась совершенно пуста, и разумник небрежно пояснил, что на сегодня занятия уже закончились, а старшие курсы боевиков по распоряжению магистра Алого факультета занимаются строевой подготовкой на другой площадке. И что если даже кто-то появится в разгар их беседы с уважаемым месьором, у этого кого-то наверняка хватит учтивости подождать ее окончания.

«А также чувства самосохранения», — согласился Лучано, с любопытством оглядываясь.

Что ж, ничего нового. У них при казармах была такая же. Стойки с оружием, навесы, щиты и соломенные чучела. Каменные, песочные и травяные площадки, чтобы нога привыкала к любому покрытию. Разве что Шипов еще учили драться и в воде, для чего использовались огромные чаны. Именно в таком едва не утопили будущего грандмастера Тино.

Фраганец тоже осмотрел площадку с явным одобрением. Подошел к стойке с рапирами, взял одну и пару раз взмахнул. Вернув оружие на место, учтиво осведомился:

- До первого укола или до третьего?

- Как пожелаете, месьор, — радушно отозвался Роверстан. Подумал и добавил: — Если не ошибаюсь, вы бережете правую руку. Я готов тоже использовать одну. По вашему выбору.

Подойдя к стойке, он взял первую попавшуюся рапиру, сделал выпад в воздухе и удовлетворенно кивнул.

- У вас прекрасное зрение, милорд, — с явным удовольствием ответил фраганец. - Не извольте беспокоиться, я давно оправился от раны. Не вижу необходимости ограничивать ни себя, ни, тем более, вас. Три укола, обе руки.

Они поклонились друг другу одновременно и так же одновременно сделали шаг назад.

- Синьор Фарелли, — с безмятежным спокойствием сказал Роверстан, — прошу вас быть свидетелем, что приглашение на беседу сделано и принято по всем правилам чести, а также с полного взаимного согласия.

- Прошу вас быть свидетелем, — подтвердил фраганец, и Лучано склонил голову.

- Подтверждаю и готов поклясться в этом своей честью и милостью Пресветлого Воина, — торжественно сказал он, чувствуя, что во рту пересохло от волнения.

Не сговариваясь, соперники сделали еще по шагу, с изысканной учтивостью встав так, чтобы солнце светило обоим одинаково. Черный камзол фраганца, белая мантия магистра - словно две фигуры арлезийских башен застыли на каменной площадке, пытаясь поделить одну клетку. Две рапиры с опасно блестящими остриями взлетели в воздух и замерли друг напротив друга, едва не касаясь кончиками. Теперь дело было за свидетелем.

- Беседуйте, синьоры! - воскликнул положенной фразой Лучано, от волнения забыв, что оба

достойных господина не итлийцы.

Он смотрел во все глаза и все-таки едва не упустил момент, когда рапиры, не дрогнув, плавно принялись расходиться, будто следя друг за другом блестящими стальными жалами. Полукруг, еще один, потом круг и сложный медленный выпад. Острия рапир плыли в воздухе, пока рукояти замерли в совершенно неподвижных руках. Оба соперника стояли расслабленно и спокойно, словно стальной узор, нарисованный в воздухе, не разделял их, а, напротив, объединял.

У Лучано сладко заняло сердце. Это было похоже на смертоносное искусство мастера Лоренцо и его лучших учеников, но при этом неуловимо отличалось. Вот рука фраганца едва заметно двинулась, миг - и обе рапиры сорвались в бешеную пляску. Какие приемы из фехтбуков?! Какие заученные позы?! Лучано хватал воздух, со священным ужасом понимая, что этим двоим хватило бы нескольких мгновений, чтобы убить друг друга, если бы бой был настоящим. Да что же они творят?!

Он остро пожалел, что Альса нет рядом. И Айлин... Они бы оценили. А больше этим видом он бы ни за что и ни с кем не поделился!

Словно в противовес безумному мельканию рапир, лица соперников по-прежнему были безмятежны. Да и двигались только руки. Хотя... Вот фраганец чуть сместил корпус, и магистр повернулся вслед за ним, словно в танце.

- Предпочитаете арлезийские сабли? - осведомился вдруг месьор с безупречной любезностью, и Лучано прикусил изнутри губу от ужаса.

Отвлекаться на разговор в такой драке? Да, он знал, что это называется «беседа», но... не на самом же деле?! Или... на самом?..

- О, ваша зоркость гораздо лучше моей, — восхищенно отозвался разумник. - Неужели так заметно?

- Мой дорогой ученик отдал свое сердце северным секирам, — ухитрился пожать плечами д'Апбрэ. - Это весьма обогащает и мою точку зрения.

- Понимаю, — согласился магистр, делая еще шаг. - Хорошие ученики всегда учат нас самих.

И теперь уже фраганец повторил за ним, словно в танце, правила которого прямо сейчас писали острия рапир, вынуждая людей им повиноваться.

Лучано давно забыл, как дышать. Но, наверное, все-таки дышал, только воздух казался тягучим и горячим, с трудом проходя в легкие.

Шаг, поворот, шаг, поворот... И снова, и снова...

Двое кружили по площадке, и рапиры пели в их руках, то хрустально звеня, то возмущенно лязгая, то вкрадчиво шепча о чем-то своем.

- Северная школа, мне кажется, — задумчиво уронил фраганец, и стальной рисунок в воздухе на миг неуловимо смазлся.

Лучано едва не вскрикнул, но, к счастью, голос ему отказал. Он поднял руку ко рту и закусил манжет куртки для большей надежности.

- Туше, — безмятежно, почти радостно отозвался разумник. - Вы совершенно правы, дорогой месьор. Мой почтенный учитель был родом из Амбуйе.

То есть первый укол нанесен?! Лучано стиснул зубы сильнее. Он даже не видел удара проклятого фраганца. Нет, не проклятого... Такое мастерство может быть только благословением. Пусть хоть от Баргота - но великим даром.

- А! - удовлетворенно отозвался месьор. - Я знаю пятерых из Амбуйе... Но один не берет учеников, а еще два... Пожалуй, они могли бы проиграть вам серьгу. Но так обучить - сомневаюсь. Недостаточно хороши сами.

- Вы слишком... любезны.

На этот раз Лучано увидел удар. Быстрый гадючий укол в правое плечо фраганца, словно рапира Роверстана обвилась вокруг не успевшего уклониться клинка соперника, поднырнула под него и ужалила.

- Туше, — прозвучал голос месьора. - Значит, остается двое. Де Ларош и ля Жербидье.

Один-один. Лучано яростно жевал рукав, понимая, что остался один укол до конца «беседы». Невозможно представить, чего обоим стоит эта легкая спокойная беседа, когда рапиры мелькают

быстрее стрекозиных крыльев. Это как бежать вслепую по скользким от дождя ночным крышам. Как заниматься любовью с незнакомцем, будучи связанным по рукам и ногам, трепеща каждым нервом, натянутым от страха и восторга. Как пробовать неизвестное зелье, не зная, успеешь ли проглотить противоядие и подействует ли оно. Как... назвать свое имя рыжей девчонке со смертью в глазах и позволить ей все, что угодно.

Танец. Драка. Любовь без капли плотского влечения, но какая разница, если души льнут одна к другой? Кому там уже важно, что глупые тела не касаются друг друга ничем, кроме стальных лезвий? И кто сказал, что сталь не продолжает горячую плоть?

- Так Ларош или Жербидье... — протянул фраганец с невозможным, немислимым равнодушием. - Нет-нет, прошу, я бы хотел догадаться сам.

- Как изволите, дорогой друг, — любезно отозвался Дункан. - Впрочем, надеюсь, вы не осудите меня за подсказку. Ваш почтенный коллега учил нас двоих, меня - и юного лорда Аранвена, сына канцлера.

Тягучий низкий голос с арлезийским выговором то ли произносил, то ли пел слова. И Лучано чувствовал, что сходит с ума. Этому голосу и этим рукам он мог бы отдаться прямо сейчас. На этой клятой площадке посреди полной людей Академии, залитой дневным солнцем. Без капли стыда! Какой, к Барготу, стыд, если от голоса магистра плавятся кости внутри, а тело уже давно сгорело и рассыпалось пеплом? Как фраганец это выдерживает? Впрочем, он и сам той же породы. Безумный дракон с серебряным жалом, пляшущим в воздухе. Больно смотреть на них. Больно и сладко.

- Но серьгу получили только вы... — бесстрастно подсказал второй голос.

Две огромные хищные птицы в облике людей шагнули назад - и разом перебросили рапиры в другую руку. Черный камзол фраганца, белая мантия арлезийца. И темные тени на каменной площадке.

Что-то внутри Лучано корчилось от боли и наслаждения одновременно. Он хотел, чтобы поединок закончился, и боялся этого. Как потом дышать самым обычным воздухом, не пропитанным этим чудом?!

- Юный Аранвен предпочитает фехтованию математику, — улыбнулся Дункан. - А я сказал бы, что поэзию, но не вижу разницы между стихами и дуэлью...

Он шагнул вперед, и рапиры яростно взвыли. Короткий треск, и обломок одной отлетел в сторону, упав к ногам Лучано. Мир замер. Слово в жутком сне Лучано увидел, как острие другой приближается к горлу разумника. Медленно, будто капля смолы тянется на солнце. Воздух встал в горле - ни закричать, ни пошевелиться. Так же медленно Роверстан поднял свободную руку, пытаясь защититься, его лицо исказилось досадой - но не страхом, губы шевельнулись...

- Туше, — услышал Лучано.

Мир дрогнул - и стало видно, что рапира фраганца упирается в горло Дункана. Самым кончиком, из-под которого ползет одна-единственная капля крови.

- О, мои извинения! - выдохнул месьор. - Я рассчитывал, что вы отразите. Если бы не рапира...

- Туше, — снова улыбаясь, повторил Дункан. - Могу лишь гордиться, что столько продержался.

- Нет же! - Д'Альбрэ с яростным сожалением смотрел на сломанную рапиру соперника. - Ах, проклятье. Как жаль... Позвольте не принять...

- Это бесспорно было туше, — продолжая беспечно улыбаться, покачал головой Дункан. - Хотя бы потому, что вы наверняка угадали имя.

- Де Ларош, — выдохнул фраганец, и Дункан радостно рассмеялся, словно выиграл, а не проиграл, а потом кивнул.

- Я посоветую фехтмейстерам Академии обновить рапиры, — беспечно сказал он, вертя в руках обломок, где от гарды осталось не больше двух ладоней длины клинка. - Месьор де Ларош, вы совершенно правы. Он говорил, что в Дарре слишком много математики, а во мне - поэзии. Вот если бы сложить нас и поделить, то получилось бы два недурных фехтовальщика. Не могу не признать, что в этом есть определенный смысл... Мои поздравления с победой, месьор д'Альбрэ. Не знаю, как выразить благодарность за урок.

- Просто Жозеф, если вам будет угодно!

- Сочту за честь, — поклонился разумник и снова представился: — Тогда я для вас просто Дункан.

Они смотрели только друг на друга, не замечая Лучано, и это было болезненно правильно. После такого-то! О, конечно, оба благородных синьора бесспорно из тех мужчин, что скорее зарежутся, чем лягут с другим мужчиной, но проклятье... То, что они сейчас творили вместе, было ярче и слаще любовных усад. Откровеннее, пронзительнее... Лучано после такого предложил бы сопернику все, что тому угодно. Прямо сейчас, пока кровь не остыла, только бы добраться до укромного места. Но синьоры - порядочные люди, у них, конечно, даже мыслей таких быть не может. А что глаза горят при взгляде друг на друга, ну... Как же отвратительно тяжело, наверное, быть порядочным человеком!

- Пожалуй, пора возвращаться, — с сожалением признал разумник. - Но мы непременно должны как-нибудь повторить.

- С радостью! В Дорвенанте так тяжело встретить достойного партнера для тренировок...

Черные вороньи глаза фраганца сияли удовлетворением и почти любовным экстазом, взгляд Роверстана искрился азартом, словно проигрыша не было. Поискав взглядом обломок рапиры, он обнаружил его в руках у Лучано и, похоже, немало удивился, что на площадке еще кто-то есть.

- А, синьор Фарелли! Премного вам благодарны!

И снова обернулся к фраганцу, доверительно понизив голос и сообщив:

- Дорогой Жозеф, не согласитесь ли вы сегодня вечером оказать мне услугу? Я собираюсь нанести один визит...

- Мне взять с собой вторую рапиру? - деловито уточнил бретер. - Я сочту за честь подарить вам одну из своих.

- Нет-нет! По правде говоря, меня чрезвычайно интересует, не владеете ли вы другим инструментом?

Он положил руку на плечо фраганца, и они вместе ушли в сторону лазарета, но по какой-то чрезвычайно длинной дуге. Вдохнув, Лучано поднялся и тоже отправился обратно в палату, чувствуя, что ноги самым предательским образом подкашиваются. Оставалось только надеяться, что усилия магистра Роверстана принесли должные плоды, и сегодня ночью он не поделится снами с Аластором и Айлин. Чует сердце, что сны эти будут не так невинны, как цветущие гранаты и ожившие статуи.

***

Лорд Кастельмаро вывел ее в коридор, и Айлин села на скамью между двумя кадками с лимонными деревьями, сложив руки на коленях, как полагается леди. Это было так странно... Она много лет утверждала, что отказалась от рода, и даже сейчас считала, что это правда, но все равно все вокруг продолжали считать ее леди Ревенгар. Дарра, Саймон, остальные соученики и преподаватели. А теперь и лорд Кастельмаро. Боевик так странно смотрел на нее, что Айлин задалась вопросом, что же он видит? Она ведь совершенно не похожа на фамильные портреты предков, ни одной черты. Вот Артур - да, он образцовый Ревенгар, а она...

Кастельмаро стоял перед ней, и это тоже было совершенно естественно. Айлин сотни раз видела именно такие сценки - мужчину, стоящего перед сидящей дамой. Обычный этикет. Раньше ей казалось, что правила поведения немислимо все усложняют, но теперь она понимала, что была неправа. Не будь этикета, она бы сейчас не знала, куда себя девать от смущения и о чем разговаривать с этим почти незнакомым мужчиной, другом ее отца. Отстраненно она подумала, что лорд Кастельмаро весьма хорош собой. Смуглый, черноволосый, с яркими голубыми тазами... Алый мундир гвардейского полка ему очень идет, и многие знакомые Айлин девицы были бы счастливы вниманию этого блестящего аристократа.

А ей вспомнилась дорога. Ржание лошадей, которым магия ломала ноги. Наемники лорда Вальдерона, прикрывшие их с Алом собой и давшие им время уйти. Месьор д'Апбрэ, которого судьба снова столкнула с бывшим противником по войне, насмешливо запутав, кто теперь на чьей стороне. «Янтарный чит». И холодный сладкий азарт «Кукушки». Ее первая магическая дуэль! Первая победа, которая оказалась такой мелкой и незначительной по сравнению с тем, что было потом...

Она смотрела на лорда Кастельмаро, перед которым должна была чувствовать себя юной наивной девицей, неопытным боевиком перед мастером - и понимала, что все совсем иначе. Так, словно они равны. Конечно, недели ее путешествия - это не годы войны, которую прошел ее отец и другие офицеры. Но... Айлин теперь тоже знала, что такое убивать врагов и терять близких. И понимала, почему отец всегда считал боевых товарищей больше, чем родственниками.

- Миледи?

Кастельмаро резко вдохнул, и Айлин с удивлением поняла, что ему нелегко дается этот разговор.

- Я пришел сюда, надеясь просить прощения у... лорда Вальдерона, — пояснил лорд Кастельмаро, едва заметно споткнувшись перед именем Аластора. - Но вы... Миледи, я и вам должен сказать... Мне жаль, и я могу лишь надеяться, что вы великодушно простите меня за ошибку!

- Вы совершенно ни в чем не виноваты, милорд, — вежливо ответила Айлин, испытывая теперь смутную неловкость оттого, как странно смотрит на нее Кастельмаро. Как... Как Пушок, сотворивший какую-то шалость, пойманный на ней и отчаянно стыдящийся! Только что хвостом не виляет, да и то исключительно из-за его отсутствия. - Вы же просто выполняли приказ!

Кастельмаро мотнул головой, то ли соглашаясь, то ли совсем наоборот.

- Зовите меня Эдвин, миледи, прошу вас! Ия... нет, я виноват! Понимаете, я же поверил... поверил, что вас похитили! Что вы такая же, как другие девицы, - юная, наивная, легкомысленная! Но потом я увидел...

Он опять перевел дух, и Айлин, не успев возмутиться причиной, которой объяснили ее побег, увидела в глазах боевика искреннее восхищение.

- Вам говорили когда-нибудь, что вы похожи на свою мать? - неожиданно спросил Эдвин. — Так вот, это неправда! Я увидел, как вы сидите в седле, как пригибаетесь к лошадиной шее, даже как поднимаете руку для заклęcia... При этом вы сдвигаете брови и усмехаетесь, даже если вам невесело! В точности как Дориан! Да, и еще это: «Скажи ку-ку!»... Дориан на тренировках частенько кричал именно так. Я смотрю на вас - и вижу, что он вернулся, понимаете? Дориан... он...

- ...Гордился бы? - еле слышно спросила Айлин и затаила дыхание, ожидая ответа с надеждой и мучительной тревогой и зная, что поверит Кастельмаро, что бы тот ни сказал.

Ведь он был другом отца! Наверное, лучшим, если так о нем вспоминает?

Кастельмаро замялся, подбирая слова, и, когда у Айлин совершенно упало сердце, решительно махнул рукой.

- Ржал бы! Как полковой жеребец! Простите, миледи, ради Пресветлого... И потом еще год дразнил бы меня Кукушкой. А вами... вами гордился бы, да. И прямо сейчас гордится в Садах Претемной - или я не был с ним знаком!

Он неловко улыбнулся, посмотрев на Айлин беспомощно и без всякой светской любезности, а у нее внутри разливалась горячая удивленная нежность. Совсем как в тот единственный раз, когда отец обнял и подкинул ее, встретив из Академии. Словно не было ни этих лет, ни его гибели! Словно стоит вернуться домой - и он выйдет навстречу!

- Простите меня, — сказал вдруг Кастельмаро. - Я только сейчас понял, каким же был дураком.

Айлин удивленно вскинула брови, а он пояснил, на несколько мгновений отведя взгляд и снова подняв его на Айлин:

- Все эти годы мы, друзья Дориана, старались опекать вашего брата. Юноше, потерявшему отца и не имеющему других старших родственников, тяжело. Некому ввести его в свет, объяснить некоторые вещи, очевидные для... для любого мужчины. И обязательные для дворянина, тем более главы рода. - Он опять запнулся, а потом продолжил с отчаянным усилием: — Но никто из нас, болванов, даже не подумал, что вы... что вам ничуть не легче, чем Артуру. А ведь мы видели, что после того... что после похорон Дориана вы не навещаете дом своих предков даже на вакациях. И должны были понять, что это неправильно! Вы его дочь и такая же наследница крови Ревенгаров, как и брат. Но когда я учил Артура фехтованию и обращению с родовым имуществом, мне... даже в голову не пришло, что вас, магессу, я мог тренировать в магии, как это сделал бы сам Дориан. Мы же оба боевики! А я...

- Это потому что я девушка? - проницательно подсказала Айлин, и Кастельмаро отрывисто кивнул, умоляюще глядя на нее.

- Проклятый этикет! - выдохнул он. - Да, именно так. Никому из нас в голову не пришло, что вы нуждаетесь в общении с нами, потому что вы девица, и наш мужской мир - это совсем не то, что ваш. Разумеется, если бы мы узнали, что вам нужна защита или покровительство... Проклятье, когда мне сказали, что какой-то юнец обманул ваше доверие и увез вас... Я бы за собственной дочерью не кинулся в погоню быстрее!

- Поверьте, милорд, я очень это ценю, — уронила Айлин, и потерянный взгляд боевика немного просветлел.

- Представить не могу, что вам пришлось пережить, — вздохнул он. - Это путешествие... Благодарение Пресветлому, что ваш спутник... Что он проявил благородство, достойное его крови!

- Два моих спутника, — поправила его Айлин. - Лорд Аластор и синьор Фарелли. Да, они были в высшей степени благородны и внимательны. Я знаю, что обо мне станут говорить, милорд. И... благодарю вас. То, что вы сказали о моем отце... Вы не представляете, как это для меня важно!

Ее голос дрогнул, и Айлин с ужасом почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Не хватало еще разреветься! Хороша будет заплаканная боевичка, Кастельмаро сразу поймет, что на самом деле она обычная нервная девица!

- Любому, кто попытается оскорбить вашу честь, придется иметь дело со мной или с кем-то еще из товарищей Дориана, — твердо сказал боевик. - Разумеется, если ваш брат не успеет защитить вашу репутацию раньше. Миледи Айлин... Простите, что вмешиваюсь не в свое дело. Я знаю, что вы обижены на него и леди Гвенивер, но, возможно, вы позволите мне послужить парламентаром и... примирить вас? Поверьте, ваш отец не хотел бы раздора в семье.

- Мой отец понял бы, почему так случилось, — тихо уронила Айлин. - Мне нечего стыдиться, милорд, и я не намерена отказываться от его имени. Но никогда не прощу леди Гвенивер за... то утро. Прощу вас, не будем об этом.

Кастельмаро молча поклонился, признавая за ней это право, и Айлин поразились, что он в самом деле считает ее взрослой и способной отвечать за свои поступки. Да, она понимала, что уже совершеннолетняя по правилам высшего света, но... до сих пор магический этикет отгораживал ее от этой ответственности, позволяя еще несколько лет укрываться от взрослости за стенами Академии. А ведь не родись она магессой, уже, скорее всего, была бы замужем! И вскоре будет... «Отец и в этом бы меня понял, — подумала она. - Дункан - достойный человек, отважный и благородный. Кому как не боевому магу ценить эти качества? И, может быть, попросить лорда Кастельмаро отвести меня к алтарю вместо отца? Но я не могу просить его об этом сейчас, еще не время».

Она встала, сделала реверанс и протянула руку, мимолетно удивившись, как легко и быстро возвращаются должные манеры, все-таки привитые ей леди Гвенивер. Кастельмаро поклонился и почтительно поцеловал ее пальцы, а потом снова щелкнул каблуками и предложил руку, осведомившись:

- Куда позволите вас отвести?

- Я бы хотела вернуться в палату, милорд, — улынулась ему Айлин, положив ладонь на локоть боевика.

Распахнув перед ней дверь, Кастельмаро снова вошел следом, усадил Айлин в кресло и лишь тогда церемонно обратился к Аластору, который разговаривал с родителями:

- Могу я отнять пару минут вашего времени, милорд? Позвольте представиться, лорд Эдвин Кастельмаро, мэтр-капитан второго гвардейского полка его величества.

- К вашим услугам, — хмуро ответил Аластор, посмотрев на боевика в упор и очень недобро. - Аластор, младший лорд Вальдерон.

К чести Кастельмаро, если он и удивился титулу Аластора, то никак это не показал. Напротив, кивнул, принимая как нечто естественное. Лорд Вальдерон и матушка Ала замолчали, только Вальдерон-старший тоже слегка нахмурился, оценив холодный тон сына. А Кастельмаро продолжил, гордо вскинув подбородок:

- Милорд, обстоятельства нашей первой встречи вынуждают меня принести вам самые искренние извинения. Поверьте, если бы я знал истинную причину, по которой вы отправились в путь, то счел бы за честь предложить вам свою шпагу и всемерную помощь. Но сделанного не исправить, и я в любое время готов ответить за то, что пытался вас остановить. Хоть перед лордом Вальдероном, хоть перед принцем Дорвенном, как вам будет угодно.

«Да что же это такое? - отчаянно подумала Айлин, краем глаза видя, что в дверях остановился Лучано и внимательно слушает разговор. - Ну почему эти мужчины умудряются все свести к оскорблениям и необходимости ответить на них? Если Ал сейчас вызовет его на дуэль, я... Я даже сделать ничего не смогу! Но обязательно попытаюсь...»

- Насколько я понял, милорд, вы действовали по прямому приказу лорда-протектора? - уточнил Аластор сдержанным и каким-то незнакомым тоном. - Это он велел привезти нас обратно?

Кастельмаро отрывисто кивнул и упрямо добавил:

- Однако и с себя ответственности я не снимаю.

Аластор несколько мгновений смотрел на него в полной тишине, а потом тяжело уронил:

- Было бы странно поставить вам в вину выполнение приказа. Позвольте мне быть откровенным, милорд. Если бы из-за вас пострадал мой наставник или леди Ревенгар, я бы считал себя обязанным вызвать вас в любом случае. К счастью, этого не случилось, хвала Пресветлому Воину. И мой отец уже сказал, что вы повели себя с исключительным благородством при разговоре с лордом Бастельеро, позаботились о раненом месьоре д'Альбрэ, а затем помогли ему вернуться в наш особняк. За это я вам от всей души благодарен. Следовательно, никаких претензий как принц Дорвенн я к вам не имею и иметь не могу.

- Но как лорд Вальдерон - имеете? - невозмутимо уточнил Кастельмаро.

Брови Аластора сошлись еще ближе, он смотрел на боевика с тяжелым холодным гневом, и Айлин поняла, что придется вмешаться, невзирая на этикет. Иначе эти двое так и останутся врагами.

- Милорд Кастельмаро, — звонко сказала она. - Лорд Аластор обижен на вас из-за лошадей. Помните, на дороге, когда вы пытались нас остановить... Это лошади с его конезавода, и он... Понимаете, он просто очень любит лошадей, — закончила она, смешавшись и вдруг почувствовав себя глупой девчонкой, которая влезла в серьезный мужской разговор.

Все в палате смотрели на нее. Аластор — по-прежнему хмуро, его родители - с любопытством, Кастельмаро - растерянно, а Лучано, проскользнувший от двери к окну, с веселым одобрением. Но вот боевик справился с удивлением, снова повернулся к Аластору и, немного помолчав, заговорил:

- Прошу прощения, милорд. Если в вас говорит не личная обида, а привязанность к этим благородным животным, я тем более приношу извинения. Поверьте, у меня просто не было другого способа исполнить приказ. Ну не по людям же мне следовало бить...

Он развел руками с искренним сожалением, и взгляд льдисто-голубых глаз Аластора потеплел.

- Я понимаю... — уронил он нехотя.

- Милорд, я десять лет провел на войне, — серьезно добавил Кастельмаро. - И знаю, как верно лошади служат человеку. Дважды лошадей убивало подо мной осколками ядер. И я никогда не позволил бы себе проявить неблагодарность к таким прекрасным созданиям Всеблагое. Но... война есть война.

- Война есть война, — согласился Аластор и тяжело вздохнул: — Мои ответные извинения, милорд. Я был неправ, думая о вас.

Он протянул руку, и боевик, шагнув к постели, крепко ее пожал.

- Милорд, миледи, — обратился он к Вальдеронам. - Благодарю, что позволили приехать вместе с вами. Счастлив знакомству и всегда буду рад видеть вас у себя дома. А Жозеф...

Он покрутил головой, и Лучано жизнерадостно отозвался от окна:

- Если вы о благородном фраганском синьоре, то он ушел с грандсиньором магистром после «бретерской беседы».

- Я пропустил «бретерскую беседу»?!

Лицо Кастельмаро вытянулось от неподдельного огорчения, а Аластор жадно воззрился на итлийца:

- И кто победил?!

- Два к одному в пользу Фраганы! Но лишь потому, что за мгновение до третьего туше у синьора магистра сломалась рапира, — торжественно провозгласил Лучано, потом стрельнул взглядом в сторону Айлин и поспешно добавил: — Сам он в совершеннейшем порядке!

- Ты должен все рассказать! - выдохнул Аластор. - Как это было?!

- Прости, не могу... — развел Лучано руками и мечтательно закатил глаза, имея такой блаженно-восхищенный вид, что Айлин едва сдержала смех. - Это неопишимо! Словами просто не выразить.

- Предатель, — буркнул Аластор, и напряжение, висевшее в комнате, наконец-то полностью рассеялось.

И сразу же лорд и леди Вальдерон, вспомнив указания целителей, заторопились домой. Матушка

Аластора крепко обняла Айлин, а лорд Вальдерон пригласил наскоро представленного ему Лучано приезжать в любое время. У Айлин запершило в горле и опять навернулись слезы, так эта семейная теплота и забота были не похожи на строгое следование этикету у нее дома.

Когда в палате снова остались только они трое, Айлин позвала:

- Пушок!

Пес, вежливо переживавший визит чужих людей, вылез из-под кровати, и Айлин принялась его обнимать, а Лучано принялся искать Перлюрена и, в конце концов, нашел его свернувшимся под одеялом. В сторону Аластора они, будто сговорившись, не смотрели, и Ал не выдержал первым.

- Да, я согласился, — буркнул он, глядя в потолок. - Принять корону и все, что к ней прилагается. Пришлось...

Вид у него при этом был далеко не счастливый, совсем напротив.

- Я очень рад за Дорвенант, — беззаботно сообщил Лучано. - Вот вернусь домой, стану рассказывать, что делил палатку с настоящим королем! Эх, не поверит же никто...

Итлиец обвел всех сияющим взглядом, а у Айлин тревожно кольнуло сердце. Апастор взойдет на трон! Это правильно, он же королевской крови! Но... это значит, что ничто уже не будет как прежде. Ал станет королем, и она присягнет ему на верность. Они уже не смогут оставаться друзьями... С королями ведь не дружат, у них могут быть только подданные... Лу, наверное, уедет обратно в Итлию, если королева его отпустит. Теперь, когда ее величество Беатрис убедилась, что Айлин не собирается убивать Аластора, ей нет необходимости нанимать Шипа. Она снимет с Лу проклятье и...

Думать о том, что случится потом, Айлин не хотелось. Получалось, что у каждого из их троицы все должно быть хорошо! Только вот каждому предстояла отныне собственная дорога, и понимать это было невыносимо горько.

- Айлин, ты плачешь? - тревожно вскинулся на кровати Апастор. - Что случилось?

- Ничего, — постаралась она разглядеть его сквозь радужную пелену слез. - Вот все и кончилось, правда? Это дурацкое заклятье скоро снимут, и тогда...

- В каком смысле «кончилось»? - нахмурился Апастор. - Ты же не думаешь, будто что-то изменится? Айлин? Лу, и ты? Вы думаете, что я перестану быть вашим другом?

- Ну... Боюсь, у грандсиньора короля будет очень много забот, м? - очень мягко и понимающе улыбнулся Лучано.

- Размечтались! - Апастор посмотрел на них с нешуточной и, главное, серьезной обидой. - Даже не думайте так легко отделаться. Я... просто не справлюсь без вас!

- О, я уверен, ты справишься с чем угодно, — тем же беззаботным тоном утешил его итлиец. - Но, конечно, если тебе понадобится наша с Перлюреном помощь...

- Или моя с Пушком... — поддержала Айлин, все-таки улыбаясь.

- То мы всегда в твоём распоряжении, — торжественно закончил Лучано, и Перлюрен в его руках пискнул, будто подтверждая.

***

До самого вечера больше их никто не беспокоил, только в положенный час две адепки-целительницы принесли подносы с ужином. Вслух умиляясь еноту, они украдкой бросали томные взгляды на Аластора и Лучано, так что Айлин с трудом удержалась от хихиканья, глядя, как по-разному отзываются на это друзья. Лу откровенно радовался вниманию целительниц - весьма симпатичных, следовало признать - и отвечал им взглядами не менее томными, но куда более откровенными. Аластор же едва заметно порозовел щеками и очень сдержанно поблагодарил девушек за заботу, а потом смолк, предоставляя Лучано болтать с ними. Но девиц это ничуть не остановило.

- Простите, милорд, — с придыханием спросила у него пышная голубоглазая брюнетка курса примерно десятого. - А это правда, что ваш сапог пожевал демон? И что вы свернули ему шею голыми руками?

- Разумеется, правда! - заявил Лучано прежде, чем покрасневший Ал успел выдавить хоть слово. - И прошу вас не верить скромности синьора Вапьерона, который станет это отрицать. Уверю вас, прекрасные синьорины, это были самые злобные и коварные существа из тех, что нам встретились.

Они напали на наш лагерь ночью, и только доблесть моих спутников позволила отразить нападение.

Он выразительно посмотрел на злосчастный сапог с погрызенным отворотом, который так и стоял у кровати.

- Какой ужас! - дуэтом ахнули девицы, влюбленно глядя на Аластора. - Милорд, вы должны рассказать нам об этом! У нас в Академии тоже было нападение демонов, но мы его не видели.

- Да-да, у меня заболела бабушка, — сокрушенно подтвердила вторая девица, тоже пышечка, но блондинка. — И милорд магистр дал нам с Клариссой отпуск на неделю. Нам так жаль, что мы пропустили самое интересное.

«Интересное? — подумала Айлин, которой сразу расхотелось смеяться над наивностью этих девчонок. - Это атака демонов - «интересное»? Бой, в котором погибло столько... столько...»

- Простите, миледи, я не мастер рассказывать, — процедил Аластор и метнул гневный взгляд на ничуть не смущенного Лу.

Разочарованные девицы присели в реверансах и наконец-то убрались из палаты, напоследок окатив Айлин таким ревнивым недовольством, словно она лично отбила у каждой из них поклонника. Лу мечтательно воззрился им вслед, разве что не облизываясь, а Аластор, стоило двери закрыться, ядовито спросил:

- Нападение демонов? И котелок, наверное, тоже они унесли? Зачем ты наврал этим... девицам?

- Я? Наврал? - изумился итлиец с видом оскорбленной невинности. - Альс, друг мой, не ты ли сам утверждал, что еноты страшнее всяких демонов, не говоря уж о разбойниках и упырях? А эти милые синьорины с удовольствием воздали бы должное твоему героизму. Возможно, даже вдвоем, раз уж они такие подружки.

- Лу! - рявкнул Аластор, окончательно заливаясь краской и виновато глядя на Айлин. - Думай, что и при ком говоришь!

Итлиец с нарочитым испугом тоже глянул в ее сторону и напоказ зажал себе рот рукой.

- Боюсь, магистр Бреннан этого бы не одобрил, — сдерживая смех, сообщила Айлин. - А в гневе он страшнее любого боевика.

Чтобы не смущать и так сконфуженного Аластора, она прихватила булочку с чашкой шамьета и ушла на свою половину. Пригубила шамьет и вздохнула - Лучано варил гораздо лучше. Может, попросить, чтобы он научил поваров Академии?

- Кстати! — раздался из-за ширмы голос неугомонного итлийца. - У нашей синьорины появился поклонник с изысканным вкусом не только на девушек, но и на цветы. В коридоре стоит букет сиреневых тюльпанов, мне даже представить страшно, сколько стоит подобная прелесть.

- Тюльпанов? - переспросил Аластор. - Что это такое?

Айлин насторожила уши, а Лучано принялся рассказывать о модных и невероятно дорогих цветах, луковицы которых всего несколько десятилетий назад удалось привезти из Порты Султанской, где их берегли как одно из главных сокровищ государства.

- Красные, розовые и белые тюльпаны уже развели много где, — со знанием дела рассказывал итлиец, — но вот сиреневые и прочих необычных тонов... Думаю, здесь не обошлось без магии. А она, насколько мне известно, позволяет получить цветы любой окраски, но только в первом поколении, размножению они не поддаются. Поэтому за луковицу редкого сорта тюльпана можно купить дом или прибыльную лавку. Между прочим, в том букете целых семь цветов! Готов поспорить, это тот же самый поклонник, что прислал те голубые лилии и белую гортензию вчера утром.

Голос Лу звучал с лукавым восхищением, и Айлин смущенно опустила глаза, хотя ее за ширмой никто не мог увидеть. Неужели это Дункан присылает такие знаки внимания? Но нет, свои подарки он вручает сам, и эти чудесные веточки цветущего кофе или граната прекраснее самых роскошных букетов. Тогда кто? Цветы такой стоимости это уже не простая любезность, да и позволить их себе могут далеко не все адепты. Дарра и Саймон? Они видели, что она не держит цветы в палате... К тому же Дарра знает, что она любит розы, а Саймон скорее принес бы сладости и поучаствовал в их поедании. Как непонятно...

Ей в голову пришел еще один человек, который мог бы прислать эти букеты, и Айлин нахмурилась. Тот странный поцелуй руки от лорда Бастельеро и предложение, которое она не приняла...

Неужели он рассчитывает что-то изменить в ее решении? Да, многие мужчины считают женский

отказ всего лишь кокетством, но она-то была совершенно искренней, лорд Бастельеро должен был ее понять. Все, что случилось между ними, это ошибка, которую она хочет забыть как можно быстрее. А букеты... Какая ей разница, кто их присылает? Может, это стихийники стараются, у них в оранжереях чего только нет!

За окном уже совсем стемнело, но она не торопилась зажигать лампу, как это сделали Лу с Аластором. Отблески с их половины проникали между ширмой и стеной и давали достаточно света, чтобы разглядеть столик, на котором так и стояла веточка граната. Алые лепестки уже облетели, но остались крепкие красные прицветники, похожие на звездочки, и Айлин потрогала пальцами их плотную кожу. Вдруг за окном послышался шорох. Пушок, лежащий возле кровати, настороженно вскинул уши и даже повернул морду из стороны в сторону, прислушиваясь, но не оскалится. А в следующий миг раздались звуки лютни, которой вторил еще какой-то инструмент.

Вскочив, Айлин подбежала к распахнутому окну и остановилась рядом с ним, спрятавшись за плотной занавеской. Чуть сдвинула ее, вглядываясь в щелочку... В нескольких шагах от окна, освещенные луной, стояли двое мужчин в длинных плащах и полумасках, скрывающих лицо. Один, пониже ростом и более изящный, держал лютню. Его спутник... О, эти плечи, рост и общий облик Айлин узнала бы под любым плащом! И неважно, что лицо магистра скрывала не только темная ткань, но и тень от широкополой шляпы! Сердце Айлин застучало, словно копыта несущейся галопом Луны!

Глядя на ее окно, Дункан снова провел пальцами по струнам гитары, и над садом поплыл низкий бархатный голос, от которого Айлин бросило в жар:

- О даме прелестной в ночи прозвучит моя песня,

Любви безответной я строки свои посвящаю.

Красавиц немало видал, но скажу вам без лести:

Их чары при взгляде на вас точно дымка растут!

Еще один выразительный перебор, который поддержала страстным мурлыканьем лютни, и магистр пропел тягучий долгий рефрен:

- Прямой, как стрела, изумрудно-зеленый,

Сокровищ дороже ваш взор благосклонный!

Айлин отпустила занавеску и прижала ладони к пылающим щекам. Серенада! Не жалкие попытки Дерека, а самая настоящая серенада! От преподавателя посреди Академии! Да что же... что он творит?! Зачем так рискует своим положением?! Конечно, маска скрывает лицо, а вокруг больничного крыла всегда полог тишины, но если услышит кто-то из дежурных целителей... И... а кто же его спутник?

Она снова приоткрыла занавеску и разглядела фраганский берет с пером. Ох, это же месьор д'Альбрэ! Такую выправку и осанку никаким плащом не скроешь. И... что ей делать?

Лицо уже горело так, что сладкий томный огонь расходился по всему телу. Голос Дункана ласкал, завораживал, томил...

- Вы даже надеждой меня одарить не согласны,

Хотя свое сердце давно я сложил к вашим ножкам.

Все мысли мои ныне только о донне прекрасной.

Я верю, что счастье в любви в этой жизни возможно!

Он помедлил несколько мгновений, а затем Айлин показалось, что голос магистра взлетел над садом и рассыпался огненными искрами, словно чинский фейерверк.

- Влюблен я безмерно, о юная донна!

Сокровищ дороже ваш взор благосклонный...

Надо... надо выглянуть! Или нет? Она ведь должна ему сказать, что это безумие! Что не стоит рисковать ради нескольких минут... счастья? Да, именно счастья, потому что сейчас, слушая этот волшебный без всякой магии голос, плывущий над ночным садом только ради нее, Айлин чувствовала себя невозможной, непереносимо счастливой! Теперь она знала, как это бывает по-настоящему. Как бьется сердце, готовое выскочить из груди и упасть в бережные и сильные мужские ладони. Как сохнут и горят губы, предательски заставляя желать прикосновения других

губ... Неужели это все принадлежит ей?! Эта страсть в голосе, эта нежность и обещающий призыв...

Она вдруг осознала, что ткань занавески не такая уж плотная. Это в комнате она кажется непроницаемой, но света достаточно, чтобы снизу из сада был виден силуэт. И, значит, Дункан видит, что она... Что она стоит и слушает его!

Словно отвечая на ее мысли, лютня и гитара сплелись томными ликующими трелями, не перекрывая голос певца, а поддерживая его и вознося ввысь, словно два крыла. Айлин обреченно поняла, что если кто-то мог услышать пение, то наверняка уже услышал. Но никакая сила в мире не заставила бы ее сейчас отойти от окна. Потому что она должна была дослушать до конца!

- Я сдался бы в плен, только жаль, не берете вы пленных,

Служить вам готов, лишь возьмите меня в услуженье! - не обманул ее ожиданий магистр.

- Когда же падут равнодушия вашего стены?

Дождусь ли, дождусь ли, дождусь ли счастливых мгновений? - летело над садом.

Сердце Айлин замерло и снова застучало, когда вкрадчивая мольба сменилась яростным требованием:

- От страсти сгораю, прекрасная донна!

Сокровищ дороже ваш взор благосклонный!

Онемевшей Айлин показалось, что она еще и оглохла. Но нет, это просто голос стих, однако лютня и гитара продолжали вести свою тихую переливчатую беседу...

- Скажи, друг мой Альс, — послышался вдруг из-за ширмы голос Лу. - Как ты думаешь, эта дивная серенада посвящена тебе или мне?

Что?! Айлин пораженно обернулась туда и услышала растерянный голос Аластора.

- Тебе или мне? Лу, ты о чем?

- Действительно... — охотно согласился итлиец. - Я совсем забыл, что нахожусь в Дорвенанте, а это значит, что тебе, в высшей степени приличному синьору, серенаду петь никто не станет. Конечно же, она посвящена мне! Что ты так смотришь? Ну, согласись, если бы пели для нашей прекрасной синьорины, она бы уже выглянула!

«Друзья, называется! - возмущенно подумала Айлин, слыша, как Аластор за ширмой давится от смеха. - Ладно, еще Лу, так ведь и Ал туда же! Ну, я вам устрою... еще не знаю что, но обязательно устрою! Потом...»

И, вдохнув поглубже, - пока с Лучано не случилось, в самом деле, выглянуть самому! - она отдернула занавеску.

Магистр передал гитару своему спутнику, деликатно отступившему в кусты, а сам сделал несколько шагов - и оказался под самым окном Айлин, протянув к ней руки.

- Что? - выдохнула Айлин. - Нет, я не могу!

- Неужели? - мягко спросил Дункан, и его глаза блеснули в густой тени от шляпы. - И что же вам мешает, моя драгоценная донья? Кстати, прошу прощения за маленькую поэтическую вольность, если вы ей удивились. В Арлезе «донна» — это не только благородная замужняя дама, но и просто «возлюбленная».

Айлин, вспомнив обращение в серенаде, молча кивнула, а голос магистра все так же проникновенно завораживал ее:

- Не правда ли, сегодня прекрасная ночь? Я хотел бы пригласить вас прогуляться в одно чудесное место, достойное вашей красоты...

- Прогуляться? - растерянно переспросила она. - Но мне нельзя отлучаться из лазарета. Милорд Бреннан...

В мыслях промелькнуло предательское воспоминание о потайном ходе за стены Академии. И о том, что раньше она не была так послушна целителям, а жаль...

- Милорд Бреннан, при всем моем уважении, не единственный ваш врач, — улыбнулся Дункан. - Я тоже имею честь называть себя целителем. И как целитель я прописываю вам прогулку на свежем

воздухе. Это изумительно способствует хорошему сну и настроению. Ну же, Айлин, неужели вы боитесь? Меня?

Айлин решительно замотала головой, ужасаясь такому предположению, и, чтобы доказать свое бесстрашие, присела на узенький подоконник. Но сидеть вполоборота было неудобно, и она перекинула ноги наружу, благо широкий подол мантии это позволял.

- Простите, я правда не могу...

Собственный голос звучал отвратительно жалобно, и Айлин сама не понимала, почему отказывается. Может быть, потому что она твердо решила быть приличной девушкой, за которую никому не придется стыдиться? Да, объятия Дункана манили, но...

- И мы ведь все равно не сможем покинуть Академию тайно, — выпалила она, радуясь такому весоному доводу. - Но если хотите, я могла бы прогуляться с вами по саду... Ай!

Оказывается, на слишком узком подоконнике она сидела так неустойчиво, что малейший толчок в спину отправил ее вниз, прямо в руки магистра, мгновенно подхватившего добычу.

- Премного вам благодарен, сударь Пушок, — церемонно поблагодарил Дункан, и Айлин поняла, что это был за предательский толчок.

Пушок попросту боднул ее сзади головой!

- Так нечестно! - возмутилась она и увидела, что губы магистра, не скрытые маской, дрожат от сдерживаемого смеха. - Вы... вы сговорились?! Все?!

- Понятия не имею, о чем вы, моя прелестная донья, — с преувеличенной серьезностью проговорил Дункан. - Но прошу учесть, что ни один порядочный арлезиец не выпустит сокровище, которое само упало в руки. Месьор Жозеф, примите мою вечную благодарность. Вас не затруднит пока что приютить у себя мою гитару?

- Не извольте беспокоиться, дорогой друг, — отозвался из кустов невидимый фраганец. - Желаю вам и прекрасной демуазель приятно провести время.

«Точно заговор, — поняла Айлин, прижавшись к широкой груди и чувствуя себя в руках Дункана маленькой и невесомой. - У-у-у... мужчины! Все они заодно!»

Негромкое фырканье было ей ответом. Айлин тянула и увидела выходящего из-за кустов огромного жеребца, такого черного, что в ночном полумраке его почти не было видно, только лунный свет обрисовывал силуэт, играя бликами на роскошной глянцевой шкуре.

- Позвольте вас представить, — так же серьезно сказал Дункан, сдергивая маску и пряча ее куда-то. - Это Дон Торнадо, и он рад снова встретиться с вами.

Снова встретиться? Ах да, это же на нем магистр приехал к Разлому! Айлин кольнула совесть: за эти дни она так и не выбрала время навестить Луну, только узнала, что ту поставили в конюшни Академии. Вот бессовестная!

- Рада познакомиться с благородным доном, — ответила она, пытаясь высвободиться, а затем возмутилась: — Милорд, вы собираетесь меня отпустить?!

- Нет, — с безмятежной честностью ответил Дункан и поинтересовался: — А зачем? Я вас похитил и намерен использовать это преимущество в полной мере. В ближайшие несколько часов можете считать себя... ну, скажем, пленницей арлезийского разбойника, от которого, по преданию, идет мой род со стороны матери. Похож?

- Очень! - мстительно сообщила Айлин и прекратила попытки вырваться.

В конце концов, она же действительно ничего не может сделать! Кричать и вырываться всерьез - немыслимая глупость! Она только опозорит себя и Дункана, если кто-то услышит. Да и зачем? Если он собирается к рассвету вернуть ее обратно... К Айлин медленно возвращалось восхитительно сладкое чувство свободы, уже почти забытое, но такое родное и любимое. Именно то, ради чего она ночами сбегала из Академии к Аластору, а теперь снова испытывала в объятиях мужчины. Между прочим, ее собственного жениха!

Дункан поднес ее к Дону Торнадо и, не спуская с рук, позволил тому обнюхать ноги Айлин. Конь шумно потянул носом, уставившись с неподдельным удивлением, потом перевел взгляд на Роверстана и неодобрительно зафыркал.

Айлин подняла голову, пытаясь что-то прочесть по лицу Дункана, однако оно было таким же невозмутимым, как обычно, разве что глаза смеялись. Дункан усадил ее на коня, а затем легко

вскочил в седло. Дон Торнадо при этом не шевельнулся, стоя живой глыбой из черного мрамора.

- Я ему не понравилась? - осторожно спросила она, однако разумник качнул головой, подбирая поводья одной рукой и устранивая Айлин перед собой боком.

- Ну что вы! Просто Дон Торнадо удивился, что на нем решили прокатить пони. Он, видите ли, ревнив, как все арлезийцы. Но ваше знакомство с белокурой красавицей, запавшей ему в душу, несколько меняет дело.

- Пони... То есть как пони?! - ахнула Айлин, разрываясь между желанием рассмеяться и вознегодовать, и жеребец утвердительно фыркнул, а Дункан ответил ей лукавой извиняющейся улыбкой.

- Дон Торнадо по-своему видит людей. Он же все-таки лошадь... Прошу прощения, благородный дон, я, разумеется, хотел сказать — конь! Так вот, с его точки зрения вы больше всего похожи на рыжую пони. Но несомненно очаровательную и очень... резвую.

- Это вы мне мстите за арлезийского льва? - подозрительно уточнила Айлин и услышала тихий смехок, но вместо того, чтобы обидеться, возликовала.

Потому что вспомнила насмешливые ласковые перебранки тетюшки Элоизы с дядюшкой Тимоти и... Претемнейшей Госпожи с ее супругом. Оказывается, настоящая нежность-это не только красивые слова, как в романах! Это еще и смелость показаться забавным в глазах другого человека, но при этом знать, что все равно остаешься дорогим и любимым.

- А как мы покинем Академию? - торопливо спросила она, смущаясь этих мыслей и теперь точно зная, что Дункан может при желании читать в ее разуме. - Вдруг нас увидят?

- Не беспокойтесь, — сказал разумник, и Айлин услышала в его голосе улыбку. - Я запасаюсь артефактом с иллюзией, которая скрывает вас от чужих взглядов. А магистру гильдии разрешено покидать Академию и возвращаться в любое время по своему усмотрению. Даже сторожевые горгульи на воротах не заметят, что Дон Торнадо несет двоих. Не говоря уже о случайных встречах в городе.

То есть ее попросту никто не увидит?! Сердце Айлин снова радостно екнуло. Какой же Дункан предусмотрительный и заботливый! И получается, что... они даже могут целоваться?! Она зажмурилась, краснея за эти мысли, но тут же упрямо заявив самой себе, что ничего особенного в них нет. Целоваться с собственным женихом, это... неприлично, конечно же, но вряд ли Дункан до сих пор считает ее по-настоящему приличной девушкой! И она так соскучилась... А им все время кто-то мешает!

Они проехали через сад, прекрасный и тихий в лунном свете, и выехали через просторный двор к воротам. Айлин затаила дыхание, но заспанный привратник взгляделся в магистра и распахнул створку ворот. Дон Торнадо звонко процокал копытами по каменной мостовой, ворота без скрипа закрылись позади, и Айлин с облегчением выдохнула.

- А куда мы едем? - спросила она, вертя головой. - Сейчас ведь ночь.

Ей как наяву вспомнилась та детская поездка с Аластором. Дворцовый сад, знакомство с двумя принцами. И опять больно укололо понимание, что славные юные лорды, оставшиеся в ее памяти, мертвы. Так безнадежно и несправедливо... И всадник, с которым она едет, совсем другой, и конь ничуть не похож на бедняжку Искру, и уже ничто никогда не вернется назад.

- Не грустите... — тихо сказал магистр и легонько коснулся губами ее макушки. - Оставьте прошлое прошлому. Посмотрите, какая ночь! Когда-нибудь вы вспомните и ее тоже...

Они ехали по безмолвному темному городу, где лишь изредка встречались фонари у ворот богатых особняков. Айлин здесь никогда не бывала, но, когда Дон Торнадо повернул на прямую улицу, полого уходящую вниз, почувствовала запах сырости и поняла, что улица ведет к реке.

- Это Дворцовая набережная, — так же негромко объяснил Дункан. - Но мы не будем спускаться к самой воде. Немного выше набережной несколько лет назад разбили чудесный сад по итлийскому образцу. Он освещен магическими шарами и хорош в любое время года, а уж поздней весной... Впрочем, вы все увидите сами.

Айлин молча кивнула, еще теснее прижавшись к груди Дункана плечом. Дон Торнадо ступал ровной арлезийской иноходью, плавно покачиваясь из стороны в сторону, и Айлин казалось, что она плывет по воздуху. Ей совсем не хотелось разговаривать, первое опьянение свободой сменилось тихой легкостью с нотками грусти. Ночь была действительно прекрасна, и как жаль, что она не продлится навсегда...

Так прошло с четверть часа, и Айлин была невероятно благодарна Дункану за то, что он так чутко уловил ее настроение и тоже молчал.

- А знаете, — сказала она, вволю надышавшись речной свежестью с запахом цветов, — Аластор совсем не хотел быть королем. И сейчас не хочет... Он говорил, что всегда мечтал жить в усадьбе, заниматься лошадьми и быть свободным...

- Что поделать, моя дорогая, не всегда можно получить то, чего желаешь, — вздохнул Дункан, и Айлин вдруг показалось... Нет-нет, она, конечно, не думает, что речь может идти о леди Гвенивер! То есть совсем-совсем не думает... но все-таки, что если он говорит о себе?

Сердце словно ужалила ревнивая злая обида, и Айлин обозвала себя душой. Да что же с ней такое?! Зачем она портит чудесное свидание всякими глупостями? Дункан уже сказал ей однажды, что любит именно ее!

- А вы? - спросила она, изо всех сил стараясь говорить как можно беспечнее. - Тоже не можете?

И замерла в ожидании ответа.

- И я тоже, моя дорогая, — согласился разумник. - К примеру, сейчас мне больше всего на свете хочется отправиться в Храм Странника и встретить утро уже вашим супругом...

Ох... В его голосе прозвучало вдруг что-то такое, что Айлин снова ясно вспомнила арлезийского разбойника с Барготова холма. Наверное, именно так выглядел тот предок, о котором пошутил сам магистр. Необузданный, могучий, яростный... Стать его женой? Прямо сейчас, немедленно, не дожидаясь вакаций?! Внутри стало горячо и темно, и Айлин выдохнула, обмирая от сладкой жути:

- Почему... не можете?..

Тихий, какой-то сдавленный выдох за спиной ей наверняка почудился, а вот то, что объятие стало куда крепче - точно нет!

- Потому что, кроме желаний, у нас есть и обязанности, — ровно отозвался магистр. - И одна из них - думать о будущем. Если сейчас я поддаюсь собственному нетерпению, то рано или поздно вы вспомните, что лишились очень многого, что важно для женщины. Настоящей свадьбы, гостей, поздравлений... И даже свадебного платья. Да, сейчас вам кажется, что это не так уж важно. Вы разумная девушка и умеете отдавать преимущество действительно необходимым вещам. Но когда-нибудь вам станет грустно, что ничего этого у вас не было, хотя, видит Всеблагая, вы заслужили каждую минуту счастья, которое только возможно. А еще есть мнение света. Вы пренебрегли им ради спасения Дорвенанта, и я считаю это не меньшим подвигом, чем решение шагнуть в Разлом. Но если вы пойдете к алтарю ночью и без всякого торжества, это будет еще большим вызовом этикету, который вам точно не простят. Станут говорить, что наша свадьба связана с какими-то позорными причинами, которые заставили сохранить ее в тайне и устроить второпях. Я не хочу, чтобы вам было горько вспоминать о самом прекрасном дне в нашей жизни. Чтобы наши дети когда-нибудь слышали насмешку или грязный намек на прошлое их матери. Вы должны быть самой прекрасной, счастливой и свободной невестой в Дорвенанте, вот почему я не отвезу вас в храм Странника прямо сейчас. Но поверьте... — и в его голосе снова прозвучали нотки, от которых Айлин пробрала сладкая дрожь, — я бы дорого дал, чтобы сделать именно это... Посмотрите, мы приехали!

Айлин подняла взгляд и поняла, что Дон Торнадо мерным шагом идет по роскошному саду. Дорожка, вымощенная каменными плитами, словно сама стелилась под копыта, а вокруг благоухали пышные кусты роз и еще каких-то цветов, которые она не могла распознать в лунном свете, а может, и вовсе не знала.

- Как чудесно... — прошептала она. - Это похоже на Сады Претемной...

И осеклась - вдруг Дункана обидит подобное сравнение? Нашла, что сказать, в самом-то деле!

- Вам виднее, — невозмутимо согласился разумник, и Дон Торнадо тихонько фыркнул, будто соглашаясь.

- Здесь просто изумительно! - поспешила она исправить впечатление. - Наверное, днем в этом саду полно людей?

- Обычно - да, — согласился Дункан. - Моя матушка и сестры очень любят здесь гулять, иногда я их сопровождаю. Дома мы предпочитаем арлезийский уклад, но Арлеза весьма схожа с Итлией в том, что касается садов. Пожалуй, сады и купальни - это единственное, что у них действительно общего.

- А ваша семья... — тихонько спросила Айлин, снова непритворно смущаясь. - Вы уже поставили их в известность?

- Разумеется, — опять улыбнулся Дункан. - Они с нетерпением ждут знакомства с вами.

- И их не смущает, что я... отказалась от рода? - выдохнула Айлин.

- О, мои родители прекрасно знают, что обстоятельства бывают самые разные. - Тон магистра неумовимо поменялся, став ироничным и на удивление жестким, словно бархатные ножны слетели, обнажив холодную сталь клинка. — В конце концов, в свое время арлезийский род моей матушки сам отказался от нее.

- Как?! - ахнула Айлин. - Но... почему... Ох, простите, я не должна спрашивать...

- Ну почему же? - усмехнулся Дункан. - Как раз вы имеете полное право знать историю семьи, в которую согласились войти. Моя матушка, донна Кармела Эстерсита Летиция Ровена, в девичестве донья де ла Гуэрре, была фрейлиной королевы Розаберты, матери его величества Малкольма. И ее драгоценные родичи посчитали, что она совершила недопустимый и позорный проступок.

- Какой? - спросила Айлин одними губами, но Дункан, конечно, услышал.

- Вышла замуж за моего отца, — просто сказал он. - За образованного, честного и талантливого человека, королевского архитектора, но всего лишь простолюдина без капли дворянской крови. Добившегося положения и состояния только собственным трудом и усердием. Совершенно невозможная партия для девицы из рода де ла Гуэрре, двоюродной сестры ее величества Розаберты.

- Подождите! - вскрикнула Айлин, чувствуя, что голова у нее идет кругом и вовсе не от запаха цветов. - Как двоюродной сестры?! Ваша матушка - двоюродная сестра королевы?! Вы... вы же сказали, что ведете род от разбойника! Вы... пошутили?!

- Нисколько, — усмехнулся Дункан. - Дорогая моя, поверьте историку, в истоках любого королевского рода можно отыскать разбойника, пирата или завоевателя. И Арлеза ничуть не исключение. Но это дела давно минувших дней. Сейчас герцоги де ла Гуэрре - младшая ветвь королевской семьи Арлезы. А самомнения больше, чем у старшей, право слово, — добавил он с явной неприязнью и продолжил совершенно безразличным голосом, будто рассказывая о ком-то другом. — Когда принцессу Розаберту обручили с королем Дорвенанта, она взяла с собой любимую кузину. Предполагалось, что матушка найдет здесь жениха в Трех Дюжинах, однако она отвергла всех претендентов на свою руку и выбрала того, кто не смел даже надеяться на подобный брак. Был невероятный скандал, но ее величество Розаберта дала согласие на брак своей кузины и даже пожаловала ей приданое. Очень великодушно с ее стороны, потому что де ла Гуэрре заявили, что непокорная дочь и сестра отныне для них не существует, как и все ее потомство. По родовому уложению матушке причитался в приданое замок неподалеку от столицы Арлезы и прилегающее к нему богатое поместье, известное своими виноградниками. Эти владения перешли к брату матушки, а ее вычеркнули из родовых книг. Все, что ей осталось, это ее личные имена, напоминающие о предках. Кстати, мое второе имя - Кармель, в ее честь. Когда мне случается посещать Арлезу, я представляюсь там доном Кармелем Роверо, потому что арлезийцам трудно выговорить и запомнить Дункана Роверстана.

- Кар-мель... — тихо проговорила Айлин необычное имя, раскатистое, но сладкое, будто конфета. — И... никто в Дорвенанте не знает о вашем происхождении?!

- Ну почему же никто? - пожал плечами Дункан. - Среди старого дворянства достаточно тех, кто помнит матушку, но она не выезжает ко двору, хотя королева Розаберта оставила за ней это право. И, конечно, мы, ее дети, утратили титул. Только я приравнен к дворянам как полный орденский маг и магистр гильдии. Но в Арлезе куда большее значение имеет мое выигранное дворянство Странника, поэтому там я называю себя доном с полным на это основанием. А в Дорвенанте предпочитаю именоваться простолюдином, как и мои братья.

- Это так... странно! - призналась Айлин. - Но я... кажется, я вас понимаю. Лучше быть только самим собой, чем претендовать на родство с теми, кто от тебя отказался. Ваши родители... Они, наверное, очень любили друг друга? То есть любят, простите!

- Да, они самая прекрасная пара, которую я знаю, — согласился Дункан и снова поцеловал Айлин в макушку. - Спасибо, моя дорогая. Я счастлив, что вы все поняли именно так. Между прочим, кофе и гранат, которые я вам принесил, выращены в саду того самого поместья Вуаль. Сейчас туда снова можно добраться порталом.

- А разве...

Айлин запнулась, окончательно запутавшись. Ведь если матушку Дункана лишили наследства, как он мог рвать ветки в чужом поместье?

- Нет, я не общаюсь с де ла Гуэрре, — легко разрешил ее сомнения магистр. - Полагаю, они слышали о моем появлении на свет, но вряд ли даже знают, как меня зовут. И уж точно при встрече

им бы не пришло в голову связать Дункана Роверстана с доном Кармелем Роверо. Именно поэтому дон Роверо однажды встретился за карточным столом с доном Мигелем де ла Гуэрре, владельцем Вуали.

- Ой... — сказала Айлин, вспомнив фраганский игорный дом и месьора Леона Нуара ди Арлезе. - И вы его...

- Раздел до тех предметов гардероба, которые не принято упоминать при дамах, — тихонько и очень самодовольно рассмеялся Дункан. - Да и те ему пришлось бы заложить вместе с кружевами и пуговицами. Мы играли всю ночь, и к утру драгоценный дядюшка проиграл всю принадлежащую ему долю родового имущества. Когда я великодушно согласился принять всего лишь одно поместье и подарил ему остальной долг, Мигель поклялся мне в вечной дружбе и благодарности. Я не стал говорить, что считаю дружбу де ла Гуэрре самой фальшивой монетой из тех, которыми он мог расплатиться. Просто потому, что тогда пришлось бы драться с ним на дуэли, а мне было противно. Однако Вуаль я забрал и привез документы на нее матушке.

- Наверное, она обрадовалась? - тихонько предположила Айлин, смутно замечая, что вокруг проплывают цветущие клумбы и пышные кусты, но не обращая на них никакого внимания.

- Она поцеловала меня в лоб, назвала своим дорогим мальчиком и тут же подарила мне Вуаль, сказав, что в любом случае отдала бы ее старшему сыну. И что Мигель всегда был глупым и жадным сабронне. .. горным козлом. Не могу с ней не согласиться. Семейство де ла Гуэрре не заслуживает владения Вуалью. Это чудесное место, и я рассчитываю провести там наш медовый месяц.

Айлин подняла лицо, ничуть не обманутая легкомысленным тоном магистра, и всмотрелась в черные глаза, пытаясь прочитать в них истинные чувства. Однако Дункан смотрел ровно и мягко, а потом улыбнулся и шутливо коснулся губами кончика ее носа.

- Увы, рассвет уже скоро, — сказал он, и низкий бархатный голос укутал Айлин, словно теплый плащ. - Такая жестокость с его стороны... Завтра я прикажу не беспокоить вас и ни в коем случае не будить...

«Я прогуляла всю ночь, — поразилась Айлин. - Совсем как в детстве... И ничуть не хочу спать!»

В подтверждение этого она немедленно зевнула, и Дункан, снова рассмеявшись, уложил ее голову себе на плечо.

Айлин почти не запомнила обратный путь. Как они ехали по ночной Дорвенне под едва заметно светлеющим небом, как вернулись в Академию через те же самые ворота. Только в конюшне, когда Дункан снял ее с седла, Айлин встрепенулась и попросила:

- Я хочу увидеть Луну! Хотя бы на минутку! Можно?

- Разумеется, — улыбнулся магистр. - Кстати, Дон Торнадо рассчитывает, что вы составите ему протекцию у вашей очаровательной арлезийской подружки. Он находит ее в высшей степени достойной и прекрасной доньей.

- То есть я - рыжая пони, а она - прекрасная донья? - хихикнула Айлин. - Ладно, так уж и быть.

Она прошла по коридору конюшни мимо ряда стойл к тому, из которого слышалось негромкое ржание, безошибочно его узнав. Скользнула в стойло и порывисто обняла Луну, прекрасно вычищенную, но похудевшую и грустную.

- Прости меня! - отчаянно попросила, глядя кобылу по морде, ушам, шее и всему, до чего могла дотянуться. - Я тебя не бросила, видишь? Скоро мы опять будем кататься вместе... Ты, я и два... благородных дона!

Луна обиженно фыркала, но слушала внимательно, положив ей голову на плечо, а когда Айлин повернулась, собравшись уходить, поймала ее зубами за воротник мантии и осторожно потянула.

- Я тебя тоже очень люблю, — виновато шепнула Айлин. - И еще вернусь, правда...

Кобыла вздохнула, и Айлин, чувствуя себя предательницей, выскользнула из стойла. Сейчас она как никогда понимала Аластора, который лошадей разве что в палатку не тащил, да и то лишь потому, что там не хватило бы места.

Магистр ждал ее снаружи. Вместе они прошли по саду обратно, но прежде, чем подойти к окну, Айлин порывисто обернулась и бросилась на шею Дункану, обняв его и спрятав лицо у него на груди.

- Спасибо, — прошептала она. - За эту ночь, за рассказ и ваше доверие, за... все. Милорд, а можно... Можно я буду звать вас Кармелем? Не подумайте, мне очень нравится имя Дункан, но Кармель - это так красиво!

- Я буду счастлив, моя дорогая, — шепнул ей магистр, обнимая за плечи и талию, так что Айлин снова стало сладко и горячо. - Только не на людях, прошу вас. Не хотелось бы отвечать на неудобные вопросы. Пусть это будет нашей маленькой семейной тайной, хорошо?

- Семейной... — завороченно повторила Айлин. - Всеблагая Мать, еще так долго... В первый день лета только помолвка!

- Хотите сократить этот срок? - улыбнулся Дункан, блеснув глазами.

- Да! — выпалила Айлин. - Милорд... Кармель, я помню все, что вы сказали! Но мы ведь можем не объявлять помолвку, а сразу устроить свадьбу? Никто не узнает, что помолвки не было! А если нужно, тетюшка Элоиза подтвердит, что она была, только без объявления, в кругу семьи!

Вместо ответа Дункан притянул ее к себе и поцеловал. Долго, жарко и так сладко, что Айлин мгновенно забыла вообще обо всем, кроме вкуса его губ и биения своего сердца.

- Тогда в первый день лета? - с трудом разорвав поцелуй, хрипло выдохнул Дункан. - Вы согласны?

- Да, — беззвучно прошептала Айлин и повторила вслух: — Да, конечно! Ох, да отпустите же меня, иначе я никогда... никогда не уйду!

Подхватив ее на руки, магистр молча донес Айлин до окна, приподнял на вытянутых руках и посадил на подоконник так легко, словно она ничего не весила. Вцепившись в створку, Айлин молча смотрела, как он уходит, борясь с желанием окликнуть, задержать прощание хоть немного... И лишь, когда Дункан... то есть когда Кармель скрылся за деревьями, тихонько спрыгнула обратно в комнату.

За ширмой было тихо, но Айлин откуда-то без тени сомнения знала, что Лучано не спит. Что он не то чтобы беспокоился, доверяя магистру, но все-таки ждал ее возвращения. Это было теплое и очень приятное чувство близости, надежности и заботы. «Магическая связь? - подумала Айлин с виноватой благодарностью. - Или просто дружба?»

- Спокойной ночи, ми беллиссимо синьорина, — послышался едва слышный шепот из-за ширмы. - И сладких... о, каких сладких снов!

Она еще услышала смешок итлийца, но глаза уже слипались, и Айлин, едва стянув одежду, нырнула в постель и сразу провалилась в эти обещанные сны.

ГЛАВА 5. Дама в беде

Дразнить Альса было восхитительно весело и чуточку опасно. Лучано прекрасно осознавал разницу между собой и благороднейшим юным грандсиньором, который вот-вот станет королем, но именно поэтому никак не мог удержаться. Его разрывало изнутри желание подшучивать над Вальдероном и пьянило понимание того, что это позволено. О, конечно, только до определенных пределов, м? Но пределы терпения есть у любого живого существа. Альс позволял ему куда больше, чем дворянин должен позволять наемнику, пусть и доверенному, так что Лучано с каждым днем все сильнее убеждался: слова о дружбе для Вальдерона не пустой звук.

Забавно, теперь он даже в мыслях не позволял себе называть Альса бастардом, словно боялся обидеть. Но и думать о нем как о принце тоже не получалось.

«Ничего, вот его коронуют, — горько усмехнулся сам себе Лучано, — и все станет по-прежнему, то есть гораздо проще и правильнее. Только такое воплощение благородства, как Альс, может решить, что королям позволено дружить с простолюдинами. И разве ты сам этого не хочешь? Проклятие Беатрис, твоя уздечка и шпоры, никуда не делось, как и долг перед гильдией. Ты обязан выполнить любое пожелание королевы, а как это сочетается с такими глупостями, как дружба? Правильный ответ - никак. И даже если ее гадючье величество позволит тебе остаться при Аласторе, то кем? Глазами, ушами и руками королевы, никак иначе».

Он закинул руки за голову, вытянувшись на постели, и прислушался. В паре шагов от него на своей кровати ровно и тихо дышал Аластор. За окном стрекотали кузнечики, и если не знать, что вокруг огромная Академия с сотнями адептов и магов-наставников, то можно представить, что он не покидал Вероккью. Правда, в саду мастера Ларци пахло немного иначе, здесь другие травы и цветы,

но похоже, похоже...

«Никто не возвращается таким же, каким уезжал, — снова очень горько и трезво подумал Лучано. - Никто и никогда. Мастер Ларци знал об этом, не мог не знать, и все-таки отправил меня навстречу собственной судьбе, а может — и смерти. Если синьора Минри ничего не напутала в своих предсказаниях... Но даже если я вернусь в Вероккью, то уже кем-то другим, не просто младшим мастером Фортунато. Да и хочу ли я вернуться? Странная мысль, но... Да, здесь отвратительный климат, город серый и некрасивый, на улицах нет фонтанов, а девицы носят длинные юбки. А еще здесь нет банков, зато полно всякой нечисти. И никакого тебе Моста Поцелуев со свежими устрицами и фокаччей. И никаких посиделок в траттории с Фелипе. И... Ну и что? Если бы я знал, что мне предстоит провести здесь всю жизнь, но не одному, а рядом с Альсом и моей синьориной, я бы... пожалел об этом? Что толку в пустых мыслях? Это не мне решать. Мастер Ларци, конечно, постарается вызвать меня домой, но гильдия вряд ли разорвет контракт с королевой Дорвенанта. Если очень повезет - ей предложат кого-нибудь другого. А на это уже может не согласиться сама Беатрис. Если на одной чаше весов дружба гильдии с Риккарди, а на другой - всего лишь младший мастер, то здесь и думать никто не станет... Впрочем, я идиотто, если строю такой замок на песке. Завтра ее гадючье величество может попросту убить меня, и никто не узнает, что это ее прелестных ручек дело. Интересно, смогу я тогда после смерти навеститься к моей синьорине и попросить ее известить мастера Ларци? А заодно предупредить...»

Он вспомнил серенаду и улыбнулся в темноте с насмешливой нежностью, которой сам удивился. Грандсиньор жених ведет осаду по всем правилам, так что даже интересно, устоит ли крепость добродетели до самой свадьбы? Конечно, если она и так до сих пор не сдалась. А сейчас они вместе, теплой весенней ночью, которая пахнет не так дурманно, как в Итлии, но все-таки этот воздух, напоенный ароматом цветов, смущает рассудок и будит желания. Глупо терять такую ночь впустую, но с кем ее разделить? Перед внутренним взором вспыхнуло видение - Айлин в объятиях Дункана. Именно такая, какой она была тогда в палатке. Глаза томно блестят, губы припухли, тугие медные кольца рассыпались по плечам... И склонившийся над ней смуглый арлезиец с черным бархатом глаз и чеканным профилем...

Лучано сглотнул и понял, что это видение было лишним. Совершенно лишним при данных... обстоятельствах. Почтенные синьоры целители отлично знают свое дело, яд покинул его кровь, и тело, избавившись от отравы, вспомнило, что последний раз Лучано баловал его слишком давно. Нежная кожа Айлин, словно светящаяся изнутри, золотая россыпь веснушек, плавные линии тела и взгляд - задорный, невинный и страстный одновременно. И могучие руки Дункана, обнимающие девичьи плечи. Вот зачем Лучано проводил эту парочку взглядом, когда магистр уносил синьорину в ночь? Теперь точно не уснуть! Даже если сейчас он быстро сбросит напряжение, придется идти в купальню или приводить себя в порядок прямо здесь...

Предательски пахнувший цветами воздух показался вдруг душным, он обволакивал тело, и Лучано сдернул тонкое одеяло, разметавшись по постели. В голову лезли всякие глупости вроде того, что две подружки сегодня днем поглядывали и на него тоже. А уж если уговорить Альса присоединиться, местные синьорины сами из корсетов выпрыгивают...

Он заставил себя вдохнуть поглубже и попытался успокоиться. С мыслями творилось что-то не то! Горячая кровь горячей кровью, но никогда раньше он не позволял желаниям брать верх над разумом. Конечно, Аластор не согласится! А пытаться соблазнить почти незнакомых девиц, да еще и магесс, это просто безумие. Так почему же он чувствует себя так, словно хлебнул возбуждающего зелья?

Лучано облизнул пересохшие губы, покосился на Аластора, но тот крепко спал, хотя дыхание стало заметно быстрее, словно дорвенантцу снился очень горячий сон. Сон... Вспомнились гранатовые деревья, и кое-что прояснилось. Он глянул на окно, уже привстал, чтобы добраться до него, и тут под соседним окном послышался шорох, а потом Айлин прыгнула на пол, судя по звуку. Ну вот все и прояснилось. Жених и невеста изволили прощаться после прогулки, а досталось им с Аластором. И если уж целомудренному и сдержанному Альсу снится что-то этакое, то Лучано тем более хлебнул полной мерой.

«Это как с зельями, — рассудил Лучано, приподнимаясь на локте и желая Айлин сладких снов. - Ты же знаешь, что дозу надо рассчитывать по весу тела и крепости организма. Просто Альс... устойчивее, а тебя сразу повело».

Доводы разума помогали, но слабо. Айлин юркнула в постель, а Лучано все никак не мог отогнать сладкое видение то почти приличных объятий, то обнаженных сплетающихся тел, сливочно-белого и темно-бронзового. Нежность и сила, две стороны красоты.

«Проклятье... — Он снова облизнул губы и сглотнул пересохшим ртом. - Всеблагая, помоги мне отойти в сторону. Это чужая любовь. А я... Ведь я даже не понимаю, на чем месте хотел бы оказаться!»

Он поднес руку к губам и до боли прикусил тыльную сторону ладони. Сладкий туман в разуме слегка рассеялся, но тело по-прежнему горело, умоляя хотя бы приласкать себя самому. Лучано бросил взгляд на Ала, тот вроде бы отвернулся. Или выйти в купальню? Он почти решился, рука уже скользнула к ноющему низу живота... И тут вокруг оглушительно заорали птицы!

Переливчатые трели заполнили комнату, Лучано в ужасе зажмурился, но тут же закрутил головой, пытаясь понять, где прячутся мерзкие птахи. За окном? Но звук шел из глубины комнаты... Корзина! Корзина на шкафу! Он рывком сел и глянул туда, уже понимая, что случилось.

Из темноты под потолком на него уставились два круглых желтых глаза, горящие отблесками лунного света из окна. Перлюрен склонил голову, с наслаждением слушая безумную птичью переключку, а потом снова медленно поднес лапу к корзине...

- Иоланда, заткни свою клятую канарейку, — послышался сонный голос Айлин. - Накинь платок на клетку...

- Барготовы птицы! — поддержал ее с другой стороны не менее сонный и очень злой голос Альса. - Лу, пристрели их, умоляю! И пожарь на завтрак!

Лучано слетел с кровати и кинулся к шкафу, стараясь не шлепать босыми ногами. Перлюрен, сообразив, что им недовольны, прыгнул на пол и заметался по палате, прячась то под кроватями, то среди оставшихся букетов. Истово ругаясь про себя, Лучано перехватил звереныша на очередной перебежке, поднял, заглянул в круглые невинные глазенки. Вся в его руке, Перлюрен прижал передние лапки к животу, поджал задние, просунув между ними хвостик, и умоляюще воззрился на Лучано, всем видом изображая раскаяние. Мол, нельзя же наказывать бедную милую зверюшку за любовь к музыке!

- Можно, — сообщил ему Лучано шепотом. - Учти, ты уже неплохо подрос, так что из тебя получится две стельки, пожалуй. Лучше не наводи Альса на такую мысль.

Он прикинул, не выбросить ли драгоценную артефакторную корзинку в сад, но ограничился тем, что снял ее со шкафа и сунул внутрь, все время не выпуская енота из рук. Перлюрен радостно прижимался и поскуливал, на енотьем языке жалуясь, как ему было скучно и тоскливо. Лучано вздохнул и взял его в постель, где звереныш мгновенно пригрелся у него под боком и сладко засопел. Что ж, одно хорошо, всякие непристойные мысли разом вынесло из головы, и даже тело успокоилось. А ему еще говорят, что от енота никакой пользы! Бесценный зверек!

Прижимая теплый меховой комок, Лучано уснул, и ему снилось, что он защищает перед грандмастерами мысль о новом подразделении Шипов, составленном исключительно из енотов. Грандмастера мялись и прятали глаза, их явно что-то смущало, пока Лучано в отчаянии не предложил придать енота каждому Шипу для тренировки.

- Разбегутся! - уверенно сказал Лоренцо. - До самого Вольфгарда и дикой Влахии.

- Еноты? - не понял Лучано. - Зачем? Они же приручаются!

- Шипы, — лаконично пояснил Лоренцо и добавил, с сочувствием посмотрев на Лучано: — Совсем ты там рехнулся в этом Дорвенанте. Ларци, отрави ты его из жалости, а то парень уже не знает, что бы еще натворить. Вот, енота завел. Точно тебе говорю - рехнулся.

Лучано возмутился и... проснулся. За окном пели уже самые настоящие птицы, Айлин весело болтала с Альсом, уплетая завтрак и подкармливая Перлюрена, и это значило, что время покоя ушло безвозвратно. Лучано поднялся, пожелал доброго утра и вышел в коридор. Его трясло мелкой, но отчетливой дрожью, которую едва удалось успокоить перед визитом к магистру Бреннану. Вежливая просьба отлучиться по неотложным делам, снова палата... Нет, он не будет завтракать. О нет, все беллиссимо! Просто нет аппетита. Вернется очень скоро, ну разумеется!

Они посмотрели на него оба, но совершенно по-разному. Аластор - с пониманием, но спокойно, он ведь думал, что Лучано просто едет на доклад к ее величеству. Айлин - с мгновенно вспыхнувшей тревогой. Ей Лучано улыбнулся ободряюще и повторил, что все будет хорошо, ни на миг в это не веря. Попросил присмотреть за Перлюреном, оделся в тщательно вычищенные и зашитые вещи, принесенные прислугой пару дней назад. Рапиру, подумав, пристегивать не стал, все равно придется оставлять ее охране, да и ходить с оружием простолыдину, пусть и наемнику, в городе не положено. И вышел из палаты, запретив себе оборачиваться, как бы ни хотелось это сделать. Зачем? Только время тянуть, да еще и Альс может что-то заподозрить. Их лица он все равно не забудет, а прощаться - только время тянуть. Время, которого у него осталось не так уж много, и следовало с толком тратить каждый час.

По дороге во дворец он смотрел на город, старательно думая о всяких мелочах. Например, о том, что если вернется живым, нужно немедленно заказать новый гардероб. А то и купить прямо сегодня что-нибудь готовое, благо на его фигуру вещи подобрать несложно. Возможно, стоило

озаботиться этим до визита к Беатрис? Все-таки залатанную куртку и дорожные штаны даже после починки назвать приличными затруднительно. И тут же сам усмехнулся - нет, откладывать встречу он не станет. И обманывать самого себя - тоже. Все-таки написанное вчера письмо к мастеру Ларци лежит в его сумке, если что, Айлин или Аластор отправят его к адресату вместе с Ласточкой - на память. И наверняка приглядят за Перлюреном, а больше у Лучано никаких действительно важных дел и нет...

Стража у ворот, едва услышав имя и просьбу доложить секретарю ее величества, сообщила, что сударя Фарелла ждут в любое время. Его довели до дворца, где передали вышедшему навстречу бравому гуардо, который в ответ на его поклон отдал честь и представился:

- Лейтенант Минц, личная стража их величеств. Извольте следовать за мной, сударь.

И посмотрел на Лучано с таким жгучим, едва сдерживаемым любопытством, что стало понятно, какие-то слухи во дворец уже просочились. Интересно, откуда? Впрочем, здесь можно и не гадать, источника целых два. Грандсиньор канцлер, который торопится быстрее запихнуть принца на трон, и благородный синьор капитан Кастельмаро, что смотрел на Альса с таким восторгом. Дали бы ему волю - присягнул бы своему герою-королю прямо в палате. Айлин - умничка, что сумела их помирить, потому что слухи среди суровых гуардо разлетаются едва ли не быстрее, чем на рынке. А когда откроют рот все те, кто был на барготовом холме, легенды и вовсе расцветут пышнее, чем сады Вероккьи.

Лучано тоже окинул взглядом симпатичного черноволосого лейтенанта, которого ничуть не портил сломанный и кривовато сросшийся нос, по привычке запомнил и лицо, и общий облик. А потом проследовал, отмечая, что со времен его первого визита дворец изменился.

Исчезли обычные украшения в виде свежих цветов, множества драпировок и ярких лент. Ну, это понятно - траур. Но и людей в холлах и коридорах было намного меньше. Никаких нарядных девиц и напыщенно серьезных юнцов... «И это понятно тоже, — сказал сам себе Лучано. - Во дворце больше нет двух молодых принцев, способных обратить внимание на прелестную синьорину и оказать милость ее почтенным родителям. А делать карьеру сейчас тем более затруднительно, потому что неясно, кому служить. То ли королеве, то ли грандсиньору канцлеру, то ли ждать, пока объявится новый король... А то ведь так и промахнуться можно, выразить почтение не тому, кому надо! Умный батюшка ни за что не позволит своему сыну так оплошать. Да и сам повременит с изъявлениями преданности, пожалуй».

Он вспомнил Флориморда и вздохнул: только мохнатым и хвостатым созданиям все равно, какой титул носит их хозяин и в милости ли он у судьбы. Лошади, собаки, коты и даже еноты любят людей искренне и очень мало просят взамен. Вот бы людям у них поучиться. Интересно, выздоровел ли синьор Флориморд от своей тоски?

Они прошли уже почти весь путь до покоев королевы, когда лейтенант чуть замедлил шаг, повернулся к Лучано и негромко, но очень напряженно спросил:

- Сударь Фарелл, могу я задать вам вопрос?

- К вашим услугам, благородный синьор, — любезно отозвался Лучано.

- Говорят, что... — Лейтенант запнулся, но все-таки с усилием выдавил: — Говорят, что нашелся прямой наследник трона. И что один из его людей, который вместе с ним совершил подвиг, итлиец. Я не уверен в имени, но...

- К вашим услугам, — снова сообщил Лучано, про себя забавляясь. - Лучано Фарелли, он самый.

Удержать это в секрете он не смог бы даже по приказу королевы, слишком много свидетелей в Академии, так что какой смысл отрицать?

- Вы! - с облегчением выдохнул лейтенант, останавливаясь. — Мое искреннее почтение, сударь!

Лучано молча поклонился, а Минц воззрился на него и умоляющим тоном спросил:

- Его высочество Аластор... какой он? Правда, что очень похож на отца?

- Я не имел чести знать его величество, вы же понимаете, — учтиво отозвался Лучано. - Но внешне, полагаю, они действительно похожи. Благородная кровь Дорвеннов...

- Да-да, — в нетерпении прервал его лейтенант. - Кровь Дорвеннов, разумеется. А... остальное?!

«Они все ждали Альса, еще не зная, кого ждут, — понял Лучано. - Истинного короля по крови и по духу, способного спасти страну. Не знаю, насколько здесь любили короля прежнего, но сейчас Дорвенант в отчаянии, словно вдова с детьми, которую вот-вот выгонят на улицу».

- Я проехал с его высочеством всю вашу прекрасную страну от столицы до Озерного края, — начал он, тщательно подбирая слова. - И никогда в жизни не встречал более отважного, великодушного и справедливого синьора. Он делился со мной последним куском хлеба, спасал меня в бою, а на привале всегда находил силы позаботиться о спутниках раньше, чем о самом себе. Когда мы сражались с демонами... О, у меня нет слов, чтобы описать его доблесть и мощь!

Гуардо слушал жадно, словно ребенок, которому рассказывают сказку.

«А ведь он, скорее всего, теперь станет охранять Альса, — с легкой грустью подумал Лучано. - Да, королей редко спасает от смерти обычная гвардия, но...»

- В последнем бою на барготовом холме демонов было слишком много, — уронил он спокойно и расчетливо. - Мы не надеялись выжить, и его высочество велел мне спастись. Единственному, кто не нужен был для ритуала и мог просто убраться подальше.

- Но вы остались?!

Лучано кивнул.

- Я считал честью погибнуть рядом с ним, — сказал он совершенно искренне. - И счастлив, что в моей жизни были эти недели рядом с его высочеством.

«А ведь это правда, — понял он со сладкой обреченностью, глядя в пылающие восторгом глаза лейтенанта. - Проживи я полный срок, отмеренный обычным людям, а не Шипам, стань грандмастером, как Ларци, натвори... еще много всякого... Ничего подобного в моей жизни уже не будет. Я, убийца, помог совершить великое дело, которое наверняка запомнят на века. Конечно, эта победа принадлежит Альсу и моей синьорине, а я при них был вроде Пушки, но... Есть и моя заслуга в том, что они добрались к Разлому. Может быть, ради этого я вообще родился на свет? Может, об этом и говорила Минри?»

Лейтенант Минц поклонился, стоя навывтяжку и щелкнув каблуками, а затем молча повел Лучано к уже виднеющимся дверям покоев королевы. И снова приемная секретаря, сухой кивок и напоминание вести себя прилично, только теперь секретарь окинул взглядом его одежду, поджав губы и едва скрывая брезгливость, будто Лучано явился не в штопаном, но чистом костюме наемника, а в робе золотаря. Впрочем, приказа королевы это не отменяло, и Лучано снова переступил порог светлой уютной гостиной с цветами на окнах. Теперь это были не гиацинты, а миниатюрные белые розы, тонко пахнущие и безупречно свежие, ни одного увядшего лепестка. Черное платье королевы, стоящей у окна, гармонировало с ними со смертельной изысканностью. Черное и белое - глубокий траур...

Лучано замер у двери гостиной, ожидая, пока ему будет позволено подойти. Если, конечно, будет. Беатрис медленно повернулась, так же медленно отошла от окна и замерла уже у кресла, положив руку на резную спинку. Ее роскошные волосы без единой серебряной нити были подняты и собраны в высокий узел, открывая идеальную шею, словно у юной девушки, нежная смуглая кожа, глаза и губы едва тронуты краской... И никаких украшений, кроме обручального кольца, даже шпильки в прическе с темными лаковыми головками. Да, полный траур, даже более строгий, чем в прошлый раз.

- Итак, вы вернулись, — тихо уронила Беатрис, не глядя на Лучано, и по его спине пробежали ледяные мурашки. - Все трое. Какая удача... Подойди ближе, мастер Шип.

Лучано сделал несколько шагов и молча склонил голову, на этот раз не торопясь выпрямиться.

- Расскажи мне о принце, — попросила королева. - Вчера лорд Кастельмаро вернулся из Академии и расхваливал его в кордегардии среди моих гвардейцев, как настоящее чудо, посланное нам Пресветлым Воином.

Среди гвардейцев, но не королеве, хотя она явно ждала новостей. Занятно... Но это можно обдумать потом. Ее гадючье величество ждет отчета своего Шипа. Вполне законное желание, особенно, если учесть виды, которые она имеет на Альса. И Шипу есть, что рассказать!

Он открыл было рот, собираясь расхвалить Вальдерона так, как умеют только итлийские дипломаты или арлезийские менестрели, в крайнем случае - продавцы устриц на Мосту Поцелуев. И умолк. Потому что слова, которые он нашел для лейтенанта гуардо, знающего, что такое доблесть и честь, рядом с Беатрис показались тусклыми, будто фальшивые монеты, начеканенные из олова вместо серебра.

- Не могу, ваше величество, — признался он, поднимая голову и сгорая от стыда. - На дорвенантском языке я не знаю слов, которые позволят рассказать о нем, а в нашей родной Итлии таких слов не существует.

Не существует в Итлии слов, чтобы рассказать о принце крови, предложившем свою дружбу Шипу! О принце, делившем со слугой последний сухарь и палатку и попытавшемся отослать его прочь из последнего смертельного боя. Разве что «идиотто». Но вряд ли ее величество желает услышать именно это...

Тонкие брови Беатрис приподнялись, углы губ дрогнули - не в улыбке, нет, но в едва уловимом намеке на оную.

- Что ж, мастер Шип, во всяком случае, ты честен. К тому же, главное я уже знаю: принц вполне осознает свой долг перед государством и готов его исполнять, не так ли?

Лучано молча поклонился.

- Вот и прекрасно. Полагаю, тебе не составит труда передать его высочеству мои самые искренние пожелания здоровья? - Лучано снова поклонился, и Беатрис продолжила тем же мягким нежным тоном: —А кроме того передай ему смиренную просьбу навестить вдовствующую королеву. Разумеется, когда это позволят целители.

Длинные черные ресницы дрогнули над темным бархатом глаз, и Лучано против воли восхитился. Так изящно обозначить свое положение, не оскорбив при этом будущего короля... Да уж, истинная Риккарди! И эта «смиренная просьба»...

Ему не доводилось встречаться с другими представителями этого достойного рода, но всякий итлиец знает, что Риккарди неизменно смиренны в своих просьбах, а потому просьбы эти следует выполнять быстрее иного приказа.

- Прекрасно, — снова повторила королева, лаская пальцами спинку кресла, и по спине Лучано снова пробежал отвратительный холодок: в точности так же Беатрис когда-то поглаживала ожерелье с заточенной внутри магической гадиной проклятья. - Поговорим теперь о втором задании. Том, что ты до сих пор не выполнил. Я слушаю, мастер Шип. Какие веские причины тебе помешали?

На краткий миг Лучано показалось, что он идет по канату, а под ним - стылая ледяная река. Один неверный шаг! Всего один - и бездна распахнется ему навстречу! Королева, несомненно, навела справки о произошедшем, но что ей удалось узнать? Что можно рассказать без опасности навлечь на Айлин еще больший гнев?!

А главное, стоит ли упомянуть, что с Альсом теперь связан и сам Лучано? Беатрис вполне может знать об этом и так. И если Лучано скроет настолько важную деталь, то навлечет на себя понятные подозрения в неверности. А если сказать... Пока Беатрис дорожит возможностью союза с Аластором, она вряд ли рискнет причинить ему вред, убив Лучано. Но что, если она решит, что принц выгоден ей мертвым?! Канат, по которому продолжал идти Лучано, опасно закачался.

«Не знаешь, что сказать выгоднее, — вспомнил он наставления мастера Ларци, — лучше говори правду».

- Когда Разлом уже был закрыт, его высочество оказался тяжело ранен демонами. Синьорина магесса спасла принца, —уронил Лучано, молясь всем Семерым, чтобы голос звучал в должной мере бесстрастно. - Она взяла свою жизненную силу, добавила к ней мою и перелила в тело его высочества, тем самым позволив ему дожить до появления лекарей. Но сейчас и я, и синьорина Айлин связаны с его высочеством магически. И до тех пор, пока целители не смогут уничтожить последствия ритуала, смерть синьорины способна причинить вред принцу.

Про себя он не сказал ничего. Зачем? Беатрис все прекрасно поняла сама. По вспыхнувшим на миг глазам королевы он понял, что угадал, - и едва смог сдержать облегченный вздох.

- Ты честен, — повторила Беатрис с заметным удовольствием. - И наблюдателен, так скажи мне, мастер Шип, а принц и эта девица...

- Нет, ваше величество! - горячо заверил ее Лучано, с радостью подумав, что хоть здесь может не думать, о чем стоит умолчать. - Сердце принца совершенно свободно, а на синьорину он смотрит разве что как на сестру. Она, в свою очередь, тоже предана ему, но не как женщина! У этой девицы очень... - Он старательно подпустил в голос должную долю презрительной насмешки. - Очень рыцарские представления о чести и долге дворянки.

- Рыцарские представления... — медленно повторила Беатрис. - Как забавно. Неужели я ошиблась в ней? Разве она не собирается делать карьеру?

- Очень возможно, моя королева, — поклонился Лучано. - Девица — чрезвычайно талантливая магесса. Полагаю, в Ордене ее ждет большое будущее. Если, конечно, она избавится от юношеской пылкости и прямооты. Пока что в синьорине магессе не больше коварства, чем в любимой секире его высочества.

- А ее хваленая привлекательность? - мурлыкнула Беатрис, глядя в глаза Лучано, и ему показалось, что тонкие пальцы королевы с изящными ноготками вспороли его душу и перетряхивают ее в поисках малейшей лжи. - Она действительно так хороша собой?

- Синьорина мила, — признал Лучано, чувствуя отвратительный привкус того, что говорит. - Этаким свежий полевой цветочек... Впрочем, ничего особенного. Полагаю, интерес юных благородных синьоров был основан больше на ее происхождении. Им ведь нужна невеста Золотой крови и, желательно, с магическим талантом. У нее все это есть, а в придачу приятное личико и славный веселый нрав. Но если вашему величеству интересно, юным синьорам магам придется поискать другой брачный союз. В самом скором времени синьорина выходит замуж и очень увлечена своим женихом.

- Замуж? — Брови Беатрис опять немного изогнулись, а в глазах мелькнул искренний интерес кошки, услышавшей шорох в мышиной норе. - За кого?

- За какого-то мага, если не ошибаюсь. - Лучано сам не знал, что толкнуло его скрыть имя великолепного магистра Дункана. Может быть, память о легкости, с которой разумник потрошил чужую память. Опасный враг, но очень полезный союзник! - Знаю только, что это мужчина в годах, но с большим магическим талантом, прекрасным положением в обществе и он весьма хорош собой. Больше она ничего не рассказывала.

- В годах... Талант и положение... Хорош собой... — задумчиво повторила королева и вдруг улыбнулась почти тепло. - Замуж? В ее годы?! Бедная девочка! Но это, конечно, полностью меняет дело. Его величеству понадобятся надежные люди в Ордене. Пожалуй, мне стоит позаботиться о милой и такой преданной малышке. Она ведь до сих пор в ссоре с семьей? Бедняжка пожертвовала репутацией, какое счастье, что нашелся великодушный человек, для которого это не стало препятствием. Что ж, будет справедливо, если я дам приданое девице, которая сохранила Дорвенанту короля! Что скажешь, мастер Шип?

- Что вы щедры настолько же, насколько прекрасны, моя королева!

Спину Лучано уже заливало холодный пот, но это были такие пустяки! Он победил! Беатрис убеждена, что Айлин не представляет для нее опасности! Неважно, что она сделает с ним, Шипом, не исполнившим контракт. Главное, что его синьорина будет жить... Но что же окончательно убедило королеву? Она так странно посмотрела при словах о женихе... Неужели знает магистра Дункана? О, неважно!

- Кстати, о щедрости. — Беатрис глянула на него в упор, и Лучано застыл, понимая, что пришел его черед. - Помнится, я кое-что обещала и тебе, мастер Шип. Не так ли?

- Не смею надеяться на милость прекрасной королевы, — проговорил Лучано, с тоской понимая, что теперь в роли мышки он.

- Это правильно, — согласилась королева.

Ее глаза смеялись, и Лучано снова почувствовал силу невероятного очарования этой жуткой и обольстительной женщины.

«Но на плаху ради нее я бы точно уже не пошел, — упрямо подумал он. - Теперь, когда мне есть с чем сравнивать, вся совершенная красота Беатрис проигрывает одной улыбке моей синьорины или усмешке Альса... Вот за любого из них - да».

Беатрис взяла со столика плотный лист пергамента, исписанный и запечатанный сургучом, подала его Лучано.

- Это твоя награда за первую часть контракта, которую ты так прекрасно выполнил, — благосклонно улыбнулась она уже губами, тогда как глаза снова стали холодными. - Купчая на особняк в хорошем районе. Слугам уплачено за два месяца вперед, они ждут нового хозяина. Ах да, и выезд, разумеется. Может быть, ты думаешь, что это не слишком щедро за сохраненную жизнь короля?

- Это больше, чем я смел надеяться, — заставил себя выдохнуть Лучано. - Если только...

- Если?

- Если к этому прилагается прощение вашего величества за неисполненную вторую часть.

Он опустил на колени и склонил голову, радуясь, что этикет позволяет спрятать взгляд. Как же он сейчас ненавидел Беатрис! Особняк и выезд? Ему, обреченному на смерть по ее желанию?

- Какой умный мальчик, — услышал он над головой сладкий тягучий голос королевы. - Служи мне верно, мастер Шип, и будешь награжден по заслугам. Тебе ведь не доставляет беспокойства мой

прошлый подарок? Нет? Я так и думала. И очень надеюсь, что тебе хватит ума молчать о нем. Как только ты должным образом докажешь мне свою преданность, я немедленно заберу его обратно.

«Ложь, — устало подумал Лучано. - Никто не отпускает таких свидетелей. Но пока что я тебе нужен. Если Альс пожелает оставить меня при себе, это будет очень удобно! Твои глаза, уши и руки рядом с королем... Даже не знаю, хочу ли я этого! Альсу нужен в друзьях не я, а такой же благородный, правдивый и отважный дворянин, как он сам. Такой же идиотто, иными словами. Только вот благородный идиотто вряд ли сможет уберечь ему спину и перегрызть глотки его врагам при необходимости. А я... Я бы попытался. Если он позволит, конечно. Если я ему все еще нужен . »

- Милость вашего величества не знает границ, — почтительно проговорил он и коснулся губами протянутой для поцелуя руки королевы.

Дворец он покидал с чувствами человека, которому прямо на помосте с плахой отменили смертный приговор. Купчая на особняк во внутреннем кармане куртки жгла тело, а во рту стоял мерзкий привкус собственного страха, и неважно, что страх этот был большей частью за Айлин.

«Она бы не позволила себе так обойтись с мастером Ларци, да и с любым из грандмастеров, — металось в мыслях. - Стоит взобраться на вершину гильдии хотя бы ради того, чтобы никто и никогда не смел мне угрожать! Но какова цена такого восхождения? Превращаться в Тино я не хочу... Подумаю об этом позже, а пока много других дел».

В особняк он решил прямо сейчас не ехать. Во всяком случае, пока не сменит костюм, а то привратник не поверит, что этот оборванец и есть его новый хозяин. Нет уж, знакомство с собственными слугами следует начинать иначе. И, кстати, зачем ему вообще особняк?! Разве что подарить его гильдии, которая наверняка оценит возможность иметь гнездышко в Дорвенанте? Хм... В таком случае, возможно, с этим стоит повременить - вдруг оно понадобится и самому Лучано?

Он прыгнул в ближайший наемный экипаж из тех, что ждали клиентов у дворца, и велел везти себя в банк. Возница понатливо кивнул, взмахнул хлыстом, и пара сытых гнедых лошадок зацокала копытами по мостовой. Собственный выезд... Дорогая в содержании штука, неудобная, конечно...

В банке Лучано предъявил заветный подпленный скудо, и любезный дородный итлиец-приказчик, проверив монету, низко поклонился, а потом все наконец-то пошло как надо. В уютном кабинете с мягкими креслами ему предложили шамьет, горячее вино с пряностями или сангретту - все, что угодно синьору. Открыть счет? Считайте, что уже готово. Определенная сумма наличными прямо сейчас и несколько чеков с собой? Будет готово, когда синьор допьет!

Чувствуя себя почти в Вероккье, Лучано тянул недурной шамьет, ожидая, пока служащие уладят его денежные дела, затем выложил перед приказчиком купчую на подаренный особняк и попросил проверить его историю. Кому подарок принадлежал раньше, не числится ли за ним нехороших слухов и обиженных бывших владельцев. Приказчик понимающе кивнул, глянул на адрес и заверил, что все будет сделано в ближайшее время. Оплата? Что вы! Для них огромная честь, что сам синьор Фарелли обратился именно в их отделение! И если они могут еще чем-то услужить великолепному синьору...

- Посоветуйте мне хорошую лавку готового платья, — попросил Лучано. - И приличного портного на будущее.

- Лучше всех в этом городе шьет синьор Бонавентура, — уверенно сообщил приказчик. - Правда, у него обычно очередь, так что следует заказывать заранее. Но для вас он наверняка сделает исключение. А готовое... На площади Первоцветов навестите лавку синьора Донована. Он, правда, местный, не наш, но костюмы отменного качества и на любой вкус.

Донован? Ах, Донован! В памяти всплыл облик немолодого, но приятного купца, пытавшегося ухаживать за Лучано в гостинице. Что ж, возможно, это намек судьбы? Нельзя же столько времени маяться неудовлетворенностью. В его возрасте это вредно, в конце концов!

- Благодарю, — кивнул Лучано и поднялся.

В холле банка ему почтительно поднесли новенький бархатный кошелек, заполненный монетами на указанную сумму, и три хрустящих бумажных листа - денежные поручительства в любой банк Дорвенанта. Лучано вспомнил путешествие и усмехнулся - больше он так впросак не попадет. Прыгнул в терпеливо ожидающий его экипаж и велел мчать на площадь Первоцветов. А если возница знает лавку Донована... Знает? Беллиссимо!

Однако в лавке Донована, весьма недурной и с услужливым персоналом, его поджидало разочарование. Нет, одежду предложили прекрасную, насколько это можно сказать про готовое платье, но вот хозяин пару недель назад уехал из города. Когда вернется? Увы, неизвестно! Вот здесь надо немножко заузить, ваша милость. Не у всех такая прекрасная фигура, как у сударя! Не извольте беспокоиться, швея сделает прямо сейчас! А сударь пока может посмотреть что-нибудь

еще.

Разочарованный Лучано, уже предвкушавший приятное возобновление знакомства, посмотрел. Выбрал еще два костюма, один из темно-зеленого итлийского сукна, второй - черного арлезийского бархата. Оба сидели почти идеально, только в поясе тоже следовало заузить. Ну и сделать петли в рукавах для ножа, но с этим он собирался справиться сам.

- Куда прикажете прислать, сударь? - осведомился приказчик, и Лучано задумался.

В лазарет Академии? В особняк? А еще ведь нужно забрать свои вещи из гостиницы. Если не вышло с Донованом, то не попробовать ли с одной из тех подавальщиц в полосатых юбочках? Конечно, проще всего заглянуть в местный бордель, наверняка они имеются даже в такой цитадели добродетели, как Дорвенна. Но борделями Лучано обычно брезговал. Они хороши для работы или чтобы спрятаться после выполненного заказа, а потом уйти черным ходом. Однако пользоваться продажной любовью? Противно и унижительно.

- Я сам заеду и заберу, — решил он, расплачиваясь. - А пока будете подгонять первый, где здесь ближайшая цирюльня?

В цирюльню, которая была здесь же на площади, его проводил мальчишка из лавки. Пока щегольскую темно-синюю пару подшивали, Лучано велел подровнять себе отросшие волосы и прошелся по площади, окруженной самыми разными лавочками. Кошелек приятно оттягивал пояс, день выдался теплый, но свежий, а главное, с души после визита к Беатрис упал камень размером с пьедестал «Весны».

В одной из лавочек он купил набор шпилек взамен потерянных в путешествии и ленты для волос к новым костюмам. В другой - мягкие кожаные туфли и сапоги для верховой езды. Третьей оказалась кондитерская, где ему на глаза попался огромный пряничный петух, покрытый разноцветной глазурью и украшенный цукатами. Лучано присмотрелся и поинтересовался, нет ли такого же, но только в виде коня. Приказчик просиял и вынес роскошного жеребца величиной с блюдо - мечту любого сластены. Ухмыльнувшись, Лучано велел завернуть понаряднее и пошел дальше, задумчиво разглядывая вывески.

То, что он искал, нашлось не сразу, пришлось перерыть несколько мастерских, пока здоровенный северянин, услышав заказ, не выложил на прилавок роскошный пояс-перевязь из бычьей кожи, расшитый серебряными бляхами и резными костяными бусинами. Массивная пряжка впереди, двойные строчки воловьими жилами, а главное - прочные петли по бокам.

- Вот, — буркнул северянин, — это для секир. - Окинул взглядом фигуру Лучано и съязвил, не боясь потерять покупателя: — Тебе, парень, два раза хватит завернуться.

- Для друга из ваших беру, — объяснил Лучано и расплатился, не торгуясь, хотя цену вольфгардец заломил, как в лучшей оружейной лавке Вероккьи.

Оставалось еще купить подарок для Айлин, и за ним он завернул к ювелиру. Придирчиво рассмотрел нарядные гребни, зеркальца, шкатулки... Все было красиво, и все - не то.

- Сударь ищет подарок девице? - учтиво осведомился немолодой ювелир. - Матушке, сестре?

- Сестре... — рассеянно отозвался Лучано.

В самом деле, ну какая ему Айлин девица? Она его синьорина, его солнце... И, словно откликаясь на эти мысли, с одного прилавка мигнул золотисто-рыжий блик.

- Ну-ка, покажите, — оживился Лучано, присмотревшись. - Янтарь?

- Самый лучший, — с гордостью отозвался ювелир. - Из диких северных земель, а работа фраганская! Моднейшая новинка, статуэтки для туалетного столика.

Статуэток было три. Свернувшаяся клубком кошка с глупой круглой мордой, какая-то помесь лебедя с павлином - янтарное тело и слишком ярко украшенный эмалью хвост. И третья, при виде которой Лучано сразу взялся за кошелек. На подставке стояло серебряное дерево, увешанное янтарными яблоками, а к ним тянулась, встав передними ногами на ствол, янтарная же козочка. Ослепительно рыжая, только рога из янтара посветлее, почти белые, она обернулась назад, развесив изящные ушки. Резчик передал и готовность в любой момент скакнуть на точеных копытцах, и проказливо лукавое выражение морды, и совершенно невинный взгляд!

«И-де-ально! - весело подумал Лучано. - И какое сходство с оригиналом! Ну, если за эти подарки меня не швырнут хотя бы подушкой, значит, я ничего не понимаю в людях! А если они при этом не понравятся, значит, я ничего не понимаю в своих друзьях».

Вернувшись в лавку Донована, он переоделся во все новое, расплатился одним из банковских чеков и велел добавить к заказу дюжину пар лучшего полотняного белья по своим меркам. А если вернется синьор Донован... Нет-нет, пока что ничего передавать не нужно.

День уже перевалил за полдень, когда Лучано вернулся в Академию с охапкой свертков и превосходным настроением. Но стоило войти в лазарет, как молодой лекарь, дежурящий в коридоре, окликнул его издали:

- Добрый день, сударь! Магистр Роверстан просил передать, что ждет вас.

Роверстан? Разумник хочет его видеть? Ну разумеется, он ведь наверняка знает, что Лучано ездил во дворец... Холодок страха, вроде бы растворившийся в приятных заботах, снова пробежал по спине. Лучано обреченно кивнул и попросил указать ему дорогу к кабинету магистра...

- Синьор Фарелли!

Дункан встал ему навстречу из-за большого стола, не пустого, но содержащегося в изумительном порядке. Письменный прибор, стопка бумаг, две книги в потертых переплетах и статуэтка вздыбленного коня из драгоценного черного дерева. Конь имел явное сходство с жеребцом, на котором ездил магистр, и Лучано мельком подумал, что Аластору бы такая безделушка понравилась.

- Прекрасно выглядите, сударь, — улыбнулся Дункан, жестом приглашая его пройти и присесть. - Прошу прощения, что оторвал отдел. Возможно, вы согласитесь выпить со мной чашку шамьета или горячего шоколада?

- Премного благодарен за приглашение, грандсиньор, — тоже улыбнулся Лучано. — Что угодно на ваш выбор.

Тем более что и то, и другое лишь приправа к самой беседе, а от нее увильнуть все равно не выйдет, разумник не из тех, кто принимает отказ.

- Тогда шоколад, — решил Дункан и прошел к небольшой переносной жаровне, установленной в углу. - Не удивляйтесь, что я варю его сам. Кухня слишком далеко, по дороге оттуда напиток остынет и потеряет аромат. Но если вы голодны, я прикажу подать обед.

- О, не извольте беспокоиться! - заверил его Лучано. - Шоколада вполне достаточно...

Смирившись с неизбежностью беседы, он опустился в удобное кресло возле стола и оглядел просторный кабинет внимательнее. Одну из стен занимали книжные полки, заставленные так тесно, что не осталось ни малейшего просвета. Разномастные корешки книг, новые, потрепанные и совсем дряхлые, были подписаны на дорвенантском, арлезийском, фраганском и еще какими-то неизвестными Лучано символами.

Во второй стене, напротив двери, два окна выходили в сад, и ветерок шевелил легкие занавеси светло-голубого арлезийского шелка.

Третью стену, возле которой и стоял стол с креслами, украшало несколько превосходных марин арлезийской же манеры письма. Море спокойное, запитое солнцем, и штормовое, яростное. На одной из картин парусник сражался с бурей, на другой к тихой глади воды спускалась беломраморная терраса, чьи ступени уходили прямо в прозрачную глубину, а за террасой виднелся то ли особняк, то ли небольшой замок, изящный, словно шкатулка работы искусного ювелира.

А под картинами за спинкой кресла висели перекрещенные парные сабли вроде абордажных, но длиннее. Эфесы роскошной работы были выполнены в виде голов хищных птиц с желтыми топазами глаз и позолоченными клювами, отметины на клинках недвусмысленно утверждали, что это боевые сабли, а не парадные. Лучано вспомнил «бретерскую беседу», а потом сообразил, где уже видел эти сабли. Да на холме же! Магистр полосовал ими демонов!

- Любите искусство? - обернулся к нему Дункан, умелыми неторопливыми движениями колдуя над жаровней. - Или оружие?

- И то, и другое, — искренне признался Лучано. - Простите, грандсиньор, но я несколько иначе представлял себе кабинет ученого. Не сочтите за нескромность, но вы же маг разума. Зачем вам так владеть оружием?

- А что делать? - пожал плечами магистр. - Я-то разумник, но вокруг столько...

Он пошевелил пальцами в воздухе, подбирая слово.

- Идиотто? - подсказал Лучано, и Роверстан кивнул.

- Именно. Идиотто. Прекрасное слово, очень емкое. Знаете, пока я добрался до того холма, меня раз пять пытались задержать в дороге всякие неразумные личности, плохо понимающие любые аргументы, кроме острых и тяжелых. Сабли в беседе с ними были незаменимы.

- Верю, — вздохнул Лучано.

В кабинете запахло шоколадом, но пока еще тонко и нежно, магистр только отмерял порошок из банки серебряной ложечкой. Рядом с жаровней на полочке стоял недурной набор специй в стеклянных флаконах и колба-шэнье из толстой чеканной меди. Сам Лучано предпочитал глиняную, но медь тоже была неплохим выбором. Он потянул носом, пытаясь по запаху определить, что именно магистр добавляет к шоколаду на первом, основном этапе варки.

- Розовый и белый перец? — уточнил он. - Тертый миндаль с имбирем?

- О, да вы знаток, — одобрительно отозвался Дункан, ставя шэнье на огонь.

- Самую малость, — заверил его Лучано.

В мыслях предательски промелькнуло, что на рапирах ему с собеседником ни за что не сравниться, даже пробовать не стоит. Но сварить правильный шамьет — это искусство сродни фехтованию, и в поединке на шэнье Лучано выдержал бы любую «бретерскую беседу».

- Вот поэтому я и выбрал шоколад, — невозмутимо заметил магистр, высыпая в воду смесь порошков. - С моей стороны было бы слишком самонадеянно состязаться с мастером вашей гильдии на его поле.

И посмотрел на Лучано, прикусившего губу, смеющимися черными глазами на совершенно серьезном лице.

- Ну что вы, грандсиньор, я ведь в гостях, и поле здесь как раз ваше, — в тон ему откликнулся Лучано и мстительно подумал, что кабинет почтенного и благородного синьора магистра превосходен, шоколад ожидается выше всяких похвал, но чего-то явно не хватает.

Например, удобного дивана. Неужели грандсиньору никогда не приходилось принимать экзамен у какой-нибудь миленькой адепки частным порядком?

- Туше, — негромко рассмеялся Роверстан. - Один-один, мой дорогой мастер. Нет, я не сторонник такого подхода к преподаванию. Не в моей гильдии. И можете не думать в этом направлении так старательно, иначе мне придется посоветовать коллеге Бреннану назначить вам успокоительное.

- Но вы же сами сказали, что не имеете претензий, пока мысли остаются мыслями, — обиженно сообщил Лучано, чувствуя восхитительный азарт гуляния по краю пропасти. - О, а теперь корица и...

Он снова потянул носом. Похоже, Роверстан использовал обычный рецепт пряного шоколада с самыми простыми специями как основу, но теперь, судя по аромату, добавлял в него что-то менее известное. Корень чинского лотоса?! В шоколад?! Как необычно...

- Вы и вправду знаток, — негромко подтвердил магистр, обходясь с его мыслями все так же бесцеремонно. Но, впрочем, тут же извинился: — Прошу прощения, привычка. Обычно я ставлю блоки на чтение чужих мыслей, но сейчас наша беседа имеет слишком большую важность. Чем сильнее беспокойство, тем труднее удержаться.

- Разве вы еще не узнали все, что хотели? - поморщился Лучано.

Неприятный привкус разговора с королевой вернулся в полной мере, как и воспоминания о нем. Жестокая вкрадчивость Беатрис, неприкрытый приказ молчать, брошенная подачка... Да, Шипы работают за деньги! Но Аластор стал для него не просто заданием, и то, что Беатрис видела в Лучано лишь послушный инструмент, вдруг показалось оскорбительным. Как и то, что она была полностью уверена в его продажности.

«Но ты же сам постарался убедить ее в этом, — возразил он себе. - Люди, подобные королеве, не доверяют чести и благородству. Зато в алчности всегда уверены. Ты прекрасно сыграл свою роль, к чему теперь жаловаться?»

Он попытался как можно глубже загнать эти мысли, при этом понимая, что Роверстану ничего не стоит выпотрошить память собеседника. Магистр, отвернувшись к жаровне, неторопливо доводил шоколад до совершенства, тягучий пряный аромат плыл по кабинету, и Лучано попытался усмирить не ко времени взбунтовавшееся самолюбие, но получалось плохо. Он был не против откровенного разговора, но разница между беседой и копанием в мыслях слишком напоминала разницу между любовью по согласию и насилием.

- Вы очень громко думаете о пустяках, мастер, — так же ровно и тихо уронил Дункан, не оборачиваясь к нему. - О плотских удовольствиях, рецептах шамьета и шутках. То, что вы действительно хотите скрыть, прячется в этой грудке неважных мыслей, как драгоценность среди ярких фальшивых побрякушек. Полагаю, это ваш метод защиты, и он срывает не хуже прочих. Нет, я не знаю исход вашей беседы с ее величеством. И был бы крайне признателен, если бы вы позволили мне его увидеть. Или хотя бы сообщили на словах. Искренность собеседника я определять умею, а для вас, полагаю, это не так неприятно, как прямое чтение. Но прошу понять и меня...

- Я понимаю, грандсиньор, — уже без улыбки отозвался Лучано. - Все мы порой делаем не то, что хочется.

Он вздохнул и теперь уже по собственной воле постарался вспомнить разговор с Беатрис. Весь в подробностях. Слова, запахи, звуки. И сам словно отступил в тень, оставив своего двойника и королеву в ярком пятне света, будто пару актеров на сцене магаттелли...

- Жаль, что у вас нет искры, — помолчав, сказал Дункан. - И особенно жаль, что белой. Какой разумник был бы... Значит, ее величество отказалась от своих планов относительно моей невесты?

Лучано молча кивнул, чувствуя, что рубашка у него почему-то мокрая, хоть выжимай.

- Что ж, тогда и я откажусь от своих, — просто сказал магистр и снял с огня дымящуюся шэнье. - Но, полагаю, долгое свадебное путешествие все же пойдет на пользу как моей невесте... Так и нервам ее величества. Благодарю вас, мастер.

Откажется? Интересно, какие планы у него были? Впрочем... Наверное, лучше не знать о планах человека, способного ломиться в дверь к Барготу. И, тем более, о его возможностях... Лучано перевел дух, взял чашку, в которую магистр предупредительно налил шоколад, и поднес ко рту, но не пригубил, а сначала лишь с наслаждением вдохнул запах. Безупречно. Классический, почти скучный рецепт в основе и добавка, о которой он сам бы никогда не подумал. А вместе получилось изумительно! Основательность и изобретательность... Мастерство и вдохновение. Как Дункан фехтует, Лучано уже видел, теперь он просто не мог не подумать, что для постели это тоже идеальное сочетание качеств.

- Вы неисправимы, — фыркнул магистр, и его глаза, несмотря на серьезный тон, опять заискрились смехом. - Знаете, пожалуй, я дам вам пару уроков управления мыслями. Исключительно ради моего собственного спокойствия. И можете гордиться, вы будете первым учеником, который добился этого подобным методом. А пока что считайте моим извинением вот это...

Он легко шагнул к Лучано, застывшему с чашкой в руках, и провел у него перед глазами широкой смуглой ладонью. Блеснул белый опал в массивном мажеском перстне, и Лучано провалился в эту вспышку...

Рыжая девчонка лет одиннадцати-двенадцати стояла на тренировочной площадке с рапирой в руках. Непослушные кудри заплетены в две толстые косы, огромные зеленые глазища сияют на конопатой мордашке, уморительно серьезной и трогательной... Но в глазах уже светится хорошее правильное упрямство, подбородок задран, и девочка переводит взгляд с одного собеседника, стоящего рядом, на другого, глазами которого Лучано увидел эту сцену. И снова черное и белое. Камзол цвета воронова пера и светлый фехтовальный костюм. Ледяное бешенство и легкое утомленное раздражение, потому что опять, сколько же можно...

Лучано смотрел на маленькую Айлин и грандсиньора Бастельеро, купаясь в чувствах и мыслях Роверстана. Синьорина была так похожа на взъерошенного котенка! Забавная, умильная... Храбрая и упорная... Она снова и снова пыталась преодолеть страх перед рапирой, а на самом деле - победить саму себя, девочку, которой внушали, что она неправильная, ненормальная, слабая. Все зашло еще не так далеко, и для опытного разумника это был такой же пустяк, как для умелого садовника выправить и подвязать поврежденную ветку... Ну кто просил Бастельеро вмешиваться? Еще и с очередными нелепыми обвинениями... Странник видит, лучше бы этот унылый рыцарь несчастной страсти попытался устроить свои любовные дела, чем подозревать всех вокруг в непотребствах!

Еще одна вспышка! Те же трое уже в саду...

- Достоинства магистра Роверстана общеизвестны и неизменно восхищают всех адептов... — услышал Лучано звонкий девчоночий голос, и синьорина захлопала ресницами.

Бастельеро, кажется, подавился очередной гадостью, которую хотел сказать, а Дункан изо всех сил держал лицо, но в кои-то веки у него это не получалось, потому что веселье распирало изнутри. Девчонка не поняла, что ляпнула, но это... это было восхитительно! Отвисшая челюсть некроманта, растерянность и злорадство... Благие Семеро, Бастельеро же радовался унижению Дункана, как он это увидел. Дункану было бы его почти жаль, если бы не все та же раздраженная усталость.

Столько лет глупых попыток доказать свое превосходство в Академии, и вот теперь снова. Взрослый человек! Мэтр-командор и герой войны! А в душе все тот же обиженный мальчишка, которому непременно нужно превзойти всех и во всем, чтобы позволить себе капельку даже не любви к самому себе, а просто терпимости...

Лучано скользнул дальше, держась за чувства магистра, как за страховочную веревку. И увидел еще одну вспышку. Тоненькая рыжеволосая девушка с нежным серьезным лицом доверчиво тянется к нему, распахнув глаза. Одурающе пахнет вишня, и далекие звуки музыки наполняют сад, а ее лицо - самое прекрасное, что может быть на свете, и это длится и длится на грани между мигом и вечностью...

В следующее мгновение он почувствовал, как его выталкивают из чужой памяти мягко, но решительно. Так мастер Ларци за шкурку убирал Аконита от лабораторного стола... Лучано заморгал, пробуждаясь, и едва не облизнулся - губы хранили восхитительный вкус чужого поцелуя. Такого же пряного, горячего и сладкого, как отпитый шоколад, но даже вкуснее!

- Нахал вы, юноша, — беззлобно сообщил Дункан. - Это я вам показывать не собирался. Но ладно уж. Теперь понимаете?

Лучано молча кивнул и вздохнул с восхищенным грустным сожалением. У него никогда не было ничего подобного, и быть не могло, но он еще как понимал!

- Да-да, юноша, — усмехнулся Роверстан. - Вот так живешь на свете несколько десятков лет и уже считаешь себя умным, осторожным, не поддающимся никаким глупым чувствам... А потом приходит маленькая девочка и на испытании швыряет в тебя стаканом.

- И... что? - растерянно уточнил Лучано.

- И все! - развел руками разумник. - Совсем все. Впрочем, вас это уже не касается... Не беспокойтесь, — добавил он деловитым тоном, — я приложу все усилия, чтобы как можно быстрее поставить вам и его высочеству блоки, прерывающие связь на всех уровнях. Его светлость канцлер настаивает на коронации в самом скором времени, он уже начал подготовку. И к моменту, когда его высочество переселится во дворец, вас уже не будут волновать чужие чувства.

Лучано понятливо отставил чашку с недопитым шоколадом и, встав, поклонился.

- Благодарю, грандсиньор, — сказал он почтительно, на этот раз выкинув из головы всякие глупости. - Не сомневайтесь, я очень ценю ваше доверие и расположение.

- Надеюсь, — уронил магистр гильдии разума, человек, нечаянно обменявшийся с Лучано тайнами, которые легко могли привести любого из них на плаху. - И простите, что сегодня я был так негостеприимен. Думаю, мы еще не раз выпьем по чашке шоколада...

***

За дни, проведенные на Барготовом холме, каковое название к нему приклеилось уже вполне официально, Грегор извелся от скуки и ощущения бессмысленности происходящего. Если бы он, как Райнгартен, видел смысл в происходящем, было бы легче, но клятый стихийник напрочь отказывался поделиться хоть какими-то результатами, утверждая, что сам еще ничего не понимает.

Грегора так и тянуло поинтересоваться, что, в таком случае, они все здесь делают, но он сдержался, видя, что Райнгартен работает иступленно, до кругов под глазами, что уже само по себе было чудом - на памяти Грегора этот холеный любитель удобств никогда так не выглядел. Разве что перед битвой за Академию.

Не меньше выкладывались и остальные стихийники, без конца проводя какие-то замеры, накладывая сложнейшие арканы и отслеживая их действие, изучая каждую трещинку в земле холма и каждый куст поодаль. Но если у мастеров Оранжевой гильдии минуты свободной не было, то остальные скучали так же откровенно, как сам Грегор. Некроманты, притащить которых на холм велел все тот же Райнгартен, по его приказу растягивали энергетические сети и бросали проклятия, но это занимало часа два в день, не больше. Все остальное время темные мастера читали, играли в карты и арлезийские башни, гуляли по окрестностям, а потом, совсем озверев от безделья, присоединились к игре в «Кукушку», которой развлекались боевики. Те восприняли пополнение с радостью, и окрестности холма наполнились азартными воплями.

Грегора прятал смертельную зависть под ворчанием - он и сам с радостью развеялся бы таким образом, но стоило только намекнуть, как на него посмотрели с искренним ужасом и недоумением. И ладно бы опасались его боевых способностей! Это было бы даже лестно. Так нет, все дело в том, что он, видите ли, Архимаг! И его заботливые подчиненные боятся повредить Великому магистру! Что само по себе было тем еще оскорблением...

Но Грегор, для которого слова «дисциплина» и «субординация» никогда не были пустым звуком, понимал, что высокое положение лишает многих простых радостей. Сейчас, по крайней мере, скучно ему одному, а присоединись он к ежевечернему турниру в «черного дожа» на роскошный приз - бутылку карвейна! - испортит настроение всем. То же самое и с «Кукушкой», и даже с поездками на ближайшее озеро, где боевики умудрились поставить щиты, отгородив часть отмели, и по очереди подогревали воду.

При появлении Грегора почти детская возня стихала, господа маги прекращали топить друг друга, швыряться водяными столбами и выяснять, что будет, если вот этот аркан наложить на во-он тот и запустить их в нырнувшего соперника. Матерые маги вели себя чинно и благопристойно, пока он купался, но стоило отъехать от озера, как за его спиной развлечения возобновлялись с новой силой. И самое обидное, что того же Райнгартена никто не стеснялся!

А Грегор возвращался в удобную просторную палатку, поставленную для него у подножья холма, и снова в который раз перечитывал отчеты по делу барготопоклонников, захваченные с собой, чтобы изучить на досуге. Знал бы он, сколько у него будет этого досуга, взял бы бумаг в десять раз больше!

Основная мысль документов, представленных Службой Безопасности, сводилась к тому, что заговор Денвера длился много лет и был скрыт с невероятной тщательностью. Кроме тех, кого назвал Морхальт, не удалось найти никаких новых участников, а смерть старых и вовсе обрезала все нити расследования. И оставалось лишь надеяться, что паучье гнездо выжрало само себя изнутри, погибнув при проведении ритуала. Глупая мерзкая смерть, но вполне заслуженная. Единственным результатом, которым изволил поделиться Райнгартен, было описание того, как именно это произошло.

Похитив Кристиана, Денвер создал мощнейший аркан, призванный пробить врата в Запределье, напитал его энергией своих подручных, создав замкнутый контур, и сотворил заклятие на крови, привязав его к роду Дорвеннов. Открытый портал сработал как источник силы, открыв несколько более мелких рядом с представителями указанной крови. Не выжил никто, кроме бастарда.

То ли его кровь была слабее, и портал получился небольшим, то ли мальчишке просто повезло. Дарра Аранвен после поездки в поместье Вальдеронов написал подробный и очень толковый отчет с показаниями свидетелей из слуг и домочадцев. Разлом открылся в тренировочном зале, где юный Вальдерон фехтовал с наставником, тем самым наглым фраганцем. Грегор прекрасно понимал, что такое опытный бретер, и допускал, что именно вмешательство этого д'Альбрэ помогло его ученику выжить. Остальным отпрыскам крови Дорвеннов Пресветлый Воин и Претемнейшая Госпожа такого шанса не дали.

А теперь этот единственный наследник и герой-победитель взойдет на трон, как же иначе? И вряд ли упустит шанс рассчитаться за старую обиду. Но если бы у Грегора была возможность вернуться на несколько лет назад, он не изменил бы ни одного слова, сказанного зарвавшемуся пьяному юнцу, ни одного совершенного тогда поступка. И если понадобится, ответит за это теперь.

Отбросив мысли о бастарде, он в очередной раз перечитал список погибших на Барготовом холме. Опознали всех, несмотря на то, что тела были изуродованы. Опытные и сильные маги погибли от прилива силы, которая выжгла им каналы, спалила рассудок, а потом попросту уничтожила физически. Они не смогли справиться с тем, что сами вызвали к жизни? Или попросту не рассчитали, что жертвоприношение Дорвенна даст настолько сильный эффект? И все-таки, к счастью, недостаточный, чтобы вызвать в мир Баргота, иначе Дорвенант, а следом за ним и остальные обитаемые земли ждала бы гибель...

Единственным, чьих останков у холма не нашлось, был Денвер. При мысли об этом ублюдке Грегора накрывала исступленная ледяная ярость, не мешающая мыслить, но требующая крови мерзавца. Только бы им встретиться! Денвер устроил такое - и ускользнул сам! Кто знает, где он сейчас и какую новую мерзость замышляет?! Недобитые твари самые опасные, эту истину Саймон Эддерли недавно познал на печальном опыте, а Грегор понимал всегда.

Имена сектантов расплывались перед глазами, но их уже и не было нужды читать - Грегор знал каждое наизусть, а многих барготопоклонников помнил в лицо или хотя бы понаслышке. Чего им не хватало?! У каждого была репутация, положение в обществе, магическая сила... Власть? Извращенных удовольствий? Мести каким-то обидчикам?! А еще большинство из них были простолюдинами. Всего два или три имени аристократов попало среди тех, кто получил магическое лейб-дворянство, приравненное Уставом Ордена и законами Дорвенанта к обычному. Королевство оказало им высочайшую честь и милость! Правду говорят, что подлую кровь не превратить в благородную...

Грегор устало потер глаза, отложил документы, вышел из палатки и только сейчас понял, что лагерь сворачивается. Деловитые стихийники паковали сложнейшие артефакты, остальные собирали личные вещи.

- Милорд Архимаг! - окликнул его Райнгартен. - Простите, я думал, что вы заняты, и не хотел отвлекать. Мы возвращаемся! Даже на два дня раньше, чем планировали.

- Вы получили нужные результаты? - нетерпеливо спросил Грегор. - И какие?

- Пока об этом рано говорить, — снова уклонился Райнгартен. - Нужно еще кое-что обработать... Но за одно я могу поручиться: ткань мироздания в этом месте крепка как никогда, и нового открытия Разлома можно не опасаться.

- Так чего же вам еще? - удивился Грегор. - Это великолепная новость, ради нее мы здесь и мучились. Остальные исследования можно провести постепенно. А если поймает Денвера живым, он выложит все!

- Да-да, конечно, милорд, — рассеянно отозвался Райнгартен. - Простите, мне нужно проследить за погрузкой. Кстати, вас я задерживать не смею! Портал в Академию можно открывать хоть сейчас, если вам угодно.

- Вторая прекрасная новость, — искренне отозвался Грегор. - Этьен, будьте любезны, поручите кому-нибудь собрать мои вещи. Я возьму с собой только сумку с документами.

- Да, милорд, непременно! - отозвался стихийник уже на бегу.

Академия встретила Грегора новым завалом документов. Кто бы сомневался? Стоило войти в кабинет Архимага, чтобы оставить там изученные на холме бумаги, как в дверь постучал секретарь со стопкой конвертов, пергаментных листов и просто очередных донесений и формуляров.

- Что из этого абсолютно не может ждать? - спросил Грегор. - И расскажите последние новости, только коротко.

Он прошел к письменному столу и рухнул в кресло, которое показалось неожиданно удобным. Наверное, после палатки. А может, уже просто привык.

- Вот это, милорд.

Секретарь положил перед ним узкий длинный конверт с печатью Аранвенов и доложил:

- В Академии за время вашего отсутствия не случилось ничего необычного. Занятия идут своим чередом, к особым пациентам лазарета уже допущены посетители. Адептку Ревенгар навещала госпожа Арментрот, ее родственница, лорда Вальдерона - родители, наставник и его светлость лорд Аранвен. В разное время, разумеется. Милорды магистры Бреннан и Роверстан продолжают лечение раненых. Лаборатории артефакторов почти восстановлены, милорд магистр Девериан подал прошение и смету на замену поврежденного оборудования. А в городе идут приготовления к коронации его наследного высочества Аластора Дорвенна... Коронация состоится через три дня, в день Пресветлого Воина. Вам уже прислали приглашение.

- Так... — выдохнул Грегор. - Понятно.

Ну что ж, как и ожидалось. Аранвен торопится изо всех сил, подготовить коронацию меньше, чем за неделю, невысказанно. Впрочем, зная канцлера, можно предположить, что подготовка началась уже давно, а сейчас только спешно добавляют нужные именные вензеля. Да и траур же, значит, ни бала, ни больших народных гуляний не будет. Скромная одежда без драгоценностей, кроме дворянских цепей и родовых да магических перстней, никаких украшений для карет, никакой музыки... В самый раз для нищей разоренной страны. Кстати, и что же ему пишет канцлер?

Грегор вскрыл конверт серебряным ножом, оставшимся, как и все убранство, от прошлого Архимага. Мельком подумал, что ему в этом кабинете принадлежит лишь дедовская трость, прислоненная сейчас к креслу, да и ту он заберет с собой, уходя с поста...

Он прочитал несколько строк, написанным тонким знакомым почерком, перечитал снова и поднял взгляд на секретаря в полном недоумении.

- Ничего необычного? А это что?! Ладецки с ума сошел?!

- Не могу знать, милорд Архимаг! — истово выдохнул секретарь.

- Бред какой-то...

Грегор снова перечитал письмо. Ангус Аранвен в чрезвычайно учтивых выражениях доводил до сведения Великого Магистра, что преступники, осужденные по делу барготопоклонников, были выданы Орденом королевской службе исполнения наказаний и приговоров. И, разумеется, казнены на Алой площади с соблюдением всех необходимых формальностей. Все, кроме одного.

Его светлость Ладецки, магистр Красной гильдии, отказался выдавать Лионеля Саграсса, сообщив, что в отсутствие Великого Магистра и его величества короля Дорвенанта не принимает ничьи приказы относительно своего человека. Упомянутый магистр Ладецки воспрепятствовал словом и делом посланному в Академию отряду королевской тюремной службы. В скобках Аранвен любезно уточнил все тем же изысканным почерком, что магистр «выкинул шестерых гвардейцев в окно кордегардии, не причинив им значительного вреда, но крайне нелестно описав их выправку, вооружение, личные достоинства и умение управляться с оружием, а затем заявил, что любой, кто пожелает забрать мэтра Саграсса, может прийти и попробовать это сделать, в чем ему не будут чинить препятствий до самой кордегардии».

- Свободны, — бросил он секретарю, положил письмо на стол и потер пальцами занывшие виски.

«Безумие какое-то... У Аранвена не получилось помочь Саграссу, хотя канцлер, несомненно, пытался. Последняя строчка в конце письма коротко и выразительно для тех, кто знал Ангуса, сообщала: «Извините, Грегор, мне очень жаль». Но смертный приговор был ожидаем, как и упрямство Совета лордов, где профаны решили хоть так противостоять нелюбимому протектору. И все-таки противостояние Ордена и государства - это последнее, что сейчас нужно измученному Дорвенанту. Бунты разгорались из-за меньшего, не хватало еще, чтобы самоуправство Ладецки или смерть Саграсса раскололи общество на магов и профанов. А что дальше?!»

Грегор встал из-за стола, по привычке потянулся к трости, но нога, отлично отдохнувшая на Барготовом холме, больше не болела. Впрочем, к трости он уже притерпелся и больше не находил в ее ношении неудобства. Пусть постоит здесь, в конце концов, должно же быть в кабинете Архимага хоть что-нибудь его собственное...

Он спустился из башни, прошел садом к зданию Службы безопасности и вошел в кордегардию, где обычно дежурила пара боевиков. Но в этот раз в кресле перед окном обнаружился один-единственный магистр Ладецки, который уютно устроился в нем, закинув ноги на низкий подоконник. Рядом с магистром на столе стояла корзина пирожков и колбас, стеклянный кувшин с водой и стакан, а под столом виднелась батарея из четырех-пяти бутылок карвейна. Все указывало на то, что магистр пребывает здесь давно и подготовился к серьезной осаде. Больше того, рядом с подлокотником кресла стояла штукovina варварского вида, больше всего напоминающая дубину, состоящую из железного древка и массивного, железного же оголовья странной формы - несколько соединенных обухом затупленных лезвий и острый наконечник.

- Милорд Ладецки, что это? - спросил Грегор, хотя собирался начать разговор иначе, и указал на штуковину взглядом.

- Шестопер, милорд Архимаг, — невозмутимо отозвался огромный боевик незнакомым Грегору словом такого же варварского звучания.

«Ах да, он же из Карлонии, — с некоторым даже облегчением вспомнил Грегор. - Это не безумие. Это просто... несколько иные принципы жизни... Мы забыли о них, пока Ладецки много лет жил в Дорвенанте, но Карлония все же изрядно варварская страна, и Ладецки так и не смог вытравить ее из себя».

- И... зачем он вам? Вы же маг... Зачем вам этот шерсто... шесто... Это оружие, в общем.

- Знаете, милорд, — задумчиво и совершенно рассудительно ответил боевик. - После битвы за Академию я пришел к выводу, что роль магии сильно преувеличена. Стоит закончиться резерву, мы беремся за карвейн и накопители, ну а что потом? Любые источники магии иногда заканчиваются, но я ни разу не слышал, чтобы закончился хороший шестопер доброй карлонской или влашской работы. Еще вольфгардцы хороши, но они больше по секирам, а в моем возрасте уже трудно переучиваться с того, к чему привык в юности.

И он ласково, словно живое существо, погладил страшную дубинку. Посмотрев на нее снова, Грегор содрогнулся, представив, что эта штука способна сделать с человеческим телом. Тут и целители спасти не сумеют.

- Ладецки, — вздохнув, спросил он. - Ну что это такое, а? Я имею в виду вот это все!

И он обвел взглядом караульное помещение.

- Бунт, милорд, — с тем же безмятежным спокойствием откликнулся Ладецки. - Разумеется, бунт. Мне же не пять лет, я все понимаю, можете не тратить время на уговоры.

- Кстати, а что у вас в Карлонии делают с бунтовщиками? - поинтересовался Грегор.

- Вешают, — сообщил Ладецки. Подумал и добавил: — Обычно на воротах. Чтобы на общее обозрение, значит. Но Дорвенант ведь цивилизованное государство, не так ли? Я рассчитываю на плаху, в худшем случае - на четвертование.

- Прекратите! - не выдержал Грегор и прислонился к стене, чувствуя, что разговор затянется, а кресло в кордегардии одно, и то занято мятежным боевиком. - Какого Баргота вы не выдали Саграсса? Его приговор утвержден Советом лордов. Ни я, ни Аранвен ничего не сумели с этим сделать. И вы тоже не можете просидеть здесь всю жизнь! Чего вы добиваетесь, Ладецки? Бунта Ордена против королевской власти?!

- Нет, милорд, — вздохнул боевик. - Если его величество, законный король, прикажет мне выдать Саграсса, я повинуюсь. Лионель - его подданный, право короля — карать и миловать своих людей по собственному усмотрению. Но пока что короля нет, верно? Или если вы мне прикажете...

- Если я прикажу - выдадите? — прямо спросил Грегор.

Ладецки посмотрел ему в глаза таким же откровенным, спокойным и понимающим взглядом.

- Выдам, — согласился он. - Я вам присягал и обещал повиноваться. Но это будет последний приказ, который я выполню для Ордена. Не заслуживает повиновения родитель, который пожирает своих детей. Вы не хуже меня знаете, что Лионель ни в чем не виноват. Он честный маг, всегда свято исполнявший наши заповеди, чтивший Устав. Отдать его этим... Они же хуже упырей, милорд. Упыри убивают, потому что иначе не могут, а эти просто хотят показать свою власть профанов над магами. Им плевать на закон и справедливость, они решили указать нам наше место. До вас или до меня им не дотянуться, вот и отыгрываются на Лионеле. Если меня принудят согласиться с этим, я отказываюсь считать себя орденским магом. Брошу все к Барготу, заберу семью и уеду в Карлонию. Буду там разбойников да упырей гонять, на мой век нужной людям работы хватит.

Грегор молчал, не зная, что сказать, и мучаясь острым стыдом за то, что у чужака, не дорвенантца, над которым он только что презрительно посмеивался про себя, оказалось больше чести и храбрости, чем у него, лорда Золотой крови и Архимага, тоже присягавшего своему Ордену. Ладецки не кичился этим, он честно предупреждал, что собирается делать. И сделает, можно не сомневаться.

- В окно-то зачем? - буркнул Грегор, лишь бы что-то сказать. - Они ведь тоже на службе были...

- А что еще я мог сделать? - развел Ладецки огромными лапищами. - Понимаю, что на службе, поэтому и не убил, даже не покалечил. Осторожно выкинул, еще и щиты поставил, чтобы мягко упали. А что обругал в сердцах, так это зря, конечно. Хотя выправка у них и правда так себе. Если что, милорд, вы уж передайте его величеству, что гвардейцев ему переучивать надо. Ну кто на боевого мага кидается строем с пиками наперевес? Позорище. Пусть хоть наших мэтров позовут в наставники...

- Идите вы к Барготу, Ладецки... — устало выдохнул Грегор. - Мне самому тошно, только что здесь можно сделать? Если бы наследник короновался раньше... А так даже он не может отменить Саграссу приговор. Решения королевского суда обратной силы не имеют. Даже по приказу самого короля. Помиловать Лионеля нельзя, понимаете? Разве что смягчить наказание, но... вы правда считаете, что выжигание дара и каторга лучше, чем плаха? А ничего иного ему при такой вине не полагается.

- Я, милорд, считаю, что каждому человеку полагается хоть немного справедливости, — грустно ответил Ладецки. - Лионель ее и так мало видел, может, хоть сейчас Пресветлый над ним сжалится? Да хоть бы и Странник, его я тоже прошу о милости. Коронация через три дня, пусть уж новый король сам решает, чего достоин человек, много лет служивший Ордену и получивший взамен предательство. Три дня, милорд... Вы дадите их Лионелю?

«Да пошло оно все и правда к Барготу! — с отчаянной тихой злостью подумал Грегор. - Милордам Совету вожжа под хвост попала казнить Саграсса немедленно?! Три дня подождать не могут?! Он же не опасный сектант, он сидит под замком и ждет своей участи, даже бежать не пытался. Эти проклятые три дня ничего не решат, а вдруг... вдруг действительно случится какое-то чудо, хоть я в них и не верю?! Ну а в крайнем случае вместо казни прокляну его «Блаженным сном», он даже понять не успеет, как уйдет в Претемные Сады без мучений и страха. Но вдруг? А самое главное, Ладецки прав, нельзя давать Совету Лордов почувствовать свою власть над магами! Любой из нас может быть следующим по ложному обвинению или такому вот мерзкому стечению обстоятельств. Протектор я или кто?! Они на всех углах кричат о тиране Бастельеро, который неправильно управляет Дорвенантом в отсутствие законного короля, так чего мне стыдиться или бояться? Может, я окажусь на плахе еще раньше Саграсса, как только Вальдерон наденет корону!»

- Три дня, — согласился он. - После коронации я представлю этот вопрос на рассмотрение его величеству.

В глазах Ладецки под насупленными густыми черными бровями зажглись недоверчиво-радостные огоньки.

- А пока вы не намерены вмешиваться?

- Во что? В работу тюремной службы? - Грегор недоуменно поднял брови. — Я что, тюремщик, стражник или, упаси Благие, палач?! Может, мне еще им заключенного лично к плахе доставить? Вы им предложили его забрать, ну так пусть забирают, я не против. А если у них это не получится, это полностью их сложности. Вас я лично прошу, магистр Ладецки, осуществлять должный надзор над безопасностью территории Ордена любыми необходимыми средствами. Три дня... Хоть смену себе назначьте, что ли. Думаю, в желающих недостатка не будет?

Грегор испытывал острое, почти болезненное удовольствие человека, сделавшего совсем не то, чего от него ждали. И знал, что прямо сейчас магистр боевиков его искренне уважает, хотя решение Грегора дало всего лишь отсрочку.

- Какое там недостаток? - расплылся в ухмылке Ладецки. - Дюжину с лишним уже прогнал. Нет уж, милорд, я эту кашу заварил, я здесь и отсижу, сколько положено. Другим карьеру портить не стану. Но вы сами...

- Мою карьеру испортить уже трудно, — усмехнулся Грегор. - Не берите в голову, Ладецки.

Про себя он подумал, что из кресла Архимага обычно переселяются только на кладбище. По старости, по болезни, в бою, как старый Кастельмаро, а то и на плаху. Пожалуй, он будет первым, кто покинет его по собственной воле, если сможет. Но вот тем, что Совет лордов стал многовато себе позволять по отношению к Ордену непременно стоит озаботиться, как и чисткой самого Ордена - слишком много тварей в человеческом обличье внезапно завелось в его рядах.

Выйдя из караулки Службы безопасности, Грегор свернул к основному зданию Академии и прошел по целительскому крылу к палате Ревенгар. В первый момент он не узнал коридор, превратившийся в подобие оранжереи! В каждом простенке стояли корзины и ведра с букетами, видимо, ваз не хватало. Розы, лилии, фиалки, какие-то иные растения, названия которых он не знал! Белое, лиловое, желтое, розовое, алое и пурпурное великолепие! В замешательстве он остановился, понимая, что присланные им цветы наверняка затерялись в этом роскошном многообразии, а он ведь даже карточек не прикладывал! В отличие, кстати, от многих букетов, из которых они как раз торчали. Ну и как это понимать?! Не принцу же все это присылают!

Он почувствовал себя совершеннейшим дураком и только обреченно покачал головой. Все из-за Барготова Холма! Ему пришлось оставить Айлин сейчас, когда ей особенно тяжело и страшно. Ее репутация разрушена, она связана магическим арканом с двумя чужими мужчинами и вряд ли понимает, что происходит, а он, тот, кто поклялся ее защищать... Он в который раз не оказывается рядом, когда нужен ей! Что ж, во всяком случае, Академия приняла ее как героиню, о чем еще могут говорить эти букеты? А Грегор теперь постарается...

Палата Айлин оказалась пуста. Целитель, дежуривший на посту, сначала в ответ удивился его недоумению, а потом понимающе закивал и почтительно сообщил, что по распоряжению милордов магистров Бреннана и Роверстана адептка Ревенгар ночует в одной палате с бывшими спутниками. Очень сильная ментальная связь, милорд! Нет, подробности ему неизвестны, извольте спросить у милордов магистров.

И снова Роверстан! Грегор раздраженно прикусил изнутри губу, возвращаясь по коридору к указанной палате. Глупо ревновать, но... Вишневая ночь не выходила у него из памяти. Да, он готов помнить всю жизнь, что Роверстан оказался на том холме и помог Айлин, он готов быть благодарным, но... просто пусть разумник держится подальше от его невесты, как только закончит лечение. Ведь их теперь ничто не связывает? А Грегору нужно увидеть Айлин как можно быстрее! Ну и принца, разумеется. Стоит выяснить отношения с Вальдероном сейчас, пока Грегора еще не связывает долг верноподданного. Некоторые слова не скажешь королю...

Перед самой дверью палаты Грегор сбавил шаг и остановился, услышав мужские голоса. Ах да, точно, там же еще наемник! Один из мужчин с легким итлийским акцентом что-то рассказывал, второй посмеивался, иногда роняя удивленные возгласы, а потом...

- Ну и зараза ты, Лу! - с насмешливым восторгом сказал этот второй, и Грегор задохнулся, словно в него опять угодила фраганская стрела.

Голос Малкольма он бы узнал из тысячи.

Постучав, дожавшись ответа и толкнув дверь, Грегор ступил в палату на едва гнущихся ногах, рассудком понимая, что этого просто не может быть. Да и голос какой-то странный... Как будто из очень далеких воспоминаний.

Дверь мягко закрылась у него за спиной, и Грегор замер, глядя на обычную целительскую палату, перегороденную надвое плотной ширмой. В той части, куда он попал, стояли рядом две кровати. На той, что была ближе, лежал, опираясь на локоть и отвернувшись от Грегора, молодой человек, небрежно укрытый одеялом. Его лица не было видно, только затылок с волнистыми черными

волосами, связанными в хвост, и Грегору на миг показалось, что это он сам, Грегор Бастельеро двадцати юных лет, отлеживается после очередной рискованной проказы, развлекая своего друга и сюзерена.

Потому что со второй кровати на него взглянул раскинувшийся на ней Малкольм. Ошеломленный Грегор жадно впитывал каждую черту знакомого лица и фигуры.

Голубые глаза, ярко блестящие из-под широких бровей, светлых, но все же немного темнее, чем волосы, будто выгоревшие на солнце добела. Прекрасной лепки нос и скулы, упрямый мощный подбородок с короткой бородкой - хоть сейчас на чеканку монет! Широченные плечи и грудь, обтянутые простой полотняной рубахой с расшнурованным воротом. Остальное тело лишь угадывалось под одеялом, наброшенным до пояса, но рост тоже соответствовал - длины кровати едва хватило.

Малкольм! Только... на двадцать лет моложе. Еще крепкий и ясноглазый. Веселый, несмотря на бледность и бинты, заметные под рубахой. Улыбка, взгляд...

Грегору с трудом вдохнул воздух через ком, вставший в горле, и тут юноша, которого он знал и помнил, как только можно знать и помнить лучшего друга, перевел на него взгляд - и Малкольм исчез.

Нет, все осталось прежним, только глаза вмиг заledenели, став совершенно чужими. Никогда Малкольм не смотрел на Грегора так. Просто не умел! Злился до бешенства - это случалось! Особенно после той истории с Джанет. Но никогда, ни разу за все годы их дружбы не смотрел с такой холодной тяжелой отстраненностью.

Грегору едва не потряс головой, сбрасывая наваждение, но вовремя опомнился и поклонился. Малым поклоном от равного к равному, который предписывал в данном случае этикет. Лежащий перед ним юноша хоть и королевской крови, но непризнанный бастард, а он, Грегор, глава рода из Трех Дюжин. По светскому этикету они равны почти во всем.

- Доброго дня, ваше высочество, — уронил он, выпрямившись.

- Лорд Вальдерон-младший, с вашего позволения, — голосом Малкольма холодно сказал его сын.

Краем глаза Грегор видел, что второй раненый перевернулся и сел на постели, молча разглядывая их обоих. Смазливое лицо было смутно знакомо, и эти приметные желто-зеленые глаза Грегор уже явно где-то видел, но не помнил. Неважно! Сейчас не до него.

- Вам должны были сказать, ваше высочество, — проговорил он, тщательно подбирая слова, — что вашу кровь исследовали родовым камнем Дорвеннов. И ваш статус принца крови отныне подтвержден и узаконен.

- Это имеет значение только для коронации, - все тем же знакомым голосом мрачно сообщил бастард. - Я чту память его величества, как положено подданному, но отец у меня один, и его зовут Себастьян Вальдерон. В полном соответствии с решением короля, между прочим. Тоже подтвержденным и узаконенным еще до моего рождения. Поэтому до момента, когда я надену корону, предпочитаю именоваться лордом Вальдероном-младшим. Буду признателен, если вы примете это во внимание, лорд Бастельеро.

Щенок! Наглый щенок, все-таки выросший в волкодава, как и обещал, - это Грегор не мог не признать! Но по-прежнему наглый и тупой, раз не понимает... Как он смеет бросаться такой честью?! Малкольм его любил! Да, отказался, спасая от Беатрис и самого мальчишку, и его мать, но всю жизнь потом жалел об этом!

И как он смеет при этом быть Малкольмом?! Говорить, как он, смотреть, как он, так же хмуриться и наклонять голову к плечу также медленно цедить слова... Нет, теперь Грегор видел неуловимые отличия. У Малкольма даже в зрелые годы не было ни такой резкости в очертаниях скул и нижней челюсти, теперь прикрытой короткой светлой бородкой, ни такого вызывающе мрачного взгляда. У его законных сыновей и подавно! И все-таки поставь Кристина и Кристиана рядом с бастардом, никто не перепутает, кому из троих досталось больше крови Дорвеннов. Тяжелой, как золото, древней крови, полной мощи и скрытой ярости.

Так почему же он... этот...

Грегору смотрел в ледяные голубые глаза и как никогда остро чувствовал свое бессилие. Мальчишка - без пяти минут король. И, значит, этот наглец неприкосновенен. Грегору придется принести ему присягу, повиноваться и чтить... И, возможно, принять заслуженную кару за то, что хотел закрыть Разлом его кровью. Но плевать! Как можно смотреть на него и каждый раз видеть Малкольма, преданного своим же сыном? Малкольма, от которого этот сын отрекся!

В памяти непрощено вспыхнул проклятый бал в честь победы, на котором Вальдерон представил королю этого щенка. И как же Малкольму было потом плохо! Он ведь отказался от сына, чтобы выполнить уговор с Беатрис! Не желая этого! И мучился... Возможно, это невольное предательство и загнало его в смертельные объятия карвейна? А этот... Этот!

- Я надеюсь, вы все же измените свое мнение, — сказал он сухо. - Ваш настоящий отец любил вас, несмотря ни на что.

- Нисколько не сомневаюсь, — неожиданно согласился бастард, а потом добавил: — И до сих пор любит, чем я чрезвычайно горжусь. У нас, милорд, разное мнение о том, кто из отцов - настоящий. Не вижу смысла обсуждать это и дальше. Чем еще могу служить?

- Я... собирался навестить адептку Ревенгар, — сказал Грегор и отвел взгляд.

Видеть незнакомца в обличье друга вдруг показалось невыносимо. И говорить с ним о прошлом - тоже. Грегор понял, что не станет объяснять свои мотивы в истории с Разломом, тем более - просить прощения. Он не Саграсс, которому просто не повезло, он сам вступил на путь, который приведет его к прощению или казни - как будет угодно новому королю Дорвенанта.

- Леди Айлин вышла, но вскоре вернется, — с бесстрастной светской любезностью сообщил ему бастард. - Нам с синьором Фарелли чрезвычайно неловко обременять ее своим присутствием, но целители утверждают, что это необходимо. Вы можете справиться у магистра Бреннана, где она.

- Так и сделаю, — поклонился Грегор. И добавил без всякого желания позлить собеседника, просто потому что так действительно требовал этикет: — Желаю скорейшего выздоровления, ваше высочество.

- Вот видишь, — усмехнулся молчавший до этого итлиеэ. - И стоило так упираться? Хоть ты наизнанку вывернись, но ваши грандсиньоры уже все решили и назначили тебя королем.

- Сами решили - так им и надо! - отрезал бастард и вдруг улыбнулся совершенно, как Малкольм.

У Грегора опять защемило сердце, предательски и абсолютно глупо, потому что эта улыбка, открытая, искренняя, которую Колям всегда приберегал для него, теперь предназначалась другому. Последний принц крови Дорвеннов улыбался, как лучшему другу, бродяге-наемнику, итлийцу, простолюдину и вообще невесте кому!

«Это не он, — сказал себе Грегор, выходя из палаты. - Малкольм не вернется. Никогда. Но как же хорошо, что я не видел этого мальчишку второй раз, когда принимал решение закрыть портал его кровью. В шестнадцать лет он все-таки не был настолько похож на отца... Если бы я посмотрел на него такого... у меня бы не хватило воли обречь на смерть точное подобие Малкольма. А это не так! У них ничего, ничего общего, кроме лица и тела. Тот же сосуд, но наполнение иное. Конечно, я буду ему верным подданным, если он меня помилует, но любить его?! Невозможно, да и не нужно! Ах, Колям... Как же несправедлива оказалась к тебе судьба. Один сын, да и тот... Вальдерон!»

Он остановился в коридоре и несколько мгновений боролся с отвратительным, недостойным дворянина желанием сунуть нос в карточки, вызывающе торчащие из букетов. Но устоял. Это почти то же самое, что читать чужие письма! И на этот раз не оправдано никакими высшими соображениями, кроме жгучей неприязни к любому, кто позволит себе слишком вольно обойтись с его невестой. А... невестой ли?

«Ты должен подождать коронации, — сказал он себе с холодной, испугавшей его самой ясностью. - Исследование действий лорда-протектора - первое, что обязан сделать король, и если он захочет отомстить, ты узнаешь об этом сразу. И на имя Айлин Ревенгар не ляжет еще одно пятно - клеймо невесты изменника и врага короны. Ты не имеешь права втягивать бедную девочку еще и в это! Всего три дня. Ну, еще день-два, пока не соберется Королевский Совет! И ты будешь свободен так или иначе! Три-четыре дня... И ты либо отдашь свою жизнь палачу, либо... положишь ее к ногам Айлин Ревенгар уже как честный человек!»

***

- То есть вы желаете посетить дворец? - уточнил магистр Бреннан и окинул Аластора очень пристальным и задумчивым взглядом. - Ну что ж, не вижу к этому особых препятствий. Заживление ваших ран идет великолепно, всем бы моим подопечным так, и небольшая прогулка пойдет на пользу. Разгонит кровь, даст легкую нагрузку... Да-да, я разрешаю. Но о верховой езде не может быть и речи! Путь туда и обратно вам придется проделать в карете.

- Милорд магистр! Я вам что, дама? - возмутился Аластор.

- Вы мне пациент, юноша, — отрезал целитель и посмотрел на Лучано, который скромно маячил за плечом Аластора. - Кстати, а вы, сударь, намерены сопровождать вашего друга?

- Сочту за честь, если таково будет его желание, — поклонился Лу.

- Вот и прекрасно, — милостиво сообщил магистр. - Тогда присмотрите за ним, будьте любезны. А сейчас идите в конюшни Академии и скажите, что я велел заложить для вас мою личную карету. Эти фраганские штучки... как же их... рессоры, да! Они дают настолько плавный ход, что вас не растрясет и не укачает.

Поклонившись, Лучано исчез в коридоре, а Бреннан снова поглядел на Аластора, вздохнул и сказал:

- Не обижайтесь на меня за излишнее беспокойство, мой юный лорд. Мы, целители, иногда слишком ворчливы, но это лишь потому, что знаем, какой драгоценный и хрупкий дар - здоровье.

- Милорд, я всегда буду благодарен за то, что вы сделали! - заверил его Аластор. - В этих стенах ко мне и моим друзьям отнеслись с величайшей заботой, и я ценю это! А особенно я благодарен вам за то, что напоследок смог... побыть самим собой. Вы же понимаете...

- Понимаю, — кивнул Бреннан. - Время отдыха прошло, и вскоре вам предстоит нести тяжелую ношу. Я старый человек, милорд Аластор, но мне бы хотелось увидеть для Дорвенанта более счастливые времена, чем сейчас. И я очень надеюсь, что вы их нам подарите. Буду молить Милосердную Сестру о вашем здоровье, но если хотите напоследок совет целителя...

- Выслушаю его со всем вниманием, — заверил Аластор, про себя надеясь, что это не будет нудное и долгое поучение.

Все-таки его ждет королева! Прекраснейшая женщина Дорвенанта, которая позаботилась о нем еще до их знакомства! Лучано тоже, кстати, посоветовал не томить ее ожиданием, хотя глянул при этом как-то странно...

- У всех Дорвеннов могучее сложение и отменная выносливость, — неторопливо и веско сказал Бреннан. - Это позволяет им до преклонных лет оставаться в добром здравии. Но даже огромный мощный дуб способны погубить крошечные жучки, источив его изнутри. Вместе с лейб-лекарем мэтром Бюэе я осматривал тело покойного короля. Это обычная процедура для лиц королевской крови, даже погибших насильственной смертью. Он был совсем еще не стар и должен был прожить многие годы, но сердце его величества, печень и прочие внутренние органы были изношены до предела неумеренным употреблением карвейна и прочих крепких напитков. Обильная жирная пища и отсутствие движений тоже не пошли ему на пользу. Увы, но даже не случись всего этого ужаса с демонами, его величеству оставалось жить всего несколько лет, а то и месяцев.

Бреннан помолчал, глядя на Аластора, старательно осознающего услышанное. Король попросту спился?! Едва не свел себя в могилу тем, что крестьяне называют «болезнь борова»? Откормленные до предела свиньи теряют возможность встать на копыта, но продолжают жрать, лежа в собственном навозе, от которого их избавляют хозяева. И делают это, пока их никчемное существование не обрывает нож мясника. Аластора передернуло от омерзения. И вот это существо лорд Бастельеро призывал уважать?!

- Во дворце вас ожидает множество искушений, мой юный лорд, — тихо сказал Бреннан, глядя на него в упор. - Изысканные блюда, старое вино, любовь женщин и право самому определять, когда работать, а когда развлекаться. Я не призываю вас отказаться от всего, что делает жизнь приятной, но умоляю помнить, что излишества ведут в могилу. А если вам кажется, что до этого далеко, то учтите, что сначала они ведут к слабости, причем незаметно, как самый коварный враг. Карвейн сделает ваш разум ленивым, а тело уязвимым. Слишком жирная и сладкая еда отнимет силу и бодрость, которыми вы по праву можете гордиться сейчас. А бессонные ночи дадут фальшивое и ядовитое чувство полноты жизни. Но однажды вы поймете, что секира слишком тяжела для вашей руки, да и прежняя меткость куда-то подевалась. Потом вам станет лень гулять даже по саду, потому что тело нальется дурным жиром. А потом вы поймете, что женщины не вызывают прежнего интереса, книги и государственные дела стали сложны для понимания, но тарелка и бутылка по-прежнему ваши самые любезные спутники. Вам перестанут нравиться зеркала, потому что в них отразится фигура, утратившая стройность, скрытая под складками обрюзгшей плоти. Лицо покраснеет и тоже заплывет жиром... Поверьте, мальчик мой... Простите, я в первый и последний раз назову вас так! Я видел сотни примеров, как люди губят здоровье, подаренное им богами. И каждый раз это происходит медленно, незаметно, по капельке. Каждая лишняя бутылка вина и день, проведенный в постели, это битвы, которые вы проиграете. И чем больше их будет, тем быстрее слабость, болезнь и старость, эти самые страшные враги человека, возьмут над вами верх.

Он замолчал, грустно глядя на Аластора, которого снова продрал мороз от этой медленной, торжественной и пугающей речи.

- Я запомню ваши слова, милорд, — ответил Аластор так же медленно. - Вам не стоит слишком беспокоиться, у меня перед глазами пример лорда Себастьяна, который всегда воспитывал меня в уважении к умеренности. И то, что вы рассказали о короле... Надеюсь, я смогу сделать правильный

выбор между двумя дорогами в Претемные Сады и выбрать ту, которая подлиннее. И еще раз благодарю вас.

Он поклонился и вышел, оставив пожилого целителя, но чувствуя спиной его пристальный взгляд.

Лучано встретил Аластора возле конюшни, где им уже заложили карету, действительно новую и очень удобную. Итлиец беззаботно улыбался по своему обыкновению, но Аластор уже научился видеть, когда мнимое спокойствие друга служит броней, прикрывающей тревогу.

- Что случилось? - спросил он напрямую, когда карета, мягко покачиваясь, выплыла из ворот Академии. - Ты же сам сказал, что не стоит заставлять королеву ждать.

- И не только королеву, — с показной легкостью отозвался Лу. - Говорят, что когда заставляешь человека тебя ждать, то даешь ему время вспомнить все твои недостатки. Это одна из двух причин, по которым я всегда прихожу на встречи как можно раньше.

- А какова вторая? - заинтересовался Аластор, вытягивая ноги.

- Тот, кто приходит на место встречи первым, может посадить в кустах своего арбалетчика, — ухмыльнулся Лучано. - Или хотя бы присмотреть, чтобы там не посадили чужого. Нет такой неожиданной встречи, к которой не нужно готовиться заранее. И чем неожиданней, тем больше нужно подготовки.

- Мудрость наемника? - усмехнулся в ответ Аластор, подумав, что месьор д'Апбрэ учил его тому же самому, хоть и в других выражениях.

- Не нравится мудрость наемника, могу поделиться мудростью повара, — в тон ему насмешливо отозвался Лучано. - В трех котелках суп не сварится в три раза быстрее, все равно его придется варить, сколько положено. И если ты бросил в котелок утку, то говяжьего бульона не выйдет, сколько его ни помешивай.

Замолчав, итлиец отвернулся к окну кареты, предоставив Аластору думать над очередной мудростью, которой сегодня его так и норовили одарить.

Стоило карете подкатить к дворцовым воротам, а выскочившему первым Лучано назвать имя Вальдерона, как гвардейский караул немедленно выстроился и отдал честь. Аластор слишком поздно сообразил, что следовало устроить этот визит как-то иначе. Да, вскоре ему придется переехать во дворец уже как хозяину, но пока что жадное внимание вытянувшихся в струнку гвардейцев было непривычно и почти неприятно. Они смотрели на него, но видели кого-то другого, кому и предназначалось их восхищение, почти благоговение. Аластору под этими взглядами захотелось поежиться, одернуть привезенный родителями камзол и поправить штаны. Но он сдержался и проследовал за примчавшимся к воротам лейтенантом стражи, который смотрел на него точно так же, как его подчиненные. Видеть такой до непристойности влюбленный взгляд от незнакомого дворянина, офицера и примерно его ровесника, а то и постарше, было... странно.

И все время, пока они шли по дворцу, Аластор даже не мог из интереса посмотреть по сторонам, потому что то и дело ловил на себе самые разные взгляды, то восторженные, то любопытные, то опасливые. Впереди него будто катилась волна, и каждый, кого касались ее брызги, бросал все занятия и смотрел на них с Лучано.

- Привыкай, — тихо сказал Лу, когда лейтенант, проводив их до высокой двери, украшенной резьбой, щелкнул каблуками и откланялся. - Они будут смотреть и шептаться. Ждать твоей силы, но надеяться на слабость. Будут врать, просить, строить интриги, обожать и ненавидеть. Люди везде одинаковы, хоть во дворце, хоть в портовом кабаке. И везде они похожи на зверей. Не показывай им слабости, Альс. Одна пастушья овчарка управляет сотнями овец. Просто помни, что овчарка здесь ты.

- Но не с ней... — так же тихо ответил Аластор, опуская ладонь на ручку двери.

- Почему? - удивился итлиец уже ему в спину. - Ее время проходит, а твое начинается...

Его слова еще звучали у Аластора в ушах, когда почтительный секретарь распахнул перед ним вторую дверь - в гостиную. Когда Аластор шагнул через порог и прошел примерно до середины комнаты, лихорадочно вспоминая руководство по этикету и гадая, как применить его к своему новому статусу. И когда высокая стройная женщина в черном платье, стоявшая у окна в обрамлении белых роз, плавно повернулась и с той же немыслимой грациозностью присела перед ним в реверансе. Первая! Раньше, чем он успел поклониться! Королева - перед ним...

- Ваше величество!

Аластор ответил торопливым поклоном, придерживая рапиру, которую тоже привез отец, а то

пришлось бы взять займы у Лучано. На несколько мгновений замер, склонив голову, а затем выпрямился, и у него перехватило дыхание. За эти пять лет, которые превратили его из юнца в мужчину, она ничуть не изменилась! Ни одной черточкой совершенного тонкого лица, ни одной линией великолепного стройного тела, которое не портило даже глухое траурное платье. Не убавилось блеска в дивных черных очах под пушистыми ресницами, ни одна морщинка не тронула кожу... Разве такое возможно?! Как может эта женщина, ровесница матушки, выглядеть настолько ее младше?!

- Ваше величество... — эхом отозвался грудной бархатный голос Беатрис. - Вы позволите мне вас так называть?

- Как вам будет угодно, — сказал Аластор, пытаясь удержаться на краю пропасти смущения и не упасть в нее, окончательно превратившись в неловкого застенчивого мальчишку-провинциала.

- Меня обманули, — серьезно сказала Беатрис, рассматривая его. - Они все говорили, что вы похожи на него. На Малкольма. А я не вижу ничего общего. Лицо - да. Но это всего лишь оболочка, форма, в которой вылиты разные Дорвенны, и каждый - из своего металла. Я вижу силу там, где у него была лишь слабость. Гордость вместо его высокомерия. И великодушие, которому душа моего супруга оказалась бы слишком тесна. Его металлом было олово, вашим - оружейная сталь.

- Вы... слишком добры, ваше величество, — выдавил Аластор, отчаянно боясь, что голос зазвенит и сорвется.

- Слишком много величеств для одной комнаты, вы так не считаете? - ее изящные розовые губы тронула слабая улыбка. - Прошу, зовите меня просто Беатрис. У нас в Итлии правила этикета менее строги, мне будет приятно вспомнить родной дом.

- Как скажете, миледи, — послушно поклонился Аластор. - Простите, я нарушаю этикет, но вы звали меня... Для чего?

- Чтобы увидеть, — так же просто отозвалась она. - И поговорить, разумеется. Прошу, ваше величество.

Она указала ему на кресло возле низкого круглого столика и сама опустилась во второе напротив. Аластор сел и напомнил себе, что таращиться на женщину в упор в высшей степени неприлично. На женщину в трауре - вообще недопустимо! Но как не смотреть? Если она такая... такая...

- Через три дня состоится ваша коронация, — сказала Беатрис все с той же прелестной спокойной открытостью. - После нее я стану всего лишь вдовствующей королевой, ничего не значащим украшением двора, и очень этому рада, признаться. Многие годы мой супруг, пусть примет его Претемная Госпожа, видел во мне лишь источник благосостояния Дорвенанта, колодец, из которого можно бесконечно черпать золото вместо воды. Вы не представляете, как устает от этого душа...

Ее голос лился искренне и мягко, и Аластор слушал его, едва понимая смысл слов. Но когда понял, внутри него начало подниматься возмущение. Лучано говорил, что Риккарди - это деньги, да и прежде ему приходилось слышать, что итлийские кредиты спасли Дорвенант. Но если эта печальная красавица говорит такие слова, значит... неужели ей дали понять, что причина брака с нею только в деньгах?!

- Но речь сейчас не совсем обо мне, — снова слегка улыбнулась она. - Я уверена в благородстве вашего величества. Вы не позволите обидеть женщину, потерявшую даже такую слабую защиту, какой был мой супруг. Простите мне бестактный вопрос, умоляю. Вы уже думали, с кем свяжете судьбу и будущее ваших детей, наследников короны?

- Что?! Нет...

Аластор растерялся еще сильнее. Он еще не успел смириться с необходимостью принять корону, и думать о подобном?

- Это лишь кажется, что короли не ограничены в выборе, — вздохнула Беатрис. - Напротив, их выбор гораздо меньше, чем у обычного дворянина. Будучи просто лордом Вальдероном, вы могли жениться на почти любой благородной девице Дорвенанта или другой страны. Но королю нужна жена соответствующего происхождения и состояния. Сестры подходящего возраста есть у короля Флоризеля, недавно взошедшего на трон Фраганы...

- Жениться на фраганке? Ну нет! - замотал головой Аластор. - Не сейчас, когда Дорвенант настолько слаб! Этим только покажи дорогу в наши земли!

Беатрис удовлетворенно улыбнулась, и Аластор понял, что не обманул ее ожиданий.

- Арлеза? - подсказала она задумчиво. - Нет. Слишком близкое родство. Арлезийкой была Розаберта,

мать Малкольма. Должна пройти хотя бы еще пара поколений... Влахия или Карлония? Они ничего не смогут дать Дорвенанту...

- На что вы намекаете... Беатрис? - спросил Аластор, и ее имя с привкусом шамьета, который варил Лу, сладкого и пряного, словно задержалось у него на языке.

- Мой супруг, его величество Малкольм, обдумывал брак нашего старшего сына с девицей из рода Пьячченца, — помолчав, уронила Беатрис. - Моих денег ему было мало, и он решил позвать сюда этих... жадных пауков. Не думайте, что во мне говорит глупая материнская ревность. Я признаю, что Лоренца Пьячченца вполне достойна звания принцессы. Кстати, взгляните!

Она взяла со столика небольшую коробочку, раскрыла и подала Аластору миниатюру в ладонь размером. Смуглая черноволосая девица опиралась на перила балкона или террасы... Огромные карие глаза, румяные свежие щеки и крупная, великолепной формы грудь, лишь слегка прикрытая тонким шелком, чьи складки искусно подчеркивали главное богатство итлийки. Аластор поспешно отвел глаза, чувствуя, что в другой обстановке поразглядывал бы девицу подольше...

- Красива, образованна, благонравна, - так же негромко уронила Беатрис. - Но если бы дражайший супруг подписал брачный договор с родом Пьячченца, я бы прожила ровно столько, сколько они сочли бы приличным для случайной смерти. Пьячченца ненавидят мою семью и не делятся влиянием ни с кем и никогда. Но очередной кредит они бы Дорвенанту дали... И попытались бы непременно откусить свою долю от прибылей короны. Полагаю, теперь Лоренцу предложат в качестве невесты вам.

- Я не собираюсь влезать в новые кредиты, — буркнул Аластор, снова быстро глянув на портрет роскошной Лоренцы, щедро выставившей свои прелести как обещание большего. - С этими бы расплатиться.

- Ваша семья славится хозяйственностью, — уважительно кивнула Беатрис. - Но тогда вы тем более знаете, что иногда без займов не обойтись. Дорвенанту нужно пережить два-три голодных года после нынешнего нашествия, пока восстановится поголовье скота и люди смогут обрабатывать поля в должной мере. Канцлер Аранвен со своими помощниками предложил превосходный план реформ, на которые мой отец готов был дать деньги почти без процентов. Риккарди умеют поддерживать друзей в сложных обстоятельствах. Но Малкольм, утонув в пьяном дурмане, и сам не занимался делами, и канцлеру не дал нужных полномочий. А ведь Дорвенант еще можно спасти. Но Пьячченца слишком привыкли грабить, а не растить урожай.

- Так на что вы все-таки намекаете, ваше ве... Беатрис?

Аластор оторвал взгляд от пышной груди Лоренцы и в упор посмотрел на королеву. В то, что Риккарди намного великодушнее и щедрее Пьячченца, он не поверил, но достаточно часто имел дело с купцами, чтобы понимать ценность проверенного и разумного партнера по делам. Риккарди не требуют возврата прежних кредитов и даже предлагают новый? Это прекрасно, если взамен они не захотят чего-то невозможного или недопустимого.

- Что ж, я попробую сказать прямо. - Беатрис ответила ему таким же откровенным взглядом без тени дамского кокетства. - Ваше величество, посмотрите на меня и скажите, я хороша собой?

- Вы прекрасны! - выпалил Аластор и все-таки покраснел, даже уши загорелись. - Вы самая красивая женщина... - Он хотел сказать в Дорвенанте, это ведь общепризнанно, однако вместо этого неожиданно для себя закончил: — Которую я могу представить...

- И вы не будете спорить, что я была достойной королевой? Радеющей о вашей прекрасной стране как о своей собственной?

- Как я могу спорить...

- Я старше вас, мне тридцать восемь лет. Но мое здоровье безупречно, я легко родила двух сыновей и двоих дочерей, целители подтвердят, что я могу родить еще детей. И клянусь, я... я бы сделала это с удовольствием. Но только от мужчины, который станет ценить мою любовь. Ваше величество, я знаю, каким может и даже должно показаться мое предложение. Дорвенант — страна строгих традиций и этикета, где женщина не имеет права предложить себя мужчине сама. Но я все же рискну, потому что надеюсь на ваше благородство...

Ее голос плыл и звенел, лился горьким медом и гладил Аластора бархатной перчаткой, а глаза, дивные черные глаза, не такие большие, как у Лоренцы, но жгучие, страстные, яркие и нежные одновременно, словно смотрели ему в душу. Какая пышногрудая щекастая девица могла сравниться с этим взглядом хоть бы и всеми своими прелестями?!

- Попросите моей руки, ваше величество! Станьте не только моим королем, но и мужем. Я обещаю вам такую благодарность и преданность, каких вы не встретите у самых добродетельных девиц. О,

Риккарди умеют и любить, и ненавидеть, и выбирать... Когда я звала вас, то ожидала встретить юношу, но вижу перед собой мужчину, молодого, но уже полного мощи! Разве эта глупая телочка Лоренца, привыкшая к нарядным итлийским кавалерам, оценит вас по достоинству? Да, она способна стать радостью в постели! Но пойдет ли она рядом с вами через любые бури? Полюбит ли Дорвенант и станет ли заботиться о нем?

Она склонилась к нему через стол, и Аластор облизал пересохшие губы, глядя в черное пламя глаз Беатрис.

- Жениться на вас? Разве... это возможно?! Вы же... моя мачеха...

Слово с трудом сорвалось с непослушных губ, и Беатрис покачала головой.

- Нет, — мягко возразила она. - Я стала бы вашей мачехой, если бы Малкольм вас признал. Но этот трус... Он отказался от вашей матери и от такого сына, глупец! Этот человек никогда не умел любить своих детей по-настоящему. Вас он бросил, а моих сыновей испортил вседозволенностью. О, мои бедные мальчишки... Но я вам не родственница ни по крови, ни по браку! Вы получили титул принца Дорвенна, это правда, но даже сейчас формально не являетесь сыном Малкольма! И к нашему браку решительно нет никаких препятствий. О да, будет страшный скандал! Но самые громкие крикуны прикусят языки, когда на одну чашу весов ляжет разорение Дорвенанта, а на другую - его процветание... К тому же короли на то и короли, чтобы их нельзя было судить по меркам обычных людей.

- Но зачем вам этот брак? Неужели вы настолько хотите остаться королевой? Сохранить трон любой ценой? - вырвалось у Аластора прежде, чем он успел спохватиться, что с дамами так не разговаривают. - Ваше величество... Беатрис... — поспешно добавил он, пытаясь загладить невольную грубость и с ужасом понимая, что так стало еще хуже.

Да что такого в этой женщине, что рядом с ней он чувствует себя совершенно неотесанным провинциалом?! И еще глупым мальчишкой, чья кровь вот-вот разорвет жилы, потому что ее гонит бешено стучащее сердце.

Но королева, к его безмерному удивлению, и не подумала рассердиться.

- Трон разоренного Дорвенанта, — вздохнула она. - Истерзанного сначала войной, потом демонами, а в промежутке - собственными лордами... Нет, ваше величество, мне не нужен этот трон. Мне нужны мои живые счастливые дочери.

- Дочери? - беспомощно переспросил Аластор, не в силах понять, о чем она говорит. То есть как раз понятно, о чем - любая мать хочет лучшего для своих дочерей, но ведь принцессам ничего не грозит? Или грозит?.. Почему они могут стать несчастными или даже умереть? А может быть, королева просто повредила рассудком, не перенесла потери сыновей?

- Мои дочери не принадлежат к благородному роду Дорвеннов, — уронила Беатрис так просто, что Аластор не сразу понял, о чем она.

Не принадлежат к роду? То есть она сознается в таком... таком... Это просто не может быть правдой! И неправдой тоже не может - зачем ей возводить на себя такую страшную клевету?! Она ведь могла бы ничего ему не говорить, так зачем же?!

- У вас такое чудесно выразительное лицо, ваше величество, — слабо улыбнулась королева. - Что ж, я отвечу, хоть вы и не спросили... Моему ныне покойному супругу случалось называть меня гадиной и шлюхой, но никогда - дурой. Зачем скрывать то, что и без того ведомо слишком многим? О моих девочках известно лорду Аранвену, и он милосердно и предусмотрительно берег мою тайну много лет, но не допустит, чтобы на трон Дорвенанта села одна из них. О, конечно же, он прав, да я и не стремлюсь к этому! О них знает лорд Бастельеро - а ради Дорвенанта он способен на что угодно. Так что вы все равно узнали бы мою тайну - и навсегда уверились, что не можете мне доверять, а я не хочу этого, понимаете?

Аластор кивнул, с ужасом ощущая, как у него все сильнее горят щеки, и как жар разливается ниже, на шею. Шлюхой и гадиной? Называть так собственную жену, мать своих же сыновей? Да ведь это... это все равно, что Всеблагую оскорбить! И самого себя тоже!

- Почему вы... — начал он нерешительно и умолк, поняв, что ни за что не сможет задать вопрос, застрявший в горле тяжелым гадким комком.

- Изменила его величеству Малкольму? - уточнила королева, и Аластор кивнул, стыдясь самого себя.

Беатрис со вздохом покачала головой.

- Я не знаю, чего вы от меня ждете, — тихо уронила она в тревожную густую тишину комнаты. - Раскаяния? Объяснения, что мне хотелось хоть ненадолго почувствовать себя не гарантом договора, не кошелем, в котором не переводится итлийское золото - а просто... просто Беатрис? Нежной Беатрис, желанной Беатрис, если уж стать любимой мне не удалось? Или позорного рассказа, что его величество приходил ко мне только до рождения наших сыновей и лишь в те дни, которые ему указывал придворный медик? И даже тогда в темноте нашей спальни он приказывал мне молчать и называл меня Джанет? Что после рождения Кристиана он ни разу не притронулся ко мне как к супруге, а у итлийцев горячая кровь? Что отказывал мне даже в уважении? Нет, мой прекрасный и юный король. Я не скажу ничего из этого. Кроме одного: я люблю моих дочерей, и до тех пор, пока я остаюсь королевой, никто не посмеет сказать, что они не Дорвенны. Иначе моих девочек в лучшем случае ждет судьба непризнанных бастардов неизвестного отца, а они не виноваты в моих грехах! А в худшем... - Она осеклась, и ее смуглое лицо залила страшная мучительная бледность. - Нет... - прошептала королева. - Я не допущу. Я просто не могу этого допустить!

- Допустить чего? - выдохнул Аластор.

- Их смерти, — почти беззвучно отозвалась Беатрис. - Если вы женитесь на Лоренце Пьячченца, мне с дочерьми останется только бежать в Итлию и на коленях умолять отца принять нас, беспомощных и опозоренных. Потому что Пьячченца не станут делить ваше наследство с моими девочками и убьют их вместе со мной. Это будет болезнь или несчастный случай, вы никогда ничего даже не узнаете! Но даже если нет... если я останусь вдовствующей королевой, а они законными принцессами, нам придется всю жизнь провести в ужасе перед разоблачением. Достаточно кому-то из лордов потребовать нового ритуала подтверждения крови, и мои дочери... О, ваше величество! Просто представьте на миг, что вашу мать никто не взял бы замуж? Что никто не помог бы ей, брошенной Малкольмом, избежать позора?! Какая судьба ждала бы ее и вас? Участь отверженных... Непризнанный бастард - это страшные слова в Дорвенанте...

«Страшные, — молча согласился Аластор. - И она права, если бы не лорд Себастьян, который воспитал меня родным сыном, а матушку уважал и чтит... Разве я не пойму отчаяние женщины, которая молит меня о милосердии даже не к ней, к ее детям... Девочки не виноваты, что их отец был подонком, а мать... однажды ошиблась. Точно так же, как и моя. Клянусь, теперь, когда я понимаю, что за человек был Малкольм, никогда не поставлю ей этого в вину!»

Беатрис смотрела на него с надеждой, и прозрачные капли слез дрожали в уголках ее глаз, прекрасных, как у юной девушки. Самая красивая женщина Дорвенанта просила его о помощи... Пережившая столько горя, отверженная тем же человеком, что использовал матушку и бросил самого Аластора... Она молчала, больше не в силах просить, но ей и не нужно было! Аластор уже открыл рот, чтобы ответить, утешить, пообещать, что все будет так, как она предложила...

- Матушка! Матушка! - раздался звонкий детский голос, почему-то раздвоившийся, и следом послышался топот, который Аластор сразу вспомнил и опознал.

Вот именно так носится пара девчонок в нарядных туфельках!

- Матушка! - завопили девочки, влетая в комнату, а Аластор увидел лицо Беатрис.

Растерянное, испуганное, словно обнажившее вдруг ее душу.

- Bambini... - прошептала она. - Кто вас пустил сюда? У меня важный разговор, мои дорогие!

Два маленьких пушечных ядра, одетых в траурные платья, но не черные, а темно-фиолетовые, врезались в нее с двух сторон и застыли. Увидев незнакомца, девчонки лет семи, худенькие и невысокие, разом спрятали мордашки в рукава матери, так что Аластор увидел только толстые черные косы, краешки смуглых щек и маленькие ушки.

- Мои извинения! - попыталась улыбнуться Беатрис, разом утратив пугающее Аластора величие, но вдруг став невероятно милой в материнском смущении. - Алиенора, Береника, вы позорите меня перед гостем! Простите, ваше величество...

- Вам незачем извиняться! - выпалил Аластор. - Я все равно должен был познакомиться со своими...

Сестрами? По отцу - да, несомненно! Но если он станет мужем их матери, как объяснить девочкам, что он им и брат, и отчим? Или не отчим, а просто брат?! Ох, голова идет кругом!

- Могу я выразить свое восхищение самым прекрасным леди Дорвенанта? - церемонно спросил он, радуясь, что хоть в этом от учебника этикета есть какая-то польза.

Глаза Беатрис удивленно блеснули, а одна из девчонок чуть повернула личико, и к уху, едва не вытянувшемуся в сторону Аластора, как у Перлюрена, добавился любопытный черный круглый глаз.

- Как вам не стыдно, девочки, — укоризненно произнесла Беатрис и встала из кресла. - Поприветствуйте гостя.

Девчонки потянулись за ней, но одна почти совсем спряталась за мать, а вторая все чаще и увереннее поглядывала на Аластора, постепенно поворачиваясь к нему лицом.

- Матушка, Береника хочет кататься на пони, — сказала она. - Только она с него падает...

- У вас есть пони? - уточнил Аластор. - И такие взрослые леди неуверенно держатся в седле? Это обязательно нужно исправить. А вы мне его покажете?

Алиенора окончательно оторвалась от материнского рукава и воззрилась на Аластора с восторгом и изумлением. Лицо же Беатрис было... странным. Словно она сама не верила в то, что происходит на ее глазах.

- Показать вам пони, милорд? - недоверчиво уточнила девчонка. - Правда?

- Я бы очень хотел, — признался Аластор. - Понимаете, миледи, у меня никогда не было пони. Сразу только взрослая лошадь! И я бы с удовольствием посмотрел на вашего.

- Матушка, можно? Можно, матушка? - взвизгнула Алиенора, и Беатрис умоляюще поглядела на Аластора, а затем неуверенно кивнула.

- Если... если милорду интересно... — прошелестела она.

- Очень, — заверил Аластор, наконец-то чувствуя хоть какую-то опору и уверенность. - Позвольте представиться, миледи Алиенора, я лорд Аластор, ваш... брат.

Объяснять все прочее он разумно и чуточку трусливо предоставил Беатрис.

- Бра-а-ат? - с сомнением протянула девчонка. - Настоящий? Как Криспин и Кристиан?

И сморщила нос, будто собираясь расплакаться.

- Настоящий, — заверил ее Аластор. - А хотите, я покатаю вас на плечах вместо пони? Спорим, он не знает столько аллюров, сколько знаю я?

Наклонился и протянул руку, словно пугливому жеребенку. Алиенора сделала несколько шагов и кинулась к нему в объятия. Аластор подхватил ее и посадил на плечо, придерживая за ноги, обтянутые длинным фиолетовым подолом. Девчонка восторженно взвизгнула и показала язык сестре, а лицо Беатрис стало совсем уж непонятным.

- Ваше величество... Беатрис... — сказал Аластор, глядя ей в глаза. - До коронации всего три дня. Вы согласны провести венчание как можно скорее? Лучше всего вместе с коронацией?

- Что?Я... Ода!

- Тогда вам придется взять все заботы на себя, — предупредил Аластор. - Я ничего в этом не понимаю! И нужно сообщить его светлости Аранвену.

- Это... я тоже могу сделать сама, — прошептала Беатрис. - Да, конечно, я все устрою!

Вторая девчонка снова выглянула из-за нее и сердито посмотрела на счастливую сестру.

- Это лучше пони! - ликующе сообщила Алиенора, не смущаясь, что ее туфельки задевают камзол Аластора. - Береника - трусишка! Иго-го!

- Иго-го! - весьма искусно отозвался Аластор, согласившись с тем, что он точно лучше пони. И снова обратился к Беатрис, краем глаза наблюдая, как Береника медленно отрывается от матери и неуверенно крадется к нему: — Ноу меня одно условие. И я очень прошу вас отнестись к нему серьезно.

- Слушаю?

Беатрис напряженно взглянула на него, потом посмотрела на совершенно счастливую Алиенору и по чуть-чуть продвигающуюся к цели Беренику.

- Я хочу, чтобы наш брак некоторое время был белым, — сказал Аластор. - Хотя бы полгода, пока мы оба в глубоком трауре. Миледи, вы... вы прекрасны! Но я не могу так сразу... Я слишком привык думать о вас иначе.

- Я понимаю, — прошептала Беатрис. - Это так благородно... Да, мне тоже нужно время. Вы берете меня замуж, чтобы защитить меня и моих детей. Клянусь, я всегда буду благодарна за это! Что-нибудь еще?

- А, да! - вспомнил Аластор и выругал себя, что едва не забыл. - Наемник Фарелли, которого вы прислали беречь мою жизнь. Он показал себя умелым и верным человеком. Скажите, я... могу перекупить у вас его контракт?

- Лучано Фарелли полностью в вашем распоряжении, — с облегчением улыбнулась Беатрис. - Об этом и говорить не стоит!

Береника подобралась к Аластору и крепко взяла его за руку, вцепившись тонкими, но крепкими пальчиками. Беатрис посмотрела на нее с изумлением, а Алиенора снова заболтала ногами и хозяйски обняла Аластора за шею.

- Мы идем смотреть пони! - объявила она с уверенностью любимого ребенка и принцессы разом. - То есть едем! И-го-го!

- А так можно? - вдруг тихо спросила Береника. - Кататься на людях, это же неприлично... Нам разрешат пройти на конюшню в таком виде?

- Хотел бы я посмотреть, кто осмелится нам запретить, — беззаботно и с полной уверенностью сообщил Аластор. - И-го-го, миледи!

И вышел из гостиной королевы, унося одну принцессу на плече и уводя другую за руку, провожаемый сначала взглядом Беатрис, потом откровенным ужасом ее секретаря.

***

В коридоре Аластора встретила стайка из четырех девушек и седовласой дамы, высокой, сухопарой и с пронзительным взглядом. Молниеносно окинув этим взглядом и самого Аластора, и притихших девочек, она присела в реверансе, придерживая подол траурного черного платья, и чопорно сообщила:

- Прошу прощения, что вынуждена представляться сама, ваше высочество. Миранда, леди Мэрли, старшая воспитательница их высочеств Алиеноры и Береники. А это фрейлины их высочеств, юные леди Сазерленд, леди Эмерик, леди Норвик и леди Гранде.

Девушки, скромно одетые в разные оттенки лилового, как и положено в трауре, тоже сделали низкий реверанс и замерли в нем.

- Счастлив знакомству, миледи, — отозвался Аластор, почтительно кивнув. - Простите, что не могу ответить глубоким поклоном, как должно.

Леди Мэрли с достоинством выпрямилась, и только тогда девушки последовали ее примеру и тоже встали, слаженно, как солдаты под руководством строгого офицера. На Аластора они не смотрели, только одна, стройная блондинка, позволила себе бросить быстрый взгляд, но тут же опустила глаза.

«Сазерленд, — распознал Аластор фамильную масть этого рода. - Понятно, почему она смелее остальных. И... что мне делать?»

- Мы идем на конюшню! - словно отвечая на его вопрос, заявила Алиенора, беспокойно подпрыгнув на плече Аластора.

Береника промолчала, только чуть сильнее стиснула его пальцы теплой ладошкой.

- Ваши высочества...

Тонкие брови леди Мэрли изумленно поползли вверх, она возмущенно глянула на Алиенору, но Аластор поспешно подтвердил, стараясь отогнать невольную робость перед строгой дамой:

- Совершенно верно, миледи. Их высочества обещали показать мне пони. Не будете ли вы столь любезны проводить нас?

Краем глаза он заметил, что рядом появился Лучано, безмолвный и почтительный, как положено вышколенному слуге.

Несколько мгновений леди Мэрли пораженно рассматривала Аластора и принцесс, потом холодно согласилась:

- Как пожелаете, ваше высочество. Простите, возможно, вам будет удобнее, если их высочество

Алиенора спустится?

- Мне вполне удобно и так, — заверил ее Аластор.

Ответом ему были поджатые тонкие губы, зато Алиенора снова подпрыгнула на его плече от восторга и крепче обняла его за шею.

Снова зашуршали в реверансе платья фрейлин и почтенной дамы, а потом леди Мэрли величественно поплыла впереди, словно флагман, указывающий дорогу остальному флоту. Аластор зашагал следом, Лу тенью держался позади и немного слева, а девицы замыкали процессию, даже не перешептываясь, только слышался стук их каблучков и шелест юбок.

«А ведь где-то здесь во дворце и мои сестры, — кольнуло Аластора. - Только они фрейлины самой королевы. А теперь, получается, станут... сестрами короля? Вот восторга будет...»

Думать о Мэнди и Лоррейн оказалось неприятно, Аластор слишком хорошо помнил, как их болтливость едва все не погубила. Кому, интересно, сестрицы поспешили выболтать новость об отъезде брата, что она молниеносно достигла ушей лорда-протектора? Впрочем, какая теперь разница? Если бы лорд Кастельмаро их тогда захватил... Ну почему эти дурочки не выполнили приказ матушки и просто не помолчали немного?!

Теперь их встречали и провожали даже более удивленными взглядами, попросту пораженными. Аластор чувствовал себя диковинным зверем, которого за деньги показывают на ярмарке, это злило и заставляло напрягаться. Но Лу прав, нужно привыкать. И всегда помнить, что смущаться следует не ему, а остальным!

Следуя за леди Мэрли, он прошел парадную часть дворца и вышел на задний двор, с другой стороны которого располагались конюшни, кузница, каретные сараи и прочие необходимые службы. Прислуга, завидев их процессию, разбежалась, но вскоре навстречу торопливо вышел немолодой человек в темно-красной ливрее. Леди Мэрли плавно замедлила шаг, развернулась к Аластору и сообщила:

- Главный конюх, если угодно его высочеству.

- Прекрасно! - с облегчением выдохнул Аластор. - Благодарю, миледи! Эй, милейший, вас-то мне и нужно!

«Как я смогу привыкнуть к этому? - снова мелькнуло в сознании. - Столько людей, на первый взгляд незначительных, но я-то знаю, что они необходимы! Хороший хозяин знает каждого конюшонка, истопника или угольщика в своем поместье, но разве король может помнить всех?! Я обязательно найду время подумать и об этом...»

Следующий час пролетел под залиvistый смех Алиеноры, топот копыт, испуганные аханья фрейлин и негромкие холодные замечания леди Мэрли, которая уже не пыталась указывать Аластору, но следила за остальными подопечными, словно коршун за цыплятами, подмечая каждое неосторожное движение девиц.

Пони оказался тупым и упрямым, и Аластор сказал конюху, что велит прислать из поместья Вальдеронов пару прекрасно выезженных старых кобыл, на которых учились Мэнди и Лоррейн. Конюх, успевший возненавидеть дурную низкорослую скотинку, принялся кланяться с истовой благодарностью, а девчонки пришли в полнейший восторг, даже Береника заулыбалась и робко уточнила, правда ли у нее будет собственная лошадь? И действительно ли эта лошадь не станет показывать зубы, фыркать и стучать копытом?

- Ни в коем случае, — заверил ее Аластор. - Звездочка и Капля — очень добрые и благовоспитанные лошади, они ни за что не позволят себе такого неприличного поведения. Особенно если вы угостите их яблоками с морковью и постараетесь подружиться.

- Прощу прощения, но их высочества еще слишком юны, — тем же холодным тоном заметила леди Мэрли, брезгливо подбирая подол платья, к которому пони проявил слишком большой интерес. - Им будет трудно держаться в дамском седле на такой высоте.

- Никаких дамских седел, — решительно отозвался Аластор. - Они портят посадку, и переучиваться потом куда сложнее. Да и вылететь из такого седла легче. Их высочествам лучше ездить в обычном мужском седле на спокойной лошади, чем бояться этого кусачего мохнатого болвана.

И он щелкнул по носу пони, спасая от него подол почтенной дамы.

- Полагаю, вам лучше поговорить об этом с ее величеством, — кисло ответила леди Мэрли, снова приседая в реверансе. - А сейчас моих воспитанниц ждут на занятиях.

- Не хочу на занятия! - взвизгнула Алиенора. - Хочу еще кататься! Ненавижу фраганский язык!

- В самом деле? - удивился Аластор. - А мне он так нравится! Мы с моим наставником разговариваем исключительно по-фрагански, и он рассказывает изумительно интересные истории о дворе Люрье. Как жаль, что вы не сможете присоединиться к нашим разговорам. Ведь некоторые фраганские шутки по-дорвенантски звучат совсем не так весело.

- А я люблю фраганский язык, — снова неожиданно подала голос Береника. - Вы сможете поговорить со мной, милорд... И если Алиенора что-то не поймет, я ей расскажу.

Алиенора возмущенно округлила глаза, окинула взглядом Аластора, затем сестру, топнула ногой, совсем как норовистый пони, и выпалила:

- Миледи Мэрли, пойдемте скорее на урок, будьте так добры!

- Благодарю, ваше высочество...

Леди Мэрли снова сделала реверанс, который повторили остальные фрейлины, и Аластору показалось, что на этот раз почтенная дама скрывает облегчение.

Когда фрейлины увели девочек, окружив их и напоминая издали лиловое облако, Лучано негромко сказал, рассеянно почесывая за ухом присмирившего пони:

- Ну что ж, теперь одна принцесса перестанет бояться лошадей, а вторая полюбит уроки фраганского. Вы умеете обращаться с юными девицами, грандсиньор.

- Мы одни, — сказал Аластор. - С чего это я снова стал грандсиньором?

- О, прости, задумался... — улыбнулся Лу, но Аластору почудилась в нем прежняя напряженность, как до поездки во дворец. - Возвращаемся в Академию?

- Нет, поедem на ужин к моим родителям, — решил Аластор. - Я должен сообщить им кое-что... очень важное... Лу, я решил жениться. На ее величестве Беатрис.

- Мои поздравления, — отозвался Лучано совсем уж бесцветно, делая вид, что нет ничего интереснее пони, стоявшего между ними. - Это очень мудро с твоей стороны.

- Да что не так? - не выдержал Аластор. - Что ты от меня глаза прячешь? Я чего-то не знаю? Снова?

- Все мы порой чего-то не знаем. - Итлиец пожал плечами и кривовато усмехнулся. — Но брак и вправду чрезвычайно выгодный. Альс, я всей душой желаю тебе счастья. Полагаю, ваш ужин - дело семейное...

- Отец и матушка приглашали тебя в гости, — напомнил Аластор. - Можешь, конечно, не ехать, но мне было бы приятно. И им тоже. Там не будет никого постороннего, — сказал он, решив, что Лучано просто смущается визита в дворянский дом. - Только мои родители и месьор д'Альбрэ. Ну, еще могут приехать мои сестры. Они, кстати, тоже близняшки, как и принцессы.

- О, это многое объясняет, — улыбнулся Лучано уже спокойнее и теплее. - Что ж, навестить твою семью - это огромная честь!

Он снова замолчал и не сказал ни слова, пока они шли по дворцу. Лишь когда сели в карету, негромко заметил:

- Ты еще не король, но, может, пора ездить с охраной? Хотя бы несколько человек на всякий случай, м?

- Дай хоть последние дни пожить спокойно, — буркнул Аластор, чувствуя, как стремительно портится настроение при мысли, что придется начинать совсем новую жизнь. - Как представлю, что скоро начнется... Слуги, придворные, этикет заново учить... Кстати, об охране! Я попросил ее величество тебя отпустить. То есть не совсем отпустить. Ты теперь при мне... если сам захочешь этого, — добавил он, смешавшись.

Лучано смотрел в окно кареты, за которым виднелась улица, освещенная багряно-золотыми закатными лучами. Серый камень домов будто потеплел в этом торжественном сиянии, а лицо итлийца было похоже на медаль из старого золота, где чеканный профиль слегка потемнел на светлом фоне. Аластор смутился еще больше, глядя на эти неподвижные черты, словно его друг превратился в полного незнакомца.

- Лу, если хочешь вернуться в Итлию, — сказал он решительно, не собираясь оставлять между ними недомолвки, — я тебя отпущу сразу после коронации. Не знаю, что тебе причитается по контракту с королевой, но от меня ты тоже получишь награду. Погоди! - заторопился он, видя, что итлие

обернулся от окна стремительным резким движением и хочет что-то сказать. - Наша дружба тут ни при чем. Ты оказал услугу всему Дорвенанту, вот его король тебя и наградит. Но это не значит, что мы перестанем быть друзьями. Я... Мне очень нужен рядом такой человек, как ты. Способный сказать правду, понимаешь? Тот, кому я смогу доверять. Так что сам решай. Захочешь уехать - я держать против воли не стану. Останешься... Буду рад и благодарен. Ну, а с новым контрактом придумаем что-нибудь!

- С новым контрактом... — тихим и снова очень напряженным эхом отозвался Лучано. - Что ж, если ее величество была так великодушна... Скажи, Альс, а она объяснила, что именно этот контракт означает? И с какой он гильдией?

- Нет... Я думал, это твой личный найм, — растерялся Аластор. - Что за гильдия у наемников? Или ты о торговом доме? Этом, как его... У которого различные интересы... Он существует?

- О, еще как существует, — одними губами слегка улыбнулся Лучано, взгляд остался холодным и каким-то очень тоскливым. - Что ж, тогда я объясню. Только прикажи кучеру, чтобы не торопился. Возможно, к концу разговора ты передумаешь везти меня в дом своих родителей.

- Не передумаю, — буркнул Аластор.

Лучано снова пожал плечами и уронил негромко, но очень четко:

- Помнишь, когда мы разговаривали о парадоксе Керуа, я рассказывал про улицы, где живут грандмастера Шипов? Точнее, Шипы Претемных Садов, так они называют себя полностью. Торговый дом Скрабацца - лишь одно из многих прикрытий, на самом деле это наемные убийцы. К ним приходят мужья и жены, которым опостытели супруги, придворные соперники, конкуренты в торговых делах, ревнивые рогоносцы... Да мало ли на свете людей, готовых заплатить, чтобы кто-то умер? Шипы принимают заказ, берут плату - немалую! - и ты можешь быть уверен, что твоего врага убьют, причем именно так, как ты пожелаешь. За мучения или сказанные перед смертью слова - особая доплата. Шипов боится вся Итлия, Альс. Любой мальчишка знает, что это...

Он сунул руку за отворот камзола, помедлил несколько мгновений и протянул что-то на ладони. Простое тонкое кольцо из темного металла и без камня, только с утолщением, в котором Аластор разглядел бутон розы. А само кольцо искусно изображало шипастый стебель без листьев.

- Что это?

- Знак младшего мастера гильдии, — отозвался Лучано. - Что-то вроде офицера в армии... Альс, я не обычный наемник, я Шип. Убийца, понимаешь? Мастер ядов и ножа. У меня нет ни чести, ни правил, только приказы старших мастеров. Гильдия послала меня, чтобы исполнить любой приказ ее величества, но лучше всего я умею убивать. Меня для этого растили и воспитывали с детства.

Он снова сунул кольцо за отворот камзола, и Аластор, оглушенный, пораженный, разом вспомнил столько всего! Ядовитые грибы и всяческие специи, в которых итлиец так прекрасно разбирался! И его мелкие обмолвки... Изумительный нюх... Непредставимая ловкость в обращении с ножом! Лекарства в сумке... И...

- Ты поэтому чтить Претемную Госпожу, а не Пресветлого Воина, да? - выдохнул он, и Лучано молча кивнул. - То есть... все твои рассказы - ложь?! Как ты убил первого человека в шестнадцать лет... И про мастера, что тебя воспитывал...

- Не все, — прошелестел Лучано тем же бесцветным тоном, который Аластор у него слышал в начале разговора. - В шестнадцать я и правда убивал каких-то бандитов. Обычное дело, часть обучения. Нас выпускали на улицы... Так щенков натаскивают на кровь. Я изображал то приказчика, посланного с поручением, то пажа из благородного дома, то шлюху, идущую от клиента... Такая учеба, понимаешь? Сначала прикинуться кем-то, чтобы тебя захотели ограбить, заставить поверить в эту маску, а потом убить самому. Но это было после... Если тебе действительно интересно, то впервые я убил в десять лет. Своего первого наставника. Еще в казармах, когда только попал в них после детского приюта.

- За что?! - поразился Аластор, едва веря своим ушам.

- Он меня изнасиловал, — бесстрастно отозвался Лучано. - Редкостной тварью был, даже для Шипа. Меня после этого должны были убить - нельзя поднимать руку на мастеров, что бы они с тобой ни делали. Но грандмастер Ларци, один из глав гильдии, забрал меня из казармы в свой дом. О, нет! Не для этого! Он сделал меня личным учеником, воспитывал... И был очень добр, как никто и никогда... Почти никто...

Аластор сквозь ужас и омерзение вспомнил веселый рассказ о котах и артефактном ларе, о порке, заданной упрямому мальчишке, еще о каких-то пустяках и шалостях из чужой жизни, немного странной, но вполне понятной... Все, что он знал и думал о Лучано, на глазах рассыпалось прахом

или оборачивалось пугающей отвратительной стороной, словно оборотень из жутких сказок.

Итлиеэ понимающе улыбнулся уголками губ и почти издевательски поинтересовался:

- Что тебе еще рассказать, друг мой Альс? Что ты хочешь узнать о человеке, с которым делил котелок и палатку? Которого подпустил к себе... Слишком близко подпустил, да?

Горячая волна гнева поднялась изнутри, захлестнула, застучала в ушах бешено забившимся сердцем. Аластор стиснул кулаки - злость требовала ударить, размазать, разбить наглую смазливую рожу подлого лжеца. Убийца! Тварь без чести и совести! Ползучая гадина...

Багровый туман уже застилал глаза, Аластор замер, откуда-то зная, что итлиеэ тоже чувствует его гнев. И... ничего не делает. Не просит, не объясняет, не готовится ударить в ответ... Просто ждет.

«Наемный убийца! - повторил он снова самому себе. - А я... я звал его другом!»

«Звал, — согласился внутренний голос. - А ты помнишь почему? Он спас тебя и Айлин от Денвера. С простым ножом кинулся на могущественного мага! А потом добивал кадавра вместе с вами. Он прикрыл тебя от демона. Он таскал вместе с тобой трупы в той деревне! Ты вытащил его из реки, а он не дал Айлин накормить тебя поганками... Да, ему за это заплатят... Но покойникам плата не нужна, а на холме он должен был погибнуть вместе с тобой, но остался, хотя мог уйти! Можешь думать о нем, что хочешь, но тебя он никогда не предавал. И какое право имеешь судить его ты, родившийся у любящих отца и матери, всегда живший в достатке, уважении и заботе? Ты назвал другом человека, который спасал тебя от смерти, шел с тобой в бой и делил последний сухарь. Но... разве в этом что-то изменилось?»

«И все-таки он убийца», — возразил сам себе Аластор.

Лучано смотрел на него понимающе и грустно, по-прежнему не шевелясь, и Аластор выдавил, чтобы сказать хоть что-нибудь:

- Зачем? Какой смысл... нанимать для охраны именно убийцу?

- Я тоже удивился, — кивнул итлиеэ. - Но если подумать... кого еще? Не гуардо же посылать. Да и обычный наемник не смог бы к вам подобраться, ты бы просто ему не поверил. К тому же Беатрис - итлийка, она с детства знает, если хочешь устроить деликатное дело тихо и надежно, иди к Шипам. У нас лучшие яды и лекарства, лучшие палачи и шпионы. И кто понимает в охране больше убийцы, который привык через эту охрану проходить? - Он замаялся, только глаза блеснули в полумраке опустившихся сумерек, и ровно добавил: — Я думаю, у нее были и другие... цели. Королева очень беспокоилась... о своем положении при дворе.

Что-то настойчиво крутилось в сознании Аластора. Не имеющее отношения к чудовищным признаниям Лу, но важное. Именно про Беатрис, убийства...

- Пьячченца! - вспомнил Аластор. - Ты их знаешь?

Лу вскинулся, напрягся, его пальцы скользнули под манжет нарядного рукава камзола... У него что, уже и там нож?!

- Знаю, конечно! — бросил он. - Причем тут Пьячченца?! Этих только не хватало...

В его тоне, утратившем равнодушие, звучала брезгливая опаска.

- Прежний король хотел женить наследника на девушке из Пьячченца, — объяснил Аластор. - Беатрис боялась...

- Идиотто! - выдохнул Лу с ужасом. - О, прости... Но как еще назвать человека, который сам решил пустить Пьячченца в свой дом? Знаю ли я их? Все знают! Это... хуже Риккарди! Гораздо хуже!

- Ну, благодарю... — усмехнулся Аластор.

- Ты не понимаешь, — подался вперед Лучано. - Риккарди - страшные люди, не дай Благие стать их врагом. Но... они держат обещания. С ними можно договариваться. Пьячченца - жадные лживые твари. У них не просто руки по локоть в крови, как у Риккарди, они в ней купаются, причем с наслаждением! О, если Беатрис опасалась Пьячченца... Тогда не странно, что она купила услуги Шипа. Странно, что всего лишь одного.

- Понятно, — кивнул Аластор, немного опешив от горячности Лу. - Она хотела защитить себя...

- Себя и дочерей, — уточнил Лу с полной убежденностью. - Там, куда приходят Пьячченца, не остается никого, кто им мешает. А Беатрис еще как мешала бы... Впрочем... — Он опомнился и снова улыбнулся кривой холодной усмешкой. - Это не мое дело, м? Кстати, мы все еще едем в дом

твоих родителей. Ты не хочешь приказать кучеру остановиться, а мне - выйти?

Аластор набрал воздуха, еще не придумав, что скажет, но Лучано заговорил снова, глянув на него лихорадочно блестящими глазами:

- Я ведь предупреждал, что ты не знаешь, кого зовешь другом. Но это неважно. Все, что было в том походе, там и осталось. Альс... То есть грандсиньор... Я никогда не посмею напомнить...

- Так ты хочешь уехать или нет? - спросил Аластор, злясь, но уже как-то иначе.

Баргот его подери, этого итлийского кошака! Не мог раньше признаться... Когда их ничто не связывало, и Апастору в голову не пришло бы предложить дружбу убийце.

- Какая разница? - тускло ответил итлиец, опять отворачиваясь к окну. - Это не мне решать. Захочешь продлить договор с гильдией, останусь. Нет - уеду. А можешь потребовать другого Шипа, это допускается.

- Да Баргота тебе в печенку, Лу! - рявкнул Аластор. - Я тебя спрашиваю, а не себя! И еще раз назовешь меня грандсиньором наедине... Да, я понял, кто ты. Да, я дурак. Но... А в Дорвенанте ты успел убить кого-нибудь? - пришла ему в голову очень неприятная мысль.

- Да, — отозвался Лучано. - Трех разбойников, пока вас догонял. Ну и того мерзкого синьора-мага.

Пару мгновений Аластор смотрел на него, не понимая, о ком идет речь. Мерзкий маг? Бастельеро сегодня приходил и был живехонек... Потом понял, что речь о мэтре Денвере, и выдохнул:

- Ну и хвала Претемной. За это не казнить, а награждать надо! А то... что было в Итлии... Пусть итлийские власти об этом и думают. Здесь ты кого-нибудь собираешься убить без моего приказа?

- С какой стати? - искренне удивился Лучано. - Бесплатно? Ну, если только сам буду защищаться...

- Вот! - выдохнул Аластор. - Значит, остаешься?

- Альс... — помолчав, обреченно сказал итлиец. - Ты сумасшедший... И я тоже - идиотто. Но да, я остаюсь. Пока не прогонишь. Ты не забыл, что я простолюдин? Причем развратный, наглый, болтливый...

- И держишь енота, — закончил Аластор, у которого с души упала глыба величиной с целый столичный храм Семи Благих. - Мне еще тогда следовало все понять, когда ты начал защищать эту мелкую барготову тварь. Просто не вздумай кого-нибудь убить без моего приказа. А то, что было в Итлии... пусть там и остается.

- Как скажешь, Альс, — склонил голову Лу, снова блеснув глазами.

...В особняке Вальдеронов их встретили с радостью. Правда, семья уже успела поужинать, но для Аластора и его спутника ужин подали заново, и все собрались за столом. Отец и месьор д'Альбрэ потягивали легкое арлезийское вино, матушка сама ухаживала за Лучано, который вел себя безупречно, Аластор даже позавидовал, с какой изысканной легкостью итлиец управляется со столовыми приборами. Это простолюдин-то! Впрочем, если он привык примерять чужие личины, то и дворянина должен уметь изобразить.

Пока Лу отвечал на вежливые расспросы и рассыпался в ответных любезностях, не забывая отдавать должное ужину, Аластор несколько раз ловил очень внимательные и задумчивые взгляды месьора д'Альбрэ на итлийца. Тот, словно не замечая интереса бретера, восхищался кухней Вальдеронов и подбором вин, потом речь зашла о лошадях.

- Искра погибла, — мрачно сказал Аластор. - В самом последнем бою... Лу тоже потерял одну из своих кобыл. А я теперь и не знаю, как взять новую лошадь под седло. Она была такая... Никто с ней не сравнится.

Все сочувственно посмотрели на него, а отец вздохнул.

- Я знаю, мой мальчик, — сказал он. - Тяжело терять верного друга. Но она прожила прекрасную жизнь и ушла с честью. Я недавно забрал из наших конюшен Огонька, помнишь его?

Еще бы Аластор не помнил! Искру он выезжал под себя, и часто жеребиться ей не давали. Первые два раза она принесла кобылок, неплохих, но ничем особенно не выдающихся, несмотря на тщательный подбор жеребца. А вот в третий раз, который оказался последним, Аластор ее свел с арлезийцем, Искра понесла, но ходила с плодом очень тяжело. Отец даже звал к ней целителя, словно к человеку! Когда пришло время жеребиться, она и вовсе словно взбесилась, никого к себе не подпуская. Конюх примчался прямо на урок фехтования, и месьор д'Альбрэ отпустил Аластора, который поспешил в конюшню.

Рослого, но слабого жеребенка он принял прямо на руки. Сам обтер, сам подпихнул к успокоившейся Искре... Отец качал головой, глядя на неуклюжего задохлика, который плохо сосал, но Аластор выпросил разрешение выпаивать его самому и целое лето возился с гнедым - в мать - жеребенком, от арлезийца унаследовавшим только рост и вредный упрямый характер. Потом Огонька вместе с другими жеребятами отправили на дальние пастбища... В разведение он не годился, и Аластор думал, что полукровку продали в очередной армейский набор. А выходит, нет? Как он мог забыть отпрыска Искры?!

- Отличный конь вырос, — подтвердил отец. - Просто на удивление. Норовистый, но тебя это никогда не пугало. Заберешь?

- Обязательно, — решил Аластор. - Только потом. Сначала посмотрю, какие во дворце конюшни, и сам выберу конюха.

Он поставил на стол стакан, глубоко вздохнул и сказал, чтобы не оттягивать неизбежное:

- Матушка, отец, мне нужно с вами поговорить. Месьор д'Альбрэ, Лу, я прошу прощения.

- О, разумеется! - откликнулся фраганец. - Я могу показать вашему гостю библиотеку?

Лучано, встав, поклонился хозяевам, затем - Апастору, и они с месьором вышли.

- Сын мой, твой разговор требует пройти в кабинет? - невозмутимо поинтересовался отец.

- Понятия не имею, где положено сообщать такие известия, — признался Аластор и словно прыгнул в глубокий омут. - Миледи матушка, милорд отец, сегодня я сделал предложение ее величеству Беатрис. И она... его приняла.

В столовой стало так тихо, что у Аластора перехватило дыхание. Замерев, он увидел, как матушка берет его стакан со стола, подносит к губам и пьет вино, словно воду.

- Джанет! - встревоженно окликнул ее отец.

- Ох, прости...

Слабо улыбнувшись и словно опомнившись, она поставила стакан обратно на стол и взглянула в лицо Апастору с твердостью, которой он раньше никогда в матушке не замечал.

- Сын мой, прошу, скажи мне правду. Чье это было решение? - прозвучал ее голос.

- Мое, миледи матушка, — склонил голову Аластор.

Внутри вдруг предательски что-то заныло, и подумалось, не слишком ли он поспешил? Да, итлийские деньги очень нужны Дорвенанту, а Беатрис - прекраснейшая женщина, о которой он, если не врать самому себе, долго грезил после того бала. То представлял, как случайно спасает ее на охоте, то мечтал, что на следующей войне превзойдет славой самого Бастельеро... Глупые мечты шестнадцатилетнего мальчишки, которых не хватило надолго. Но все-таки Беатрис Риккарди, королева и первая красавица государства, была его недостижимой сладкой мечтой, а сейчас она, такая желанная, сама упала в его объятия. Ну, почти упала! И все-таки... вдруг он ошибся? Что, если она не сможет его полюбить, и этот брак окажется для них обоих тягостным?

«Я решил, и я сам отвечаю за свои решения, — упрямо подумал Аластор. - В моих силах сделать все, чтобы заслужить ее уважение. Отец и матушка наверняка тоже начинали нелегко...»

- Это было мое решение, — сказал он твердо уже обоим. - Не буду скрывать, оно принадлежит больше рассудку, чем сердцу. Очень скоро мне придется отвечать за весь Дорвенант, и я обязан жениться в интересах королевства. Ее величество обещала помощь своей семье, это огромное благо в нынешних обстоятельствах.

- Мальчик мой, — мягко сказал ему отец. - Я горжусь твоей рассудительностью, но брак - это не только договор о взаимной выгоде. Подумай хорошенько, сможешь ли ты чувствовать к этой женщине столько уважения, чтобы ваши будущие дети всегда видели это? И сможет ли она подарить тебе этих детей?

- Сможет, - кивнул Аластор, стараясь говорить с уверенностью, которой не чувствовал. - Во всяком случае, препятствий для этого нет. Отец, матушка, я понимаю ваши сомнения, но Беатрис... Она чудесная! Умная, великодушная, терпеливая... Она столько страдала, но не разочаровалась в мужчинах и браке! Я уверен, у нас получится сделать друг друга счастливыми! И она такая... очаровательная! - выдохнул он, чувствуя, что безнадежно краснеет.

Посмотрел на задумчивого, слегка хмурого отца, на почему-то бледную матушку... Совесть въедливо напомнила, что Беатрис была соперницей матушки... Но ведь она этого не хотела! Их с Малкольмом

союз был устроен семьями, как и положено в королевских родах. А матушка нашла свое счастье с лордом Себастьяном Вальдероном, и уж этот брак прекрасен, как Аластору точно известно! Так зачем вспоминать прошлое?

Встав из-за стола, Аластор подошел к матушке, сидевшей рядом с отцом, встал на колени и, взяв ее руки в свои, попросил:

- Умоляю, забудьте старые обиды. Мне кажется... я уже люблю ее. И все, чего я хочу, это чтобы наша семья была такой же, как у вас. Дайте нам свое благословение! Матушка, отец! - обернулся он к лорду Себастьяну.

- Джанет? - тихо спросил тот. - Моя дорогая, это решение принимать не мне, а тебе.

- Мой сын говорит, что выбрал себе жену, — слабо улыбнулась матушка, и ее ладони дрогнули в руках Аластора. - Разве я могу осудить его выбор? Разве могу стать преградой на его пути к счастью? Дитя мое... — Ее голос дрогнул, но она склонилась и коснулась губами лба Аластора и тихо сказала: — Мое благословение всегда с тобой, милый. И если ты уверен, что тебе нужна именно эта женщина, что ж... Я буду молиться о вашем счастье больше, чем о своем собственном. Себастьян, дорогой, благослови нашего мальчика.

Отец, привстав, тоже поцеловал Аластора, стиснувшего зубы, чтобы не разреветься, окончательно опозорившись. Потом уронил руку ему на плечо и вздохнул:

- Все-таки идемте в кабинет. Сын мой, тебе понадобится достойный свадебный подарок. Я не думал, что ты преподнесешь его этой невесте, но... у меня и твоей матери есть то, что ты не постыдишься подарить даже Риккарди. Джанет, милая, ты ведь не против?

- Я никогда не устану благодарить Всеблагую, — снова слабо улыбнулась матушка. - У меня не только самый великодушный муж на свете, но и самый мудрый. Ты прав, они ждали именно этого часа.

- Они? - переспросил Аластор, но отец помог матушке подняться и уже вел ее к выходу из столовой.

В кабинете, усадив жену в кресло, лорд Себастьян открыл тайник с фамильными драгоценностями, достал небольшой резной ларец и поставил на стол так бережно, словно шкатулка была гадюкой, пригревшейся на солнце, разомлевшей, но готовой в любой момент впиться в ладонь ядовитыми клыками. Лицо матушки застыло в каменной неподвижности. Несколько мгновений она смотрела на резную крышку, затем медленно подняла ее, и в глаза Аластору брызнуло ослепительно-многоцветное сияние.

Моргнув, он присмотрелся внимательнее и глубоко вздохнул - на черном, как зимняя ночь, бархате переливались звезды - основной мотив драгоценного гарнитура невероятной работы. Ожерелье, парные браслеты, кольцо, серьги - их острые хищные лучи из такого светлого золота, что казались почти белыми, были сплошь усеяны бриллиантами и холодно и опасно вспыхивали, стоило камням поймать солнечный луч.

- Матушка... — пробормотал Аластор растерянно. - Отец? Я не видел этого... раньше...

В самом деле, почему матушка никогда не надевала такую красоту?!

Он тут же спохватился - где ей было надевать что-то подобное? В поместье? Даже не смешно! Хотя... она ведь ездила на балы и приемы, представляя дочерей. Но ни на том празднике в честь мэтра-командора, ни на свадьбе Мэнди с Лорри именно эти драгоценности не носила. А они ведь наверняка самые великолепные из ее украшений. Поистине королевские! Так почему?..

«Впрочем, матушке вряд ли пришлась бы к лицу эта роскошь, — подумал Аластор, снова рассматривая содержимое ларца. - У нее безупречный вкус! Матушке идет жемчуг, а еще - топазы и все, что подчеркивает ее мягкость. А это... Оно подходит совсем другой женщине...»

- Это подарок, — ответила матушка бесстрастно. - По случаю твоего рождения. Тогда же были присланы старинные вольфгардские секиры. А это... - Она скользнула взглядом по драгоценностям. - Этот гарнитур, известный как «Звезды Арлезы», принадлежал королеве Розаберте и был частью ее приданого... Его величество Малкольм решил, что «Звезды» — достойный подарок для матери его старшего сына, пусть и незаконнорожденного.

- Матери старшего сына?! - беспомощно переспросил Аластор, не в силах поверить.

Да чего же недоставало этому человеку - разума или чести?! Фамильные украшения, наследство своей собственной матери, он должен был подарить жене, ждущей его законного наследника, а не чужой супруге, пусть хоть трижды беременной! Ведь матушка тогда только вышла замуж, и любой другой муж мог бы - да что там, был просто обязан оскорбиться таким вниманием!

«А если и не оскорбиться, — упрямо подумал Аластор. - Мало, что ли, лордов, которым кошелек заменяет честь? А на эти бриллианты можно купить поместье не из худших, да еще остались бы деньги на обустройство! Нет сомнений, подарок приняли бы с радостью, вот только не забыли бы это жене. Да, отец великодушен и благороден, но рассчитывать на это король не мог! Да я готов поставить обе секиры против кочерги, его величество даже не подумал, что своим подарком рискует испортить жизнь бывшей возлюбленной! А... королева? Ее величество Беатрис? Легко ли ей было вынести такое пренебрежение? Притом, известное всем, не сам же король доставлял ларец? Пренебрежение, выказанное не только ей, но и ее ребенку, если вспомнить эти секиры, которые достались мне, а не старшему принцу! А она терпела, улыбалась, рожала детей... Да простит меня Всеблагая, теперь я и не подумаю осуждать королеву за то, что она завела любовника. Мужчина, не способный уважать жену, сам не заслуживает ни уважения, ни верности. Семеро, не дайте мне стать на него похожим!»

- Это... поистине драгоценный подарок, — сказал он беспомощно. - И теперь я понимаю, почему вы сказали, что он ждал своего часа. Отец, матушка...

- Главное, будь счастлив, мальчик мой, — сказал лорд Себастьян. - А я, да простит меня Всеблагая, никогда не перестану считать тебя своим сыном, будь ты хоть сто раз королем. Я привезу «Звезды Арлезы» перед коронацией и свадьбой, чтобы ты мог преподнести их невесте.

- Всеблагими клянусь! - выдохнул Аластор. - Пусть они меня покарают, если я когда-нибудь назовусь чьим-то сыном, кроме вас. И если боги подарят мне наследника, он будет носить ваше имя, милорд!

Великолепные арлезийские бриллианты снова холодно блеснули, будто подтверждая его слова, и матушка осторожно закрыла крышку.

- А мои секиры? - тихо спросил Аластор и тут же одернул себя - ну откуда отцу знать такие вещи? И вообще, можно ли узнать их теперь, после стольких лет, если не веков? Но молчать было бы глупо, и он ответил удивленному взгляду отца: — Вы сказали, что они из Вольфгарда. Я подумал, вдруг известно, кому они принадлежали? Я имею в виду, раньше! Сам понимаю, что едва ли, но вдруг...

Он вспомнил северян из трактира, которые сказали, что не могут узнать родовые знаки, заменяющие на Севере гербы. Слишком старые или слишком малоизвестные?

- Я показывал их Долгому Мартину, — задумчиво откликнулся отец. - И он сказал, что руны на лезвии гласят «Регки». Но, по его словам, этот род пресекся так давно, что теперь о них рассказывают легенды, больше похожие на страшные сказки. Вроде тех, что прародителем клана Регки был снежный дракон. А достоверно известно только, что последними в роду Регки были два брата - король Эрве и ведьмак Корее...

- Эрве и Корве, — медленно повторил Аластор, прислушиваясь к странно чуждому звучанию древних имен. - Благодарю, отец.

«Эрве, Корее... и Дорве, — закончил он про себя с полной уверенностью, которая пришла из каких-то непостижимых глубин души, не позволяя усомниться. - Вот они чьи! Секиры Дорве, изгнанного из рода и потому забытого северянами... Мои секиры».

...Лучано, как и обещал, ожидал в библиотеке. Месьор д'Альбрэ составлял ему компанию, и Аластор сразу почувствовал висящее между этими двумя напряжение. Итлие, внешне совершенно спокойный, сидел за столом и перелистывал страницы старинного трактата о растениях Дорвенанта, скользя по ним взглядом. Бретер же замер у окна, стоя к нему спиной, и Аластору в который уже раз показалось, что д'Альбрэ похож на хищную птицу, готовую спикировать на добычу.

- Месьор? - шагнул Аластор в библиотеку. - Вы позволите забрать вашего собеседника? Мы возвращаемся в Академию, целители не отпустили нас надолго.

- Разумеется, мальчик мой, — негромко уронил д'Альбрэ, пристально глядя на Лучано. - Ноя хотел бы сказать вам несколько слов, причем именно в его присутствии.

- Слушаю вас, месьор, — нахмурился Аластор. - В чем дело?

- Синьору бретеру я не нравлюсь, — любезно пояснил Лучано. - Он считает, что ты мог бы найти в доверенные лица кого-нибудь более... порядочного. Кого-нибудь, не связанного с торговым домом Скрабацца, который, оказывается, известен синьору как очень подозрительное заведение. Могу только восхититься осведомленностью синьора в данном вопросе. А также его готовностью любой ценой спасти своего воспитанника от очень подозрительного меня...

- Месьор д'Альбрэ, — прервал его Аластор. - Лучано Фарелли не раз доказал свою преданность, рискуя за меня жизнью. И я взял его на службу, потому что доверяю ему.

- Я несколько не умаляю прежних заслуг вашего спутника, — возразил д'Альбрэ. — Но вам точно

известно, какой породы котика вы изволили пригреть?

Аластор закусил губу, отчаянно не желая ссоры между двумя столь важными для него людьми. Ссоры, которая может закончиться очень нехорошо, если у кого-то из них троих не хватит выдержки и благоразумия. Но прежде, чем он ответил, Лучано встал, поклонился и очень спокойно сообщил:

- Если вы имеете в виду мою принадлежность к Шипам Претемных Садов, то да, моему другу и покровителю это известно. И будет известно обо мне все, что он пожелает узнать.

Аластор в который раз подивился, как тонко Лу играет голосом. Это же надо, чтобы два слова, стоящие рядом, прозвучали так по-разному! «Покровитель» — с должным почтением, а «друг»... «Друг» — мягко и очень тепло. Но месьор, ничуть не убежденный, скептически хмыкнул и чуть изогнул брови.

- Другу? - повторил он насмешливо и очень холодно. - В самом деле? Скажите, сударь Фарелли, и как именно ваша дружба уживается с преданностью гильдии? Что, если вам прикажут не охранять, а убить его величество?

- Пока я работаю на него? - уточнил итлие. - Это невозможно. Синьор, у Шипов тоже есть принципы и кодекс. Нельзя убить нанимателя, пока прежний контракт с ним не расторгнут. А если меня отзовут и дадут именно этот заказ... Что ж, тогда Шипу Фортунато придется умереть, спасая того, кому поклялся в верности Лучано Фарелли.

- Красивые слова! - бросил бретер. - Чем вы сможете их доказать?

- Он уже доказал, — торопливо сказал Аластор, борясь с желанием сунуть Лу себе за спину, словно пронзительный взгляд наставника мог проткнуть итлийца насквозь так же верно, как рапира. - На Барготовом холме ему пришлось принести мне магическую клятву, связав наши жизни. Он это сделал.

- Дал клятву вам без разрешения гильдии? И до сих пор жив?

Брови месьора недоуменно поползли еще выше.

- Мой смертный приговор отменил его величество, оставив при себе, — с едва уловимой тенью насмешки сообщил Лучано. - За что я ему чрезвычайно благодарен и постараюсь отслужить в меру сил. А если у вас еще ко мне какие-то вопросы, великолепный синьор, то я всегда рад обсудить их за чашкой шамьета в более спокойное время.

- Пить шамьет с Шипом? - усмехнулся фраганец. - Благодарю покорно, я могу придумать более увлекательный способ расстаться с жизнью.

- Травить бретера? - в тон ему ответил Лучано, словно скрестились два стремительных клинка. - После того, как я видел вашу «беседу» с магистром Роверстаном? Вы меня обижаете, синьор. Вас из уважения к вашему искусству я бы убивал только сталью. Но... - Он смерил фраганца внимательным взглядом и задумчиво заключил: — Пожалуй, исключительно чужими руками. И послал бы человек шесть, причем из тех, кого не жалко. Да еще пару с арбалетами...

- Лъстец. - Улыбка д'Альбрэ была все такой же насмешливой, но словно оттаяла, а глаза весело блеснули. - Лет двадцать назад я бы принял это как должное. Но возраст никого не щадит...

Он напоказ вздохнул, а Лучано все так же любезно откликнулся:

- Да-да, именно так в прошлом году говорил мой почтенный мастер. После того, как лично убрал очередного претендента на свое место. Как раз лет на двадцать моложе мастера этот идиотто и был. Ему не слишком помогло.

Фраганец фыркнул. перевел взгляд на Аластора и милостиво сообщил:

- У вас исключительный талант заводить неподходящие и опасные знакомства, мой мальчик. Но поскольку я сам числюсь в этом ряду... Полагаю, нет нужды объяснять этому синьору очевидные истины, — снова ударил он взглядом, как выпадом, в сторону Лучано. - Например, что с ним будет, если он предаст вашу... дружбу.

Лучано молча поклонился, и месьор, к огромному удивлению Аластора, вернул ему поклон. Прохладно, однако достаточно учтиво. Аластор выдохнул, стараясь, чтобы это получилось незаметно, и... получил в свою сторону два одинаково насмешливых взгляда. Сговорились! Едва не подрались прямо у него на глазах, но ведь умудрились как-то сговориться при этом! А он опять чувствует себя несмышленым мальчишкой!

ГЛАВА 6. Железо и золото

Дверь палаты скрипнула, впуская Ала и непривычно тихого Лу. Впрочем, Ал тоже был какой-то странный - задумчивый и даже... мечтательный?

«Точно, — подумала Айлин. - Мечтательный! Именно так выглядит Лу, когда в палату приходят девочки-целительницы. Чем красивее, тем лучше...»

Она невольно улыбнулась, так забавно выглядел сейчас Ал, и тут же насторожилась: в лице Лучано, замершего за его плечом, на сей раз не было ни мечтательности, ни привычной игривости, совсем наоборот! Да что же случилось во дворце? И они так поздно вернулись... Правда, Айлин почти не скучала, потому что весь день провела с Пушком, Перлюреном и Воронами, которые сегодня явились в полном составе и увели ее гулять в сад. Пушка тормошили и гладили, енот привел ее друзей и названных братьев в полный восторг, а с ней самой Вороны обращались так, словно ничего не было. Словно и поход к Разлому, и битва за Академию - все, что разделило их в последний месяц, оказалось дурным сном. И вели они себя как всегда.

Драммонд не сводил глаз с Дарры и бросался выполнять любое его желание даже не по слову, а по взгляду или движению брови, вечные соперники-художники Кэдоган и Галлахер притащили новые наброски... Айлин с удовольствием их листала, любясь видами Академии, пока мирные пейзажи не сменились задымленными, полными жутких тварей, на которых она слишком хорошо насмотрелась вблизи.

Галлахер, покраснев, забрал у нее папку, в которой, Айлин успела заметить, рисунки становились все более страшными, а Кэдоган извинился и пообещал нарисовать ее портрет... Эдгар Гринхилл с трепетом поинтересовался, правда ли, что Ревенгар упокоила не просто кадавра, а самого мэтра Денвера, и ей пришлось рассказывать это, стараясь скрыть, как было страшно и противно. Но все равно после ее рассказа Вороны притихли, а Дарра очень осторожно заправил ей за ухо выбившуюся из прически прядь и негромко сказал:

- Все прошло, милая Айлин. И больше не повторится...

- Кстати, Айлин! - первым оживился Саймон. - Ты знаешь, наш Дарра решил досрочно сдать выпускной экзамен! Только представь, он говорит, что не может больше позволить себе такой роскоши, как пребывание в Академии! Он нас бросает!

- Не бросаю, а намерен изменить статус, — педантично поправил его Дарра. - После сдачи экзамена я подам прошение о зачислении на должность преподавателя. Гильдия понесла немалые потери, не хватает наставников, способных вести нежитеведение и проклятия. Полагаю, мое прошение удовлетворят, и я вернусь к вам уже как мэтр.

- Дарра, это же прекрасно! - улыбнулась Айлин. - Ты будешь замечательным преподавателем! А я... — Она с грустью посмотрела на свои браслеты, которых Вороны с невероятной деликатностью постарались не замечать, и вздохнула: — Я буду ходить к тебе на теорию, хорошо?

- Непременно, моя милая Айлин, — отозвался Дарра и в мгновенно наступившей тишине склонился, чтобы поцеловать ей руку.

Руку! Как взрослой девушке, как леди, а не своей сестренке-адептке! И Айлин поняла, что все изменилось необратимо. Дарра первым из них уходит во взрослую жизнь, Вороны повзрослели... Все, кроме Саймона. И она сама уже не та Айлин, которой они носили конфеты и звали сестренкой.

- Но мы ведь все равно останемся друзьями? - спросила она дрогнувшим голосом.

Дарра улыбнулся своей сдержанной тонкой улыбкой и тронул шпильку-перо, с которой так и не расстался.

- Разве мы перестали быть Воронами? - уточнил он, и все восторженно снова принялись клясться в верности...

Да, это был прекрасный день. Но он почти закончился, и Айлин не без труда вынырнула из воспоминаний.

- Ал? - осторожно спросила она. - Лу? Что-то произошло?

Она замялась, не зная, что еще сказать, и Ал, смущенно улыбнувшись, кивнул, пока Лучано снимал щегольской итлийский берет с пером и пристраивал его на полку шкафа повыше от цепких лап

енота.

- Через три дня коронация, — уронил он. - И свадьба. Я женюсь на ее величестве Беатрис. Айлин, она...

Закончив с беретом, Лу скинул камзол, оставшись в бархатных темно-синих бриджах и белоснежной рубашке. Тенью проскользнув за спиной Аластора, он сел на кровать и принялся гладить немедленно кинувшегося к нему Перлюрена, но взгляд при этом не отводил от Айлин. Тревожный и напряженный взгляд.

- Ее величество — чудо красоты, — пробормотала Айлин, снова явственно вспомнив ночную прогулку пятилетней давности и то, с каким восторгом Аластор говорил о королеве.

О той самой королеве, которая прокляла Лучано! И хотела убить ее... Впрочем, второе только потому, что Беатрис хотела уберечь Аластора, так что это Айлин, пожалуй, готова была ей простить. Тем более что Лу после первого визита во дворец успел-таки ей шепнуть по секрету от Ала, что больше смерть Айлин королеву совсем не интересует.

А вот проклятие, наложенное на самого Лу, Айлин прощать не собиралась! Но... Аластор о нем, похоже, так и не знает? Иначе вряд ли восхищался бы невестой.

- Да, — смущенно улыбнулся Ал, тоже садясь на свою кровать и не отрывая от Айлин восторженных и словно слегка поглупевших глаз. - Если бы ты ее видела... Но не в этом дело! — продолжил он поспешно. - Красота... это, конечно, важно! Очень важно... Но Беатрис, она сама доброта! Ей пришлось пережить столько...

- Я ни за что не позволила бы себе сомневаться в доброте ее величества, — уронила Айлин, от души надеясь, что Аластор не услышит в ее голосе ничего... лишнего.

Сама доброта! Между прочим, среди некромантов считается, что проклинать человека, не давшего для этого повода, крайне дурной тон! Даже если речь идет о пустяковых неприятностях вроде прыщавой порчи. А то, что сделала королева... Магессу бы за такое приговорили к выжиганию дара! А если жертва умрет, это уже дело светского суда, и приговор будет смертным, как за обычное убийство. Но, конечно, королева считает себя выше любых законов.

- Да, сама доброта! - повторил Ап так настойчиво, словно услышал ее мысли. - Или я опять чего-то не знаю? Айлин!

Она опять обменялась взглядами с Лучано. Итлиец тронул свою рубашку напротив сердца и едва заметно покачал головой, а потом невесело улыбнулся уголками губ, глядя в сторону Аластора. Откуда-то Айлин точно знала, что сейчас он думает о том же, о чем она сама. Да, скрывать от Ала, что его невеста вовсе не идеал доброты, нечестно. И даже полностью бесчестно, может быть! Он заслуживает знать, на ком женится. Но... Аластор уже дал слово дворянина! Более того - слово короля... Он влюблен, а этот брак наверняка необходим для Дорвенанта. .. Что же делать?!»

Ей было больно, словно она второй раз предает Аластора, как там, на холме. Снова отнимает у него право распоряжаться собственной жизнью...

«Но он ею как раз и распорядился, — возразила Айлин сама себе. - Да, он наш друг, и мой, и Лучано. Однако то, что королева приказала сделать, больше всего касается меня и Лу. Значит, нам и принадлежит право молчать об этом или говорить. Лучано явно все скрыл, так что и я тоже... Да, я промолчу, потому что не хочу лишить Аластора возможности быть счастливым. Потому что это ведь Ал, он скорее умрет, чем нарушит данное слово! Женится... и будет несчастен всю жизнь. Или не женится и никогда мне этого не простит».

- Я желаю тебе счастья, — просто сказала она и увидела во взгляде итлийца горькое понимание и одобрение. - Наверняка ее величество полюбит тебя, когда узнает поближе.

- Надеюсь на это, — смущенно улыбнулся Аластор. - Знаешь, а у нее чудесные дочери! Такие славные девчонки! Совсем не похожи на моих сестер, но, может, это и неплохо. Кстати, мои родители передают тебе привет и надеются, что ты наведишь их, как только сможешь.

- Не уверена, что это будет удобно, — улыбнулась Айлин одними губами, чувствуя, как вина за молчание все еще грызет сердце. - Я ведь даже не принята при дворе и вряд ли смогу в ближайшее время выезжать с визитами. Да и моя репутация... Лорд и леди Вальдерон очень добры, но...

- Ты так плохо думаешь о моих родителях? - В голосе Аластора прозвучала нешуточная обида, и даже Перлюрен в руках непривычно молчаливого Лучано пискнул, словно не одобряя слова Айлин. - Причем тут твоя репутация? Кто посмеет оскорбить леди, за чью честь я готов поручиться? А отец и матушка всегда рады тебя видеть, как и Лу. И вообще! Да, я стану королем. Да, я женюсь! Но друзьями мы быть не перестанем, ясно? И слышать об этом больше не хочу! А что касается визитов

ко двору, давай я назначу тебя придворной дамой?

- Придворной дамой? - растерялась Айлин, а Лучано невесело хохотнул.

- Альс, друг мой, а ты умеешь сделать приятное женщине. Двум женщинам, — добавил он, подумав.

- Ты только взгляни на лицо нашей синьорины! Ее величество тоже будет в восторге, не сомневаюсь...

- Ты совсем ее не знаешь! - возмутился Аластор и тут же, посерьезнев, добавил: — А если и нет... Беатрис прекрасна! Я люблю ее... наверное, люблю. Но на холме рядом со мной была не она, ясно вам? Не она прыгнула в тот Барготов разлом! Не она оставалась рядом, несмотря на приказ! И зашила мои раны тоже не она! Хорошо, что не она, — уронил он, помолчав. - Но как же мне повезло, что со мной были вы...

«А мне еще больше, — подумала Айлин невольно. - Со мной были друзья... и Кармель!»

Она улыбнулась уже по-настоящему, и Аластор просиял ответной улыбкой.

- Так что насчет придворного чина? - весело уточнил он. - Не фрейлины, конечно, а... Не знаю, но подберем тебе что-нибудь интересное...

- Нет! - испугалась Айлин, сообразив, что он всерьез намерен осчастливить ее необходимостью носить придворные платья с их тугими корсетами, соблюдать строжайший этикет и общаться с настоящими леди. - Ал, я же не потеряла магию! Я продолжу учиться. И к тому же выйду замуж, а мой будущий супруг не принят при дворе!

Только сказав это, она поняла, что последний аргумент был решительно неудачным.

- Будет принят, — пообещал Аластор, ухмыльнувшись. - Это ведь магистр Роверстан, я прав? Я его сделаю советником. И вовсе не потому, что он твой муж. Просто он умный человек, и мы с ним отлично ладим. Лу, ты согласен?

- О, грандсиньор магистр достоин этой чести, как никто другой, — серьезно подтвердил Лучано, и Айлин вдруг поняла, что итлиеца напряжен, словно натянутая тетива, будто ожидает чего-то очень неприятного.

И тут же ее опасения снова оправдались.

- Еще одно, — заговорил Ал снова, бросив на Лу странно извиняющийся взгляд. - Я должен сказать, то есть спросить... Айлин, я не обижусь, правда! Скажи, ты знала, что Лу... что он не просто наемник? Шип, так это называется, да? Он мне рассказал сегодня, что это означает.

И умолк, глядя так выжидательно и настороженно, что Айлин ни на миг не поверила, будто Ал не обидится. А если и правда не обидится, то доверять ей точно перестанет - сколько же всего она скрыла, подумать страшно! Но не врать же ему! Если уж Лучано признался... Так вот почему Лу сам не свой! Раз они вернулись вместе, значит, Ал его простил, но...

- Когда Лу к нам присоединился, за ним таскался призрак, о котором сам Лучано ничего не знал, — проговорила она медленно в надежде, что нужные слова придут сами. Или получится оттянуть грядущую ссору, ну хоть немного! - Это был первый человек, которого он убил. Тоже итлиеца, мастер этой... гильдии. Он хотел украсть тело Лучано, чтобы вернуться в мир живых, а для этого ему требовалось мое доверие. И он рассказал... многое. Да, и про то, что Лучано - Шип, тоже. Шип, но посланный королевой для твоей охраны. Призраки ведь не лгут, понимаешь?

Аластор серьезно кивнул, и Айлин стало невероятно стыдно, просто мучительно. Да. Призраки не лгут, но отлично умалчивают, совсем как она сама сейчас. Именно за это свойство их считают опасными коварными тварями, в этом лорд Бастельеро когда-то был совершенно прав. И сейчас она ведет себя в точности как призрак, рассказывая правду, но переделанную хуже лжи.

- А вместе с этим он еще рассказал мне много всякого, чтобы очернить Лу, — продолжила она дрогнувшим голосом, боясь посмотреть в сторону итлийца, который размеренно, как механическое устройство, гладил Перлюрена. — И это было такое... Ал, мне даже вспоминать об этом страшно и мерзко! И это ведь не имело отношения к нашему путешествию, а Лу и правда хотел только защитить тебя! И спасал нас обоих, помнишь? - добавила она совсем упавшим голосом.

Вот сейчас Аластор спросит, что такого рассказал ей призрак, и... Так унижить Лучано, раскрыв его страшную постыдную тайну, она никогда ни за что не сможет, а значит, Ал ей не поверит!

Но Аластор, к ее удивлению, сам бросил на Лу быстрый взгляд и... мучительно покраснел.

- Я понял, — сказал он смущенно и передернулся. - Первый убитый, значит? Прости, Лу! Я... не

хотел тебе напоминать... Айлин, ты же упокоила эту тварь?! Или что там с ними сделать можно...

Едва не задохнувшись от изумления, Айлин осознала, что Лучано, получается, рассказал и это?! Доверил Аластору такое... такое...

- Да! - выдохнула она. - Я отдала его Провожатым, эту гадину давно заждались у Баргота. А тебе, Ал, ничего не смогла рассказать. Прости...

- Забудем, — очень поспешно сказал Аластор и повторил: — Мои извинения, Лу. Просто я должен был узнать... Ты же понимаешь?

- О, я еще как понимаю, — бледно улыбнулся тот и наконец потормошил зверька ласково, а не как игрушку, в которую вцепился от отчаяния. - Не стоит извинений, Альс. Поверь, это не худшее, что ты мог обо мне узнать. В этом хотя бы не было никакой моей вины.

Комнату накрыла тишина, и Айлин обреченно подумала, что откровенность - это прекрасно, конечно, только как теперь им троем избавиться от дикого чувства неловкости друг перед другом? А извиняться надо, потому что одних извинений мало, если они хотят и дальше сохранить дружбу, основанную на доверии. И, может быть, когда-нибудь она сможет рассказать Аластору вообще всю правду! Вот посмотрит, каким будет его брак с Беатрис, и тогда решит...

Не успел Аластор еще что-то сказать, как его прервал стук в дверь. Все трое, вздрогнув, как единое тело, посмотрели туда. Кто-то из целителей? Или...

Сердце Айлин радостно стукнуло, когда Аластор отозвался, и дверь открылась.

- Я не вовремя?

Стоя на пороге, Дункан с легким недоумением оглядел комнату, словно заполненную тягучим предгрозовым жаром, и приподнял брови. В руках у магистра была веточка, усыпанная белыми цветами, и Айлин через всю палату почувствовала чудесный запах. Снова привет из Арлезы?!

- Что вы, грандсиньор, вы всегда вовремя! - мурлычущим голосом заверил Лу прежде, чем Айлин успела сказать хоть что-нибудь, чутко втянул носом воздух и восхищенно вздохнул: - Цветы апельсина! Я, оказывается, так тосковал по ним в вашей прекрасной стране, что ради счастья их увидеть готов смириться даже с тем, что этот подарок явно не для меня!

- Болтун, — фыркнул Аластор, выдохнув и расслабив напряженные плечи, а Лу, подмигнув ему, обратился к Айлин.

- Между прочим, прекрасная синьорина, у нас в Итлии цветы апельсинового дерева вплетают в косы невест на свадьбе.

- Как и в Арлезе, — усмехнулся Роверстан, а Айлин прижала ладони к загоревшимся вдруг щекам.

Цветы были в точности такие же, как и на шпильках, подаренных ей в день Вишневого Бала! Неужели Дункан... То есть Кармель... собирался просить ее руки уже тогда? Ох, вот она глупая, конечно, собирался! Сам же сказал об этом, когда делал ей предложение! Значит, это был намек, который она не поняла... Намек на свадьбу!

Кармель ласково улыбнулся ей и едва заметно кивнул.

- У меня есть шпильки с такими цветами, — пояснила Айлин в ответ на удивленные взгляды Ала и Лу. - Эмалевые. Мне подарили...

И она не удержалась, чтобы не взглянуть на магистра, по губам которого снова скользнула улыбка.

- О, я непременно должен их увидеть! - воодушевился Лучано, спуская Перлюрена с коленей, и Айлин благодарно вздохнула. Лу так замечательно умеет сгладить неловкость! - Я и не предполагал, что в вашем прекрасном, но суровом Дорвенанте умеют делать украшения с эмалью. Но раз так - непременно закажу себе набор.

- Я тебе их покажу, — пообещала Айлин и, подумав, щедро добавила: - Даже одолжу, если захочешь... На свадьбу, например.

Повисла изумленная тишина, взорвавшаяся хохотом Аластора, который переводил взгляд то на ничего не понимающую Айлин, то на Лу. На подвижном лице итлийца изумление и растерянность сменились какой-то несерьезной, лукавой обидой, потом он не выдержал и тоже рассмеялся, махнув рукой.

- Синьору Фарелли наверняка пойдет, — негромко подтвердил Кармель, тоже улыбаясь, но, по обыкновению, сдержанно и благодушно. - Конечно, одалживать ему шпильки, предназначенные для

невесты, это... несколько смелое решение. Но кто я такой, чтобы решать за кого-то на чужой свадьбе?

- Я... я вовсе не это имела в виду! - ахнула Айлин, окончательно заливаясь краской. - Лу... Ты ведь не обиделся?! Я не хотела...

- Обидеться? - Тонкие ровные брови Лучано изогнулись в шутливом недоумении. - Моя прекрасная синьорина, вы меня с кем-то перепутали? Обещаю, если я когда-нибудь неким чудом попаду на собственную свадьбу, непременно попрошу у вас именно эти шпильки. На удачу! - И он с той же лукавинкой покосился на магистра, а потом вкрадчиво добавил: — Надеюсь, ни у кого нет сомнений, что на свадьбе я буду исключительно прекрасен и сам по себе, а в этих шпильках так и вовсе неотразим?

- Ни малейших, — просмеявшись, заверил его Аластор и тоже обратился к Дункану: — Милорд магистр, вы пришли пожелать нам спокойной ночи?

- Именно так, — с улыбкой подтвердил тот и посмотрел на Айлин. - И как целитель... пожалуй, я прописываю вам всем для лучшего сна по чашке горячего вина со специями.

- Синьор Фарелли, вас не затруднит передать это пожелание юноше, который дремлет там на посту? Могу только надеяться, что он донесет вино с кухни достаточно горячим.

- Вино со специями - слишком серьезное зелье, чтобы доверять его обычным поварам, - с преувеличенной серьезностью возразил Лучано. - Я видел на вашей кухне переносные артефактные жаровни, не требующие огня. Изумительно удобная штука! Если позволите принести сюда одну такую, обещаю вам лучший напиток в этом прекрасном городе, не будь я Лучано Фортунато!

Магистр кивнул, и повеселевший Лу выскочил из палаты вместе с Перлюреном, который, разумеется, никак не мог пропустить такое событие, как поход на кухню.

- Надеюсь, повара не позволят Перлюрену разграбить запасы Академии, — ухмыльнулся Аластор, проводив их взглядом. - Милорд магистр, горячее вино - это очень кстати! Вы ведь не откажетесь выпить вместе с нами? Сегодня у меня радостное событие, которое я хотел бы отметить... — Он слегка смутился, но твердо добавил: — В самом близком кругу.

- Почту за честь, — слегка поклонился Дункан и наконец вручил Айлин веточку, которую держал, а потом склонился к ее руке и коснулся пальцев теплыми нежными губами.

Горячая сладкая волна смущенной нежности захлестнула Айлин, спускаясь от и так пылающих щек вниз. Она покосилась на Аластора и увидела, что тот улыбается. Ну еще бы, Ал сам влюблен и хочет, чтобы все вокруг были так же счастливы, как он сам...

Она снова удивилась, когда поняла, что не слышит мысли Аластора - еще чего, она же не магистр гильдии разума! - но откуда-то точно знает, что тот чувствует.

- Это называется резонанс, моя дорогая, — негромко пояснил Дункан... то есть Кармель, обеда их с Алом посерьезневшим взглядом. - Те самые последствия, о которых я говорил. Полагаю, несмотря на почти разорванную связь, вам будет очень трудно скрыть друг от друга свое душевное состояние, каким бы оно ни было. Вам двоим и синьору Фарелли, разумеется. Чем сильнее чувства, тем яснее вы будете их ощущать. Именно чувства, не мысли, как вы уже могли понять. Иными словами, вы почувствуете чужую грусть или радость, не зная их повода. На расстоянии этот эффект ослабнет, но вблизи могут появиться и другие...

Аластор задумчиво кивнул и уронил:

- Что ж, из всего, что с нами сделал Разлом, я считаю это драгоценнейшим даром. Заполучить две родственные души, которые будут знать и чувствовать меня, как я сам... Это чудо.

- Верно, — негромко отозвался магистр и предостерег: — Однако любое самое прекрасное чудо имеет вторую сторону, непременно опасную или не такую приятную, как первая. Будьте осторожны с резонансом, он способен преподнести немало сюрпризов. Впрочем, надеюсь, что все обойдется.

Похоже, Лучано мчался на кухню и обратно бегом, потому что через несколько минут он ворвался в палату, поставив на пол маленькую жаровню. На руке итлийца висела корзинка, из которой он гордо извлек медную шэнью, как для шамьета, только побольше, бутылку вина, четыре чашки и еще какие-то мелочи... Метнувшись к своей драгоценной сумке, Лу выхватил из нее коробочку со специями. Перлюрен, чуть отставший, но вбежавший в комнату следом, восторженно стрекотал, держа в зубах булочку с глазурью. За последние дни енот заметно подрос и округлился, его шерстка лоснилась, и вид он имел исключительно добропорядочный и ухоженный, но повадок совершенно не поменял.

- Вернулись с трофеями, — заметил Аластор. - Похоже, повара предпочли откупиться. Я понял вас, милорд магистр, и постараюсь не терять осторожности. Но сегодня такой вечер, что я сам хотел бы разделить свое счастье со всеми, кто рядом. Через три дня я женюсь на прекраснейшей женщине Дорвенанта. Разумеется, для меня прекраснейшей, — смутившись, добавил он и виновато покосился на Айлин.

- О, вот как? - Магистр поднял брови, а затем кивнул. - Мои самые искренние поздравления! Если это та, о ком я думаю, она действительно женщина... выдающихся достоинств.

Крошечную паузу перед последним словом заметила Айлин и, наверняка, Лучано, Аластор же пропустил мимо ушей, ответив мечтательным благодарным взглядом. Итлиец похлопотал у жаровни, поставил на нее шэнье и принялся колдовать над вином, ухитряясь бдительно следить, чтобы Перлюрен не добрался до специй, не разбил чашки и не сунул нос и лапы к раскаленной жаровне.

- Великолепный букет, — одобрил магистр, принимая от Лучано дымящуюся чашку. - Чувствую корицу, гвоздику и мускатный орех, но вот что еще... Решительно не могу распознать.

- О, щепотка того, пара крупинок этого... — заулыбался итлиец, умильно глядя на разумника. - Если грандсеньор пожелает, я запишу для него несколько своих любимых рецептов. Этот совсем простой, я называю его «Тихий вечер». Такое вино хорошо пить на террасе, выходящей в сад, но вечера в Дорвенанте прохладнее, чем в моей милой Вероккье.

Айлин пригубила душистый горячий напиток и зажмурилась от удовольствия. Не слишком сладко, затопряно и чуточку остро. Лу как всегда великолепно подобрал специи, так что запах вина обволакивал ее душистым теплым облаком, словно согревая изнутри.

- Тебе с медом, друг мой Альс, — улыбнулся итлиец, размешивая вино для Аластора. - Этот сорт сладок сам по себе, но судя по шамьету, который ты предпочитаешь...

- Да, я люблю послаще... — благодарно отозвался Ал. - Знаете, милорд магистр, в походе Лу и его шамьет постоянно спасали нас от усталости и голода. Сейчас, когда я все вспоминаю, поверить не могу, что мы добрались до Разлома и вернулись обратно. Так странно думать, что ничего сложнее и опаснее у меня в жизни больше не будет!

- Не зарекайся, Альс, — предупредил его Лучано вроде бы серьезно, однако в желто-зеленых косячьих глазах итлийца плясали смешинки. - Ты еще пожелаешь поменять своих грандсеньоров на простых и понятных демонов, которых можно было убивать.

- Наш итлийский друг совершенно прав, — подтвердил Кармель. - Я неизмеримо счастлив, что ваше предприятие увенчалось успехом, но, боюсь, радоваться рано. Вам, милорд Аластор, предстоят труды по управлению государством, а это не менее опасный и сложный путь.

- Я знаю, — кивнул Аластор, и Айлин взглянула на него по-новому, с грустью понимая, как же ее друг повзрослел. Не меньше, чем Вороны, а то и сильнее. Словно за этот месяц с небольшим пролетело несколько лет, превратив наивного веселого юношу в серьезного и даже немного мрачного мужчину. - И готов к этому. Сейчас у нас почти такой же вечер, как тот, последний перед ритуалом. И я хочу сказать, что очень вам благодарен. Вам всем! - Он обвел взглядом Айлин, магистра и Лу, а потом даже на енота посмотрел с ласковой усмешкой. - И я постараюсь, чтобы Дорвенант тоже не забыл, что вы для него сделали. А то, что будет завтра... Ну что ж, справимся, когда это завтра наступит.

Он пожал плечами, а потом, смутившись, уставился в чашку, словно пытаясь что-то разглядеть в ее глубине.

- Прекрасный настрой, милорд, — одобрил Кармель, и его глаза весело блеснули. Он посмотрел на Айлин, которая держала чашку одной рукой, не выпуская из второй апельсиновую веточку. - Вам так нравится этот аромат?

- Он прекрасен, — тихо ответила Айлин, чувствуя, как охватившая ее было легкая печаль перетекает в странное спокойствие, словно кто-то, кому обязательно стоило верить, шепнул ей на ухо, что все будет хорошо. - Я даже не могу представить, как должно пахнуть целое апельсиновое дерево! А сад?

- Великолепно пахнет, — рассеянно подтвердил Лучано, принимаясь, наконец, за собственное вино. - У мастера в саду...

И осекся, чуть виновато посмотрев на всех. Наверное, вспомнил, что и Аластор, и Айлин теперь знают, кто его мастер.

Мгновенную неловкость уничтожил Перлюрен, который дожевал булочку и потянулся одной лапой

к банке с медом, а другой - к бутылке с остатками вина.

- Смотри за своим зверем, — посоветовал Аластор. - Нам только пьяного енота не хватает!

Вздохнув, Лучано отнес Перлюрена к окну, через которое тот с радостью выбрался в сад и, прострекотав что-то, унеся в кусты по своим важнейшим енотым делам. Вернувшись, Лу поставил на жаровню еще одну порцию вина, потому что первая как-то незаметно закончилась. Айлин вроде бы пила совсем маленькими глоточками, но в чашке уже показалось дно, а на душе стало окончательно тепло и хорошо. Прав Лучано, его рецепт - настоящий «Тихий вечер».

Она снова поглядела на веточку и поднесла ее к лицу, вдыхая аромат. Совсем скоро Кармель покажет ей Арлезу, о которой говорит с такой любовью, и они будут там счастливы. Вместе...

- Милорд Аластор, — заговорил магистр, словно услышав ее мысли. - Признаться, я не ожидал, что попаду на такое... почти семейное празднование. Для меня это огромная честь, и я надеюсь, вы не поставите мне в вину, если сегодня в этой прекрасной компании я попрошу вас оказать мне величайшую услугу. Вас и синьора Фарелли.

- Разумеется, магистр, — слегка удивленно отозвался Аластор, а сердце Айлин тревожно и сладко екнуло. - Все, что в моих силах!

- К вашим услугам, грандсиньор! - торопливо добавил Лу. - Что мы можем сделать для вас?

- Быть свидетелями, — улыбнулся Кармель, доставая откуда-то из складок мантии небольшую коробочку из полированного дерева. - Полагаю, для вас не секрет чувства, которые я питаю к вашей отважной и очаровательной спутнице. - Он посмотрел на Айлин, которая замерла под этим взглядом, будто зачарованная, и продолжил: — По некоторым обстоятельствам мы решили никого не ставить в известность о помолвке, скрыв ее до самой свадьбы, но... Я бы никогда не простил себе, если бы моя невеста лишилась такого важного знака внимания и преданности с моей стороны. Я прошу вас, безусловно близких и дорогих для нее людей, быть свидетелями моего предложения... Леди Айлин, если вам будет угодно, примите мое родовое кольцо в придачу к моему сердцу, которое уже давно принадлежит вам.

Расширившиеся в немом изумленном восторге глаза Лучано, радостное удивление на лице Аластора... Айлин не могла поверить, что все это происходит с ней здесь и сейчас. Помолвка... Предложение! По всем правилам и в присутствии свидетелей! Она уронила веточку на колени, поставила чашку на стол и сцепила пальцы, чтобы они не дрожали от волнения. Магистр раскрыл коробочку, протянув ее на ладони...

На черной бархатной подушечке таинственно блеснули два кольца, мужское и женское, судя по разнице размеров. Белая оправка показалась Айлин нарочито простой - ее не оживлял ни один завиток, не было ни намека на гравировку, ни гербового щитка... Но тем больше приковывали к себе внимание яркие черные камни. Присмотревшись, она с удивлением поняла, что герб на кольцах все же есть - вырезан прямо на камне. Разобрать изображение никак не удавалось, и Айлин, спохватившись, что слишком долго смотрит на кольца, поспешно отвела взгляд.

И... что же ей теперь делать? Конечно, учебник этикета предусматривал такую важную вещь, как помолвка, и Айлин прекрасно помнила, что девице следует взять мужское кольцо и надеть его жениху. Или просто закрыть шкатулку, если не желает выходить замуж. Правда, Айлин не помнила, чтобы хоть одна девица повела себя столь скандально, разве что в романах! И все-таки...

А что, если она сделает что-то не так? Вдруг арлезийские обычаи отличаются от дорвенантских? Правда, они ведь собираются пожениться в Дорвенанте... Да что же за чушь лезет в голову! И Дункан, то есть Кармель... Ну, он ведь мог бы подсказать ей, что делать?!

Закусив губу от неловкости, Айлин подняла на него взгляд и мысленно ахнула - Кармель смотрел на нее так напряженно и испытующе! «Да он же не уверен, — поняла она с небывалой ясностью. - Он дает мне подумать и боится, что я... что я откажусь! Даже теперь...»

Внутри разлилось ласковое тепло, в котором растворилась и неуверенность, и боязнь сделать что-то не так. Не отводя взгляда от лица Роверстана, Айлин нащупала то кольцо, что было больше, на несколько мгновений задержала его в пальцах и неловко надела на поспешно подставленную руку.

Кармель удержал ее ладонь, на мгновение поднес к губам и потянулся за вторым кольцом. Айлин следила за ним, все так же не в силах отвести взгляд, и даже испугалась на мгновение - что, если кольцо ей не подойдет? Окажется слишком большим или, наоборот, слишком маленьким? Впрочем, это вряд ли, после путешествия на ней не только мантии болтаются, но и пальцы стали тоньше, никакие Иоландины пирожки не помогают. Нет-нет, мало кольцо точно не окажется, а если велико, то его ведь можно подогнать у артефакторов...

Холод металла скользнул по коже, и кольцо село так, словно было отлито специально для нее!

- Какая роскошная работа! — восхитился Лучано за ее плечом, и когда только успел там оказаться. - Никогда не видел черных бриллиантов такой чистоты и размера! Да что там, я вообще черные бриллианты встречал всего один раз. А чтобы такие... Арлезийские копи?

- Совершенно верно, — невозмутимо подтвердил Кармель, глядя на Айлин в упор, а она растерянно ахнула, пытаясь скрыть смущение:

- Это бриллиант? Но... разве они бывают черными?

- Очень редко, — тихо сказал Кармель, снова медленно и томительно нежно поднося ее руку к лицу и слегка склоняясь к ней навстречу. - Это такая же редкость, как сердце, подобное вашему, дорогая моя...

Его губы опять коснулись кожи, и Айлин едва не вскрикнула, таким остро-сладким было это касание. Словно магический импульс разрядился ей в пальцы и ушел куда-то вниз, раскатившись по всему телу горячей волной. Смущенная, она посмотрела на свою руку, которую магистр выпустил, и, наконец, смогла увидеть герб. Какая-то хищная птица... Изогнутый клюв, страшные даже в таком крошечном размере когти и невероятный размах роскошных крыльев!

- Это горный арлезийский ястреб, — подсказал ей Кармель, улыбаясь. - Герб, на который дает право поместье Вуаль. Возможно, он не так стар, как башня Ревенгаров, но...

- Он прекрасен! - восхищенно заверила Айлин, разглядывая кольцо. - И так... так вам подходит!

- Польщен, миледи, — смеясь одними глазами, слегка поклонился магистр. - Милорд Аластор, синьор Лучано? Вы свидетели, что леди приняла мое предложение!

- Си, грандсиньор! - по-итлийски от волнения откликнулся Лу.

- Готов быть свидетелем в этом всегда и везде, — кивнул Аластор и тут же едва заметно нахмурился. — Но я хотел бы знать, собираетесь ли вы попросить руки Айлин у главы ее рода, как полагается?

- Ал! — возмущенно вскрикнула она, чувствуя, как кровь бросилась в щеки.

Аластор же знает, что она больше не считает себя Ревенгар, так зачем спрашивает?! Но друг только упрямо выпятил подбородок, а Кармель снова взял ее руку, ласково и бережно сжав пальцы.

- Разумеется, милорд. Я считал и считаю до сих пор, что решение должно принадлежать Айлин, но поставить в известность лорда Ревенгара, разумеется, необходимо. Хотя бы ради того, чтобы избежать грязных слухов.

Ал удовлетворенно кивнул, а Айлин молча выругала себя. Ведь и в самом деле... Она, конечно, отреклась от леди Гвенивер и уж в этом ни одного слова назад не возьмет, но... отречение от рода не повторила, хотя могла бы! Уже целый год могла бы! И даже должна была это сделать, потому что одно дело - слова двенадцатилетней девчонки, которые свидетели могли не принять всерьез. И совсем другое — клятва отречения, произнесенная по всем правилам и в присутствии тех же свидетелей совершеннолетней девицей! А она этого не сделала, не подтвердила то, что сказала над телом отца... И, значит, в глазах общества она по-прежнему Ревенгар.

А она ведь собиралась быть образцовой леди ради Кармеля, а значит, Артур должен дать позволение на ее брак...

- А если он не даст согласия? - спросила она тихо, но Ал услышал и взглянул на нее с неподдельным удивлением.

- Не согласится? После помолвки, на которой присутствовал сам я?! То есть сам король, - добавил он, вдруг смутившись, и Лу фыркнул в чашку, а потом бросился к жаровне, спасая шэнье с едва не закипевшим вином.

- Оставьте эти заботы мне, дорогая моя, — ласково сказал Кармель, поглаживая ее пальцы и запястье. - Уверен, я смогу убедить вашего брата, что этот брак принесет вам счастье.

- А если не поможет, я добавлю пару слов, — пообещал Апастор. - Посмотрим, как он откажет моему сватовству.

- Премного вам благодарен, милорд, — учтиво склонил голову разумник. - И надеюсь, что вы с синьором Фарелли окажете нам честь, посетив нашу свадьбу.

«Нашу свадьбу». Два простых коротких слова будто ласково погладили Айлин по сердцу. Она смущенно нежила свою ладонь в его руке - вольность, великодушно позволенная этикетом жениху и невесте. И видела безусловное одобрение во взглядах Аластора и Лучано. Лучано, правда, смотрел как-то чуточку грустно, словно думал о чем-то своем, но Айлин слишком глубоко утонула в счастье,

чтобы понять причину этого, а потом и вовсе Лу вострепнулся, и мимолетная грусть сменилась искренней радостью. За нее и Кармеля...

- Перлюрен! - вскрикнул вдруг Лу и кинулся к шкафу как раз вовремя, чтобы поймать енота, который иначе упал бы прямо на жаровню. - Идиотто мио!

В лапах совершенно счастливый зверь, потихоньку вернувшийся из сада и забравшийся на полку, сжимал бархатный берет, безнадежно перепачканный теперь глазурью и еще чем-то. Лучано горестно вздохнул, держа Перлюрена на вытянутых руках подальше от себя, и Айлин хихикнула.

- Главное, не звать на свадьбу енота, — очень серьезно сообщил Аластор. - Лу, обещай, что оставишь его дома. И на мою коронацию - тоже. Он, конечно, наш боевой товарищ, но я бы хотел хоть в первый день правления не думать, что кто-то вот-вот сопрет мою корону или взорвет дворец. Потом-то ладно, привыкну как-нибудь.

- Моя леди, — негромко сказал Кармель, и все, даже Перлюрен, притихли. - Милорды, позвольте откланяться. Мы засиделись, и следует отдать должное сну.

Он встал, и Аластор тоже поднялся, а Лучано и так стоял, тихо ругая енота на итлийском. Айлин немножко сомневалась, что Перлюрен, урожденный дорвенанец, знает иностранные языки, но Лу виднее. Магистр церемонно поклонился сначала ей, потом - обоим мужчинам, и те ответили поклонами.

- Погодите! - вскрикнул Лучано. - Уно моменте, грандсиньоры, синьорина! О, простите... Сейчас! Я совсем забыл! Подарки же!

- Какие подарки? - удивилась Айлин.

- Видимо, на помолвку! - заулыбался итлиец, отпуская Перлюрена и снова кидаясь к шкафу, на этот раз к его запертой на ключ половине. - Я не знал, но угадал, спасибо Страннику за удачу!

Он распахнул дверцу шкафа, вытащил небольшую коробочку и с шутливой галантностью упал на колено перед Айлин, провозгласив:

- Ми беллиссимо синьорина! В знак моей величайшей любви и уважения! Клянусь, я увидел эту вещь и не мог думать ни о ком, кроме вас!

Айлин, сгорая от любопытства, открыла коробочку, взгляделась и... прыснула от смеха. Подарок Лу был словно вырезан из кусочка солнца, не слепящего, а веселого, ласкового... И эта козочка действительно так походила на нее! Но... Нет, каков мерзавец, а?! Сравнить ее с козой! И Аластор подозрительно похрюкивает, изо всех сил сдерживая смех, а Кармель... Айлин покосилась на магистра. Он, конечно, стоит непроницаемым лицом, но взгляд... взгляд так и искрится.

- Тебе не нравится? - встревоженно заглянул ей в глаза Лу.

- Вот погоди, — мечтательно сказала Айлин, выхватывая у него из рук коробочку с янтарной прелестью. - Вернется ко мне магия, ух, как я тебе отомщу! Нравится, конечно! Но отомстить я просто обязана!

- А, это святое, — успокоенно выдохнул итлиец, поднялся и снова подошел к шкафу.

На этот раз он спрятал обе руки за спину и обернулся к Аластору. Айлин почувствовала, что будет немедленно отомщена, и жадно воззрилась на преувеличенно серьезное лицо Лу, делая вид, что не замечает, как ладони стоящего позади Кармеля легли на ее плечи и поглаживают легчайшими касаниями.

- Великолепнейшему из всех грандсиньоров! - выдохнул Лучано. - Герою и предводителю нашего маленького, но славного...

- Балагана, — подсказал ему Аластор. - Давай уже.

Итлиец протянул ему одну руку с чем-то большим, коричневым... Аластор взял, развернул, и его лицо озарилось восхищением. Он немедленно обернул роскошный кожаный пояс вокруг себя и проверил большими пальцами прочность оружейных петель. Двух! Для секиры, не иначе.

- Ну, Лу... Спасибо!

- Еще не все, — вкрадчиво возмутился Лучано и протянул вторую руку с каким-то свертком. - Это тоже тебе.

И очень предусмотрительно отступил подальше. Потому что Аластор развернул обертку и несколько мгновений смотрел на огромный... пряник. Пряник в форме коня! С копытами, хвостом и

гривой! Щедро покрытый глазурью и с глазами-орешками! И даже... Айлин снова хихикнула, разглядев некую деталь, которой добросовестный пекарь показал, что конь - это безусловно конь, а не кобыла.

- Это... это что? - потрясенно спросил Аластор, поднимая на Лу глаза.

- Подарок, — невозмутимо ответил тот. - Роскошный ведь жеребец, м? Ну как я мог пройти мимо? Ай, Альс! Только не секирой!

Вместо секиры в него полетела подушка. Взвизгнул Перлюрен, а Пушок, мирно дремавший весь вечер под кроватью, вылез оттуда, удостоверился, что драка не настоящая, и снова скрылся. Днем в саду Академии он переел некротических эманаций, которыми теперь старательно восстанавливал силы.

- Пряник, значит, — зловеще сказал Аластор и окинул Лучано задумчивым взглядом. - Ну-ну. .. Спасибо, Лу, обязательно отблагодарю! И за пояс - тоже, —добавил он, со вздохом сменив гнев на милость и погладив свободной рукой роскошную обновку.

Итлиец, улыбаясь, раскланялся.

От странного чувства у Айлин защипало глаза и сильнее застучало сердце. Она сейчас чувствовала себя такой счастливой, что испугалась этого. Неужели такое вообще возможно? Вот она сейчас рядом с друзьями и возлюбленным, живая и здоровая, и все, кто ей невероятно дорог, живы, а потери... они отболели и уходят в прошлое с надеждой на новую встречу за гранью этого мира. И магия к ней вернется, и все хорошо, ведь хорошо, правда?

***

Два дня пролетели так стремительно, что Аластор их едва заметил. Наверное, следовало уделить больше внимания невесте, но Лучано, с которым он поделился этой мыслью, отсоветовал, пояснив, что у женщины, которой на подготовку к свадьбе дали так мало времени, каждая минута на счету. Он ведь не хочет, чтобы ее величество, принимая жениха, думала о чем угодно, только не о нем? Аластор этого не хотел. И без того было трудно привыкнуть к мысли, что еще немного - и ему станет принадлежать прекраснейшая женщина Дорвенанта. Если не всего мира... Во всяком случае, более совершенной красоты он и представить себе не мог. Улыбка Беатрис, ее глаза, то сверкающие, то бархатно-томные под тенью пушистых ресниц, ее золотисто-смуглая кожа... Если тронуть ее кончиком языка, не окажется ли она сладкой, как мед?

Эти мысли смущали и пугали. Нельзя так думать о женщине, которая погружена в траур по детям! Но... о собственной жене ведь можно?! Аластор с ужасом чувствовал, что ночами ему непристойно жарко, несмотря на открытое окно и простыни вместо одеяла, а любое воспоминание о Беатрис вызывает в теле сладкое тягучее ощущение, будто у юнца, неспособного управлять своими желаниями. Временами он ловил задумчивый, словно испытующий взгляд Лучано, однако поделиться тем, что его так мучило, не мог даже с другом. Лу, конечно, не станет смеяться, но... Теперь Аластор часто ругал себя за то, что не уделял больше внимания этой стороне жизни. Надо было хоть в бордель чаще ездить, что ли!

А вдруг, когда настанет время подтвердить их брак, он покажется Беатрис позорно неопытным? Или с ним в самом деле случится какой-то конфуз из тех, над которыми принято смеяться в мужских компаниях? Вдруг он окажется даже хуже прежнего короля? Малкольм, конечно, не мог похвастаться его, Аластора, здоровьем, но уж опыта у него было куда больше. Вдруг...

Его бросало от страха к нетерпению, от восторга перед Беатрис к мучительному ужасу оказаться несостоятельным. И то, что полгода траура их брак должен был оставаться целомудренным, ничуть не улучшало положения! Вот не были бы они женаты, может, Аластор и заглянул бы в бордель. Не для того чтобы изменить невесте! Об этом даже помыслить нельзя. Но... если он просто заплатит опытной куртизанке и расспросит ее, что нравится женщинам в постели, это ведь не будет изменой?

Или все-таки вызвать на такой разговор Лучано? Итлиец одинаково засматривается на оба пола, у него с этим нет сложностей. Проклятье, ну почему Аластора учили владеть рапирой гораздо старательнее и ревностнее, чем другим, не менее важным для мужчины оружием?! Драться на дуэли ему, пожалуй, никогда в жизни теперь не придется, а вот любовные поединки предстоят часто... наверное...

«Полгода отсрочки у меня все-таки будет, — напомнил он себе наконец. - А потом... придумаю что-нибудь. Расспрошу Лу или возьму почитать эти клятые итлийские романы о любви. Вдруг в них и правда окажется что-то полезное? Изучу их тщательнее, чем любой фехтбук! А пока нужно думать о том, как не опозориться в роли короля, отодвинув роль мужа на должное время!»

А еще его напоследок замучили целители. Массаж, полезные снадобья в еде, питье и даже в воде

для купания, магическое лечение, которое проводил сам магистр Бреннан... Зеленая гильдия твердо вознамерилась отпустить Аластора во дворец полным здоровья и облегчения, что удалось вырваться. Магистр Роверстан, который неизменно появлялся в палате утром и вечером, лишь посмеивался и дополнял усилия лекарей своими, по очереди погружая Аластора, Лучано и Айлин в магический сон и делая их резонанс все более слабым.

- Полагаю, мы достигли границ возможного, — признался он утром последнего дня. - Вечером я зайду еще раз, но уже не для того, чтобы ставить блоки, а чтобы помочь вам отдохнуть и выспаться перед завтрашним днем.

- Буду премного благодарен, милорд, — кивнул Аластор. - Скажите, а как далеко простираются эти самые границы?

- Прекрасный вопрос, — улыбнулся магистр, словно наставник - ученику. - Я совершенно уверен, что теперь вас не станут беспокоить общие сны и резкая смена чужого настроения. Вы не сможете чувствовать боль друг друга или обмениваться жизненной энергией без дополнительных ритуалов, которые я крайне не рекомендую. Но... определенная связь может сохраниться, и я пока не могу точно сказать, какая именно. Буду крайне благодарен, если вы сочтете возможным извещать меня о любых странностях.

- Разумеется, — отозвался Аластор. - Тем более что мы будем не так уж редко встречаться. Я очень рассчитываю на вашу помощь и советы.

- Сочту за честь, — улыбнулся магистр и поклонился. - А теперь, боюсь, нам придется закончить процедуру пораньше. Вас просят пожаловать во дворец, и карета уже ожидает.

- Ну, пожалуй, раз просят, — вздохнул Аластор, но не без удовольствия подумал, что визит во дворец отменяет все остальные лечебные неприятности.

В этот раз Лучано не пожелал его сопровождать, отпросившись в город, а сам Аластор, разумеется, не стал настаивать. Общество друга ему приятно, и рядом с Лу он странным образом чувствовал себя гораздо увереннее, но нельзя же всюду брать его с собой, словно леди - дуэнью.

Во дворце его немедленно провели в большой кабинет, где уже собралось несколько человек, среди которых Аластор узнал только лордов Аранвена и Бастельеро. Канцлер и лорд-протектор сидели в креслах возле массивного стола, на котором были разложены какие-то бумаги и стоял письменный прибор. При появлении Аластора оба лорда встали и поклонились. Аластор ответил поклоном и растерянно спросил себя, должен ли он предложить им сесть? Эти двое гораздо старше него и возрастом, и положением в обществе, но... он же теперь принц, Баргот это все подери! Еще четверо незнакомцев, тоже поклонившись ему, почтительно выстроились у стены. Аластор мельком заметил, что дворян среди них только двое, а еще двое одеты очень прилично, даже богато, но без гербовых цепей и перстней.

- Милорды, прошу прощения, — решил он, видя, что Бастельеро и Аранвен с полной бесстрастностью чего-то ждут. - Я рад вас приветствовать, но, боюсь, еще не совсем освоился с этикетом, которому теперь должен следовать. Прошу извинить меня за любую допущенную неучтивость. Мы ведь можем хотя бы сегодня и на этой встрече вести себя согласно... прежним правилам?

- Если таково желание вашего высочества, — негромко отозвался лорд-канцлер, и улыбка тронула его бледные узкие губы. - Тогда на правах старшего прошу вас садиться, милорды.

Он опустился в кресло, лорд Бастельеро последовал его примеру, и Аластор сообразил, что третье кресло с бархатной обивкой сиденья и спинки предназначается для него. Один из дворян, рыжеватый и веснушчатый, возраста самого Аластора, шагнул к столу и замер возле простого стула рядом с письменным прибором

- Мой секретарь мэтр Вильмон, — представил его канцлер и указал взглядом на второго дворянина, немолодого и очень важного на вид. - А это лорд Гранде, королевский церемониймейстер и главный распорядитель завтрашнего события.

- Рад знакомству, милорды, — вежливо отозвался Аластор и едва не вздрогнул, когда оба снова низко поклонились. - Прошу вас, присаживайтесь.

Вильмон, скромно потупившись, присел на краешек стула и подвинул к себе чистый лист бумаги. На его правой руке Аластор заметил два перстня, один - гербовый, наследника рода, другой - мажеский, с белым камнем разумника. Церемониймейстер опустился на второй стул, а один из не представленной Аластору тройки подошел и замер рядом с ним, держа книжечку в бархатной обложке и карандаш.

- Кхм... — откашлялся канцлер. - Прежде всего, ваше высочество, прошу прощения за

чрезвычайную спешку, в которой готовится ваша коронация. Несмотря на все усилия и беспримерные старания лорда Гранде, кое-что еще требует именно вашего внимания. Думаю, прежде всего следует решить вопрос с вашим нарядом, чтобы отпустить этих господ исполнять свои обязанности.

Он глянул на двоих, оставшихся у стены, и Аластор тоже посмотрел туда. Пара простолюдинов снова низко поклонилась, и в руках старшего из них он увидел обычную портновскую ленту.

- Вы собираетесь шить мне костюм? - поразился Аластор. - За один день?!

По опыту он помнил, что это обычно требует не меньше недели и пары примерок. И, конечно, следовало подумать об этом заранее, но он слишком привык, что вопросами его гардероба занимается матушка, а следит за вещами камердинер. Может, следует просто послать в особняк за вещами?

- Не извольте беспокоиться, ваше высочество, — не поднимая взгляда, отозвался портной с лентой. - Если ваше высочество окажет милость и встанет...

Стараясь не смущаться, Аластор поднялся, гадая, не придется ли ему раздеваться до белья. Не пришлось. Портной молниеносно обмерил его, не коснувшись даже пальцем и шепотом бросая какие-то цифры, которые второй тут же записывал. Ну да, костюм должен быть простой, траурный, но все-таки?! Закончив, портной почтительно прошелестел:

- Если ваше высочество изволит выслушать, мы подготовили наряд из арлезийского бархата цвета спелой сливы. Отделка самая скромная, тончайшая серебряная канитель и только по манжетам с отворотами. Сегодня подгоним по фигуре...

Аластор лишь пожал плечами. Спелой сливы? Ну, это хоть что-то понятное. Вполне траурный цвет... И тут его кольнула вина.

- А ее величество? - спросил он, запоздало подумав, что у королевы, конечно, свои модистки и швеи, портной может попросту этого не знать. - В чем будет она?

Но тот почтительно отозвался:

- Шелк цвета темной лесной фиалки, ваше высочество. И никаких украшений, кроме пояса-цепочки.

«Я подарю ей «Звезды Арлезы», — подумал Аластор. - Только на такой красавице, как она, арлезийские алмазы засверкают полным блеском... Но как же траур?»

- Благодарю, сударь, — сказал он и услышал пораженный, едва ли испуганный вздох портного. - Можете идти.

Оба портных мгновенно улетучились, и Аластор вернулся к столу.

- Прошу прощения за задержку, — сказал он, садясь, и канцлер немедленно отозвался:

- Ну что вы, ваше высочество. Это нам следует извиняться. Милорд Гранде, позвольте предоставить слово вам.

Церемониймейстер, которого Аластор про себя решил называть просто распорядителем, встал и... разумеется, поклонился. С одной стороны, Аластор уже начал привыкать, с другой - это все равно раздражало. Неужели необходимо тратить столько времени перед каждой фразой?! Да если бы у них в поместье дела велись подобным образом, оно бы точно пришло в запустение. Пока раскланяешься перед каждым приказом задать лошадям корма, и день попусту пройдет!

- Ваше высочество, — церемонно начал Гранде. - Благодаря вашему мудрому и в высшей степени благопристойному решению соблюдать траур, мы успеем с должной скромностью украсить и дворец, и главную улицу, ведущую к храму, но следует уточнить важнейшие вопросы. Осмелюсь спросить, кого вы желаете видеть в коронационной процессии и за королевским столом? Осмелюсь также просить вас ознакомиться с порядком коронации, бракосочетания и свадебного пира. Согласно вашему решению вступить в брак, сама церемония в храме будет разделена на две части, собственно ваше бракосочетание и последующую коронацию. После этого лорды Трех Дюжин и магистры Ордена во главе с Великим Магистром принесут вам присягу лично, а остальные дворяне королевства сделают это в течение месяца в любом ближайшем храме без вашего присутствия...

Он перевел дух, и Аластор кивнул, показывая, что слушает и понимает. Вслух он удержался, но про себя не смог не подумать, что лорду Бастельеро, получается, придется приносить ему присягу дважды? Как главе своего рода и как Архимагу? Или лорд-протектор совместит это в одной присяге?

Надо же, всего несколько месяцев назад ему было бы безмерно приятно увидеть лорда Бастельеро на коленях, клянувшимся в послушании и верности. Прежняя детская ненависть больше не имела смысла, и даже попытку принести его в жертву Аластор предпочитал считать нацеленной на благо Дорвенанта. Но не собиравшись забывать, что из-за этого человека мог погибнуть месьор д'Альбрэ, а им с Айлин пришлось путешествовать без припасов, заводных лошадей и охраны. Если бы не Лу...

А сейчас этот человек сидел рядом с канцлером, храня надменное молчание, и сверлил Аластора ледяными синими глазами, в которых, как и в брезгливой складке губ, не читалось ничего, кроме презрения. Под этим взглядом Аластор едва не почувствовал себя снова напроказившим мальчишкой, а потом... вспомнил совет Раэна решать все самому и урок Лучано насчет овец и овчарок. О, лорд Бастельеро ничем не походил на беззащитную овечку, скорее уж на матерого волка, но... их волкодавам тоже бояться не пристало.

- Лорд Гранде, — решительно сказал он, сообразив, что молчание слишком затянулось. - Будьте любезны составить точное описание всей завтрашней церемонии. И непременно укажите, какие ответы мне следует давать на вопросы. Кстати, а кто будет проводить саму коронацию? То есть возлагать корону и все такое...

- Это моя привилегия, ваше высочество, - склонил Аранвен серебристо-седую голову. - Точнее, это привилегия действующего канцлера, который принимает корону из рук Архимага и возлагает ее на голову короля. Кстати, корону, насколько я понимаю, тоже необходимо примерить, - обратился он к распорядителю.

- Разумеется! - подтвердил тот. - Его высочество сегодня посетит лейб-куафера, а после этого мы примерим корону, и при необходимости артефакторы ее подгонят...

- Куафера? - Аластор в задумчивости провел рукой по волосам, заплетенным в уже привычную северную прическу - две косы на висках, соединенные на затылке поверх остальных волос. Длину, пожалуй, следовало подровнять, но совсем немного. - Ну, если это необходимо...

- Совершенно необходимо, ваше высочество, — убежденно сказал лорд Гранде. - Ваша прическа... Вы же понимаете, ваш облик отныне будет чеканиться на монетах и служить образцом для всех дворян королевства! Вы не можете позволить себе...

- И что не так с моим обликом? - Аластор прищурился, откинувшись на спинку стула и пристально взглянув на распорядителя, который почему-то смолк и ответил растерянным, почти испуганным взглядом. - Вот что, милорд церемониймейстер, — не без усилий выговорил он пышный титул. - Прошу вас уяснить кое-что и, по возможности, донести это до остальных. Я никогда не желал власти и, тем более, трона. Всеблагое Матерью клянусь, мне всегда было предостаточно дел в нашем поместье. Но мне напомнили о долге дворянина, и я готов его выполнить.

Из кресла, где сидел лорд Бастельеро, донеслось такое тихое хмыканье, что Аластор не понял, было ли оно удивленным или одобрительным. Заставив себя не обращать на протектора ровно никакого внимания, он взглянул прямо в холодные темно-серые глаза лорда Аранвена, потом снова перевел взгляд на распорядителя.

- Но исполнение долга короля вовсе не означает, что я должен отказаться от собственных понятий о том, что считаю правильным и приятным. Насколько я помню историю, эта прическа и подобные ей были вполне хороши для Дорве Великого и его соратников. Значит, она подойдет и его потомку, которому настойчиво напоминали об этом родстве. А если моя голова с этой прической недостаточно благородна для королевской короны... - Он вспомнил беседы с месьором д'Альбрэ и язвительно закончил, копируя тон фраганца: - Тогда, боюсь, этой голове и короне придется обойтись друг без друга.

Церемониймейстер вытаращил глаза в немом изумлении, а сидящий рядом с ним секретарь уткнулся взглядом в стол, изображая часть письменного прибора. Оба лорда смотрели на Аластора почти одинаково бесстрастно, только в глазах Аранвена еще светилось легкое доброжелательное любопытство.

- Кстати, о короне, — продолжил Аластор с уверенностью, которая вдруг пришла к нему неизвестно откуда. — Вы знаете, что я не считаю себя сыном его величества Малкольма и потому не считаю правильным принять его корону.

Тонкие брови Аранвена поднялись, выдавая нешуточное изумление канцлера, и Аластор, отгоняя неприятное тягостное смущение, поспешно пояснил:

- Я вовсе не требую сковать для меня новую корону, это слишком долго, да и дорого, но разве во дворце не найдется хоть сколько-то подходящего обруча, пусть и самого простого? Да хоть лентой повяжите, слова против не скажу. Но корону его величества не приму.

- Что касается упрямства, вы истинный сын своего отца, — сухо бросил Бастельеро, но не успел

Аластор огрызнулся, как канцлер улыбнулся и кивнул.

- Нет ничего проще, ваше высочество, — промолвил он, подчеркнуто не заметив слов лорда Бастельеро. - В королевской сокровищнице хранится корона, безусловно достойная вас. Согласно летописи, ее сковал отрядный кузнец Дорве Великого, тогда еще - Дорве Изгнанника. Ею не короновали других королей, но если в ваши руки попала одна реликвия, я имею в виду ваши секиры, то будет только справедливо отдать вам и вторую. Остался последний связанный с этим вопрос, — добавил канцлер задумчиво, пока Аластор пытался осознать сказанное. - Вам придется выбрать себе еще одно имя. Коронационное, если угодно. Как вам известно, лорды и леди Трех Дюжин обычно имеют четыре личных имени, а прочее дворянство - по три...

- Известно, — буркнул Аластор, всерьез задумавшись.

Конечно, это мелочь. Но отмахиваться от слов лорда Аранвена все-таки не стоит. Если уж канцлер считает, что так надо... Ну и как назваться? Себастьяном, в честь отца? Нет, так он назовет старшего сына, когда тот появится. А второго - Жозефом...

«Прекрасно, с сыновьями определился, — подумал он саркастически. - А как же назваться самому?»

- Малкольм, — упрямо и холодно бросил лорд Бастельеро, и Аластор воззрился на него с пораженным негодованием. - Как бы вы к нему ни относились, не стоит забывать о тех, кто проложил вам дорогу...

- В Бездну, — не выдержал Аластор. - И мне, и всему Дорвенанту! Нет уж, от дороги, проложенной... или указанной, как вам угодно, предыдущим королем, я постараюсь держаться подальше.

«И уж скорее назовусь Пушком, — едва удержал он на языке. - По крайней мере, с него и в самом деле стоило бы взять пример иному лорду...»

И замер. Пушок... Пушок?

- Ульв!

- Что, простите? - растерянно уточнил Аранвен.

- Ульв, — повторил Аластор с полной уверенностью, вспомнив имя, которым Айлин в трактире назвала его северянам. Прекрасное воспоминание получится! - Я желаю взять это имя своим коронационным.

- Но... почему? - В голосе Аранвена звучало искреннее любопытство. - Простите, ваше высочество, я никоим образом не противоречу вашей воле, мне всего лишь хотелось бы знать...

- Потому что оно мне нравится, — просто ответил Аластор. - А еще потому, что леди Ревенгар однажды представила меня так, желая сохранить наше инкогнито. Я же не могу позволить, чтобы слова леди оказались неправдой.

На несколько мгновений кабинет заполнила тишина. Аластор не собирался прерывать ее первым, спокойно разглядывая стену за спинами Аранвена и Бастельеро и висящую там большую карту Дорвенанта. Очень хорошую карту, кстати. Интересно, а в королевском кабинете есть такая? Если нет, нужно срочно заказать. Свои владения следует знать до мельчайшего уголка.

- Что ж, это... вполне подходящее имя, — помолчав, согласился канцлер. - Вкупе с вашим обликом оно напомнит людям о Дорве Великом, создавшем Дорвенант. Полагаю, это все, что следовало обсудить... Список ваших личных гостей вы можете просто продиктовать лорду Гранде.

- Вам виднее, милорд, — согласился Аластор и тут же спохватился. - Впрочем, нет! Есть еще одна вещь. Очень важная! Мой отец всегда говорил, что худший порок - неблагодарность. Я должен достойно отблагодарить моих спутников.

- Лорд Вальдерон, несомненно, прав, — согласно склонил голову канцлер. - И это будет очень уместно именно в день вашей коронации. О какой именно благодарности пойдет речь?

- О наследном дворянстве для Лучано Фарелли, — твердо ответил Аластор и немало удивился, увидев спокойный кивок Аранвена. - И леди Айлин Ревенгар... Вам ведь известно, что она в ссоре с семьей? Я должен позаботиться о ее будущем!

- Чрезвычайно... достойное желание, — уронил канцлер и надолго умолк, явно глубоко задумавшись.

Аластору даже показалось, что пожилой лорд попросту задремал с открытыми глазами, но тут Аранвен заговорил так спокойно и ровно, словно беседа и не прерывалась:

- Вы можете пожаловать вашим друзьям выморочные земли. Меньше, чем в дне пути от столицы, есть прелестное поместье, принадлежащее короне. Оно, правда, невелико - всего пара деревень, но приносит постоянный и вполне приличный доход, поскольку славится яблоневыми садами...

Аластор невольно вспомнил первую встречу с Айлин и яблоки, которые они грызли на крыше склепа Корсонов. Поместье, славное яблоневыми садами? Лучшего и пожелать нельзя!

- Прекрасно, — кивнул он. - Леди Ревенгар не нужен титул, ее происхождение и так в высшей степени благородно. Поместье как раз подходит. А для Фарелли?

- Совсем близко к столице подходящих майоратов больше нет, — признался канцлер. - Но сейчас, когда порталы восстановили свою работу, это уже не является таким препятствием. Вы можете пожаловать ему земли на северной границе с Невией. Или, в память о его заслугах, в Озерном крае... Например, между владениями Сазерлендов и Уорришей имеются подходящие пустоши. Там, правда, нет усадьбы, но если сударь Фарелли решит обосноваться в Дорвенанте, сможет выстроить дом по собственному вкусу.

- Пустоши возле владений Сазерлендов? - Аластор нахмурился, припоминая. - А вы... не могли бы показать?

Повинуясь даже не слову, а взгляду канцлера, его секретарь вскочил с места, подлетел к карте и ткнул кончиком пера в очень знакомые Аластору места, очертив кусок леса, холмы, проходящую рядом ниточку дороги на Керуа и синее пятнышко.

- Вот, ваше высочество! - Голос у секретаря был звонким и срывающимся от старания угодить. - Утиные пустоши! Называются так по близлежащему озеру. Очень богатые дичью места, и есть выход к дороге!

- И что, эти пустоши до сих пор никто не прибрал к рукам? - удивился Аластор. - Даже Сазерленды?

- Пахотных земель там мало, — пояснил Аранвен. - Хорошее озеро, но рядом сплошь болота. Разве что алхимики с целителями, насколько мне известно, ездят туда на практику. Ищут какие-то растения и вещества... Но для усадьбы место найдется, ручаюсь. А лорд Уорриш, возможно, согласится продать пару близлежащих деревень, которые мы включим в новый майорат.

- Болота... — Аластор всерьез задумался, а потом не без легкого ехидного злорадства подытожил: - И озеро. С енотами. Решено, это как раз подходит для Фарелли!

- Наличие енотов обязательно? - с великолепной невозмутимостью уточнил канцлер. - Именно в этом я не уверен...

- Зато я уверен, — отрезал Аластор. - Енотов там достаточное количество. Кое-кто сможет навещать родню... Впрочем, это уже неважно. Я могу просить вас подготовить необходимые документы?

Канцлер кивнул, и Вильмон, вернувшись к столу, принялся торопливо делать какие-то пометки.

- Ваше высочество... — робко подал голос до сих пор не пришедший в себя распорядитель. - По традиции король в день коронации жалует некоторым подданным особые милости, а также утверждает перечень придворных должностей.

- Что за милости? - поинтересовался Аластор, отвлекаясь от представления лица Лучано, когда тот узнает, что стал владельцем очень многих енотов.

Отличная маленькая месть за пряник! Лу точно оценит.

- Например, право сидеть в своем присутствии, — воспрянул распорядитель. - Обычно его величество дарует это право лорду-канцлеру. Для удобства...

- Право сидеть? - Аластор удивленно взглянул на Аранвена, который ответил ему учтивым кивком. - Ну разумеется! Нам же предстоит часто обсуждать какие-то дела! Конечно, я не собираюсь заставлять вас стоять, об этом и говорить не следовало!

- Этикет требует очень точного указания таких привилегий, ваше высочество, — с улыбкой возразил ему канцлер. - И, возможно, вы захотите предоставить это право еще кому-то...

- Непременно захочу, — согласился Аластор и на миг задумался. - Запишите, мэтр, — велел он секретарю. - Жозеф д'Альбрэ, мой наставник и воспитатель. Безусловно, он может сидеть при мне, а также должен именоваться королевским фехтмейстером. При дворе ведь есть такая должность?

- Да, ваше высочество, — подтвердил секретарь. - Вы желаете разжаловать прежнего фехтмейстера?

- Нет, не желаю, — подумав, сказал Аластор. - Если он ее получил, значит, на это были основания.

Полагаю, два фехтмейстера моему двору пока не помешают, а там решу, оставлять ли его в должности и в какой. После знакомства. — Увидев едва заметный, но, несомненно, одобрительный кивок канцлера, он продолжил: — Леди Айлин Ревенгар и Лучано Фарелли. Право сидеть в моем присутствии, а также называть меня по имени и входить без доклада в любое время дня и ночи. Так это называется?

- Да, но... — Распорядитель кружевным платком смахнул со лба проступившие на нем капли пота и признался: — Это вызовет очень много толков, ваше высочество. Если насчет сударя Фарелли все еще поймут, то леди...

- Леди провела со мной в дороге не одну неделю, — холодно напомнил Аластор. - В местах и обстоятельствах, которые связали нас теснее, чем родного брата и сестру. Не вижу причины ничего менять в наших отношениях. Или вы думаете, что люди, которым я обязан жизнью, теперь должны стоять передо мной навтыжку? Кстати, добавьте в этот же список магистра Дункана Роверстана. Вот теперь все.

- Прошу прощения, ваше высочество, — очень ровно сказал канцлер, пока перо секретаря чуть поскрипывало по бумаге. - Возможно, стоит даровать эту привилегию лорду и леди Вальдеронам?

- Какую привилегию? - искренне не понял Аластор, видя, что лорды Аранвен и Бастельеро снова смотрят на него с разным выражением.

Канцлер - с едва заметным неодобрением, а Бастельеро - с отчетливым презрением.

- Привилегию сидеть в вашем присутствии, — тем же прохладным тоном подсказал Аранвен. - Хотя бы вашей матушке.

- Привилегию сидеть... - Аластор нахмурился еще сильнее, и тут его осенило. - Милорд Аранвен, вы что же, подумали... Какая привилегия?! Они мои родители! Это им принадлежит право разрешать мне сидеть в их присутствии! Или не разрешать, если им это угодно. Я их сын! И не собираюсь отказываться от должного к ним почтения!

- О-о-о, прошу прощения... — Канцлер низко склонил голову, задержавшись в малом поклоне на пару мгновений. - Я действительно неправильно понял ваше высочество и приношу самые искренние извинения. Статус леди и лорда Вальдерона будет учитываться при дворе должным образом.

Он поднял голову, и Апастору показалось, что холодный взгляд темно-серых глаз ощутимо потеплел.

- Надеюсь на это, - буркнул Аластор, все-таки смутившись. - Что там еще? Придворные должности?

- У меня есть список, ваше высочество!

Лорд Гранде взял у безмолвного помощника бумагу и подал Апастору, который развернул длинный лист, бегло пробежал взглядом и затряс головой.

- Погодите... Я не знаю всех этих людей, как я могу решить, оставлять ли их на прежнем месте? И... Сколько человек служит при моей спальне?! Двенадцать?! Хранитель постельного белья? Хранитель чулок?!

- Это старинные должности, освященные традициями...

В глазах распорядителя снова заплескался ужас.

- И зачем они нужны? - поинтересовался Аластор, складывая лист. - Неужели в королевской спальне так часто воруют чулки, что им нужен особый хранитель? Камердинер не справляется? Я, конечно, не знаю, сколько чулок положено иметь королю, но у нас в усадьбе всего один человек вполне успевал следить и за моим, и за отцовским гардеробом. И чулки, позвольте заметить, не пропадали! Может, как раз потому, что никакая дюжина посторонних человек по спальне не шастала! И что, им всем положено жалованье?

- Д-да, ваше высочество... — пролепетал лорд Гранде, разом утратив всю внушительность. - Но это... традиция... Эти люди много лет... верой и правдой...

- Объядали прежнего короля, — закончил Аластор. - Вот что, никаких пока утверждений. Пусть получают жалованье до конца месяца, а там я разберусь. И предупреждаю, я вполне способен сам одеться по утрам и даже взять чулки из того места, где они лежат. Вместе с остальным бельем. Лорд Аранвен, — обернулся он к канцлеру. - В остальном у нас такое же положение? По три человека при каждой чернильнице?

- В тех службах, за которые я имею честь отвечать, положение иное, — с огромным удовольствием, как показалось Аластору, ответил тот. - Но придворный статут должностей действительно весьма устарел и слишком... снисходителен к дворцовым потребностям. Если вы пожелаете это изменить... — вкрадчиво добавил он с явной надеждой.

- Непременно пожелаю, — бросил Аластор. - И хочу увидеть этот статут... ну... не завтра, пожалуй. Но послезавтра - точно. На этом все?

- Да, ваше высочество!

Лорд Гранде снова вытер лоб и нервно смял платок.

- Тогда будьте любезны, подготовьте мне описание церемонии, — напомнил Аластор. - И велите принести корону для примерки. Не хочется, чтобы завтра она болталась на ушах или торчала на макушке. Костюм... Ах да, лошадь! Сутра пораньше велите послать в особняк Вальдеронов за моим жеребцом. Огонек меня наверняка забыл, но мой отец лошадей плохо не выезжает, а я на них сидеть не разучился, так что никаких сложностей быть не должно.

- Но... — Лорда Гранде отчетливо затрясло. - Ваша лошадь для коронации... Уже готова...

- Полагаю, это моя вина, — вступился за распорядителя канцлер. - Дело скорее дипломатическое. Посол короля Фраганы, узнав о близкой коронации, преподнес вам в подарок великолепного белого жеребца лучших фраганских кровей. И если вы появитесь на другой лошади...

- Я появлюсь на знакомой лошади, — отрезал Аластор. - От которой не жду никаких неожиданностей. А послу, если нужно, сам скажу, что очень благодарен. Истинная правда, между прочим, давно хотел чистокровного фраганца в разведение. Есть у меня на примете пара кобыл... Но это потом. Я думаю, мой отец об этом позаботится, но на всякий случай учтите, что моего коня для коронации зовут Огонек и никак иначе.

- Да, ваше высочество, — кивнул канцлер. - Лорд Гранде, мы вас больше не задерживаем.

Распорядитель вскочил, торопливо поклонился и выскочил вместе с помощником, Аластор же подумал, что нужно проследить, куда за королевским столом посадят Айлин с Лучано. Она наверняка хотела бы сидеть рядом с женихом. Пусть об их помолвке пока ничего не известно, но для девушек такие мелочи важны. И вообще стоит внимательно ознакомиться с этой их церемонией заранее.

«С моей церемонией, — поправил он себя. - С моей церемонией моего брака и моей коронации. Ну никакой разницы с поместьем. Немного не доглядишь, и либо овес не тот закупают, либо табун загонят по дешевке, а даже самый честный управитель норовит прикупить себе домишко в столице на твои деньги. Карту... Мне срочно нужна карта с границами всех владений. И этот их барготов статут придворных должностей. И непридворных тоже. Документы по налогам... Вот странно, раньше налоги в казну платили мы с отцом, а теперь их будут платить мне. Со стороны того, кто налоги получает, они уже не выглядят такими большими! Ничего, разберусь...»

- Ваше высочество, — впервые за весь разговор разомкнул губы лорд Бастельеро. - Мой долг - напомнить вам, что завтра я сложу полномочия протектора и верну в сокровищницу меч, который символизирует и мою власть, и ответственность за нее. Вам известно, почему знаком протектора является именно меч?

Аластор покачал головой, и Бастельеро все так же холодно уронил:

- Потому что лорд-протектор имеет власть над жизнью любого подданного, но если король, взойдя на трон, решит, что эта власть была применена преступно, протектора казнят этим же самым мечом.

«Будь я протектором, — мелькнуло в мыслях Аластора, — вернул бы меч в прекрасном состоянии и отлично наточенным. На всякий случай . »

А потом он осознал сказанное. Не просто присяга, а... фактически суд? Он может просто отправить Бастельеро на плаху, и никто ему не сумеет помешать?!

«Ну и как ты поступишь? - Фамильные синие глаза Бастельеро смотрели с отчетливой дерзкой издевкой. - Теперь, когда все возможности у тебя... Что ты со мной сделаешь, мальчишка?!»

- И когда король должен это решить? - ровно поинтересовался Аластор.

- На первом же королевском совете, — негромко подсказал канцлер. - Обычно с этим... не затягивают. Но, разумеется, не прямо завтра. После коронации для этого просто не будет времени.

- Тогда назначьте совет на послезавтра, — решил Аластор и встал. - Милорд Аранвен, пока лорд Гранде готовит описание, не составите мне компанию? Я хотел повнимательнее осмотреть королевские конюшни. Лорд Бастельеро?

- Не смею отвлекать ваше высочество от важнейших дел, — с насмешливой любезностью поклонился тот. - Прошу меня простить.

Когда он вышел, прямой, как стрела, и так же готовый сорваться с натянутой тетивы, канцлер потер виски и утомленно уточнил:

- Конюшни, ваше высочество?

- Или сад, — пожал плечами Аластор. - Или библиотека. Пожалуй, библиотека даже лучше, туда можно велеть подать шамьет. И у меня к вам будет несколько неотложных вопросов, милорд канцлер.

***

Торжественная процессия еще не выехала из дворца, а лейб-церемониймейстер уже сбился с ног, напоминая, указывая, проверяя и до хрипоты повторяя одно и то же. Грегор ему от всей души посочувствовал и подумал, что в армии было проще. Там хотя бы никто не спорил с приказами и не приводил в оправдание своего разгильдяйства дюжину благородных предков. Ну как можно было за три дня не собраться на праздник должным образом?

А теперь, извольте видеть, кто-то явился не в трауре, а разряженным, словно на собственную свадьбу, у кого-то вот прямо сейчас охромела лошадь, два лорда, увидевшись впервые за двадцать лет и вспомнив старые обиды, уже назначали дуэль, а какой-то престарелый маразматик во всеуслышание рассказывал, что он с молодым принцем подавлял бунт в Дильмахе. Рассказ был совершенно правдивый, только старик перепутал наследников и говорил о Кристусе, отце Малкольма. Полсотни лет, прошедшие со времени этого события, стерлись из памяти несчастного, и он искренне полагал, что это принц Кристус вот-вот взойдет на трон.

Грегор содрогнулся от брезгливой жалости и пообещал себе, что постарается не дожить до такого плачевного состояния рассудка.

Приличнее всего, к его гордости, вела себя та часть будущей процессии, что принадлежала Академии. Чтобы подчеркнуть траур, магистры гильдий перевязали яркие мантии широкими черными лентами, придав им вид строгий и торжественный. Сам Грегор просто надел черный камзол, поморщившись, что звезда архимага выделяется слишком ярким пятном. Но здесь ничего не поделать, это не украшение, а символ власти и артефакт.

Девериан, Эддерли, мрачный Ладецки... Ради коронации магистр Красных оставил пост возле камеры Саграсса, и было видно, что сердце у него не на месте. Боевик то и дело вглядывался туда, где уже сидел на гнедом жеребце принц. Грегор тоже в очередной раз посмотрел на массивную фигуру в темно-лиловом, издалика так похожую на Малкольма, а потом, разозлившись на самого себя за глупые чувства, подошел к магистрам и поклонился.

- Доброе утро, милорды! Рад вас видеть!

Ладецки молча ответил поклоном, остальные отозвались должным образом.

- Триумф вашей гильдии, милорд Архимаг, не так ли? - любезно заметил Девериан, указывая взглядом на тоненькую фигурку в черной мантии и штанах, держащую повод роскошной белой кобылы. Рыжие волосы Ревенгар горели на утреннем солнце так, что никакой траур не сделал бы девушку блеклой.

- И Красной - тоже, — отозвался Грегор. - Впрочем, как и всего Ордена, я думаю.

- О да, прекрасный пример следования тройной заповеди, — рассеянно подтвердил артефактор. - Никакого сомнения, что юная леди училась прилежно, раз уж сумела сотворить подобное. И, как я слышал, проявила немалую доблесть.

Грегор коротко кивнул, не собираясь обсуждать Айлин. Она, разумеется, заслужила все почести, которых будет удостоена, однако не стоит напоминать окружающим, что третью заповедь Ревенгар тоже выполнила и выжила чудом. Неизвестным пока чудом, которое кому-то может показаться подозрительным. После заговора Денвера все, что хоть косвенно связано с Барготом, вызывает особенные недоверие и ужас.

Будто отвечая на его мысли, Эддерли в тихом разговоре с Ладецки упомянул Денвера, и Грегор встрепенулся.

- Денвер? - переспросил он. - Есть какие-то известия?! На холме среди убитых его все-таки не оказалось! И если эта тварь до сих пор жива...

Он осекся, увидев, что магистры в полном составе глядят как-то странно, даже Волански оторвался от разглядывания шпилей дворцовых башен и воззрился на Грегора с интересом.

- Уже нет, милорд Архимаг, — мягко сообщил Эддерли. - Вы, наверное, не успели прочитать последний доклад службы безопасности? Счастлив сообщить, что наш бывший коллега не просто покинул мир живых, но и безусловно упокоился после недолгого, но бурного посмертия. Прекрасная работа, милорд Бастельеро! Поздравляю!

- Меня? — опешил Грегор. - С чем?!

- С успехами вашей личной ученицы, — невозмутимо объяснил Эддерли и кивнул в сторону Ревенгар. - Денвер встретил наших героев по дороге и вознамерился провести ритуал отъема силы. А когда итлиеца его убил... да-да, милорд, представляете? Обычный наемник - мэтра Денвера! Так Денвер встал кадавром, чтобы завершить начатое. И Ревенгар его упокоила!

- Упокоила кадавра? - растерянно повторил Грегор, пытаясь осознать услышанное. - Эддерли, это... это немыслимо! Адептка шестого курса? У нее же для этого ни знаний, ни силы... Вы уверены?!

- Служба безопасности, во всяком случае, это подтверждает. Милорд Архимаг, неужели вы сомневаетесь в нашей Ревенгар? - укоризненно и даже с некоторой обидой спросил Эддерли. - Вы же сами ее учили.

«Но не упокаивать кадавров, — промелькнуло у Грегора в мыслях. - С кадавром я бы сам повозился... Там столько условий, начиная с этого проклятого моста, который попробуй найди и замани на него тварь! А Денвер... Он же не потерял рассудок, став нежитью! И просто не мог так подставиться... Айлин упокоила кадавра! Невозможно! Невероятно! Может, служба безопасности ошибается? Или девочка перепутала кадавра с чем-то другим?»

- Вам следует непременно почитать этот отчет, — посоветовал Эддерли. - Я бы сам не поверил в некоторые пункты и до сих пор не знаю, как их объяснить. Это что-то поразительное!.. О, кажется, начинается!

Помощники церемониймейстера действительно превратили разрозненную толпу в подобие отряда, где каждый занял положенное место, и один из них подлетел к магам, чтобы провести их в начало процессии.

- Милорд Архимаг! То есть лорд-протектор! Простите, ваша светлость! - склонился он перед Грегором. - Извольте пожаловать...

Грегор изволил. Ему подвели лошадь, присланную из особняка Бастельеро, и он взял ее повод. Следом потянулись магистры. Пропели трубы... Из парадного входа во дворец показалась стайка дам, одетых в разные оттенки серого и лилового... И среди них Беатрис, идущая прямо к будущему супругу. Рядом с его жеребцом конюх держал вороную кобылку под дамским седлом, и главный конюший, чьей почетной обязанностью было посадить королеву, уже приготовил золоченую скамеечку...

Принц одним легким движением соскочил с коня, шагнул к Беатрис и что-то ей сказал. Смуглое лицо итлийки озарилось улыбкой, и Грегор закусил губу: они неправдоподобно красиво смотрелись рядом. Беатрис, разумеется, оделась в тон наряду жениха, и ее густо-лиловое шелковое платье подчеркивало каждый изгиб великолепной, несмотря на возраст, фигуры.

Но следовало отдать должное и бастарду, Малкольм так не выглядел даже в лучшие свои годы, не говоря уж о его законных сыновьях. Истинно дорвенновская мужская стать, будто взятая с портретов Дорве Великого, и женственная прелесть итлийки, Юг и Север...

Беатрис подошла к пританцовывающей кобыле, быстро глянула на конюшего с извиняющейся улыбкой и снова повернулась к жениху. Тот сделал шаг и на глазах у всего двора подхватил итлийку за талию, развернулся так легко, будто женщина вообще ничего не весила, поднял на вытянутых руках и посадил ее в седло. Толпа во дворе разразилась восторженными криками, кто-то залихватски свистнул...

- Ох и хороши стати у жеребчика, — проскрипел тот самый маразматик, вдруг оказавшись неподалеку от Грегора. - Я всегда говорил, что итлийских кобыл надо нашими красавцами крыть! А то арлезийцы, фраганцы, понимаешь ли... Нет породы лучше дорвенантской...

Грегор в ярости обернулся, но старика уже уводили под руки, он на ходу рассказывал тонкости выведения полукровок, а в толпе слышались приглушенные смешки. Главный конюший стоял багровый, как вареный рак, переводя взгляд с дорвенантского жеребца будущего короля на

итлийскую кобылку королевы и обратно. Поднять глаза выше он, по вполне понятным причинам, боялся...

Игнорируя и конюшего, и его скамеечку, принц небрежно оперся ладонью о лук седла и взлетел в него, едва коснувшись сапогом стремени и не тронув поводья. В толпе гвардейцев снова кто-то восхищенно присвистнул.

- Кажется, на приличные манеры здесь кому-то решительно плевать, — не выдержал Грегор, почти не понизив голоса.

- Будем снисходительны, милорды, — хмыкнул Эддерли, — кто из нас не хотел бы нарушить этикет столь приятным способом?

И Девериан, и Райнгартен поддержали его одобрительными усмешками, даже у Ладецки, мрачного, как зимняя туча, по лицу скользнула улыбка. Грегор опять закусил губу. Какая глупость и пошлость — кичиться силой и умением лихо вскакивать в седло. Королю нужны совсем другие таланты и умения!

А проклятая итлийка, расправив пышную юбку, томно улыбнулась жениху, блестя огромными черными глазами. Никаких украшений на ней не было, кроме золотой цепочки, обхватившей тонкую талию и свисающей с нее обоими концами. Да еще высокая прическа, открывающая совершенно девичью шею, была заколота одной-единственной белой розой - изящный компромисс между требованиями траура и свадебными традициями.

Грегор снова посмотрел на Айлин. Она глядела на королеву с очень странным выражением лица, словно готова была вот-вот запустить в нее проклятием. «Что ей сделала Беатрис? - удивился Грегор. - Неужели...» Он постарался отогнать мерзкую мысль, что девушки возраста Айлин как раз очень ценят высокий рост, широченные плечи и показную лихость. А может, и не только показную, Грегор помнил увиденное на холме и в этом тоже отдавал бастарду должное. И все-таки неужели Айлин... Нет, наверное, она просто злится на королеву за то, что Беатрис выдала их побег! Узнала о нем от сестер принца и рассказала Грегору... Любопытно, правда, откуда об этом узнала Айлин?

Он окончательно постарался выбросить из головы всякие глупости. Снова пропели трубы, и королевская чета тронула поводья, позволив лошадям идти неспешным торжественным шагом. Теперь конюший оказался возле Айлин, но та смущенно замотала головой и ловко вскочила в седло, показав отменную выучку, достойную адептки Красной гильдии.

«И дочери Дориана Ревенгара, — напомнил себе Грегор. - О, как бы он гордился! Больше, чем любыми своими свершениями!»

Похоже, конюшему с его скамеечкой сегодня решительно не везло. Парой в процессии для Айлин оказался, разумеется, тот самый итлиец. Сегодня он был вполне пристойно одет в черный бархат, держался скромно, и только желто-зеленые глаза смотрели со смуглой смазливой физиономии с обычной наглостью. Перешагнув несчастную скамейку, наемник прыгнул в седло гнедой дорвенантской кобылы, и их с Айлин лошади потянулись друг к другу мордами, обнюхиваясь.

- Победитель Денвера... — задумчиво протянул стоящий рядом Эддерли. - Любопытно, как ему это удалось? Покойника никто не назвал бы неумехой.

- Ножом, насколько мне известно, — отозвался Бреннан. - Обычным ножом в спину, милорды. Даже очень сильный маг превосходнейшим образом умирает от стали, помещенной в должные места организма. Это я вам как целитель говорю. И магам об этом забывать не следует.

— Еще как не следует... — вдруг раздался печальный голос Волански.

Все обернулись на него, но иллюзорник снова принялся разглядывать дворцовые башни, и магистры лишь переглянулись, пожав плечами.

А Ревенгар с итлийцем последовали за королевской четой, и возле лошади Айлин с горделивым видом трусил ее пес. Грегор поморщился. Взять собаку на коронацию? Айлин оправдывает разве то, что умертвив сопровождало их в походе, и девочке, наверное, хочется показать такой замечательный живой артефакт. И все-таки могла бы оставить его в Академии, профаны все равно не оценят. Они увидят лишь огромную собаку, тщательно вымытую, расчесанную и с настороженно стоящими ушами. Чтобы оценить уникальность любимой игрушки Ревенгар, нужно быть некромантом уровня Эддерли или его самого. Да и то Грегор так и не смог разобраться, как же работает эта тварь.

- Милорд Бастельеро, ваш черед! - склонился перед ним церемониймейстер. - И лорда Аранвена... Мои глубочайшие извинения! Я умолял его высочество, обращал его внимание на незыблемость обычаев и требования этикета... Это вы должны были ехать во второй паре!

- Оставьте, лорд Гранде, — спокойно уронил Аранвен, подходя к Грегору. - Мы вас несколько не виним. Неужели вы думаете, что наше с лордом Бастельеро достоинство пострадает, если мы уступим почетное место героям Дорвенанта? Право же, сделанное этими молодыми людьми заслуживает любых почестей. Не так ли, дорогой Грегор?

- Полностью с вами согласен, — кивнул Грегор.

Скамеечка, наконец, дождалась. Лорда-канцлера, конечно, конюший подсаживать не стал, но Ангус и сам преспокойно поднялся в седло светло-серой лошади - в тон камзолу, не иначе. Ох уж эти Аранвены! Грегор тронул поводья, пуская свою кобылу по правую руку от канцлера.

Под пение труб на оставшемся позади дворе на лошадей садились все новые и новые пары. Некоторые леди предпочли ехать рядом с мужьями, а не в каретах позади конной процессии. Там, разумеется, было удобнее, но женщины есть женщины, даже траур не помешал им соревноваться в изяществе туалетов и причесок. Однако большинство дам и мужчины постарше все-таки предпочли экипажи, так что процессия должна была растянуться далеко.

Отвратительное настроение Грегора немного спасал только вид едущей впереди Айлин. Девочка прекрасно держалась в седле, без всякого корсета показывая безупречную осанку и манеру езды. Да, Дориан действительно гордился бы ею изо всех сил! Как сейчас гордится сам Грегор, снова и снова отчаянно сожалея, что не был рядом в самые страшные минуты. Никогда он этого себе не простит! И сделает все, чтобы сгладить в памяти бедняжки эту жуть, заменить ее счастливыми и спокойными воспоминаниями их будущей семейной жизни... Если переживет завтрашний Совет, разумеется!

- У вас усталый вид, Ангус, — покосился он на едущего рядом канцлера. - Впрочем, это неудивительно. Такие тяжелые дни!

- И не говорите, — вздохнул Аранвен. - Жду не дождусь, когда мой сын окончательно сменит меня. Если, разумеется, на то будет воля его величества.

- Отказать Аранвенам в их исконной должности? О, этого быть не может. Уверен, Дарра станет превосходным канцлером, когда придет его время.

В этом Грегор ничуть не лукавил. Все Аранвены созданы, чтобы стоять у трона и хранить его, предупреждая и исправляя ошибки королей. И это, пожалуй, лучшее, на что способен Дарра. Он, кажется, собирается сдать выпускной экзамен досрочно? Вот и прекрасно!

- Фраганский посол не обиделся за пренебрежение к его подарку? - постарался он найти тему для разговора и хоть немного развлечь Аранвена в пути.

Процессия как раз выехала на главную дорогу, ведущую от дворца к храму. Обочины были заполнены народом, и гвардейцы, стоящие цепью, едва сдерживали натиск толпы. Как и говорил церемониймейстер, город украсили скромнее обычного, но все равно с балконов свешивались флаги и просто ало-золотые полотнища, между домами протянулись цветочные гирлянды, а балконы ломились под тяжестью зрителей, и с них летели цветы. Они устилали мостовую столь густо, что не было видно камней, и копыта лошадей ступали по яркой душистой массе, безжалостно топча нежные соцветия. А еще толпа кричала. Отовсюду летели вопли:

- Ура королю! Да здравствует Аластор Дорвенн! Ура Аластору Спасителю! Ура героям!

Грегор поморщился, у него начала болеть голова от криков и запаха цветов, стоящего в воздухе, так что он уже пожалел о затеянной светской беседе.

- Ничуть, — спокойно ответил Аранвен. - Его высочество сегодня утром очень любезно извинился, так что посол остался в полном восторге. Оказывается, принц великолепно владеет фраганским и дружелюбно настроен к нашим соседям.

- Ничего удивительного, — бросил Грегор. - Его воспитывал фраганец, насколько мне известно. Удивляюсь Вапдерону, взять наставником единственному сыну бывшего врага! Фраганцы, конечно, не лишены чести и были достойными противниками, но... Воспитатель молодого дворянина должен прививать ему любовь к родной земле, а не к соседнему государству.

- Полагаете, его высочеству не хватает любви к Дорвенанту? - невозмутимо уточнил канцлер, и Грегор стиснул зубы.

Да уж, не ему говорить о любви к стране, после того как он выбрал собственную жизнь, собравшись убить последнего из Дорвеннов. И любые оправдания бесполезны, они с Ангусом оба отлично это понимают. Это клеймо Грегору нести всю оставшуюся жизнь.

- Я надеюсь, он проявит ее не только одним героическим поступком, — выдавил он, старательно

глядя перед собой.

Туда, где две толстые рыжие косы слегка покачивались на черной мантии. Айлин повернула голову к итлийцу, который что-то рассказывал, но в шуме вокруг ни одного слова разобрать не получалось. Даже «кошачье ухо», воспользуйся им Грегор, мгновенно оглохло бы.

«Прекрати, — одернул он себя. - Он был ее спутником не одну неделю. Разумеется, им есть о чем поговорить, как любым боевым товарищам... Ей — и этому смазливому кошаку, ей - и принцу... Претемнейшая, это же Айлин Ревенгар! Она даже со своим умертвием разговаривает, и можно не сомневаться, что находит для него ласковое слово. Какая же чудесная девочка!»

- Я тоже на это надеюсь, — как всегда бесстрастно сказал Аранвен. - Пока, во всяком случае, нет причин думать иначе. Его высочество полон желания заниматься государственными делами и заключает очень выгодный для Дорвенанта брак. Я уже получил от главы семьи Риккарди утверждение следующего кредита всего под пять процентов. Неслыханно низкая ставка, обычно Риккарди требуют не меньше девяти, а то и двенадцати. Очень великодушно с их стороны.

- Если вы говорите, значит, так оно и есть, — рассеянно согласился Грегор. - Ничего в этом не понимаю. Какое счастье, что финансовыми делами Ордена занимается Райнгартен... Это еще кто?

Он нахмурился, потому что впереди возникла суматоха. Несколько странно одетых человек распихали толпу и пытались пройти через стражников, те огрызались, но как-то нерешительно.

- О, я совсем забыл... — вздохнул Аранвен и махнул рукой гвардейцу из конной охраны. - Лейтенант Минц, велите пропустить, и пусть им найдут лошадей. Определите господ из Вольфгарда к остальным послам, пусть едут в храм, если им так угодно.

Чернявый лейтенант, которого Грегор смутно помнил по краткому столкновению у спальни пьяного Малкольма, кивнул и умчался выполнять приказ.

- Вольфгард? - удивился Грегор. - Это послы?

Он взглянул на шестерку здоровяков самого разбойничьего вида. Бородатые и длинноволосые, увешанные оружием, в том числе секирами и старинными прямыми мечами, они были одеты с варварской грубой роскошью. Кожаные штаны, но бархатные рубахи, густо вышитые золотом, золотые пояса и пряжки на сапогах, массивные серьги... Разве что колец в носу не хватает! Впрочем, чего ждать от полудикого Вольфгарда, где со времен Дорве Великого не было почти никакого развития.

Северяне - отчаянные свирепые воины, они строят неплохие корабли и обладают особой магией, основанной на природных силах и поклонении своим божествам, таким же диким и свирепым. Грегор смутно помнил из уроков деда, что божества эти имеют звериную форму, крайне жестоки, мстительны и коварны. Стефан Черный Глаз рекомендовал держаться от северной магии подальше, поскольку вся она основана на крови, смерти и непристойных плотских ритуалах...

- И что им нужно? - поинтересовался он.

- О, это дивная история, — так же утомленно вздохнул канцлер. - Представьте себе, эти бедолаги - жертвы сбоя порталов. К счастью, все обошлось искажением, которое выбросило их вместо Дорвенны аж в Гредоне. Когда наши северные друзья поняли, что промахнулись на полстраны, то принялись пробираться в столицу. По пути они несколько раз встретили демонов, чему чрезвычайно обрадовались - такая отличная охота по их словам! Порубились с какими-то разбойниками... Вот вы, Грегор, способны представить настолько тупых разбойников, чтобы встать на дороге у отряда вольфгардцев? Лично я - нет. Разумеется, этих болванов они тоже перебили. А напоследок ввязались в трактирную драку, когда мои люди пытались задержать известных вам беглецов. Приняли юного лорда Вальдерона за северянина и встали на его защиту.

- Так вот как ваши люди его упустили?

Грегор оглянулся на северян и признал, что тут он и сам не стал бы винить тайную стражу канцлера. Вряд ли те рассчитывали, что им будет противостоять полдюжины отборных северных медведей. Но как же везло мальчишке! Сойти у них за своего - это умудриться надо было.

- Именно, — вздохнул Аранвен. - А теперь эти господа жаждут поздравить короля с восшествием на престол, вручить ему дары и подтвердить торговый договор, по которому мы закупаем у них тюлений и китовый жир, меха, морскую соль и янтарь. Ну и продаем кое-что, разумеется. Особенно хорошо они берут зерно, только в этом году нам самим его хватило бы.

- Послы из Вольфгарда... — Грегор невольно усмехнулся. - Что ж, эти господа наверняка оценят любовь нашего нового монарха к Северу. Эти секиры, прическа...

- У северян есть чему поучиться и кроме причесок, — спокойно заметил канцлер. - Например, верности слову и союзникам. Этим они весьма выгодно отличаются от тех же итлийцев. А некоторая простота безусловно пошла бы нашему двору на пользу, потому что роскоши мы сейчас позволить себе не можем. Кредита Риккарди едва хватит, чтобы покрыть самые насущные нужды и начать реформы, предложенные Белой гильдией. Разумеется, если его величество их одобрит.

- Иными словами, воспользуется королевским вето? - нахмурился Грегор, вспомнив последний проклятый Совет. - Потому что вряд ли лорды изменят решение.

- Поживем - увидим, — неопределенно отозвался канцлер и смолк, чему Грегор обрадовался, потому что голова болела все сильнее.

Когда впереди показалась каменная белая громада храма Семи Благих, ему уже очень хотелось кого-нибудь проклясть. Не то чтобы это могло помочь от головной боли, но хоть нашла бы себе выход грызущая изнутри тоскливая злость.

- Меч протектора, — вспомнил он уже у самого входа в храм, перед распахнутыми створками дверей, за которыми виднелся ярко украшенный главный зал. - Я забыл приказать, чтобы его почистили. Старая железяка и без того уродлива...

- О, не тревожьтесь, — меланхолично успокоил его канцлер. - Полагаю, лорд Гранде позаботился об этом. Все, что не сверкает, не находится в должном месте и не соблюдает этикет, он считает личным оскорблением и устраняет немедленно.

- Тогда сегодня его ждут сплошные разочарования, — не преминул съязвить Грегор, отдавая повод кобылы подбежавшему пажу и вслед за королевской четой и Аранвеном входя в храм.

Здесь, к счастью, было прохладно, однако все равно пахло цветами. А еще - горящим воском и благовониями. Храм постепенно заполнялся придворными, но Грегора с канцлером проводили к самому алтарному возвышению, на котором стояли статуи Семи Благих. Как же давно он сюда не заглядывал... Последний раз они с Диланом были в храме, собираясь на границу. Дилан шутил и улыбался, говорил, что посещать храм стоит разве что для венчания...

Грегор встряхнул головой, отгоняя совсем не нужные сейчас воспоминания, потому что с хоров, окружающих зал, полилась музыка, и чистые девичьи голоса взмыли под купол в приветственном гимне.

Главный жрец храма, седовласый старик в просторном одеянии, сотканном из тонких радужных полос, медленно произносил слова, которые Грегор слышал второй раз в жизни. Разумеется, он был магом, причем красным, хотя в этом храме, посвященном всей Семерке, цвет искры не имел значения. Главное, что она, искра, у него была, хотя и не особенно сильная, как знал Грегор. Жрецы вообще редко бывают сильными магами, служение богам - удел тех, кто не может сделать карьеру в ином месте или чувствует непреодолимое призвание именно к этой деятельности.

Как и все дворяне Дорвенанта, Грегор должным образом почитал жрецов, однако понимал их малую роль в жизни королевства. Да, жречество - младшая ветвь Ордена, уважаемая, но не имеющая веского голоса в решении важных вопросов. Их дело - проведение ритуалов, но любому понятно, что боги отзываются на просьбы исключительно по собственной воле. И все-таки храмовые обряды необходимы для поддержания должного порядка, а простой народ, считающий магов недостижимо высоким сословием, чаще обращается к жрецам, поверяя им свои нужды.

У дворян же надобность в жрецах возникает всего несколько раз в жизни. Обряды имянаречения, свадьбы, похороны и принесение вассальной клятвы... Вот и все, пожалуй. Ах да, при храмах Всеблагот Матери и Милосердной Сестры иногда содержатся сиротские приюты и больницы, жрецы Пресветлого Воина покровительствуют солдатам-инвалидам, служители Всеумелого Мастера и Творца Превращений — нуждающимся ремесленникам, а Великий Безликий благоволит безумцам любого рода. И лишь Претемнейшая Госпожа никому не оказывает милосердие в этой жизни, ибо все когда-нибудь узнают ее заботу и великодушие там, в Садах.

Грегор снова попытался вынырнуть из нелепых сейчас раздумий о нужности жрецов для жизни. Монотонный голос престарелого служителя богов гудел о славной истории Дорвенанта, покровительстве Семи Благих, подлых кознях Баргота, которые должно преодолеть... В общем, все то, что с детства наводило на Грегора смертельную скуку. Однако бывший Вальдерон, стоя на возвышении рука об руку с Беатрис, вид имел серьезный и суровый. Бородка делала его старше, как и неподвижный взгляд, будто погруженный в себя...

- И ныне руками достойнейшего из достойных мы возлагаем на тебя этот венец в знак власти над нами... — бубнил жрец.

Молчаливая толпа в едином порыве вздохнула и качнулась, чтобы рассмотреть, как канцлер наденет принцу корону. Аранвен, прямой и строгий, шагнул вперед, и бывший бастард, бывший

Вальдерон, бывший «проклятый мальчишка», о котором Грегор больше не должен был думать иначе, чем о своем повелителе, опустился на одно колено. Музыка на хорах смолкла, и на храм опустилась полная тишина, даже свечи, казалось, перестали потрескивать.

- Я, Ангус Бран Риган Киллиан Аранвен... — Канцлер склонил седую голову, четко проговаривая каждое слово. - Корону тебя, Аластор Кеннет Лоренс Упв из рода Дорве. Во имя Семи Благих, наших божественных покровителей, прими корону Дорвенанта и носи ее с честью. Будь нам отцом великодушным и справедливым, защитником смелым, правителем рассудительным и мудрым...

Грегор прикрыл глаза, пытаясь вызвать в памяти иное лицо, похожее и все-таки совсем другое. Двадцать лет назад Малкольм давал эту же клятву, всем сердцем намереваясь быть именно таким королем, как в ней описано. Почему же все пошло неверно? Когда они все свернули с пути, которым намеревались идти?!

- Клянись же быть нам королем добрым и строгим, как отец к своим детям! - взмыл под храмовые своды негромкий вроде бы, но чистый и ясный голос Аранвена.

- Клянусь! - выдохнул юноша, преклонивший перед ним колено.

Аранвен, не оборачиваясь, протянул руку, и главный жрец передал ему полученную от церемониймейстера корону - простой обруч, свитый из двух прутьев, железного и золотого. Еще одна легенда из тех, которые Три Дюжины знают с детства. Победив местных правителей, Дорве Великий пожелал короноваться как монарх подвластных ему отныне земель, и тогда его дружина поставила перед кузницей своего походного кузнеца два котла.

В первый из них каждый воин кинул по золотой монете, сереге или кольцу - у кого что было. Во второй принесли и положили обломки оружия. Кузнец не был ни артефактором, ни ювелиром, он попросту расплавил собранный металл и выковал два прутка, а потом свернул их жгутом, чтобы вождь Дорве, ставший королем, никогда не забывал, чему обязан победой. Что на трон его возвели сталь - оружие его воинов и золото - их преданность...

По спине Грегора пробежал холод, когда древняя корона легла на светловолосую голову поверх заплетенных по-северному кос. Что-то в этом было... пугающее. Древнее, глубинное, темное... Может, не зря короли после Дорве отказывались от этой короны, принимая другую, скованную уже то ли для сына его, то ли для внука? Обычную... А не эту, закаленную, по той же легенде, в крови трех побежденных вождей, нарочно взятых живыми. Дикари, хоть и предки... Его снова передернуло.

А тот, кто опустился на одно колено бастардом, встал и выпрямился - уже королем. Оглушительно взревели трубы, но общий вопль собравшихся был громче.

- Кровь Дорве! Сила Дорве! Слава Дорве!

Грегор тоже шевельнул губами, но сам себя не услышал. Новый король стоял, оглядывая храм, а толпа ликовала... И теперь уже Аранвен опустился перед ним на колени, чтобы принести присягу. Крики постепенно смолкли, и Грегор услышал конец вассальной клятвы из уст канцлера.

- ...в чем клянусь жизнью и честью своей и своего рода.

Серебристо-седая голова склонилась над протянутой ему рукой, и Аранвен поцеловал гербовый перстень Дорве. Грегор не помнил, когда принц получил эту реликвию, да и думать об этом не хотел. Конечно, Малкольм не мог забрать родовой перстень с собой, мертвецам фамильные драгоценности ни к чему. Но смотреть на это... Наверное, стой сейчас перед алтарем Кристиан или Криспин, было бы легче. Сыновья сменяют отцов, как это ни печально, таков закон природы. Однако этот... он сам отказался считать Малкольма отцом и все-таки наследует ему во всем, какая же дурная шутка судьбы!

Аранвен отошел, и Грегор на негнувшихся ногах сделал несколько шагов вперед. С трудом заставил себя преклонить оба колена, поднял голову и, в упор глядя в холодные серо-голубые глаза, произнес вассальную клятву. Бесстрастно, как не имеющее определенного смысла, но необходимое закливание на древнем языке. Просто несколько слов, которыми так и не смог проникнуться. Потом ему подали откуда-то из-за спины меч, действительно начищенный, аж сияющий, и Грегор вложил его в руки короля, который тут же передал проклятую железяку кому-то еще.

- Принимаю вашу клятву, — услышал он такие же бесстрастные слова и приказал себе склониться над рукой короля.

Перстень, которого пока еще коснулись только губы Аранвена, был холодным. Золотая львиная голова с развешивающейся гривой и оскаленной пастью держала в клыках рубин, похожий на каплю застывшей крови. Тоже древность, но не такая пугающая, как корона, на которую Грегору даже смотреть не хотелось.

Он встал и отошел, смутно вспомнив, что вчера церемониймейстер описывал другой порядок коронации. Сначала - брак, потом присяга. Почему Аранвен изменил церемонию? А потом взглянул на Беатрис, которая застыла на два шага позади будущего супруга, и понял, обругав себя дураком. Сейчас высшее дворянство и Орден принесут присягу королю Аластору Дорвенну, и лишь затем он вступит в законный брак. Разумеется, Беатрис все равно будет считаться королевой, но... ей никто не присягнет. Если что-то случится с королем, Беатрис останется королевой-матерью рожденного наследника, не больше. Если успеет его родить. Но правящей королевой без живого супруга ей больше никогда не бывать. Умно. Предусмотрительно. И очень обидно, не зря взгляд итлийки совершенно непроницаем.

А к возвышению уже подходили магистры Ордена, по очереди опускаясь на колени и торжественно проговаривая клятвы. Эддерли, Девериан, Райнгартен. .. Грегор поискал глазами Волански, опасаясь, что иллюзорник выкинет что-то непотребное. И угадал!

Встав перед королем, тот несколько мгновений всматривался в его лицо, а потом тихо уронил:

- Ну вот, этому точно впору.

И невозмутимо принялся произносить клятву. Договорил ее до конца, поцеловал перстень и встал, дав место Ладецки.

- Впору? Что впору? - зашушукались в толпе...

- Государь, прошу вашей справедливости! - громко сказал боевик, оказавшись в свою очередь перед алтарем.

Грегор про себя застонал. Этого следовало ожидать! Какой же он болван, надо было... Что именно надо было сделать - он не знал, так что просто шагнул ближе.

- Справедливости? - растерялся новоиспеченный король. - О чем вы, милорд магистр?

Храм разом наполнился гулом, и только первые ряды молчали, боясь упустить хоть слово.

Ладецки поклонился королю, застыв на несколько мгновений, выпрямился, вскинул подбородок и пояснил:

- Ваше величество, один из ваших подданных приговорен к смерти за преступление, которого не совершал. Говорят, что короля, который принимает корону, в этот день видят боги. Пусть они увидят справедливость, которую вы обещали!

- Милорд Ладецки, — тихо вмешался Аранвен. - Может быть, потом...

- Сейчас! - отрезал боевик, не обернувшись. - Это у нас будет «потом», а он ждать не может. Сегодня последний день, сами знаете.

«Проклятье, — безнадежно подумал Грегор. - И надо же мне было дать ему срок до коронации. Да лучше бы я потянул еще день-два... А теперь, если король прямо здесь и сейчас помирует Саграсса, лорды возмутятся! Если же не помирует... Раскол магов и профанов неминуем!»

- Ваше величество, — начал он, лихорадочно подбирая слова. - Это моя вина, позвольте объяснить...

- Так, погодите! - прервал его король, окинув взглядом Ладецки, Аранвена и самого Грегора, а потом вернулся к боевику. - Милорд магистр, этот человек... подсудимый... ваш маг, верно?

- Да, ваше величество, — с достоинством поклонился боевик.

- В чем его обвиняют?

- В измене! - рявкнул Сазерленд, протискиваясь ближе. - В измене королевской крови! Он соучастник убийства его высочества Кристиана! И я как глава королевского суда лично приговорил его к смерти! Ваше величество, этот человек - преступник, которому не может быть прощения или пощады!

В храме снова плеснуло гулом разговоров, словно морской прибой принес новую волну и тут же отхлынул.

- Ложь! - веско уронил Ладецки. - Он виновен лишь в том, что выполнял приказ начальника. Лионель Саграсс - честный маг и верный подданный, он проливал кровь в битве за Академию. И судить его не тем, кто...

- Помолчите, — сказал король, и это прозвучало так, что смолкли все. - Милорд Ладецки, вы уверены в его невиновности, хотя королевский суд считает иначе? А приговор должен быть

исполнен... когда?

- Неделю назад! - с торжеством выплюнул Сазерленд. - Милорды Бастельеро и Ладечки препятствуют правосудию, не отдавая осужденного! Хотя приговор вынесен и отмене не подлежит.

- Это так, — негромко подтвердил Аранвен. - Хотя лично я считаю, что в данном случае правосудие чрезмерно сурово. Вина лорда Саграсса велика, но есть обстоятельства, достойные милосердия.

- То ли виноват, то ли нет, то ли виноват, но не очень, — хмуро подытожил король и снова всех оглядел. - Что ж, придется разобраться самому. Но не сейчас. Милорд Бастельеро, где этот человек?

- На территории Ордена, — ответил Грегор, поклонившись. - И прошу учесть, что это было моим решением, а магистр Ладечки, не выдавая осужденного, выполнял мое прямое распоряжение. Я надеялся...

Он запнулся, понимая, что не знает, что сказать. И в любом случае это будет ложь. Надеяться он мог только на то, что Ладечки одумается, но эти надежды уж точно не оправдались.

- Тем самым вы совершали коронное преступление, милорд Бастельеро! — так же громко сказал Сазерленд, и король опять нахмурился.

- Я хочу разобраться в этом деле, — проговорил он и поискал кого-то взглядом. - Но прямо сейчас нужно закончить церемонию. Милорд Аранвен, я ведь могу назначить дополнительное расследование? И если появятся новые... сведения, суд можно провести еще раз?

- К сожалению, ваше величество, — вздохнул канцлер, — таковые сведения вряд ли появятся. Вина лорда Саграсса определена судом и признана им самим. К тому же, королевский суд проводится всего один раз. Однако назначить расследование вы можете, конечно. Вдруг лорд Саграсс даст еще какие-то показания?

- Может, и дал бы, если бы вы, милорд Аранвен, не воспротивились допросу с пристрастием, — не унимался Сазерленд под снова плеснувший гул голосов.

«Прокляну эту тварь, — пообещал себе Грегор. - Если беднягу Лионеля отправят на пытки, точно прокляну».

- Позвольте напомнить, милорд, — холодно отозвался Аранвен, — что в случае добровольного раскаяния и признания своей вины допрос под пытками не применяется. Странно, что я должен напоминать такие вещи верховному судье.

- В случае полного раскаяния! А он мог скрыть сообщников! Таких же богомерзких барготопоклонников!

- Хватит, — уронил король и повел плечами, словно разминаясь. - Я приказываю провести расследование. Милорд Аранвен...

- Необходимо назначить королевского следователя, — подсказал канцлер. - Который будет отчитываться лично вам и сможет определить необходимость допроса с пристрастием.

- Понимаю! - Король просветлел лицом и позвал: — Фарелли! Лу, иди сюда!

Толпа разомкнулась и сомкнулась, вытолкнув наемника, который низко поклонился, сорвав берет и приложив его к сердцу.

- Поедешь с милордом магистром и все узнаешь, — сказал король. - Поговори с ним, потом с этим... Саграссом. Вернешься - доложишь.

Храм гудел, словно под его сводами собрались мириады пчел. Грегор порывисто вздохнул и велел себе молчать. К его словам король точно не прислушается, напротив, как бы не сделать Лионелю хуже своим заступничеством. И что творит этот болван, за родовитость назначенный верховным судьей, но совершенно забывший, где его место?! Он что, собирается спорить с королем?

- Ваше величество! Вы... — Сазерленд багровел и задыхался, но все-таки вспомнил об этикете и резко, почти судорожно поклонился, распрямившись, пока итлиец так и стоял, склонив голову.

- Это же простолюдин!.. Он не может!..

- Точно, я же не успел... — поморщился король. - Не беспокойтесь, милорд Сазерленд. Я в любом случае собирался вознаградить сударя Фарелли за службу, а раз он отправляется прямо сейчас, то чего тянуть?

Он оглянулся на церемониймейстера, и тот подскочил с большой полированной шкатулкой, откинув ее крышку.

- На колени, на колени, — принялись подсказывать из толпы.

Итлиец опустился на колени, склонив голову и король накинуд ему на шею золотую дворянскую цепь, а потом достал из шкатулки пергаментный свиток и громко пояснил:

- Лучано Фортунато Фарелли, жителю города Вероккья, за службу короне Дорвенанта жалуетса наследное дворянство, а также земли и титул лорда Фарелла. Люциана Фортунато Фарелла, — уточнил он, заглянув в свиток, и непонятно хмыкнул: — Ну прямо судьба... А также право сидеть в моем присутствии, называть меня по имени и входить без доклада. - Итлиец вскинул голову и уставился на короля столь изумленными тазами, что даже Грегор усмехнулся про себя, а король закончил таким тоном, словно разговаривал с приятелем, причем очень близким: — Гербовый перстень сделать не успели, потом получишь. Земли тебе понравятся, я лично выбирал. Так, что еще... А, третье имя! Ну, тоже сам придумаешь. А присягу я у тебя и так принял. На том холме, Баргот его заведи... Так что поезжай с милордом Ладецки, а возвращаться можешь прямо во дворец. Ах да, и вот!

Поверх дворянской цепи легла еще одна, потоньше, но с массивным орденом, который Грегор сразу узнал. Как и все в храме, разумеется. Золотой Лев первой степени. Высшая награда Дорвенанта. Щедро. Но... если этот тип и вправду убил Денвера, Грегор готов был подарить ему собственный орден!

- Да, ваше величество, — выдавил наемник с сильным итлийским акцентом. - Премного... благодарен...

Встал и посмотрел ошалело, но тут же справился с собой, поклонился и глянул на боевика.

- Ваше величество! - Ладецки упал на колено и склонил голову. - Благодарю вас!

- Рано благодарите, — буркнул король и поправил пояс.

Широкий кожаный пояс с парой секир, закрепленных в петлях по бокам. Надетый прямо поверх бархатного траурного костюма. Грегор только вздохнул про себя. И это король Дорвенанта...

Ладецки с итлийцем прошли через расступившуюся толпу и скрылись из виду, а король снова поискал взглядом и приказал:

- Леди Ревенгар!

Сердце Грегора дрогнуло, когда Айлин, смущенная, залившаяся румянцем, оказалась рядом, опустив глаза в пол.

- За доблесть и верность, — просто сказал король, передавая ей вторую грамоту. - Это не дворянство, конечно, а просто подарок от меня. Леди Ревенгар получает те же привилегии! - повысил он голос и достал из шкатулки второй орден. Айлин поспешно преклонила колено, коснувшись им пола и придерживая полы мантии с разрезами. Король накинуд ей на шею цепочку, как до этого - итлийцу. Золотой кругляш в ажурной оправе ярко блеснул на черной мантии с тонкой красно-фиолетовой оторочкой.

«Орден Льва первой степени... —тая от гордости, подумал Грегор. - Девушка восемнадцати лет! И я вызову любого, кто скажет, что она этого недостойна. Благие Семеро, какая мать будет у моих детей!»

Краем глаза он увидел, как церемониймейстер взмахнул рукой, и снова грянули трубы. Толпа восторженно закричала, а Беатрис благосклонно улыбнулась из-за плеча будущего супруга.

- Наградить простолюдина и леди одинаково... — послышался рядом брюзгливый голос. - Ревенгаров приравнять к итлийскому бродяге!

Грегор узнал Логрейна и обернулся, предостерегающе глянув. Пожалуй, он готов был впервые в жизни согласиться с этим болваном. Айлин заслужила неизмеримо больше, чем наемник, которому за глаза хватило бы поместья и лейб-дворянства. Нет, Грегор не отказывался от своих мыслей насчет ордена, но... зачем такая честь простолюдину, который не сможет ее оценить? Просто не представляет, что стоит за этой драгоценностью... С другой стороны, не Логрейну решать за короля, как тому награждать подданных. К несчастью, бурчание Логрейна достигло именно тех ушей, для которых не было предназначено.

- Милорд, вы чем-то недовольны? - спросил король, вглядываясь в лицо лорда.

В немедленно наступившей тишине Логрейн закусил губу, поклонился, но, распрямившись, упрямо ответил:

- Прошу прощения, ваше величество. Воля ваша, кого и как миловать, но леди Ревенгар - девица из Трех Дюжин, орденская магесса. Золотая кровь! А этот... — Он покосился в сторону двери, куда ушел наемник, и вздохнул: — Я, ваше величество, уже немолод, знаю жизнь и людей. Награждать такого человека дворянством... Да это же ровно то, что... собаке его дать! Что псы, что простолюдины - твари одинаково бессмысленные.

- Милорд Логрейн!.. - резко сказал Аранвен, но король дернул плечом, и канцлер смолк.

Несколько мгновений бывший бастард разглядывал хмуро сопящего Логрейна, и Грегор увидел, как его глаза потемнели, став из голубых - серыми, словно грозовое небо. А потом король вдруг усмехнулся и весело заявил:

- Милорд Логрейн, моя глубокая благодарность! Вы напомнили то, о чем я совершенно запамятовал! Милорды, миледи! - громко обратился он к толпе. - Чего заслуживает тот, кто дрался бок о бок с королем и спасал ему жизнь в бою? Дворянства, если он простолюдин, верно? А я забыл его вознаградить! Леди Ревенгар, позвольте вашего спутника?

- Я... конечно...

Айлин, так и стоявшая рядом, глянула удивленно, а Грегор, сообразив, о ком речь, едва не схватился за голову. Он же это не всерьез?! Так... нельзя! Просто нельзя!

Но король громко позвал:

- Пушок! Пушок, друг мой, окажите любезность?!

Мохнатое умертвив вывернуло откуда-то из-за Айлин и вильнуло хвостом, подходя к нему.

- Лорд Аранвен! - провозгласил король в мертвенной тишине. - Будьте любезны подготовить еще одну дворянскую грамоту! На имя... Пушка! Пушка... лорда Ульва! За отвагу и верность при защите нашей королевской особы и многие другие услуги!

«Остановите его, Аранвен! - хотел крикнуть Грегор, пока Логрейн хватал воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. - Он позорит корону, которую только что принял! Он позорит Дорвенант! Если это скажу я, он просто не услышит... Но вы... вас он послушает, может быть!»

Однако Ангус церемонно склонил голову и преспокойно, словно речь шла о самом обычном деле, уточнил:

- Какого рода дворянство, ваше величество?

- Ненаследное, — недолго подумав, решил король. - Исключительно из-за невозможности лорда Ульва произвести на свет потомство. Но с теми же самыми привилегиями, о которых уже шла речь. Родовой перстень разрешаю лорду Ульву не носить, а вот цепь... Как же я не подумал заранее!

Новый лорд сел перед ним, обернув передние лапы пушистым хвостом, и если бы пес был живым, Грегор назвал бы выражение его морды умильным. Но умертвия не способны на чувства... Боги! Какое изощренное издевательство! И неужели никто этого не видит?! Какого Баргота, например, Кастельмаро улыбается до ушей, словно это превосходная шутка?! И Эддерли вроде бы не возмущен, а в глазах Райнгартена растерянность, но на Логрейна стихийник смотрит злорадно... Они что, не понимают?! Этот... безумный юнец дает титул мертвой собаке, оскорбляя все дворянство Дорвенанта!

- Если ваше величество позволит... — раздался вдруг мягкий женский голос.

Король с удивлением обернулся, а Беатрис, о которой все забыли, улыбнулась, делая шаг вперед, и так же мелодично пояснила:

- Мне бы хотелось выразить признательность отважному существу, которое защищало вас в бою, дорогой будущий супруг. Возможно, лорд Ульв согласится принять в качестве гербовой цепи вот это?

Она коснулась своего золотого пояса в виде цепочки, усеянной некрупными, но чистыми аметистами, и тот сверкающей змейкой соскользнул с талии. Беатрис протянула его королю, который просиял и, склонившись, поцеловал ей руку.

- Благодарю... — выдохнул он. - О, благодарю!

Наклонился и повязал цепочку на лохматую белую шею медвежьей толщины. Толпа неверяще

замерла, а потом от ближайшей колонны донесся голос, говорящий по-дорвенантски, но с жестким иноземным выговором:

- Да он это, точно тебе говорю! Секиры те же! Девушка та же! Купеческая дочка, ага! И Ульв! Два Ульва, чтоб меня моржи сожрали!

- Тот был немой берсерк, — усомнился второй голос. - А этот конунг, еще и говорящий.

- Ну и что? Заговорил, значит. А что берсерк, тут не соврали! Я берсерка издалека чую!

«Что за бред... — Грегор узнал тех самых северных послов. - Какой немой берсерк? Берсерк - это же сумасшедший, кажется... Почему немой? И причем тут купеческая дочка?!»

- Эй, великий конунг Дорвенанта! - заорал, не унимаясь, один из северян, светловолосый здоровяк в синей рубахе и с топором на поясе. Люди вокруг шарахнулись, расступаясь, так что между ним и королем образовалось пустое пространство. - Я Ольвар Торварсон, именуемый Полтора Медведя, ярл конунга Ингвара! Привез тебе дары и привет от моего вождя. Сдается, мы с тобой уже виделись и славно тогда повеселились. Помнишь меня?

- Помню, — невозмутимо согласился король, выпрямившись. - Приглашаю тебя на свадебный пир, Ольвар... Торварсон. Тебя и твоих людей. Там и поговорим, если ты не против.

- Ха! - возрадовался вольфгардец, расплываясь в широкой, но какой-то людоедской улыбке. - Я же сказал! И конунг, и берсерк! И зовут его Ульвом, все верно! И шли они тогда закрывать дыру к демонам! Втроем! Сам конунг, его ведунья и еще тот чернявый! Оруженосец, наверно. Трое и пес! Вот это поход, сожри меня моржи! Не сочти за обиду, конунг, но ты же и верно из наших! А секиры твои я так и не могу признать. Чьей ты крови? Какому роду рассказать о твоих подвигах, чтобы гордились?

- Нет уже того рода, — усмехнулся краешками рта король. - Некому рассказывать, уважаемый Ольвар. А секиры эти - моего предка Дорве Великого. Изгоя из клана Рёнки.

Он выговорил вольфгардское слово так легко и чисто, что Грегор поразился. Ну, любовь к Фрагане - это понятно. А откуда такое пристрастие к северу? Зато вольфгардец, ничуть не удивившись, понимающе кивнул и протянул что-то, но вокруг него уже смыкалась толпа.

- Простите, миледи, — извиняющимся тоном обратился король к Беатрис. - Я слишком задержал церемонию.

- О, не стоит извиняться, — улыбнулась та. - Вы полны сюрпризов, дорогой будущий супруг. Надеюсь, когда-нибудь вы расскажете мне об этих приключениях?..

- Буду счастлив...

Он подал ей руку и улыбнулся так смущенно, ясно и искренне, совершенно по-мальчишески, что Грегору впервые стало его жаль. Наивный провинциал и развратная искушенная женщина, опутавшая его своим очарованием, словно паучиха - муху. Глупый мальчишка не понимает, с кем имеет дело, как не понимал этого много лет сам Грегор! Боги, как нелепо, подло и противно все повторяется...

Боль опять пронзила виски, и Грегор, поморщившись, потер их пальцами. Ощутил прикосновение к плечу... Обернулся и увидел Бреннана, который снова отступил назад. Стало легче, и Грегор благодарно кивнул целителю. А церемония, нарушенная всем этим отвратительным балаганом, пошла своим чередом... Глубоко вздохнув, Грегор приготовился терпеть и ждать ее окончания. Еще и празднование во дворце... Определенно, этот день будет бесконечным!

...Большие пиры по случаю королевской свадьбы, коронации или похорон всегда устраивались в дворцовом зале, носившем название Северного, и порядок, установленный для них еще Дорве Великим, много веков сохранялся неизменным. Войдя в зал, Грегор посмотрел на небольшое возвышение в дальнем его конце, где у стены стоял длинный стол, накрытый ало-золотой скатертью. Это были места для королевской семьи, сколько бы членов она ни насчитывала, и сердце снова потянуло глухой тоскливой болью. Последним торжеством на памяти Грегора здесь была свадьба Малкольма... А сейчас на тронное кресло с высокой резной спинкой сядет совсем другой человек, хотя женщина рядом с ним будет все та же. Ну не гнусная ли насмешка судьбы?!

От возвышения во всю длину зала протянулся еще ряд столов, места за которыми в строгом порядке предназначались для лордов Трех Дюжин, верхушки Ордена и иностранных послов. Иногда король приглашал за этот стол доверенных советников или тех, кому желал оказать особую и очень значимую милость. Грегор подозревал, что сегодня там найдется место для итлийского наемника, который, как шептались вокруг, стремительно поднимается к положению королевского фаворита. Ну что ж, какой король, такие и фавориты...

Он одернул себя, стараясь быть справедливым. Итлиеэ, конечно, ухватил удачу за хвост, не только попав третьим в этот героический поход, но и вернувшись из него живым, однако награждать соратников - это правильно, от короля именно этого все и ждут. А в том, что отряд оказался таким крошечным, вина всецело Грегора и растяпы Кастельмаро, не сумевшего остановить одного юнца-профана и адептку. Претемная и Пресветлый, не устану вас благодарить, что они совершили задуманное и остались живы...

Лейб-церемониймейстер лично провел королевскую чету к их столу. Юный король подождал, пока королева опустится на второй тронный стул, и лишь тогда сел рядом с ней. Грегор про себя понимающе усмехнулся: мелкое нарушение этикета, по которому король всегда и везде садится первым, но такое понятное - мальчишка еще не привык и соблюдает этикет обычного дворянина. Но как отделаться от мысли, что могучая фигура, затянутая в темно-лиловый траурный бархат, принадлежит совсем не тому человеку... Ох, да хватит уже тянуть мертвых с погоста!

Он встряхнул головой и недоуменно посмотрел на почтительно застывшего перед ним лакея.

- Прошу занять ваше место, милорд, — прошелестел тот.

Ах да, пора садиться остальным. Грегора почтительно подвели к самому концу стола, однако впереди него до возвышения еще осталось несколько свободных мест. Очень любопытно, и кого же туда усадят? Никаких королевских милостей, сняв полномочия лорда-протекгора, Грегор, конечно, не ждал, но тот же этикет приравнивает его к Аранвену, канцлер и Архимаг — это две высших должности в государстве. А Аранвен... Грегор с удивлением увидел, как Ангус, привычно прямой, затянутый в серебряную парчу, словно в доспехи, садится напротив него, но слева, немного ближе к двери. То есть еще дальше от короля... Немилость?! Аранвену?!

Закусив губу, он повернулся вправо на шелест сразу нескольких платьев. Свободные места в самой почетной части, ближайшей к королевскому столу, заняли Вальдероны и... Райнгартены! Грегор растерянно обругал себя болваном. В самом деле, как можно рассчитывать на строгое соблюдение этикета в такой непристойной ситуации? У короля есть семья, которая не может сесть вместе с ним за королевский стол - это было бы откровенным вызовом приличиям! - но семьей от этого быть не перестает. Мать, приемный отец и родные сестры, уже замужние... В храме супруги Вальдероны держались очень скромно, не выпячивая свое положение, но теперь всем должно быть понятно, что король не намерен отказываться от родственных связей.

Этьен Райнгартен как раз отогнал лакея, чтобы самому с величайшими предосторожностями усадить беременную жену, и бросил на Грегора взгляд одновременно извиняющийся - не дело магистру занимать место почетнее Архимага - и невероятно самодовольный, просто тающий от плохо скрытого блаженства оказаться королевским зятем.

Напротив него с другой стороны сел Эжен Райнгартен со второй сестрой, похожей на супругу Этьена, как две капли воды. Одинаковые траурные платья, одинаковые мужчины рядом... Несмотря на отвратительное настроение, Грегор едва не рассмеялся, таким отражением друг друга выглядели эти пары. Только у Этьена супруга чуть полнее из-за беременности.

К удивлению Грегора, место напротив Себастьяна Вальдерона предназначалось для того самого фраганца-бретера. Как же его... Д'Альбрэ? Невозмутимый месьюр, удивительно похожий в черном камзоле на кладбищенского ворона, ответил Грегору холодным непроницаемым взглядом, но любезно поприветствовал Райнгартенов, сидящих рядом. Рядом, но дальше от короля! Мальчишка ценит родную сестру и командора армии Дорвенанта меньше, чем учителя фехтования?! О них с Ангусом и говорить не стоит...

Вокруг по залу волнами катились шепотки, не только он видел это и делал выводы. Теперь почетный край стола со стороны Грегора занимала чета Вальдеронов и Этьен Райнгартен с их дочерью, а сам Грегор оказался пятым. Что ж, место сразу за королевской семьей, это вполне достойно. Напротив расположился фраганец, еще одна пара Райнгартенов, и до великолепно невозмутимого Ангуса, сидевшего седьмым, осталось три свободных места. Целых три!

Шепотки в зале стали еще сильнее, а полные жадного любопытства взгляды Грегор чувствовал так остро, что у него зачесалась спина между лопаток. Проклятая чувствительность некромантов! О нет, он в должной мере был благодарен Претемной за ее дары, но сейчас так и хотелось поднять щит, чтобы отгородиться от чужого внимания.

Но... и вправду, для кого же эти места? Допустим, одно из них безусловно ждет Айлин... Король уже ясно дал понять меру своей благодарности, и даже самые злые языки сегодня должны завязаться узлом, потому что девочка действительно совершила немыслимый подвиг. Допустим даже, второе - для итлийца. Конечно, сажать недавнего простолюдина рядом с леди - это очень сомнительное решение с любой точки зрения, но после возведения во дворянство собаки от этого короля можно еще и не такого ожидать! А третье?

Все больше гостей рассаживались, шелестя одеждой, громко обмениваясь с соседями учтивостями и тихо — сплетнями. Из магистров Ордена отсутствовал только Ладецки, и Грегор про себя поморщился, вспомнив, куда и с кем уехал боевик. Вот еще одна забота... Назначить дознавателем чужестранца, профана низкого происхождения, обычного наемника - да есть ли вообще разум у этого юнца? Одним махом выказать пренебрежение всему королевскому суду во главе с Сазерлендом... Грегор отогнал острый укол зависти к Ладецки, который упрямо защищал своего человека, наплевав на этикет, законы, политические условности и вообще все, кроме требований чести, как боевик их понимал. Но это ведь безнадежно. Решения высшего суда королевства не подлежат отмене даже королем.

Эддерли, Девериан, Кастельмаро и старый Мэрли... Магистры Ордена и главы Трех Дюжин усаживались, тихо переговариваясь, а взгляд Грегора все искал тоненькую фигуру в черной мантии с красно-фиолетовой отделкой. Ну где же этот рыжий пожар в человеческом обличье?!

Она появилась внезапно, как всегда. Улыбнулась неожиданно робко, поклонилась - и чинно присела на свободный стул, средний из трех, а рядом... Грегор даже попытался проморгаться, но зрение его не обманывало! Рядом с Айлин, между нею и леди Райнгартен, супругой Эжена, невозмутимо опустился... Роверстан! С легкой рассеянной улыбкой оглядел соседей, доброжелательно кивнул Грегору. Обменялся уважительными кивками с фраганцем, словно со старым знакомым, и даже Райнгартены ответили ему любезнейшими улыбками! Впрочем, это все пустяки... Но что разумнику делать рядом с Айлин?!

Видимо, Ангус поймал ошеломленный взгляд Грегора, потому что тонкая учтивая улыбка растянула уголки губ канцлера, и Аранвен тихо пояснил:

- Его величество пожелал видеть рядом всех, кто был его спутниками. А также магистра Роверстана в благодарность за его своевременное появление и помощь.

Разумник молча бросил на Грегора остро насмешливый взгляд и принялся расправлять полотняную салфетку с монограммой Дорвеннов. Айлин застыла рядом с ним, странно тихая и словно сияющая изнутри, ее не портила даже слегка болезненная бледность, от которой золотистая россыпь веснушек еще сильнее проступила на нежной тонкой коже, вызывая у Грегора смущение, нежность и сладкую тянущую боль.

Своевременное... Ода, магистр следовал на воды и... Грегор благодарно кивнул Аранвену, а потом изо всех сил принялся напоминать себе, что этот проходимец действительно спас и Айлин, и короля, тогда еще просто бастарда. И неудивительно, что сейчас он будет осыпан милостями - это как раз вполне заслуженно. Просто... неужели нельзя было посадить его подальше от незамужней леди?! Да хоть бы и напротив фраганца! Эти два воплощения южной наглости отлично смотрелись бы рядом!

Он стиснул зубы, уговаривая себя успокоиться... А сейчас ведь еще явится этот... уехавший с Ладецки! Кажется, никогда среди почетных гостей Северного зала не было столько подозрительных или откровенно недостойных личностей!

Начищенные до блеска обнаженные мечи, боевые топоры, щиты с гербами Трех Дюжин и прочие украшения зала издевательски сверкали с темных дубовых панелей. Вызывающая простота старинной короны, секиры эти... Кто бы мог подумать, что юный король без ума от северных традиций и памяти о Дорве? Но Дорве, завоеватель и собиратель земель, был великим королем, пусть и начал путь предводителем варварской дружины, а этот юнец... Шут он, несмотря на подвиг! Жалкое отражение могучего предка в зеркале времени!

И все-таки в какой-то миг на Грегора словно повеяло отчетливым холодом, несмотря на теплый, уже почти летний вечер. Разговоры, звяканье расставляемой посуды, звон бокалов и шелест нарядных платьев - это все отдалилось, а в уши ударил шум ветра. Ледяного северного ветра, полного то ли волчьего воя, то ли звуков битвы, то ли стонов умирающих... Яркие краски и нарядная сталь будто поблекли, покрылись изморозью, а темные траурные шелка и бархат обернулись простой грубой тканью...

Он тряхнул головой, сбрасывая наваждение - если бы не строгий запрет на подобное, заподозрил бы, что Волански развлекается, шуточка как раз в духе иллюзорников! Но нет, никаких движений магии. Значит, просто показалось. Или стены Северного Зала действительно помнят первых королей Дорвенанта. Впрочем, призраков здесь нет, об этом позаботились прошлые королевские некроманты. Каждый новый король начинает правление с грузом самых обычных забот, не имеющих отношения к божественным или магическим силам.

Разговоры в зале резко притихли - и Грегор увидел, как рядом с Айлин на свободное место втискивается здоровенный северянин! Тот самый, лично приглашенный королем на пир! Рядом воплощением ужаса застыл церемониймейстер. Вот он, отмерев, попытался что-то сказать вольфгардцу, затем подергал его за рукав бархатной синей рубахи... Тот лишь отмахнулся, как от

надоедливой мухи. Брови Ангуса, сидящего рядом, поднялись, но не слишком высоко, а Роверстан, чуть повернувшись, внимательно посмотрел на северянина поверх головы Айлин...

- Добрый вечер, ярл Торварсон! - вдруг звонко сказала Ревенгар, задирая голову и густо краснея, но совершенно не испугавшись, судя по задорному блеску глаз. - Рада новой встрече!

- Ха! - расплылся в ухмылке вольфгардец и погладил густую светлую бороду, заплетенную в косички, причем на конце каждой блестела крупная золотая бусина. - Узнала, значит?! И тебе добрый вечер, красавица! Смотрю, тут место свободное имеется. Позволишь рядом присесть?

Айлин изумленно распахнула глаза еще шире, а церемониймейстер в голос простонал:

- Прошу прощения, милорд! Это совершенно невозможно! Это... место лорда Фарелла!

- Ничего, если он придет, я подвинусь, — проявил северянин невиданное великодушие и, не дождавшись ответа, плюхнулся рядом с Ревенгар.

Пальцы Грегора сами собой сложились для проклятия, но... девчонка вдруг заулыбалась и посмотрела на огромного вольфгардца, как... на Пушка! Спокойно, весело и будто ожидая, что еще забавного тот выкинет. Глянув на короля, Грегор с изумлением понял, что и тот все видит, но глядит на эту сцену без малейшего возмущения, словно полудикий варвар, сидящий между благородной леди и канцлером, это самое естественное явление.

- А хорошо у вас тут, — оценил вольфгардец убранство зала, одобрительно посмотрев на старинное оружие. - Почти как у нас дома. Люди уважительные... Даже ярлы - и те глядят приветливо!

Он бросил быстрый веселый взгляд на онемевшего от возмущения Грегора и Эжена Райнгартена, который, услышав это, закашлялся. Похоже, лорд-командор смотрел на северянина примерно так же приветливо, как и сам Грегор. А Ревенгар тихонько хихикнула.

Слуги закончили разносить первую перемену блюд, и помощник церемониймейстера ударил в маленький золотой гонг, а сам церемониймейстер провозгласил в мгновенно наступившей тишине:

- Его величество пьет здоровье ее величества!

Лакей, стоявший за спиной короля, шевельнул губами, и молодой король вскочил с чуть неуклюжей поспешностью, будто вспомнив что-то. Наверное, наставления церемониймейстера. Взял хрустальный бокал, наполненный золотистым фраганским вином, и громко сказал:

- За самую прекрасную женщину!

Зашелестели камзолы и платья, Грегор поднялся вместе со всеми и едва пригубил вино, стараясь не глядеть в сторону Беатрис. Этикет этикетом, но пить за шлюху, не успевшую остыть после постели отца и уже окрутившую сына?!

Король сел, позволяя сесть остальным, и краем глаза Грегор все-таки увидел, как Беатрис подает новому мужу руку. Смуглую тонкую руку, украшенную сегодня только обручальным кольцом и все равно вызывающе прекрасную. Несмотря на траур и возраст, о котором ядовито шептались, королева была все также непристойно хороша собой. Вдова, похоронившая мужа, мать, потерявшая детей... Грегор вспоминал нежные взгляды, которые она бросала на бастарда во время венчания, и удивлялся, есть ли предел бесстыдству этой женщины. Да, конечно, Дорвенанту как никогда нужна денежная помощь, но этот брак - позор. И не становится меньшим позором оттого, что король явно увлечен своей супругой. Глупый мальчишка! Совсем как Грегор много лет назад...

Снова ударил гонг и прозвучало:

- Ее величество пьет здоровье его величества!

Грегор снова поднялся, стиснув зубы и напоминая себе, что это уже второй раз из трех, положенных этикетом. Вытерпеть еще один, а потом никому не будет дела до его присутствия на пиру. Можно даже уйти... Впрочем, нет! Здесь ведь Айлин...

Королева подняла бокал и улыбнулась. Влюбленно посмотрела на юнца-супруга, и ее голос негромко раскатился по залу мягким томным мурлыканьем:

- За моего драгоценного супруга, благороднейшего из мужчин...

Расправив юбки и сев, она снова тронула руку короля быстрым нежным прикосновением и в ответ на его взгляд опустила свой, словно в смущении. Единственный маленький глоток вина, которым Грегор попытался промочить пересохший рот, показался ему невыносимо отвратительным, будто к вкусу вина примешалась кровь.

В поисках противоядия он посмотрел на Айлин, которая поставила наполовину полный бокал и снова сложила руки на коленях. Освоившийся северянин окинул стол хищным взглядом, словно палубу вражеского корабля, а потом принялся грубовато, но старательно ухаживать за девушкой. Выражалось это в том, что он навалил ей на тарелку всех закусок, до которых смог дотянуться, а потом плеснул в бокал еще вина, не позволяя лакею даже дотронуться до приборов.

Айлин только мило улыбалась, перенося эту наивную заботу с великолепным достоинством, как истинная леди, и Грегор в который раз ею восхитился. Настоящая Ревенгар! И кто-то еще смеет усомниться, что девочка наедине с мужчинами вела себя безупречно?!

Он взял собственный прибор и принялся есть, почти не замечая вкуса блюд, но невольно ловя обрывки разговоров по привычке всякого опытного преподавателя. Эддерли с Деверианом обсуждали какие-то переделки в лабораториях и новые артефактные лари для хранения трупов - прекрасная тема для свадебного застолья! Обе супруги Райнгартенов щебетали в унисон, восхищаясь платьем королевы и жалея пояс, которым она пожертвовала. Кастельмаро с досадой рассказывал Сазерленду о вымерзших посевах, а леди Сазерленд расспрашивала зеленую магессу леди Эддерли о детских болезнях своих внуков. Обычный застольный гомон. Грегор снова посмотрел на Айлин, но она, случайно поймав его взгляд, бледно улыбнулась и повернулась к соседу-северянину.

- А скажи-ка мне, красавица... — Тот ловко цапнул с блюда пяток крошечных пирожков, один сразу кинул в рот и проглотил, а оставшимися щедро поделился с Айлин. - Ты, значит, и сама непростого рода?

- Получается, что так, — улыбнулась девчонка, изящно разрезая отбивную. - Мой отец - лорд Ревенгар из Трех Дюжин.

- Так ты ярлини по-нашему, — удовлетворенно подтвердил северянин. - Хорошая кровь, старая. Он тоже пирует с нами за этим столом?

- Нет, славный воин. - Улыбка Айлин, по-прежнему любезная, стала еще бледнее. - Он погиб несколько лет назад.

- Это когда вы с фраганцами воевали? Храбрый воин был, наверное, раз у него такая дочь!

- Говорят, что храбрый, — ровно согласилась девушка. - Но с войны он вернулся. А погиб на охоте...

Ее голос дрогнул, и Грегор замер от жалости. Бедная девочка. Эта рана до сих пор болит!

- Хорошая смерть, ярлини, — сочувственно сказал северянин, посмотрев на Айлин. - Все равно как в бою. Мужчинам неприлично умирать в постели. А тот, кто ушел с оружием в руках, попадает прямо в дружину богов. Если твой отец был воином, это правильная смерть, не тоскуй о нем. А еще мужчины в твоём роду остались?

- Мой брат, - уронила Айлин еще ровнее. - Но он... его тоже нет здесь.

- Молодой лорд Ревенгар, брат этой леди, служит в армии его величества. - Эжен Райнгартен с радостью отвлекся от обсуждения свадебного платья королевы. - Второй рейтарский полк, в котором он лейтенант, сейчас истребляет демонов на северо-западной границе. Миледи Ревенгар, я лично предлагал вашему брату отпуск для встречи с вами, но он сообщил, что не имеет возможности оставить свою роту. Они несут тяжелые потери, и ваш брат с честью исполняет долг командира.

- Тяжелые потери? - Грегор тоже вскинулся, припомнив обстоятельства, о которых говорил канцлер. - Эжен, второй рейтарский до сих пор в окрестностях Мервиля? Надеюсь, у его командира хватает ума держаться подальше от болот?

- Благодарю, милорд, мы вполне справляемся с любыми тактическими сложностями, - чопорно огрызнулся бывший заместитель, а ныне главнокомандующий, а потом по-отечески ободряюще улыбнулся Айлин. — Не извольте беспокоиться, миледи, он обязательно вернется в самом скором времени.

- Благодарю, милорд. - Девушка с отточенной любезностью вернула ему улыбку. - Я не сомневаюсь, что Артур счастлив пойти по стопам отца, а это значит, что воинский долг для него свят. Я ни за что не попросила бы его отвлечься от исполнения этого долга.

- И пусть Волчица пошлет ему удачи! — заключил северянин, махом осушив еще один бокал. - Эй, красавица, не грусти! Сын - воин, дочь - ведунья и воительница, что еще нужно мужчине, чтобы порадоваться на том свете? Разве что увидеть, как его внуки берут оружие, а внучки рожают правнуков. Кстати, о правнуках... Ты уж прости, по вашим южным платьям да косам и не поймешь, которая еще в девах, а которая третьего сына родила! Неужели такая красавица до сих пор не

сговорена? Если до сих пор не выбрала себе мужа, так у меня четверо сыновей и два племянника! - Северянин пару мгновений подумал и решительно добавил: — Ну а если предпочитаешь мужчин в самом соку, так я и сам вдовец.

Райнгартен, цедивший вино, снова поперхнулся, а все, кто это услышал, посмотрели на северянина с разной степенью удивления и возмущения. Даже на бесстрастном лице Аранвена мелькнула растерянность.

- Я пока не замужем, славный воин. - Айлин улыбнулась ему теплее и с легким озорством, став похожей на себя прежнюю. - Но мужа себе уже выбрала. Твои сыновья и племянники обязательно найдут свою судьбу с другими... девами. Да и тебя, я уверена, Всеблагая Мать не обойдет милостью и пошлет встречу с достойной женщиной.

И снова Грегор восхитился ее мягкой деликатностью и умением найти общий язык даже с этим варваром. Леди Ревенгар в невесты своему сыну или племяннику! Или себе?! А вольфгардец умеет замахиваться! Это уже даже не оскорбительно, просто... забавно.

Грегор поспешно опустил взгляд, чтобы скрыть горячую волну счастья, что окатила его изнутри, пропитав ласковым теплом каждый уголок души. Она выбрала мужа! Конечно, для вольфгардца это было сказано так, чтобы тот понял согласно своим варварским традициям. Но... это ведь правда! Должно быть правдой... Она выбрала его, когда пришла сама, забыв приличия ради любви. А тот отказ... Ну что он еще мог ждать после такого глупого и оскорбительного поведения?! Да еще поговорить с ней никак не может!

Но Айлин ведь знает, что он любит ее. И эти слова про мужа... Они для него! Потому что он рядом, потому что не может отвести взгляда от ее нежного тонкого лица, чуть порозовевшего от вина, но все равно веснушчатого... Если бы он только мог протянуть руку через стол и коснуться ее руки, трогательно тонкой и изящной, но крепкой, способной удержать повод коня и шпагу, бросить проклятие или боевой аркан. Единственной руки, достойной фамильного кольца Бастельеро!

Словно услышав его мысли и смутившись, Айлин снова сложила руки на коленях и посмотрела туда с таким мечтательным видом...

- Эх! - заметно расстроился северянин. - Ну, хоть на свадьбу пригласи! Обещаю, приду с достойным подарком. Нам теперь долго в ваших землях штаны протирать.

Вздохнув, он повернулся к Аранвену и жизнерадостно предложил:

- А что, благородный ярл советник! Не выпить ли нам за дружбу? Жалко, кубки у вас маленькие, подливать часто приходится. Но это и неплохо, можно больше хороших слов сказать!

- Совершенно с вами согласен, милорд посланник, — церемонно отозвался Аранвен. - И надеюсь, что дружба Дорвенанта с Вольфгардом. ..

Третий удар гонга перекрыл гомон в зале, и Грегор услышал:

- Их величества пьют за здоровье своих гостей!

Тенью возникший за плечом лакей подлил ему вина в едва тронутый бокал, и Грегор поднялся, радуясь, что официальная часть свадебной церемонии подходит к концу. Еще несколько мгновений, и невеста покинет зал, чтобы подготовиться к брачной ночи. В этот миг следовало вспомнить Всеблагую, но молитвы не шли Грегору на язык, в отличие от проклятий. Нельзя. Она по-прежнему его королева, вот ведь какая... гнусность!

«Но уже не моя любовь, — подумал он, поднимая бокал, чтобы снова едва смочить губы. - К счастью, не она! Айлин... Но... а что, если она говорила о ком-то другом?!»

Мысль была такой внезапной и странной, даже дикой, что Грегор едва не поперхнулся, опозорившись. Поставив бокал, он посмотрел на девушку, тоже едва сделавшую глоток. Она выбрала мужа и... не его? А кого?! Бред какой-то! Да, раньше он мог опасаться соперничества с юным Аранвеном. Но чтобы Айлин согласилась выйти замуж не за того, кому отдала свою невинность? Нет! Это... Это просто невозможно! Только не она. И вообще, она не любит Аранвена! Никогда Айлин не смотрела на него иначе, чем на друга. Кто тогда?

Если бы бастард не согласился на брак с Беатрис, Грегор мог заподозрить его, но... Нет-нет, это еще немыслимее! Его Айлин, гордая и чистая, никогда не согласится на позорную роль фаворитки! И потом, она ведь сказала «мужа». Никаких иных толкований и быть не может! Бедная девочка, она, возможно, просто не знает, как сказать ему, что передумала?! А он... он молчит, ожидая королевского совета и приговора, и она не понимает, что он готов снова в любое время бросить сердце к ее ногам!

Король с королевой осушили бокалы до конца, и гости разразились приветственными криками, а северяне, сидящие на дальнем краю стола, оглушительно звонко заколотили чем-то по блюдам. Король поцеловал супруге руку, и Беатрис, сделав реверанс гостям, в сопровождении фрейлин удалилась из зала. Внутри Грегора словно перерезали туго натянутую струну. Больше всего он боялся, что хоть на миг почувствует к этой женщине былую страсть и нежность, хотя бы тень того благоговения, которое теперь должно было принадлежать только Айлин. Но нет, лиловое пятно проплыло мимо, и Грегор даже не посмотрел в ту сторону. Его любовь и невеста сидела напротив, нежно чему-то улыбаясь, поглядывая на сложенные на коленях руки.

«Если бы я всерьез думал, что младший Аранвен от нее не откажется... — Мысли Грегора текли отстраненно, словно сами по себе. - Дарра - сильный некромант. И умелый, хотя не очень опытный. А еще он - единственный наследник своего отца. И будет довольно сложно так закончить дуэль, чтобы не убить его и не покалечить, но навсегда уничтожить само желание смотреть на Айлин. Говорить с ней. Подходить близко... Я никогда и никого не потерплю рядом с ней. Никого, способного развратить мою милую чистую девочку, мою любовь. Превратить ее в подобие Беатрис, которая знала мужчин до жениха, а потом изменяла мужу. Айлин совсем другая! И я должен быть ее возлюбленным супругом, ее стражем, ее защитником! Только бы пережить проклятый Совет! Только бы...»

ГЛАВА 7. Королевские коты

«Вот теперь мне дорога в Вероккью точно закрыта. Потому что смеяться над таким идиотом станут не только дражайшие собратья по гильдии, но даже кошки мастера Ларци. Сам-то мастер, может, и посочувствует, он знает, что не всякую беду можно предугадать и отвратить...»

Мощная спина магистра маячила впереди красным пятном, перехваченным широкой черной перевязью, боевик шагал размашисто, и люди сами расступались перед ним, а Лучано оставалось только следовать за этим живым тараном. И все-таки внимания на его долю доставалось неизмеримо больше, чем нужно. Столько, что лопатки чесались и зудели, невыносимо хотелось передернуться и немедленно сбежать из-под сотен взглядов, больше напоминающих прицелы. И, разумеется, со всех сторон ему сыпались поздравления, на которые приходилось отвечать кивками, улыбками, быстрыми благодарностями...

«Альс, благородная ты зараза! Грандсиньор паладин, воплощение великодушия, чтоб тебя! Ну вот зачем?! Зачем ты устроил это представление с награждением?! Для чего тебе было рассказано про Шипов? Чтобы ты показал меня всему двору?! Меня, Шипа, чье главное оружие - незаметность! Да если бы я знал, вообще не поехал бы в храм! Надел бы потом цепочку по-тихому...»

А теперь, извольте видеть, он личный королевский следователь! Благородный синьор! Лорд Люциан, чтоб его, Фарелл! Надо же, как судьба поглумилась! Имя, под которым ему даровали дворянство, в точности совпало с тем, что было написано в бумагах королевы. И теперь он полноправный дворянин с поместьем, особняком в столице и выездом, поberi это все Баргот! О да, прекрасная шутка - даровать наследное дворянство младшему мастеру Шипу, который не может иметь потомства! Впрочем, Альс ведь этого не знал... И хотел как лучше...

Лучано хотелось плакать и смеяться одновременно. Что там говорила синьора Минри про колею, по которой катится его судьба?! Вот это все - просто очередной поворот?! Из наемных убийц - в доверенные лица короля?!

Храм наконец-то закончился, но во дворе собралась толпа еще плотнее. Грандсиньор магистр оказался бесценным спутником, он зычно рявкнул, и их лошади мгновенно нашлись, а пара гвардо растолкала людей, чтобы можно было выехать. Боевик взлетел в седло с удивительной для такого массивного тела легкостью, и Лучано, садясь на Донну, как бы ни был зол и растерян, не мог не залюбоваться прекрасной статью магистра. Рост, плечи, осанка... Великолепный мужчина, хоть уже изрядно в возрасте. Впрочем, он из тех, кого этот самый возраст не портит, а лишь добавляет богатства оттенков, как хорошему вину. Точно таков магистр Дункан, да и Альс из этой же породы, он прекрасен сейчас, но когда заматерееет - от него глаз будет не отвести...

- Лорд Фарелл? - обернулся магистр, и Лучано тряхнул поводьями, чтобы ехать вровень со спутником. - Я готов ответить на ваши вопросы. Или предпочитаете подождать до Академии?

- О, как вам будет угодно, грандсиньор! - отозвался Лучано. - То есть милорд, простите. Никак не могу привыкнуть к местным титулам. Но теперь придется, наверное... - Он снова присмотрелся к мощной фигуре боевика, его смуглому лицу с крупными чертами и темно-кариими глазами, черным волосам с проседью, постриженным коротко для дворянина... — Простите за любопытство, милорд, вы ведь не дорвенантец?

- Я карлонец, — ответил боевик. - Правда, живу здесь уже много лет. Присягнул Ордену и королю, принял подданство Дорвенанта.

- И стали своим? - поинтересовался Лучано. - Простите за неучтивость...

- Пустое, — усмехнулся тот. - Нет, не стал. Хотя женился здесь на девице из местных, и мои сыновья даже не говорят по-карлонски. Но я уверен, им всю жизнь будут припоминать, что они дети чужака. Может, не в лицо, но за спиной - точно. Да что там дети, чтобы стать в Дорвенанте по-настоящему своим, иногда и трех-четырех поколений мало. Вам следует учесть это, лорд Фарелл.

- Непременно, милорд, — серьезно согласился Лучано, подумав, что ему-то женитьба и дети точно не грозят.

И вообще, если предсказание Минри все-таки сбудется, нет смысла переживать о том, что благородные синьоры Дорвенанта никогда не признают его своим, словно кота, случайно зашедшего на псарню. Глупо строить далеко идущие планы на жизнь, если смерть постоянно стоит за плечом. А еще ведь имеется любезное приглашение грандсиньора аккару...

«Кто бы знал, что я стану пользоваться в Дорвенанте таким успехом?» - мрачно пошутил про себя Лучано, а вслух сказал:

- И все-таки, грандсиньор, вы сделали здесь прекрасную карьеру, м? Значит, это правда, что Орден терпим к различиям господ магов, если они талантливы в главном?

- И да, и нет, — чуть подумав, уронил боевик, сворачивая на знакомую улицу, ведущую в Академии.

Толпы народа еще не разошлись, но стали значительно реже, и все-таки в сторону Лучано и его спутника постоянно летели приветствия, а миленькая синьорина запустила в них с балкона букетиком анемонов. Лучано поймал его на лету, галантно поднес к губам, разумеется, не коснувшись кожи - еще не хватало тащить в рот неизвестно что. Синьорина восторженно взвизгнула и помахала ему рукой. Лучано даже пригляделся к ее дому, рассчитывая на приятное знакомство, но тут на балконе рядом с девицей показалась матрона столь сурового вида, что его интерес увял куда быстрее пойманного букетика.

- В Ордене восемь магистров, кроме Архимага, — задумчиво продолжил боевик. - Я чистокровный карлонец, и хоть дома имел титул, сравнимый с дворянским, но в Дорвенанте трудновато объяснить кому-то, что такое боярич. Так что полученным постом я обязан исключительно прежнему магистру Красной гильдии. Это он когда-то стал моим личным наставником, а затем и покровителем. Кристоф... был невероятным человеком. Воплощение чести и отваги... Он погиб недавно, закрывая один из разрывов. Простите, мне все еще больно говорить о нем.

По лицу магистра промелькнула тень искреннего страдания.

- О, это мне следует просить прощения, — торопливо отозвался Лучано. - Я не хотел бередить вашу рану, извините!

- Ничего... Так вот, я стал магистром лишь потому, что много лет был правой рукой Кристофа. Иначе мне, чужестранцу и почти простолюдину с точки зрения местных дворян, такой высокий пост ни за что не достался бы. Но в Красной гильдии не принято спорить с волей командиров, даже покойных... — Он болезненно усмехнулся, и Лучано сделал для себя отметку, что боевые маги действительно похожи порядками на гвардо, правильно ему показалось, а магистр продолжил: — Зато главы Фиолетовой, Оранжевой и Синей гильдии - лорды Трех Дюжин, золотая кровь, понимаете?

- Вполне, — кивнул Лучано. - А магистры Бреннан и Роверстан?

- Оба простолюдины. Правда, у Дункана мать - знатная арлезийская дворянка. Но она совершила страшный мезальянс, выйдя за его отца, и не поддерживает отношений с родней. А вот Бреннан - чистокровный простолюдин, если можно так выразиться, — магистр усмехнулся уже спокойнее. - Вы и сами могли заметить, что он до сих пор весьма свободен в обращении. Ну и магистры Ваплендорф и Волански - дворяне, хоть и не Трех Дюжин. Волански, кстати, тоже родом из Карлонии, но его семья живет здесь уже несколько поколений.

- Понимаю... — протянул Лучано, вспомнив, что Волански - это удивительно странный грандсиньор, вернувший ему Перлюрена.

И раз он был в желтой мантии, значит, иллюзорник. А Ваплендорф - алхимик, следовательно. Так, нужно прекращать вести себя как идиотто и раздобыть где-нибудь списки придворных Альса, главных магов Ордена и план города. Вот план - первым делом! А то он даже не знает, где находится его Барготом драный особняк!

- Значит, сделать карьеру в Ордене можно, даже будучи простолюдином или иностранцем? — подытожил он.

- Можно, — снова усмехнулся боевик. - Только прошу заметить, что простолюдин Бреннан хотя бы урожденный дорвенантец, полностью свой, как говорится. А что касается Роверстана... Он ведь разумник, их до сих пор считают немного... неполноценными орденами. Бывшие барготопоклонники, да и магическая сила у них отличается... В общем, требования к их магистрам не такие строгие, как обычно.

- А при дворе... — начал Лучано, и боевик понимающе кивнул:

- Там еще сложнее. Без череды благородных предков человек словно не существует. У вас, правда, пока что положение особое, вы в милости у его величества. И я был на том холме, так что первый заткну рот любому, кто скажет, что эта милость не заслуженная. Но лишись вы ее, и придворные тут же припомнят вам все вдвое. И то, что чужак, и то, что бывший простолюдин. А как говорят у нас в Карлонии, благодарность господина - зыбкий песок, лучше на ней ничего не строить.

- Какие мудрые люди ваши соотечественники! - искренне восхитился Лучано. - Благодарю за разъяснения, мне в самом деле есть о чем подумать. А теперь позвольте расспросить вас о человеке, к которому мы едем. Признаться, я понятия не имею, с чего начинать, поэтому окажите любезность, расскажите об этом деле, что сами считаете нужным.

Магистр снова кивнул, и всю оставшуюся дорогу до Академии Лучано слушал негромкий, очень сдержанный и толковый, но полный скрытого гнева рассказ о неудачливом красном маге, попавшем между жерновов чужого заговора. Лионель Саграсс, значит... Личный телохранитель покойного синьора Денвера и один из командиров орденой тайной стражи. Птица не самого высокого полета, но и не мелочь.

Лучано привычно сравнил Орден с гильдией Шипов и прикинул, что синьор Саграсс - младший мастер, не меньше. Значит, человек неглупый и опытный, матерый боец. Как же его так угораздило?

Именно об этом он спросил магистра, выразив должное сочувствие бедняге.

- А куда ему было деваться? - резонно ответил вопросом на вопрос боевик. - Он выполнял приказ.

Лучано вздохнул, а про себя согласился, что у Шипов с приказами тоже не спорят. И даже если приказано умереть, лучше это выполнить как можно старательнее, а то ведь выживший непременно пожалеет, что не исполнил волю мастера в точности. Мастеру виднее, кому сколько жить положено.

В Академии магистр повел его через сад к отдельно стоящему зданию, мрачней с каждым шагом. Лучано же искренне гадал, какие новые сведения может принести Альсу и зачем его сюда вообще послали? Ну перескажет он историю синьора Саграсса, а дальше что? Помиловать Альс его вроде бы не может... Или может, м?

- Если по закону, то нет, — буркнул на его вопрос боевик, окончательно превращаясь в подобие грозовой тучи. - Разве что заменить четвертование отсечением головы. Потому что каторга - это хуже казни. Представляете, что там сделают с дворянином и бывшим магом, лишенным силы?

Лучано представлял и был совершенно согласен, что попадать на каторгу синьору Саграссу не стоит. Легкая быстрая смерть намного милосерднее. И, наверное, уж в этом Альс бедняге не откажет. Но это и без расследования можно было устроить.

- Я не знаю, что может сделать его величество, — признался магистр, ведя Лучано через небольшую кордегарию к уходящей вниз лестнице. - Надеюсь на него, как на самого Пресветлого Воина, но... Незыблемость решений королевского суда охраняет Дорвенант от произвола даже самого короля, только не в том случае, когда сам суд становится чьим-то произволом.

- Потому что у стилета две стороны, — пробормотал Лучано и услышал чьи-то торопливые шаги.

По лестнице навстречу им кто-то поднимался. Лучано выглянул из-за магистра, перегородившего собой почти весь проход.

- Вольц? Какого Баргота? - рявкнул боевик на человека с корзинкой в руках.

Невысокий крепыш, одетый в темное с алой оторочкой, прижался к стене и виновато ответил:

- Простите, милорд! Я только это... — Он выставил перед собой корзинку, словно защищаясь. - Жена вчера пирогов напекла. С вишней, значит... Пироги - это ж не запрещено!

- У тебя - пироги, — пробурчал магистр. - У Лонгуа - отбивные... Майсенеш вчера гуся целого

приташил... Думать же надо хоть немного головой! Там не рота сидит, а один-единственный человек. Скройся с глаз моих, упырь бестолковый!

Он развернулся боком, и Вольц, торопливо кивнув, проскочил мимо него и Лучано, рванув вверх по лестнице.

- Вы не думайте, милорд, — сконфуженно сказал боевик и принялся спускаться дальше. - У нас тут не большая дорога, где шляется кто попало! Службу знаем. Просто все эти ребята... Они под началом Лионеля служили, вот и...

- Вы меня обижаете, — укоризненно сказал Лучано, оглядывая небольшой коридор. - Осудить людей, что пытаются немного скрасить последние дни приговоренного?!

Боевик обернулся и кивнул, как показалось Лучано, с благодарностью, а потом подошел к двери и приложил руку к замку. Тот вспыхнул, и дверь тихонько скрипнула.

- Я вас только представляю, — снова мрачно сказал магистр. - И буду ждать наверху.

Он толкнул дверь камеры и вошел первым, но сразу же отступил, пропуская Лучано, а потом окликнул человека, лежащего на кровати у стены:

- Лионель, подъем! Его величество прислал своего человека поговорить с тобой. Это лорд Фарелл, следователь короля!

Лучано только вздохнул, пытаясь привыкнуть, что это все про него, и оглядел камеру, пока заключенный торопливо сел на постели, а затем встал у кровати, одергивая уже знакомый темный с красным мундир.

Ну что ж, приходилось ему видеть гостиницы куда хуже, чем эта камера. Небольшая, но сухая и теплая, хотя без окон. Под потолком качается магический шар - ничего себе роскошь! Хотя магам, наверное, проще подвесить эту драгоценную штуковину, чем обычную лампу. Ту надо заправлять, да и тюремщика можно ею стукнуть... У стены - кровать, застеленная чистым бельем, что выглядывает из-под небрежно накинутого одеяла. Шерстяного, отличной выделки! Умывальник в углу, под ним - поганое ведро с плотной крышкой. А у другой стены, напротив, массивный стол, заставленный...

Рядом вдохнул и выдохнул магистр боевиков, и было ясно, что кому-то не избежать взыскания, но поздно - королевский следователь уже разглядел и упомянутого печеного гуся, и гору пирожков на блюде, и еще полдюжины каких-то горшочков, от которых пахло так, что у него, с утра голодного, рот наполнился слюной. Венцом нарушения тюремных правил наверняка являлись три пузатые бутылки, притаившиеся в засаде позади гуся. Непочатые, между прочим. И гусь едва тронут, одно крыло отломлено...

Лучано про себя уважительно подумал, что синьор Саграсс был отменным начальником, если его подчиненные так стараются. Носить еду даже не из трактира, а из дома - это настоящая забота! А вон еще на стуле пара книг и сложенная коробка, расписанная черно-белыми квадратами - арлезийские башни, они же шахматы, как говорят далеко на Востоке.

- Ну, я пойду... — неловко сказал магистр боевиков и, бросив на узника последний взгляд, резко вышел, прикрыв за собой дверь, но замок не щелкнул.

- Доброго дня, милорд, — настороженно сказал заключенный, разглядывая Лучано и пытаясь одновременно пригладить взлохмаченные светлые волосы и застегнуть ворот рубашки. - Простите, что встречаю в таком виде!

- О, пустяки! — успокоил его Лучано и прошелся по комнате, давая Саграссу время прийти в себя. - Я смотрю, ваши друзья весьма заботливы.

- Они не нарушают Устав! - слишком торопливо отозвался маг. - Прошу не ставить им в вину!

- Ив мыслях не было, — вздохнул Лучано. - Мэтр Саграсс, вы не сочтете за неучтивость, если я попрошусь на угощение? С утра во рту ни крошки, а к праздничному столу я теперь наверняка опоздаю.

- Что? О, конечно! - В светлых глазах боевика промелькнуло изумление, но он тут же сконфуженно заверил: — Буду счастлив! Шамьет или карвейн?! О, простите, вы на службе...

- Я определенно на службе, — снова со вздохом согласился Лучано. - Так что лучше шамьет. И пирожок, если позволите.

Метнувшись к единственному стулу, Саграсс сгреб с него книги и игральную доску, бросил на

постель. Выбрав из нескольких чашек чистую, плеснул в нее шамьет и предупредил виноватым тоном:

- Простите, подогреть не могу.

Отдернул манжет рубашки, показав браслет - массивную полосу металла, исчерченную какими-то знаками. Совсем не та цепочка, что теперь носила синьорина Айлин, но это и понятно. Одно дело - благородная девица, и совсем другое - приговоренный к смерти преступник.

- Не беспокойтесь, — махнул рукой Лу и присел на стул, вытягивая ноги и пробуя шамьет.

Крепкий, отчаянно сладкий, сваренный паршиво, но не хуже, чем для больных в лазарете. В общем, обычный дорвенантский шамьет. И человек, стоящий перед ним навтыжку, выглядел тоже обычным дорвенантцем.

На вид боевику было лет тридцать пять-тридцать семь, самый расцвет сил. Пониже Альса, но выше самого Лучано, крепкий, светловолосый и светлоглазый, скуластый, с красиво очерченным ртом и упрямым подбородком. Небольшой шрам на левой щеке синьора Саграсса ничуть не портил. Напротив, придавал ему мужественный и лихой вид. Женщины от таких шрамов без ума, да и некоторые мужчины тоже. Портила боевика разве что какая-то общая неухоженность вроде неровно подстриженных волос и потрепанной рубашки, да тоска в глазах. Саграсс глядел, как давно сидящий на цепи пес, потерявший всякую надежду на свободу.

Лучано откусил пирожок, мягкая сдоба во рту брызнула кисло-сладким соком. А вот это - выше всех похвал, жена у синьора Вольца печет превосходно. Прожевав и проглотив кусок, он мягко попросил:

- Садитесь, мэтр. Или мне следует обращаться к вам «лорд Саграсс»? Простите, я недавно в Дорвенанте и еще не усвоил тонкости этикета.

- Как вам будет угодно, лорд... Фарелл? Погодите, но вы...

В глазах мага теперь плескалось нешуточное замешательство, он явно пытался что-то понять, в свою очередь разглядывая Лучано, который с упоением жевал пирожок, иногда делая маленькие глотки шамьета. Нуда, имя дорвенанте кое, цепь-дворянская, а физиономия - итлийская, еще и милорд магистр все запутал, представив Лучано знатным синьором.

- Вы тот наемник? Спутник короля?! - сделал боевик совершенно правильный вывод и вытянулся еще сильнее, прямо в струнку. - Милорд, это... огромная честь! Так его величество даровал вам дворянство Дорвенанта?..

- Примерно час назад, — подтвердил Лучано, доедая и вытирая пальцы платком. - Садитесь же, прошу! Разговор у нас будет не из быстрых.

- Готов ответить на любые вопросы, — откликнулся Саграсс, послушно присаживаясь на кровать. - Но я уже давал показания. Или вы здесь... для допроса с пристрастием?

- Упаси Благие! - поспешно отозвался Лучано, услышав едва заметную паузу и оценив прямой, ни на миг не вильнувший взгляд боевика. - Просто его величество желает узнать, как все было. Магистр вашей гильдии уже рассказал основные события, но я бы все равно хотел послушать о них еще раз. Если вы не против?

Он улыбнулся, и боевик невесело усмехнулся в ответ.

- Отказать посланцу короля? - иронически уточнил он. - Что вы, милорд, я в полном вашем распоряжении!

Запустив пальцы в волосы, он задумчиво взлохматил их, посмотрел куда-то на стену над головой Лучано и принялся рассказывать. Старательно, в мельчайших подробностях, не жалея себя, хотя ни один разумный человек и вправду не поставил бы мэтру Саграссу в вину такое дурацкое и неудачное стечение обстоятельств. К сожалению, Лучано прекрасно знал, что правосудие и разум не всегда ходят одной дорогой.

Поэтому он жевал второй пирожок и внимательно изучал боевика, пропуская мимо ушей то, что уже прекрасно знал из рассказа магистра, но сосредоточившись на самом Саграссе. Важно ведь не только то, что рассказывают, но и как! Иногда второе даже важнее. Лучано смотрел, слушал и понимал, что боевик нравится ему все больше. Открытый и честный взгляд, ровные интонации, где явно проскальзывает горечь, но спокойная, без жалости к себе и сетований на судьбу, обстоятельства, чужую подлость.

Этот человек прекрасно знал, что обречен и, скорее всего, умрет весьма нехорошей смертью. Ни за что, просто ему не повезло. Его разыграли, как фигуру в арлезийских башнях, купив его жизнью

даже не победу, а просто небольшое удобство.

«И вправду сторожевой пес, — вдруг пришло Лучано в голову. - Верный, преданный, готовый рвать глотки по приказу хозяина или прикрыть его собой. С хозяином, правда, не повезло, но это часто бывает. Ко мне судьба оказалась невероятно щедра, послав мастера Ларци, а сколько Шипов ничуть не хуже меня коротают недолгий век в казармах, ожидая своей очереди стать разменной монетой в руках мастеров? Саграсс хотя бы думал, что делает хорошее правильное дело, защищает закон и порядок от злокозненных магов... Барготово дерьмо, как же несправедливо!»

- Ну, вот и все, — закончил боевик так же размеренно, словно не рассказывал то, что должно было его погубить, а вел светскую беседу. - Больше, милорд, мне добавить нечего. Лорд Сазерленд требовал допроса с пристрастием, но я и под пытками сказал бы то же самое. Конечно, если бы Пресветлый Воин послал мне сил не солгать.

Он последний раз усмехнулся и будто потух изнутри, даже плечи немного опустились. Лучано и это не смог поставить ему в вину. Саграсс долго боролся с отчаянием, но человеческие силы имеют предел, а вот отчаяние бесконечно.

В камере воцарилась тишина. Лучано поставил пустую чашку обратно на стол, рассеянно взял с него крупное красное яблоко. Так же рассеянно шевельнул запястьем, доставая потайной нож, и принялся чистить яблоко, срезая шкурку тонкой аккуратной ленточкой. И не сразу заметил, что Саграсс глядит на его руки ошалелым остановившимся взглядом.

- Милорд... Фарелл... откуда... — начал он. Голос сорвался, и боевик даже всхрипнул от волнения, а потом вскинул на Лучано безумные умоляющие глаза: — Этот нож! Откуда он у вас?!

Лучано недоуменно посмотрел на нож, небольшой, изумительно острый, прекрасно лежащийся в руку - и его осенило! Это же нож Денвера! Покойного наставника синьорины, что едва не сделал прекрасную карьеру, из некромантов став кадавром, и собирался перескочить в короли. Еще бы Саграссу не знать личный нож своего начальника!

- Боевой трофей, — улыбнулся он. - Вижу, вы его узнали, м? Кажется, я должен принести вам извинения, синьор. Наверняка вы мечтали сами убить эту тварь, но боги решили иначе.

- Это... вы его?! - выдохнул Саграсс и посмотрел на Лучано совершенно обожающим взглядом. - Вы?!

- Я, — подтвердил Лучано, а потом уточнил: — Но должен признать, что совершенно против правил чести. И вообще любых правил. Убил его в спину ножом, а потом синьорина... то есть леди Айлин упокоила мэтра, когда он встал нежитью.

- Благослови ее Пресветлый и все Благие! - ясно улыбнулся Саграсс. - И вас - тоже! Все-таки справедливость есть! Этот... эта мразь не ходит по земле!!!

- Не ходит, — согласился Лучано. - Тихо лежит в земле на очаровательной полянке у не менее прекрасного озера. Вот, кстати...

Повинуясь какому-то смутному, еще непонятному ему самому чувству, он сунул руку за отворот камзола и достал из потайного кармашка один из двух лежащих там перстней, нащупав нужный.

- Все время забываю его носить, — доверительно сказал он, показывая Саграссу золотой ободок с крупным аметистом. - Да и не уверен, что господа маги не примут это как оскорбление.

- Не примут! - пообещал Саграсс, пожирая перстень на его ладони алчным взглядом. Потом поднял на Лучано глаза и тихо сказал: — Боги, он действительно мертв... Простите, милорд! Я... не сомневался в ваших словах. Но если бы вы знали, какая это была хитрая гнусная тварь... Он вполне мог подсунуть кого-то другого! Но перстень перегорел, я даже в браслетах это вижу... Значит, и сам Денвер сдох. Благодарю вас, милорд! О, благодарю... Теперь мне и умирать не так обидно...

Он улыбнулся с такой светлой виноватой горечью, что у Лучано что-то предательски защемило в груди. Подумаешь, какой-то приговоренный к смерти человек! Вообще ему чужой! Увиденный сегодня первый раз в жизни! Да сколько он видел таких, не знающих, что скоро умрут! И, между прочим, лично исполнял многим приговор. Красиво исполнял, умело, лихо! Гордись мастерством и удачей, за которую его прозвали Фортунато - Счастливчиком. Так что ему за дело до еще одного смертника?!

И, между прочим, Аластору тоже до этого Саграсса нет особого дела. Альс, конечно, образец великодушия, но тут закон не допускает справедливости. Разве что милосердие... Отравить, что ли, бедолагу боевика? Вот прямо сейчас предложить ему карвейна за горячий котел у Баргота для мэтра Денвера - точно не откажется! А последняя любимая шпилька так и торчит в волосах, стряхнуть с нее головку - дело одного мгновения. И никакого четвертования... Да Саграсс, может, сам попросил бы об этом, знай он, кого привела судьба в его камеру!

Лучано посмотрел на перстень и надел его на палец. Вдохнул... Гербовый, конечно, был бы надежнее, а еще лучше - бумага с подписью короля. Так ему могут и не поверить. И вообще это все чистой воды безумие! Полное! И если Альс его за такое погонит из дворца пинками, будет прав...

- Идемте, синьор Саграсс, - сказал он, вставая. - Мы едем во дворец.

- Что?!

Боевик посмотрел на него с испугом. Лучано и самого внутри корежило лютым страхом простолюдина, лезущего не просто в дела грандсиньоров, а туда, где его даже за человека не посчитают - просто растопчут походя и отбросят с дороги. «Ну уж нет, я все еще мастер Шип, — подумал он с холодной злостью на самого себя и этот внутренний ужас. - Этого у меня никто не отнимет! Ни вместе с дворянством, ни с самой жизнью. Жил Шипом и сдохну им, если придется, но сейчас я должен попытаться! Я же собирался стать грандмастером! И боюсь вмешаться в чужую судьбу?! Как убивать - так запросто, а попробовать спасти - слаб в коленках?!»

- Идемте, — повторил он так властно, словно говорил с рядовым Шипом, вдруг посмевающимся противоречить ему, мастеру, пусть и младшему. - Я отвезу вас во дворец и представлю его величеству. Решать вашу судьбу станет он.

«Вот и пусть поглядит в глаза человека, который был бы счастлив отдать за него жизнь - ну видно же! Насквозь видно, что этот Лионель Саграсс из той же породы по-собачьи преданных гуардо, что и лейтенант Минц, и грандсиньор Кастельмаро! А придется ему вместо этого умирать, и если уж Альс должен подтвердить его приговор, пусть сначала посмотрит ему в глаза. Королям это полезно!»

И так же, как обычный Шип, Лионель Саграсс кинулся выполнять его распоряжение. Торопливо плеснул водой в лицо, одернул задравшиеся манжеты, расстегнул и заново застегнул ремень, оказавшийся вдруг свободным. Натянул сапоги и вытянулся, показывая, что готов.

Кивнув, Лучано вывел его наверх и невозмутимо сообщил магистру, сидящему в кордегардии:

- Я забираю осужденного во дворец. Под мою ответственность. Можете дать нам сопровождение?

- Что?! - В глазах Ладечки стояло то же изумление, что у Саграсса, но магистр с собой справился быстрее. - Да, разумеется... Вы же действуете по приказу короля!

«Который знать об этом не знает, — отчаянно подумал Лучано, пока воспрянувший глава гильдии лично вел их на конюшню и велел подавать лошадей. - Странник, что же я творю?! Я же даю ему надежду! Если Альс просто прикажет отправить этого бедолагу обратно в тюрьму, мне остается только отравиться с позора! Но нельзя, и придется жить дальше, смотреть им всем в глаза...»

До дворца их провожал лично магистр и еще пара спешно вызванных им красных магов. Все четверо, включая Саграсса, глядели на Лучано, как на посланца Благих, и под этими взглядами, полными надежды, ему было пронзительно жутко, поэтому всю дорогу он молчал. Только у самых ворот, когда им заступили путь караульные, уронил, тронув рукой дворянскую цепь для большей уверенности:

- Я лорд Фаррел, королевский следователь. Его величество хочет видеть этого человека.

- Вас мы знаем, милорд! - Щеголеватый гуардо в парадном мундире поклонился, лихо отдав честь. - Как не знать! А этого господина в списках нет. Но если вы ручаетесь...

- Ручаюсь, — твердо сказал Лучано и обернулся к боевикам: - Милорд магистр, господа! Благодарю за компанию, дальше мы сами. - И добавил, изнывая от тоскливого предчувствия: — Вы же понимаете, я ничего не могу обещать...

- Но вы пытаетесь что-то сделать, — тихо уронил магистр. - Поверьте, Красная гильдия этого не забудет.

И он, и остальные двое поклонились, а Саграсс обернулся к ним и четким движением склонил голову, прижав ладонь к груди. Боевики ответили ему тем же и, не садясь в седла, шагом повели коней от дворцовых ворот.

- Идемте, мэтр, — сказал Лучано, понимая, что совершенно не представляет, что ему делать дальше.

И тут судьба наконец послала ему подсказку, потому что среди гуардо мелькнуло знакомое лицо.

- Лейтенант Минц! - окликнул его Лучано и в порыве вдохновения попросил обернувшегося офицера: — Будьте любезны! Подскажите, где найти королевского камердинера! Как же его... Джастин?

- Да, милорд, — поклонился гуардо. - Позвольте, я вас провожу.

Удивленно глянул на Саграсса, который в своем потрепанном и несвежем мундире выглядел откровенно чужим среди разряженных придворных и гвардейцев, но ничего не сказал.

- А его величество уже вернулся во дворец? - спохватился Лучано, с удивлением глянув на небо.

Он же провел в Академии всего ничего, откуда уже глубокие сумерки?! Даже не заметил, когда ехал, что наступил вечер.

- Да, милорд! В Северном зале идет королевский пир! - подтвердил лейтенант. - Еще немного - и ее величество удалится в спальню...

«Ну, тогда мне там и делать особо нечего, — с облегчением подумал Лучано. - А я, кстати, все-таки идиотто... Нет, мозолить глаза всему двору действительно не стоило, но Альс, пожалуй, сделал верно, что объявил мое дворянство прилюдно. Теперь хотя бы никто не пришибет меня как наглого простолюдина, вовремя не убравшегося с дороги. И стража, вон, знает лорда Фарелла, что полезно... У стилета все-таки две стороны, м?»

Минц провел их дворцовыми коридорами в крыло, где Лучано уже был. Попросил подождать в каком-то зале и послал пажа к господину камердинеру, а сам откланялся. Не прошло нескольких минут, к ошеломленно молчащему боевику и Лучано торопливо подошел пожилой господин, одетый нарядно и строго.

- Милорды! - низко склонился он и выпрямился, остро взглянув на Лучано, но ничем не выдавая их знакомство.

- Сударь Джастин! - воскликнул Лучано. - Как ваше здоровье? Как Флориморд?!

- Он... О, благодарю вас, милорд, — растерянно произнес камердинер, разом растеряв часть своей непроницаемости. - Ему гораздо лучше! Чем могу служить?

- Только вы можете нам помочь, — доверительно сказал Лучано и взглядом указал на Саграсса. - Его величество выразил желание увидеть этого человека. Но сегодня, как вы понимаете, ему решительно не до нас! К тому же... Мэтру Саграссу следует переодеться и вообще...

«Пусть он завтра выглядит прилично, — обреченно подумал Лучано. - Я и так чувствую себя джунгаро, продающим старую лошадь за молодую, так следует хорошенько ее отчистить и взбодрить! Заодно будет под присмотром и занят, чтобы не появилось лишних дурацких мыслей...»

- Разумеется! - подтвердил Джастин, окидывая боевика цепким пронзительным взглядом, словно опытный целитель или гробовщик, снимающий мерки. - Милорду следует привести себя в порядок, прежде чем быть представленным королю! К счастью, у нас для этого целый вечер, поскольку раньше завтрашнего дня его величество вряд ли пожелает вас вызвать! Я немедленно вызову цирюльника и портного. Хм... возможно, удастся подобрать нужный мундир... Мне следует устроить милорда на ночлег во дворце?

- Это было бы прекрасно, — согласился Лучано. - Кстати, не могли бы вы и мне найти место, причем как можно ближе к покоям его величества? Он может вызвать меня в любой момент!

- Я не получал распоряжений на этот счет... — заколебался камердинер, а потом посмотрел на Лучано и вздохнул: — Но, думаю, я знаю, какая комната вам подойдет. В конце концов, его величество всегда сможет отменить мое решение. Идемте, милорды!

И он решительно повел их бесконечными дворцовыми коридорами.

***

Уже на половине пути от праздничного зала - Северного, как назвал его церемониймейстер - до покоев королевы, Аластор истово пожалел, что нельзя запустить в провожающих его благородных лордов секирой или хоть чем-нибудь. Да и высказаться в стиле Долгого Мартина, самого лихого из известных Аластору сквернословов, королю тоже вроде бы не подходит!

А вот лордам, судя по всему, еще как подобало! От их громогласных пожеланий и советов у Аластора немилосердно горели уши, и он несказанно радовался, что его брак должен оставаться белым. Еще вопрос, удалось бы ему не опозориться перед женой после такого провожания!

Женой? Женой! До покоев королевы оставалось всего полкоридора, и Аластор похолодел, представив себе, что Беатрис могла услышать... вот это все. Да что там, наверняка услышала! Милорды гости совершенно не утруждались тем, чтобы хоть немного понизить голос.

«Нужно немедленно что-то сделать! - мелькнуло в мыслях. - Надо же, а на свадьбе Ульва, старшего сына Мартина, я его провожал в точности так же. Оказывается, когда жених ты сам, этот обычай

совсем не кажется таким веселым!»

Оглянувшись на толпу человек в пятнадцать, Аластор решительно остановился, вынудив их сделать то же самое. Кто-то из особенно разгулявшихся пьяным голосом поинтересовался причиной заминки, но другие, потрезвее, на него шикнули.

- Милорды! Благодарю, что проводили! - обернувшись, произнес Аластор так громко, как только мог. - Прошу, возвращайтесь в зал, пируйте дальше и не забудьте выпить за мое здоровье. Дальше я и сам не заблужусь. Пожалейте скромность ее величества!

- Скромность вдовы? - хохотнул кто-то в толпе. - А не спеть ли нам песню про веселую вдову? Господа, подпева-а-а-ай... кх-кх-кх!

Аластор медленно выдохнул набранный воздух, ужаснувшись багровой пелене, что едва не заволокла его сознание. И успел услышать поверх приглушенных хрипов жизнерадостный голос Кастельмаро:

- Ну что же вы так неосторожно, милорд? В вашем возрасте следует внимательно смотреть под ноги. А теперь его величество не услышит песню!

«И очень этому рад», — мрачно подумал Аластор.

- В самом деле, милорды, — безмятежно поддержал боевика второй голос, кажется, это был некромант Эддерли. - Оставим их величества друг другу, пока еще кто-нибудь... хм... не споткнулся в этом темном коридоре.

«Кажется, Орден только что оказал мне услугу», — усмехнулся про себя Аластор.

В толпе послышалось бурчание, но уже неуверенное и слегка обиженное. Положение спас все тот же Кастельмаро. Обняв сразу двоих спутников за плечи, он провозгласил, что намерен немедленно выпить за счастье их величеств, но если кому-то преклонный возраст или слабость не позволяют поддержать эту здравицу... Возмущенные лорды отозвались дружным ревом и, развернувшись, ломанули обратно по коридору в пиршественный зал, как табун под управлением матерого жеребца.

Аластор снова усмехнулся - теперь с явным облегчением - и подошел к двери, чувствуя странную робость, одновременно сладкую и мучительную. Беатрис... Она тоже устала за этот бесконечно длинный день! Разумеется, он просто пожелает ей доброй ночи и, немного выждав, уйдет к себе. Дверь под его рукой открылась мягко, не скрипнув, и Аластор шагнул в прохладную тишину, еле уловимо пахнущую чем-то свежим и сладковатым. Какие-то цветы, что ли? Комната была освещена единственным шандалом на полдюжины свечей и оттого тонула в полумраке, особенно большая, застеленная белоснежным бельем кровать, от которой Аластор поспешно отвел взгляд.

- Входите, ваше величество, — мягко сказала женщина, сидящая у туалетного столика спиной к двери. - И примите мою благодарность за вашу деликатность.

- Вы... все слышали... — неловко сказал Аластор, делая еще шаг. - Простите...

- О, вам ли просить прощения?

Она обернулась одним плавным медленным движением, и Аластора бросило в жар: то, что он принял за домашнее платье, оказалось белой полупрозрачной рубашкой с декольте, едва прикрытым таким же белоснежным кружевом. Два высоких округлых холмика это кружево прятало столь коварно, что больше подчеркивало, пожалуй. Беатрис не глядя потянулась рукой к столику, отчего ее грудь напряглась и изменила форму, взяла с него щетку для волос.

- Вы мне не поможете? - спросила она, улыбнувшись растерянному и немного виноватому. - Кажется, я слишком рано отпустила своих придворных дам. Эти шпильки в моей прическе... Боюсь, если начну вытаскивать их сама...

- Д-да... разумеется... — выдохнул Аластор и сделал еще шаг вперед, с тоской подумав, что лучше прыгнул бы в пасть к Барготу.

Всеблагая Мать, Беатрис ему настолько доверяет, что не видит ничего особенного в такой небольшой просьбе, совершенно обычной между супругами. Вытащить несколько шпилек, что может быть проще? Из этой мягкой смоляной копны, поднятой над изящной точеной шеей...

Ступая по упругому ковру, словно обреченный - на плаху, он подошел, и Беатрис опять повернулась к зеркалу. Аластор сглотнул и попытался нащупать в ее прическе шпильку. Отыскал двумя пальцами крупную бусину и потянул так осторожно, словно вынимал острие стрелы из раны. Всеблагая, да что же это за наказание?!

- Смелее, ваше величество, — тихо сказала Беатрис. - У вас чуткие пальцы. Как странно, у такого мощного мужчины - и такие бережные руки.

Бережные?! У него-то?! Лапищи, которыми он любого жеребца легко удерживал за копыто, чтобы снять или насадить подкову?! А ей... не больно? Чуть успокоившись, Аластор вытащил клятую шпильку, и несколько темных прядей упали на стройную спину, немедленно рассыпавшись. Вторая шпилька далась легче, третья - тоже. К пятой он почти вошел во вкус, а вот шестая заставила повозиться...

- Все! - выдохнул он спустя несколько минут и понял, что спина мокрая, будто в одиночку выдержал бой с двумя десятками демонов. - И прошу вас, не зовите меня по титулу! Хотя бы... пока мы одни.

- О, если вы позволяете, я буду счастлива произносить ваше имя, — улыбнулась Беатрис, опять поворачиваясь и заглядывая ему в лицо снизу вверх. - Аластор-р-р...

Мягкий итлийский выговор, к которому он привык у Лу, никогда еще не звучал так волнующе.

Аластор снова сглотнул пересохшим горлом и с тоской подумал, что нужно уходить. Ну он ведь не железный! Она ему просто доверяет, вот и не ждет... И он, кажется, об этом уже думал, когда брался за шпильки! Беатрис запустила руку в волосы, и широкий рукав скользнул вниз, обнажив точеное запястье, а потом и всю руку до самого плеча.

- От этих причесок так устаешь, — доверительно вздохнула она.

Рубашка - точно Барготово изобретение! - натянулась, опять обрисовав грудь... В отчаянии Аластор попытался думать о чем угодно, только не о том, что в просветах вроде бы целомудренного кружева виднеется смуглое золото кожи. И о том, что от волос Беатрис, когда она их растрепала, повеяло той же сладкой свежестью, которую он почуял, едва ступив на порог спальни. Ничего общего с обычными женскими духами! Те пахнут приятно и все-таки чуточку фальшиво, как никогда не пахнут настоящие цветы или плоды. А это... Неужели этот аромат исходит она сама?!

- Я... простите... — выдавил он. - Если вам больше ничего не нужно, я... пойду...

- Конечно, — едва заметно улыбнулась Беатрис уголками губ. - Вы устали, я понимаю...

Он устал? Да он бы сейчас кругов десять намотал вокруг усадьбы, только чтобы в голове прояснилось, а в теле унялся пожар! А потом еще водой облился бы! Прямо из колодца! Да ведер с дюжину! Лицо горело, уши и шея - тоже...

- Мне кажется, это был самый счастливый день в моей жизни, — так же тихо сказала Беатрис, вставая с высокой скамеечки без спинки. - Благородный и заботливый мужчина рядом... Способный прикрыть меня от насмешек... Великодушный и справедливый... Вы были прекрасны сегодня каждым словом и движением души, ваше величество. О, простите! Мой Аластор-р-р...

У Аластора перехватило дыхание, он смотрел на эту прекрасную женщину, готовую прильнуть к нему, - только в поисках защиты, конечно же!

- Я... Беатрис... — прошептал он, держась из последних сил и все-таки не находя в себе решимости сделать шаг назад.

Их взгляды встретились, и Аластор утонул в черной медовой бездне... Окно, у которого стоял туалетный столик, вдруг скрипнуло, и створка, приоткрывшись на ветру, резко хлопнула о раму.

- Ах! - вскрикнула Беатрис и оказалась в объятиях Аластора.

Замерла, испуганно глядя ему в лицо и боясь шевельнуться, прижалась всем телом. Горячим, гибким и стройным, зовущим телом, прикрытым лишь тонкой тканью...

- Это ветер, да? - прошептала она, кладя ладони ему на плечи. - О, простите, я... испугалась... Я так долго была одна... что привыкла опасаться каждого шороха... Простите... мой король... мой Аластор...

Она дрожала и льнула к нему в точности так, как он себе представлял в самых смелых мечтах. И Аластор потерялся в накотившем хмельном безумии, желании защитить и уберечь, взять в охапку и прикрыть собой от всего мира! Одно движение, и Беатрис оказалась у него на руках. Если бы она отшатнулась, глянула гневно и недоуменно, он сумел бы удержаться. Видит Пресветлый, сумел бы! Но Беатрис выдохнула глубоко и облегченно, а потом закинула ему руки за шею, склонив голову на плечо... И Аластор дунул на свечи возле столика, а потом по памяти шагнул в темноте к огромной кровати, в сторону которой до этого и глянуть боялся. Опустился на нее коленом, провалившись в мягкое, замер в последней попытке очнуться, безнадежно прошептал:

- Беатрис...

- Да! - выдохнула женщина. - О, тысячу раз да!

И что-то замурлыкала по-итлийски, гортанно, томно и ласково, выгибаясь в его объятиях...

Сколько прошло времени, час или целая ночь, Аластор потом не мог бы сказать даже под страхом немедленной казни. Луна, заглянув в предательское окно, осветила и его самого, голого, раскинувшегося на спине, и лежащую рядом на боку обнаженную Беатрис. Протянув руку, женщина поправила прядь волос, прилипших к его лбу, и нежно шепнула:

- Мой Аластор... О, клянусь Всеблагой, ты король не только по происхождению...

- Мне так жаль! - выдохнул Аластор, тоже поворачиваясь к ней и проводя ладонью по растрепавшимся мягким волосам. - Я не сдержал слово!

- Разве? - Беатрис прикрыла глаза и потянулась под его ладонью, словно кошка, всем телом. - Вы обещали перед алтарем беречь и любить меня, обещали сделать счастливой. Разве это слово не важнее всех прочих? А его вы сегодня сдержали. Неужели жалеете об этом?

- Моя королева... — Аластор потянулся к ней и тут же со стыдом отпрянул, сконфуженно пояснив: — Мне нужно одеться. И воды бы...

Он оглянулся в поисках своих вещей, которые оказались разбросаны по всей постели и даже по полу. Только белоснежная рубашечка Беатрис белела на резной кровати спинке символом капитуляции. Аластор со стыдом подумал, что это сравнение больше достойно месьора д'Апбрэ или Лучано, однако все-таки было в нем что-то невыразимо приятное.

- Ванная в соседней комнате, — разнеженно подсказала Беатрис. - Вы наверняка захотите освежиться перед тем, как уйти?

- Уйти? Ах да...

Аластор с еще большим стыдом понял, что едва не совершил непростительную неучтивость. Дворянину следует посещать леди в ее спальне, чтобы потом уйти к себе и дать ей возможность отдохнуть. Правда, батюшка с матушкой часто ночевали вместе, в небольшом особняке такие вещи не скроешь, но Беатрис... она такая нежная... Остаться никак нельзя!

- Да, конечно, — пробормотал он и сбежал в указанную ванную, по пути подхватив одежду.

Вода и вправду остыла, но он был этому даже рад. Быстро сполоснувшись, натянул вещи и вернулся в спальню, пытаясь вспомнить, куда уронил пояс с секирами. Вот позорище! Явился к женщине в таком виде!

Пока он мылся, Беатрис надела рубашку, но не ту, кружевную, а из легкого голубого шелка, длинную, просторную и обтекающую тело, как водяные струи. Волосы собирать не стала, и темные пряди рассыпались по ее плечам, напоминая, как он запуская пальцы в эту мягкую роскошь...

Встав с кровати, она подошла к нему, поднялась на цыпочки и шепнула в самые губы:

- Завтрашний день покажется мне вечностью, мой Аластор...

И снова он почувствовал ее аромат, только теперь к нежному цветочному благоуханию примешивался запах разгоряченного любовью женского тела, самый чудесный на свете, как показалось Аластору. Он молча кивнул, боясь, что если пробудет здесь еще немного, уйти окажется гораздо труднее - по очень неприличной причине. Но не просить же повторить... То есть не предлагать вот так сразу... Только не в первую ночь! Беатрис, будто понимая его состояние, лукаво и нежно улыбнулась, вернулась к кровати и забралась под тонкое одеяло. Свернулась клубочком, зевнула, словно котенок, и пожелала:

- Доброй ночи, мой коро-о-оль...

- Доброй ночи! - выдохнул Аластор и наконец-то углядел свой пояс с секирами.

Подхватил его и, попятившись, выскочил из спальни.

В коридоре было тихо, темно и почти пусто. В паре дюжин шагов от двери возле окна неподвижно стоял высокий худощавый старик в неброской одежде. Он поклонился Аластору и церемонно произнес:

- Позвольте указать вам дорогу в вашу спальню, ваше величество.

- Кто вы? - удивился Аластор.

А ведь и правда! Он совершенно забыл, что понятия не имеет, где эта барготова спальня! Хорошо был бы король, блуждающий по дворцу в поисках места, где переночевать.

- Я Джастин, ваше величество, — снова поклонился старик. - Королевский камердинер... до сегодняшнего дня.

- Просто Джастин? - уточнил Аластор. - Вы не дворянин?

- Не имею такой чести, ваше величество, — церемонно отозвался старик и, взяв подсвечник с горящими свечами, что стоял рядом с ним на подоконнике, повел Аластора по коридору. - Желаете, чтобы я передал дела вашему личному камердинеру?

- Эм... Пожалуй, нет, — задумался Аластор и пояснил: — В поместье у нас с батюшкой был один камердинер на двоих. Они с батюшкой привыкли друг к другу, да и дворцовых порядков он не знает. А вы, сударь Джастин, единственный человек, который догадался меня подождать и проводить. Так что оставайтесь пока на должности, а там видно будет.

- Благодарю за милость, ваше величество, — ухитрился склонить голову камердинер, не останавливаясь. - Желаете ужин? Ванну?

- Только постель, — вздохнул Аластор. - И учтите, что я привык просыпаться на рассвете. Одеться могу и сам, но к завтраку вы мне определенно понадобится. И... — Он подумал и закончил: — Если вы заметите, что я не соблюдаю этикет, будьте любезны сказать мне об этом. Потихоньку, разумеется. Или подать какой-то знак...

- Да, ваше величество, — снова поклонился камердинер и подвел его к двери в конце длинного коридора, у которой стояли на посту два гвардейца.

При виде Аластора они вытянулись еще сильнее и отдали честь, приложив руку к груди. Камердинер открыл дверь и отступил, пропуская Аластора внутрь, а потом вошел сам.

- Ваша спальня, ваше величество, — проговорил он так же почтительно и церемонно. - Ванная и уборная за той дверью, за этой - гардеробная.

Аластор оглядел большую и, пожалуй, уютную комнату, освещенную одним высоким шандалом на дюжину свечей. Кровать с резными столбиками и светлым пологом-балдахином, узорчатый восточный ковер, голубые шелковые обои в мелкий золотой цветочек. У одной стены комод из темного дерева... Уж не чулки ли там хранятся? Хотя нет, камердинер сказал про гардеробную. А дверей, между прочим, три, не считая входной! Ладно, будет еще время изучить свое новое обиталище.

- Идите, Джастин, — проговорил он, чувствуя вдруг, что смертельно устал.

Вот если сейчас не ляжет - точно упадет.

- Да, ваше величество, — поклонился тот и указал на витой голубой шнур в изголовье кровати. - Если вам что-то понадобится, прошу дернуть - и я немедленно явлюсь к вашим услугам.

Не поворачиваясь, он отступил к двери и исчез так быстро и тихо, как умеют только сказочные альфы и хорошо вышколенные слуги.

Аластор переставил шандал поближе к кровати, разделся, поставил секиры у изголовья - глупость, конечно, зато спокойнее! - и нырнул под голубое шелковое одеяло. Потянулся, чтобы дунуть на свечи...

- Барготово дерьмо!

Вскочив, он опрокинул шандал, тут же поймал его на лету одной рукой, но все равно тот загремел о туалетный столик. Второй рукой Аластор подхватил секиру, выдернув ее из пояса, поставил шандал на место и рывком откинул покрывало, под которым его коснулось что-то мохнатое, живое, шевелящееся...

- Барготово дерьмо! - повторил он, с изумлением глядя на то, что лежало под одеялом.

- Ну и зачем так орать? - раздался знакомый голос, и Лучано, появившийся на пороге из той самой третьей двери, радостно добавил: — О, а мы-то гадали, куда он делся?

- Вы? - обернулся к нему разъяренный Аластор. - И кто это - он? Ты что, уже со всеми дворцовыми котами перепознакомился? Ко мне их зачем тащить?!

- Не кричи, — укоризненно попросил итлиец, и Аластор действительно замолчал - потому что онемел от такого нахальства. - Строго говоря, это не он явился к тебе, а ты - к нему. Он, видишь ли, жил здесь гораздо раньше. И дольше. Познакомься, это синьор Флориморд, королевский кот.

Виновник переполоха лежал на кровати, прижав уши, и вид имел самый несчастный. Можно сказать - покаянный. Аластор ему даже поверил бы, если бы не долгое знакомство с Паскудой. С двумя Паскудами - в кошачьем обличье и в человеческом! Впрочем, именно этот кот на Паскуду, всегда нарядно лоснящегося, походил не слишком. Большой, однако какой-то неопытно лохматый. Серо-белая шерсть местами свалаялась, пушистый, но короткий хвост боязливо подогнут, глаза зажмурены... Жалкое животное! Особенно для королевского.

- Кажется, ему никто не объяснил, что король поменялся, — съязвил Аластор, успокаиваясь и даже стыдясь своего испуга.

Хвала Пресветлому, на шум никто не прибежал! Подумать только, герой и победитель демонов свалил подсвечник, испугавшись кота под одеялом!

- Не объяснили, — вздохнул Лучано и, подойдя, взял кота на руки. - Хочешь, я его заберу к себе? Ну, бедный мой... Плохо быть сиротой, м?

Он глядел на кота с неподдельным сочувствием и пытался погладить, но тот, жалобно мяукнув, вдруг отчаянно вырвался, прыгнул вниз и кинулся Аластору в ноги. Поднялся на задние лапы, а передними обнял его, куда смог дотянуться, и принялся тереться мордой.

- Глупое животное, — буркнул Аластор, которому стало очень не по себе. - Даже не видит разницы между мной и прежним хозяином. Чего стоит такая верность?

Лучано странно посмотрел на него, а потом тихо заметил, снова поднимая кота с дурацким именем:

- Когда я видел его в прошлый раз, еще до Разлома, он умирал с голоду потому что отказывался от еды. А в кровать забрался по старой памяти. И тут вдруг ты... Знаешь, Альс, нелегко потерять единственное живое существо, которое любил, и вдруг повстречать кого-то похожего.

- Сейчас расплачусь! - раздраженно бросил Аластор. - Не хватало мне еще котов утешать! Ладно, пусть остается, кровать большая, а завтра посмотрим... Только не вздумай пометить мне сапоги, слышишь, морда?!

Итлиец улыбнулся уголками губ и выпустил кота, который, словно все понял, вскочил обратно на кровать и смиренно улегся далеко в изножье. А Аластор наконец-то поставил секиру, которую так и держал, и поинтересовался:

- Ты-то здесь как оказался? Я думал, останешься ночевать в Академии. То есть я-то не против! Но... где?

— А вон там! - кивнул Лу на приоткрытую третью дверь. - Вторая комната с выходом в коридор. Насколько я понял, через нее прежние хозяева этих покоев приводили сюда... гостей. Мимо охраны, понимаешь?

- Что ж тут непонятного? - буркнул Аластор. - Так тебя устроили рядом? Ну и отлично. Завтра первым делом расскажешь мне все. А сейчас давай спать, что ли...

Он передернулся - из приоткрытого окна неприятно потянуло ветерком по голой коже. Сел на кровать, вздохнул... В желудке заныло - ведь и не поел толком, только немного закусил на пире.

- У меня в комнате шамьет есть, — негромко сказал Лу. - И курица жареная. Правда, шамьету же остыл, но могу подогреть, я попросил принести жаровню с кухни. Будешь?

- Буду, — благодарно кивнул Аластор. - Можешь не греть, только меда положи...

- Как обычно, — кивнул Лу и исчез.

Аластор покосился на кота, тот лежал тихо и никаких претензий на чужую территорию не заявлял, всем видом изображая смирение и покорность.

- Флориморд, значит? - Кот шевельнул ухом и приоткрыл один глаз. - Но-но, это я тебя не зову! И вообще, хватит с меня Перлюрена! Был бы ты хоть полезным зверем, как Пушок...

Кот опять прижал уши - наверное, искренне сожалел, что не родился собакой. Или ему было просто плевать, что там говорит чужой человек, оказавшийся слегка похожим на прежнего хозяина...

Лу тенью возник в комнате, в руках у него была тарелка с жареной курятиной и чашка шамьета. Сладкого теплого шамьета, божественного на вкус. Аластор залпом выпил половину, потом

принялся за курицу. На душе было странно... Вроде он должен быть счастлив, но что-то грызло и свербило...

— Альс, на тебе лица нет, — мягко сказал Лучано, забирая опустевшую тарелку с костями, пока Аластор замер, держа в ладонях чашку. - Что-то случилось? Или, наоборот, не случилось? Ничего постыдного в этом нет, у любого мужчины случаются... неудачные ночи. Если что, я знаю пару отличных рецептов, м? Совсем обычный шамьет, чуть более пряный...

- Что? - растерялся Аластор и вдруг понял: — Да нет же! Это здесь ни при чем! То есть... - Он замялся, не зная, как объяснить, отчего мучается, а потом обреченно подумал, что все равно ведь собирался просить совета. - Я... понимаешь... Все вышло неправильно...

- Так, — кивнул Лу и сел рядом, но не на постель, а перед кроватью, прямо на ковер. - Неправильно, м?

- Я обещал ей, что наш брак будет белым, — выдавил Аластор, не зная, куда глаза девать от стыда. - Потому что она в трауре, понимаешь? Хотя бы на полгода, пока траур глубокий...

- И? - подбодрил его Лучано.

- И не выдержал! Я пришел к ней... Просто пожелать доброй ночи! И чтобы эти все... не лезли в наши отношения! А она... Лу, она была такой прекрасной! Эта ее рубашка... — Аластор замолчал, горло перехватило, стоило вспомнить собственную слабость и несдержанность. Мужчину, называется! - Она попросила распустить ей волосы... — добавил он безнадежно. - А потом окно хлопнуло... И она... И все как-то само получилось... Что она теперь обо мне подумает, Лу?! Что я не умею держать собственное слово? Что не владею собой?!

- Чш-ш-ш... — проговорил Лучано с очень странным лицом, совершенно серьезным, только в глазах что-то светилось подозрительное. - Альс, друг мой, скажи, она разве отбивалась?

- Нет, конечно!

- Велела тебе прекратить и уйти?

- Нет!

- А потом, когда все случилось, она осталась недовольна?

Аластор задумался, вспомнил стоны Беатрис и то, как она чуть не мурлыкала потом... Приходилось признать, что недовольной она, слава Всеблагод, ну никак не выглядела. Он помотал головой.

- И о чем ты тогда переживаешь? - мягко поинтересовался Лу. - Альс, поверь мне, Беатрис Риккарди - женщина, знающая, чего хочет и как этого добиться. Если бы она хотела, чтобы ваш брак остался... неподтвержденным, ты и шагу бы к ней лишнего не ступил. О, поверь, она умеет окатить холодом! Но если женщина вроде нее встречает мужчину в рубашке и просит распустить себе волосы... Альс, последнее, о чем тебе стоило беспокоиться, так это о ее отказе.

- Но слово! - простонал Аластор. - Мое слово!

- Но ты же давал его, чтобы не обидеть свою жену, так? - возразил Лу. - А раз она не обиделась, значит, все беллиссимо! Думаю, не оцени ты ее стараний, вышло бы куда хуже. Ложись, Альс, и не думай о всяких глупостях, м?

Он унес посуду и снова вернулся. Задул свечи, оставив всего одну, и Аластор послушно, как в детстве, опять забрался под одеяло. Накинул его на себя, поворочался... Лучано присел рядом, в полумраке его глаза светились совершенно по-кошачьи.

- Спи, Альс, — сказал он негромко и вдруг погладил Аластора по голове. - Это был долгий день и тяжелая работа. Но ты отлично справился, м? Спи, монсиньор...

- Это что-то новое, — попытался пошутить Аластор, проваливаясь в сон. - Вместо грандсиньора, что ли?

- Вместо, да, — улыбнулся итлие, глядя его по голове самым возмутительным, но таким приятным образом. - У вас тут при дворе сплошные грандсиньоры! Но никто из них не мой... Спи, мррр...

Аластор хотел удивиться, чего это Лучано замурлыкал, потом подумал, что это вполне естественно для Паскуды, потом понял, что Лу - это все-таки Лу, а мурлычет кот. Громко мурлычет и очень вкрадчиво, с переливами, при этом осторожно подблизаясь к нему все ближе. Аластор дождался, пока кот подползет достаточно близко, взял его за шиворот и подгрел себе под бок. Кот на миг замолчал, а потом замурлыкал еще громче, прямо-таки отчаянно. На какое-то время Аластору показалось, что он опять лежит в палатке, и с одной стороны слышится ровное дыхание и едва

слышное посапывание Айлин, с другой - чувствуется присутствие Лу, который, наверное, перепутал его, Аластора, с Перлюреном, раз так усердно гладит... И окунувшись в это теплое спокойствие, когда друзья рядом и все хорошо, он уснул.

...А утро началось с воробья! Точнее, первым, что увидел Аластор, открыв глаза, была счастливая морда кота с дурацким именем идохлый воробей, лежащий на белоснежной подушке, отороченной кружевом.

- Скотина... — бессильно проговорил Аластор. - Мерзавец... Паскуда... То есть Паскуда не ты, ты Фори... Флори... как же... Флориморд!

Кот радостно и гордо мяукнул - мол, да, это именно он! - и лапкой подтолкнул воробья ближе к Аластору. Заглянул в глаза, муркнул вопросительно... Что, больше не считаешь меня бесполезным?

- Охотник, — мрачно признал Аластор. - Добытчик! Но давай ты его сам съешь, а?

Он кончиком пальца подтолкнул воробья обратно, кот глянул обиженно. Будь он человеком, точно бы вздохнул и пожал плечами, но вместо этого просто забрал воробья и, прыгнув, принялся с хрустом им чавкать где-то на полу.

- Ну вот, хоть у кого-то утро задалось, — еще мрачнее пробурчал Аластор.

Глянул на едва порозовевшее небо и обругал себя болваном. Вот чего ему не спится, а? Теперь-то! В мягчайшей постели, истинно королевской! Нет же, проснулся, и непонятно, чем теперь заниматься. Бегать вокруг дворца, как дома, точно не стоит - не поймут. Кормить и седлать лошадей, как в походе, тоже нет нужды. Почитать бы бумаги, что должен был подготовить канцлер, но у кого их в такую рань попросить?

Не без некоторого злорадства подумалось, что сегодня - Совет. А благородные лорды вчера наверняка погуляли от души. Вот и славно, сегодня их голыми руками брать можно будет!

Встав, он распахнул окно, выходящее, как оказалось, в дворцовый сад. Вдалеке виднелся красивый фонтан - фигура девушки в развевающихся одеждах и с кувшином. Тогда, зимой, фонтан замерз, а теперь девушка стояла среди взлетающих струй воды. Аластор вздохнул и вспомнил... «Аллегория Вдохновения работы Алессандро Бертиньоли», - сказал в их единственную встречу юноша чуть младше его самого. Брат, что бы Аластор ни думал про их общего отца. Они могли бы подружиться, сведи их судьба чуть дольше, чем на один случайный вечер. Теперь же Аластор занял его законное место - место наследника, а затем и короля.

И никуда не деться от этого долга, возложенного на него и живыми, и мертвецами. Не только теми, что недавно заняли место в королевской усыпальнице, но и теми, которые погибли в бесчисленных деревнях и каждом городе Дорвенанта от лап демонов, жадности мародеров и разбойников, огня и холода...

Найдя вчерашнюю одежду, он с сомнением ее оглядел. Рубашка уже несвежая, как и остальное белье, а каждый день носить бархат, когда можно обойтись хорошим сукном и гораздо дешевле, просто глупо. Разбудить камердинера, пусть пошлет в особняк Вальдеронов за его собственной одеждой? И вообще, неужели ему сшили только парадный костюм, не позаботившись, в чем станет ходить король каждый день?

Он уже собрался дернуть за шнур, как из соседних покоев донесся осторожный стук.

- Альс, ты ведь не спишь? - негромко поинтересовался Лу. Заглянул в комнату и уточнил: — Тебе разве не говорили, что вставать в такую рань для короля неприлично?

- Зато полезно, — парировал Аластор и с тоской добавил: — А дома сейчас лошадей на пастбище выгоняют...

- Здесь тоже есть кого гонять, — утешил его Лучано. - Любой двор - он немного скотный, м?

Аластор фыркнул первым, потом не выдержал - сам заржал, как жеребец, и мрачное утреннее настроение растворилось без следа. Сожравший воробья кот подошел и принялся тереться о голые ноги, а потом попытался поточить когти о кровать.

- Но-но! - одернул его Аластор. — Иди, вон, в сад! - Оглядел себя в зеркале, которое вчера не заметил, и вздохнул: — Одеться надо. Лу, а где ты Перлюрена оставил?

- В Академии, — улыбнулся итлие. - Прекрасная синьорина Иоланда, что живет в одной комнате с Айлин, согласилась взять его на вечер. Думаю, сегодня заберу, если ты не против.

- На здоровье, — пожал плечами Аластор. - Здесь и без него столько ворюг, что рядом с ними даже

енот кажется существом приличным. Слушай, ты говорил, что у тебя в комнате есть жаровня? Шамьета хочется!

Он все-таки натянул рубашку со штанами и следом за Лучано вошел к нему, а за ними гордо прошествовал Флориморд, распушив хвост. Дождался, пока Аластор сядет в кресло, прыгнул к нему на колени и начал умываться, косясь на птиц, орущих за окном.

- Скажи, Альс, а кто пробует твою еду?

Лучано сосредоточенно подсыпал в шамьет крошечные порции специй, набирая их из баночек то маленькой серебряной ложечкой на длинной ручке, то кончиком ножа, а то и вовсе золотой иглой. Кажется, раньше у него этих инструментов не было, но Лу обжился во дворце так же быстро, как в палатке у костра. Только вчера поселился в этой комнате, а здесь уже стоит переносная жаровня и рядом с ней небольшой столик, заставленный коробочками, бутылочками и какой-то странной посудой.

- Пробовать еду? Зачем?

Аластор вытянулся в кресле, словно разморенный на солнце кот, водрузил ноги на обитую бархатом скамеечку и, чуть прикрыв глаза, следил за священнодействующим итлийцем.

- То есть как зачем? - В шамьет отправился кусочек какого-то корня. - Чтобы ее не отравили, разумеется! - Лучано поднял голову от медной посуды, над которой уже курился ароматный дымок, и уточнил: — Только не говори, что у вас не принято травить королей. Везде принято.

- У нас не травят. — Аластор с удовольствием зевнул и заложил руки за голову. - Это же Дорвенант - у нас проклинаят. Поэтому за безопасностью короля следит мэтр королевский некромант.

- А-а-а-а... И как бы мне познакомиться с этим наверняка достойным во всех отношениях господином?

Вытащив корешок из шамьета, Лучано небрежно кинул его в пустую баночку и принялся плавно помешивать жидкость, не давая ей закипеть.

- Даже не знаю, — ухмыльнулся Аластор. - Ну, разве что обратишься к кому-то из его коллег? - И пояснил: — Прежний королевский некромант, как мне сказали, погиб во время Разлома, а нового еще не выбрали.

- То есть сейчас тебя никто не защищает?!

На тонком смуглом лице итлийца изобразилась смесь страдания и возмущения. Он снял шамьет с огня, поставив его рядом с жаровней, и принялся загибать пальцы.

- Некроманта у тебя нет! Еду никто не пробует! Охрана разве что не спит на посту, да и тем, кто бодрствует, я бы уличную торговку рыбой охранять не доверил! Альс, друг мой, если бы мне заказали твою смерть, я бы постыдился брать плату за такую простую работу. И при этом у тебя нет наследника, а не стань тебя - и трон смогут поделить примерно три дюжины ваших грандсеньоров!

Вскинув брови, он закатил глаза и выразительно продекламировал по-итлийски что-то среднее между молитвой и ругательством. Поднаторевший за время их совместного путешествия Аластор разобрал почтительное упоминание Претемнейшей, что-то о Барготовых подштанниках и три раза повторенное в различных вариациях «idiotto».

- Канцлер предложил мне на должность королевского некроманта лорда Бастельеро, - признался Аластор. - Но я отказался.

- Не доверяешь ему? - остро глянул Лучано. - Грандсеньор протектор вроде бы не рвался на трон...

- Не рвался, — согласился Аластор. - Но личный некромант - это как лекарь. Ему нужно доверять полностью, а у нас с Бастельеро слишком давняя вражда. Я ему, пожалуй, даже благодарен. Если бы не он, я бы никогда не стал таким, как сейчас. Отец не нанял бы для меня бретера, я не учился бы у месьора д'Альбрэ много лет... И в Разлом не выжил бы, скорее всего! Но это прошло. И видеть его рядом я не хочу. Вовсе не потому, что он собирался меня убить. Это я как раз понимаю. У нас ведь все получилось чудом... А не случись этого чуда, протектор и Архимаг Бастельеро для Дорвенанта сделал бы гораздо больше, чем какой-то бастард.

- Но простить его ты не можешь... — подсказал Лучано.

- Не могу, — кивнул Аластор. - Я вообще злопамятный и упрямый. Хоть как Вальдерон, хоть как Дорвенн. Так что с лордом Бастельеро я непременно посчитаюсь по-своему. В чем-чем, а в этом мы с ним друг друга отлично поймем... Заодно поблагодарю за все заслуги перед королевством. Кстати,

Лу, а что там со вчерашним делом?

Он рассеянно погладил Флориморда, который тут же принялся тыкаться мордой ему в ладонь, почесал за ухом.

Лучано поставил перед ним шамьет, глянул в точности, как нашкодивший кот...

- Альс, — начал вкрадчиво. - Ты только дослушай, м?

И принялся рассказывать.

- Барготово дерьмо... — вздохнул Аластор, честно дослушав рассказ королевского следователя, которого сам же и назначил. - И ты притащил его сюда! Осужденного преступника - во дворец! А если бы он сбежал?

- Он из той камеры дюжину раз мог бы сбежать, — возразил Лу. - Или во время битвы за Академию. А он детишек защищал вместе с остальными, потом раненый отлеживался. И ведь даже помилования не просит, понимаешь?

- Да понимаю я все, — с досадой отозвался Аластор. - Только сделать ничего не могу. Разве что и правда заменить ему казнь с мучительной на легкую... Но это не то, чего ждет Орден, да и жаль его, ты прав.

Он отпил пару глотков шамьета и прикрыл глаза от удовольствия. Потрясающе! И этот человек тратил свой талант на убийства! Хотя, надо признать, Лу и в этом деле мастер, вспомнить только, как он убил Денвера. Какая-то смутная мысль попыталась прокрасться в сознание...

- Лу, — задумчиво начал Аластор. - Ты ведь разбираешься в ядах, так? И вообще в том, как убивать. А кто лучше понимает в охране, чем тот, кто умеет сквозь нее проходить? И теперь ты работаешь на меня, верно?

- О да, монсиньор, — улыбнулся Лучано, снова ввернув это свое итлийское словечко. - И как же ты намерен использовать мои многочисленные таланты, м?

Налив себе шамьет, он сел в кресло напротив Аластора и уставился на него с любопытством, словно еще один кот, притащивший воробья, — что человек станет с ним делать?

- О, у меня самые серьезные намерения, — мстительно сообщил Аластор. - Но сначала я и правда хочу посмотреть на этого Саграсса. Придется все-таки побеспокоить моего камердинера, с которым ты так отлично спелся. Заодно подаст завтрак!

Он снял с коленей Флориморда, вышел в свою спальню и дернул шнурок. Джастин, невозмутимый и сияющий аккуратностью, появился ровно через минуту - видимо, жил где-то рядом.

- Доброе утро, ваше величество, — поклонился он. - Ванна уже готова, что желаете на завтрак?

- Что угодно, только немного позже, — вдруг решил Аластор, потому что та самая смутная мысль приобретала все более явные очертания. - Скажите, Джастин, во сколько встает его светлость Аранвен?

- Он уже в своем кабинете, ваше величество, — отозвался камердинер. - Лорд-канцлер каждый день начинает работу в семь часов утра и прерывается в девять для легкого завтрака. Сейчас, если мне будет позволено заметить, половина восьмого.

- Прекрасно! - обрадовался Аластор. - Сделайте вот что!

И принялся подробно излагать, что и кому надлежит сделать.

- Будет исполнено, — снова поклонился Джастин и исчез.

- Кажется, ты затеял что-то интересное, — заметил Лучано из-за двери.

- Между прочим, подслушивать - недостойно дворянина, — нравоучительно сообщил ему Аластор.

- О да-а-а, — протянул итлие. - Благородному человеку столько всего нельзя! Как они только живут, бедные? Какое счастье, что я благородный человек только по видимости, а не внутри. Кстати, что делать мне?

- Варить шамьет, — велел Аластор. - Много шамьета!

- Очень интересная идея, — задумчиво сказал лорд-канцлер примерно через полчаса и поднес к губам чашку. Сделал глоток, а потом так же аккуратно поставил ее на столик и сообщил: —

Благодарю, лорд Фарелл, очень вкусно.

- Всегда к вашим услугам, милорд! - отозвался Лучано, скромно сидящий между Аластором, уже одетым и причесанным, и чопорным, как обычно затянутым в серебро Аранвеном.

- Очень интересная идея, — повторил Аранвен. - Однако я предвижу некоторые сложности, ваше величество. Насколько я понимаю, согласие лорда Фарелла вами уже получено?

- Безусловно, — кивнул Аластор.

- А Шипа Фортунато? - невозмутимо поинтересовался канцлер, и Аластор поперхнулся шамьетом.

Откашлялся и взглянул на Аранвена с изумлением.

- Вы... знаете? Откуда?!

- Ваше величество, быть осведомленным - это моя работа, — улыбнулся Аранвен узкими бледными губами. - Должен признать, сначала личина итлийского наемника ввела меня в заблуждение, но затем я поручил своим людям как можно больше разведать о человеке, который пользуется вашим доверием. Во избежание непредвиденных сложностей, так сказать. Мне доложили, что он прибыл в город порталом уже во время Разлома, но назвался почему-то приказчиком итлийского торгового дома. А этот дом тесно связан с некоей организацией, известной настолько же широко, насколько... печально. Я рискнул предположить, что имя было использовано настоящее, и как только порталы заработали, мои люди в Итлии прислали сведения о Лучано Фарелли, известном так же как Фортунато. Очень интересные сведения... Что вы на это скажете, лорд Фарелл?

- Что в очередной раз искренне восхищен вами, грандсиньор, — улыбнулся Лучано одними губами. - Зная, кто я, вы не опасаетесь пить шамьет из моих рук?

- А у меня есть причина опасаться? - невозмутимо поинтересовался канцлер.

- О, ни малейших! - заверил его Лучано, задумчиво окинул кабинет взглядом и поинтересовался: — Стрелок вон за той прекрасной картиной, м?

- Совершенно верно, — с тем же великолепным благосклонным спокойствием кивнул Аранвен. - Только не стрелок, а маг. Очень заметно?

- Самую малость, грандсиньор, — опять улыбнулся Лучано. - Я просто знал, куда смотреть. Их всегда сажают за картинами или зеркалами, это удобнее всего.

- Так! - не выдержал Аластор. - Милорды, это все прекрасно, однако давайте о деле. Да, я знаю, что Лучано - Шип. Но для его будущей должности это скорее достоинство, разве нет?

- Я бы полностью с вами согласился, ваше величество, — размеренно отозвался канцлер и снова отпил шамьета.

- Если бы не одно обстоятельство. Предположим, лорд Фарелл искренне предан вам. Да и магическая клятва многое значит, насколько мне известно. Но вот вопрос, как долго гильдия Шипов позволит ему находиться в Дорвенанте? У вас ведь не разовый контракт, а постоянный, верно? - обратился он к Лучано.

- Да, грандсиньор, — откликнулся итлиец. - Вы прекрасно осведомлены.

- Мне бы тоже хотелось быть осведомленным, — заметил Аластор, чувствуя себя дураком.

Нет бы раньше расспросить о всех тонкостях. А теперь видно, что Лу сидит как на иголках: внешне он спокоен, однако в глазах мечется какая-то тоскливая тревога.

- Постоянный контракт означает, что все время его действия Шип обязан выполнять приказы нанимателя, — негромко пояснил канцлер. - Разумеется, не любые, а лишь те, что соответствуют законам гильдии. То, что предлагает ваше величество, им вроде бы не противоречит?

Лучано молча кивнул.

- У меня контракт на шесть месяцев, — уронил он тем бесцветным голосом, который Аластор терпеть не мог. - Заключенный с ее величеством Беатрис и оплаченный ею авансом, а затем переданный его величеству Аластору. Я еще не отправлял запрос о передаче контракта в гильдию, но не думаю, что с этим возникнут сложности. Шип в качестве свадебного подарка... это непривычно, однако допустимо.

- Шесть месяцев, — повторил канцлер. - Насколько я понимаю, чтобы лорд Фарелл остался в Дорвенанте, по истечении этого срока необходимо продлить контракт?

Лучано опять кивнул, и Аластора принялась грызть изнутри мучительная тревога. Об этом он не подумал! А получается, эта барготова гильдия вправе в любой момент просто забрать Лу обратно?! Как... раба какого-то?

- А что будет, если ты не уедешь? - выпалил он. - Ты теперь дорвенантский дворянин! Они не могут просто потребовать твоей выдачи!

- Полагаю, в таком случае однажды я просто пропаду, — бесстрастно отозвался Лу. - Из-под любой охраны, включая магическую. Через год, через два или пять... Шипы умеют ждать. А потом меня накажут в назидание остальным. Тем, кто считает, что гильдию можно обмануть. - Он немного помолчал в полной тишине и добавил еще бесцветнее: — Я всего однажды видел такого пойманного беглеца. Его выставили в казармах и каждый день срезали тонкий лоскут кожи примерно с ладонь. Всякий раз с другой части тела, чтобы остальные раны успевали поджить. Ему пришлось умирать очень долго.

Аластора передернуло. Обречь Лу на такую судьбу?! Нет, невозможно. И что это будет за жизнь, если каждый день ожидать похищения и страшной казни?!

- А выкупить совсем тебя можно? - отчаянно выдохнул он.

- Можно... будь я обычным Шипом, — опять одними губами улыбнулся Лучано. - Очень дорого, но можно. Иногда обычных Шипов продают кому-то из наших грандсиньоров. Но с мастерами так поступать не принято. Мы слишком много знаем и дорого стоим. Даже младшие мастера могут работать исключительно по контракту.

- И твоя гильдия откажет королю? - не поверил Аластор своим ушам.

- Мой грандмастер откажет хоть самому Барготу, — усмехнулся Лучано. - Я ведь не простой младший мастер, я воспитанник Ларци Тысяча Ядов, его будущий преемник по всем законам гильдии. Меня и в Дорвенант не послали бы, если б грандмастер не согласился. Но он решил, что это будет хорошим экзаменом на звание старшего мастера. Или хотя бы шагом к этому званию. Не для того Ларци шестнадцать лет учил меня и воспитывал, чтобы потом продать, как породистого пса, пусть даже в самые хорошие руки. Деньги легко заработать, а найти и воспитать нового преемника он может и не успеть. Поэтому Ларци меня не отпустит. Никогда не думал, что скажу это, но... мне жаль...

Его улыбка была такой тоскливой и виноватой, что Аластору захотелось проорать самое черное и непотребное ругательство, стукнуть кулаком по столу, чтобы изящные чашки из чинского фарфора улетели в открытое окно, пришибить кого-то... по чьей вине с людьми делают вот такое! Но рассудком он понимал, что пришибить некого, не перебежишь ведь эту их гильдию целиком... А ничто иное Лу не спасет! С верхушкой, может, и удалось бы договориться, но этот Ларци, о котором Лучано в походе рассказывал с такой благодарностью... Лу прав, наследников, лично выбранных и ревностно воспитанных, не продают. Разве что... Вдруг удастся упросить его? Неужели за столько лет старый убийца не привязался к Лу? Неужели откажется изменить его судьбу к лучшему?! Но за один день такие дела не делаются.

- Шесть месяцев, — проговорил он, давая тяжелую ярость, что так и норовила залить сознание. - У нас полгода, чтобы придумать что-нибудь.

- Уже пять, — напомнил Лу, немного оживая. - Срок начался до Разлома.

- Плевать - продлим, — упрямо заявил Аластор. - А пока что действуем по прежнему плану. Лорд Аранвен, вы согласны?

- Почему бы нет? - пожал идеально ровными худощавыми плечами канцлер. - Ничуть не сомневаюсь, что лорд Фарелл и за несколько месяцев способен принести немало пользы. Что же до второго пункта, о котором вы говорили... — Он нажал кнопку звонка, замаскированного под бронзовую статуэтку и спросил у появившегося секретаря: — Мэтр Вильмон, человек, вызванный его величеством, уже ожидает?

- Да, милорд, — поклонился секретарь.

- Проводите, — распорядился Аранвен. - Вашему величеству угодно самому разговаривать с ним?

- А зачем бы я его иначе вызывал? - вздохнул Аластор и покосился на итлийца. - Лу, ты не передумал?

- За свои решения нужно отвечать, — улыбнулся тот. - Как-нибудь постараюсь управиться.

Дверь открылась, и секретарь впустил человека в черно-красном мундире, который немедленно поклонился и замер посреди кабинета.

- Вольно, мэтр, — буркнул Аластор, с интересом рассматривая боевика. - Полагаю, вы знаете, зачем вы здесь?

- Надеюсь, чтобы услышать свой приговор, ваше величество? - с легкой хрипотцой отозвался тот, ответив прямым усталым взглядом.

- И это тоже, — согласился Аластор. - Да не стойте вы навтыжку, милорд. Сядьте. Лорд Фарелл, налейте нашему гостю шамьета.

- Я... Простите, я не могу... — Взгляд Лионеля Саграсса наполнился ужасом, а на свободный стул и невозмутимого Лучано он покосился, как на плаху с палачом.

- Не можете выполнить мой приказ? - уточнил Аластор, еще не понимая, забавляет его это или раздражает. - Вынужден настаивать. Терпеть не могу разговаривать с кем-то, глядя на него снизу вверх. Или вы предлагаете мне встать?

- Нет, ваше величество! - Ужас в глазах боевика сменился тихой отчаянной обреченностью, Саграсс опустил на стул, соперничая выправкой с самим Аранвеном, и проговорил: — Благодарю за милость.

- Ну, милость это или нет, можно поспорить, — задумчиво сказал Аластор. - Скажите, лорд Саграсс, вы ведь подавали прошение о переводе на военную службу?

- Да, ваше величество! - вскочил боевик и снова вытянулся.

- Угу... Сядьте. И не вскакивайте каждый раз, как отвечаете, а то у меня в глазах рябить начнет. Вы женаты?

- Никак нет, ваше величество!

- Младшие родственники на вашем попечении? - уточнил Аластор, вспомнив то, что Лучано узнал у магистра Красной гильдии.

- Братья, ваше величество. И мать. Я не старший в роду, мой отец еще жив, но он... — Саграсс заколебался, потом дрогнул взглядом и попросил: — Ваше величество, умоляю, не распространяйте немилость на моих братьев. Они знают, что должны вырасти вам верными слугами. Может, им удастся восстановить честь нашего рода.

- Нет бы за себя просить, — сварливо сказал Аластор, наконец определив, что это скорее забавно. - Вот казню я вас, а кто будет ваших братьев и матушку содержать? Что за люди, так и норовят погибнуть, а король потом думай об их семьях. Нет уж, милорд Саграсс, не будет вам такого простого решения. За вас, видите ли, поручились, причем люди, чьему мнению я полностью доверяю.

- Поручились? - переспросил совершенно растерянный Саграсс. - Но какое это имеет значение? И кто?

- Прямое и полное! - отрезал Аластор. - Вот видите лорда Фарелла? Это он притащил вас во дворец. Между прочим, совершенно без всяких моих приказов! Решил, что ему насчет вас виднее, чем всему королевскому суду. Ну что ж, сам решил, пусть сам и мучается. - Аластор хотел съязвить насчет воспитания еотов, которое посложнее будет, но пожалел вконец растерянного боевика и сказал уже мягче: — Лорд-канцлер Аранвен сейчас объяснит вам, в чем будет заключаться ваш приговор. Если решите отказаться, я готов заменить его службой в королевских егерях, так что это не рабство, поверьте.

Саграсс молча переводил взгляд с него на канцлера и Лучано, потом обратно. Лу сунул ему в руки чашку с шамьетом и велел:

- Пейте, Лионель!

Боевик молча послушался, и Аластор подумал, что эти двое, пожалуй, поладят. Выучка у Саграсса правильная, а Лучано хватит ума и терпения его приручить.

«Пресветлый Воин, — вздохнул Аластор про себя, пока канцлер зачитывал приговор и объяснял его суть. - Я же про него думаю, как про дикого жеребца отменных статей и купленного задешево, но с дурным характером. То ли в табун пустить, то ли выездить попробовать... А это человек! И очень достойный! Не хочу становиться таким вот королем, для которого люди лишь скот... Не хочу! Но и переживать за каждого - сердце не выдержит. Надо как-то учиться, привыкать, находить равновесие...»

- Ваше величество! - Саграсс все-таки вскочил, прижав к себе злополучный шамьет, глаза боевика

сияли так, что усталое лицо совершенно преобразилось. - Ваше величество... — повторил он благоговейно. - Это... Благодарю за милость! Клянусь! Если понадобится умереть...

- Да что вы все умереть пытаетесь? - возмутился Аластор. - Какого Баргота я должен делать с покойниками? Извольте жить, милорд! И продолжать приносить пользу короне и государству! А благодарить вам следует магистра Ладецки и лорда Фарелла. Первого - за то, что протянул время и не выдал вас палачу, а потом во время коронации попросил разобраться с вашим делом. Ну и второго - я уже объяснил, за что именно. Ах да, еще можете лорда Аранвена благодарить, он тоже за вас заступался. А теперь лорд Фарелл вас проводит и объяснит, что вам следует делать дальше. Идите, милорд, свободны!

Саграсс упал на одно колено и склонил голову. Прежде чем Аластор успел хоть слово сказать, боевик выпалил вассальную клятву, а затем вскочил, щелкнув каблуками и, разумеется, вытянувшись. Лучано тронул его за плечо и, дождавшись кивка Аластора, увел из кабинета.

- Мои искренние поздравления, ваше величество, — сказал канцлер, допивая шамьет. - Вы прекрасно осваиваетесь с новой ролью. Сегодня на Совете вам придется нелегко, но можете рассчитывать на мою поддержку.

- Буду премного благодарен, милорд, — отозвался Аластор. - Не сочтите за труд, расскажите мне о членах Королевского совета, что сами считаете нужным. И если вас это не оскорбит, не нужно каждый раз наедине титуловать меня его величеством. Лорда Аластора вполне достаточно, вы ведь старше моего отца!

- Благодарю за честь, лорд Аластор, — улыбнулся канцлер, и оказалось, что его сдержанная улыбка может быть не только вежливой, но и теплой. - Но только если вы пожелаете оказать мне ответную.

- Да, лорд Ангус, — кивнул Аластор и подлил канцлеру шамьета в опустевшую чашку.

***

Вернувшись домой после королевского пира, Грегор посвятил вечер делам, прекрасно понимая, что завтрашний день может оказаться его последним днем на свободе. Думать о том, что свежее испеченный король припомнит ему прошлое и отправит на плаху, не хотелось, но и полностью исключить такую возможность Грегор не мог. В жизни и смерти своих подданных король волен, а претензий к лорду-протектору у Трех Дюжин накопилось немало. При усмирении бунтов черни и зачистке окраин солдаты не смотрели, кому сносят забор особняка или вытаптывают сад. Были и разграбленные обозы, и истребленные демонами деревни, и пожары... И, разумеется, все это можно поставить в вину протектору, который обязан был успеть везде и позаботиться обо всем. Так что его участь и вправду зависела от того, что в его действиях усмотрит новый монарх.

Поэтому Грегор начал с того, что обновил завещание, написанное в юности перед отъездом на войну. Сейчас у него осталось всего два живых родственника, отец и кузен Люциус. Отдавать род не хотелось никому из них, но отец был все же приличным человеком, если не вспоминать ту грязную историю с рождением Грегора. Во всяком случае, о семейном имуществе он точно позаботится лучше Люциуса. Так что Грегор переписал завещание, мстительно уменьшив содержание кузена и подтвердив передачу титула главы рода лорду Аларикку Бастельеро, своему отцу. Жаление, что у него нет детей, отдалось где-то внутри тупой тягучей болью, напомнившей ранение от стрелы. О, будь у него сын... Да пусть даже дочь! Как он любил бы их, свое продолжение в этом мире! Но глупо думать о несбывшемся. Да и вдруг все обойдется обычной опалой, например? Исполнять должность Архимага ему это не мешает, а не бывать при дворе... Вот это он посчитал бы не наказанием, а милостью!

Подумав, Грегор сделал приписку к завещанию, что заказанный у мастера ди Амбруаза гарнитур желает передать леди Айлин Ревенгар из уважения к ее подвигу. Пусть у девочки останется что-то, достойное служить памятью о нем. Саймону Эддерли в память о дружбе с Диланом он завещал фолиант о дуэльных проклятиях из семейной библиотеки. А больше, как понял Грегор, ему в завещании упомянуть некого. Душеприказчиками он указал лорда Эддерли-старшего и Ангуса Аранвена.

Заверив бумагу подписью и магическим отпечатком, вернул документ в ларец и написал краткую записку Совету магистров, рекомендуя избрать на пост Архимага Этьена Райнгартена и передавая тому все полномочия.

Закончив, таким образом, с делами, вызвал камердинера и предупредил, что с утра ему понадобится парадный придворный костюм и цирюльник. В случае же, если он не вернется из дворца, следует немедленно послать в поместье за лордом Алариком и ожидать указаний лорда Эддерли или лорда Аранвена, а лорда Люциуса Бастельеро, буде тот явится, разрешено гнать из особняка любыми средствами.

Камердинер, выслушав это с непроницаемым лицом, поклонился и исчез, а Грегор запечатал

вторую бумагу и велел подавать ужин, а затем ванну. Остаток вечера он провел с единственным бокалом вина и рабочим дневником деда, с удивительным спокойствием листая пожелтевшие страницы и разглядывая виртуозные схемы проклятий, защитных плетений и арканов, изобретенных лично Стефаном Черным Глазом.

Утром Грегор позавтракал, привел себя в должный вид и велел подать экипаж. Ночью прошел сильный дождь, и доехать до дворца верхом, не забрызгав хотя бы сапоги, он вряд ли смог бы, а выглядеть на Совете собирался безупречно.

Во дворце его сразу провели в зал для Совета, где уже собрались все лорды, кроме канцлера, который, по традиции, сопровождал короля. Грегор обменялся приветственными кивками с Эддерли, Деверианом и Райнгартеном, насколько мог тепло поприветствовал старого Мэрли и сел на свое место между Эддерли и пока еще пустым креслом Аранвена.

Распахнулась дверь и церемониймейстер провозгласил:

- Его величество король Дорвенанта Аластор Первый и сопровождающие его лица!

«Ну вот, — горько усмехнулся про себя Грегор. - Король умер, да здравствует король. Хм, лица? Кто еще, кроме Ангуса?»

В зал стремительным шагом вошел король, за ним следовал канцлер и... итлийский наемник. Лорд Фарелл, королевский следователь, извольте видеть! Что, дело Саграсса уже решено?!

Лорды встали, и Грегор поднялся вместе со всеми. Король опустил в кресло, а итлиец, одетый как дворянин и с цепью на шее, встал за его креслом, глядя на всех совершенно непроницаемо.

- Садитесь, милорды, — разрешил король. - Лорд Аранвен, прошу вас.

Канцлер дождался, пока прекратился шелест придворных нарядов, и негромко произнес:

- Милорды Совет, его величество собрал вас сегодня, чтобы рассмотреть важные и не терпящие отлагательства вопросы.

- Лорд Аранвен, — уронил король, не перебив его, но как только канцлер смолк. - А почему за этим столом так много свободных мест? Я помню, что Три Дюжины - это уже не совсем Три Дюжины, но чтобы настолько?

- Увы, ваше величество, — склонил голову канцлер и бесстрастно пояснил: — Некоторые из глав родов отсутствуют по различным обстоятельствам. Так, например, главой рода Логрейн в настоящее время является леди Кларисса, дочь и наследница последнего главы. Однако она еще не введена в права наследования, и ее замещает опекун. Кстати, милорд Логрейн, ваша племянница уже совершеннолетняя, насколько мне известно. Когда вы собираетесь представить ее их величествам?

- О, мои извинения! - Логрейн приподнялся и вновь грузно упал в кресло, пояснив: — Клариссе исполнилось семнадцать совсем недавно. Я... побоялся везти ее в столицу. Вы же понимаете, эти ужасные события... Пока что я имею право вести все ее дела и голосовать от ее имени!

- Допустим, — согласился король. - А остальные?

- Лорды Файдерлинг и Аттенлад отлучены от Совета указом короля Кристуса, — размеренно сообщил Ангус. - Оба находятся в опале и живут в своих поместьях без права покинуть их или передать титул главы своим наследникам. Лорд Эдалан умер, не оставив прямого наследника и завещания, и тяжба между младшими ветвями его рода тянется уже... семьдесят пять лет, если не ошибаюсь. Как и тяжба между наследниками рода Альденборо, но по другой причине. Их глава оставил целых семь завещаний, и все признаны подлинными и одновременными. Ваше величество желает выслушать все обстоятельства именно сейчас?

- Э... нет, пожалуй, — признал король. - А лорд Ревенгар?

Кастельмаро вскочил и, дождавшись разрешающего кивка, сообщил:

- Ваше величество, лорд Ревенгар вернулся с границы сегодня утром и не успел получить приглашение на Совет. Я встретил его, когда ехал сюда, лорд как раз покидал порталную площадку и собирался ехать домой. Он просил передать глубочайшие извинения, что не может явиться во дворец в таком неподобающем виде. Три недели в болотах, ваше величество...

- Ясно, — бросил король.

«Все-таки в болотах, — подумал Грегор. - Райнгартен - болван! Своего племянника он уже потерял, и наверняка вместе с изрядной частью егерского полка, а теперь гоняет по болотам рейтаров, от

которых там толку еще меньше, чем от егерей. Да что уж - вообще никакого толка!»

- Присутствует больше половины членов Совета, — тихо подсказал канцлер. - Любое голосование будет иметь законную силу.

- Понимаю, — успокоился король. - Садитесь, милорд.

Кастельмаро опустил в кресло, и Аранвен продолжил:

- Первый пункт на сегодня - рассмотрение действий лорда Грегора Бастельеро в его бытность лордом-протектором. Его величество желает услышать мнения своих верных подданных.

«Ну что же, начинайте, — усмехнулся Грегор. - Кто первый?»

- Позвольте мне, — поднялся Эддерли. Дождался очередного кивка короля и уронил: — Я не могу судить о порядке в столице, поскольку большую часть времени проводил в стенах Академии. Той самой Академии, которую лорд Бастельеро защищал, рискуя собственной жизнью.

- И жизнями доверенных ему адептов! - бросил Дортмундер, тоже поднимаясь. - Мой племянник погиб там. Ему было всего девятнадцать, милорды!

И снова сел. Эддерли, с сочувствием посмотрев на Грегора, тоже опустил в кресло.

«Что ж, милорд, благодарю, — подумал Грегор. - Вы хотя бы попытались».

- Лорд Бастельеро руководил подавлением бунтов, — встав, подал голос Кастельмаро. - Если бы не его помощь, армия не справилась бы с мародерами так быстро. И в провинции, насколько мне известно, с демонами сражались посланные им отряды.

- Под командованием моего кузена, — ровно уточнил Райнгартен. — Хотя, конечно, заслуги лорда Бастельеро неоспоримы.

Оба лорда сели, и Грегор вздохнул.

«Как же долго тянется это пошлое представление. Неужели непонятно, что король давно все решил, и любые слова защитников это решение вряд ли изменят. Фраганский король уже пообещал мирный договор, и я в качестве пугала Дорвенанту больше не нужен. А счетов накопилось предостаточно».

- Все мы безгранично благодарны лорду Бастельеро за его героизм, — не вставая, проурчал Логрейн с такой вкрадчивой любезностью, что у Грегора свело скулы. - Но не можем закрывать глаза на преступления, совершенные им на посту лорда-протектора.

«Как и следовало ожидать», — подумал Грегор с мрачным удовлетворением.

- Преступления? - заинтересованно переспросил король. В его голубых, совсем как у Малкольма, глазах отразилось живейшее любопытство и даже, Грегор готов был поклясться в этом, нетерпение. - Не потрудитесь ли объяснить, лорд Логрейн, о чем идет речь?

- Лорд Бастельеро оставил без охраны многих достойных людей, — с готовностью откликнулся Логрейн. - Из-за этого сильно пострадал центр Дорвенны! Множество убитых и раненых, я уже не говорю о разрушениях. И все для того, чтобы создать больше патрулей, которых никогда не оказывалось на месте, когда они были нужны!

От наглой глупости этих слов у Грегора перехватило дыхание.

«Логрейн хоть представляет себе, что творилось на улицах Дорвенны? Видел пожары, устроенные озверевшим отребьем, которое выползло из всех нор? Грабителей, мародеров и убийц, решивших, что на демонов можно списать любое преступление?! Единственное, что волнует этого негодяя - собственный похудевший кошель! Проклятье, он же дворянин с золотой кровью, а ведет себя хуже купца! И что противно - благородные лорды молча слушают весь этот бред! Что ж, раз так - я не стану тратить слов в свою защиту. Ни один Бастельеро не опустится до подобного бессмысленного унижения...»

- Да как вы смеете, Логрейн! - услышал он и поразился - так громко и оглушительно прозвучал обычно слабый и дребезжащий голос старика Мэрли. - Грегор... Лорд Бастельеро делал то, что был должен! А разрушения достойных людей - это обвалившаяся крыша в особняке Логрейнов, который на самом деле даже не ваш, а принадлежал вашему покойному брату!

У Грегора перехватило дыхание. Старик за него заступает! А ведь он так и не выбрал время нанести Мэрли визит...

- Понимаю ваше желание обелить имя внука, милорд Мэрли, — ядовито согласился Логрейн. - Хотя особняк нашего рода вовсе не относится к делу! Но что вы скажете об Академии? Лорд-протектор был обязан спасти нас от демонов, а вместо этого отдал им на растерзание наших детей! Между прочим, среди них была ваша же внучка!

Грегор с такой силой стиснул кулаки, что заболели пальцы, и только боль проявила затуманенный яростью рассудок. Если он сейчас сорвется, Логрейн до конца Совета не доживет, и смерть эта будет весьма неприглядной! Нет уж, не стоит давать этим мерзавцам повод казнить его действительно законно...

- Как любопытно! - воскликнул король и обернулся к застывшему на месте Аранвену. - Лорд-канцлер, это правда? Насчет Академии?

- Да, Ваше Величество, — тяжело и холодно уронил Аранвен и прежде, чем Грегор успел осознать это последнее предательство, добавил: — Этим решением лорд Бастельеро спас от полного разрушения столицу и предотвратил смерти огромного количества мирных жителей. Смею так же добавить, что лорд Бастельеро был избран протектором абсолютным большинством голосов Совета. Никто из присутствующих не выразил желания занять этот пост.

- Благодарю вас, лорд Ангус, — кивнул король и устремил на Логрейна наивно-любопытный взгляд. - Верно ли я понял, милорд, что вы и ваши... соратники взвалили на лорда Бастельеро грязную работу, чтобы не делать ее самим, а теперь желаете отыграться за собственные потери и старые обиды?

- Ваше величество, — вздохнул Логрейн, изобразив на лице глубокую скорбь, но не сумев притушить торжествующий блеск глаз. - Я вполне понимаю, что лорд Бастельеро - герой всех юношей Дорвенанта. Я... нет, все мы понимаем, как горько ваше разочарование! Вы еще так юны... Но поверьте моему опыту...

Баммм!!! Прогудело, как показалось Грегору, на весь зал, а потом внезапно упала такая мертвая тишина, что стало слышно, как о стекло бьется муха.

В спинке кресла Логрейна над самой его головой торчала рукоять секиры. Одна только рукоять - лезвие вошло в дерево. Сам Логрейн обратился в статую не хуже академических горгулий, только глазами хлопал мелко и быстро. А мальчишка... нет, король! Король заговорил:

- Правильно ли я понял, милорд Логрейн, что вы позволили себе подталкивать меня к определенному решению? Да еще так... неумно? - Помолчал и уронил в полной тишине: — Видимо, правильно. Что ж, в таком случае и вам, и остальному Совету придется кое-что уяснить. Я получил самое обычное воспитание для дворянина, но историю мне преподавали. В отличие от вас, похоже. И я прекрасно помню, кто составлял первые Три дюжины, принадлежностью к которым вы так гордитесь. Это были ближайшие сподвижники Дорве Великого, доказавшие ему свою верность и послушание. И именно поэтому оставшиеся в живых... — Он обвел безмолвный Совет ледяным пронзительным взглядом голубых глаз, которые уже никто не назвал бы наивными, и удовлетворенно кивнул: — Вижу, господа, вы все верно понимаете. Вы - золотая кровь, опора королевского трона. Но король здесь - я. Меня, к моему огромному сожалению, нельзя заменить. Во всяком случае, вы этим шансом не воспользовались. А вот вас - можно. Любого из вас. И если я не смогу убедить Три Дюжины изменить мнение по некоторым вопросам, я изменю состав Трех Дюжин. В Дорвенанте множество людей не столь родовитых, но умеющих служить верно и послушно. Я понятно изъясняюсь, господа? Милорд Логрейн?

- Д-да... ваше... величество... — прошептал лорд, медленно сползая по креслу, словно секира, так и торчащая в толстом дереве, давила Логрейна своей тяжестью.

- Прекрасно, — удовлетворенно уронил король. - Тогда, полагаю, второй урок не понадобится? Но на всякий случай прошу запомнить, секир у меня две. Итак, милорды Совет, вернемся к прежнему вопросу. Действия и преступления лорда Бастельеро.

Он перевел взгляд на Грегора, и тому впервые в жизни захотелось сделать шаг назад под чьим-то взглядом. Разумеется, для этого пришлось бы встать, да и... что за глупость?!

- Лорд Аранвен, — обратился король к канцлеру. - Какую оценку дадите действиям лорда Бастельеро вы?

Грегор огромным усилием удержался, чтобы не посмотреть в сторону Ангуса. Еще сочтет за просьбу! Нет, только не это!

- Я уверен, ваше величество, — спокойно и медленно произнес канцлер, — что все решения и действия лорда Бастельеро были направлены на благо государства. - Аранвен на пару мгновений замолчал, и тишина в зале Совета стала еще более зловещей. А потом лорд-канцлер очень осторожно, почти вкрадчиво закончил: — Во всяком случае, как он понимал это благо.

Грегор стиснул зубы. Он бы ни за что не стал просить Ангуса о заступничестве! Но канцлер сам решил его поддержать. И все-таки... все-таки и он, и проклятый юнец, и сам Грегор знали, что их связывает. Решение Грегора пожертвовать бастардом, чтобы закрыть Разлом. И то, что канцлер в этом не участвовал, но и не смог этому воспрепятствовать.

- Благо государства - высшая ценность, — усмехнулся вдруг сын Малкольма уголками губ очень взрослому, горько и устало. - И вы правы, у меня тоже нет причин сомневаться, что лорд Бастельеро желал именно этого. Мы все обязаны ему спасением столицы и королевства. А жертвы... Кто из вас, милорды, готов был принять его ношу и справиться лучше него? Никто? Тогда не вам его и судить. Лорд Бастельеро?!

Грегор поднялся из кресла и поклонился.

- Я благодарю вас, милорд, за все сделанное, — сказал проклятый бастард, в упор глядя на него. - После смерти его величества Малкольма вы взяли на себя тяжелое бремя. Я помню, какой оставил столицу, отправляясь к Разлому, и то, что вернулся в живой город - ваша заслуга. Вы исполнили свой долг честно и доблестно. Лорд Аранвен. .. — Он должен был перевести взгляд на канцлера, но не сделал этого, продолжая глядеть Грегору глаза в глаза. - Прошу вас подготовить указ о должном награждении лорда Бастельеро. Орден Золотого Льва первой степени, насколько я понимаю?

«Золотой Лев? Высшая награда Дорвенанта? Снова?! Что за отвратительная и злая насмешка судьбы?!»

Грегор вспомнил, как получал награду из рук Малкольма, и ему показалось, что горло перехватило спазмом, так что воздух кончился. Рвануть бы сейчас жесткий, расшитый золотом ворот парадного мундира! Орден Льва?! За что?! За то, что хотел сунуть этого паршивца в Разлом? И сунул бы! Объяснив это и себе, и всем вокруг тем самым благом государства, чтоб его Бар-р-ргот побрал! И мы оба это понимаем и знаем! Что и ему, и мне просто повезло... Маленькая отважная Айлин сделала то, на что не решился бывший мэтр-командор, нынешний Архимаг, Избранный Претемной, чтоб и меня Бар-ргот тоже побрал...

«Вот это месть, — подумал он в бессильном злом восхищении, слыша, как зал Совета наполняется осторожными почтительными шепотками. - А я еще боялся плахи?! Да он же казнил меня гораздо хуже! Всегда, всю жизнь мы оба будем помнить, что он держал мою жизнь в своих руках и не захотел ее взять. Больше того - награждает по заслугам...»

- Прошу прощения, ваше величество, но Орденом Льва первой степени нельзя награждать дважды, — церемонно напомнил Аранвен. - Лорд Бастельеро уже награжден им за спасение Дорвенанта во фраганской кампании.

- Ну, тогда это должен быть орден второй степени? - совершенно равнодушно предположил проклятый юнец. - Полагаюсь на вас в этих формальностях. Главное, чтобы мы достаточно ясно выразили нашу огромную благодарность лорду Бастельеро. За столь же огромную услугу, оказанную стране.

«Он меня тоже ненавидит, — понял Грегор, и эта мысль горькой сладостью коснулась его рассудка. - Хоть какое-то утешение. Ненавидит, но ничего не может сделать, потому что... Это справедливость? Или все-таки расчетливое желание и умение унижить? В этом юнце?! Впрочем, не такой уж он и юнец... Малкольм орал бы и кидался чернильницами, а потом уступил, как уступал почти всегда. А этот скрутил Совет одной рукой... одним броском секиры, словно дикий вольфгардец! Секиры, а не чернильницы! Но он не дикарь, обманываться не стоит. Он король. Мой король. И я даже в мыслях не могу добавить «будь он проклят», потому что... Не могу - и все. Присягнул ему и должен быть верен даже в этом.

- Вы очень великодушны, ваше величество, — сказал он, с трудом шевеля отвратительно пересохшим языком. - Право, я не заслуживаю такой милости.

- Это мне решать, — так же равнодушно бросил король. - Милорды Совет, я надеюсь, вы тоже должным образом благодарны лорду Бастельеро?

Шепотки стали громче и налились уверенностью. Один за другим лорды изъявляли уверенность в огромных заслугах протектора, восхищение справедливостью его величества, радость за Дорвенант, который теперь расцветет, и что там еще положено... Грегора замутило.

К счастью, большая часть Совета все-таки промолчала. Эддерли, Кастельмаро, Райнгартены... Те, кто был более осведомлен о положении дел или слишком умен, чтобы плясать в этом омерзительном балаганном представлении.

- Я надеюсь, лорд Бастельеро не поставит нам в вину, что праздник и бал в его честь будут даны позже, — добил его король с такой смертоносной точностью, что Грегор даже через ненависть опять преисполнился восхищением. - После траура...

«Я никогда не дам тебе забыть, — говорили ледяные голубые глаза, от взгляда которых Грегора зазнобило, и он снова поклонился, ища спасения в этикете. - Ни тот бал в честь победы, ни все, что случилось потом, ни визит к Вальдеронам, ни эти проклятые пять лет, ни решение принести меня в жертву... Великодушие, справедливость и благодарность - вот моя кара и месть. И мы оба это знаем».

- Садитесь, милорд, — сказал король, и в зале снова стало тихо. Грегор, не чуя под собой ног, почти рухнул в кресло. - Господа Совет, второй вопрос, о котором пойдет речь, это судьба лорда Саграсса, красного мага, который невольно способствовал заговору барготопоклонников. Именно невольно, как я убедился, изучив обстоятельства дела и выслушав доклад лорда Фарелла.

Итлиец все так же молча поклонился, только этим отличаясь от статуи.

- Как вам всем известно, — размеренно продолжил король, — я не могу отменить приговор лорду Саграссу, да и не собираюсь это делать. Однако убежден, что его следует смягчить, поскольку Саграсс выполнял приказание своего начальника, не зная, что тот преступник. Кроме того, часть вины Лионель Саграсс искупил, защищая Академию от демонов. Насколько мне известно, он проявил верность клятвам мага и был ранен, спасая адептов. Учитывая все это, я принял решение смягчить его участь и заменить смертную казнь каторгой.

Слово упало в полной тишине, и Грегор услышал, как по залу прокатились вздохи, а потом увидел, как изменились лица. Кто-то смотрел торжествующе, кто-то - сочувственно...

- Ваше величество!

Кастельмаро вскочил, но король осадил его резким приказом:

- Сядьте, милорд, я не договорил.

«Каторга, — в бессильном ужасе повторил про себя Грегор. - Дворянину?! Магу с выжженным даром?! Если повезет, Лионеля там просто убьют, если нет... Умирать в лапах отребья он будет медленно, позорно, мучительно... И это милость?! Я глупец, мне следовало проклясть Саграсса, пока была возможность . »

- Сегодня утром я подписал указ о назначении лорда Фарелла постоянным королевским следователем с почетным титулом «Рука короля», — невозмутимо сообщил этот самый король. - Лорду Фареллу вменяется в обязанность создать тайную службу для расследования любых преступлений, совершенных нашими подданными. Существованию службы лорда-канцлера это не противоречит, напротив, я рассчитываю, что эти службы будут помогать друг другу, как добрые верные братья. Лорд Фарелл получает соответствующие полномочия и будет отчитываться лично мне. - Он обвел взглядом ошеломленно молчащих от такой новости лордов и добавил: — Поскольку лорду Фареллу необходимы обученные люди, Лионель Саграсс передается в его ведомство для отбывания каторги в качестве боевого мага. Срок его службы - двадцать пять лет, как и положено для каторжных работ. Если Саграсс проживет это время, честно и старательно исполняя обязанности, ему будет возвращено право покинуть службу и распоряжаться собственной жизнью.

- Но как же... каторга - здесь? В Дорвенне? - пораженно произнес Дортмундер, кажется.

Грегор в ту сторону не смотрел, вглядываясь в лицо короля. Спокойное, лучащееся уверенностью в собственной правоте и какой-то хищной удовлетворенностью.

- И что? - поднял король брови. - Я не видел в законе точного указания, где именно следует отбывать каторгу. Служба лорда Фарелла безусловно будет связана с большим риском. Пусть лучше рискует осужденный преступник.

- А его титул? - не унимался Дортмундер. - Он же дворянин! Осужденный лишается титула и всех прав.

- Лионель Саграсс является опекуном двух малолетних братьев, — сухо сказал король. - Поскольку глава их рода не выполняет обязанности мужчины должным образом, младший лорд Саграсс больше десяти лет полностью содержит братьев и мать. Если мы лишим его прав, кто возьмет на себя ответственность за судьбу этих несчастных? Вы, милорд? Нет уж, пусть и дальше занимается этим. К тому же, насколько я понимаю, полный орденский маг не может не быть дворянином, это закон.

- Это закон! - одновременно подтвердили Эддерли и Райнгартен, а Кастельмаро озабоченно добавил: — Ваше величество, но это значит, что Саграссу не выжгут магический дар?

По залу снова пролетели шепотки...

- Выжечь дар?! - изумился король. - Милорд, вы это всерьез? Ваш Орден двенадцать лет учил этого

человека! В стране отчаянно не хватает магов! А мы будем выжигать дар сильному опытному боевику?! И для чего он тогда нужен в службе лорда Фарелла? Нет уж, пусть отрабатывает магом, причем изо всех сил. Каторга есть каторга!

- Благодарю, ваше величество! - с чувством сказал Эддерли и добавил со смирением, которое вряд ли кого-то обмануло: — Ваше справедливое решение послужит всем должным уроком.

«Справедливое решение... — У Грегора окончательно упал с души камень размером с башню Архимага. - Каторга в столице, под началом этого итлийского пройдохи, но с сохранением титула и дара! Боги, да он же помиловал Саграсса, не нарушив букву закона! И... только полный безумец осмелится воспротивиться этому сейчас. Ведь секиры-то и вправду две... Не понимаю! Ничего не понимаю! Дать дворянство псу - и тут же накинуть узду на все Три Дюжины разом!»

- Желаете обсудить еще какой-то вопрос, ваше величество? - подсказал Аранвен.

- Непременно желаю, — согласился король и со вздохом заключил: — Но не сегодня. Через неделю состоится Совет, на котором обязаны присутствовать все главы Трех Дюжин. Это приказ, милорды. Я жду каждого. Больного, престарелого, попавшего в опалу... С многочисленными наследниками за неделю разберемся, я думаю! Те, кто служит в армии или за границей, должны получить отпуск, милорд Аранвен, проследите.

- Да, ваше величество, — поклонился канцлер.

- А вас, милорды Совет, я больше не задерживаю, — закончил король и вдруг встал: — Фарелл, идемте.

Не обращая больше внимания на поспешно вскакивающих лордов, он вышел так же стремительно, как вошел. Итлиец, торопливо поклонившись, выскочил следом. Аранвен оглядел растерянную толпу в которую превратилась высшая аристократия королевства, и тонкая удовлетворенная улыбка мелькнула на губах канцлера, затем он тоже склонил голову и ушел прежде, чем его успели остановить.

«И это только первый Совет? - в смятении подумал Грегор. - Благие Семеро, но я... Я оправдан?! Полностью оправдан и даже в милости! Я могу сделать предложение Айлин! Сегодня! Сейчас же! Нет, нужно съездить к ее брату, раз он вернулся. Руки благородной девицы просят у главы рода, Айлин больше не придется обижаться на мою неучтивость. А потом... потом я признаюсь ей и скажу все, о чем так долго молчал!»

Со всех сторон сыпались поздравления, и Грегор даже допускал, что некоторые были искренними. От Эддерли, например. От Кастельмаро и Мэрли... Нетерпеливо поблагодарив всех, он бросился прочь из зала, пробежал по дворцу, торопясь, как мальчишка, и не обращая внимания на вал катящихся перед ним и вокруг него разговоров. Выскочил на улицу и буквально прыгнул в экипаж, велел гнать к особняку Ревенгаров.

«Ай-лин, — стучали молоточки в висках. - Ай-лин...» И экипаж казался невыносимо медленным, так что Грегор успел дюжину раз пожалеть, что не поехал верхом!

...Артур Ревенгар ожидал его в гостиной - большой, отделанной светлыми сосновыми панелями и вообще, пожалуй, излишне нарядной. Свет заливал комнату, легко проникая через тонкие занавеси бледно-желтого арлезийского шелка и играя на полированном дереве стен. Обстановка, подобранная в тех же тонах с превеликой тщательностью, выдавала, что в доме уже давно единственной хозяйкой является женщина. И никакого следа мужчины, совершеннолетнего дворянина, офицера. Ни оружия на стенах, ни небрежно брошенной книги, карты или охотничьего арапника, зато повсюду бесчисленные статуэтки, безделушки и резные шкатулочки.

Плечистый шумный забияка Дориан в подобной комнате, конечно, все равно не потерялся бы, в отличие от его блеклого и нескладного наследника. Грегор даже не сразу его заметил - внимание невольно притянула вдовствующая леди, которая учтиво поднялась при появлении гостя, сделала реверанс и снова опустилась на обтянутый светлой тканью диван. Гвенивер Ревенгар, которую он не видел много лет, почти не изменилась и выглядела цветущей, несмотря на траур. Да, она до сих пор носила траур по мужу, хоть и не глубокий, но следовало признать, лиловое платье необыкновенно ей шло.

Подойдя, Грегор низко склонился над протянутой ему рукой, коснулся губами холеных белых пальчиков с единственным обручальным кольцом. Ему вдруг пришло в голову, что о визите в лазарет леди и лорда Ревенгаров секретарь не докладывал, по его словам, к Айлин приходила только тетушка. Неужели мать не бросилась к раненой дочери, как только та вернулась в Дорвенну? Да ей из уважения к материнским чувствам позволили бы навестить Айлин первой и даже ухаживать за бедной девочкой вместо штатных целительниц!

Выпрямившись, он отдал поклон Артуру, стоящему возле окна, и с одобрением подумал, что красно-

черный мундир рейтарского полка мальчишке идет, делает его бледную вытянутую физиономию взрослее, а фигуру - мужественнее. Хотя, конечно, не Дориан, ничего близкого!

- Милорд, миледи! Позвольте пожелать вам доброго дня!

Гвенивер мило улыбнулась, а Артур учтиво поклонился, щелкнув каблуками начищенных сапог, и торопливо сказал:

- Милорд протектор, ваш визит - огромная честь для нашей семьи!

- К счастью, уже не протектор, — усмехнулся Грегор. - Вчера на коронации я имел честь вернуть меч протектора его величеству, а сегодня на королевском Совете мои действия были рассмотрены и одобрены, так что с этой ношей я благополучно простился.

- Дорвенант вам чрезвычайно обязан, лорд Бастельеро, — откликнулся Артур и дернул шнурок возле портьера и велел появившейся горничной подать угощение, уточнив: - Вино или карвейн, милорд? Прошу вас, присаживайтесь!

- Бокал вина будет весьма кстати, — согласился Грегор, садясь в кресло возле низкого столика, такого же светлого, вычурного и нарядного, как все здесь. - Рад, что вы идете по стопам отца, лорд Артур. Командор Райнгартен отзывался о вас очень благосклонно, по его словам, вы достойный отважный офицер.

- Командор очень снисходителен к моим скромным заслугам, — торопливо сказал Артур, и его бледные щеки немного порозовели. - Но я надеюсь, что в армии могу быть полезен Дорвенанту и его величеству... И отец... думаю, он был бы доволен...

Он метнул на леди Гвенивер быстрый взгляд, и та ответила ободряющей улыбкой. А Грегор внутренне поморщился. Да, Артуру всего восемнадцать, но какая разница с его сестрой! Ну какой глава рода может получиться из этого вчерашнего мальчишка, до сих пор так отчаянно жаждущего если не отцовского, то хотя бы материнского одобрения. Или он слишком придиричив к Артуру? Интересно, Эжен похвалил его из простой любезности или мальчишка действительно проявил себя в боях с демонами? Все-таки кровь не вода, особенно золотая, Ревенгары служат поколениями...

Горничная с подносом тихонько скользнула в комнату, и на столе тут же появилась бутылка вина, а за ней - бокалы, чашка шамьета для леди Гвенивер, пирожные, фрукты и крошечные, по южной моде, готовые закуски из ветчины, сыра и паштетов. Артур, выполняя долг хозяина, откупорил бутылку, наполнил бокалы и присел во второе кресло между матерью и гостем. дождался, пока Грегор пригубит вино, немного отпил сам и слегка неуверенным голосом поинтересовался:

- Простите за неучтивость, милорд, но я уверен, что вы чрезвычайно занятой человек. Чему мы обязаны честью вашего визита?

«Что ж, по меньшей мере одно свойство юный Артур точно унаследовал от Дориана - стремление переходить к делу как можно скорее, не отвлекаясь на тупости вроде обязательных по этикету разговоров о погоде и новостях. В точности, как его сестра», — признал Грегор и хотел уже начать главный разговор, но вместо этого неожиданно для самого себя сказал:

- Я решил сообщить вам лично, что здоровье вашей сестры больше не вызывает опасений. Полагаю, теперь, когда вы вернулись, она будет рада увидиться с вами.

- О... да, конечно! - Артур вдруг покраснел сильнее и как-то странно замялся, но тут же выговорил: - Разумеется, я навещу ее сегодня же. Благодарю, милорд! Это так любезно с вашей стороны! Матушка, вы ведь тоже захотите поехать со мной?

- Навестить нашу дорогую Айлин?

Любезная улыбка леди Ревенгар вызвала в памяти Грегора учебник по этикету, но ничем не походила на радость матери, которой предложили увидеть дочь.

«Кстати, а когда они виделись в последний раз? - недоуменно спросил себя Грегор. - На зимних каникулах, вероятно? Ведь Айлин проводила их не в Академии, значит, дома? Ну разумеется, где же еще?»

- Я буду счастлива ее повидать, — продолжила леди все так же любезно и благовоспитанно. - Теперь, когда мой дорогой Артур вернулся...

- Теперь? - Молодой Ревенгар повернулся к ней и уточнил: — Миледи матушка, правильно ли я понимаю, что вы еще не ездили к Айлин? Ведь посещения разрешили не сегодня, не так ли, милорд?

- Уже около недели, — подтвердил Грегор и не отказал себе в удовольствии добавить: - Насколько мне известно, ваша сестра госпожа Арментрот пришла в первый же день.

- Ах, Элоиза ничем не занята... — Улыбка леди не поблекла, но взгляд виновато вильнул в сторону и тут же стал снова непроницаемо умильным. - Увы, я слишком поздно получила известие, что Айлин вернулась. Я... Меня не было дома! Я гостила у другой своей сестры, леди Мэйв Гленнахан! Ее дочери пришло время разрешиться от бремени, и я... я должна была поддержать бедняжку Мэйв, она так беспокоилась! Буквально сходила с ума от тревоги!

- Я очень рад за кузину, — нахмурился Артур, — но... Вы ведь вернулись домой, и неужели вам не сообщили...

Он осекся, и Грегор даже посочувствовал юноше. Конечно, семейная ссора в присутствии гостя недопустима, но узнать, что твоей тяжело раненой сестре родная мать предпочла беременную племянницу... Словно у той нет собственной семьи! А к Айлин снова кинулась на помощь тетушка! Впрочем, стоит вспомнить скандал с похоронами Дориана и больше не удивляться.

- О, конечно, теперь я буду счастлива навестить нашу дорогую девочку! - поспешно добавила леди Гвенивер. - Артур, дорогой, ты должен меня простить! Ты же знаешь, я не выезжаю из дома без тебя! А отправиться в Академию в одиночестве, без сопровождения мужчины...

- Не знал, что Академия, которой я имею честь руководить, вызывает у вас такие чувства. - Грегор приподнял брови, не испытывая ни малейшего сочувствия к этой дуре. Ни прошлый визит в Академию, ни похороны Дориана он ей забывать не собирался. - Уверяю вас, это достаточно приличное место, чтобы леди могла там чувствовать себя в полной безопасности. Во всяком случае, матери других адептов и адептов придерживаются именно такого мнения. Леди Эддерли, например, леди Аранвен и Мэрли...

- Мы навестим Айлин сегодня же! - звонко сказал Артур, и Грегор умолк. - И чрезвычайно благодарны вам, милорд Архимаг, за известие!

Гвенивер сложила руки на коленях и терзала в пальчиках белоснежный вышитый платок, лишь этим выдавая волнение. Грегор же сделал еще один глоток очень недурного вина - еще Дориан закладывал в погреб, видимо - и признался:

- Это не единственная причина моего визита, лорд Артур. Я... прошу у вас руки вашей сестры. И, разумеется, очень надеюсь, что вы не видите причин для отказа.

Последнее он добавил только из вежливости - Гвенивер Ревенгар беззвучно ахнула, прижав ладони к щекам, и вскочила на ноги.

- Милорд Бастельеро! Такая честь, — пролепетала она дрожащим голосом. - Мы, конечно...

- Одно мгновение, миледи матушка, — прервал ее вдруг нахмурившийся Артур, и Грегор невольно поразился. Так у этого бесцветного паренька есть собственное мнение?! - Прежде чем я приму решение, милорд, я должен узнать, почему вы хотите жениться на моей сестре?

- Это мое дело, милорд Ревенгар, — уронил Грегор старательно вежливо, надеясь, что в его голосе не сквозит изумление от бестактности вопроса.

- И мое тоже! - упрямо возразил мальчишка, выпячивая челюсть и на какой-то миг вдруг показавшись Грегору ужасно похожим на того Дориана, с которым тогда еще адепт Бастельеро не раз сходил в строго запрещенных дуэлях! - Милорд, нам обоим известны обстоятельства, которые вызывают в обществе много слухов. Я... имею в виду обстоятельства этого похода, — уточнил он, уже окончательно заливаясь краской. — Вы должны понять меня, милорд! Я испытываю глубокое уважение и к вам, и к вашим заслугам... Но Айлин - моя сестра, и я не отдам ее человеку, который может поставить ей в вину ее прошлое... Даже если ее репутация навсегда погибла!

- Артур! Что ты говоришь, дорогой! - снова ахнула Гвенивер, бессильно опускаясь на диван, и Грегор понял: женщина смертельно боится, что брак сорвется.

- То, что считаю нужным, дорогая матушка, — сдержанно проговорил Артур, и его тон являл потрясающую смесь нежелания обидеть мать и в то же время твердости. - Лорд Бастельеро?

- Ни слова больше о репутации вашей сестры, — холодно проговорил Грегор. - Я ни в коей мере не считаю ее запятнанной. Клянусь Благими, что считаю леди Айлин безупречно добродетельной девицей! Она достойна уважения и восхищения за свой подвиг и жертвы, которые принесла. Что до слухов... Я никому не советовал бы сказать хоть одно неучтивое слово о леди Айлин в моем присутствии. И если моих ушей достигнет имя того, кто распускает сплетни, этому человеку придется пожалеть. Клянусь в этом памятью вашего отца, которого я уважал так же, как надеюсь уважать вас, лорд Артур.

- Мои... извинения, милорд. - Голос Артура все-таки едва заметно дрогнул от облегчения, но Грегор вполне это понимал. Вот такие объяснения слишком часто заканчиваются дуэлью, а юный лейтенант ему не соперник, не говоря уж о том, что это брат Айлин. - Но... О, простите! У вас такая разница в возрасте...

- Я маг, - позволил себе Грегор небрежно пожать плечами, напоминая столь очевидную истину. - Мы старимся позже. Уверяю, вашу сестру ждет много лет полноценной семейной жизни.

- А... ее учеба...

Артур выглядел окончательно сконфуженным, но Грегор начинал понемногу его уважать. В самом деле, другой брат девицы, о которой неизбежны подобные сплетни, был бы рад отдать ее вообще кому угодно в жены, лишь бы прикрыть семейный позор. А этот юнец на грани того, чтобы отказать. И кому?! Лучшему жениху королевства, назовем вещи своими именами. Одному из богатейших лордов Трех Дюжин, Архимагу, не говоря о прежних заслугах!

- Полагаю, уж этот вопрос мне удастся решить. - Он слегка улыбнулся и негромко сказал: — Артур... Позвольте мне вас так назвать на правах старшего, сослуживца вашего отца и, может быть, вашего будущего родственника... Я люблю вашу сестру. Клянусь в этом чем угодно. Люблю всем сердцем. Я обещаю беречь ее, как драгоценнейшее сокровище. Я знаю, что о ней уже говорят и будут говорить. Но уверяю, у леди Айлин не будет более старательного защитника ее чести и спокойствия. Я намерен сделать ее счастливой и прошу лишь одного, чтобы вы позволили мне это.

- Я... Да, милорд, — выдавил мальчишка под его взглядом и явно из последних сил уточнил: — Разумеется, если она сама даст вам согласие. Вы же понимаете, я... Я был бы рад стать вашим родственником, но принуждать Айлин не стану.

- Артур! - взвизгнула леди Гвенивер, изрядно потеряв свои прекрасные манеры. - Ты глава рода, помни об этом!

- Я помню, матушка, — отрезал мальчишка. - И считаю, что моя сестра достойна сама решать, кто может составить ее счастье.

- Вы совершенно правы. - Грегор встал и поклонился. - Лорд Артур, вы соблаговолите узнать мнение своей сестры и передать его мне?

- Сегодня же, милорд!

Артур встал и ответил очень почтительным поклоном, а потом признался:

- Я буду счастлив, если она согласится.

«Не больше, чем я, — подумал Грегор. - Сегодня... Ну что ж, к вечеру все наконец решится. Я как раз успею заехать домой за кольцом и в цветочную лавку за букетом. Боги, я же был настолько безумен в прошлый раз, что даже не сделал предложение, как положено! С парой обручальных колец для жениха и невесты, цветами, нужными словами... Притащил ей одно родовое кольцо в кармане, как... простолюдин какой-то! Бедная девочка, представляю, что она обо мне думала после такого начала наших отношений. Ничуть не удивляюсь, что отказала!»

- Жду известий с нетерпением, — ответил он и посмотрел на застывшую женщину, что вцепилась в измятый платок.

Ну что ж, во всяком случае, с половиной его будущих родственников вполне можно иметь дело. А леди Гвенивер... Кажется, Айлин совершенно не привязана к матушке и вряд ли захочет видеть ее чаще, чем положено приличиями. Этому Грегор был бы только рад.

ГЛАВА 8. Разорванные узы

В дверь палаты постучали, и Айлин отложила фраганский роман, принесенный Иоландой вместе с очередной порцией домашних пирожков. Села на кровати, одернула мантию...

- Входите!

Может быть, это Кармель?! Конечно, обязанности магистра требуют немало времени, но день клонится к вечеру, занятия уже закончились. Или кто-то из друзей решил заглянуть? Или...

На пороге, не выпуская дверную ручку, замер юноша, показавшийся смутно знакомым. Нет ни малейших сомнений, что Айлин уже где-то видела это вытянутое лицо, узкие губы, тонкий прямой

нос, пожалуй, тоже немного длинный и с полоской тщательно отращиваемых усов под ним, этот высокий лоб, ровные дуги бровей и светло-серые глаза... Какая же она глупая - конечно, видела много раз! В картинной галерее Ревенгаров, когда еще жила дома! На любом из многочисленных портретов ее предков! Нежданный гость был ужасно похож на отца и даже одет в рейтарский мундир, судя по цветам. Артур служит в армии?! Ах да, лорд Райнгартен говорил об этом на свадьбе Аластора... Пять лет! Они не виделись пять лет...

Словно спохватившись, брат немного отступил, пропуская вперед женщину в темно-лиловом платье с серебряной оторочкой. Рыжие волосы, уложенные в высокую прическу, ярко блеснули на солнце, женщина растянула губы в сладкой улыбке, и Айлин невольно нахмурилась, вставая. Миледи... Нет, не миледи матушка. Просто леди - и все тут. Она ничего не забыла и не простила за эти пять лет! Во всяком случае, не простила леди Ревенгар, из-за которой не смогла проводить отца!

- Моя дорогая Айлин! - пропела леди, делая шаг ей навстречу и протягивая руки, будто ждала, что ей кинутся в объятия. - Бедная моя девочка! Ты так выросла! Но похудела, побледнела... За тобой хорошо ухаживают, милая?

Что ж, зато сама леди Гвенивер ничуть не подурнела за эти годы. Напротив, расцвела еще ярче, несмотря на траур. Сливочно-белая кожа без единой морщинки, яркая зелень глаз и победоносное сияние волос просто поражали! И даже в талии не располнела, зато формы остались роскошно округлыми... Айлин вспомнила, что видит каждое утро и вечер в зеркале, и не без труда подавила острую гадкую зависть: ну и что, если ей далеко до этой роскошной красавицы? Зато Кармель любит именно ее, а не эту... зрелую даму, вот!

- Великолечно, миледи, — сухо завершила ее Айлин и вместо реверанса, положенного этикетом, вежливо склонила голову в малом поклоне, тут же выпрямившись.

Это ведь они пришли ее навестить, верно? Значит, следует держаться, как положено хозяйке... пусть даже хозяйке палаты в крыле целителей.

Гвенивер, удивленно расширив глаза и не дождавшись объятий, захлопала ресницами и опустила руки, а Артур, от которого Айлин ждала ответного поклона, стремительно обошел мать и выпалил:

- Сестра? Как ты... Как ты себя чувствуешь? Я только сегодня вернулся из полка и узнал... Узнал, что к тебе можно... Ты здорова?

- Благодарю, милорд. Я вполне здорова и рада вас приветствовать, — произнесла Айлин с должной любезностью и удивилась: оказывается, ей совсем не обидно. Вот ни чуточки! А непринужденная вежливость дается так легко, словно они расстались несколько часов назад, а не пять долгих лет. - Надеюсь, ваша служба тоже проходит благополучно?

- Айлин... - Артур чуть отшатнулся и растерянно взгляделся в нее, но тут же снова заговорил: - Я так рад! Матушка права, ты совсем... совсем взрослая! И такая красивая... Прости... Я знаю, мне следовало давно приехать, но ты не отвечала на письма, а я...

И правда, не отвечала. Айлин вспомнила конверты, которые аккуратно приходили на каждый праздник, и ощутила нечто вроде укола совести. Так Артур действительно хотел помириться? Эти письма... Они были не только ради этикета? Но... тогда почему действительно ни разу не приехал? Матушка не отпускала далеко от юбки?!

Она привычно искала в себе злость и обиду, но что-то подсказывало, что вот с таким Артуром, тоже вытянувшимся, повзрослевшим, где-то заполучившим тонкий шрам над правой бровью - она, может, и смогла бы общаться. Ну вдруг?

- Я... Мне жаль... — выдавила Айлин и спохватилась: — Да проходите же, прошу! Миледи, присаживайтесь! Лорд Артур...

- Ты можешь звать меня братом, — укоризненно сказал... ее брат?

Все-таки брат, а не просто чужой человек? Может, и леди Гвенивер, наконец, что-то поняла?

- Дорогая, неужели ты живешь в этой... комнате? - протянула леди, оглядывая палату, в которой, как нарочно, наблюдался некоторый беспорядок.

Нет, разумеется, в лазарете везде было чисто, но... Пара мантий, что они с Иоландой подгоняли все утро, так и осталась висеть на спинке стула, чашки из-под шамьета стояли на столике рядом с букетом роз, уже слегка увядших... На кровати Лучано поверх покрывала лежал футляр с Ласточкой, за которой Айлин клятвенно обещала присмотреть, и одна из потрепанных в дороге сумок итлийца, а из-под кровати Аластора предательски выглядывали задние лапы и хвост развалившегося там Пушка. И это еще Перлюрена забрала Иоланда!

- Это называется палата, миледи, — церемонно подсказала Айлин. - Да, пока что я живу именно здесь.

«В лазарете, где мне едва спасли жизнь после того, что я сделала», — хотела добавить она, но подумала, что это будет слишком хвастливо. Отец никогда не хвалился тем, что совершил на войне.

Поджав губы, леди присела на другой стул, свободный от мантий, Артур же, окинув палату внимательным взглядом, наверняка тоже заметил все, но... промолчал и просто встал возле шкафа, неуловимо напоминая выправкой и отца, и лорда Кастельмаро, и вообще всех знакомых Айлин взрослых магов-боевиков.

- В каком полку ты служишь? - спросила Айлин, когда молчание начало становиться неловким. - И где он сейчас?

- Во втором рейтарском, — оживился Артур. - Сначала я служил под началом лорда Кастельмаро, мы гоняли мародеров под Дорвенной, а потом нас отправили в Мервиль на истребление демонов. Те еще твари! О, прости, тебе, наверное, неприятно о них слушать...

Его скулы едва заметно порозовели, и брат запнулся, виновато посмотрев на Айлин, которая фыркнула про себя. Вот в этом ничего не изменилось! Он до сих пор думает, что она изнеженная девчонка!

- Я видела демонов, — ответила она коротко, а потом не удержалась и невозмутимо добавила, бросив короткий взгляд на Гвенивер: — Твари и правда противные, но горят неплохо. Главное, близко их не подпускать.

- А... это да, — растерянно согласился Артур и вздохнул: — Айлин, ты... тебе еще долго здесь нужно находиться? Я могу поговорить с целителями... И мы поедем домой!

На миг мелькнуло подозрение, что Артур знает о браслетах, о том, что ее магический дар надолго заблокирован. И сразу же Айлин прошла игла страха, что брат собирается забрать ее в особняк Ревенгаров. Официально он все еще глава ее рода, у него есть на это право! Тетушка давным-давно объяснила, что отречение двенадцатилетней девочки не может быть признано по закону, даже если было сделано при свидетелях. Она же была несовершеннолетней и по светским законам, и по орденским.

- Домой? - уточнила Айлин с проснувшейся подозрительностью. - Зачем?

- Погостить, - также растерянно и вроде бы искренне отозвался Артур. - Мы долго не виделись! Неужели тебя не отпустят? Если нужно, я заплачу целителям, чтобы они послали с тобой кого-нибудь. У меня такой короткий отпуск, я хочу провести его с семьей, и еще... есть некоторые обстоятельства...

Светлые скулы Артура, гладкие и чистые, как у девушки, порозовели еще сильнее, а леди Гвенивер, снова сладко улынувшись, пояснила:

- Дорогая, мы приехали с прекрасным известием! Артур так застенчив, он не решается сказать...

- Матушка! - воскликнул Артур, обернувшись к ней, и Айлин про себя хихикнула: кажется, подозрение в застенчивости лейтенанту второго рейтарского полка не показалось лестным. - Позвольте, я сам.

Снова повернувшись к Айлин, он быстро облизал губы, сглотнул, вскинул подбородок, выпрямившись еще сильнее, и выпалил:

- Сестра, сегодня у меня просили твоей руки! Очень достойный человек!

- Моей... руки? - ошеломленно переспросила Айлин, разом лишившись всякого желания шутить даже молча. - Руки?!

- Ну да, — подтвердил Артур, и его светло-серые глаза просто просияли искренней радостью. - Разве не прекрасно? Это великолепная партия, а главное, я уверен, что ты... очень дорога этому человеку.

- Очень дорога... — снова повторила Айлин.

Мысли метались, как переполошенные летучие мыши - видела она такое в старых склепах. Артур смотрел на нее ликующе, леди Гвенивер - с непроницаемой любезной улыбкой, от которой Айлин уже мутило. И никак не удавалось понять, неужели Кармель отправился переговорить с ее родственниками, не предупредив?! Нет, он не мог... Он так деликатен! И он отлично знает, что Айлин об этом думает... Нет, невозможно. Разве что... он хотел сделать сюрприз?

- Могу я узнать, кто этот достойный человек? - осторожно спросила Айлин, складывая руки на

коленях и прикрывая ладонью второй руки палец с обручальным перстнем.

Если Артур назовет имя магистра Роверстана... Ох, она простит это Кармелю! Наверное, он действительно хотел сделать ей приятное, притом она ведь сама желала стать настоящей леди, безупречной хотя бы после свадьбы, раз уж сейчас от ее репутации...

- Лорд Бастельеро! - выпалил Артур и уточнил, словно в этом была необходимость: — Лорд Грегор Бастельеро!

- Лорд... Бастельеро... — повторила Айлин, словно во сне, и вдруг очнулась: — Он просил моей руки?! У тебя?!

- А у кого же еще? - недоуменно воззрился на нее Артур.

Действительно, у кого еще?! После ее отказа лорд Бастельеро не придумал ничего лучше, чем отправиться к ее брату! И договориться с ним, словно Айлин - бессловесная тварь вроде лошади, которую можно просто продать! Передать из рук в руки, не спросив ее мнения!

- Это прекрасная партия, дорогая, — вставила леди Гвенивер, немного подаваясь вперед и жадно, как показалось Айлин, глядя ей в лицо. - Лучший жених королевства! Ах, дорогая, как же я за тебя счастлива!

- Счастливы? И ты тоже? - яростно взглянула она в лицо Артура, на котором радость медленно сменялась недоумением. - А меня никто не желает спросить, хочу ли я выходить за него замуж?

- Так я ради этого и приехал, — заверил ее Артур. - То есть... Не только! Я просто хотел тебя повидать, клянусь Пресветлым! Но лорд Грегор просил... И я обещал узнать у тебя... Айлин, ты примешь его предложение?

- Разумеется, она его примет! - снова подала голос леди Гвенивер. - Как иначе?

- Матушка! - уже раздраженно оборвал ее Артур. - Прошу вас! Я хочу услышать Айлин!

«Услышать... Услышать ее... То есть Артур еще не дал согласия? - Мысли продолжали перебивать одна другую, и Айлин прижала к загоревшимся щекам ладони. - Он еще не согласился. Все-таки не предал меня окончательно... И, значит, еще не все потеряно... Ну конечно, он же просто не знает! Артур не знает, что у меня есть жених! Брат беспокоится, что теперь, без репутации приличной девицы, я не смогу найти себе мужа, вот и... Ну да, лорд Бастельеро и вправду прекрасный жених... Знатен, богат, прославился подвигами и на вершине карьеры... И даже не был женат! Прекрасный, просто великолепный жених... вот только что же он преследует именно меня?! Можно подумать, на свете мало девиц! Да любая в Дорвенанте будет счастлива! А он по-прежнему думает, что обязан... Баргот бы побрал все его обязательства!»

Айлин убрала руки от лица и с вызовом посмотрела на Артура. В сторону леди Гвенивер ей и взгляда кидать не хотелось - там она помощи точно не дождетсЯ.

- Артур... Милорд брат мой, - поправилаcь она, вспомнив, как для Артура важен этикет. - Я благодарю вас за заботу. И очень рада увидетьcя, честное слово. Я... Наверное, я была неправа, не отвечая на ваши письма. Мне жаль... И я надеюсь, что теперь все будет иначе, но... - По мере ее слов на лицо Артура возвращалось все то же искреннее удовольствие, даже счастье, так что Айлин почувствовала себя негодяйкой, отнимающей у ребенка леденец, но решительно закончила: — Я не выйду за лорда Бастельеро. Простите. Я... У меня...

- Как не выйдешь? - взвизгнула леди Гвенивер, вскакивая. - Глупая девчонка! Да ты что, не понимаешь, какая это честь?! Лорд Бастельеро берет тебя в жены, несмотря на репутацию! Тебя! Мне вся столица наперебой пересказывает, как ты таскалась неизвестно где с двумя мужчинами... Спала с ними в этой... как ее... Одна! И ты еще смеешь отказывать жениху? Который так великодушен, что обещает никогда тебе этого не припоминать?!

- Матушка! Прошу вас! - рыкнул Артур. - Прекратите!

- Великодушен? - по-гадючьи прошипела Айлин. - О, в самом деле, какое беспримерное... великодушие... Он обещает мне не припоминать?

- Айлин! Матушка! - воззвал Артур. - Перестаньте, прошу вас! Айлин, сестра, ты неверно поняла! То есть лорд Грегор действительно обещал, но лишь потому, что не считает тебя... падшей. Он так не думает, понимаешь?

- Премного ему благодарна! - выкрикнула Айлин. - И за оказанную честь - тоже! Но уж как-нибудь постараюсь без нее обойтись! А если я слишком испачкана для вашего добродетельного дома, так и в гости не напрашиваюсь! Подумаешь, пять лет обходилась - и еще всю жизнь обходиться готова! А

вы, миледи, передавайте этой вашей всей Дорвенне... Впрочем, нет, от меня ничего не передавайте! Эти сплетницы не заслужили, чтобы я перед ними оправдывалась!

- Айлин... — Растерянный Артур сделал к ней шаг, пытаясь то ли обнять, то ли удержать...

Вскочив, Айлин мгновенно оказалась за кроватью, выкрикнув:

- Не подходи! Я никуда не поеду, слышишь? И за лорда Бастельеро не пойду! Никогда! Ни за что! Будь он хоть последним мужчиной в Эдоре!

- Дура! - снова взвизгнула леди Гвенивер. - Останешься с репутацией шлюхи? Опозоренной девки?

- Не ваше дело! - крикнула Айлин, с ужасом чувствуя, как к горлу подступают рыдания.

Нельзя! Нельзя плакать перед этими... Она должна быть сильнее!

- Айлин, перестань! - прикрикнул теперь уже на нее Артур. - Матушка, прошу вас замолчать!

- Паршивка! - не унималась леди, сплетя перед собой руки и напоказ ломая пальцы. - Неблагодарная мерзавка! Артур, ну что ты ее слушаешь? Немедленно заведи домой! Вот этому ее здесь учили пять лет?! Развратничать?! Не слушаться брата?! Ты глава рода, не забывай об этом!

- Матушка! Да прекратите же!

Айлин в отчаянии оглядела палату, как никогда остро, до боли жалея о браслетах-ограничителях. Будь она магессой, никого не подпустила бы к себе! А потом... Потом... Конечно, лорд Бастельеро разгневется! Пусть даже ей придется уйти из Академии! Но Кармель ее не бросит, он заберет ее... Дурочка, ну почему она сама не уговорила его ехать в храм Странника?! Сейчас показала бы настоящий обручальный перстень - и все! Над замужней женщиной никто не властен, кроме мужа, а леди Гвенивер захлебнулась бы ядом!

- Только попробуйте меня забрать силой, прокляну! - звонким от отчаяния голосом воскликнула Айлин и сложила пальцы в совершенно бессмысленную фигуру.

Леди Гвенивер побелела и завизжала. Артур мгновенно оказался между нею и Айлин, что-то говоря, его губы шевелились, но за верещаньем ничего не было слышно. Дверь распахнулась, и в палату влетел дежурный целитель, а следом за ним еще один. Мгновенно оценив обстановку, они подхватили леди Гвенивер под руки и вынесли из палаты, на ходу уговаривая успокоиться. Дверь с шумом хлопнулась, и Айлин осталась наедине с Артуром, который смотрел на нее с изумленным гневом.

- Айлин... Ты... Прокляла бы матушку?!

- А ты попытайся забрать меня домой - и узнаешь! - огрызнулась Айлин, борясь со слезами. - Ненавижу ее! Ненавижу, слышишь?! Почему она... все портит?! Всегда?!

- Айлин, она... Она тебя любит! Нуда, по-своему! Матушка бывает очень резка... - торопливо поправился Артур. - Но... Айлин, подумай, прошу тебя. Не так уж она права! Я не собираюсь тебя принуждать, клянусь! Но чем тебе не нравится лорд Бастельеро?! И что, если ты действительно больше ни за кого не выйдешь замуж?! Я надеялся, что к тебе посватается Эддерли или Аранвен. Вы дружили, да и по возрасту они больше тебе подходят... Но ты же сама видишь...

- Не твое дело, за кого я выйду, — всхлипнула Айлин, чувствуя, что вот сейчас у нее никаких сил говорить о Кармеле, признаваться, что уже помолвлена и счастлива.

Только не после всей этой грязи! Ее называли шлюхой! Неблагодарной! И развратницей! И еще как-то... А Артур считает это всего лишь резкостью? И после этого разговаривать с ним о чем-то?

- Ну, хватит, — нахмурился брат, разглядывая ее с выражением, которое Айлин сквозь пелену слез, застеливших глаза, не смогла понять. - Прости, сестра, но я вижу, пребывание в Академии тебе и правда не на пользу. Обещаю, дома тебе станет легче. Я поговорю с матушкой, она извинится. А ты отдохнешь...

- Никогда! - яростно сообщила Айлин, и тут дверь опять распахнулась. - Я никогда... О, Претемнейшая, как же вы вовремя! - выдохнула она с невероятным облегчением, встретив удивленные взгляды Аластора и Лучано.

Вот и единственно возможный выход из всей этой мерзости! Два свидетеля благородной крови - вполне достаточно! А то, что один из них король, это еще лучше! То, что сделано в присутствии его величества, никто не посмеет оспорить!

- Прошу вас быть свидетелями! - снова звонко крикнула она сквозь слезы, что уже текли по лицу. -

Я, Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Ревенгар! По доброй воле отрекаюсь от рода моих предков! Отрекаюсь от крови Ревенгаров! От их защиты, их помощи, их наследства, любых клятв, исполненных и не исполненных! Отрекаюсь! Отрекаюсь!

- Айлин! С ума сошла! - отчаянно крикнул Артур и рванулся к ней, но Лучано с кошачьей ловкостью поставил ему подножку, и брат... бывший брат полетел на пол, выставив перед собой руки.

Тут же вскочил, обернулся и зло велел:

- Оставьте нас! Моя сестра не в себе!

- Уже нет, — с горькой усталостью возразила Айлин, не пытаясь остановить слезы. - Я вам больше не сестра, лорд Ревенгар. И прошу вас покинуть эту палату, ясно? Вам здесь не место. - Она рассмеялась, сама испугавшись собственной странной веселости, и добавила, переводя взгляд с Артура на Аластора и Лучано: - Прошу вас уйти... милорд... Вы ведь так... чтите этикет... Я не могу находиться рядом... с посторонним мужчиной... Да уйдите же! - сорвалась она на крик и бессильно опустила на подвернувшуюся кровать Аластора.

- Это ничего не значит! - отчаянно сказал Артур. - Господа, это наше семейное дело! Оставьте нас! Я должен успокоить сестру!

- Сестру? - тихо, очень мягко и почему-то жутко выдохнул Аластор. - Сестру, да? Которую ты довел... до такого?

А потом просто взял Артура в охапку и... вынес из палаты в коридор. Айлин услышала притушенный вскрик, потом какой-то грохот.

- Убьет же... — одними губами прошептал Лучано и вылетел вслед за ними.

«Вот и все, — отрешенно подумала Айлин, у которой слезы наконец-то хлынули, больше ничем не сдерживаемые. - Теперь все по правилам. Я теперь безродная... простолюдинка. Теперь уже точно не леди. И если Кармель... Если он не захочет... Я его даже осудить не смогу... И не жалею, ясно?! Ни о чем не жалею...»

Из коридора доносились непонятные звуки, голоса, но она рухнула на постель и зарыдала, сотрясаясь от всхлипываний.

- Продай, — посоветовал Аластор, задумчиво рассматривая красивого солового жеребца с белой отметиной на лбу. - Или в карты проиграй при случае.

- Что, плохой? - удивился Лучано.

Знатоком лошадиных статей он себя не считал, но конь, на его взгляд, был исключительно хорош - поджарый, с тонкими стройными ногами, гордо посаженной головой и хитрыми блестящими глазами. Выведенный конюхом во двор, он нетерпеливо переступал копытами, помахивал роскошным хвостом и пофыркивал, словно красуясь перед зрителями.

- Сорочий глаз, — уронил Аластор. Снисходительно глянул на ничего не понявшего Лучано и пояснил: — Посмотри, у него белки вокруг зрачков видно. Верная примета, что характер дурной. Не просто норовистый, а с хитринкой, причем не узнаешь, когда она вылезет. Будешь месяцами на нем ездить, а потом он подгадает момент - и скинет тебя. Так-то жеребчик славный, дадут за него немало, но всадник ему нужен другой, в тебе он мигом слабину почувствует.

Он уверенно погладил коня по морде, и жеребец притих, но все равно косился на людей этим своим сорочьим глазом, которого Лучано ни за что бы не заметил и не распознал. Интересно, а Саграсс эту загадочную примету видит? Боевик держался немного в стороне, храня почтительное молчание в присутствии короля и нового начальства. Лучано с сожалением посмотрел на солового красавца и молча согласился, что конь, от которого нужно ждать пакостей в самый неподходящий момент, ему никак не подходит. Вот чем хороши кобылки лорда Кастельмаро, так это покладистым характером и замечательной выучкой. Эх, бедная Беллочка...

- Ты же все равно едешь на Донне, разве нет? - спросил Альс, будто читая его мысли. - Чем она тебе плоха?

- Может, тем, что ее стоит вернуть? - вздохнул Лучано и признался: - Хотя очень не хочется!

- Ну и не возвращай, — пожал плечами Альс. - Скажи Кастельмаро, я ему отдам взамен пару не хуже. А если вдруг упрется, предложи этого жеребца, он отличных фраганских кровей, на таком и лорду из Трех Дюжин ездить не зазорно. Кастельмаро - всадник опытный, у него соловый не

забалует.

- Спасибо, — с искренней признательностью кивнул Лучано и махнул конюху, который поспешил увести жеребца. - Ну что, посмотрим палаццо? Прошу, благородные синьоры!

Немедленно подскочивший управляющий вывел их во двор, аккуратно мощеный и чисто выметенный, но унылый - ни кадок с цветами, ни нарядной террасы с навесом, увитым виноградными лозами. Лучано вспомнил сад мастера Ларци - и молча вздохнул опять. Хороший садовник быстро поправит дело, но стоит ли его нанимать? Что бы ни говорил Альс, но поверить, что гильдия его отпустит, Лучано не мог. А если даже... Еще ведь имеется проклятие, спящее под сердцем, и предсказание Минри. Нет, обживать особняк, рассчитывая на долгую жизнь, вряд ли стоит.

С другой стороны, вот синьор Саграсс еще пару дней назад был уверен в скорой казни - и что? Осматривает вместе с ними большой двухэтажный дом, изо всех сил пытаясь не показывать растерянность от таких перемен в своей судьбе. Лучано про себя усмехнулся, слушая рассказ управляющего о перестройках, сделанных при прежнем хозяине, и мысленно вернулся на пару часов назад.

...Приведя боевика в комнату, смежную с королевской спальней, он снова растопил магическую жаровню и поставил шэнье, пояснив:

- Вы ведь так и не выпили шамьета в компании его величества и грандсиньора канцлера, верно? А если нам предстоит работать вместе, я просто обязан выяснить, какой шамьет вы предпочитаете.

- А он бывает разный?

От удивления Саграсс на мгновение оттаял, и Лучано фыркнул:

- Представьте себе! Ладно, для начала попробуем почти обычный рецепт! Да присядьте же, Лионель!

Он и сам не знал, почему сразу взял с боевиком именно такой тон, почти дружеский, слегка снисходительный и очень далекий от этикета, обязательного между двумя благородными синьорами, один из которых выше по происхождению, а второй - по положению. Может быть, потому, что с этого началось их знакомство в тюрьме Академии. А может, потому что прекрасно помнил отвратительного старика, который был начальником Саграсса раньше. Помнил - и собирался сделать все, чтобы обернуть сравнение в свою пользу.

Синьор камердинер вчера прекрасно поработал: в новеньком мундире и начищенных сапогах, аккуратно подстриженный и до блеска выбритый, боевик ничем не напоминал усталого отчаявшегося человека, которого Лучано привез из тюрьмы. И хорошо, просто беллссимо! Пусть привыкает, что у него начинается новая жизнь, которой он обязан лорду Фареллу как недвусмысленно указал Альс. А уж Лучано постарается прибрать единственного пока подчиненного к рукам.

Корица, чуточку шафрана, немного муската... Очень теплый аромат, расслабляющий! Последним ингредиентом стала капля средства, которым мастер Ларци поил самых неразговорчивых и хмурых собеседников. О, ничего действительно серьезного! Просто мир покажется синьору Лионелю немного ярче и уютнее.

Он разлил шамьет по чашкам, опустился в кресло напротив Саграсса, который даже сидеть умудрялся навтыжку, и поинтересовался:

- Скажите, Лионель, сколько вы получали жалованья на прежней службе?

- Тридцать флоринов, милорд, — напряженно отозвался боевик.

- Это много или мало? - Лучано пригубил шамьет и доверительно признался: — Я совершенно ничего не понимаю в дорвенантских ценах. За эти деньги благородный синьор вроде вас может позволить себе приличную жизнь?

- За эти - может, — уверенно сказал боевик и тут же вздохнул: - Но, видите ли, милорд... — Он немного помялся и продолжил: — Из этих трех десятков отнимите восемнадцать флоринов, которые я сразу возвращаю казначею Ордена - долг за собственное обучение и плату за двух моих братьев. Если бы не это...

- Вы могли бы сами выбирать место службы? - подсказал Лучано, и Саграсс кивнул. - То есть на жизнь вам остается двенадцать, так?

- Совершенно верно. Это немного меньше, чем получает рядовой преподаватель Академии. И будь я

один, мне бы вполне хватало, но мать и братья - вы же понимаете?

Лучано вполне понимал. Даже если мальчишки большую часть времени проводят в Академии, ведь есть еще выходные и вакации. Двух благородных синьорино и немолодую синьору следует кормить, одевать, поддерживать в порядке дом, где они живут.

- Ну вот, а еще особняк, — продолжил Саграсс, глотнув шамьета. - Жалованье слугам, скромный выезд для матушки и пара верховых лошадей для братьев. Я-то сам ездил на лошади из конюшен Академии, в нашей службе это допускается...

«Лошадь - казенная, обеды - тоже, — продолжил про себя Лучано. - А если на службе выдавали или оплачивали мундир, то могу поставить сотню золотых скудо против медяка, что другой одежды в гардеробе синьора Саграсса и не сыскать».

- Понимаю... — протянул он. - И сколько еще вы должны были возвращать долги Ордену?

- Полтора года, — так быстро ответил Саграсс, что сразу стало понятно - он считает не только месяцы до окончания срока, но даже дни. - Я учился двенадцать лет, получил перстень в двадцать четыре. Вот к тридцати шести бы как раз и расплатился. Можно и раньше, но...

- Не тогда, когда учишь двух братьев, — закончил за него Лучано.

Боевик сконфуженно пожал плечами и сделал еще пару глотков. Через несколько мгновений его плечи, наконец, перестали казаться каменными, а спина из напряженно вытянутой превратилась просто в ровную. Лучано подsunул ему булочки, утром принесенные с кухни, и проделал нехитрые вычисления. Получалось, что на сегодняшний день цена относительной свободы боевика составляет чуть больше ста флоринов.

- Вы прекрасный старший брат, Лионель, — задумчиво подытожил Лучано. - И почтительный сын. Двенадцать флоринов... Как на них вообще можно прожить целый месяц?!

Он вспомнил последнюю пирушку с Фелиппе и Витторио, за которую оставил дядюшке Беппо пять скудо. Всего за один вечер! Конечно, trattoria у Беппо недешевая, но ведь и Шипы - не благородные синьоры.

Саграсс снова пожал плечами, деликатно пощипывая булку и запивая ее шамьетом.

- Иногда я подрабатывал у артефакторов, — признался он. - Заряжал накопители, ставил щиты при опасных работах. Мэтр Денвер был недоволен, но ничего не мог с этим поделать, пока мне хватало резерва для службы. Скажите, милорд... — Он слегка замялся, потом глотнул еще шамьета и спросил: — Каковы мои непосредственные обязанности? Насколько я понял, вы будете выполнять личные поручения его величества. А я?

- А вы - следить, чтобы мне при этом не оторвали голову, — улыбнулся Лучано. — Кроме того, предупреждаю, я буду задавать очень много вопросов, Лионель. Про ваш Орден, про Дорвенант и жизнь в нем...

- Понимаю, милорд, — коротко ответил Саграсс, с некоторым удивлением посмотрев в чашку и обнаружив, что она совершенно пуста. - И приложу все усилия, чтобы быть полезным.

В дверь постучали, и нарядный паж лет двенадцати протянул Лучано конверт, пояснив:

- Письмо для лорда Фарелла! Это же вы, милорд?

Лучано согласился, что лорд Фарелл - именно он, и осторожно вскрыл конверт, подумав, что нужно завести для этого особые принадлежности. Аластор сколько угодно может утверждать, что в Дорвенанте не травят, но любому Шипу известна пара зелий, способных превратить бумагу в смертельную ловушку. А ему - Лучано - около дюжины!

Письмо оказалось от банкира, который поздравлял лорда Фарелла с обретением королевской милости, призывал на его голову многочисленные благословения, выражал, заверял и так далее... Лучано пробежал послание взглядом, выхватив главное. Палаццо на Голубиной улице, подаренное ее величеством, имеет безупречную репутацию. Сейчас там проживает восемь слуг, ожидающих нового хозяина.

«Сколько? - удивился Лучано. - Впрочем... Это мы с мастером Ларци обходились приходящей прачкой. Мастер сам готовил и ухаживал за садом, я мел двор и драил полы... А здесь все как положено в богатом доме! Кухарка, горничная, садовник, конюх, управляющий или экономка. Еще какая-нибудь кухонная девка, она же прачка, истопник... И это самое меньшее!»

- Лионель, — задумчиво обратился он к боевику, — не хотите со мной прогуляться? Ее величество

пожаловала мне собственный дом, а я там еще не был...

- Меня, значит, не зовешь? - раздалось от двери, смежной с королевской спальней, и на пороге появился хмурый Аластор. - Ну, тогда я сам попрошусь. Голова трещит от всех этих бумаг. А потом заедем в Академию. Мне там нужно кое с кем поговорить, а тебе кое-кого забрать.

- Прекрасный план, монсиньор! — согласился Лучано с подчеркнутой серьезностью, пока Саграсс, разумеется, вскакивал. - Но разве вам не нужно взять с собой охрану?

- Вас двоих вполне достаточно, — поморщился Альс, растирая виски. - Пойду предупрежу камердинера и едем!

Он вышел, а Лучано посмотрел на письмо банкира и кое-что вспомнил. Достал второе из оставшихся денежных поручительств и глянул на сумму. Ну что ж, двести флоринов - вполне прилично для того, о чем он подумал.

- Возьмите, — протянул он бумагу Саграссу. - Предъявите в итлийском банке и получите деньги. Из них заплатите оставшийся долг Ордену.

- Да, милорд! - Саграсс бережно принял документ. - Получается, я теперь должен лично вам? Или казне?

- Никому вы ничего не должны, — вздохнул Лучано. - Вы на каторге, не забыли? Сто с лишним флоринов - на погашение долга. Еще сорок - ваше жалование за месяц вперед.

- Жалование на каторге? - изумленно уточнил боевик. - Выше, чем в службе безопасности Ордена?!

- Не забывайте, что вам придется терпеть новое начальство в моем лице! - парировал Лучано. - И достойно представлять при дворе нашу службу. Кстати, остальные деньги оставьте себе на расходы. Вам ведь придется вернуть Ордену лошадь и сменить мундир на обычную одежду, м?

- Д-да, милорд! - выдохнул Саграсс. - Благодарю...

...Управляющий что-то сказал, и Лучано понял, что слишком отвлекся.

- Простите, синьор? - переспросил он, оглядывая просторную комнату с большими арочными окнами.

- При старом хозяине здесь была гостиная с теплыми полами, — гордо повторил управляющий. - В подвале есть особая печь, ваша светлость, она греет воду, и та идет по трубам сюда и в спальню. Новомодное устройство, дорогое!

Аластор одобрительно кивнул, а Лучано сначала подумал, что в теплых полах нет ничего особенного, это не сложнее, чем арлезийские купальни. А потом сообразил, что означают подобные удобства при местных зимах, и преисполнился уважения к прошлому владельцу особняка. Человек явно понимал толк в жизни!

- Надеюсь, эта система работает? - уточнил он и по-новому взглянул на комнату, чувствуя себя как-то странно.

Так, будто действительно собрался здесь жить или хотя бы проводить много времени. Впрочем... Некоторые дела, которых требует его новая должность, во дворце неуместны. С нужными людьми там не встретишься, зато любопытные носы, глаза и уши на каждом шагу. А здесь прекрасный тихий район, где каждый лишний человек будет на виду, добропорядочные соседи, как уверяет синьор управляющий... Прямо как в Вероккье! Мастер бы одобрил... Потом, когда вволю просмеялся бы.

«Ты высоко взлетел, мой мальчик, — услышал он словно наяву голос Ларци. - Но с высоты больше падать. Подумай хорошенько, стоит ли оно того? Не лучше ли вернуться домой?»

«Не попробую - не пойму, мастер, — почтительно ответил он этому голосу. - Да и что мне терять? Вы-то знаете, я никогда не стремился стать грандмастером. А учитывая цену, которую придется заплатить, - и тем более. Живите сто лет, мастер, я буду только рад, если мне никогда не придется вам наследовать. А здесь и сейчас я нужен Альсу. Это так странно и хорошо - быть кому-то нужным по-настоящему!»

«Ну-ну, — отозвался Ларци. - Развлекайся...»

И смолк.

Лучано еще раз оглядел гостиную, вспомнил пустую библиотеку, которая так и напрашивалась устроить в ней лабораторию - только вытяжку поставить! - и прикинул, что весь первый этаж легко

переделать. Он даже знает - как! Устроить комнату для встреч с прямым выходом на улицу, подготовить смежную с ней для охраны... Ах да, здесь маги вместо арбалетчиков. Ну что ж, у него теперь есть Саграсс, а еще нужно найти хорошего некроманта. Иногда способность поболтать с покойниками может оказаться бесценной! Управляющий кажется смекалистым, но к нему в любом случае придется нанять надежного счетовода, не самому же платить жалование людям, покупать корм для лошадей, припасы и всякую мелочь вроде леденцов для уличных мальчишек, которые могут пролезть туда, куда лорда Фарелла уже не пустят. Леденцов и монеток для этой вездесущей своры жалеть нельзя! Зато он будет знать все, что делается в городе...

- О чем думаешь? - спросил Альс, и Лучано честно ответил:

- О том, сколько всего понадобится, монсиньор. Если, конечно, вы затеяли это всерьез и надолго.

- Всерьез, — кивнул Альс, поняв его с полуслова. - А ты что же, хочешь использовать собственный дом?

- Почему бы и нет? — улыбнулся Лучано. - С чего-то надо начинать, м? Палаццо - это самое простое, подобрать людей гораздо сложнее. Нужны надежные, умелые и неболтливые.

- Ищи, — решительно сказал Аластор. - Я лучше уволю несколько дюжин бездельников, но на это деньги дам.

- Да, монсиньор, — кивнул Лучано и повернулся к управляющему. - Ну что ж, синьор, благодарю вас. Я увидел все, что хотел. Скоро приеду еще раз, а вы пока подготовьте счета за последний год, я хочу посмотреть, во сколько обходится содержание такого прекрасного дома. Думаю, я здесь кое-что перестрою... Прислуги хватает?

- Садовник уже совсем старый, ваша светлость, — признался управляющий. - Видит плохо, сад запустил. А горничная, подлая девка, месяц назад принесла в подоле. Умолила дать ей время, чтобы оправиться после родов, но жалование, конечно, я ей за этот месяц платить не стал. Прикажете их выгнать?

И посмотрел так преданно, что Лучано передернуло.

- Не вздумайте, — приказал он и услышал в голосе невесть откуда взявшиеся интонации мастера Ларци. Управляющий тоже их услышал и замер, как птица перед змеей. - Садовнику наймите помощника, а если совсем не может работать... Пусть доживает, сколько ему боги отмерили. Кормить по-прежнему и платить треть жалованья. Горничная... Кто отец, известно?

- Нет, ваша светлость. Дура-девка клянется, что насильничали ее. Может, и не врет... Но все одно позор для приличного дома!

- Если не ошибаюсь, это теперь мой дом, и что для него позор, решать буду я, — ласково сказал Лучано, но управляющий часто-часто заморгал, словно не понимая. - Наймите еще одну горничную, а эта пусть ходит за ребенком. Жалованье за месяц выплатить, кормить вволю и на работу пока не гнать. И для ребенка пусть берет, что нужно. Белье там старое, одеяла... Есть же у вас такое в запасах?

- Как не быть, ваша светлость! - выпалил управляющий, глядя на него с недоумением. - Но это что же такое, дармоедов держать в доме? Ладно - старик, он тут всю жизнь прожил, а это же девка гулящая! Пока щенок мелкий, толку ни от него, ни от девки не будет! Он не слуга, она не работница. И позор ведь! У нас приличный дом, ваша светлость! А я ей говорил: снеси его в приют Всеблагой! Так уж и быть, забудем, что такое дело получилось... А она ревет, дура, и не хочет ни в какую!

- В приют, м?-улыбнулся Лучано, чувствуя, что губы почему-то немеют. - Да вы богобоязненный человек, синьор! Нравственный... С твердыми принципами...

- Приличия знаем, ваша светлость! - с облегчением подтвердил управляющий, и Лучано окончательно изменил мнение насчет его ума.

- Вон из моего дома, — сказал он устало. - Вы, а не девка и старик-садовник. Сегодня же. Нет, прямо сейчас. Все ключи немедленно сюда, бумаги я сам разберу, не трудитесь. Час на сборы, а если не успеете, выкину, в чем будете. Мы ведь сможем заехать сюда на обратном пути? - обратился он к Аластору, что разглядывал управляющего с холодным неодобрением.

- Обязательно, — подтвердил его величество. - Только час на сборы, да еще без нас, это... непредусмотрительно. Милорд Саграсс, там за нами ехали двое от самого дворца - позовите!

- О, ты заметил, — усмехнулся Лучано. - Грандсиньор канцлер проявляет заботу, ты же понимаешь?

- Предпочитаю заботу, о которой знаю, — отрезал Аластор, когда боевик вышел. - Кстати, к тебе у меня тоже имеется вопрос. Какого Баргота ты молчал, как обстоят дела с твоим контрактом? А если бы мне Аранвен не рассказал?!

- Ты только вчера принял наследство, — напомнил Лучано. - И на тебя сразу столько взвалили, что добавлять еще и мои заботы... Я решил, что время есть. За пять месяцев многое может измениться!

- Давай я сам буду решать, что на себя взваливать и когда, — буркнул Аластор, несколько смягчаясь. — Ага, вы вовремя, господа! - Он круто развернулся к двоим неприметным синьорам, покорно вошедшим вслед за боевиком. - Один останется здесь и присмотрит за этим человеком, — кивнул он на бледного управляющего, что ловил воздух ртом в попытках что-то сказать. - Второй отправится в особняк Вальдеронов. .. Знаете, где это? Прекрасно! Скажите сударыне Боуне, нашей экономке, что я прошу ее приехать и принять у местного управляющего ключи. А потом помочь ему собрать вещи, чтоб ни одна серебряная ложка случайно в карман не провалилась.

- Ваши светлости! - возопил управляющий, переводя взгляд с него на Лучано и обратно. - Я много лет! Верой и правдой! Ни крошки хозяйской... А вы меня... даже без рекомендаций?! За что?! Я же... Я...

В его выпученных глазах стояли слезы, но вместо жалости Лучано почувствовал брезгливое отвращение. Странно, ведь синьор управляющий был совершенно прав. Он берег хозяйское добро и репутацию. Ах, эта репутация! Бесценная вещь, которая заставляет подкинуть новорожденного в приют, словно ненужного щенка - на помойку. Репутация точно знает, как поделить женщин на честных и падших, а детей — на любимых и ненужных. Репутация всегда права! Люди куда смелее и умнее этого дурака больше жизни боятся потерять репутацию...

- Рекомендации получите у госпожи Боуне, — бросил Аластор. - Если она сочтет возможным их написать. И скажите ей, что я просил присмотреть за этим домом, — снова обратился он к одному из соглядатаев канцлера.

- Да, ваше величество, — прошелестел тот, нечаянно нарушив маску Альса, который изо всех сил пытался снова почувствовать себя обычным дворянином.

- Ве... ве... — обмер управляющий, глядя на Аластора с ужасом.

- Идемте, — бросил Аластор и стремительно вышел во двор, где ждали их собственные лошади.

Выйдя вслед за ним, Лучано немного помедлил, напоследок оглядывая особняк. А ведь мастер говорил избавляться от слабых мест. Надо же... Ведь думал, что прочно забыл обо всем! А стоило прозвучать слову «приют» — и сорвался!

- Запомните этот адрес, Лионель, — сказал он боевику, глядя на мрачные серые стены. Обязательно надо посадить под ними виноград, хотя бы дикий. Заплести снизу доверху под самую крышу, чтобы стало поуютнее. - Думаю, именно здесь будет новая королевская служба.

- Да, милорд, — кивнул тот.

- Мило-о-орд... — усмехнулся Лучано, поглаживая морду потянувшейся к нему Донны и зная, что Альс тоже прислушивается к их разговору.

- Вам стоит кое-что узнать, лорд Саграсс. И если вы после этого предпочтете не общаться со мной сверх необходимого... Что ж, осудить не смогу. Знаете, почему я вышвырнул этого болвана?

- Потому что он болван? - невозмутимо предположил Саграсс. - И посмел вам перечить?

- Нет, — улыбнулся Лучано, в упор посмотрев на боевика. - Потому что я сам - приютский выкормыш, брошенный за ненадобностью. Возможно, вот такой несчастной девчонкой, которой пришлось выбирать между ребенком и голодной смертью или работой в борделе. Этот высоко нравственный синьор, мой бывший управляющий, выбрал очень неудачный способ выслужиться. Во всяком случае, передо мной.

- Ну и Баргот с ним, — равнодушно пожал плечами боевик. - У нас небогатый дом, милорд Фарелл, но старых слуг мы тоже на улицу не выкидываем.

- И это все, что вы можете сказать? - продолжал усмехаться Лучано, чувствуя какой-то темный азарт сродни охотничьему. - Его величество милостиво пожаловал мне титул, но я все равно в душе простолюдин и останусь им, сколько дворянских цепей и перстней на меня ни надень. Хуже того - я безродный подкидыш, дурная кровь, как у нас говорят. Вы еще узнаете, что у меня ни чести, ни совести, а уж о моей нравственности и вовсе хорошего слова не сказать. Уверены, что не хотите попроситься в королевские егеря, пока не поздно? Пока и сами не запачкали рядом со мной доброе имя благородного синьора?

Саграсс ответил ему таким же прямым взглядом поверх конской спины и снова пожал плечами.

- Я боевик, милорд, — ответил он просто. - Это другие маги могут выбирать друзей по крови. А мы, дети Пресветлого, знаем, что есть люди, которым можно подставить спину, и... все остальные. И тут уж неважно, кто природный лорд, а кто родился в канаве, в драке все равны.

- Дорвенант - ужасная страна, — вздохнул Лучано, чувствуя себя неловко. - Стоит мне решить, что я хоть немного его понял, как оказывается, что понял не то, не о тех и вообще не так!

- Вам виднее, милорд, — очень серьезно склонил голову Саграсс, но его глаза неуволимо весело блеснули.

- Сам виноват, — вмешался Аластор, пока Лучано садился на лошадь. - Ну кому еще пришло бы в голову отдать под королевскую службу собственный дом, а потом оставить в нем слепого садовника и служанку с младенцем? Лу, скажи правду, ты хотя бы не собираешься выдать каждому из подчиненных по еноту?

- Енота еще заслужить надо, — мстительно отозвался Лучано и нравоучительно заметил: — Енот - существо нежное, требующее умелого обращения! Можно сказать, дворянин среди простых лесных зверей.

- Это они-то дворяне? - возмутился Аластор, трогая коня с места. - Я этим тварям никогда не забуду свой сапог! Поймать бы это Барготово отродье на месте преступления! И нечего ржать, как жеребец, милорд Фарелл! Вот велю добавить вам в герб енота с сапогом в зубах - будете знать!

- Помилуйте, ваше величество! - сквозь смех покаялся Лу. - Это даже для меня немного чересчур... Ах да, Саграсс, вы-то не знаете героическую повесть о сапоге?

- Кружевные отвороты из резной и тисненой кожи? - уточнил боевик. - Я видел новую моду в Академии, милорд. И некоторые гвардейцы тоже начали так носить из уважения к подвигу его величества. Но причем тут еноты?

- Болваны... — безнадежно простонал Альс, но не выдержал и тоже рассмеялся, махнув рукой.

Путь до Академии пролетел куда веселее, чем дорога до этого. Лучано шутил, Аластор фыркал, и даже Саграсс понемногу оттаял, перестав вздрагивать каждый раз, когда король к нему обращался. Но когда впереди уже выросла крупная каменная кладка древних стен, заросшая мхом и плющом, Лучано почувствовал смутную тревогу, которая сменилась непонятным раздражением.

Аластор тоже нахмурился и, стоило им въехать во двор, с сомнением посмотрел на башни Академии.

- Загляну к магистру Роверстану потом, — решил он. - Сначала навестим Айлин. Лорд Саграсс, вы пока свободны, если у лорда Фарелла нет для вас поручений.

- Увидимся завтра во дворце, Лионель, — кивнул Лучано. - Передавайте привет вашей почтенной матушке.

- Непременно, милорд. Ваше величество!

Боевик отвесил почтительный поклон и куда-то ушел. Как подозревал Лучано - навестить магистра Ладецки. А возможно, и поинтересоваться судьбой гуся, оставленного вчера в тюремной камере.

Аластор же махнул рукой, подзывая юношу в черно-оранжевой мантии, который катил мимо тележку с навозом. Юный синьор маг подбежал и поклонился, с восторгом уставившись на них обоих.

- Вы ведь стихийник? - уточнил Альс, и адепт снова поклонился. - Скажите, кто из ваших наставников лучше всех работает с животными?

- Мэтр Винграс, ваше величество! - выпалил юноша. - Прикажете позвать?

- Не стоит, — отозвался Аластор. - Просто передайте почтенному мэтру мою просьбу. Здесь на конюшне стоит белая арлезийская кобыла, которая принадлежит леди Ревенгар. Ее нужно зачаровать, как положено для лошадей боевиков. Чтобы ничего не боялась... Ну, мэтр в этом разбирается, я полагаю?

- Совершенно верно, ваше величество! - подтвердил молодой маг. - Разрешите идти?

- Идите, — позволил Аластор. - И пусть мэтр пришлет счет за работу мне во дворец! - спохватился он, когда паренек был уже в нескольких шагах.

Адепт удивленно обернулся, но ничего не сказал, а Лучано поинтересовался:

- Ты в самом деле думаешь, что синьор маг выставит счет своему королю?

- Любая работа достойна оплаты, — возразил Альс. - Если он решит сделать мне подарок, возражать не буду, но и заплатить не откажусь. В конце концов, это же я обещал Айлин, что позабочусь о Луне, а не мэтр Винграс. Лу, ты... ничего не чувствуешь?

- На сердце что-то беспокойно, — признался Лучано, и они, переглянувшись, ускорили шаг.

Знакомые коридоры, сначала обшитые дубовыми панелями, затем - выкрашенные в зеленый. Чем ближе была палата Айлин, тем быстрее шел Аластор, стремительный и мощный, как разогнавшийся боевой корабль с полными парусами ветра. Голоса они слышали даже через закрытую дверь! Отчаянный и сбивчивый - синьорины, второй - незнакомый, мужской. Аластор влетел в палату первым, Лучано отстал от него всего на шаг, но тут же скользнул вперед, быстро оглядывая комнату.

Айлин стояла за кроватью, словно прячась, рыжие косы растрепались, глаза полны слез... Она обрадовалась, увидев их с Альсом, но тоже как-то неправильно, болезненно. Лучано слишком поздно понял, что происходит, а вот Альс осознал гораздо раньше, и к острой яркой струе обиды, которой веяло от синьорины, добавилась багровая волна ярости Аластора.

Лучано даже качнуло, так резко его ударило с двух сторон чужими чувствами. А потом Аластор зарычал и вытащил светловолосого гвардио в коридор. В этот миг Лучано ясно понял две вещи. Первое — брат синьорины Альсу не то что не соперник, это как выпустить комнатную собачку против волкодава. И второе - это, дери его Баргот, все-таки брат синьорины! Что она там натворила, разберемся потом. Только бы Альс не удавил мальчишку!

Выскочив следом, он даже не попытался отнять парня. Это у Аластора-то?! Все равно, что отобрать добычу у медведя. А потом стало поздно. Чужая и в то же время какая-то родная злость затопила сознание алым приливом. Лучано отчаянно забарахтался в ней, но смог справиться только с желанием немедленно убить, да и то не полностью. Руки чесались, мышцы дергало, словно это он стоял у стены и размеренно впечатывал в нее белесую физиономию парня, который болтался в лапищах Аластора безвольной куклой.

А потом Лучано заговорил. Слова текли сквозь него независимо от разума и были чужими! Он никогда так не выражался! И никогда не говорил с чистейшим дорвенантским выговором! Его голос никогда не был тяжелым, низким и рычащим...

- Слушайте меня внимательно, лорд Ревенгар! Если вы еще раз посмеете подойти к вашей сестре без ее желания! Если вы обидите ее словом, делом или намерением! Если доставите ей хоть одну неприятную минуту... Пеняйте на себя, слышите?! Я вам голову оторву, щенок вы пар-р-ршивый. .. Я вас без всякой дуэли пор-рву на несколько маленьких Р-ревенгаров! Может, один из них будет поумнее остальных... Ты меня понял, выкидыш Бар-рготов! Позор-р-р своего р-р-рода...

Мальчишка в изодранном и окровавленном мундире пытался что-то сказать, но Аластор не давал ему и рта открыть, а Лучано, стоя рядом, с ужасом понимал, что и сознание, и даже тело у них сейчас будто одно на двоих. Только трясут парня руки Альса, а рот, который выплевывает гневные слова - его, Лучано!

- Вы меня хор-рошо поняли, милор-р-рд?!

- Ваше величество! Ваше величество!

Кто-то попытался оттащить Аластора, но был сброшен с могучих плеч. Так медведь стряхивает вцепившихся в него собак, и они отлетают прочь. То ли северная кровь - наследие королей, то ли просто ярость добавили Аластору сил, и справиться с ним простыми средствами пара обычных целителей не могла... А магией - боялись!

Лучано обеими руками вцепился в предплечье Аластора чуть выше локтя. Пальцы словно обожгло сквозь рубашку и сукно камзола, алая пелена перед глазами проявилась явственно, будто глаза и вправду заволокло кровью.

«Альс! Перестань!» - подумал Лучано, чудовищным усилием заставляя себя успокоиться, словно перед выстрелом или ударом, от которого зависит жизнь.

Больше того - удачный исход задания! Ну же, сердце, тише! Вдох-выдох... Вдо-о-ох. .. вы-ы-ыдох... И снова - еще медленнее...

Он тянул Аластора из этого бессмысленного кровавого забытья, как сам Альс тащил его когда-то из черной ледяной реки. Только не руками, а собой, своим собственным спокойствием, крохи которого

Лучано отчаянно растягивал на них обоих.

«Альс, дыши вместе со мной! И брось этого идиотто! Брось его, слышишь?»

- Ему достаточно... — прохрипел он вслух, не в силах радоваться, что вернулся родной голос, просто отмечая это свободным краешком разума. - Альс, ему уже достаточно. Он все понял!

Пальцы Аластора разжались, и молодой гвардо сполз по стене, упав на колени. Упрямо приподнялся, обернулся, откашливаясь... «Хвала Благим, гортань цела, — измученно подумал Лучано. - Нос, правда, набок, но это пустяки... Кровь остановят, хрящ выправят... Хорошо драться под боком у синьоров целителей!»

- Прочь! - бросил Аластор тоже собственным голосом, хриплым, срывающимся на рык. - Заберите его!

Все те же целители подхватили парня под руки и полуувели-полуутащили куда-то по коридору. А Аластор потер лицо ладонями и сказал, не поворачиваясь:

- Я сошел с ума, да? Горло перехватило, но я слышал, как говорю... Но это ты говорил! Моими словами, моим голосом... пока я бил этого... Я сошел с ума. Лу, король не может быть безумцем! Что я... наделал? Зачем... согласился принять корону?

- Тогда мы сошли с ума вместе, — торопливо возразил ему Лучано. - А так не бывает! Это все магия! Альс, ты не сумасшедший! Просто немного...

- Немного берсерк, — измученно усмехнулся Аластор, покачнувшись, словно пьяный, и опершись о стену ладонью. - Ах да, ты же не слышал. Это северяне... сказали. Ольвар... Полтора Медведя. Он умеет различать... берсерков...

- Альс, тебе нужно присесть. Потом поговорим об этих берсерках!

Лучано потянул его к скамье между кадками, но Аластор уперся и помотал головой.

- Нет, едем во дворец, — сказал он вдруг с удивительной рассудительностью. - Мне сейчас духа не хватит войти к Айлин и сказать, что я... Что я чуть не убил ее брата. Я потом... попрошу прощения. У нее! А сейчас нам нужно во дворец. Ты же слышал - она отреклась от рода!

- Но это ведь можно исправить, м? - осторожно уточнил Лучано. - Если синьорина скажет, что погорячилась, а молодой синьор тоже извинится...

- Лу! Это отречение! - раздраженно бросил Аластор. - По всем правилам и в присутствии двух благородных свидетелей! Это нельзя исправить! Айлин теперь простолюдинка! Во всяком случае, пока не станет магессой, а до этого еще шесть лет! Этого нельзя... нельзя допустить, понимаешь?! Она не заслужила!

- И что? - поинтересовался Лучано, подставляя плечо, на которое Альс оперся и пошел к выходу из лазарета, почти не покачиваясь. - Ты-то что можешь сделать?

- Дать ей дворянство, разумеется! - В голосе Аластора звучало утомленное раздражение чужой глупостью, которое Лучано даже порадовало - что угодно лучше потока ярости, затопившего их обоих. - Мы вернемся во дворец, я напишу дворянскую грамоту, и ты ее отвезешь Айлин. Лично! И очень быстро! Да, леди из Трех Дюжин она уже не будет, но... Это хоть немного все исправит, понимаешь?! Поместье у нее есть, к тому же она ведь замуж собирается...

- Отлично придумано, Альс, — улыбнулся Лучано с настоящим облегчением. - Нашей синьорине все равно недолго гулять в девицах, но... ей будет приятно. Я привезу грамоту и попрошу грандсиньора Дункана приехать к тебе, м? Конечно, когда он утешит Айлин. Он разумник и наверняка знает, что со всем этим делать.

- Как можно быстрее, — согласился Аластор. - Да, он разумник... Должен быть какой-то выход! Лу, я... я помню, как ты меня... словно вытаскивал из этого. Как будто черный полог упал... Но ты поднял его и часть оттянул на себя. Я... Спасибо...

- Пустяки, Альс, — улыбнулся Лучано, благодаря всех богов разом, что коридоры Академии почти пусты. - Всегда к твоим услугам, ты же знаешь. Пожалуй, возьмем экипаж? Я бы сейчас не хотел ехать верхом...

- Ох, да перестань ты жалеть мою гордость, — с досадой отозвался Аластор. - Я и сам на лошадь не сяду - еще не хватало с нее свалиться.

Они вышли во двор и дошли до конюшни, где Аластор встал у коновязи, делая вид, что любит башнями, а Лучано велел закладывать экипаж. Немедленно! Его величество очень спешит!

- Целители все видели, — сказал он, усадив Альса в карету и сев напротив. - Но вряд ли что-то поняли. В конце концов, ты ведь мог просто разозлиться на этого идиотто, м?

- Разозлиться - мог, — буркнул Альс, пряча взгляд. - А вот бить его не должен был. Он ведь даже на дуэль меня вызвать права не имеет. Я, конечно, не жалею, но... Это неправильно, понимаешь?

- Так же неправильно, как кидаться в лордов секирой, м? Или еще неправильнее? - уточнил Лучано, и Аластор явственно передернулся. - Думаю, нам нужно посоветоваться с грандсеньором Аранвеном. Все равно он узнает, что случилось, так лучше от тебя.

Колеса стучали по мостовой, Альс откинулся на спинку сиденья и наконец-то задышал ровно и размеренно.

- Да, канцлеру нужно все рассказать, — согласился он. - Но сначала - дворянская грамота. И... извинись перед Айлин за меня, хорошо? Как подумаю, что мог ее напугать вдобавок...

- Обязательно... — подтвердил Лучано и смолк, потому что Аластор прикрыл глаза и задремал - мгновенно, как совершенно обессиленный человек.

***

Кабинет Архимага впервые показался Грегору таким тесным. Всего две дюжины шагов от входа до стола с креслом - совершенно негде пройтись, ожидая известий. Наконец он с огромным усилием прекратил мерить кабинет шагами, то и дело поглядывая из окна башни на внутренний двор, где стояла карета с гербом Ревенгаров. Юный лорд Артур выполнил обещание прибыть в Академию как можно быстрее, но как же мучительно тянулась каждая минута его разговора с сестрой!

Вздыхнув, Грегор признал, что подобная беседа и не может оказаться совсем уж короткой. Да и цветы из лавки еще не доставили - возмутительная задержка! Коробочка с кольцом жгла внутренний карман камзола - нового, не того, в котором Грегор ездил на королевский Совет.

Утром он оделся в черное, рассудив, что родовые цвета будут уместны в любом случае, хоть для ареста, хоть для помилования, но делать предложение в наряде, чей цвет все-таки ассоциируется с трауром, благоразумно не стал. Да, темно-фиолетовый тоже принадлежит Госпоже, но Айлин - некромантка, она не осудит...

Он бросил отчаянный взгляд на стол, где с утра скопилась очередная стопка документов, и потер болезненно отозвавшиеся виски. Думать о чем-то, кроме предстоящего разговора с невестой, было решительно невозможно. «А я еще удивлялся, как другие могут пренебрегать службой ради личных дел, — устало подумал Грегор. - Ничего, потом вернусь и просмотрю... Потом!»

К тому же, бремя протекторства снято, и обязанностей теперь станет гораздо меньше. Можно будет вернуться к преподаванию, которое Грегор поневоле забросил, попросив Эддерли кому-нибудь отдать его лекции по проклятиям у старших курсов. Иногда ему малодушно хотелось отказаться даже от Воронов, объявив битву за Академию личным экзаменом особого курса, и это было бы даже справедливо. Не всякий некромант последнего года выпуска способен на то, что показали его мальчишки!

Грегор вздохнул. Аранвена давно уже непонятно, чему учить. Обычную программу сын канцлера оставил далеко позади, выполняя общие задания исключительно из вежливости, а брать его в личные ученики Грегор не собирался. Скорее, он предложил бы эту честь Саймону Эддерли, если бы не характер последнего. Впрочем, Дарра проводит в Академии все меньше времени, а с остальными Воронами, включая Эддерли, все еще есть чем заняться. Возможно, и Саймон все-таки повзрослеет настолько, чтобы можно было выполнить долг перед его отцом, наставником Грегора, и погибшим Диланом...

Зеленый луч звезды Архимага на его груди неожиданно вспыхнул, прервав размышления, и послышался голос Бреннана:

- Милорд Архимаг, могу я просить вас уделить немного времени? Дело требует вашего присутствия в лазарете, причем как можно скорее и без лишнего шума.

- Сейчас подойду, — пару мгновений поразмыслив, согласился Грегор, и звезда погасла.

Разумеется, Архимагу идти к магистру - это явное нарушение субординации, но Бреннан рассудителен и попусту просить об этом не стал бы. На миг уколола тревога - в лазарете Айлин! Но голос целителя был достаточно спокоен, разве что слегка раздражен, и Грегор спускался из башни, а потом шел по Академии, уговаривая себя, что с девушкой ничего не может случиться. У нее сейчас ведь даже магии нет! А значит, никакой возможности влипнуть в очередную сомнительную историю.

Бреннан изо всех сил пытался сохранять спокойствие, только сердитые глаза под слегка набрякшими веками метали молнии, но, разумеется, не в адрес Архимага.

- Еще раз прошу прощения, милорд, — буркнул он, и Грегор нетерпеливо кивнул. - Я давно не видел подобной глупости! Довести бедную девочку до истерики, поссорить собственного сына с королем и еще иметь наглость обвинять в этом кого угодно, только не себя! А я-то надеялся, что весь вред от моего бывшего коллеги уже закончился! Так нет, извольте видеть, что его потомство по вредоносности соперничает даже с Разломом! Во всяком случае, отдельные бабы, да простит меня Милосердная Сестра!

- О ком вы, Бреннан? - растерялся Грегор, присаживаясь в свободное кресло.

- О леди Ревенгар! - рявкнул целитель. - Старшей, конечно! Эта дура явилась в Академию в сопровождении сына и устроила такое, что ее пришлось поить успокоительным, а молодому Артуру править нос и лечить глубокие ссадины. Чудо, что без других переломов обошлось. Про девочку я и вовсе молчу, ей нервничать категорически противопоказано, а она в слезах! Да-да, сейчас объясню!

Распалаясь все сильнее, он что-то отпил из стоящего на столе стакана, шумно выдохнул и, наконец, принялся рассказывать.

- Претемнейшая Госпожа, какая же она дура! - согласно выдохнул Грегор через пару минут. - Говорите, Айлин в слезах? Ей... это не повредит?!

- Ничего действительно страшного, — буркнул Бреннан, снова явно пытаясь успокоиться. - Золотой крови обычной истерикой не навредить, да и девочка все-таки не избалованная леди, а некромантка пополам с боевичкой. Мы, конечно, понаблюдаем и при необходимости дадим ей зелье, но сейчас нужен только покой. Лучше скажите, милорд, что мне делать с этой парочкой? Помощь мы им уже оказали, как бы теперь выставить побыстрее и без нового скандала? Мамаша выпила тройную порцию успокоительного и больше не рыдает, но шипит, словно гусыня, что немедленно заберет мерзавку-дочь домой. А юноша рвется снова поговорить с сестрой. Учтите, что я решительно против как целитель! Только вот моих полномочий здесь не хватит, он все-таки глава ее рода.

- Я понимаю, Бреннан, — кивнул Грегор, поднимаясь. - Вы совершенно правильно сделали, что вызвали меня. Где лорд Артур?

- В соседней комнате. - Целитель кивком указал на плотно закрытую дверь. - Буду вам очень благодарен, милорд...

Не слушая, Грегор торопливо толкнул ручку и переступил порог небольшой комнаты, где стояла кушетка, покрытая лакированной кожей, и столик с инструментами. Здесь резко пахло зельями и алхимическим средством для уборки. Артур, сидевший на кушетке, вскочил при появлении Грегора и отнял от лица платок. Рейтарский мундир, лишившийся нескольких пуговиц, был заляпан кровью, воротник разорван, а лицо молодого Ревенгара покраснело от недавно залеченных ссадин, словно юноша сгорел на солнце.

- Милорд Бастельеро! Я... простите... что в таком виде...

- Пустяки, — кивнул Грегор, старательно напоминая себе, что виновата, по словам Бреннана, дура-мать, а не сын. Во всяком случае, у Артура на лице написано такое отчаяние, что даже странно. - Что случилось, милорд Ревенгар?

- Айлин сошла с ума! - выпалил Артур, комкая платок и бросая его в ведро под столом, где виднелась куча окровавленных бинтов. - Она отреклась от рода! При свидетелях! Милорд, умоляю, вы же ее наставник! Я... не знаю, что теперь можно сделать, но... нужно сделать хоть что-нибудь!

- Ваша сестра... отреклась от рода?

Грегор на пару мгновений закрыл глаза, сдерживая чудовищное желание взять этого недоумка за воротник и... добавить ему! Кстати, а кто его бил-то? Бреннан сказал про короля, неужели...

- При его величестве! - так же отчаянно признался Артур. - Сначала она отказала мне... То есть вам, когда я сказал, что вы просите ее руки. И моя мать... Впрочем, это неважно. Я понимаю, у Айлин были основания обижаться, но я все уладил бы! А она... Она отреклась по всем правилам, милорд. Свидетелями были его величество и еще какой-то дворянин. Потом король... — Он невольно дернулся рукой к разбитому и запеченному лицу, покривился и выдохнул: — Тоже неважно. Главное, что теперь будет с Айлин!

- Вы уверены, что клятва была принесена по правилам? - безнадежно спросил Грегор, уже понимая, что вопрос излишен. Такой поблажки насмешница-судьба ему явно не даст. Если пять лет назад бедная девочка могла не понимать, что говорит, и ошибиться в формуле, то теперь... — Она использовала полное имя? И призвала свидетелей?

- По всем правилам, милорд, — безнадежно подтвердил мальчишка, шмыгая носом. - Простите...

Он отвернулся и высморкался в очередной платок, взяв его со стола. Грегор, прекрасно знавший, что после магического лечения сломанный нос еще долго кровит, отвернулся. Король и какой-то дворянин?

- Этот второй, он был похож на итлийца? - спросил он. - Чернявый такой?

Артур кивнул, снова роняя испачканный кровью платок в ведро.

Значит, Фарелл. К этому тоже не придаться, итлиец получил дворянство по всем правилам и может быть свидетелем. Да какая разница, кем был этот второй! Хоть конюхом! Слово короля неоспоримо в любом суде! Айлин больше не Ревенгар!

«Бедная девочка, — подумал Грегор, ненавидя и дуру Гвенивер, и этого мальчишку, что не смог защитить сестру, и - заранее! - каждую тварь, что посмеет обсуждать это в грязных нелепых слухах, которые вот-вот хлынут в каждый дом Дорвенны. - Еще и это на нее свалилось! Бедная порывистая девочка, слишком измученная, неспособная довериться даже мне... Да, глава рода имел право ее забрать, но посмотрел бы я, как бы он это сделал без моего согласия! А Айлин... она испугалась, и разве можно ее за это винить?»

- Поезжайте домой, Артур, — сказал он, сдерживая холодную злость. - И серьезно поговорите с вашей матушкой, прошу. Она должна понять, что дело может кончиться для вас королевской опалой, если не чем похуже. Надеюсь, вы себе не позволили драться с королем?

- Как будто я мог... — отозвался Артур и передернулся. - Милорд, а как же моя сестра? И... ее отказ.

- Понятия не имею, что ей наговорила леди Гвенивер, — холодно сказал Грегор, — но постараюсь по мере сил все исправить. Мое предложение остается в силе, и новый статус вашей сестры равным счетом ничего не меняет. Возможно, нам вообще удастся скрыть всю эту историю, если ваша матушка сообразит придержать язык.

- А если не удастся? - тихо спросил Артур, глядя на него в упор.

- Тогда она станет леди Бастельеро, и все остальное не будет иметь никакого значения, — спокойно уронил Грегор.

Отступив на шаг от стола, Артур глубоко и почтительно поклонился ему, а затем признательно сказал:

- Я никогда не забуду вашего великодушия, милорд. Вы уверены, что мне не следует пойти к ней прямо сейчас? Успокоить, поговорить...

- Боюсь, вы только все окончательно испортите, — поморщился Грегор. - Лучше увезите домой вашу матушку. И возьмите еще пару платков в дорогу, — указал он взглядом на стол. - Поверьте, пригодятся.

Развернувшись, он вышел, с некоторой брезгливостью подумав, что король в данном случае поступил понятно, однако... не по-королевски. Молодой Ревенгар ведь не может ответить абсолютно ничем, защищая свою честь. Лицо королевской крови нельзя вызвать на дуэль или привлечь к суду за оскорбление дворянского достоинства. Королю просто сойдет все с рук! А бить того, кто вдвое уже тебя в плечах и заметно ниже... Артуру всего восемнадцать, он еще не вошел в полную мужскую силу, да и сопротивляться права не имел. Недостойно!

Память предательски подсунила окровавленную скорчившуюся фигуру мальчишки-пажа, которого избил Малкольм, причем за какую-то глупость. То ли букет, то ли песню под балконом Прекрасной Джанет... «Ну так надо было думать головой и держаться подальше от королевской любовницы, — возразил собственным воспоминаниям Грегор. - Получил за глупость и дерзость! А молодой Ревенгар за что? За то, что пытался уладить семейное дело и позаботиться о сестре?»

- Лорд Артур сейчас уедет и увезет мать, — устало сказал он Бреннану, ожидающему в кабинете. - Милорд магистр, я буду очень признателен, если ваши подчиненные станут держать язык за зубами ради репутации... адепки.

- Разумеется, милорд Архимаг, — укоризненно отозвался целитель, а Грегор подумал, что упыря в склепе все равно не запереть, и о том, что Айлин утратила родовое имя, очень быстро станет известно.

Сейчас ее защищают законы Академии, где все адепты равны, но следует немедленно поговорить с бедной девочкой и назначить свадьбу как можно раньше, чтобы пресечь скандал. Отречения кого-то из Трех Дюжин не случалось уже много лет! Именно настоящего отречения, а не того, что

устроила Айлин пять лет назад. Вот изгнания из рода бывали, а чтобы кто-то добровольно отрекся от золотой крови и привилегий, которые она дарует!

- Мне нужно с ней поговорить, — уронил он, собираясь выйти, но Бреннан неожиданно вскинулся:

- Прошу прощения, милорд, но с этим лучше подождать! За лорда и леди Ревенгар я вам крайне благодарен, однако посещение адепки одобрить не могу!

- Бреннан, вы с ума сошли? - тихо сказал Грегор, взглянув на целителя так, что тот напрягся, а его пальцы, сплетенные на столе перед собой, сжались еще крепче. - Я Архимаг. Не говоря уже о том, что ее наставник. Вашего разрешения я спрашиваю исключительно из вежливости. И, отчасти, из уважения к вашему искусству. Мне необходимо поговорить с Айлин Ревенгар, и если вы хотите, чтоб я отказался от этой мысли, придется привести действительно веский довод. В конце концов, вы сами сказали, что ее состояние не вызывает опасений. Честно говоря, я вообще не понимаю, почему она до сих пор пребывает в лазарете! Ее спутники, которые были серьезно ранены, давно отпущены! Вы сами дали Айлин разрешение участвовать в коронации! Так что ей здесь делать?

- Лечиться, — огрызнулся Бреннан. - Милорд Архимаг, раз уж вы сами заговорили об уважении к моему искусству, попробуйте предположить, что у меня есть основания держать Ревенгар в лазарете. Да, физически она выздоровела, но душевное состояние все еще внушает тревогу. Этот аркан воздействует на психику всех троих еще не изученным до конца способом. И я категорически! Слышите? Категорически против, чтобы девочку в ее положении тревожили ненужными разговорами или беспокоили попусту, а в общежитии этого не избежать!

- В ее положении? - переспросил Грегор. - Что вы имеете в виду?

Бреннан запнулся, а в следующий миг его взгляд всего на мгновение дрогнул, но этого оказалось достаточно. Грегор вдруг вспомнил хрупкую фигурку Айлин на руках Барготом драного разумника и его приказ готовить операционную. Операционную! А потом Айлин приходила в себя, и Грегора к ней не пускали... Обычное явление после операции, но... ведь никто ему так и не сказал, куда и как она была ранена! Все твердили про аркан и неизвестную магию...

- В каком таком положении, Бреннан? - прошипел он, ловя взгляд магистра и не позволяя тому отвести глаза. - Я требую ответа как ваш Архимаг и напоминаю, что вы присягали мне на верность и послушание. Айлин... беременна?

- Вы требуете, чтобы я нарушил клятву Милосердной Сестре, милорд! - в голосе Бреннана прозвучало не меньшее отчаяние, чем незадолго перед этим у юного Артура. - А она, смею напомнить, старше и важнее, чем моя клятва вам. Я обязан защищать безопасность и честь моей пациентки любыми доступными средствами, в том числе и молчанием.

- И поэтому вы не отпускаете ее из лазарета? - осенило Грегора. - Потому что пока она ваша пациентка, вы можете скрывать это даже от меня?! Бреннан, вы... вы точно сошли с ума! Если она беременна, как долго вы собирались это утаивать?!

- Столько, сколько будет нужно! — отчеканил целитель. - Сроки пока что позволяют принять любое решение, но девушка должна сделать это сама, без давления и страха. И не забывайте, что связавший их с королем аркан никуда не делся. Я понимаю вашу тревогу за ее репутацию, но здесь речь не о ней, а о здоровье адепки и возможности иметь детей в будущем. И у нее, и у короля! Вопросы репутации...

- Не в вашей компетенции, Бреннан! - ледяным тоном прервал его Грегор. - Я вас услышал и понял. И не имею ни малейшего желания, чтобы Айлин приняла решение, о котором может пожалеть. Тем более я обязан поговорить с ней и успокоить!

- Я... вас проведу...

Бреннан приподнялся, вставая, но Грегор качнул головой.

- Наедине, — уронил он и тронул звезду Архимага, напоминая о клятве. - Мы должны поговорить наедине. И не беспокойтесь, я буду очень деликатен.

- Надеюсь на это, милорд, — напряженно сказал Бреннан, глядя на него с непонятным выражением. - Помните, что девочка сейчас очень уязвима! И никакая угроза ее репутации не оправдает...

- Да что вы обо мне думаете, Бреннан! - искренне возмутился Грегор. - Я что, такое чудовище, по-вашему? Разумеется, я ей скажу, что волноваться нет причин. Особенно о репутации!

Претемнейшая Госпожа, Айлин беременна!

Он торопливо выскочил из кабинета магистра, пытаясь сообразить, что делать дальше. Барготов

букет все еще не принесли... Но медлить больше нельзя! Нужно сейчас же пойти к Айлин и сказать, чтобы она... чтобы не переживала! Какая разница, кто она теперь, если вскоре станет леди Бастельеро! И матерью его ребенка... Айлин - мать его ребенка!

Претемнейшая... Хотя нет, в этих случаях надо вспоминать Всеблагую! Грегор немедленно раскаялся в многолетнем пренебрежении Всеблагой Матерью! А она оказала ему такую милость! Беременна после первой же ночи! И подумать только, если бы он узнал раньше... На его ребенка могло лечь клеймо зачатого до свадьбы! А теперь... Ну да, прошел уже месяц с лишним, но дети ведь иногда рождаются до срока... Проклятье, Бреннан, как вы могли молчать?! Зачем?!

«Да просто он не знал, кто отец, — попытался успокоить себя Грегор. - И действительно берег репутацию бедной девочки. Пожалуй, я должен быть благодарен... Она могла потерять ребенка! Там, на холме, она дважды прошла портал туда и обратно! А затем еще раз - в Академию! Да, на небольшом сроке это не так опасно... вроде бы... Но что, если?.. Ведь для чего-то же понадобилась операция?!»

Он отчаянно боролся между желанием вернуться и вытрясти из Бреннана все подробности и острой, почти жизненной необходимостью немедленно кинуться к Айлин. Упасть ей в ноги, просить прощения за... за все! За то, что в ту ночь не подумал о предохранении, как это должно делать мужчине! За то, что не удержал, не смог уберечь от этой самоубийственной поездки! Всеблагая и Претемнейшая, ведь она столько раз могла выкинуть... От страха, напряжения, магии... От чего угодно! Это чудо, если ребенок все-таки родится, причем живым и здоровым!

Нет-нет, рано сходить с ума, беременность наверняка протекает нормально, если Бреннан даже позволил Айлин ехать верхом в королевской процессии. И настаивает всего лишь на покое... Действительно, какое общежитие?! Какая, вообще, к Барготу, Академия?! Здесь то взрывается что-то у алхимиков, то некроманты ловят сбежавшую лабораторную работу, то просто драка в коридорах... А девочка даже щиты поставить не может! Никакой Академии! Никакого общежития!

«Я точно схожу с ума, — отчаянно подумал Грегор. - Я еще даже предложение снова ей не сделал. А она испугана угрозами этой дуры увезти ее и наверняка в полном отчаянии, раз пошла на отречение! Только бы не напугать ее еще сильнее! Только бы не оскорбить... Может, и правда вернуться к Бреннану и взять его с собой? Вдруг ей станет плохо от волнения?! Она же такая хрупкая, измученная переживаниями... Благие боги, что же делать?!»

- Милорд! Милорд Архимаг!

Резко обернувшись от окна, Грегор глянул на мальчишку, одетого как профан, однако пристойно, даже в подобие ливреи.

- Ваш заказ, милорд!

Тот низко поклонился, а у его ног стояла корзина с пышными белыми розами, увитыми оранжево-золотистыми лентами - в честь Всеблагой.

«Ах да, я же приказал собрать букет для помолвки, — вспомнил Грегор. - Как удачно. Пожалуй, это можно понимать как подсказку от богини?!»

Он сунул руку в карман и бросил мальчишке первую попавшуюся монету, которая там завалялась. Тот просиял - кажется, это был серебряный флорин - и мгновенно исчез. А Грегор взял корзину, пытаясь найти в ее тяжести хоть какое-то успокоение. Почему-то вспомнились бесчисленные букеты, которым был заставлен весь коридор... Айлин ведь даже не знает, что часть из них была от него! Глупец, ну почему он не приказал прикладывать хотя бы карточку? Боялся за репутацию девушки?! А каково было ей чувствовать себя покинутой и мучиться страхом, что Грегор принял отказ всерьез?!

Кажется, навстречу все-таки кто-то попался. Но Грегору было уже все равно. Он прошел до палаты Айлин и постучал, изнывая от нетерпения. Голова кружилась, будто он только что слил весь резерв, а во рту пересохло. В ту пару мгновений, что прошла от его стука до ответа девушки, он успел умереть от ужаса, подумав, что Айлин опять сбежала...

Послышался какой-то звук, и он рванул дверь на себя. Удивился, что она не открывается, сообразил - и толкнул.

Айлин сидела на кровати. Услышав звук отворяющейся двери, она вскинула голову, и какая-то безделушка упала из ее рук, покотившись под кровать. Девушка сделала движение наклониться за ней, но тут же замерла. Исподлобья посмотрела на Грегора, выпрямилась и сложила руки на коленях, обтянутых черной мантией с ало-фиолетовой оторочкой. Болезненно бледная и заплаканная, с припухшими глазами и выбившимися из прически прядками, самая прекрасная на свете, самая милая, родная и желанная...

Грегор на негнущихся ногах сделал пару шагов от двери, то ли поставил, то ли уронил корзину на пол и выдохнул, глядя на девушку, как смотрел бы на всех богинь разом:

- Айлин... Я люблю вас. Простите меня! И сделайте самым счастливым человеком на земле. Я прошу вашей руки!

Пальцы сами нащупали во внутреннем кармане камзола коробочку с родовыми кольцами. Не отрывая взгляда от застывшего лица девушки, Грегор сделал еще шаг. Сжимая коробочку, подумал, не встать ли на одно колено, ведь тогда их с Айлин лица будут на одном уровне и напротив друг друга... Он сможет смотреть ей в глаза, когда она согласится! Но замялся и только повторил беспомощно, словно падая в Бездну:

- Айлин... любовь моя!

***

В коридоре что-то шумело, гремело и рычало, но Айлин едва ли понимала, что происходит. Из-под кровати выбрался Пушок, деликатно скрывшийся там на время скандала, и сунул ей в ладони теплый кожаный нос. Если бы холодный и влажный - совсем было бы не отличить от настоящей собаки, но зачем ей какая-то другая собака? Айлин обняла его, наклонилась, пряча лицо в густой белоснежной шерсти, и замерла, медленно приходя в себя. Что она наделала?! «То, что было нужно, — твердо сказала она самой себе. - Безродную магессу никто не имеет права забрать из Академии, пока она соблюдает правила и может платить за обучение. К счастью, Кармель позаботился об этом много лет назад! А я, маленькая глупышка, даже не понимала, какое это благодеяние! Ведь я же теперь совершенно свободна! Конечно, тетушка не отказала бы мне в помощи, но... С этими деньгами я могу не просить поддержки даже у нее! И еще есть поместье, подаренное Алом... Вот странно, как я теперь могу им владеть, если я - простолюдинка?! Ничего, как-нибудь все устроится... Но что же там все-таки такое, а?»

Она вдруг осознала, что Артура утащил не кто-нибудь, а сам Аластор! Неужели... они там дерутся?! Неужели Артур умеет драться?! Но... он же не имеет права поднять руку на короля... Атам еще и Лучано, неужели они с Алом вдвоем...

Подняв лицо и отпустив Пушка, который тут же завилял хвостом, упрашивая продолжить, она привстала и прислушалась. Как назло, в коридоре все стихло, и не успела Айлин встать, чтобы найти хоть кого-нибудь, в палату со стаканом в руках впорхнула Мелисса, целительница с двенадцатого курса.

- Это твои родственники? - спросила она, выразительно расширив глаза, и Айлин молча кивнула, а потом, с трудом разлепив губы, поинтересовалась:

- Что там случилось?

- О-о-о... — Целительница возвела взгляд к потолку и сообщила: — Леди в истерике, а у лорда сломан нос. Пустяки, у нас тут без сломанного носа редкий день обходится! Магистр Бреннан уже выправил хрящ и остановил кровь. Молодой лорд останется таким же красавчиком! - Мелисса хихикнула и тут же посерьезнела: — Его величество со своим спутником уехали, а нам велено молчать, как рыбам! Но я тебе скажу, что твой брат - это же брат, верно? - так вот он легко отделался! А меня прислали спросить, не хочешь ли ты немного успокоительного зелья? Капельку, а?

Она поставила стакан на стол, присела на кровать с другой стороны от Пушка, с обычной целительской бесцеремонностью взяла Айлин за руку и, не переставая слушать пульс, заглянула в глаза, проверяя зрачки.

- Я в полном порядке, — заверила ее Айлин, действительно чувствуя внутри странную пустоту, но одновременно и спокойствие. - Спасибо, Мелли!

- Ну, тогда просто выпей это, как только захочешь пить. - Мелисса небрежно кивнула на стакан. - Там ягодный отвар и капелька лекарства. А то от нервов портится цвет лица, между прочим! Да и умыться тебе не помешало бы, глаза опухли...

Она сочувственно улыбнулась и исчезла за дверью, а у Айлин слегка отлегло от сердца. По крайней мере, Артур почти не пострадал. Сломанный нос - это и в самом деле мелочи, любой боевик подтвердит! Да и некромантам на тренировках приходится несладко, стоит только вспомнить ее первый урок с Воронами... А что Аластор и Лу уехали, так им, наверное, целители запретили ее беспокоить, магистр Бреннан очень внимателен к душевному состоянию пациентов...

Глубоко вздохнув, Айлин отпила из оставленного стакана. Ягодный отвар был приятно прохладным, и никакого зелья в нем не чувствовалось - отличное лекарство!

«Вот сейчас успокоюсь, и нужно привести себя в порядок как можно быстрее! Иначе Кармель опять увидит меня зареванной!»

Пушок, еще пару раз стукнув хвостом, лениво упал набок, а потом опять полез под кровать. Айлин невольно улыбнулась, глядя, как мелькнул пушистейший хвост, и поставила стакан обратно на стол. Глянула на руку и удивленно нахмурилась: кольцо Кармеля, идеально сидевшее до этого, вдруг оказалось тесным, будто палец распух. Это от слез, наверное! Хотя от них ведь распухает лицо, причем тут пальцы? Или она, наконец, начала возвращать прежние... формы?

Покрутив кольцо, Айлин стянула его с пальца и задумалась, куда положить настолько драгоценную вещь. Черный камень блеснул загадочно и завораживающе, словно зрачки Кармеля... Но тут в дверь снова постучали.

- Войдите! - отозвалась Айлин.

Кармель?! И он снова увидит ее такой растрепанной?! А может, это Ал с Лу вернулись? Или магистр Бреннан...

Дверь отворилась, и Айлин, увидев, кто вошел, от удивления выронила кольцо. Оно укатилось куда-то под кровать, в лапы Пушку, и Айлин за ним дернулась, но тут же выпрямилась, не понимая, что происходит. Лорд Бастельеро - и цветы?! Целая корзина роскошных роз, которую некромант поставил на пол. Точнее, уронил, просто разжав ладонь, и шагнул к Айлин.

- Люблю... Простите... Прошу... руки...

Сложив руки на коленях, как положено приличной девушке, Айлин слушала - и не понимала. Зачем это все? Зачем - снова?! Что он хочет от нее теперь, почему смотрит такими измученными горящими глазами?

Шаг, еще один... Лорд Бастельеро приближался, а она все никак не могла вспомнить самую простую вещь на земле - его имя. То самое имя, которое когда-то шептала перед сном, закрыв глаза и пытаясь представить себе именно такой взгляд - очарованный, почти больной... Глупая девчонка, влюбленная в наставника и героя! Мечтавшая об ответной любви и не знающая, как бывает больно, когда мечты сбываются. И... что ей теперь делать?! Словно и не было их прошлого разговора и ее отказа...

- Айлин... Любовь моя...

- Любите? - растерянно переспросила она, лишь бы что-нибудь сказать, потому что испугалась. Вдруг лорд Бастельеро сейчас встанет на колени, как в дурацких романах?! И скажет что-нибудь такое... Хотя что может быть страшнее того, что он уже сказал? И... что там у него в руке?! «Коробочка с кольцами, — безжалостно и мстительно подтвердили многочисленные романы, которые неизбежно заканчивались именно такой сценой. - Кольца, цветы, признание... Разве не этого ты хотела? Получай полной мерой!»

- Я люблю вас! - отчаянно подтвердил он снова. - Прошу, выслушайте!

- Д-да, конечно, — все так же растерянно отозвалась Айлин. - Но...

Словно не услышав, лорд Бастельеро напряженно заговорил:

- В прошлый раз вы неправильно поняли мое предложение. Это целиком и полностью моя вина, мне следовало найти другие слова. Признаю, у вас были веские причины его отвергнуть. Но сегодня я прошу вас позабыть обиду и поверить, что я... что вы мне очень дороги. Что я предлагаю вам руку и сердце, потому что... люблю вас.

Он выговорил последние слова так, словно они жгли ему губы, и Айлин с мучительной неловкостью и вдруг проснувшимся состраданием поняла, что это действительно так. Что этому могущественному человеку, второму или третьему после короля, главе Ордена, Избранному Претемной и так далее... Что ему невыносимо сложно дается это простое признание, словно он капитулирует перед врагом и просит пощады, а не любви. Она содрогнулась от жалости и поняла, что действительно победила, не желая того. Лорд Бастельеро - ах да, его зовут Грегор, как же она могла забыть? - смотрел на нее так, словно ждал приговора, и это мучительное чувство, которое она различала в его взгляде, было так не похоже на горячую, но нежную страсть Кармеля, что Айлин снова содрогнулась.

«Нет, милорд, — подумала она, смутно удивляясь, что не чувствует ни радости, ни даже злорадства. - Наверное, вы и правда любите... Только кого-то другого. Другую Айлин, которую сами себе придумали. Она, эта Айлин, тоже училась в Академии почти шесть лет, но не сбегала из вашего кабинета через зеркало. Не упокаивала разом целую деревню, не поднимала из колодца труп недельной давности, не спала на сеновале или в палатке в объятиях двух мужчин, чтобы было

теплее... И уж конечно, не ее по доброй воле отпустил на землю Баргот. Как жаль, что той Айлин, которую вы могли бы любить, нет и никогда не было на свете... Впрочем, как и той, что была когда-то влюблена в вас. Та Айлин мечтала получить поцелуй в Вишневую ночь, услышать признания, которые сейчас вы расточаете с такой щедростью, любить и быть любимой... Та Айлин видела в вас совершенство, не способное ни на подлость, ни на слабость. Она любила не вас, милорд, а ваш образ. Но ее тоже больше нет, а я, наследница их обеих, вам совершенно не знакома! Вы совсем ничего обо мне не знаете и вряд ли захотите узнать. Ведь тогда мой образ в ваших глазах рассыплется на множество осколков, как зеркала, через которые я шла к своей судьбе...»

- Сегодня утром я просил вашей руки у лорда Артура, - нарушил молчание лорд Бастельеро. - Отчасти это я виновник ваших сегодняшних переживаний, но клянусь, я и подумать не мог, что визит вашего брата приведет к таким последствиям. Я просто хотел выказать уважение к вашему роду... Лорд Артур дал мне согласие, и я уверен, он...

Раздражение, которое с трудом улеглось несколько минут назад, снова поднялось горячей волной.

«Если Артур дал вам согласие, - чуть не вырвалось у Айлин, и она больно прикусила язык, чтобы не сказать это вслух, - то на нем вам и следует жениться! При чем здесь я? Простолюдинка Айлин уж точно не обязана подчиняться решениям лорда Ревенгара!

Укротить мысли оказалось все-таки куда сложнее, чем язык. Перед ее мысленным взором вдруг ясно, словно взаправду, встал лорд Бастельеро, почему-то в мундире главнокомандующего и даже с орденом Золотого Льва. А рядом с ним - Артур, изящный и совершенно неотразимый в белоснежном свадебном платье, с завитыми и уложенными в затейливую прическу белокурыми локонами и, кажется, даже немного подкрашенный! И леди Гвенивер, утирающая платочком слезы радости и желающая прекрасным новобрачным долгих лет жизни и многих детей.

Фу, привидится же такое!!!

- Уверен, он сожалеет о том, что сегодня случилось, - услышала она голос некроманта, с трудом вернувшись из этих дурацких грез. - Но это ничего не меняет в моей любви к вам... И я надеюсь, что вы примете мою руку и мое имя, став леди Бастельеро...

- Вашей любви... - беспомощно повторила Айлин, а потом ей в голову пришла такая простая мысль, что непонятно, почему об этом ни разу не подумалось раньше. - Милорд, но разве... ваше сердце свободно? Простите... Это не мое дело, разумеется, но все знают, что вы любите ее величество Беатрис...

- Ее величество? - переспросил лорд Бастельеро с таким недоумением, словно впервые слышал это имя, и слабая улыбка тронула его губы. - О, это... Это всего лишь слухи! Моя дорогая Айлин, я клянусь Претемной Госпожой, нашей общей покровительницей, что в моем сердце нет любви ни к кому, кроме вас! Это правда, я был... увлечен... какое-то время. Ошибка молодости, не больше! Ее величество Беатрис для меня не существует! Разве что как королева...

Он говорил это с такой искренней убежденностью, что Айлин почему-то сразу поверила. Невозможно смотреть настолько влюбленным взглядом и хотя бы думать о ком-то еще.

«Бойтесь своих желаний, — вспомнила она какую-то старинную мудрость. - Они могут сбыться...» Вот, ее глупые девичьи мечты о любви Грегора Бастельеро сбылись, но что с этим делать?! Как отказать самому Архимагу?! Ведь когда он узнает, что она выходит за магистра Роверстана...

- Я вам верю, милорд, — сказала она тихо. - Но что, если я люблю другого человека?

Бастельеро, вздрогнув, подался вперед.

- Вы любите другого? - переспросил он, и Айлин ясно услышала в его голосе изумленное отчаяние и просыпающийся гнев. - Айлин! Вы отдали свое сердце... его величеству? Он ведь женат! Не хотите же вы сказать, что готовы стать его... его фавориткой? Вы?!

«Его Величество?... - растерялась Айлин от такого странного и неожиданного вывода. - Он что, решил, что я... и Ал?! Что за невозможная чушь?!»

Синие глаза лорда Бастельеро потемнели, став ледяными и колючими, и Айлин с удивлением поняла, что и сама разозлилась. Разозлилась так, как не злилась никогда и ни на кого, даже... даже на леди Гвенивер, когда погиб отец! Даже на Артура сегодня!

- Как вы смеете? - так же тихо, но отчетливо проговорила она. - Я могу понять, почему вы думаете так обо мне, но как вы смеете предполагать подобное о его величестве?! Он - образец благородного лорда, и я счастлива, что он удостоил меня своей дружбы! Да я и мысли подобной не могу допустить! Это же все равно, что... что влюбиться в родного брата! Все равно, что полюбить Саймона или Дарру! То есть лордов Аранвена или Эддерли...

- Все равно что Дарру? - переспросил Бастельеро и улыбнулся так, словно ужасно опасался чего-то, что не сбылось. - Айлин, вы просто чудо! Поверьте, вам совершенно не нужно дразнить меня, я и без того... О, дорогая моя, если бы я хоть на миг поверил, что вы любите другого...

«Вы стали бы самым несчастным человеком на свете...» — мрачно продолжила Айлин про себя, потому что все отвергнутые поклонники в романах говорили именно эту фразу.

- Я бы его убил, — совершенно просто и обыденно сказал лорд Бастельеро.

Айлин задохнулась от ужаса и неожиданности, а некромант, явно не видя, как подействовали его слова, так же убежденно продолжил:

- Впрочем, почему «убил бы»? Клянусь, я именно так и поступлю! Я слишком люблю вас, Айлин, чтобы допустить хотя бы мысль отдать вас другому. О, как же я рад, что ваши друзья детства - это всего лишь друзья! Вы не представляете, какая редкость - чистая невинная душа, подобная вашей! Верное сердце, полное любви, абсолютная искренность... Никогда, слышите, никогда я не откажусь от вашей любви, моя дорогая девочка! Мое единственное счастье! И если кто-то по-настоящему встанет между нами, нарушит ваш покой, смутит вашу любовь ко мне... Разумеется, я убью его!

«Убьет... любого, кто встанет между ними? Убьет Кармеля?! Нет!» Айлин показалось, что она выкрикнула это во весь голос, но лицо лорда Бастельеро оставалось таким напряженно выжидательным, что стало ясно - не выкрикнула, только подумала. Нет-нет! Не может же он говорить это всерьез?

Но память вдруг ясно высветила это самое лицо, только белое от ярости, с пылающими лиловым огнем глазами, а потом изморозь на траве и лязгающий голос: «Устав лоялен, значит? Что ж, вам виднее, м-магистр... Значит, снова за него прятаться вы не станете?»

Снова... Значит, лорд Бастельеро уже пытался вызвать Кармеля на дуэль, только тот уклонялся? Конечно, ведь подруги Иоланды не раз шептались, что эти двое терпеть друг друга не могут... Да Айлин и сама не раз видела взгляды, которые некромант кидал на разумника. Холодные, раздраженные, презрительные, а иногда, вот как в Вишневу ночь, яростно-ненавидящие. Только она никогда не придавала этим взглядам значения, дура...

А теперь лорд Бастельеро действительно его убьет! Айлин поняла это совершенно отчетливо, без малейших сомнений. Убьет, если только она скажет... Что же делать? Что?!

Горячую злость, разлившуюся внутри, смыло ледяной волной ужаса. Да, разумникам запрещены магические поединки. Да, Кармель превосходно владеет рапирой, он учился у бретера и превзошел наставника. Но это если поединок будет честным! Она же некромантка! Она-то знает, что такое проклятие Бастельеро! Они недоказуемы, потому что не имеют собственного почерка! А человек, который собирался принести в жертву принца крови, уж точно не посчитает большим преступлением убить обычного мага... Он же... он смотрит на нее так, словно она уже принадлежит ему!

Айлин сглотнула, чувствуя, как в горле встал ком. Лорд Бастельеро — Архимаг... Он Избранный самой Смерти! Разве может быть противник страшнее?! И... Кармель погибнет из-за нее?! Потому что он ведь тоже ни за что не отступится! Только не он!

- Я... очень ценю ваши чувства, — пролепетала она, пытаясь подобрать самую мягкую и уважительную форму отказа. - Милорд Бастельеро, мне жаль, что в прошлый раз я была так резка, но... Я боюсь, что ничего не изменилось. Я не могу выйти за вас! Простите! И... постарайтесь найти свое счастье с кем-нибудь другим...

- Вы мне отказываете? - Бастельеро явно растерялся, словно даже в мыслях не допускал подобного. - Но почему?!

- Потому что... - Айлин ясно понимала одно: ни за что, ни в коем случае нельзя дать понять некроманту, что у него есть соперник! - Простите, милорд, но моя репутация...

- Не имеет никакого значения! - выдохнул Бастельеро. - Клянусь, я сумею защитить вас от сплетен! Даже если кому-то хватит глупости и наглости оскорбить мою жену, он точно не сделает этого дважды. А потом и остальные поймут, что вы недосыгаемы для слухов!

- Но я отказалась от рода... - отчаянно добавила Айлин. - Я больше не леди!

- Вы не можете отказаться от самой себя, — улыбнулся лорд Бастельеро, словно ему доставляло огромное удовольствие отвечать на ее возражения. - Я все равно люблю именно вас, чистую, отважную, верную... И титул леди вернется к вам очень скоро, а имя Бастельеро звучит не тише имени Ревенгаров!

- Я вас не люблю... — выдавила Айлин и с огромным трудом заставила себя не зажмуриться от страха.

- Это говорит ваша обида, а не вы, — откликнулся некромант и, сделав последний шаг, все-таки опустился перед ней на колени, взяв ее руки в свои. - Айлин, моя дорогая Айлин... Умоляю, переступите через это чувство. Обещаю, я искуплю вину и сделаю вас счастливой. В конце концов, нельзя отрицать, что мы предназначены друг другу! Я столько лет ждал именно вас... О, я понимаю, что сам виноват! Мне следовало уделять вам больше времени, ухаживать, как положено жениху, радовать вас подарками и заботой... Но поверьте, я не из тех мужчин, которые оказывают внимание только невестам! Став моей женой, вы ничего не потеряете в моей любви и моем уважении. И тороплюсь я единственно потому, что теперь, когда наш союз благословила сама Всеблагая...

- Благословила? Всеблагая?..

Это было похоже на затянувшийся кошмар. Он ее не слышал! Ничего из ее возражений попросту не пробивало стены, которые лорд Бастельеро возвел вокруг своей любви, как он сам понимал это чувство. Айлин ощущала, что бьется об эти стены, как мотылек - о стекло лампы, не в силах ни улететь подальше, ни пробить их и объяснить хоть что-нибудь...

- Я понимаю, вы держали это втайне, потому что не были уверены в нашем будущем, - улыбнулся Бастельеро, осторожно сжимая ее руки и поглаживая запястья большими пальцами. - И очень благодарен магистру Бреннану за деликатность. Но больше нет нужды скрывать ваше положение от меня. Очень удачно, что прошло так мало времени! Если мы заключим брак как можно скорее, ни у кого не будет сомнений, что наш ребенок законный! Поверьте, я думаю об этом только ради вашей репутации и его будущего! И вы не представляете, как я счастлив...

- Ребенок? - переспросила Айлин, чувствуя себя ужасно глупой.

Может, она ослышалась? Что-то не так поняла? При чем тут магистр Бреннан? Какое «положение» она скрывала?

- Конечно, ребенок... — выдохнул лорд Бастельеро со счастливым благоговением в голосе. - Дар Всеблагой, которая благословила ту ночь и нашу с вами любовь... О, как я вам благодарен, дорогая моя!

Онемев, Айлин пыталась понять, что все-таки услышала, а некромант склонился и нежно поцеловал ее пальцы, по очереди касаясь каждого сухими горячими губами. Вздвогнув, Айлин попыталась отнять руку, и он с явной неохотой отпустил ее, зато поднял голову и заглянул Айлин в лицо блестящими глазами, ожидая ответа. Ответа? Ответа?!

- Я... милорд, я не могу ответить вам сейчас, — с трудом выговорила Айлин непослушными губами. - Простите, я должна подумать...

- Разумеется, моя дорогая!

Понимающая улыбка снова тронула губы некроманта. Все так же улыбаясь, он поднялся и отвесил учтивейший поклон.

«Не верит, — поняла Айлин. - Просто не верит, что я могу и отказаться. Для него это просто часть ритуала... Приличная девушка, истинная леди, не может вот так просто взять и согласиться! Конечно, если хоть немного дорожит репутацией... Ненавижу это слово! Услышу его еще раз - и начну визжать, топтать ногами и кидаться... да хоть вазами, если Молотом Пресветлого нельзя! Но... Ребенок?! Бреннан! Он должен знать! Если это правда... Почему мне никто не сказал?! За что меня загнали в эту ловушку?! Я не могу! Не хочу! Я не должна! Или... как раз должна? Нет-нет-нет, я все узнаю и тогда буду принимать решение!»

- Когда мне прийти за ответом, миледи?

Айлин хотелось сказать, что она напишет письмо. Еще одна встреча?! После такого разговора?! Но... Во всяком случае, лорд Бастельеро заслуживал честного ответа глаза в глаза.

- Мне нужно сходить к целителям, — тихо уронила она. - Вы можете подождать прямо здесь. Я вернусь и... отвечу вам.

В этот момент она поняла, что именно так и будет. Нельзя бесконечно вваливать свои беды на других! Что бы она ни ответила Бастельеро, это будет ее решение, а не Кармеля. И принять его нужно, осознавая все последствия!

***

- Милорд магистр! - выпалила Айлин, едва дыша. - Простите! Мне нужно с вами поговорить! Очень

сроч... но... — добавила она, только теперь увидев курящийся парком кувшин шамьета на столе и надкушенный пирожок в руке целителя.

И то, каким усталым и постаревшим выглядит Бреннан. И вспомнила, что ворвалась к нему без стука...

- Простите, — шепнула она, замерев у двери. - Я знаю, что должна была хотя бы постучать, но... мне действительно очень нужно вами поговорить! Я ненадолго, клянусь!

Пожилой целитель шумно вздохнул, отложил пирожок на блюде и поманил ее к столу.

- Присаживайтесь, милая моя. И изложите свое дело. Полагаю, оно действительно не терпит отлагательства, раз уж вы впервые на моей памяти примчались ко мне столь поспешно?

Айлин подошла к столу и робко присела на указанное кресло. Бреннан протянул ей поджаристый пирожок, и она взяла его, но поняла, что даже ко рту не может поднести. Какие пирожки после такой... такой новости!

- Вы правы, — тихо сказала она, опустив глаза и глядя только на золотистый, присыпанный корицей, поджаристый бочок пирожка. - Мое дело... оно действительно не терпит... Милорд магистр! Это правда, что у меня... что я...

Слово никак не хотело вылетать, застревало в горле, и Айлин порадовалась, что не заставила себя из вежливости надкусить пирожок - наверняка подавилась бы.

- Что я... в положении? - выдавила она, наконец, опустив голову и чувствуя, как горят уши и щеки, и как жжет глаза.

Вот это, наверное, и называется - «сгореть от стыда»?

Кулак целителя грохнул по столу так, что подпрыгнула посуда, а шамьет испуганно выплеснулся прямо на скатерть. Айлин невольно вскинула голову-таким мэтра Бреннана она не видела еще ни разу!

- Простите, дитя мое, — проскрипел целитель. - Мне следует лучше держать себя в руках. Но поверьте, зол я не на вас, а на... совсем другого человека. Знаете, порой мне кажется, что родовое имя заменяет некоторым диагноз! Что касается вас... это правда. Ну-ну, дитя мое, не нужно так расстраиваться! Я как целитель категорически против!

- Почему вы... почему вы не сказали мне об этом раньше? - вымолвила Айлин, чувствуя, что летит куда-то в бездонную ледяную пропасть.

Все-таки это правда. Правда, которая неизбежно изменит все! Всю ее жизнь!

- Потому что ваше душевное состояние было совершенно неудовлетворительным, — вздохнул магистр. - В вашем положении нервничать очень вредно, девочка моя, но дело не только не в нервах. Вот, выпейте хотя бы!

Он плеснул шамьета в чистую чашку и подвинул к Айлин. Она бездумно взяла ее, стиснула в ладонях быстро нагретый фарфор. Потом поднесла к губам и глотнула. Горячая сладкая жидкость прокатилась по пересохшему горлу, и дышать стало немного легче. А магистр снова заговорил:

- Моя милая девочка, вы должны понимать, что подвергли себя тяжелым испытаниям, для которых женское тело попросту не предназначено. Простите, я буду говорить как целитель, не щадя вашу стыдливость... - Он вопросительно посмотрел, и Айлин резко кивнула. Ей нужна правда! - Вы, возможно, не знаете, но прохождение через порталы пагубно воздействует на женщин в положении. На ранних сроках оно чаще всего приводит к выкидышу, на поздних ребенок может родиться мертвым или... Впрочем, это вам действительно знать не нужно! - прервал он сам себя. - Насколько я понимаю, срок вашей беременности еще совсем небольшой, меньше двух месяцев?

Айлин попыталась вспомнить и безмолвно ужаснулась его правоте. Вишневая ночь была так недавно! А сколько всего случилось после нее! Меньше двух месяцев - разве можно в это поверить?

- Да, милорд магистр... — прошептала она все с тем же мучительным жгучим стыдом и посмотрела на целителя. - Я знаю точно... Это было... после Вишневой ночи...

- Ну разумеется, — вздохнул магистр Бреннан, глядя на нее с участием, которое просто не должен был испытывать к такой... распущенной дряни! И все же целитель как будто совсем не презирал ее. Напротив, жалел! - Поверьте, милая, это случается чаще, чем вы думаете. Пылкость юности, очарование традиций... А потом бедные девочки рыдают у меня в кабинете, и хвала Милосердной

Сестре, если им хватает ума прийти именно ко мне, причем вовремя. Я так понимаю, вы ничего не знали о том, что с вами происходит? А я всегда утверждал, что в общий курс медицины нужно ввести лекции о предохранении! Так нет же! Девичья стыдливость может пострадать! Целомудрие нарушится от одних разговоров... Тьфу! - Он раздраженно глотнул шамьета и вздохнул: - Вот, извольте видеть, к чему это приводит...

Айлин молча кивнула, подумав, что ей такое знание все равно не помогло бы.

Хотя... Может, она бы раньше поняла, что с ней? Ведь были же какие-то признаки? Теперь вспоминалось, что женские дни что-то давно не приходили, но в путешествии она списывала это на холод и усталость, а потом... попросту забыла!

- Что касается вас, — продолжил Бреннан, — вы едва избежали самого неприятного развития событий, то есть выкидыша. Портал в Бездну, возвращение обратно... Не знаю, моя милая, каким чудом вы смогли выжить, да и не мое это дело, но ребенка при этом вы непременно должны были потерять. Еще ведь был и третий портал - в Академию... Мда... К счастью, магистр Роверстан вовремя заметил, что с вами творится неладное, и мы успели остановить кровотечение.

- Крово... течение... - выдохнула Айлин, почти роняя чашку и стискивая ладони перед собой.

О таких вещах редко, очень редко шептались дамы в гостиной Ревенгаров. Конечно, беременность - обязательная часть женской жизни, но ах! Не при девочке же! И все-таки она знала, что от потери ребенка можно запросто умереть.

- Именно, — кивнул магистр. - Довольно сильное кровотечение, спровоцированное перемещением через порталы. К счастью, нам известны средства от этого. Между прочим, разработанные вашим дедом, лордом Морхальтом. Исключительно талантливый был акушер, мда... - Бреннан поморщился, словно вспомнил что-то очень гадкое, и снова вздохнул: — Вот ведь как бывает! Во всяком случае, вам, его внучке, исследования магистра Морхальта спасли и ребенка, и, возможно, саму жизнь. Мы с магистром Роверстаном сами провели операцию и сохранили ее назначение и последствия в полной тайне. От всех, понимаете? - мягко уточнил он, и Айлин кивнула.

Что же тут непонятного?! Иначе весть о ее беременности разнеслась бы по Академии мгновенно!

- Значит... я здорова? - опять прошептала она, опуская взгляд. - И ребенок... тоже?

Думать о ребенке почему-то не получалось. Ну никак разум не хотел осознать, что где-то в ее теле существует еще одна жизнь, крохотная, чужая и все-таки частица ее самой. Как вообще в это можно поверить?! Ведь она же ничего не чувствует!

Айлин невольно прижала ладонь к животу, и Бреннан снова подлил ей шамьета, а потом негромко подтвердил:

- И вы, и ребенок, насколько я могу об этом судить. Кровотечение мы вам вовремя остановили, дали все необходимые лекарства, и беременность развивается благоприятно. Некоторые опасения вызывало только ваше психическое состояние да еще последствия аркана, который вы так бесстрашно и неосторожно применили. Я собирался поговорить с вами, как только вы достаточно придете в себя, но... отложил разговор.

- Я понимаю, милорд, — кивнула Айлин, старательно выговаривая каждое слово. - Но лучше бы вы все-таки его не откладывали.

«Лучше бы вы сказали мне сразу! — хотела крикнуть она. - Лучше бы не было горячего шоколада, цветов кофе, похожих на пушистые звездочки, и других цветов... Арлезийской серенады и похищения через окно, рассказов о семье и помолвки, лучше бы Кармель никогда не становился для меня Кармелем! Потому что теперь, когда я знаю все... Что мне с этим делать?!»

- Может быть, вы и правы, — согласился Бреннан, и морщины на его лице стали вдруг еще заметнее, чем раньше. - Если бы мы могли что-нибудь сделать... Милое дитя, вы не первая адептка, попавшая в подобную... ситуацию. К сожалению, ваш аркан делает невозможным наше вмешательство.

- Вмешательство? - повторила Айлин, силясь понять, о чем он говорит.

- Иногда целители прерывают беременность, — объяснил магистр, видимо, устав изъясняться обиняками. - Так бывает, если есть угроза здоровью будущей матери... и в некоторых других случаях. Но мы до сих пор не знаем всех особенностей именно вашего аркана, так что этот путь для вас закрыт. Вы, конечно, можете попытаться найти целителя или алхимика, который продаст вам соответствующее зелье, но... есть весьма высокая вероятность, что, потеряв этого ребенка, вы утратите способность зачать в будущем. Понимаете?

- Да, милорд магистр, — тускло согласилась Айлин, совершенно ничего не понимая, но не желая в этом признаваться.

- Это будет ужасно само по себе, потому что наверняка вы потом захотите родить в браке, но могут быть и другие последствия. Вы с его величеством делились жизненной силой, ваша связь подтвердилась не только на душевном уровне, но и на телесном. А мы, простите, что повторяюсь, еще не знаем, какие тайны может скрывать ваш аркан. Тем более измененный вами таким... непонятным образом. И если вы в результате искусственного выкидыша лишитесь способности к деторождению... - продолжил Бреннан, внимательно и сочувственно глядя на нее. - То, возможно, ваш друг... то есть его величество тоже утратит эту способность. Понимаете? Это очень, очень маловероятно! И все же исключать такой возможности нельзя!

Айлин кивнула, теперь действительно поняв абсолютно все, но магистр вместо того чтобы успокоиться, почему-то разволновался еще больше.

- Дитя мое! Не нужно так расстраиваться! Существуют иные возможности... Пока о вашем положении не знает никто... почти никто, - спохватился он. - И больше никто не узнает, даю слово! Но у вас повреждены каналы, восстанавливаться придется долго, не менее года. Ничего странного, если вы предпочтете покинуть на это время Академию и отправиться... скажем, в загородное поместье вашей тетушки. Госпожа Элоиза в глубоком трауре, никто не удивится, что вы не принимаете гостей, зато уже через год вы вернетесь и с новыми силами приступите к учебе. А если Всеблагая Мать будет милостива к вашей тетушке и подарит ей ребенка, последнюю память о покойном муже, то кто посмеет упрекнуть столь добродетельную даму?

«Никто, — подумала Айлин. - Конечно, никто не упрекнул бы. И тетушка... Наверное, она согласилась бы. Если бы я осмелилась ее попросить. Наверное, Кармель... нет-нет, милорд магистр Роверстан... может быть, он тоже не отвернулся бы от меня. Ведь глупо думать, что я смогла бы скрыть от него такое... Если бы только об этом не узнал лорд Бастельеро! Или если бы он счел меня падшей и недостойной продолжить его род! Какая же я гадкая, я должна быть благодарна, что он и мысли такой не допустил! Должна, но не могу... Он уже ждет и любит этого ребенка, он говорит о нем с таким восторгом, он благодарен мне... И допустить мысль, что он от него откажется?! Да ни за что на свете!»

- Спасибо, милорд магистр, — постаралась улыбнуться она. - К сожалению... Есть обстоятельства, которые делают это невозможным. Отец ребенка... знает о нем.

- Знает? - нахмурился Бреннан. - И до сих пор ничего не предпринял?! Дитя мое, надеюсь, это не шалопай Саймон? Конечно, младший Эддерли совершенно безрассуден, но мне не хотелось бы думать, что он способен на подлость...

- Что?! О нет! - почти с ужасом заверила Айлин. - Саймон... он... Он мне как брат! Я бы никогда!..

Ну почему все вокруг считают ее способной... Ее - и Саймона! Глупость какая! Большая глупость - разве что Дарру подозревать!

- Но тогда... — Целитель замялся, потом снова взглянул на нее сочувственно и сказал: - Девочка моя, кто бы это ни был, вы можете мне довериться. Обещаю, я поговорю с отцом вашего ребенка, и если он не собирается поступить, как положено честному человеку, мы примем должные меры. Даже если это... его величество. Уверен, и тогда найдется какой-то выход...

- Магистр!

Айлин вскочила, едва не опрокинув чашку, и Бреннан успокаивающе поднял перед собой ладони.

- Понимаю-понимаю! Но если вы собираетесь выйти замуж, лучше... поторопиться. Поверьте, девочка моя, пересудов лучше избежать хотя бы ради вашего ребенка. Пока его появление на свет можно будет признать обычными преждевременными родами.

- Да, милорд магистр, — негромко сказала Айлин. - Я непременно об этом подумаю. И... благодарю вас...

- Ох, только не наделайте никаких глупостей, дитя мое, — вздохнул Бреннан. - И помните, что за вас есть кому заступиться! Милорды Эддерли и Бастельеро безусловно станут представлять ваши интересы, да и я сделаю все, что смогу!

- Благодарю вас.

В горле запершило, на глаза снова навернулись слезы, а она ведь думала, что ни за что больше не станет плакать. Милорд магистр так добр к ней! Он даже не представляет, как все сложно и неправильно... О да, лорд Бастельеро уже готов о ней позаботиться! И он, кажется, действительно ее любит! Но от этого все только хуже!

Поклонившись, Айлин вышла, и сочувственный взгляд немолодого целителя жег ей спину. В коридоре она подошла к ближайшему окну, выходящему в сад и настезь распахнутому, оперлась руками о подоконник.

Ребенок. У нее будет ребенок. Нет, не у нее, а у них! И не просто ребенок, а наследник рода Бастельеро! Его продолжение, золотая кровь, пусть и бастард. Впрочем, почему бастард?! Ведь лорд Бастельеро на ней женится!

Айлин с трудом подавила смех, грозящий перейти в рыдания. Никакой истерики, вот теперь уж точно! Теперь она просто не имеет права ни на что, способное повредить малышу.

Она снова уронила ладонь на пояс, нетуго перехвативший тонкую мантию. Живот казался совершенно плоским, и это было так странно... А вдруг целители ошибаются?! Вдруг они приняли за беременность какую-то болезнь... «Да, и после операции - тоже! - язвительно возразила она себе. - Но разве после операции не должны были остаться шрамы? Нет-нет-нет, я не хочу об этом думать! Вообще не хочу!»

И все-таки отрицать очевидное - полная глупость. Уж магистр гильдии целителей в своем деле разбирается. И магистр Роверстан - тоже! Кармель... почему он ей ничего не сказал?!

«Потому что не хотел, чтобы я натворила глупостей. А что еще ему про меня думать после всех моих выходов?! Мне было сказано просто побыть в лазарете! Переждать нервный всплеск после боя! А что сделала я? Выпрыгнула в окно и кинулась домой к мужчине, который даже повода об этом думать не давал! Сама прыгнула к нему в постель, а потом взломала его кабинет и рылась в его вещах... Влезла в такое... Загубила свою репутацию приличной девицы, отправившись к Разлому с двумя мужчинами... Наложила неизвестное заклятие на себя и своих спутников... И это еще про Баргота никто не знает! И что после этого Кармель может подумать о моем рассудке?! Разумеется, он мне ничего не рассказывал! Но... ведь предложение все-таки сделал. Зная о ребенке! Да что там зная - Кармель спас и его, и меня! Спас мою беременность от лорда Бастельеро, который его ненавидит...»

Слезы все-таки потекли по лицу, горячие, обжигающие, но Айлин их не вытирала - они сами тут же высыхали от ветра, гуляющего по саду. За спиной прошли, весело болтая, какие-то адепты Зеленого факультета, судя по разговорам, однако ее никто не окликнул. Айлин стояла и думала так напряженно, как никогда в жизни. Даже принять решение, которое повело ее через зеркало к Аластору, было легче! Там она жертвовала всего лишь своей жизнью!

«Допустим, я действительно попрошу тетюшку Элоизу о помощи... Да, будет ужасно стыдно, и все-таки - уверена! - она мне не откажет! Вдове купца гораздо легче скрыть подобное, чем леди... Но ведь лорд Бастельеро уже знает! Он не позволит отдать наследника его рода в другую семью! Нет-нет, об этом даже думать бессмысленно! Правда, если я все-таки выйду за Кармеля... и мы уедем... да хоть в ту же Арлезу! Имею ли я право требовать, чтобы Кармель ради меня бросил родителей и близких, пост магистра гильдии? И если даже он принесет мне такую жертву, что это изменит?

Мы не сможем прятаться всю жизнь, лорд Бастельеро обязательно разыщет нас. Он Архимаг! А порталы снова работают, и оказаться в Арлезе для него - дело пары часов. Он вызовет Кармеля на дуэль и... Один из них умрет. Я даже думать не хочу, кто именно! Потому что это неправильно и несправедливо! Никто не должен умирать из-за того, что я - безответственная дура!

Что еще можно сделать?.. Отдать ему этого ребенка и попросить отпустить нас с Кармелем? Об этом думать еще отвратительнее! Бедный малыш, он ничем не заслужил быть бастардом, хоть и признанным! Расти без матери, пусть и такой пустоголовой, как я... А когда подрастет, узнать, что его мать - шлюха, которая провела с мужчиной одну ночь и сбежала, подкинув плод этой ночи, словно кукушка - птенца в чужое гнездо. Всеблагая Мать, как же стыдно, горько и противно... Да, я заслужила кару, но почему именно такую?! Не будь этой беременности... Может, мне стоило умереть от выкидыша?! Дура! Даже думать об этом нельзя! Ведь от моей жизни тогда зависели жизни Ала и Лу!

Ну ладно, а если... если я все-таки сбегу с Кармелем, и мы сразу отправимся в храм Странника? Брак, заключенный там, нерасторжим... Зато вдовой остаться вполне можно! И снова все приводит к их дуэли... Или просто к смерти, если кто-то нанесет первый удар не по правилам поединка, а просто ради смерти противника. Я не хочу! Претемная Госпожа, матушка моя, ну что мне делать?!»

Однако ответа не было. Даже прикосновения невидимой ласковой руки к волосам, как раньше... Что ж, это и понятно. Та, которую зовут Разрубающей Узлы, делает это одним-единственным способом, именно тем, которого Айлин изо всех сил пыталась избежать.

«Я не хочу, чтобы кто-то умер, — подумала она, чувствуя, как душа разрывается на части. - Ни Кармель, ни... лорд Бастельеро. Но если я скажу Кармелю об этом, он просто улыбнется и ответит, чтобы я не беспокоилась - он все устроит. А что тут можно устроить?! Он бесстрашный, он не боится

лорда Бастельеро! И погибнет... Или убьет сам. Может, даже первым! Но так тоже нельзя! Я не хочу быть причиной чьей-то смерти... Ни я, ни мой ребенок... И решение, на самом деле, только одно. И я его отлично знаю! Ну и что, если не хочется?! Я и так слишком долго делала все, что мне хотелось! Если я выйду за лорда Бастельеро, Кармель будет несчастен... какое-то время! Но не может ведь он любить меня бесконечно? Вон, даже лорд Бастельеро забыл ее величество Беатрис, хотя о его любви есть баллады и даже целая опера... Все знают, что «Итлийская принцесса» — это про него и их величеств Беатрис и Малкольма! Но он забыл ее после стольких лет... И Кармель забудет! Зато он останется жив! А я... я хоть один раз в жизни поступлю не так, как хочу, а как должна. Выйду замуж, стану приличной леди и матерью... Мой ребенок будет расти счастливым - о, я все для этого сделаю! И уж точно не стану лишать его отца... Да, решено. Так и надо поступить. Я заставлю себя разлюбить Кармеля, у меня обязательно получится. Чтобы даже в мыслях не осталось ничего... Как будто Айлин, которая его любила, умерла! А останется только леди Бастельеро. И, может быть, я смогу найти хотя бы покой, раз уж не любовь... Ведь другие как-то могут! Главное, что все будут живы! Только теперь нужно все сделать правильно...»

Она прошла по коридору несколько десятков шагов, что отделяли кабинет магистра от ряда палат, остановилась перед дверью своей и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Спohватившись, вытерла лицо краем рукава - не хватало еще следов от слез! Хотя лорд Бастельеро наверняка подумает, что это она от волнения... Или вообще от радости!

Толкнув дверь, она вошла, и некромант при ее появлении вскочил со стула, посмотрев радостно и тревожно. Айлин заставила себя улыбнуться. Получилось отвратительно, однако уголки губ все-таки растянулись в подобии улыбки.

- Я согласна, — сказала она так тихо, что лорд Бастельеро наверняка едва расслышал ее голос, и повторила громче - Я согласна, милорд. Я стану вашей женой. И благодарю вас, что обстоятельства... о которых рассказал магистр Бреннан, не заставили вас передумать.

- О, моя дорогая! - выдохнул некромант и шагнул к ней.

Айлин испугалась, что он снова упадет на колени, и тут ей в голову пришла мысль... Пожалуй, единственная приятная мысль за это утро, хоть и она оказалась окрашена горечью. Ну, хоть что-то хорошее получится сделать...

- Милорд Бастельеро, — начала она, и увидела, как он востепенел, посмотрев с жадным вниманием. - Я хотела бы... Хотела попросить вас о свадебном подарке. Можно?

- Подарке? - переспросил он и просиял, словно только что получил его сам, причем невероятно желанный. - Разумеется! Что вы хотите, любовь моя?

«Любовь... придется привыкать и к этому тоже, да. К его нежности, влюбленности... Уж лучше бы он был холоден, как раньше, пока оставался только наставником!»

Но это ее бремя, которое она выбрала и взвалила на себя сама, никто не подталкивал. Ей и отвечать за любые последствия!

- На синьора Фарелли... то есть на лорда Фарелла, — поправились она торопливо, — наложено проклятие. Смертельное проклятие, отсроченное тем, кто его наложил. Это была... ее величество Беатрис. О, клянусь, он... ничем ее не оскорбил! Она просто хотела быть уверена в его послушании... Милорд Бастельеро, вы можете его снять?

- Прошу, называйте меня Грегор, — сказал некромант и едва заметно нахмурился. - Проклятие от королевы? Кажется... я знаю, о чем идет речь. Конечно, если вы этого желаете, я его сниму! Передайте лорду Фареллу, пусть приедет в Академию и попросит меня о встрече. Но... это и все? Моя милая Айлин, неужели у вас нет иных желаний?

Снова слабо улыбнувшись, она покачала головой.

Лорд Бастельеро шагнул к ней и заглянул в лицо.

- Вы чудо, — шепнул он. - Чудо бескорыстия и доброты! Обещаю, я постараюсь выполнять любые ваши желания! Все, чтобы вы были счастливы...

- Благодарю, милорд, — прошелестела Айлин, сама удивляясь, какой сухой и безжизненный у нее голос.

Лорд Бастельеро взял ее руку в свои ладони, поднес к губам, склонившись, а потом Айлин почувствовала прикосновение холодного металла, и рука потяжелела. Она посмотрела вниз. Роскошное старинное кольцо с крупным сапфиром было очень красивым. Но она едва сдержала вскрик, потому что подумала о кандалах. Вроде тех магических, что обхватывали ее запястья, только они отрезали всего лишь от магии, а это кольцо - от всей прежней жизни. Ее собственной

жизни!

- Один поцелуй! - умоляюще произнес ее жених. Второй жених, ну не смешно ли? О да, так забавно, что рыдать хочется. - Теперь, когда вы сказали мне «да».

- Простите, милорд, - сказала Айлин, чувствуя, что еще немного, и упадет в самый пошлый омерзительный обморок. - Боюсь, я и так... позволяла себе слишком много... Я постараюсь быть вам верной женой и идти навстречу вашим желаниям, но... только после свадьбы. Простите...

- Да, моя леди! - снова выдохнул некромант, смотря на нее восхищенно, как на живую Всеблагую. - Простите! Разумеется, я подожду! Вы... позвольте мне начать подготовку?

- Буду очень благодарна, милорд... — Каждое слово давалось все труднее. - А сейчас простите... у меня был неприятный день...

- Это мне следует просить прощения!

Лорд Бастельеро склонился и снова поцеловал ей руку, а потом вышел, даже не напомним, что Айлин тоже должна надеть ему помолвочное кольцо. Впрочем, это уже неважно... Главное, что оно на ее руке. Сейчас нужно еще пережить разговор с Кармелем, и... все, наконец, закончится. Кажется, вместе с ее счастьем, но это неважно. Счастье ведь не главное долга!

***

- Вы совершенно правильно сделали, что увезли его величество как можно скорее.

Грандсеньор канцлер задумчиво посмотрел на Аластора, который вздохнул, потер пальцами виски и признался:

- Теперь я тоже этому очень рад. Страшно подумать, какие слухи могут пойти.

- Магистр Бреннан весьма мудрый человек, — отозвался канцлер. - Не сомневаюсь, он сделает все возможное для сокрытия тайны. Меня больше беспокоит молодой лорд Ревенгар и то, какой воспримет свое... поражение.

- Извиняться не собираюсь, — буркнул Альс, развалившись в кресле малой голубой гостиной, как назвал эту комнату сеньор Джастин. - Будь у него побольше ума, Айлин не отрекалась бы от рода. Несколько оплеух - это меньшее, что он заслужил.

- Возможно, не совсем он? — предположил канцлер. - В любом случае... О, доброго дня, моя дорогая!

В гостиную вошла немолодая женщина, одетая в белое и удивительно похожая на самого грандсеньора Аранвена. Серебристый от возраста шелк волос, уложенный в высокую прическу, изысканный силуэт... На тонкой бледной коже темно-серые глаза казались удивительно глубокими и выразительными, а узкие губы идеально гармонировали с точеными скулами и маленьким крепким подбородком. Лучано невольно залюбовался этой холодной северной красотой, которую возраст не скрыл, а сделал еще заметнее, словно резец времени убрал все лишнее и выявил самую суть женщины, подчеркнув ее характер. Сестра? Просто родственница?

Он поспешно вскочил, следом неторопливо и величественно поднялся канцлер, Альс только попытался привстать...

- Прошу ваше величество не беспокоиться, — промолвила восхитительная грандсеньора и присела в реверансе с легкостью, которой могли бы позавидовать многие девицы.

- Миледи... Мне, право, неудобно...

Альс попытался застегнуть камзол и пригладить волосы, его короткая коса, заплетенная утром, растрепалась, и последние полчаса король думал о чем угодно, только не о прическе. Но женщина, которой канцлер, склонившись, поцеловал руку, даже у Лучано вызвала желание проверить, все ли пуговицы застегнуты, насколько манжета рубашки выглядывает из-под рукава камзола и чиста ли обувь.

- Ваше величество, — церемонно произнес канцлер, — позвольте представить вам мою супругу Немайн Аранвен, в девичестве носившую ту же фамилию.

«Кузены, — сообразил Лучано. - Отсюда и сходство!»

- Рад встрече, миледи, — сконфуженно отозвался Альс. - Простите, я не совсем здоров...

- Дорогая, — повернулся к ней Аранвен, — позволь представить тебе лорда Люциана Фарелла.

Лучано низко поклонился, приложив руку к сердцу, а когда выпрямился, был вознагражден внимательным взглядом, который по остроте мог бы посоперничать с его новым любимым ножом - наследством от синьора Денвера.

- Слышала о вас много хорошего, милорд, — проговорила жена канцлера, ответив легким кивком, и снова обратилась к мужу: — Полагаю, дорогой супруг, дело не терпит промедления, раз уж вы прислали за мной в дом Эддерли? Как удачно, что порталы уже работают.

- Мне очень жаль, дорогая, но это действительно так, — ответил канцлер, а слушающий все это Альс спохватился:

- Прошу, миледи, присаживайтесь!

- Благодарю, ваше величество.

Белоснежный шелк юбки зашуршал, а потом словно сам собой уложился безупречными волнами, когда грандсиньора опустилась в кресло. При этом ни на закрытом лифе с воротником-стойкой, ни на длинных узких рукавах не появилось ни одной лишней складочки, а из прически не выбился ни один волосок. Изящные ладони с длинными холеными пальцами дама сплела перед собой, и Лучано увидел, что на правой руке у нее огромная черная жемчужина, оправленная в белое золото, близняшка родового перстня канцлера. А рядом - чистейшей воды аметист, и форма этого кольца в точности как у того, что он взял с убитого мага. Синьорина, помнится, носит такое же колечко, но с двухцветным аметрином... Грандсиньора - некромантка?! Ух...

- Я позволил себе пригласить свою жену, потому что она не раз оказывала мне помощь советами и услугами, — пояснил грандсиньор канцлер. - Особенно в делах, требующих деликатности. Вроде сегодняшнего. Ваше величество разрешит рассказать?..

- Вам виднее, — отозвался Альс, лишь слегка нахмурившись.

Может, он и поспорил бы, но наверняка помнил, как всего получасом ранее грандсиньор канцлер с изумительной учтивостью просил его больше не отсылать приставленную тайную стражу даже с самыми важными поручениями. О, конечно, боевой маг, всего вчера определенный на каторгу, и человек таких выдающихся талантов, как лорд Фарелл - это вполне приличная охрана! Однако далеко не все подданные знают его величество в лицо. Зато многие до сих пор празднуют его коронацию, поэтому только за вчерашний день в столице случилось три дуэли, восемнадцать массовых драк, семь пожаров и двадцать четыре убийства, причем в пяти из них жертвами стали ограбленные и убитые дворяне. Увы, арбалетные болты иногда летят из темных переулков, Молоты Пресветлого - из трактирных окон, а в уличных драках и вовсе никто не смотрит на лица и дворянские регалии. И ему, канцлеру, чрезвычайно хотелось бы, чтобы его величество со спутниками не пополнили ни один из поданных ему сегодня списков: ни жертв, ни убийц.

К концу этой изысканно вежливой словесной порки у Аластора даже уши порозовели, но перенес он ее с таким смирением, что Лучано еще больше его зауважал. А потом всерьез задумался, какими же талантами обладают эти два неприметных синьора, что их сочли достаточно надежной охраной для короля? Вот бы свести знакомство поближе...

Грандсиньор канцлер тем временем коротко пересказал супруге последние события, которые в его изложении выглядели просто несусветной дуростью и мальчишеством. Великолепная дама выслушала все с каменным лицом, а потом вздохнула в точности, как ее муж незадолго до этого, и Аластор напустился еще сильнее.

- Вы правы, дорогой супруг, — уронила она, в задумчивости поглаживая перстни пальцами левой руки. - Этой истории лучше забыть как можно скорее. Думаю, мне стоит нанести визит в дом Ревенгаров. Причем именно мне, а не вам. У молодого Артура наверняка пылкий и гордый нрав, и если он будет разговаривать с вами, мужчиной, то может не сдержаться и надерзить, а отступить после сказанного вслух юноше будет сложно. Зато у него есть одно качество, бесценное в наших обстоятельствах. Артур воспитан в уважении к матери и привык прислушиваться к женским словам. Поэтому он меня выслушает и не позволит себе ничего лишнего в беседе с дамой, а там и задумается... Что касается старшей леди Ревенгар... — Грандсиньора вздохнула снова, и на ее безупречно спокойном лице промелькнуло выражение утомленной досады и легкого презрения. - Что ж, придется объяснить ей значение слов «королевская опала», и кто в таком случае будет виновницей бед «ее дорогого мальчика», - явно скопировала она чужой напыщенный тон. - Право, до чего жаль, что старший Ревенгар погиб так нелепо. Скольких неприятностей можно было избежать! Лорд Фарелл, вы что-то хотите сказать?

Она слегка приподняла брови, поймав его пристальный взгляд, и Альс с канцлером тоже посмотрели с интересом.

- О-о-о... — опомнившись, восторженно выдохнул Лучано. - Простите, грандсиньора! Всего лишь искренне позавидовать вашему сыну! - Он дождался, пока интерес на лицах всех троих перейдет в

легкое недоумение, и пояснил: — Когда вы носили его под сердцем, этому счастливцу не пришлось выбирать, от кого из родителей наследовать красоту, а от кого - ум. И то, и другое он щедро взял от обоих!

На миг в гостиной повисла тишина, потом Аластор усмехнулся, уголки тонких губ канцлера тоже одобрительно дрогнули, а грандсиньора Немайн бархатисто рассмеялась и, протянув ему руку для поцелуя, благосклонно уронила:

- Какой галантный юноша! Ангус, дорогой, ты непременно должен пригласить лорда Фарелла к нам на обед.

Лучано с величайшей почтительностью поцеловал холеные пальцы и постарался скрыть облегчение.

«Кажется, прошел по самому коньку крыши... А это приглашение будет подороже многих! Ставлю свое кольцо младшего мастера против медяка, что благоволение грандсиньоры Аранвен при дворе Дорвенанта ценится не меньше, чем расположение самого канцлера».

- Что ж, так и поступим, — подытожил ее супруг. - Что касается юной Айлин... К сожалению, я не вижу никакой возможности вернуть ей родовое имя. Но если ваше величество пожалует бедной девочке дворянство...

- И непременно наследное, — решительно сказал Аластор, борясь со сном.

Глаза у него слипались, и держался Альс явно на одной учтивости.

- Разумеется, — склонил голову канцлер. - Поместье у нее уже есть, а дворянскую грамоту я выпишу немедленно, у меня в кабинете на такой случай всегда хранится несколько заполненных документов без имени. Через несколько минут вам принесут ее на подпись.

- Я... не помню имени ее отца, — сконфуженно признался Альс. - Она говорила, но... вылетело из головы. А ведь оно теперь станет родовым, как у бастардов, правильно?

- Совершенно верно, — снова кивнул канцлер. - Его звали Дориан. Леди Айлин Дориан - звучит вполне приятно, а после замужества она все равно сменит фамилию. Если позволите, ваше величество, мы вас оставим. Советую отдохнуть, душевное напряжение отнимает очень много сил.

Он поклонился, и белоснежный шелк снова прошуршал, когда величественная дама поднялась и присела в прощальном реверансе.

- Ух, какая женщина... — восхищенно протянул Лучано, когда эти двое вышли. - Вот это порода! Альс, не засыпай! Подпишешь бумагу - и спи, сколько угодно.

- Сам знаю, — буркнул Аластор, отчаянно зевая. - Лу, не забудь зайти к магистру Роверстану. Кидаться секирами и бить наглые рожи я должен исключительно... в здравом рассудке... - И он опять зевнул. - И стражники эти... от канцлера... Они же так и остались в особняке. Влетит бедолагам... а они... не могли послушаться... Загляни туда, а?

- Загляну, — пообещал Лучано, подумав, что вряд ли Альс продержится еще несколько минут.

И ошибся. Его чудовищно упрямый дорвенантец таращился, как сова, и даже щипал себя якобы украдкой, но дождался секретаря канцлера с грамотой и прибором для письма. Размахисто подмахнул пергаментный лист и с чувством исполненного долга заснул мертвым сном прямо в кресле.

Лучано взял грамоту и забрал футляр для нее из рук любезного юноши, который посмотрел на него с любопытством и поинтересовался, не он ли тот самый лорд Фарелл. Услышав, что тот самый, юноша увязался за ним к выходу из королевских покоев и с дрожью в голосе попросил разрешить загадку, которой мучается уже несколько дней. Зачем его светлости еноты? Да еще и «в достаточном количестве», как изволил выразиться его величество? Какова их возможная хозяйственная ценность?

Опешив, Лучано заподозрил собеседника в изощренном издевательстве, но услышал историю выбора для него поместья и от души пожалел, что пропустил это. Озеро, значит? С енотами? То самое? Ну, спасибо, друг Альс, порадовал... Мстительно пообещав себе припомнить его величеству при первой же возможности, он невозмутимо сообщил любознательному благородному синьору, что еноты весьма полезны. Их можно обучить разным штукам, и хорошо дрессированный енот заменяет смышленного пажу. А еще еноты способны ловить для хозяина мелкую дичь, отыскивать грибы, ягоды и орехи, превращать обычные сапоги в модные...

На этом месте Лучано не выдержал и рассмеялся, а потом извинился перед обескураженным

секретарем и объяснил, что его величество просто пошутил. Енот у него всего один, и насчет продырявленных сапог - это чистая правда, а вот иных услуг от этой хлопотной тварюшки не дожидаться. Кажется, синьор секретарь ему не очень поверил и ушел в глубокой задумчивости. Оставалось надеяться, что не на поиски собственного енота! Это вам не сапоги с кружевными отворотами, моду на енотов Аластор точно не одобрит, особенно во дворце.

В особняк, подумав, он решил завернуть по дороге в Академию, а не на обратном пути.

Синьорина сейчас все равно под присмотром целителей, и лишние полчаса без дворянства ее вряд ли расстроят. Скорее всего, ее напоили успокоительным, а возможно, и подремать уложили. Сон и вправду лучшее средство от расстроенных нервов, лучше него только любовь. Но это лекарство, следует полагать, ей вечером преподнесет жених. Лучано мечтательно вздохнул, припомнив серенаду и прощание этих двоих под окном... Нет, определенно следует заняться и своими личными интересами. В конце концов, он теперь благородный состоятельный синьор! Молодой, красивый, горячий... Такое сокровище пропадает, не обласканное какой-нибудь милой девицей!

В приподнятом настроении он добрался до уже знакомого особняка. Уважительно поклонился людям канцлера и сообщил, что его величество позволяет им оставить порученные дела и нести службу дальше. Неприметные синьоры раскланялись в ответ и исчезли раньше, чем удалось хотя бы имя у них спросить - Лучано только вздохнул завистливо и подумал, что без магии здесь не обошлось. Ну не могут два человека посреди бела дня раствориться, словно капля краски в ведре воды - без всякого следа!

Он обвел взглядом опустевший двор и понял, что тот не совсем пуст: в уголке между стеной пристройки и забором жался бывший управляющий. У его ног стоял обшарпанный сундучок, при взгляде на который Лучано удивился. Он совсем иначе представлял имущество, которое можно накопить за много лет службы в приличном доме. Увидев его, управляющий вздрогнул и съежился еще сильнее, словно ожидая удара. Лучано поморщился и спешил. Умница Донна встала как вкопанная, ожидая, пока хозяин вернется, и кося хитрым карим глазом в сторону конюшни - чуяла, наверное, чужих лошадей.

- Вы еще здесь? - хмуро спросил Лучано. - А где синьора экономка?

- В доме, милорд... — выдавил управляющий, опустив взгляд, и губы у него явственно задрожали. - Не извольте беспокоиться, собирался я при ней и ничего лишнего не взял...

В его голосе послышалась тень обиды, но такая же слабая и жалкая, каким сейчас выглядел весь этот человек. Лучано передернулся от неприязненной брезгливости, а потом заставил себя отбросить лишние чувства и подумать как младший мастер Шипов. Или как лорд Фарелл. Или просто как Лучано Фортунато, взрослый и умеющий за себя постоять. Но, во всяком случае, не как беззащитный мальчик, в памяти которого приют остался воплощенным кошмаром, Барготовым царством на земле.

Этот... человек все-таки не выгнал девчонку с пузом, как сделали бы на его месте многие другие. Позволил остаться до родов, а потом еще и месяц после них. Да, не платил, но кто бы на его месте стал? И слепого садовника тоже не тронул.

А ведь если бы на месте Лучано оказался настоящий благородный синьор, он мог бы и разгневаться на такую растрату хозяйских денег. Еда, она ведь тоже кое-чего стоит. Благородный синьор мог бы выкинуть самого управляющего за неумение беречь хозяйское добро. И, чего уж скрывать, за ту самую порчу репутации дома. Это безродному Шипу подобное неважно, а дворяне живут иными правилами.

Саграсс прав, больного старика, прослужившего всю жизнь, еще могли бы помиловать, но нагулявшую ребенка девицу даже в Итлии заставили бы сходить к лекарке и вытравить плод. Или отдать его в приют. Или вообще продать - на любой товар есть покупатель, и младенцы, которых никто не станет искать, не исключение... Но местный управляющий позволил девице переждать самое тяжелое время, и ребенок хотя бы остался жив. Ну а теперь...

Из дома не вышла, а выплыла дородная матрона в сером суконном платье, белоснежном переднике и таком же чепце - каждая складочка накрахмалена так, что стоит, словно жестяная. Она присела в чинном книксене и осведомилась у Лучано:

- Желаете принять отчет, ваша светлость?

- Скажите, почтенная синьора, как содержался дом и люди? - спросил он, борясь с желанием посмотреть в ту сторону, откуда раздался прямо-таки судорожный вздох.

Некстати подумалось, что ведь этот дурак и повеситься может. А что, решит, что начинать жизнь заново где-нибудь в лакеях - гиблое дело, и вздернется. Кому он нужен, немолодой, без отличных рекомендаций, потерявший работу и жилье...

- Весьма пристойно, ваша светлость, — сдержанно ответила экономка Альса. Подумала и добавила: - Конечно, учитывая средства, которые на это выделялись ежемесячно. Люди, во всяком случае, сыты и одеты, в доме чистота. За пятнадцать флоринов серебром большего и требовать нельзя.

- Сколько? - растерялся Лучано. - Полтора золотых?!

- Включая дрова и необходимые покупки, - невозмутимо подтвердила синьора экономка. - Даже если дом стоит без хозяев, его необходимо протапливать, чтобы не отсырел. Прислуга, конечно, жила всего в двух комнатах, женской и мужской, готовили тоже на всех, для управляющего не было отдельного стола. Два года назад, пока был жив старый хозяин, домашние дела велись вполне пристойно, а вот когда он умер, наследники выставили дом на торги, а людям платили не слишком хорошо, ваша светлость.

- Не слишком... - согласился Лучано, пытаясь осознать, как можно содержать восемь человек на пятнадцать, мать их Барготову, серебряных в месяц.

Еще и такой палаццо отапливать! В эти их жуткие зимы! Да на одни дрова сколько уйдет! И это ведь не крестьяне или городская беднота, а слуги в дворянском доме! Их что, одной капустой и редькой кормили?

- Милорд Аластор велел, чтобы я выписала бывшему управляющему рекомендации, — напомнила экономка. - Какие еще будут указания, ваша светлость? Найти вам нового?

И снова от стены послышался судорожный безнадежный вздох. Лучано все-таки покосился туда и помрачнел от болезненного чувства, больше всего похожего на... жалость? Вздор какой! С чего ему жалеть этого идиотта?! Да пусть хоть и вправду вешается на каком-нибудь постоялом дворе, пустяки какие!

Он вдруг почувствовал себя так, словно поймал старого кота за какой-то шкодой и вместо того, чтобы просто наткнуть носом, взял - и вышвырнул на улицу, захлопнув за ним высокие ворота, через которые коту ни за что не перебраться обратно в родной привычный дом. Лучано передернулся, такими отвратительно знакомыми показались чужие страх и отчаяние...

- Погодите минутку, синьора, — попросил он и раздраженно зашагал к управляющему. Подошел и уронил: — Вот что, синьор... как вас?

- Дойл... — прошептал тот и заученно покорно добавил: - К услугам вашей светлости.

- Вот что, синьор Дойл, — повторил Лучано. - Раз уж с делами вы справлялись, я вас, пожалуй, оставлю в прежней должности. Но если вздумаете опять мне прекословить...

- Да я... да я никогда! — Губы управляющего затряслись, а мгновением позже его заколотило всего, и на Лучано он посмотрел так, словно ему только что отменили смертный приговор. - Ваша светлость, да я же только... Больше никогда, Благими клянусь!

- Насчет тех двоих распоряжения прежние, — выдавил Лучано, почему-то чувствуя острый гадкий стыд за чужую слабость и беспомощность. - Кстати, старику лекаря позвоните, вдруг поможет.

Он не глядя нашарил в поясном кошельке несколько монет и вытащил - это оказался золотой флорин и пять серебряных. Как раз месячное содержание, чтоб его...

- Это не в счет жалованья, — объяснил с недоумением глядящему на деньги Дойлу. - Заплатите лекарю и купите на всех хорошей еды, пусть прислуга знает, что у них новый хозяин. И что выгнать я могу запросто, но голодом морить не стану, ясно? - Управляющий истово закивал. — Приеду через несколько дней, составьте список, что нужно для дома. И... ладно, это потом.

Он махнул рукой, не обращая внимания на несущиеся вслед благодарности, и вернулся к экономке Аластора.

- Благодарю за труды, синьора, думаю, обойдусь услугами прежнего управляющего.

- Счастлива служить вашей светлости, — снова церемонно присела та и ушла.

Лучано посмотрел вслед юркнувшему в дом Дойлу и глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри отпускает какая-то застарелая боль. Так, словно что-то очень долго болело, уже онемело и покрылось рубцами, но все-таки не заросло как нужно, а теперь эта рана вскрылась, очистилась и, можно надеяться, заживет по-настоящему.

«А синьору Дойлу я все-таки припомню, — со спокойным удовлетворением решил он. - Синьор у меня каждый месяц будет лично таскать в детский приют корзину с едой. И не служителям отдавать, а прямо детям в руки - чтобы в глаза при этом заглядывал! Может у меня, в конце концов,

быть собственная придурь, как положено дворянину?»

***

Сколько она просидела на кровати, Айлин понятия не имела. В какой-то момент ей подумалось, что нужно послать за Кармелем. Или сходить к нему самой? Но она ведь не знает, где он! У него могут быть еще занятия или дела гильдии, он мог уехать в город... Он же готовится к их свадьбе!

Соскользнув с кровати, Айлин полезла под нее и подняла кольцо, укатившееся совсем недалеко. Хорошо, что лорд Бастельеро его не заметил! Покрутила в руках, подумала, что нужно положить куда-нибудь, пока не вернула, но так и не смогла придумать - куда. Села снова на кровать с кольцом в руках...

Чувство вины стало совсем невыносимым, но стоило Айлин уговорить себя встать и хотя бы дойти до поста целителей, чтобы попросить отнести записку магистру Роверстану, в дверь легонько стукнули - так деликатно и знакомо!

Сердце екнуло, она едва разжала губы, чтобы разрешить войти. Кармель, одетый в дорожный камзол и в сапогах для верховой езды, словно только что откуда-то приехал, переступил порог и сразу озабоченно взглянул на нее.

- Моя дорогая, что-то случилось?

Айлин молча смотрела, как он подходит, не в силах ответить. Как вообще говорят подобное?! Сказать, что она его больше не любит и разрывает помолвку? Глупость полная, он все равно не поверит и будет прав. Невозможно солгать разумнику. А солгать любимому - еще и подло.

- Айлин? - спросил Кармель уже с нешуточной тревогой. - Девочка моя, вы бледны. И глаза... Вам нехорошо? Айлин...

Он осекся, посмотрев на ее левую руку, где предательски блестел перстень с синим камнем вместо черного. Ей пришло в голову, что будь это роман, героиня обязательно связала бы цвет гербовых камней с цветом глаз ее возлюбленных и увидела в упавшем перстне Кармеля роковой знак судьбы. В романах всегда замечают подобные вещи, это важно! А в жизни ей просто невыносимо захотелось сорвать тяжелый золотой ободок, на который Кармель смотрел с совершенно непроницаемым выражением лица, и надеть другой - настоящий, правильный! Тот, что она просто стиснула в правой руке, словно артефакт, способный спасти жизнь...

- Айлин... — очень тихо сказал разумник, делая еще один шаг так мягко, будто Айлин стояла на краю пропасти, и он боялся неосторожным движением или словом ее напугать. - Моя дорогая...

- Кармель... То есть милорд магистр...

Голос не слушался, Айлин попыталась опять сглотнуть тяжелый ком, стоящий в горле, как при разговоре с лордом Бастельеро, но почему-то сейчас это оказалось еще тяжелее сделать. И все-таки нужно! Она... обязана... хотя бы это она должна сделать честно!

- Простите, милорд магистр, — выдохнула она с полной безнадежностью. - Вы... очень вовремя. Я обязана сказать, что...

- Так... — медленно проговорил Кармель. - Это ведь кольцо Бастельеро, не так ли? Вы хотите сказать мне об этом?

Айлин молча кивнула, а потом с тоскливым упрямством заговорила снова:

- Милорд магистр, я должна объяснить...

Ей вдруг вспомнился урок фехтования много лет назад, когда она так же упорно, преодолевая боль и отчаяние, снова и снова поднимала рапиру, которую у нее из рук выбивала Ида. Тогда Кармель пришел после урока и... спас ее. Убрал страх перед оружием, успокоил, научил верить в собственные силы... Тогда он был на ее стороне! А сейчас... она как будто провалилась в то же самое детское отчаяние, но помощи больше ждать нельзя, она просто не имеет на это права, потому что сама предала его верность и любовь!

Она глубоко вдохнула и отчетливо проговорила:

- Я не могу выйти за вас. Я... я выхожу замуж за мэтра... за лорда Бастельеро. И я прошу вас вернуть мне мое слово.

- Нет, — бросил разумник негромко, но решительно и резко.

- Я прошу вас! — повторила Айлин, вскинув на него умоляющий взгляд. - Я знаю, что достойные

люди не отказываются от своих обещаний, но обстоятельства...

- Я знаю эти обстоятельства, — мягко прервал ее Роверстан и сделал еще один шаг, последний, а потом опустился перед ней на одно колено, заглянув в лицо. - Айлин, я допускал такую возможность еще тогда, когда вы согласились выйти за меня, и уж тем более мне известно о них сейчас. Поверьте, это ничего не меняет.

- Это меняет все! — упрямо возразила она. - Я не могу, понимаете? Я не могу поступить так с вами! И с ним тоже! И поэтому прошу вас вернуть мне слово! Я все равно выйду за лорда Бастельеро! - выдохнула она, не зная, как это объяснить.

- Моя дорогая... - вздохнул разумник, и вдруг его голос наполнился болью и яростью, не брызжущей во все стороны, как закипевшая вода в котелке, а тягучей и страшной, как расплавленный металл. - Видит Странник, больше всего мне хочется взять вас на руки, немедленно увезти в Его храм и сделать своей женой...

- Странник не соединяет браки, если кто-то из двоих не согласен, — выдавила Айлин, опустив голову.

- Только это меня и останавливает, - тяжело уронил Кармель. - Я не могу принудить вас отказать Бастельеро и выйти за меня, но и вы не должны просить меня отказаться от вас. Я этого не сделаю. Видит Странник, Айлин, я не отказал бы вам ни в чем - но только не в этом!

- Почему вы мне не сказали правду, Кармель? - так же тихо спросила она, понимая, что ответ уже ничего не изменит, но узнать его все-таки необходимо. - Ведь вы же все поняли давно... Вы - и магистр Бреннан... Почему вы не сказали мне, что я...

- Что вы беременны? - подсказал разумник. - Если помните, я обещал никогда вам не лгать. - Айлин кивнула. - Но это было не ложью, а молчанием. Вы вправе поставить мне в вину и его, но я клянусь, что хотел всего лишь уберечь вас от страшной ошибки. Именно той, которую вы делаете сейчас. Еще немного, и мы поженились бы. Поженились по любви, разве это - ложь? Ваш ребенок родился бы в законном браке, и я клянусь, что считал бы его своим. Айлин... Вам, конечно, неизвестно... И мне следовало рассказать об этом раньше, но я и сам... не сын человека, которого все считают моим отцом. Моя мать вышла за него, обесчещенная и брошенная, в отчаянии, чтобы избежать позора, и... обрела счастье. Я рос в отцовской любви, на которую отвечал такой же любовью и уважением, а когда узнал эту семейную тайну - еще и огромной благодарностью. Кто как не я мог бы понять вас и вернуть этому ребенку всю любовь, которую получил от того, кто меня вырастил?!

Его голос прервался, и онемевшая Айлин без тени сомнения поняла, что именно так оно и было бы! Кармель бы его любил! А сходство... Да, ее ребенок несет в себе кровь Бастельеро, но... у бастардов фамильные черты проявляются далеко не всегда! Он мог бы родиться рыжеволосым и зеленоглазым, как она! И белокожим... А черные волосы у самого Дункана. И уж синие глаза - это тем более пустяк, который всегда можно объяснить сходством с двоюродным дедушкой... Лорд Бастельеро никогда не понял бы, чей это ребенок, если бы только... уже не знал это. Ах, магистр Бреннан, ну почему... Как же больно и обидно!

- Вы мне верите, Айлин? - снова заговорил магистр. - Дорогая моя, еще не поздно! Я так понимаю, Бастельеро узнал о ребенке и предъявил на вас права?

Она кивнула, а потом безнадежно спросила:

- Вы ведь не можете сделать так, чтобы он... забыл? Ну, что услышал сегодня... Или вообще забыл про меня?!

- Боюсь, что не могу, — с явным сожалением отозвался разумник. - Даже если бы я преодолел определенные защиты, которые стоят на нем как на Архимаге... И стер из его памяти знание о ребенке... Я не могу изменить чувства, которые он питает к вам, это означало бы стереть саму его личность... Но если...

- Нет! - выпалила Айлин. - Это хуже смерти! Я не хочу! О, Кармель, - все-таки не выдержала она. - Я не хочу, чтобы случилось что-то плохое! Ни с вами, ни с ним! Прошу, поймите...

- Понять? Что ж, это я как раз прекрасно понимаю, — горько усмехнулся разумник. - Не понимаю только, почему вы просите об этом меня, а не его?

- Потому что...

Айлин запнулась, а потом вспомнила Вишневую ночь и двоих мужчин, застывших в противостоянии за нее. Ледяной ветер и изморозь на земле - и вишневую ветку, влетевшую в ее окно. Лорд Бастельеро тогда призвал силу Избранного даже без ритуалов, одной лишь яростью! И она испугалась, потому что от него ждала именно этого - безжалостности к противнику. А Кармель... Он

уступил просто потому, что она попросила. Уступил, чтобы не пугать ее!

А еще она поняла, что не боится даже сейчас, когда в его голосе дрожит гнев. Ей невыносимо стыдно за себя и больно за него, но страх? Только не перед ним. Ни капли страха, ни тени его!

- Я прошу вас, — призналась она, — потому что... вы можете меня понять и услышать...

- Но выбираете того, кто не может? - с беспощадной точностью подсказал разумник. - Айлин... Умоляю, не делайте этого. Не все ошибки можно исправить, а если даже удастся, иногда это обходится слишком дорого. Позвольте мне увезти вас в Арлезу. Мы можем уйти порталом прямо сегодня, и я обещаю вам безопасность...

«А себе? - подумала Айлин, не зная, читает ли Кармель ее мысли сейчас, но ей было уже все равно. - Себе - можете ее обещать? Нет, потому что поклялись не лгать. И мы оба знаем, что с Грегором Бастельеро не удастся договориться по-хорошему. Нет таких слов... И, значит, я решила верно. Это единственный путь...»

- Я выйду за лорда Бастельеро, — уронила она, глядя ему в глаза, полные боли. - Наверное, у меня не получится стать ему любящей женой! Но быть верной - я обязана. Иначе это будет нечестно, понимаете?!

- Нечестно? - тихо и очень ядовито переспросил разумник все тем же голосом, полным холодной злости. - А погубить себя в этом браке вы считаете образцом честности? Ради Странника, девочка моя, насколько же нужно не уважать мужчину, чтобы приносить себя ему в жертву?! И вы полагаете, что он сможет быть счастлив этой жертвой? Что бы я ни думал о Грегоре Бастельеро и его несравненном таланте слепоты и глухоты, когда ему того хочется, но... даже он рано или поздно прозреет и поймет, что вы его не любите!

- Я постараюсь! - Голос Айлин мучительно зазвенел, и она выпрямилась еще сильнее. - Полюбить его и забыть... забыть все остальное...

Кармель взял ее руки в свои большие горячие ладони и крепко, почти до боли, стиснул их вместе с перстнем, который она так и держала.

- Думаете, получится забыть? - уронил он.

- Да! - упрямо вскинула Айлин голову. - Если сама не смогу, обращусь к разумникам...

Она осеклась, понимая, какую чудовищную, просто невыносимую глупость ляпнула. Это от усталости! И отчаяния... От холодной серой тоски, что все сильнее грызет где-то внутри, и думать уже просто не получается.

- Превосходная мысль, — с ледяной вежливостью согласился Кармель. - Посоветовать вам кого-нибудь из коллег? Или предпочтете, чтобы я сам это сделал?..

Он снова заглянул в ей лицо и уже иным голосом, тоже бесконечно усталым, сказал:

- Айлин, я уважаю ваше право выбирать собственную судьбу. Если вы твердо решили выйти замуж за Грегора Бастельеро, так тому и быть. Я не могу и не собираюсь вам мешать. Но и вы не можете помешать мне любить вас.

- Но если я все равно буду его женой, — пробормотала Айлин. - Вы же можете полюбить другую... стать счастливым... я не хочу, чтобы вы остались одиноким! Пожалуйста, возьмите свое кольцо, верните мне мое слово и считайте... считайте себя свободным...

- Одиноким? Это не входит в мои планы! Свободным? Я не собираюсь считать всякую глупость! Извольте, я возьму кольцо - на время, пока оно не понадобится снова. И приложу все усилия, чтобы это время наступило!

Он встал с колен, и Айлин пришлось задрать голову, чтобы продолжать смотреть ему в лицо.

- Как... наступило? - окончательно растерялась она. - Но ведь я выйду замуж... Вы же не собираетесь?..

- Убить Бастельеро? - Он холодно улыбнулся. - Помнится, я вам уже это предлагал, и вы отказались. Нет, я не буду убивать человека, в чьей смерти вы непременно обвините себя и станете от этого мучиться.

- Спасибо! - сказала Айлин с невыносимым облегчением. - Я рада, что вы... подошли к этому так... разумно.

И осеклась, потому что глаза Кармеля сверкнули черным пламенем.

- Разумно? - выдохнул он с той мучительной яростью, которая кипела в нем все это время и, наконец, прорвалась. - Разумно?!

Так быстро, что Айлин пискнуть не успела, он наклонился и подхватил ее за талию. Поднял с кровати, поставил перед собой - и припал к ее губам неистовым поцелуем. Одна ладонь Кармеля легла ей на плечо, обжигая даже сквозь мантию, вторая - на затылок, не позволяя отстраниться...

Ошеломленная, почти испуганная, она замерла в его объятиях, а потом со стоном ответила, забыв обо всем. Обещания, данные лорду Бастельеро?! Намерение быть верной?! О, это все будет, но потом... Только не сейчас! Горячие губы сначала сминали ее рот почти жестоко, но Айлин не винила Кармеля за это. И постепенно поцелуй стал отчаянно нежным, сладким, упоительно ласковым, как и руки, что гладили ее спину и плечи, перебирали волосы. В этих руках Айлин плавилась, как воск в огне, желая только одного - чтобы время застыло, и поцелуй не кончался как можно дольше... Ей хотелось плакать и смеяться одновременно... Ну почему она потратила свою надежду на счастье так бездарно и глупо?! Почему нельзя остаться с тем, кого она любит, и кто любит ее... Еще... еще немного!

Когда воздуха совсем перестало хватать, и губы Кармеля оторвались от ее губ, она едва устояла на подгибающихся ногах, и магистр поддержал ее. Еще какое-то время он обнимал ее за плечи, тяжело дыша и вглядываясь с мучительным ожиданием, пока Айлин, не в силах больше выносить этот взгляд, сама первой не отстранилась, не закрыла обреченно глаза и не протянула ему перстень. Невыносимо долгое мгновение - и тяжесть кольца покинула ее руку, а Кармель тихо сказал, чеканя каждое слово:

- Чтобы ни случилось, девочка моя, если однажды вам понадобится помощь, у вас не будет нужды просить о ней. Просто придите ко мне. Одна или нет, с врагами... да хоть с демонами за плечами! Я не откажусь от вас ни за что на свете.

Зажмурив глаза и ненавидя себя, как никогда в жизни, Айлин молча стояла, пока не услышала, как тяжело прозвучали его шаги, а потом дважды яростно хлопнула дверь палаты. И лишь тогда она снова рухнула на кровать, совершенно обессиленная.

***

До Академии он добрался, когда небо уже залили серо-голубые сумерки, пока еще прозрачные, но Лучано уже знал, что вскоре они погустеют, и на город рухнет ночь. Это не Вероккья с ее долгими золотыми вечерами, прогретыми за день камнями мостовой и стен, тихим ветерком и серебристой речной гладью, где закат купается подолгу, пунцовый, как стыдливая дева. Здесь, в Дорвенне, солнце ныряет куда-то за городскую стену быстро и решительно, как сбегающий с добычей вор, и город вмиг становится враждебным, неуютным. Ни тебе погулять до самой полуночи под бархатным звездным небом, ни окунуться в теплую, как парное молоко, воду. Хотя вот серенады, оказывается, и здесь поют, но грандсиньор Дункан - арлезиец, а настоящую южную кровь даже дорвенантскими холодами не заморозить.

Лучано укорил себя, что слишком часто и много размышляет о чужом женихе. И ладно бы просто чужом, но это жених синьорины! Притом действительно арлезиец и вовсе не такой, как дон Раэн. Вот бы, кстати, с кем еще хоть разок повстречаться! В прошлый раз они определенно не закончили диспут о преимуществах арлезийского темперамента над итлийским, Лучано мог бы привести еще множество доводов и с удовольствием принял бы... хм... противоположные, да.

Оставив Донну конюху, он пересек сад и двор Академии, прошел лазаретом, предвкушая встречу с Айлин. Больничное крыло было пустым, как и всегда по вечерам, только в одной палате слышалась ленивая перебранка мальчишеских голосов. Лучано прислушался и усмехнулся: судя по разговору, там лежали два недавних противника, попавших в лазарет после дуэли. У одного была сломана рука, у второго - нога, и теперь синьорино пытались выяснить, кто же победил, а заодно пылко обещали друг другу новую встречу. В разговор неожиданно вмешался третий голос постарше, который жизнерадостно предложил спорщикам доломать им целые конечности прямо сейчас, если не угомонятся, и юнцы стихли. Лучано даже умилился: ну прямо как в казарму снова попал.

Он прошел почти весь коридор и уже свернул к нужной двери, как та распахнулась - резко, с треском ударившись ручкой о стену. Из палаты вышел грандсиньор Дункан. Швырнул дверь обратно так, что она влипла в косяк, сделал два шага и тут же оперся плечом о стену. Лучано хотел окликнуть его - и осекся. Смуглое лицо арлезийца заливала нехорошая серая бледность, будто у раненого.

Разумник прошипел что-то невразумительное, и Лучано мгновенно вспомнил Барготов холм. Черную ругань и плеснувшую куда-то в Бездну кровь... На миг ему показалось, что Дункан сейчас сотворит что-то не менее страшное - стоило посмотреть на его лицо! Но магистр качнулся от стены, развернулся и попросту влепил по ней кулаком - прямо по деревянной панели. На несколько мгновений задержал кулак, а когда бессильно уронил руку, на зеленой стене остался кровавый

отпечаток.

Лучано закусил губу и скривился так, словно сам разбил пальцы. Осторожно шагнул вперед и тихо позвал:

- Грандсиньор...

Дункан мотнул головой, замер, словно пытался разглядеть дорогу, а потом прошел мимо Лучано, смотря перед собой совершенно невидящим взглядом. Через несколько шагов его качнуло, словно пьяного, и Лучано растерялся, не зная, что делать. Да что вообще случилось?! Неужели... с Айлин что-то?! Бежать следом? Кинуться в палату?! Что могло довести до такого состояния человека, бросившего вызов Барготу?! Бретера! Мага разума!

Камзол Роверстана мелькнул уже в конце коридора, магистра едва заметно покачивало, но уходил он быстро, и Лучано решился. Толкнул дверь палаты и заглянул туда с предчувствием, от которого сердце неприятно зачастило.

Слава Всеблагой и Претемнейшей, с Айлин все было... хорошо? Синьорина сидела на кровати, глядя в стену точно тем же пустым и невидящим взглядом, как у ее жениха, и рассеянно гладила одну руку другой.

- Айлин? - окликнул Лучано уже ее. - Синьорина Айлин?!

Он бы не удивился, если бы она не услышала - тоже в точности как Дункан. Но Айлин перевела на него взгляд и улыбнулась жуткой любезной улыбкой ожившей куклы.

- Лу? Добрый день... Ты вернулся? Вместе с Алом?

От ее голоса у него мороз прошел по коже, таким бесстрастным и мертвенным он был.

- Нет, я один...

Он вошел в палату и присмотрелся к девушке. Бледная, так что веснушки проступили особенно ярко, она была внешне совершенно спокойной. Только вот эти быстрые нервные движения рук...

- Айлин, что у тебя? Можно посмотреть?

Сделав пару шагов и оказавшись прямо перед ней, Лучано встал на колени и осторожно взял руки синьорины в свои. Они были ледяными! Да куда тут целители смотрят, чтоб их?.. И... что это?

Вместо перстня с черным алмазом, который он запомнил так хорошо, что мог нарисовать по памяти, на пальчике Айлин сверкало совсем другое кольцо! Золотой ободок очень старой работы и крупный сапфир, прямоугольный с плоским верхом.

- Айлин, что это? - повторил он растерянно.

- Это? Кольцо, — ответила синьорина, словно удивляясь, что он задает столь глупый вопрос. Помолчала и добавила тем же отвратительным ровным тоном: — Можешь меня поздравить, я выхожу замуж. За лорда Грегора Бастельеро.

- Что?! - выдохнул Лучано, держа ее руки и сжимая, чтобы хоть немного согреть. - Айлин, ты... Да что случилось?! Дункан... он разорвал помолвку?!

И тут же понял, что ляпнул немыслимую глупость. Не уходит с таким лицом мужчина, который бросил женщину. Только тот, кому отказывают!

- Айлин, но почему?!

Он вспомнил надменные манеры грандсиньора Бастельеро, его ледяные синие глаза и голос, то шелестящий, то лязгающий. И вот этот человек, подобие то ли ворона, то ли скорпиона, хочет взять в жены их милую синьорину?! Воплощенную теплоту и радость?! Ласковое искреннее солнышко?! Безумие! Она же... Она погаснет рядом с ним, убитая его темнотой и холодом!

- Айлин, ми аморе... — лихорадочно начал Лучано, в отчаянии сбиваясь на итлийский и снова переходя на этот ужасный дорвенантский, где нужные слова никак не находились. - Ты не должна... Послушай, ми беллиссимо... Он тебя заставляет?! Это потому, что он грандмагистр... как же это... Великий Магистр? Глава всех магов?! Айлин, это ничего! Ничего не значит, слышишь? Если он тебя принуждает, просто скажи! Посмотри на меня, бамбина... Одно твое слово - и он тебя больше не обидит! Все будет хорошо, слышишь? Если хочешь, мы даже Альсу не скажем! Никто ничего не узнает, я клянусь! Клянусь, понимаешь?! Он просто... просто оставит тебя в покое! Даже не умрет... если хочешь...

Он отчаянно лепетал что-то нежное и умоляющее, мешая слова разных языков, а сам лихорадочно просчитывал, как подобраться к Бастельеро и чем именно его отравить. Лучше бы, конечно, насмерть... Но можно, наверное, и просто мужской силы лишить? После правильной дозы «черной вдовы» женщин уже не любят. Мужчин, впрочем, тоже. Никого не любят, разве только душой... Хотя вернее - все-таки убить. И плевать, что грандмагистр и некромант! Никто не смеет принуждать его синьорину, его аморе... пусть и чужую невесту, но... он ведь тоже любит ее. Как может, как умеет! Не смея оскорбить желанием, но умоляя всех богов, чтобы она была счастлива...

- Ты ничего не сделаешь, Лу! - сказала синьорина, и на миг в ней проглянула она же прежняя. Та, которая скрутила его в охотничьей сторожке, не тронув пальцем, одними словами. - Ничего, слышишь? Даже не вздумай! Запрещаю! Я... выйду за лорда Бастельеро. Он мой жених, и я... жду ребенка. От него, понимаешь?

Ее голос все-таки дрогнул, потеряв стыльную ледяную прозрачность, и Лучано содрогнулся от боли, что в нем прозвучала. Ребенок?! Она ждет ребенка?! От... Бастельеро?! Но как же...

- Не говори никому, пожалуйста, — попросила Айлин, наконец-то сжимая его ладони своими в ответ, но теплее они от этого не стали. - Я... ошиблась. И должна теперь исправить эту ошибку. У меня будет ребенок, и я должна... выбрать правильно. Ради него. И ради... других людей. Пожалуйста, Лу...

Выбрать. Он заглянул ей в лицо, бледное, напряженное, с расширенными глазами. Выбрать! Так выбирают не между двумя мужчинами, а между плахой и каторгой!

Лучано пронзила острая жалость к ней, маленькой бедной глупышке, и Дункану, такому огромному, сильному и... беспомощному. Как она могла попасть в такой капкан?!

Но если это все только ради ребенка... Что там у нее за срок?! Ничего еще не видно, наверняка небольшой. И плевать, что это золотая кровь... Есть отличные безопасные средства! Пусть его потом хоть казнят, хоть проклянут - плевать!

- Айлин... — сказал он вкрадчиво. - Если ты потеряешь этого ребенка, грандсиньор Бастельеро откажется...

- Нет, — покачала она головой, снова впадая в прежнюю безучастность. - Не откажется. Он меня любит, Лу. Любит, понимаешь? И ни за что не откажется. Никогда. И я... тоже не откажусь от этого ребенка. Не могу. Пойми, прошу! Другого выхода просто нет. Все так сложно...

«Дункан должен был тоже подумать об этом, — обреченно понял Лучано. - И если он, разумник, не смог ее убедить... Я и в самом деле ничего не понимаю! Как могут правила чести и порядочности портить жизнь таким чудесным людям?! Разве они для этого придуманы?! Она же... не будет с ним счастлива! Это все равно что выдать певчую малиновку замуж за ворона!»

Он уткнулся губами ей в руки, грея их дыханием, и простоял так на коленях, пока Айлин снова не заговорила:

- Лу, попроси кого-нибудь отвести тебя в башню Архимага. Сегодня уже поздно, наверное... Тогда завтра, хорошо? Лорд Бастельеро обещал снять с тебя проклятие.

- Снять проклятие... — обреченно повторил Лучано. - Айлин, ты ведь не ради этого?.. - накрыла его невыносимо жуткая мысль.

- Нет, — вздохнула она. - Но это мой свадебный подарок. Пожалуйста, Лу, подари мне его. Если я буду знать, что ты в безопасности, мне... будет легче. Обещай, что пойдешь к нему.

- Как прикажешь, ми аморе... — прошептал он и снова склонился, целуя ей руки. - Как прикажешь...

Сходить к Бастельеро? О, беллиссимо! Он сходит. И если получится отделаться от этой мерзости под сердцем, тем лучше. Собственная жизнь ему еще пригодится! Вдруг Айлин передумает перед самой свадьбой?! Или после нее? А что, быть вдовой тоже иногда неплохо. Пусть только разрешит...

- До свиданья, Лу. Передай... передай Апастору, что я прошу прощения. - Ее голос был уже не холодно-прозрачным, а просто измученным и оттого бесцветным. - Ты знаешь, он очень не любит... лорда Бастельеро.

«А Дункана она зовет по имени, — резануло болезненно-острое осознание. - И светится, когда говорит о нем, а голос так счастливо звенит... Невозможно... Всеблагая, зачем так жестоко?! За что?!»

- Все будет правильно, — вздохнула Айлин, и Лучано встал, с горькой усмешкой подумав, что понимает Дункана.

От подобного и вправду закачаешься. И это его мутит, а каково разумнику?!

Подойдя к своей кровати, он взял Ласточку, повесил на плечо и подумал, что советов грандсиньора магистра Альсу придется подождать. И остается только надеяться, что такие новости не принесут очередного приступа бешенства...

Он с той же острой беспомощной жалостью посмотрел на Айлин, уронил рядом с ней на кровать футляр с грамотой, не в силах сказать ни слова, бережно накинул девушке на плечи одеяло и вышел из палаты, чувствуя себя как никогда бесполезным.

У выхода из Академии его окликнула и догнала белокурая подружка Айлин, которой Лучано оставлял Перлюрена, и сунула в руки ту самую музыкальную корзинку. Присела в реверансе, торопливо поблагодарила и умчалась. Лучано заглянул в корзинку и вздохнул: бесстыдно и томно раскинувшись круглым пузом кверху, там спал Перлюрен, свесив из корзинки задние лапы. В передних у енота был большой надкусанный пряник. Видимо, уже не влезло, и хозяйственный зверь забрал его с собой.

- Точно как менестрель после свадьбы, — пробормотал Лучано. - Сытый, пьяный и зацелованный...

Его передернуло от слова «свадьба», и Лучано поспешил к конюшне.

...Альс, услышав рассказ, в безумие, к счастью, не впал. Может, потратил его днем, а новое еще не накопилось? Но по спальне, рыча, все-таки пометался. Сгоряча собрался пришибить Бастельеро, вспомнил, что имеет право казнить его за измену, остыл, но не успокоился, а напротив, разгорелся новой злостью, медленной, спокойной и долгой.

- Ты уверен, что он ее не принуждает? - спросил он в десятый раз, и Лучано не выдержал:

- А как бы он ее принудил! Наша синьорина не беспомощная девица! У нее в друзьях сам король, неужели она бы не попросила тебя о защите?! О себе уже не говорю. Некромантия даже от кирпича на голову не спасает, не говоря уж о хорошем яде. Так нет, она твердо решила. Сама! И грандсиньору Дункану тоже отказала сама. Альс, ты знаешь способ свернуть ее с пути, который она выбрала?!

- Говоришь, он ее любит? - мрачно уточнил Аластор снова. - Ну что ж, я не перестану считать ее другом только потому, что она выходит замуж за этого... Но если он ее обидит!..

- Я видел его на коронации, — тихо сказал Лучано. - И еще подумал - что-то здесь не так. Но решил, это просто мужчина восхищается прекрасной девушкой. Идиотто... Мне бы тогда понять! Он смотрел на нее, как смотрят на Всеблагую, словно готов был обнять ее пьедестал и не отпускать никогда. Я видел такие взгляды у безумно влюбленных, с таким лицом идут на смерть ради одной улыбки любимой.

- Но это значит, что он ее не обидит, верно? - с надеждой спросил Аластор. - И постарается сделать ее счастливой?!

- Верно, — согласился Лучано. - Только вот знаешь, Альс... Как убивают с таким лицом, я тоже видел. Не зря же такая любовь называется безумной, безумие не всегда разбирает между страстью и ненавистью. Дай Всеблагая, чтобы я ошибся и в этом!

ГЛАВА 9. Вина выживших

- Дункан, мальчик мой, кто же приходит на службу с таким похмельем? Ну хоть бы ко мне затанули, если не держите дома нужного зелья, - со сварливым сочувствием упрекнул болезненно поморщившегося разумника Бреннан, и Грегор едва сдержал злорадную улыбку.

Так-так, значит, безупречный господин Белая Мантия - все-таки изумительно меткое прозвище придумал ему мерзавец Морхальт! - не умеет пить? Ха!

- Не извольте беспокоиться, милорд Бреннан, — бледно улыбнулся Роверстан, потирая висок. - Я прекрасно себя чувствую, легкая головная боль - не в счет.

Магистры сочувственно закивали, из вежливости делая вид, что поверили, а Грегор снова подавил смешок. Нуда, конечно, легкая... Выглядел Роверстан... нехорошо. Нет, разумеется, мантия на нем была белоснежной и идеально выглаженной, волосы аккуратно уложены, и даже острое обоняние Грегора не могло уловить ни тени винного запаха, но...

Время от времени разумник щурился на солнечный свет, пробивавшийся из-за штор, и при каждом

более-менее громком звуке морщился. Наверняка сейчас у него под черепом гудят те еще колокола. Ну что ж, тем, кто не знает меру в употреблении крепких напитков, собственное здоровье преподносит жестокие уроки. Хотя странно, между прочим, что это нашло на Роверстана? Следует отдать ему справедливость, вот в этом пороке его никогда никто не подозревал. Да Грегор вообще не думал, что разумник пьет что-нибудь крепче шамьета!

- Это все возраст, — прогудел Ладеcki, тоже поглядывая на Белого магистра весело блестящими глазами. - Когда-то и я мог гулять всю ночь, а потом явиться в Академию и даже вести уроки. Увы, теперь приходится быть сдержаннее. Но должен признаться, коллега, я искренне восхищен широтой вашей души. Ну и конечно несомненной щедростью и предусмотрительностью, с которой вы заплатили трактирщику вперед! Знаете, в трактире уже вставили стекла. Я сам видел это, когда ехал в Академию. И начали настилать крышу! А внутренние помещения... Что ж, полагаю, и их ремонт не займет много времени... Кстати, не будете ли вы столь любезны написать мне слова песни, которую исполняли с моими подчиненными? Они, увy, смогли процитировать только часть припева: «Не падайте духом, дворяне Дорвенны, потребуют денег - громите кабак». Если я правильно понял, джунгары заглянули именно на это пение?

- Джунгары? - переспросил Роверстан, а Грегор молча изумился.

Разумник пил с боевиками?! Пел какие-то... непотребные песни?! И что там было сказано про ремонт трактира?! Благие Семеро, да точно ли это Роверстан, а не подменыш в его обличье? Мысль была исключительно дурацкой, но Грегор скорее поверил бы в настолько разумную нечисть, чем... вот в это!

- Именно! - радостно подтвердил Ладеcki. - Сначала они вам аккомпанировали и подпевали, а затем их старший предложил сыграть в кости. Мои ребята пытались вас остановить, по крайней мере, сначала. Потом начали делать ставки. Разумеется, на вас! Вы же понимаете, орденское братство...

- Надеюсь, я их не разочаровал, — пробормотал разумник, откидываясь на спинку кресла и обреченно прикрывая глаза.

- Ну что вы! Игра закончилась, когда вы раздели соперника до подштанников. Правда, потом благородно вернули ему штаны, какие-то фамильные побрякушки и запасной комплект заговоренных костей, которые предварительно вытряхнули у него из рукава. Как я понимаю, он был чрезвычайно вам признателен! Приглашал в гости в табор, звал старшим братом и поклялся Странником выдать за вас любую из дочерей по вашему выбору, если, конечно, вы не пожелаете взять всех десятерых.

- Что-то припоминаю... — неуверенно отозвался Роверстан. - Полагаю, этим щедрым предложением я не воспользовался...

- Ну, если бы вы им воспользовались, боюсь, я бы сегодня не увидел ни вас, ни собственных подчиненных, — рассудительно проговорил Ладеcki. - Наверняка вы все вместе уехали бы в табор, а с джунгарской свадьбы так просто не вырвешься. Так что можете и дальше считать себя свободным человеком, — добавил он с неким оттенком сожаления.

- И радоваться, — прокомментировал Девериан. - Представляю, сколько детей у вас бы родилось от десяти джунгарок, и всех нужно обеспечить.

Магистры снова серьезно закивали. Грегор переводил с одного на другого потрясенный взгляд и не понимал, кто здесь внезапно рехнулся, он или все остальные? Не могут же люди в здравом уме предположить, что дорвенантец, глава орденой гильдии, способен иметь какие-то дела с джунгарами и даже - мерзость какая! - сойтись с кем-то из их девок? Это же... почти скотоложество!

- А что случилось с крышей? - любопытствовал Бреннан.

- Да-да, — пробормотал Роверстан, уже не скрывая гримасу. - Крышу я, признаться, не помню. Неужели это тоже я?

- Ну, не совсем вы, — утешил его Ладеcki. - Это мои ребята так воодушевились победой... гм... Ордена в вашем лице, что решили запустить фейерверк. Трактирщик умолял вас выйти на воздух, но вы заявили, что никто не может указывать благородным донам, где им запускать фейерверки. А «Звездный дождь» в замкнутом пространстве имеет гм... накопительный эффект, притом там еще пара заклятий добавилась... В общем, крышу просто подняло и снесло с трактира в сторону, а рассыпалась она уже потом. К счастью, никого не прибило. Да не расстраивайтесь вы так, Дункан! - Он сочувственно посмотрел на бледного уже до серости Роверстана. - Подумаешь, немного разнесли трактир. Зато какой вечер! Мои ребята перед вами теперь просто преклоняются! Они уже сколько раз там гуляли, но еще никому не пришло в голову налить ведро пива своему коню. Кстати, его-то вы зачем поили, если не секрет?

- Я ему обещал, — со вздохом признался Роверстан. - Когда ехал... на воды и очень торопился. Поклялся, что когда вернемся в Дорвенну, угощу его... Надеюсь, хотя бы конь вел себя прилично?

- О, вполне! Вылакал пиво, немного погонялся по двору за джунгарами... Но чем у них там кончилось, мои подчиненные смотреть не стали. Понимаете, на тот момент крыша еще была цела, и вы пообещали, что покажете старинный ритуал пиратов Арлезы, направленный на денежную удачу. По вашим словам, для этого необходимо было закинуть на потолочный светильник в трактирном зале чьи-нибудь панталоны. Но непременно красные! Конечно, мои болва... в общем, они вас с радостью поддержали!

Ладецки нес эту чушь с таким серьезным лицом, что Грегор заподозрил Алого магистра в извращенном розыгрыше. Ну не могло все быть настолько безумно и отвратительно! А остальные присутствующие слушали, и никто не возмущался! Эддерли и Бреннан изо всех сил сдерживали улыбки, Девериан слегка усмехался... Только Райнгартен нетерпеливо морщился, и Грегор его понимал, хотя понятия не имел, зачем стихийнику потребовалось созывать внеочередное собрание магистров. Но уж точно не для того, чтобы обсудить безобразное поведение Роверстана!

- И кто же из господ боевиков оказался столь предан цвету гильдии? - чуть-чуть приподнял брови разумник, а Ладецки, фыркнув, махнул рукой.

- Если даже такой имелся, он в этом не признался, сами понимаете. Пришлось посылать службу в ближайший бордель. Оттуда прислали три пары алых шелковых панталон с кружевами и обещали скидку за подробный рассказ о их применении. Ну... в конце концов, не всем же так везет с джунгарками, я бы не стал осуждать своих мальчиков, если кто-то этой скидкой потом воспользовался. Они даже светильник не сбили, хотя пытались закинуть на него панталоны с помощью Молота Пресветлого! И закинули! Потом, конечно, эти панталоны улетели вместе со светильником и крышей... Впрочем, хозяин явно не считает себя в убытке. Мои ребята утверждали, что он поклялся переименовать заведение сразу после ремонта! В «Красные панталоны».

«Красные Панталоны»? - ужаснулся Грегор. - Да этот болван прогорит в первую же луну! Кто из приличных людей пойдет в заведение с таким названием?! Впрочем, мне-то что за дело? Но какая мерзость! Представляю, какие слухи будут ходить теперь о магистрах Ордена!»

- Надеюсь, милорд Роверстан, подобные развлечения не войдут у вас в привычку, — холодно бросил он, решив, что пора прекратить этот балаган. - Или вы просто праздновали что-то особенно грандиозное?

Грегору показалось, что остальные взглянули на него с явным неодобрением. Даже Волански отвлекся от созерцания кучки ярких бусин, которые во время рассказа боевика гонял туда-сюда по столу кончиком пальца. Боги, и это Совет Ордена! Впавший в детство иллюзорник, забывший о приличиях разумник и еще полдюжины человек, которые это одобряют! Впрочем, кроме Райнгартена, который уже с явной нервозностью черкает карандашом в каких-то бумагах.

- Вы совершенно правы, милорд Архимаг, — подтвердил Роверстан с болезненной любезностью, больше похожей на издевку, и поднял на Грегора удивительно холодный взгляд. - Я праздновал помолвку.

- По... помолвку? - растерялся Грегор.

И этот тоже?! Но благие Боги, праздновать помолвку таким... способом! С другой стороны, это, пожалуй, никого, кроме Роверстана, не касается. И даже можно проявить некоторое снисхождение... С великодушием совершенно счастливого человека Грегор слегка улыбнулся и осторожно пошутил:

- Ну, тогда благосклонность десяти джунгарок вам действительно не совсем к месту. - И добавил, заставив себя вспомнить об этикете: — Мои самые искренние поздравления, милорд. Полагаю, дама, которая наконец-то завоевала ваше сердце, обладает исключительными достоинствами. Надеюсь, вскоре мы сможем поздравить вас уже с браком?

- Благодарю, милорд Архимаг, — с той же изысканной вежливостью невозмутимо отозвался Роверстан. - Вы правы, она невероятно прекрасна. Но свадьбу мы пока отложили... По некоторым обстоятельствам.

Только теперь Грегор заметил, что на левой руке разумника мягко поблескивает массивный перстень с черным камнем. Конечно, без гербовых щитков, положенных дворянину... И раз на левой, значит, помолвочный, хотя выбор цвета, мягко говоря, странный.

Когда Роверстан все-таки женится, черный камень в обручальном перстне будет весьма вызывающе смотреться рядом с белым опалом в мажеском. Хотя... каких только странных сочетаний цветов не бывает у магов? Но каковы понятия о приличиях! Если он ухаживал за какой-то дамой, то тем более должен был держаться подальше от... чужих невест. Конечно, в Вишневу Ночь Айлин была еще

свободной девушкой, но ведь она могла принять тот поцелуй всерьез и увлечься... А сейчас ее сердце было бы разбито! Всеблагая Мать, благодарю, что ты все устроила правильно!

- Желаю счастья, — кивнул он. - Милорды, полагаю, все-таки пора выслушать, по какому поводу собрал нас магистр Райнартен.

- Был бы чрезвычайно признателен, — бросил стихийник, и Грегор насторожился.

- Одну минуту, милорд, — вмешался Бреннан. - Дункан, давайте я все-таки сниму вам головную боль, ну что вы упрямитесь?

- Благодарю за предложение, дорогой Бреннан, но... не поможет, — снова болезненно поморщился разумник. - От спазма я и сам бы избавился, но беда в том, что все присутствующие... очень громко думают.

И он снова откинулся на спинку кресла, на этот раз не закрыв глаза, а устремив взгляд куда-то поверх головы Грегора. Целитель посмотрел сочувственно и вздохнул, но настаивать не стал. А Грегор с легким раздражением подумал, что Роверстан зря кичится своими возможностями. Всем известно, что даже опытные разумники могут читать мысли исключительно при проведении особых ритуалов. А чтобы напрямую, да еще среди сильных магов, каждый из которых защищен собственной силой и звездой магистра? Позер! Правда, Дилан утверждал, что с похмелья слышит, как топают кошка его матери, но Грегор даже в это скорее поверил бы.

- Если вы закончили, я хотел бы приступить к делу, — язвительно попросил Райнартен. - Предполагаю, что вопрос, по поводу которого я всех собрал, вызовет бурное обсуждение. Поэтому заранее предупреждаю, что провел самое тщательное расследование с привлечением сил Тайной Службы и многих других свидетелей. Милорды, речь пойдет об адептке Айлин Ревенгар.

Он перевел дыхание в наступившей тишине и опустил взгляд к бумагам, разложенным на столе. На паре из них Грегор издали увидел печать службы безопасности - гербового орла, несущего в когтях змею, и неприятно удивился. По какому праву Райнартен позволяет себе привлекать безопасников к какому-то собственному расследованию? И почему они удовлетворили его запрос, даже не сообщив Архимагу? И... какого Баргота? При чем тут Айлин?!

- Полагаю, милорды, общее течение событий всем известно в достаточной мере, — ровно сказал стихийник. - Но все-таки позвольте вкратце напомнить. Адептка Ревенгар самовольно покинула Академию, чтобы сообщить его величеству, тогда еще младшему лорду Вальдерону, о его роли в закрытии главного Разлома. После чего вызвалась сопровождать его к этому самому Разлому, предложив магическую помощь. Давайте оставим в стороне соображения нравственности, по которым поведение адептки выглядит весьма... сомнительным. Допустим, что девушку вели исключительно высшие чувства и преданность традициям Ордена. Все-таки частично красная искра...

- Оставьте их не просто в стороне, а как можно дальше, милорд Райнартен, — веско уронил Ладецки, и Грегор с ним молча согласился.

В самом деле, что за глупость - мерить подвиг правилами этикета? Не для этого же Этьен всех созвал!

- Разумеется, милорд Ладецки, — сухо отозвался стихийник. - Как опять же всем известно, его величество, юная леди и нанятый ими по дороге итлиец преодолели весьма сложный и опасный путь, а затем героически закрыли Разлом, серьезно при этом пострадав, и только своевременная помощь сначала нашего дорогого Дункана, а потом орденских целителей позволила им выжить. Это, милорды, общеизвестно, однако следует кое над чем задуматься. Во-первых, как юная леди смогла разобраться в ритуале, который был написан самим милордом Бастельеро и отнюдь не для адептов шестого курса?

- Полагаю, это вопрос ко мне? - холодно бросил Грегор, не понимая, куда клонит Этьен. - Извольте. Айлин Ревенгар - исключительно талантливая адептка. И за шесть лет учебы на особом курсе она превосходно ознакомилась с моей манерой составления заклятий. Я не раз давал адептам написанные мной схемы. К тому же именно этот аркан был основан на заклятии ключа, которое Ревенгар узнала от покойного магистра Кристофа. И уж эти обстоятельства вам, Этьен, известны не хуже меня. Что удивительного, если девочка восприняла это... как пример для подражания?

- Ничего, милорд, — бесстрастно согласился Райнартен, не поднимая взгляда от бумаг. - Допустим, дело действительно в этом. Айлин Ревенгар - сильный талантливый маг, обученный лично вами. Это многое объясняет. Не просветите ли вы нас тогда, как ей удалось покинуть Академию? Сущая мелочь, разумеется, о которой все забыли, но через ворота Ревенгар не проходила. Порталом воспользоваться не могла, сами понимаете, крыльев не имеет. А между тем, в городском особняке Вальдеронов она появилась весьма эффектно, вывалившись из зеркала во время семейного ужина!

«Его жена, — понял Грегор. - Одна из урожденных девиц Вальдерон, которая наверняка была на том самом ужине, иначе откуда подробности? Зеркало?! Так ей... все-таки удалось?! Но как?!»

Он вспомнил искореженное потемневшее зеркало у себя в кабинете. Оно не разбилось при ритуале, но рассыпалось позже, когда Грегор стоял перед ним и в негодовании вспоминал Айлин не слишком... приличными словами. А она, получается, все-таки ушла Темными дорогами?! Безумная девчонка!

У него перехватило дыхание от запоздалого ужаса и восхищения. Какая сила воли и целеустремленность! А может быть, Претемнейшая просто пожалела юную талантливую магессу? В любом случае, это... невероятно! И опять же, куда клонит Этьен?!

- Зазеркалье принадлежит Претемнейшей Госпоже, — сказал он, думая, что стоит, пожалуй, тщательно следить за словами. - Ничего удивительного, что она решила оказать милость той, кого наделила даром. Этьен, вы же не будете спорить, что боги иногда отвечают на молитвы. Особенно в таком важном деле, как спасение Дорвенанта!

- Спорить с Избранным? - одними губами улыбнулся Райнгартен, упорно не встречаясь с ним взглядом. - Нет, конечно. Но позвольте напомнить, дорогой Грегор, что зеркальная магия принадлежит не одной только Госпоже. Вы как некромант несколько... упускаете из виду, что с древнейших времен зеркала повиновались также Великому Безликому и Барготу...

- К чему это уточнение? - спросил Грегор. - Желтой искры у Ревенгар точно нет, какой она еще могла воспользоваться магией, кроме как фиолетовой?

Он вдруг увидел, что лица остальных магистров неуволимо помрачнели. Только Волански с прежним равнодушием катал свои бусины, и этот звук начал изрядно Грегора раздражать.

- Действительно, трудно заподозрить эту юную леди во владении магией Безликого, — с непроницаемым выражением лица согласился Райнгартен. - А вот остальные признаки весьма настораживают. Все они по отдельности наверняка могут быть объяснены, но вместе... Еще немного, милорд Архимег! - предупреждающе поднял он руку. - Беспримерное искусство владения магией зеркал - это раз. Выдающееся мастерство применения аркана ключа - это два. Напомню, аркана, измененного самим лордом Бастельеро! Под собственную силу и параметры, но уж никак под адептку половинного срока обучения, девицу восемнадцати лет! Но она даже не задумалась, сможет ли применить этот аркан, когда предлагала принцу свои услуги. Весьма... странная уверенность!

- На что вы намекаете, Этьен?! - не выдержал Грегор. - Говорите уж прямо!

- Я? Наменяю? - Стихийник приподнял рыжеватые брови, и его тонкое высокомерное лицо вдруг показалось Грегору откровенно уродливым. - Помилуйте, милорд, я лишь предоставляю вам материал для выводов. Вот здесь, — хлопнул он ладонью по стопке бумаг с гербовым орлом, — отчет службы безопасности, из которого следует, что юная леди не раз отличилась по пути. Она практически в одиночку упокоила кадавра. Милорд Бастельеро, кому из адептов вашего факультета это по плечу?

- Аранвену, я полагаю, — нехотя признал Грегор. - И, возможно...

Он покосился на Эддерли-старшего, но тот покачал головой и сам, предупреждая слова Грегора, пробормотал:

- Ну уж не Саймону, это точно. Хотя Дарра... пожалуй, да.

- Аранвену! - подхватил Райнгартен. - Сильнейшему выпускнику полного курса, бесспорному предводителю ваших, милорд, личных учеников. Заметим, даже собственному сыну, который отстает от юного Дарры совсем чуть-чуть, милорд Эддерли отказывает в такой возможности. А вот наша резвая девица - она справилась! Милорд Бастельеро, мое восхищение, вы воспитываете поистине уникальных адептов!

- Этьен! - резко прервал его Грегор, и Райнгартен поморщился, потирая виски.

- Прошу прощения, — извинился он с застывшей полуулыбкой. - Но когда вы в полной мере меня поймете... Итак, добавим кадавра к тому, с чем пришлось столкнуться адептке Ревенгар. Сущий пустяк, верно? Это их даже не замедлило. Уничтожили, сожгли тело и двинулись дальше. Кстати, днем ранее юная леди упокоила деревню, начисто вырезанную демонами. По прикидкам службы безопасности, нашедшей останки в одном из домов, там было семь-восемь десятков тел. Я не специалист, но, может быть, милорды Эддерли и Бастельеро скажут, могла ли восемнадцатилетняя девица отпустить разом почти сотню неприкаянных душ?

- Бред! - бросил Грегор, у которого наконец начала складываться картина, которую упорно рисовал

Райнгартен, и эта картина ему крайне не понравилась. - С чего вы взяли, что они все были неприкаянными? Семьдесят-восемьдесят?!

- Не считая малолетних детей, — подтвердил Райнгартен. - Их тела огонь уничтожил так, что сами понимаете... Не посчитать. Но это же крестьяне, у них по многу отпрысков, так что не меньше сотни.

- Бред, — повторил Грегор. - Конечно, она не могла. Значит, там было не так уж много неупокоенных душ.

- А вот некроманты из службы безопасности с вами не согласны, милорд, — бесстрастно отозвался стихийник. - Они прочитали остаточные эманации и ручаются, что если бы не леди Ревенгар, мы сейчас разбирались бы с целой деревней умертвий. Они, знаете ли, восхищены ее потенциалом так, что... изрядно перепуганы.

- Службе безопасности следует попить успокоительного, — тихо и очень напряженно сказал Эддерли, до этого момента молчавший, если не считать краткую фразу о Саймоне. - С каких пор умелое и добросовестное исполнение святых обязанностей некроманта стало проступком, требующим внимания наших «орлов»? А уж после того как мы все, милорды, пропустили у себя под носом заговор Денвера и Морхальта, не нам кивать на адептов. Да, Ревенгар проявила выдающийся талант и силу. Что в этом удивительного? Она золотой крови, в конце концов. И я рад, что в моей гильдии подрастает столь достойная смена. Вы полагаете иначе?

- Я полагаю, что Айлин Ревенгар не та, за кого себя выдает, — отчеканил Райнгартен, и Грегор ясно увидел, как на висках стихийника заблестели капли пота. - Я полагаю, милорды, что все эти странности могут быть объяснены лишь одним. Заговор имел куда более глубокие корни, чем нам представляется. Неужели вы думаете, что Господин лжи и коварства мог иметь всего лишь один план, да еще такой примитивный. Милорды! - возвысил он голос, в котором прозвучала отчетливая нотка страха. - Уверены ли вы, что с Барготова Холма к нам вернулась Айлин Ревенгар, а не тот, кто был... по другую сторону Разлома?

Краем сознания Грегор отметил, что Райнгартен опасается назвать Баргота по имени и даже по одному из титулов, словно... всерьез боится привлечь внимание Падшего. И это больше всех остальных слов показало, насколько стихийник серьезен. Но он с ума сошел! Айлин - воплощение Баргота? Этого просто не может быть, потому что... не может! Этьен решительно обезумел, если выдвигает настолько нелепые обвинения! Это всем должно быть очевидно!

Грегор обвел взглядом магистров, ища подтверждения своим мыслям. Бреннан и Ладечки выглядели потрясенными. Девериан сидел с непроницаемым лицом, алхимик Валлендорф заметно побледнел... Роверстан в упор глядел на Райнгартена, словно закаменев, и только Волански безмятежно продолжал передвигать бусины.

- Это серьезные обвинения, милорд Райнгартен, — тяжело и медленно проговорил Эддерли. - Вы имеете в виду, что под личиной адепки Ревенгар в мир пришел... пришел...

И замолчал, тоже не произнося его имя, хотя только сегодня утром - Грегор сам слышал! - изощренно поминал Баргота, ругая десятикурсников, упустивших лабораторное умертвие.

Райнгартен развел руками.

- Разумеется, никто не может быть полностью уверен в подобном! Но, милорды Совет, посудите сами. Начнем с того, что покойный магистр Морхальт, дед адепки Ревенгар, был барготопоклонником и приносил ему жертвы, что засвидетельствовал наш уважаемый Архимаг. К тому же у меня есть сведения, что матери адепки случалось называть ее, прошу прощения, барготовым отродьем...

- Райнгартен, не порите чушь! - возмутился Бреннан. — Если судить по ругани, то у нас пол-Академии его отродий, а вторую половину он должен был уже давно побрать... чтобы не сказать хуже!

- Вы совершенно правы, милорд, — кротко согласился Райнгартен. - Но у этих... у обеих половин... отсутствуют родственники, поклоняющиеся Барготу. Кстати, вы никогда не задумывались, зачем он это делал? Милорды, зачем люди вообще поклоняются Барготу? Они его о чем-то просят! Обычно о том, что не могут получить сами или вымолить у других богов! - Райнгартен тоже оглядел угрюмо молчащих магистров, и на его щеках расцвели красные пятна, словно стихийника охватила лихорадка. - Но Морхальт закончил жизнь практически в нищете, забытый даже учениками. - Тут стихийник покосился на Роверстана, который выслушал это с каменным лицом, словно впервые слышал имя бывшего учителя. - Да и дочери, насколько я знаю, с ним отношений старательно не поддерживали. Так что же магистр хотел от... Падшего? Ради чего пожертвовал милостью Благих и, возможно, посмертием? Ради чего творил страшные ритуалы?..

Грегор вспомнил отвратительные улики в саду Морхальта и немного растерялся. То, что говорил Райнгартен, определенно имело смысл. У любого ритуала имеется цель, а проклятый бывший магистр добыл жертвоприношениями столько силы, что... Куда он ее девал-то?!

- Подумайте вот еще о чем, милорды, — горячечно продолжал Райнгартен, и было понятно, что стихийник очень долго и напряженно это обдумывал. - Карьера Морхальта как магистра оборвалась в одно-единственное мгновение. То самое, когда он - вспомните! - поддержал намерения Уинн насчет эксперимента над Ревенгар, тогда еще малышкой двенадцати лет. В одно мгновение!

- Уинн сама была сектанткой, — буркнул Бреннан. - Вы полагаете, Баргот не мог иначе довести свою волю до ее сведения? Только взболтав мозги своему другому верному последователю?

- Значит, не мог! - парировал Райнгартен. - А вы, коллега Бреннан, часто слышали о магистрах своей гильдии, с которыми внезапно случился удар? Ладно бы это был стихийник вроде меня или... кто угодно! Только не целитель! Или у вас не принято следить за собственным здоровьем?! Но вот Барготу, я полагаю, продавшийся ему Морхальт ничего не мог противопоставить. Кстати, он же потом выздоровел достаточно, чтобы и дальше творить свои мерзости. Как только отказался от планов посягнуть на здоровье и свободу внучки! Зато рядом с ней погибли два других адепта, у которых такой защиты не было!

Бреннан молча поморщился, и Грегор с ужасом понял, что на чашу весов обвинения только что упал еще один веский камень.

- Позвольте мне закончить, — устало попросил Райнгартен, растирая лоб и виски. - Вспомните дорогу к Разлому. Нашим юным героям просто неправдоподобно везло! Их не смогли задержать люди милорда канцлера, а я надеюсь, никто не сомневается, что это были мастера своего дела? Их не убили демоны, от которых до сих пор не могут избавиться егерские полки, и даже погодные аномалии не задержали, а ведь у наших героев не было теплой одежды. Не кажется ли вам, что подобная легкость... неестественна? Им словно расчищали путь!

- Расчищали? - гневно прозвучало со стороны Ладецки, и боевик приподнялся над столом. - Да их возле той деревни демоны чуть не сожрали! Я видел выгоревшую землю, она запеклась коркой на ладонь в глубину, когда Ревенгар от них отбивалась! А холм?!

- Вот именно - холм! - огрызнулся Райнгартен. - Демоны - твари бессмысленные, их Проклятый вряд ли посвящал в свои планы. Тем не менее, извольте заметить, они тоже не смогли остановить нашу бравую адептку. А Холм, кстати, был оцеплен людьми канцлера, да не только профанами, но и магами, державшими поисковую сеть. По всем дорогам и даже между ними! Адептка шестого курса в принципе не могла бы ее проскочить, да еще провести с собой двух профанов! Особенно учитывая, что она не иллюзорница и не разумница!

Голос Райнгартена снова поднялся вверх, стихийник почти выкрикнул последние слова, смахнул капли пота со лба и висков. Потом глубоко вдохнул, выдохнул и уронил в полной тишине:

- Ну и наконец, милорды, то с чего следовало начинать. Айлин Ревенгар вернулась из Запределья живой и невредимой. Из Разлома! Используя заклятие ключа, которое в принципе такого исхода не допускает, вам ли это объяснять. Это противоречит всему, что мы знаем о Разломах, не говоря уж о Барготе. А Разлом, позвольте заметить, при этом закрылся! И даже искажения ткани реальности рядом с ним улеглись просто мгновенно! Помните, мы с милордом Архимагом, — покосился он на онемевшего от возмущения и ужаса Грегора, — провели на холме несколько дней, проверяя показатели магического поля? Возмущения должны были возникнуть! Но их не было! И если вам даже этого мало... - Он снова помолчал и выдохнул: — Аркан. Тот самый аркан, который спас жизнь юному принцу. Полагаю, милорды, вы все его исследовали? И тоже пришли к выводу, что структура этого заклятия не соответствует ни одному аркану из известных магической науке? В нем нет ни фиолетовой, ни красной силы, хотя адептка Ревенгар могла воспользоваться либо той, либо другой, в крайнем случае, сразу обеими, но не чем-то принципиально иным! Спросите себя, кому принадлежит сила, влитая в этот аркан, милорды? Бесцветная сила!

- А если сами себе ответить не сможете, попробуйте задать этот вопрос мне как историку, - прозвучал голос Роверстана, и все обернулись к нему. - Милорд Райнгартен, оставляя пока в стороне ваши предыдущие аргументы, позвольте остановиться на последнем. Пресловутый аркан адептка Ревенгар получила от человека, который мне прекрасно известен. Это дон Разн, арлезийский дворянин, мой добрый друг и коллега по историческим исследованиям. Я понимаю, что история не у всех в чести. - Он скупно усмехнулся уголками губ, но взгляд остался по-прежнему холодным. — Многие так называемые образованные люди искренне убеждены, что до Семи Благих и Баргота магии вовсе не существовало. Так вот, извольте представить, что это не так. Да, принципы работы этого аркана действительно основаны на так называемой бесцветной силе. Но она не принадлежит Барготу. Мне удалось ознакомиться с записью исходного заклинания. Речь идет об аркане, известном как Узы Тени, чрезвычайно древняя магия, имеющая целью создание разумного фамильяра. И использует он не искру, что даруют Благие, а собственную жизненную силу самого

мага. Очень опасно, зато бесценно в некоторых обстоятельствах. Собственно говоря, уж простите за лекцию, точно по тем же принципам работает природная магия Вольфгарда и некоторых восточных школ. Адептка Ревенгар изменила аркан, подогнав его к нужным условиям, но к Барготу он по-прежнему никакого отношения не имеет. Надеюсь, моего свидетельства как историка Ордена вам достаточно?

- Вашего - да, — процедил Райнгартен. - А этот ваш знакомый не мог бы дать... какое-то обоснование своим действиям? - Грегору показалось, что стихийник проглотил слово «показания». - Аркан, который он так безответственно подарил адептке, оказал непредсказуемое действие на его величество!

- Прежде всего, позвольте напомнить, этот аркан спас ему жизнь. - Роверстан снова растянул губы в намерении улыбнуться. - Вообще-то, люди, потерявшие столько крови, не выживают, можете спросить об этом коллегу Бреннана. Я уж не говорю об отравлении ядом демонов. Если бы адептка Ревенгар не применила аркан - кстати, с огромной находчивостью и самоотверженным мужеством! - у Дорвенанта сейчас не было бы короля крови Дорвеннов. Не кажется ли вам, дорогой Этьен, что это вряд ли могло входить в планы Баргота и несколько... противоречит вашей блистательной теории?

- Не кажется! - огрызнулся стихийник. - Если в планы Баргота входило возвести на трон короля, обязанного леди Ревенгар за спасение жизни. Я даже не говорю о том, как странно этот аркан связал всех троих! К счастью, магистр Бреннан заверил нас, что жизни его величества ничего не угрожает, даже если что-то случится с его спутниками...

- Этьен, это уже слишком! - Грегор лихорадочно подбирал аргументы. - Вы говорите о девушке, которая пожертвовала жизнью ради Дорвенанта. И пусть ее спасение - странная аномалия, но в магии такого уровня полно странностей. А вдруг этот Разлом имел какие-то иные свойства, что позволяли применить к нему заклятие ключа без фатальных последствий? Мы же не знаем, что там наворотил Денвер! Да вы сами говорили, что первичный портал — это страшная мешанина силовых линий, не позволяющая закрыть прорыв обычным способом! Что он уникален и не подчиняется обычным законам!

- О да, примерно так же уникален, как и сама адептка Ревенгар, — зло съязвил Райнгартен, смахивая платком капли пота со лба. - Милорд Архимаг... Проклятье, Грегор! Я понимаю, что она ваша любимая ученица и гордость гильдии! Но предположите вы хоть ненадолго, что я прав! И тогда все эти странности, которые нельзя объяснить иначе, имеют безупречное обоснование! Барготопоклонники сотворили ритуал, которым собирались призвать Баргота в наш мир. Это уже доказано, так? Но Барготу в любом случае была необходима физическая оболочка! Только низшие твари вроде демонов могут выжить в Бездне и прорваться в наш мир во плоти. Благие, как нам всем известно, для кратких воплощений пользуются своими Избранными. Почему не предположить, что у Баргота тоже должен быть Избранный? Или Избранная! В конце концов, среди сектантов, что ему поклонялись, были не только разумники! Там даже не все магами были... Нет-нет, я вовсе не хочу сказать, что бедная девочка... Что она входила в секту! Но почему не предположить, что безумец Морхальт пообещал Барготу собственную плоть и кровь в качестве сосуда?! Айлин Ревенгар, возможно, сама не знает, что в ней скрывается! Она доехала до Разлома, побуждаемая высокими чувствами, пожертвовала собой и... вернулась в наш мир, зараженная семенем зла! В конце концов, девочка ничего не помнит о том, что с ней было по ту сторону Разлома!

- К чему вы ведете, Этьен? - неприятно скрипучим голосом спросил Бреннан. - Каков итог ваших умозаключений?

- Мне тяжело говорить об этом, — вздохнул Райнгартен и снова обвел собравшихся внимательным взглядом, поспешно миновав им Грегора. - Но в интересах Ордена и Дорвенанта адептка Ревенгар должна умереть.

У Грегора потемнело в глазах. Райнгартен, должно быть, говорил что-то еще - Грегор слышал его голос, но так тихо и глухо, словно Оранжевый магистр пытался докричаться сквозь стену, и разобрать слова никак не удавалось - в мыслях, бесконечно повторяясь, звучало: «Айлин Ревенгар должна умереть».

Горло сдавило так, словно на нем медленно затягивалась висельная петля, и Грегор понял, что сейчас задохнется, как... какАдальред... Нет!

Он что было сил рванул воротник, жадно глотая сладкий прохладный воздух - и в мыслях немного прояснилось.

«Айлин я не отдам! - подумал он. - Хватит! Меня не оказалось рядом, когда это было необходимо, но теперь-то я здесь!»

- Я не позволю, — проговорил он, с отстраненным удивлением отметив, что язык почему-то онемел и едва ворочается. - Магистр Райнгартен, я заявляю решительный протест!

- Мне очень жаль, — вздохнул Райнгартен, и Грегор в самом деле услышал в его голосе сожаление. - Но согласно Уставу Ордена, ваш протест не может быть принят, милорд Великий Магистр. Вы - личный наставник адептки Ревенгар, заинтересованное лицо, а следовательно, не имеете права голосовать. По той же причине права голоса, к сожалению, не имеют уважаемые коллеги Эддерли и Ладецки. Мне жаль, поверьте...

- К Барготу Устав! - рявкнул Грегор. - Айлин Ревенгар - моя невеста! Она носит моего ребенка! Будьте вы прокляты, Райнгартен, неужели вы меня не понимаете? Ведь ваша жена тоже беременна!

На зал Совета упала мертвая тишина, и окончательно прояснившимся рассудком Грегор понял, что только что сам окончательно погубил репутацию невесты, а заодно и свою. Наставнику признаться в том, что обесчестил адептку! Да что можно придумать хуже?!

«И репутацию тоже к Барготу, — подумал он злобно. - Все равно меня никто не посмеет упрекнуть. Лишь бы только выбить из головы Райнгартена эту мысль! Лишь бы только его не поддержали! Лишь бы...»

- Я... понимаю вас, — уронил Райнгартен, и в его неожиданно прямом взгляде Грегор с ледяным ужасом прочитал сострадание. - Право, ваши слова - немыслимая неожиданность... Но я не смею в них сомневаться. Я вас понимаю! Но клянусь Всеблагой, если бы подобное случилось с моей женой... Я люблю Мэнди всем сердцем, но случись с ней подобное, я выполнил бы свой долг. Это сделало бы меня несчастным до конца жизни! Но я не посмел бы отступить. Зная, что от этого решения зависит судьба не только Дорвенанта, но, возможно, всего мира!

Грегор снова задохнулся, открыл было рот, еще не зная сам, что скажет - продолжит ли спорить? Пригрозит? Просто проклянет не в меру осторожного подчиненного?

И, как на клинок, наткнулся на умоляющий взгляд вскинувшего голову Эддерли.

«Что бы я ни сказал, — понял он вдруг. - Что бы ни сделал - это не поможет. Этьен только уверится, что он прав. Бастельеро не может пренебречь долгом, а если все же пренебрег, значит, он одержим Барготом, и никак иначе. А если я и в самом деле прокляну Райнгартена, в том же уверятся и все остальные, все, кто сейчас, если Претемнейшая будет милостива, может быть, еще не верит ему. Или хотя бы сомневается. Да, я могу убить любого, кто поддержит Райнгартена, да хоть бы и всех... Но Айлин это не поможет! Претемная, да что же это! Я Архимаг и Твой Избранный, я могу почти все... И я ничего, совсем ничего не могу! Только молиться, чтобы Райнгартена не поддержали...»

- Этьен, — все-таки попытался он. - Не сходите с ума! Есть же другие способы решить эту... проблему! Должны быть! Если вы так уж опасаетесь, можно заблокировать ее дар, или даже...

Голос дрогнул, сорвался, и слово «выжечь» не прозвучало, но Райнгартен отвел глаза так, словно все-таки его услышал.

«В конце концов, — подумал Грегор, невероятным усилием воли отгоняя накатившее отвращение к себе. - Это лучше, чем смерть! Да, Айлин могла бы стать гордостью Ордена, но видит Претемнейшая, если я должен выбрать между ее жизнью и магией... никакая магия не стоит того, чтобы она... чтобы ее...»

- Я вас понимаю, милорд, — снова повторил стихийник. - Но блокада дара или даже выжигание ничего не решат. Да подумайте же, во имя Всеблагой, мы говорим о Барготе! С чего вы решили, что ему могут понадобиться каналы? Нашим уважаемым коллегам разумникам не нужны ни каналы, ни резерв, чтобы быть полноценными магами! А уж сам Падший как-нибудь решит... эту небольшую по его меркам проблему!

- А если вы ошибаетесь, чтоб вас, милорд-р-рд?.. - прорычал Ладецки, наваливаясь на стол. - Вы что же, хотите отправить на плаху или на костер девушку, которая спасла Дорвенанта и короля?! Что, если все ваши доводы - ошибка?!

- А что, если нет?! - снова отчаянно зазвенел голос стихийника, срываясь в крик. - Ладецки, мы едва справились с прорвавшимися демонами! И еще не один год будем бороться с последствиями. Но что, если я прав, и в наш мир пришел их господин?! Что, если он выжидает удобного случая открыть бесчисленные Разломы, через которые хлынут такие орды... Нам недавнее нашествие детскими играми покажется! Битвой с передовым отрядом, пока основная армия Бездны готовится к вторжению!

- Зачем Барготу истреблять людей? - бросил Роверстан. - Он Падший и Проклятый, но Безумец среди его титулов никогда не значился. Если демоны заполонят весь мир и перебьют человечество, кто станет ему поклоняться?

- Вы у меня спрашиваете? - огрызнулся Райнгартен. - Возможно, он собирается построить какой-то новый мир! Тот, который мы даже представить не можем. И пока мы жалеем одну-единственную

девушку, которая могла уже сотню раз погибнуть, подумайте о бесчисленных жизнях других людей! Тех, кто неминуемо погибнет, если мы ошибемся! Айлин Ревенгар вернулась из владений Баргота живой и невредимой! Значит, он ее отпустил! Какие еще причины этого вы можете предположить?!

- Я не позволю, — сказал Грегор, едва слыша собственный голос. - Не позволю, слышите?! Я не только ее наставник, не только ее... жених, но еще и Архимаг пока. И могу воспользоваться правом вето для любого решения Совета!

- Тогда мне придется поставить вопрос о вашем праве занимать этот пост, — жестко отозвался Райнгартен, устремляя на Грегора взгляд в упор.

Обычно холодный и рассудительный, сейчас он горел истовым пламенем уверенности в собственной правоте, почти одержимостью.

- Вы полагаете, вас поддержат? - спросил Грегор, изо всех сил пытаясь сохранить остатки хладнокровия.

- Я полагаю, нет необходимости в таких крайних мерах, милорд, — сказал Райнгартен с удивительно искренней горечью. - Я вам присягал и готов повиноваться в чем угодно... Однако погубить Дорвенант я вам не позволю. Грегор, вы ослеплены... Вы не видите очевидного! Любого из доказательств, что я привел, пару сотен лет назад хватило бы для немедленной казни. Ну, может, ее бы отложили для допроса с пристрастием... Но я же не призываю к этому! Клянусь Благими, я даже о плахе и костре не говорю! Нас... попросту не поймут...

- Вот в этом я с вами решительно согласен, — подал голос Эддерли. - Вы собираетесь казнить девушку, о героизме которой знает весь Дорвенант, про Орден я уже не говорю. И обосновать это тем, что она выжила?! О да, великая вина!

- Не передергивайте, милорд, — отчаянно огрызнулся Райнгартен, — вовсе не за это. И не казнить, а... решить проблему тихо. В конце концов, бедняжка действительно не виновата... Есть же незаметные проклятия или зелья... Безболезненные!

- Магистр Райнгартен... — проскрежетал Грегор, едва узнавая собственный голос. - Вы забываетесь. Решение пока не вынесено! И если вы позволите себе распоряжаться жизнью Айлин Ревенгар...

- Ну так выносите его уже, милорд Архимаг! - Стихийник гордо вскинул голову. - Но позвольте напомнить, что по Уставу вы трое, — он указал взглядом на Ладецки с Эддерли и снова вернулся к Грегору, - действительно не имеете права голосовать! Если же вы, милорд, намерены сложить с себя полномочия Великого Магистра, то... это тем более ничего не решает! Вы тогда станете простым мэтром-преподавателем, даже не магистром гильдии. Да и в любом случае...

Райнгартен пожал плечами, и Грегор бессильно проглотил заковыристое проклятие, что так и лезло на язык. Пришлось опять напомнить себе, что смерть Райнгартена ничего не решит!

- Я требую отсрочки окончательного решения, — процедил он. - В силу определенных обстоятельств... Айлин Ревенгар носит моего ребенка! Я намерен жениться на ней как можно скорее, а потом, после рождения моего наследника или наследницы...

«Главное - получить отсрочку! Под любым предлогом! За несколько месяцев я наизнанку вывернусь, но разобью каждый из проклятых аргументов Райнгартена!»

- Нет, — уронил Райнгартен. - Грегор, да ради всех Благих, как вы не видите?! Если она беременна, возможно, что сосудом Баргота должна стать не она сама, а этот ребенок! Она ведь проходила через Разлом уже... ну вы понимаете! Именно поэтому решать нужно сейчас!

- И вы намерены отравить или проклясть беременную девочку восемнадцати лет?! - повысил голос Бреннан. - Девочку, которая до сих пор лежит в лазарете после этого проклятого Холма? Виновную в том, что выжила, когда ей было предписано умереть?! Простите, но это без меня!

- А сколько таких девочек умрет, если я прав? - бесстрастным до мертвенности голосом поинтересовался Райнгартен. - Бреннан, вам прорыва в Академии мало показалось? Так их будет столько, что весь мир зальет кровью!

- Или не зальет, — упрямо набычился пожилой целитель. - Вы все еще можете ошибаться, милорд. А вот смерть... ее ничем не отменить и не исправить. Вы хотите убить Айлин Ревенгар из страха, хотя достаточно поместить ее под наблюдение!

- Я требую голосования, милорды, - отвернувшись от него, бросил Райнгартен. - И в который раз напоминаю, что по Уставу милорды Ладецки и Эддерли не имеют права решать судьбу своей адепки. Таким образом, у нас остается шесть человек, способных определить дальнейшую судьбу девицы Ревенгар. Я утверждаю, что она представляет огромную опасность для Дорвенанта и

Ордена. Да что там, для всего Эдора! Одна жизнь против несметного множества. И как мне ни жаль эту отважную девушку, но цена ошибки будет слишком высока. Помните об этом!

«Шесть человек, — бессильно билось у Грегора в мыслях. - Сам Райнгартен, Волански, Бреннан... Бреннан уже высказался против! И Роверстан вроде бы на стороне Айлин... Но Девериан и Валлендорф вообще ни слова не сказали!»

- Милорды?

Стихийник опять оглядел всех. Ладецки, как видел Грегор, сидел мрачный, словно грозовая туча, Эддерли побледнел и осунулся, но было понятно, что против Устава они ничего не могут сделать.

- Милорд Волански? - резко спросил Райнгартен. - Вы намерены голосовать? Простите, но дело слишком важное, чтобы принять вашу... обычную позицию!

Иллюзорник поднял взгляд от стола, и Грегор с содроганием увидел, что сейчас оба глаза Волански чистого голубого цвета, ясные, как драгоценные камни, и такие же непроницаемые.

- Милорд Волански! - настаивал Райнгартен. - Извольте выразить свою волю!

- Не вижу необходимости, - тихо проговорил иллюзорник удивительно спокойным и рассудительным голосом. - Бесполезно что-то решать, когда колесо судьбы уже повернулось. Да или нет, какая разница? Кровь все равно прольется.

Грегора передернуло. Чуть ли не впервые в жизни он подумал, что Волански, возможно, не просто подставная фигура в гильдии, а ее глава по заслугам. Иллюзорники провидят будущее, это один из величайших даров Безликого, но достается он единицам. И предположить, что именно это Волански сейчас делает... Ну не может ведь он в самом деле быть истинным пророком! Только не этот смешной и нелепый старик с явными признаками безумия. Нет-нет, это просто желание придать себе побольше значимости!

- И все-таки да или нет? - допытывался Райнгартен.

- Я воздерживаюсь, — неожиданно холодно ответил Волански. - По исконному и старинному праву иллюзорников.

«Пять, — лихорадочно подумал Грегор. - Осталось пятеро! Из них проголосовали двое... Да какая разница? Я ее не отдам! Что бы Райнгартен ни решил, я сейчас выйду из этого зала и... заберу ее. Прямо из лазарета! Плевать на все! Пост Архимага? Пусть Райнгартен подавится этой звездой! Хотя нет, он тогда получит слишком много власти... Назначу заместителем Эддерли или Бреннана... Да хоть Роверстана! А сам увезу Айлин из Дорвенны, пока не решу все с Райнгартеном... Какая же он сволочь! Пусть изображает сочувствие сколько угодно, не может он не понимать, что...»

- Милорд Валлендорф? - повернулся стихийник к алхимику.

- Поддерживаю ваше предложение, — тихо сказал тот и опустил взгляд. - Риск слишком велик, цена ошибки недопустимо высока.

«Проклятье! У тебя даже нет собственных слов, тваррь! Ну... этого следовало ожидать! Валлендорф - человек Райнгартена... Но осталось еще двое!»

- Милорд Девериан?

Прежде чем ответить, артефактор глубоко вздохнул и взгляд, в отличие от Валлендорфа, опускать не стал.

- Я поддерживаю магистра Райнгартена, — уронил он.

- Девериан! - не выдержал Грегор, невольно подаваясь вперед. - У вас же пять дочерей! Ее сверстницы!

- Да, милорд, — чуть склонил голову артефактор и сразу выпрямился. - Поверьте, мне очень жаль. Но... я видел, во что превратили Дорвенну несколько сотен демонов. И понимаю, что если их будут тысячи... род людской, возможно, не устоит перед нашествием Бездны. Или же мы заплатим за победу такими реками крови, что выжившие долго будут завидовать погибшим. Мне жаль, милорд... Грегор, я клянусь, мне безумно жаль! - Голос Девериана дрогнул, а потом он сказал с пронзительной болезненной искренностью: — Я могу лишь поклясться, что если бы речь шла об одной из моих дочерей, я сказал бы то же самое. Грегор, мы с вами не зря золотая кровь, мы умеем жертвовать самое дорогое, когда нужно...

«Девериан непредсказуем, — вспомнил Грегор слова Райнгартена. - Он, конечно, будет благодарен вам за назначение, но вашим человеком никогда не станет...»

Что ж, Райнгартен снова оказался прав. Он сделал ставку на покорного Валлендорфа и... выиграл? Потому что Девериан услышал его доводы и согласился! И что толку теперь думать, что надо было ставить на место главы артефакторов безусловно преданного человека, как это делает Райнгартен. Можно не сомневаться, это все равно был бы человек не самого Грегора, а его заместителя. А теперь... Три из пяти! Райнгартен выиграл! Он сам и Валлендорф с Деверианом против Бреннана и... неизвестно, как проголосует разумник, но это уже ничего не изменит!

«Впрочем, как и моего решения - тоже, — с холодной спокойной обреченностью подумал Грегор. - Я расколю Орден, если придется, но второй раз убить Айлин не позволю».

- Магистр Роверстан? - глухим напряженным голосом спросил Райнгартен, и Грегор встрепенулся.

Чего он боится? Роверстан уже не может повлиять на решение!

Разумник поднял тяжелые веки, которые до этого держал полуприкрытыми, и... встал, опираясь на стол перед собой ладонями. Белая мантия натянулась на груди, звезда магистра, усыпанная жемчугом и еще какими-то белыми и прозрачными камнями, закачалась на цепочке, сверкая так, что больно было на нее смотреть. Мигнув, ей словно отозвался камень в сереге Роверстана.

- А знаете, дорогой Этьен, — начал разумник удивительно спокойным, рассудительным и мягким голосом. - Вы совершенно правы. И я вас всемерно поддерживаю. Конечно же, Айлин Ревенгар должна умереть.

У Грегора что-то потянуло внутри, а потом оборвалось. Резко, с острой болью. Конечно, голос Роверстана и вправду уже ничего не решал, но... проклятье... Предательства Айлин не заслужила. Как он может?! Он ведь был на том холме...

- Айлин Ревенгар безусловно должна умереть, - вкрадчиво повторил Роверстан и продолжил, с каждым словом наращивая тяжелую низкую мощь своего голоса, в котором вдруг прорезался акцент, которого Грегор никогда ранее не замечал. - Иначе как еще Орден сможет скрыть свою вопиющую некомпетентность? Это ведь Ревенгар виновата в том, что служба безопасности много лет не замечала секту барготопоклонников, которую возглавлял начальник этой самой службы! Это, наверное, Ревенгар лично приносила в жертву сначала адептов, а потом королевскую семью, чтобы открыть портал в Запределье. Это Ревенгар виновна в деяниях магистра Морхальта, устроившего в особняке посреди Дорвенны культовый жертвенник, а затем и могильник! И, конечно, только из-за нее Денвер стал кадавром, в этом тоже никаких сомнений. Видимо, чтобы девочка не заскучала по дороге к Разлому! Знаете, учитывая, сколько она и ее спутники натерпелись от демонов, Денвера и результатов остальных деяний Баргота, я поражен его непредусмотрительностью! Тащить через всю страну молоденькую магессу и пару профанов, ежеминутно рискуя их жизнями, чтобы в конце едва не угробить всех троих! Скажите, милорд Райнгартен, как в вашу прекрасную теорию уложилась бы смерть Айлин Ревенгар, если бы девушка переступила черту полного истощения жизненных сил? А ведь именно это она и сделала, спасая короля! И знаете что, Райнгартен... - Голос Роверстана превратился в густое низкое мурлыканье, а потом вдруг загремел так, что витражи в окнах мелко задребезжали, а звезда магистра вспыхнула сотнями злых белых огоньков. - В своих безупречных выкладках вы не учли или не захотели учесть одну мелкую деталь! Суший пустяк, право же! Меня, магистра Белой гильдии, который тоже был на этом проклятом холме и наблюдал возвращение Ревенгар собственными глазами! Может, вы и меня обвините в барготопоклонничестве?! Нет? Ну тогда потрудитесь объяснить, почему я, разумник, не почувствовал ни малейшей тени присутствия Баргота?! Ни тогда, ни позже, когда проводил глубокое обследование разума Айлин Ревенгар! Или вы считаете, что я не способен различить силу Проклятого? Белые маги всего лишь отреклись от его деяний и самого Баргота, но цвет искры, представьте себе, не поменяли! И эта искра, поверьте, дала бы нам знать, окажись рядом Баргот во плоти, как одаренные Семью Благими чувствуют присутствие своего покровителя! А этого не было! Но мы, разумеется, свалим на Айлин Ревенгар все, что случилось до ее рождения, после него и заодно все беды лет на сто вперед! Этого вы хотите, милорд?!

Его голос громыл так, что заполнил большой зал полностью, отражаясь от стен и уже гудящих окон. Грегор пытался различить аркан, который Роверстан использовал для этого, но ничего не увидел, словно разумник вообще не пользовался магией. А он продолжал, роняя каждое слово так, словно они были каменными глыбами.

- Ну так вот, я вам этого не позволю! Вы проголосовали за смерть Ревенгар. Тайную, позорную и бессмысленную! Говорите, Устав Ордена не позволяет голосовать ее наставникам? Очень выгодно для вас, милорд! Потому что тогда соотношение голосов было бы совсем иным, и вы это прекрасно понимаете! Дело не в том, что Ладечки и Эддерли - магистры девочки. Просто они знают ее намного лучше вас...

- Вы не вправе менять порядок голосования! - выкрикнул Райнгартен, с трудом перекрыв густой низкий голос разумника.

- А я и не собираюсь! - прорычал тот, еще ниже наклоняясь над столом, словно готовясь кинуться на стихийника. - Я всего лишь не позволю вам сделать это тайно! Айлин Ревенгар пожертвовала репутацией и жизнью ради спасения Дорвенанта! Извольте принести хотя бы первую из этих жертв! Объясните всему Ордену, что девушку, которая добровольно прыгнула в Разлом, закрывая его собой, нужно убить из осторожности! Скажите об этом боевикам, которые помнят смерть Кристофа! Скажите некромантам, что она слишком хорошо упокоила растерзанную демонами деревню, и потому ее нужно отравить или проклясть! Скажите целителям, которые лечили ее от истощения, что она чересчур умело уничтожила Денвера, который открыл Разлом! Давайте, милорд Райнгартен, объявите об этом Ордену, двору и всему Дорвенанту! Докажите им главную вину Ревенгар - то, что она посмела при всем этом выжить!

- Прекратите, Роверстан! - яростно выкрикнул Райнгартен, и у него даже губы затряслись от возмущения. - Все это лишь красивые слова! Что от них останется, если Баргот и вправду вернется?!

- Значит, мы будем с ним драться! - громыхнул голос разумника, и стекла в окнах задребезжали жалобно и тревожно. - Если Баргот явится в этот мир во плоти, значит, и Семь Благих не останутся в стороне. А даже если так... Я верю в людей, Райнгартен! И в то, что нельзя подло и трусливо убивать девчонку, которая и так уже отдала однажды свою жизнь за всех нас! Потому сделать это втайне я вам не позволю! Если Орден, узнав правду, последует вашему решению уничтожить Айлин Ревенгар, чего тогда стоят все наши традиции и законы, написанные кровью?! Если же нет, какое вы имеете право мारать всех нас этой подлостью?!

Его голос взмыл под потолок, налившись чудовищной силой, и оконные витражи, разлетевшись вдребезги, осыпались на пол разноцветными осколками. Разумник смолк, тяжело дыша, и обвел всех тяжелым угрожающим взглядом. Претемнейшая Госпожа, в это мгновение Грегор перед ним преклонялся! Он готов был простить Роверстану что угодно, даже тот поцелуй с Айлин в Вишневую ночь... Он готов был предложить разумнику дружбу вместе со своей вечной благодарностью! Роверстан безошибочно нашел уязвимое место Райнгартена, о котором ни сам Грегор, ни остальные магистры даже не подумали! Честь Ордена! Благодарность и восхищение подвигом Айлин пока еще слишком свежи, и объявить сейчас о теориях Райнгартена... Да стихийника на части разорвут! Он из дуэлей не выберется, причем в самом прямом смысле - живым! И большинству тех, кто его станет вызывать, будет все равно, прав ли он. Тот же Красный факультет, чего доброго, турнир устроит за право вызова на дуэль обидчика «их Ревенгар». И Грегор даже мог предположить, кто в этом турнире с радостью поучаствует, судя по взглядам, которые кидает на Райнгартена воспрянувший Ладецки. Боевиков никакой Устав не остановит!

- Как вы не понимаете... — тихо сказал разом словно постаревший Райнгартен. - Я больше всего на свете хочу ошибиться... Неужели вы думаете, что мне ее не жаль? Если я ошибаюсь... я сам потребую для себя кары... Но если нет? Роверстан, вы погубите... погубите всех нас! Вы же разумник, вы должны понимать...

Пожалуй, он был искренен. И не мог не осознавать, что при любом исходе приобретет могущественных врагов. Самого Грегора и Ладецки с Эддерли - это самое меньшее! Но все-таки пошел на это ради того, что считал правильным, и Грегор преисполнился бы к нему уважения, не иди речь о жизни Айлин.

- Раскол погубит Орден, — тихо подтвердил всеобщее мнение Девериан. - Но, милорды, так дело оставить нельзя...

- Я ручаюсь за Айлин Ревенгар, — торопливо сказал Грегор. - Сейчас ее магические силы заблокированы, и это продлится еще не один месяц. Я обещаю наблюдать за ней самым внимательным и беспристрастным образом! И отчитываться Совету, разумеется!

- Присоединяюсь, — буркнул Бреннан и добавил примирительным тоном. - Ну что вы, милорд Райнгартен, право! Если мы все, не самые последние люди в своем ремесле, не сможем вовремя распознать целого Баргота в юной девочке...

- А если он вселился в младенца? Прямо в материнской утробе? - с глухим отчаянием спросил Райнгартен, в который раз вытирая лоб. - Или перейдет в него во время родов?!

- Ну, знаете! - язвительно фыркнул Бреннан. - Может, еще примем роды прямо здесь?! Полным составом Совета? И кстати, как вы собираетесь определять, что это Баргот? Надеется, что он, едва родившись, неприличный жест вам покажет? Ну так извините, я сам дедушка восьми внуков! И по мне, так любой младенец с коликами или режущимися зубками заткнет Баргота за пояс по части вредности.

- Вольно же вам шутить... — поморщился Райнгартен. - Лорд Бастельеро, при всем моем уважении, не разумник. И может пропустить нужные признаки или...

Он развел руками, и Грегор, понимая, что стихийник сдается, от облегчения пообещал себе не

мстить. Впрочем, забывать он тоже ничего не собирался.

- Думаю, если Айлин Ревенгар внезапно превратится в Баргота, лорд Бастельеро это не пропустит, — холодно заметил Роверстан. - Что до ребенка, то его после рождения действительно можно осмотреть. И даже нужно. Ревенгар дважды подвергалась действию порталов, ребенок может родиться больным. Но это уже в компетенции целителей, не так ли? Милорд Райнгартен, у вас есть что добавить?

- Благодаря вам - нечего, — с болезненной гримасой отозвался стихийник. - Позвольте откланяться, милорды?

Дождавшись кивка Грегора, он нервно собрал бумаги, которые принес с собой, запихнул в кожаный футляр и вышел. За ним, стараясь не глядеть на Грегора, потянулись остальные магистры.

- Роверстан! - окликнул Грегор и тут же поправился: - Дункан, прошу вас на минуту...

- Да, милорд Великий магистр? - бесстрастно откликнулся разумник.

Почему-то некстати вспомнилось, что он, единственный из Совета, так и не принес новому Архимагу присягу, но Грегор, разумеется, не стал об этом напоминать. Не в такой же момент!

- Благодарю вас, — сказал он так искренне, как только мог, и протянул разумнику руку. - Если бы не вы... Я вам очень обязан!

- Пустое, милорд, — сказал тот с совершенно непроницаемым лицом. - Я это сделал исключительно ради чести Ордена. И вы мне ровным счетом ничем не обязаны, поверьте.

Протянутую руку он словно не заметил, и Грегор, вспыхнув, опустил ее. Раздражение полыхнуло мгновенно, однако он подумал, что Роверстан вряд ли хотел оскорбить его намеренно. Возможно, после столь долгой неприязни разумнику так же неловко слышать благодарность Грегора, как самому Грегору ее высказывать. Да еще это проклятое кресло Архимага, невольно вставшее между ними... Право, стоит подумать, не сделать ли разумника своим заместителем? С Райнгартеном после сегодняшнего даже видеться не хотелось, а уж работать вместе! Кстати, их договоренности о poste Великого магистра тоже определенно стоит пересмотреть....

- И все-таки я ваш должник, — слегка поклонился он. - Прошу не забывать об этом. И... буду рад видеть вас гостем на нашей с Айлин свадьбе.

- Мои поздравления, милорд, — бросил Роверстан и, отвесив короткий резкий поклон, стремительно зашагал к выходу.

***

Райнгартен догнал Грегора уже почти у самой башни Архимага.

- Милорд Архимаг! - раздался его чуть задыхающийся голос. - Будьте любезны... Проклятье, Грегор, да подождите вы немного!

Остановившись, Грегор круто повернулся к стихийнику, и тот под его взглядом замялся, но тут же выдохнул:

- Нам нужно поговорить. Грегор, прошу вас!

Смотрел он при этом так умоляюще и выглядел настолько жалко, что Грегор внутренне передернулся от безразличия, а гнев против Райнгартена не исчез, но... позволил мыслить достаточно рассудительно. Не убивать же его все-таки... Значит, им по-прежнему придется часто видеться. И лучше прояснить все сразу.

- Что вам, Этьен? - устало спросил Грегор. - Простите, но заниматься делами Ордена я сейчас не настроен. Да и с личными разговорами предпочел бы повременить.

- О, ничего срочного! - попытался улыбнуться Райнгартен, но вместо улыбки у него вышла довольно неудачная гримаса. - Всего лишь хотел извиниться. Я... Грегор, я понятия не имел, что затрону ваши... личные интересы!

- А если бы имели, это что-то изменило бы? - холодно поинтересовался Грегор.

- Боюсь, что нет, — тихо ответил Райнгартен, опуская взгляд. - Я... просто не имел права молчать.

Все-таки трусом он не был, хоть и не устоял под шквалом угроз разумника. И уверенности в своей правоте не потерял, а значит, продолжал представлять опасность для Айлин. Грегор снова про себя передернулся и продолжил:

- Этьен, вы же понимаете, что я не позволю вам причинить ей ни малейшего вреда? Ваши обвинения имеют некоторое основание... и логику... Но я уверен, что это все так или иначе можно объяснить. Да вот хоть проклятый аркан! Наверняка с этим арлезийцем возможно встретиться, раз уж Роверстан знает его лично. Проведем еще одно расследование, более тщательное, и вы успокоитесь в своих подозрениях.

- Мои подозрения? - все-таки болезненно улыбнулся Райнгартен. - О, я буду счастлив, если они не оправдаются! Но... я вам вполне верю, Грегор. И вашему обещанию присматривать за... юной леди - тоже. Простите, я вас не поздравил. В тех обстоятельствах это было бы слишком... неуместно. Мне, право, очень жаль... что так получилось.

- Мне тоже, — ровно и по-прежнему холодно отозвался Грегор. - И я надеюсь, что вся эта история не получит никакого продолжения. Леди Айлин Ревенгар вскоре станет моей женой, и я вас уверяю, я действительно намерен очень тщательно следить за ней. Не столько ради вашего спокойствия, сколько ради заботы о семье.

Его укололо чувство вины перед Айлин, которую он так отвратительно скомпрометировал перед Советом. Конечно, большая часть вины все равно ложится на него, но... Всеблагая Мать, как хорошо, что они успеют пожениться до того, как ее положение станет заметным. А потом слишком ранние роды можно будет списать на слабое здоровье и пережитые потрясения... Да и кто посмеет порочить законную жену Архимага?

- Нисколько не сомневаюсь в этом, — вздохнул Райнгартен. - Грегор, мне действительно неловко! И я надеюсь, что эта... неприятность... не омрачит нашей дружбы...

«Дружбы?! - изумился про себя Грегор. - Да когда это мы успели стать друзьями? Если Райнгартен имеет в виду договоренность, что я отдам ему кресло Архимага, то это называется отнюдь не дружбой. Но... А правда, что ему от меня нужно?»

- Этьен, — все-таки поморщился он. - Давайте начистоту. Вы прекрасно понимаете, какие чувства я к вам испытываю после сегодняшнего. Вы попытались приговорить к смерти мою невесту! И называете это неприятностью? Да если бы не Роверстан! - Он осекся и взглянул на побледневшего Райнгартена. Помолчал и продолжил: - Но если вы откажетесь... Действительно откажетесь от любых подозрений! Тогда и я согласен... забыть все сказанное.

- Грегор... - Стихийник словно захлебнулся вдохом, а потом, тяжело выдохнув, с трудом проговорил: - Прежде всего, я прошу вашего слова. Слова лорда Бастельеро, что ничто, случившееся между нами, не коснется... моей семьи.

- Вашей... что?!

Грегор онемел от изумления и возмущения. Райнгартен с ума сошел?! Он намекает, что Грегор может отомстить даже... даже не самому Этьену, а его семье?!

- Этьен, вы меня оскорбляете! - выдавил он. - Вы позволили себе думать, что я...

- Ваше слово, милорд! - в полном отчаянии, судя по взгляду, продолжал настаивать стихийник. - Грегор, умоляю, поймите меня верно! Разумеется, я не сомневаюсь в вашем благородстве! Но вы же некромант, Избранный Претемной! Что, если вы просто в раздражении... в гневе... нечаянно...

- Проклянущу вашу беременную жену? - язвительно подсказал Грегор. - Этьен, это настолько глупо, что... Уверяю вас, я достаточно хорошо собой владею, чтобы никогда и никого не проклясть нечаянно. Даже вас, не говоря уж о вашей драгоценной Мэнди. Вы за кого меня вообще принимаете?! Повредить женщине в положении?! Нерожденному ребенку?! Вы безумны даже больше, чем я думал!

Стихийник ждал, закусив губу, и от него буквально несло страхом. Больше того - слепым безрассудным ужасом, который, Грегор это знал, иногда толкает на глупейшие поступки. Сейчас Этьен Райнгартен боялся гораздо сильнее, чем во время своей речи перед Советом. Тогда он обвинял всего лишь ученицу Грегора, теперь он боялся его личной мести, причем именно беременной жене. Ведь Айлин тоже...

Грегора замутило, и ему пришлось напомнить себе, что стихийник боится не совсем уж на пустом месте. Все-таки репутация у Избранных Смерти... соответствует, а память о Вольдерингах, уничтоженных полвека назад, еще слишком свежа. Да, Бастельеро никогда не замарали бы собственную честь, обойдясь подобным образом даже со злейшими врагами, но убийц так и не нашли, а о многолетней вражде их родов было известно всей Дорвенне... Как и о том, что Стефан Черный глаз прилюдно отказался ставить защиту на особняк Вольдерингов.

- Слово Бастельеро, — с усталым отвращением проговорил он. - Клянусь честью, что не замышляю ничего дурного ни вашей супруге, ни вашему потомству. Если вы посмеете причинить вред Айлин

Ревенгар... Любой вред, слышите, Этьен? Делом, словом или бездействием! Тогда я вас убью. Но исключительно вас, не впутывая в это невинную женщину.

- Благодарю, Грегор! — Стихийник коротко поклонился и, несмотря на угрозу, улыбнулся уже гораздо естественнее, а потом признался: - Иного я от вас и не ждал. И снова повторю, что буду счастлив ошибиться. - Поколебался и, немного понизив голос, поинтересовался: - Кстати, значит ли это, что иные наши договоренности тоже расторгнуты?

- Отдать вам звезду Архимага? - язвительно уточнил Грегор. - Чтобы вы, избавившись от моего присутствия в Совете, снова начали преследовать мою жену? И обвинять в одержимости ее и моего ребенка? Нет, Этьен, простите, но теперь это попросту исключено. Во всяком случае, пока я не буду совершенно уверен, что вы убедились в ее невинности. А это возможно лишь после нового расследования. Долгого, тщательного, проведенного по всем правилам. Под моим собственным контролем, разумеется. И сколько бы это ни заняло времени, до тех пор я останусь Архимагом. Поверьте, без малейшего удовольствия.

- Да, милорд, — снова поклонился Райнгартен и уже совершенно бесстрастно уточнил: - Вы примете мою помощь в этом расследовании?

- Безусловно, — бросил Грегор. - Мне в любом случае понадобятся ваши консультации по поводу порталов. И все остальные сведения вам, конечно, будут доступны. Простите, Этьен, но мне в самом деле пора.

Оставив стихийника за спиной, он прошел от башни Совета до башни Архимага и поднялся по винтовой лестнице, уже привычно посетовав про себя на ее длину. Хорошо еще, что нога зажала. Кстати, нужно забрать домой дедушкину трость, все-таки это память о нем...

А в приемной перед кабинетом Великого магистра при его появлении встали все пять секретарей и смуглый щеголеватый дворянин, ожидавший в кресле для посетителей.

- Грандсиньор Бастельеро...

Учтиво поклонившись, фаворит короля сорвал берет и приложил его к груди на итлийский манер.

- Хорошего дня, господа. — Грегор кивнул секретарям и распахнул дверь перед гостем. - Добро пожаловать, милорд.

Настороженно покосившись на него, бывший Фарелли, по воле короля ставший Фареллом, прошел в кабинет и замер у стены. Грегор про себя лишь усмехнулся, входя следом и жестом предлагая гостю кресло, в которое тот опустился весьма скованно и слишком прямо. Ну да, можно пожаловать простолюдину дворянство, можно одеть его сообразно положению, но манеры вместе с дворянской цепью и гербовым перстнем не пожелаешь. Фарелли еще неплохо держится для бывшего наемника, все-таки обычно эта публика даже таким воспитанием не блистает. Но видно, как ему неловко в обществе.

Интересно, как быстро король наиграется в дружбу с этим итлийцем? И почему бы ему не приблизить к себе действительно достойных юношей? Да хоть того же Аранвена с Эддерли, которые вот-вот закончат Академию, а Дарра уже и при дворе стал бывать постоянно. Будущий канцлер, самое время с ним сблизиться. Или вот у Дортмундера есть младший брат, лихой гвардеец, чем не компания для молодого короля? В конце концов, не только в Трех Дюжинах есть подходящие дворяне! Но так явно приближать к себе чужестранца низкого происхождения... Вот уж подлинно провинциальные вкусы.

- Шамьет, милорд? - поинтересовался Грегор, садясь в собственное кресло и берясь за колокольчик. - Вина, простите, не предлагаю, вам сейчас предстоит магическое обследование, а крепкие напитки искажают некоторые параметры организма.

Он с запозданием подумал, что надо бы объясняться понятнее, простонародье обычно пугается научных терминов чуть ли не больше, чем истинных проклятий, но итлиец поспешно отозвался:

- Не извольте беспокоиться, грандсиньор! Мне бы не хотелось попусту тратить ваше драгоценное время, так что я с удовольствием обойдусь и без вина, и без шамьета. Оставим... параметры в полной неприкосновенности.

- Как вам будет угодно, — кивнул Грегор, удивленно подумав, что Фарелл не так уж прост.

Изъясняется он во всяком случае на приличном дорвенантском и строит речь как человек, получивший образование.

Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво оглядел итлийца, который заметно напрягся. Вздохнув, Грегор заговорил, стараясь все-таки подбирать слова попроще:

- Лорд Фарелл, я согласился оказать услугу юной леди, которая нам обоим хорошо знакома. Но мне хотелось бы удостовериться, что вы понимаете два... обстоятельства. Во-первых, я не хочу, чтобы кто-то связывал имя леди с той услугой, которую я вам окажу. Если я правильно понимаю, смертельное проклятие вы получили от ее величества Беатрис. И ей ни к чему знать, что леди Ревенгар причастна к прямому нарушению воли королевы.

- Полностью с вами согласен, грандсиньор.

Итлиеэ учтиво склонил голову и снова внимательно посмотрел на Грегора.

- Во-вторых, — продолжил Грегор. - Я ровным счетом ничего не могу вам обещать. Это проклятие создавал не я, а один из моих предков, причем так давно, что даже его имя неизвестно, и рабочих записей тоже, скорее всего, не осталось. Потом над этим проклятием еще проводились дополнительные эксперименты... опыты, понимаете? Несколько поколений Бастельеро создавали в нем дополнительные слои, и теперь оно похоже на... очень запутанный клубок, в котором давно потерялся конец нити. К тому же проклятия Бастельеро в принципе не были предназначены для того, чтобы их снимать. Я бы даже сказал, что неснимаемость - их основное и самое ценное свойство.

- Я понимаю, грандсиньор, — очень вежливо отозвался Фарелл. - И буду чрезвычайно благодарен вам хотя бы за попытку.

- Что ж, давайте посмотрим, — вздохнул Грегор. - Сидите спокойно, дышите ровно, постарайтесь не шевелиться. Это не больно и не опасно. Можете закрыть глаза, некоторым так проще. И приготовьтесь к тому, что придется посидеть довольно долго. Полчаса, не меньше. И это только на осмотр.

Он поймал себя на том, что говорит в точности с теми бесстрастными интонациями, которыми дед объяснял очередному пострадавшему от проклятия вещи, очевидные любому некроманту, но обычно непонятные даже магам с другой искрой, не говоря уж о профанах. Тон для клиентов, которые, как правило, напуганы и ждут от мастера чуда. А, между прочим, действительно не все проклятия можно снять!

Фарелли послушно обмяк в кресле, но глаза не закрыл, хотя задышал глубже и медленнее. Прекрасно, все бы так себя вели при обследовании!

Грегор встал, вышел из-за стола и поставил напротив кресла для посетителей простой стул, удачно оказавшийся в кабинете. Сел на него, размял пальцы и посмотрел на итлийца магическим взором. Фигура перед ним вспыхнула переплетением нитей, пятен, многочисленных слоев и вкраплений, которые составляют жизненную сущность каждого человека. Общий силуэт, повторяющий контуры тела, плотный и яркий, опытному взгляду говорил, что у Фарелла прекрасное здоровье, просто на редкость. И жизненной силы столько, что для любой нечисти итлиеэ был бы отменным лакомством. Легкий лиловый оттенок... Несмотря на молодость, парень изрядно послужил Претемной Госпоже, для наемника это ничуть не странно. Но искры, конечно же, нет.

Грегор внимательнее всмотрелся, на всякий случай проверяя солнечное сплетение итлийца, хотя Бреннан бы такое ни за что не пропустил. Случается, что искра очень мала и почти не проявляет себя магическими способностями, но дает человеку талант в какой-то области. Например, у него все ладится с точными и сложными ремеслами, и хотя вдохнуть жизнь в свое творение такой мастер не может, но кузнец, ювелир или красильщик из него получается отменный. И если присмотреться, обязательно различишь в его сущности синюю или голубую дымку. В деревнях часто имеется мудрая женщина, которая лечит травами и наложением рук... Не истинная целительница, но крошечный огонек в ней тлеет, окрашивая жизненную силу в зеленый. Лицедей или удачливый купец? Ищи блики желтого. Вспыльчивый драчун? Его сила точно будет отливать красным. Но очень мало людей, настолько погруженных в какую-то сферу жизни, чтобы их аура окрасилась монотонно.

Вот и сейчас Грегор различал в глубоких слоях линии и пятна, говорившие о том, что Фарелли, конечно, убивал часто, но без болезненного пристрастия, которое отличает некоторых безумцев или слишком жестоких людей. Вполне приличные перебивы, вот и жизнерадостные оранжевые тона, и легкие оттенки голубого почему-то... А красного, кстати, немного, особенно для наемника. Хм, редкое хладнокровие? Да, возможно.

Он проник взглядом еще глубже, отыскивая темное пятно, которое обволокло сердце - очень типично для проклятий. Черные щупальца сплетались вокруг пульсирующего комка разноцветных пятен, которыми выделялись эмоции. Страх, надежда, тревога... Неприязнь? Кажется, Грегор лорду Фареллу весьма не нравился. Ну что ж, это можно понять, если итлиеэ откуда-то узнал, кто подарил королеве это самое проклятие. Грегор снисходительно подумал, что тут немудрено вообще всех некромантов невзлюбить, а не только прямую причину своих неприятностей.

Между прочим, если бы он раньше рассмотрел это проклятие, то дюжину раз подумал бы, дарить ли его. Беатрис - профанка, она все равно оценила бы только действие, так что можно было сплести для нее что-то стандартное, а это... эту прелесть, этот невероятный образец оставить в семье! Да это просто чудо какое-то!

Онемев от восхищения, Грегор разглядывал многослойную структуру, которая вблизи действительно напоминала клубок, но не запутанный, а свитый из сложнейшей ажурной сети со множеством переходов, обманок, отдельных вкраплений... Шедевр! Божественно! Никогда Грегор не видел столь сложной и совершенной конструкции, перед которой его собственные лучшие образцы проклятий выглядели оскорбительно просто и бледно. И это он отдал собственными руками! Самонадеянный юный болван, решивший, что почтенные предки не могли сотворить ничего сложнее, чем умеет он! Сам виноват, дурень, что эту красоту потратили... на какого-то наемника! Да это почти кощунство! Таким нужно проклинать королей или Архимагов!

Он протянул руку и попытался нащупать слабое место, откуда можно начать распутывать структуру, но проклятие, словно живое существо, уклонялось и едва ли не дразнилось. Упругое, скользкое, тугое... На мгновение Грегор испытал отвратительный страх неудачи. Что он скажет Айлин?! Что не смог исполнить такую простую просьбу?

И тут же его накрыло острейшим осознанием разницы! Даже дыхание захватило, когда перед внутренним взором всплыли два совершенно разных лица, а потом он услышал такие же разные голоса.

- О, Грегор, — восхищенно ахнула в его памяти Беатрис, ослепительно прекрасная в белом наряде невесты. - Какие чудесные камни!

- Надеюсь, они порадовали вас, ваше величество, — произнес он так тихо, чтобы Беатрис наклонилась к нему. - И я прошу вас носить их как можно чаще. Я не смогу всегда быть рядом с вами, а это ожерелье... с ним я дарю вам смерть любого, кто посмеет обидеть вас, моя госпожа.

- Смерть? - шепотом переспросила Беатрис, и ее чудные глаза вспыхнули двумя звездами. - Любого, кто...

- Любого, - твердо повторил Грегор. - Вам нужно только указать заклятию цель.

- О, мой Грегор! - выдохнула Беатрис так невозможно сладко, что ему стало жарко. - Ваш подарок... невозможно придумать ничего лучше! Благодарю вас от всего сердца...

- На синьора Фарелли... то есть на лорда Фарелла, — проговорила Айлин, наконец взглянув ему в глаза, — наложено проклятие. Смертельное проклятие, отсроченное тем, кто его наложил. Милорд Бастельеро, вы можете его снять?..

«Два свадебных дара, — подумалось ему. - Каким же я был слепцом! Принимал жестокость за гордость и благодарность, да еще и радовался, что смог угодить! Какая разница с другой девушкой, божеством милосердия во плоти! Беатрис была счастлива, получив в подарок чью-то смерть, Айлин... Айлин попросила подарить жизнь... Да их даже сравнивать - оскорбление! Беатрис недостойна упоминания рядом... рядом с моей любимой леди!»

Он снова потянул проклятие, и на этот раз получилось его коснуться, но тут же сложное плетение угрожающе пошевелилось, сжимая сердце, и Грегор поспешно отступил. Всмотрелся как можно пристальнее, запоминая рисунок во всей его невероятной изысканности и четкости. А потом с сожалением прикрыл глаза, принуждая их снова перейти на обычное зрение. Ажурная структура немислимой сложности горела перед его внутренним взором, и Грегор почти с наслаждением предвкушал долгую борьбу с таким великолепным противником.

- Я смогу это снять, — уверенно сказал он, открыв глаза и поймав тревожный внимательный взгляд Фарелла. И тут же добавил, вздохнув: - Но это будет нелегко и довольно долго. Лорд Фарелл, мне жаль, что я не выполню просьбу леди как можно скорее, но поверьте, никто другой этого вообще не сможет. Это проклятие... Оно...

Он замялся, понимая, что итлиец вряд ли разделит восторг некроманта, обнаружившего эталон темного искусства, но Фарелл сдержанно заметил:

- Я понимаю, грандсиньор. У вас лицо мастера, увидевшего чудо искусства, настоящий шедевр.

- Очень верно сказано, - согласился Грегор, снова немало удивленный такой чуткостью. - Это действительно чудо. Впрочем, как и то, что вы еще живы. Не будь это проклятие так виртуозно сделано, оно бы неминуемо сработало от воздействия аркана леди Ревенгар. Высокая магия не любит непредсказуемых сочетаний. Но вам повезло! Структура гибкая и прочная, вы можете прожить с ним всю жизнь, пока не сработает ключ. Это означает, что у нас есть время на распутывание. Думаю, я справлюсь за...

Грегор здраво оценил свои силы и снова вздохнул, искренне признавшись:

- За несколько месяцев, не раньше. А может, и за пару лет. Придется перевернуть и заново выстроить вообще всю современную теорию проклятий, чтобы снять... это. Вы войдете в историю моей гильдии, лорд Фарелл! А ваш случай - в учебники. Разумеется, самые закрытые, недоступные обычным адептам, да и мастерам далеко не всем...

Он слегка опомнился, когда итлиец очень вежливо улыбнулся уголками губ и любезно сказал совершенно светским тоном:

- Не могу в должной мере выразить свой восторг и благодарность, грандсиньор! Скажите, а что будет, если вы... не успеете его распутать и снять? Знаете, мне очень хочется войти в ваши учебники... примером положительного исхода! И торжества современной некромантии, разумеется. Так что мне делать, если ее величество вдруг возьмет - и выразит мне свое неудовольствие за что-нибудь?

- Значит, постарайтесь не навлекать на себя ее неудовольствие, - сухо от растерянности сказал Грегор. - Ничего другого пока не могу посоветовать. Но обещаю, что займусь вашим случаем немедленно и извещу, как только появятся какие-то результаты.

Встав, итлиец поклонился, и Грегор мимоходом заметил, что теперь Фарелл держится гораздо свободнее, утратив свою неловкую скованность. Оказывается, манеры у него все-таки есть. И неплохие для профана образование явно имеется... И тут Грегор вспомнил, где раньше видел эту смазливую южную физиономию и приметные желто-зеленые глаза! Да в приемной королевы же! В тот день, когда Беатрис предложила ему себя вместе с тронном Дорвенанта и ядовито намекнула на непорядочность Айлин. Этот итлиец выходил от нее! Да, точно!

Кстати, почему он раньше не задумался, где и когда простой наемник мог получить проклятие лично от королевы? И почему? Да очень просто, это был ее человек, которого она приставила к будущему королю. Интересно, а король-то знает? Впрочем, это уж совсем не дело Грегора. Бастард сам сунул голову в петлю, выбрав такую супругу, так пусть получает то, что заслуживает.

Возвращаясь в кресло, Грегор размышлял, не стоит ли рассказать хотя бы Аранвену, что рядом с королем имеется человек, полностью принадлежащий Беатрис. И пришел к выводу, что это определенно нужно сделать. Мало ли как она его использует! Фарелл просто не сможет отказать той, кто держит в руках его жизнь. Пожалуй, следовало бы немедленно убрать его от короля в целях безопасности, но это уже решать самому Аранвену. У канцлера непременно найдется дюжина тонких политических соображений и доводов для любого случая. Возможно, что известная опасность, за которой можно следить, окажется даже лучше, а уберет Фарелла - и королева приставит к королю кого-то другого...

Грегора передернуло от омерзения ко всем этим играм, где одна подлость громоздится на другую и решительно все прикрываются при этом государственными интересами.

- К вашим услугам, грандсиньор, — поклонился Фарелл, получил в ответ поклон-кивок Грегора и выскользнул из кабинета.

А Грегор растерзанные виски и решил, что стоит бросить все и поехать домой. Но сначала навестить Айлин! Окунуться в ее искренний чистый взгляд, словно в волшебное озеро, способное смыть любую грязь с души. Взять за руку... просто постоять рядом...

Раздался негромкий почтительный стук в дверь, и в кабинет затянул один из секретарей.

- Милорд Архимаг? Месьор ди Амбруаз из Люрьезы утверждает, что вы назначали ему встречу.

- Ди Амбруаз? - непонимающе повторил Грегор и вспомнил: — Ювелир?! Просите его!

Гарнитур, который он заказал для Айлин! Благие Семеро, какой отличный повод навестить невесту! Зачем ждать предсвадебного дня, чтобы вручить девочке подарок? Она наверняка расстроена семейным скандалом и отречением от рода, пусть порадуется хотя бы этому.

Он против воли расплылся в улыбке, предвкушая удивление Айлин, и учтиво привстал навстречу фраганцу, буквально вкатившемуся к нему в кабинет. Кажется, за время, прошедшее с их первой встречи, ди Амбруаз стал еще круглее и плотнее. Под мышкой он держал большую деревянную шкатулку.

- Месьор Бастельеро! - торжественно провозгласил фраганец, останавливаясь посреди кабинета и кланяясь. - Я имел удовольствие исполнить ваш заказ!

- Доброго дня, месьор ди Амбруаз...

Грегор с любопытством смотрел на ларец. Гарнитур такой стоимости должен быть чем-то невероятным! Достойным королевы!

«Да что там королевы! Он должен быть достоин моей жены, это куда больше!»

Фраганец поставил шкатулку на стол и с подчеркнутой неторопливостью откинул крышку.

Постаравшись отогнать неприличное нетерпение, Грегор заглянул внутрь... перевел взгляд на лучащегося гордостью фраганца, снова бросил взгляд на шкатулку, недоумевая, не стал ли жертвой дурацкого розыгрыша?

Нет, не может быть! Но под резной крышкой действительно прятались виноградные гроздья! Тугие, спелые, грозящие вот-вот брызнуть соком, стоит только их коснуться. Золотисто-зеленые ягоды, темные бархатистые листья... Только сорт какой-то миниатюрный - самая крупная гроздь не больше пальца длиной.

Бесконечно долгое мгновение Грегор был уверен, что фраганец издевается, но верхняя гроздь, поймав солнечный луч, вспыхнула вдруг так нестерпимо ярко...

- Поразительное мастерство, — сдержанно признал Грегор, осознав наконец, что ягоды всех оттенков светлой зелени каменные и собраны на золотую лозу, тоже пугающе похожую на настоящую. А вот листья... Они были из какого-то иного материала, и только присмотревшись еще внимательнее, Грегор понял, что это эмаль, и она переливается множеством изумрудных оттенков. - Превосходная работа.

Изумруды? Топазы? Еще какие-то драгоценные камни? Гарнитур действительно роскошный! Но Грегор никак не мог представить его на Айлин...

Он осторожно взял с черной бархатной подушечки одну из серег - округлую гроздь с парой изящных листиков. Тяжелая!

- Месьора что-то смущает? - проницательно уточнил ювелир.

- Ее... вес, — признался Грегор.

- О, понимаю! - В легкой улыбке фраганца ему почудилось снисходительное превосходство, а потом ди Амбруаз взял вторую серьгу и показал, что конец золотой лозы, держащий гроздь, плавно изгибается. - Дополнительное крепление, — пояснил он. - Вот этот хвостик обвивает ухо, повторяя его форму и... распределяя вес иначе.

- Необычно, — признал Грегор. - И... пожалуй, довольно красиво...

Он заново оценил золотые изгибы, словно напоенные светом камни и резную листву. Айлин это должно пойти! Она такая же... сияющая, солнечная...

- Благодарю, — слегка поклонился фраганец. - Однако это еще не все. Прошу взглянуть...

Его взгляд блеснул лукавинкой, и Грегор нахмурился, а ди Амбруаз приподнял коробку, щелкнул чем-то на ее дне, и у него в руках оказались две одинаковые плоские шкатулки вместо одной высокой!

Бережно отставив ту, где виноградные гроздья купались в лучах света, фраганец открыл вторую.

На бархатной подушке сидели бабочки! Такой же поразительно тонкой работы, как и лоза, с прозрачными крыльями, похожими, как показалось Грегору, на витраж с переплетом из тонкой золотой нити. У самого тельца крылья отливали бледно-розовым, а дальше темнели, становясь сиреневыми, играя всеми оттенками лилового и, наконец, превращаясь в роскошно пурпурные у самых краев. При этом изящно вырезанные крылья трепетали, словно бабочки и в самом деле готовились взлететь. Грегор присмотрелся - и едва не ахнул!

Тело каждой бабочки представляло собой миниатюрную золотую фигурку женщины, одетой только в легчайшую тунику. Мастерство ювелира было таково, что каждая складка на ткани отчетливо выделялась, а сама туника невероятным образом казалась прозрачной, не скрывающей прелесть совершенных форм. Вместо усиков бабочки женщина держала в поднятых над головой руках две тончайшие цветочные ветви, усыпанные крошечными бутонами.

- Поразительно! - выдохнул Грегор, касаясь кончиком пальца одной из бабочек, рассеявшихся по черному бархату. Одна, самая крупная, в центре, снизу две маленькие, а наверху еще три среднего размера. И все немного разные! Конечно, оттенки повторялись, но не полностью, отличаясь густотой и переливами. - Они как живые! Только... красивее!

И отдернул палец, потому что бабочка от его прикосновения всплеснула ими еще заметнее, и стало

видно, что кайма крыльев усыпана чем-то вроде тончайшей алмазной пыли, сверкающей на солнце.

- Крылья подвижно закреплены, — сообщил ди Амбруаз со сдержанной гордостью. — Как видите, они трепещут при движении... Очень редкая альвийская техника, которую до сих пор никому из человеческих ювелиров не удавалось повторить. Единственный экземпляр такой бабочки, имеющийся в Эдоре, принадлежит ее величеству Лауренсии Фраганской. Мне удалось ознакомиться с ним несколько лет назад, и все это время я мечтал воспроизвести знаменитую альвийскую бабочку. Здесь, как изволите видеть, их целая... хм, стайка. Вот это - указал он на самую крупную - брошь. Эти три предназначены для прически, демуазель может прикрепить их по одной или все вместе. А эти две - съемные пражки для туфелек!

- Для туфелек? - растерянно повторил Грегор. - Но ведь...

Он хотел сказать, что подол платья всегда закрывает туфельки, показывая разве что самые носки, да и то у смелых кокеток.

- Месьор! - снисходительно посмотрел на него ювелир, уловив невысказанное возражение. - Ведь бывают и танцы! А в них подола приподнимаются! Уверяю вас, от ножки, украшенной туфелькой с такой пражкой, не сможет отвести глаз вообще никто! Мужчины - от восхищения, женщины - из зависти!

Грегор представил себе двух альвийских бабочек, легонько бьющих крылышками на... туфельках Айлин. И его бросило в жар. Он даже сглотнул внезапно пересохшим ртом, когда словно наяву увидел это. И еще трех бабочек, запутавшихся в ее волосах... Совсем как та проклятая пчела...

- Прекрасная работа... — повторил он, лишь бы хоть что-то сказать. - Месьор, вы... превзошли мои надежды. Я только не понимаю... Ведь я заказывал один гарнитур... О нет, это не упрек! Просто...

- Но ведь в палате, к которой вы меня столь любезно привели, было две девушки! - невозмутимо заявил ювелир. - Месьор Бастельеро, не мог же я выяснять, какой из двух прекрасных демуазель предназначается подарок. Это было бы невежливо!

Что?! Фраганец мог хоть на мгновение предположить, что Грегор собирается сделать предложение белокурой пышке-иллюзорнице?! Купеческой дочке?

Он уже вспыхнул ядовитым возмущением и вдруг заметил лукавую смешинку в темных глазах фраганца. Ди Амбруаз откровенно веселился! «Да он же это нарочно! - осенило Грегора. - Когда еще ему попался бы настолько щедрый клиент, вдобавок давший мастеру полную волю?! Райнгартен, можно не сомневаться, торговался, да еще и заранее наверняка выяснил про заказ все до мелочей. А я согласился оставить ювелиру свободу - и не прогадал! Альвийские бабочки? Которых больше нет ни у кого?! Даже у фраганской королевы всего одна, а здесь целый набор! Малая парюра... Всеблагая мать, это полностью стоит всего, что я заплатил, даже с лихвой!»

- Впрочем, — вкрадчиво заметил ювелир, внимательно наблюдая за его лицом, — если месьор считает, что это слишком большая роскошь... Мы можем ограничиться одним гарнитуром по вашему выбору, и я с радостью верну вам половину оплаты...

«Конечно, вернет! Потому что любой из этих гарнитуров у него с руками оторвет какой-нибудь королевский дом. Теперь, когда они готовы!»

- Ни в коем случае, — твердо сказал он вслух. - Разумеется, я забираю оба. Пожалуй, виноградный подойдет в качестве свадебного, а бабочки...

- Может быть, на рождение наследника? - подсказал ювелир. - Или просто по какому-то особенному случаю?

- Да, — убежденно выдохнул Грегор. - На рождение наследника. Разумеется!

«А если будет девочка? - спросил он сам себя и тут же решил: - Да какая разница? Это мой первый ребенок, и всех драгоценностей мира не хватит, чтобы отблагодарить Айлин за такой дар. Если родится дочь, бабочки будут очень уместным подарком, это же так... мило. А к рождению наследника я закажу фраганцу еще что-нибудь».

- Я вам очень благодарен, месьор ди Амбруаз! - сказал он, поднимаясь, и фраганец, поняв намек, поклонился, приложив руку к груди. - Надеюсь, могу и в будущем рассчитывать на ваши услуги.

«К Айлин - и немедленно! - решил он, стоило ди Амбруазу покинуть кабинет. - Боги, как дождаться момента, когда я увижу эти украшения на ней в день свадьбы? В день, когда она наконец-то станет моей...»

Он убрал коробку с альвийскими бабочками в ящик стола под замок, взял шкатулку с виноградным

гарнитуром и... обругал себя болваном. А где Айлин будет хранить до свадьбы такую вещь? И вообще, нужно ведь немедленно заняться подготовкой! Деньги и положение могут почти все, но даже они не способны сделать месяц из нескольких дней. А нужно заранее пригласить гостей, украсить дом и приготовить угощение. Невесте необходимо платье и еще тысяча всяких мелочей!

Ну что ж, он займется всем этим сегодня же, но сначала - навестить Айлин. Прихватив трость, которую решил забрать домой, Грегор вышел из кабинета и сообщил секретарям, что уезжает. Спустился из башни Архимага, прошел в целительское крыло. И вот здесь его подстерегла неожиданность в виде записки. Умилительно неровным почерком на листке бумаги было написано: «Милорд Бастельеро, я покинула Академию, чтобы подготовиться к известному вам событию в доме моей тети госпожи Элоизы Арментрот. Прошу вас известить об этом милорда магистра Эддерли и остальных преподавателей. Искренне ваша, Айлин Дориан».

Дориан? На мгновение Грегор не понял, почему она так странно подписалась, потом вздохнул. Бедная девочка! Взяла имя отца как родовое... Ну ничего, это ненадолго! Вскоре она снова станет леди не только по рождению, но и в глазах общества.

- Давно адептка уехала домой? - спросил он дежурного целителя.

- Вчера поздним вечером, милорд, — отозвался тот. - Госпожа Арментрот прислала экипаж, и девица немедленно уехала. Оставила вам эту записку, а всем остальным велела передать, что ее тетя в глубоком трауре и никого не принимает, поэтому гостей они не ждут.

«Очень благоразумно, — признал Грегор. - Пересидеть скандал в доме родственницы, да еще и вдовы, лучшего придумать нельзя. Но меня они примут, разумеется, это совсем другое дело... Ах да, нужно все-таки известить Артура Ревенгара, мальчишка наверняка сходит с ума от беспокойства. Пусть знает, что судьба его сестры устроена, а в остальном... время лечит. Если поведет себя достойно, я не буду против их примирения, но и навязывать его никому не стану. Главное, чтобы Айлин была счастлива...»

***

Гость появился в особняке Арментротов за час до полудня. Айлин сидела у окна своей спальни на втором этаже и совершенно бездумно листала модные фраганские журналы, не в силах сосредоточиться на такой глупости, как наряды. Тетушка обещала обо всем позаботиться - этого вполне достаточно. Вчера Элоиза приехала за ней сама, едва получив просьбу прислать экипаж, и прямо в карете крепко обняла Айлин, едва посмотрев ей в лицо. Айлин уткнулась в плечо, обтянутое черным траурным шелком, и молча разрыдалась, а потом, проплакавшись, попросила:

- Пожалуйста, тетя Элоиза, только... не спрашивайте ни о чем! Я выхожу за лорда Бастельеро. Этого не изменить... Он... я уверена, он будет мне очень хорошим мужем. Он... меня любит и...

Дальше продолжать она не смогла, потому что к горлу подступили уже не слезы, а самый настоящий спазм.

- Всеблагая Мать! - охнула тетя. - Девочка моя... Но Дункан...

- Не говорите о нем, — с трудом выдавила Айлин. - Никогда... никогда мне о нем не говорите. Умоляю!

И замолчала до самого особняка, где Элоиза едва заставила ее переодеться в домашнее, принять ванну и что-то съесть. Ни вкуса, ни удовольствия от еды Айлин не почувствовала. После ужина тетя все-таки усадила ее поговорить, но, к тихой радости Айлин, ее будущего замужества беседа не касалась. Элоиза рассказывала светские новости, которые стекались в ее модный дом со всех концов Дорвенны, и Айлин, которая чувствовала себя испуганным зверьком, забившимся в угол клетки и ждущим, что его начнут вытаскивать силой, понемногу оттаяла.

Она слушала, что во Фрагане взошел на престол новый король, молодой и очаровательный, весьма расположенный к Дорвенанту, а значит, война в ближайшее время вряд ли случится. О сестрах короля, незамужних и тоже совершенно прелестных принцессах с очень тонким вкусом, который теперь окончательно станет образцом моды. О том, что в этом сезоне уже никто не носит на юбках банты и не шнурует корсаж лентами, только золотыми и серебряными цепочками, а из Итлии стали привозить новый бархат изумительных расцветок...

Все это было так далеко от ее душевной боли, так незначительно и странно, что Айлин поневоле отвлеклась и даже съела пару воздушных пирожных, которые подали к шамьету. Заставила себя похвалить тетушкиного повара, но невольно подумала, что Лу все равно варит шамьет лучше. Ох, как нехорошо получилось с этим скандалом и дракой... Надо обязательно извиниться перед ним и Аластором! От Аластора и Лучано мысли снова попытались предательски вернуться к Дункану, но Айлин запретила себе даже думать в эту сторону и попыталась сосредоточиться на словах тетушки.

- Ах, бедный Тимоти, — вздохнула та. - Он так ждал оживления торговли, надеялся прикупить еще парочку предприятий - хотел оставить тебе наследство, но... Сначала война, потом эта ужасная послевоенная бедность, после и вовсе... Тимоти, бедняга, знал, что детей у нас никогда не будет, и это полностью моя вина, но никогда ни словом меня не упрекнул. Напротив, говорил, что считает тебя почти дочерью и мечтал, что ты будешь вспоминать его, как родного.

- Бедный дядя Тимоти... — искренне всхлипнула Айлин, и Элоиза тут же положила руку на ее ладонь.

- Не плачь, милая, — попросила она. - Он бы не хотел, чтобы ты расстраивалась. Знаешь, он с таким старанием занимался твоими денежными делами! Они в полном порядке, несмотря на общий упадок в Дорвенанте. Все, во что вложены твои деньги, за последние годы только выросло в цене, как и говорил... - Она осеклась, но тут же сочувственно улыбнулась. - Ты теперь богатая невеста, милая, даже если не принимать во внимание приданое Ревенгаров.

- Не будет никакого приданого, - мрачно сказала Айлин и рассказала тетушке все, что случилось этим ужасным днем.

- Благие Семеро, какая же она дура! - с отвращением сказала Элоиза. - У Мэйв и Брайда хоть какие-то зачатки разума имеются, но Гвенивер... Знаешь, милая, мы ведь как раз незадолго до этого рассорились с ней насмерть. Я... выгнала ее из дома.

- За что? - поразились Айлин.

Тетушка Элоиза?! Всегда такая любезная и веселая?! Понятно, что в трауре ей не до смеха, она ведь так любила супруга, но...

- Представь себе, эта дура, моя сестрица, явилась выразить мне соболезнования, - пожалала Элоиза плечами. - И заявила, что теперь, когда воля богов освободила меня от столь неудачного брака, я могу выйти замуж гораздо лучше. Вполне возможно, что найдется дворянин, который великодушно вернет мне титул леди, а моим приданым, разумеется, займутся управляющие, потому что женщине самой вести дела не подобает.

- Она с ума сошла? - поразились Айлин. - Назвать ваш брак неудачным?!

- Чтобы сойти с ума, неплохо бы его изначально иметь, — язвительно фыркнула тетушка и осторожно поглядела на Айлин. - А брак... Все судят о нем по-своему, но я была счастлива с Тимоти и очень хочу, чтобы ты, милая...

- Не надо, тетушка, — попросила Айлин, и Элоиза, вздохнув, снова заговорила о слухах при дворе.

О том, что ее величество Беатрис заказала дюжину новых платьев, и лиловый шелк снова входит в моду. Что все сплетничают об итлийском красавчике, фаворите короля, и ждут, женится он в ближайшем будущем или просто заведет себе даму сердца? Что из-за траура по королевской семье летом не будет больших балов и праздников, но к Зимнему Солнцестоянию полгода строгого траура закончатся, а у дворян появятся хоть какие-то деньги после сбора урожая и выплаты податей, так что...

- Кстати, я, разумеется, подготовлю полный отчет по твоему приданому, дорогая. О свадебном платье и гардеробе на первое время не беспокойся, это будет моим подарком. - Тетушка снова наполнила чашки себе и Айлин. - Но если примешь мой совет, я бы не стала забирать деньги из предприятий, в которые они вложены. Процентом с них вполне достаточно, чтобы ты могла не просить у мужа на всякие дамские мелочи, а основной капитал со временем будет только увеличиваться. Думаю, лорд Бастельеро достаточно состоятелен, чтобы не трогать твое приданое.

Тетушка позволила себе лишь на несколько мгновений поджать губы, да по ее лицу промелькнула тень, но Айлин явно поняла, что ее будущий брак Элоизе Арментрот совершенно не по душе. Еще бы! Она ведь дружит с Дун... Нет, не надо!

- Я поговорю об этом с лордом Бастельеро, - послушно сказала она и поморщилась от внезапной тошноты. - Ой, простите. Кажется... второе пирожное было лишним!

Поспешно запила его шамьетом и искренне обрадовалась, когда тетушка не придавала значения ее внезапной дурноте, а в сознании снова тревожно зазвенели колокольчики. Магистр Бреннан говорил о сроках! И лорд Бастельеро - тоже! Всем известно, что женщины носят дитя девять месяцев, но из них уже прошло около полутора... Если она родит вскоре после свадьбы, это будет совсем ужасно или удастся все как-то объяснить? В любом случае, никто не сможет назвать ее ребенка бастардом, если он будет рожден в законном браке!

Айлин вдруг с головой накрыло осознанием, что в ней зреет новая жизнь. Вот прямо сейчас, когда она разговаривает с тетушкой и пьет шамьет! Когда поневоле думает о свадебном платье и лорде

Бастельеро, когда запрещает себе думать о Дункане. Когда принимает ванну и ложится в постель, когда просто ест, ходит, дышит. Каждое мгновение! И с каждым ее вдохом близится миг, когда она возьмет на руки своего ребенка... О, если бы это был ребенок не лорда Бастельеро! Но она все равно будет любить этого малыша, который не виноват, что его мать - безнравственная дура!

Допив шамьет и попрощавшись с тетужкой, она ушла спать, но в кровати вся извертелась, пытаясь уснуть. То ей мешало накрахмаленное белье, от которого она отвыкла в Академии, не говоря уж о походе. То луна слишком сильно светила в окно, напоминая о серенаде и поездке по ночной Дорвенне на Торнадо. То уже сквозь дрему слышался крик ночной птицы, и Айлин вскидывалась, вспоминая демонов и спуская руку с кровати, чтобы нащупать лежащего рядом с ней Пушка и успокоиться.

Задремала она под утро и, конечно, проспала завтрак, а в доме тетужки Элоизы, в отличие от строгого распорядка Ревенгаров, не принято было никого будить к столу. И сама тетужка, и дядюшка, о котором упорно думалось, как о живом, словно он просто уехал по делам, завтракали, обедали и ужинали кому как было угодно. Для Айлин тоже всегда накрывали стол отдельно, стоило ей попросить, а когда случалось так, что кто-то встречался за столом, это было поводом радостно провести время друг с другом... И теперь тетужка останется одна?! Как же это... несправедливо!

Айлин вспомнила обмолвку Элоизы о невозможности родить. Она и раньше подозревала что-то такое, но никогда не задумывалась, какая это трагедия... Не подарить ребенка любимому мужу! А кому-то этот ребенок, наоборот, может испортить всю жизнь...

Одеваясь к позднему завтраку, Айлин устыдилась таких мерзких мыслей, словно малыш мог их услышать, и даже виновато погладила совершенно плоский живот, чувствуя себя ужасной, просто невозможной душой! И мерзавкой! Что ж, во всяком случае, она постарается больше не испортить ничью жизнь, кроме собственной, а ей самой так и надо! Желание расплакаться нахлынуло с новой силой, так что она больно ущипнула себя за руку, сама быстро заплела волосы, чтобы не ждать горничную, и вышла из комнаты. Но пройдя несколько шагов по верхней галерее, что нависала над малой гостиной, замерла, будто снова влипла в «Янтарный щит» лорда Кастельмаро. Внизу слышались голоса. И один из них она боялась услышать больше всего на свете, но при этом отдала бы что угодно, лишь бы слушать его бесконечно.

Осторожно, на цыпочках, сняв туфли, Айлин прокралась до того места, где галерея все еще скрывалась в тени, но нижнюю гостиную уже было видно. Села прямо на пол и выглянула через резные балясины, которые должны были надежно скрыть ее темно-голубое платье. Сердце молотило так, что Айлин испугалась, не услышат ли его стук внизу. Зачем он приехал?! Неужели не мог подождать несколько дней, пока она покинет этот дом?! А если бы... если бы они столкнулись?! Ей осталось бы только умереть на месте от стыда!

Стол внизу был накрыт для малого приема гостей, и Айлин отлично видела тетужку в темно-лиловом платье, ее обычные косы, на этот раз ничем не украшенные, траурно-строгие, и широкую спину Кармеля, обтянутую белой форменной мантией. Его зачесанные назад и связанные в короткий хвост волосы... Ну почему он сидит спиной?! Айлин закусила губу, изнывая от мучительного желания увидеть еще хотя бы раз... Но тут же остановила себя - если тетужка, может, и не заметит ее здесь наверху, то от Кармеля с его внимательным взглядом она точно не укроется. А ей нужно, просто жизненно необходимо знать! Услышать... что он скажет...

Тетужка молча поднесла к губам чашку, но вместо того, чтобы сделать глоток, вдруг поставила ее на стол с таким стуком, что Айлин в своем укрытии невольно вздрогнула.

- Нет! - яростно выдохнула тетужка. - Нет, я не понимаю! Ведь ты собирался на ней жениться, как же ты можешь сидеть здесь и ничего не делать? Ты позволишь ей совершить эту... эту глупость?!

- Ваша племянница, дорогая Элоиза, достаточно ясно высказала как намерение стать леди Бастельеро, так и просьбу ко всем знакомым - не докучать ей визитами. Поверьте, эта просьба не была кокетством, - ровно откликнулся Кармель. - И я уважаю ее право на решения. Как и на уединение. А вы?

Тетужка фыркнула в точности, как ярящаяся Луна, даже голову вскинула также.

- А может быть, тебе просто все равно?!

- Элоиза, — устало вздохнул разумник. - Поверьте, ваша дружба для меня бесценна. Я готов на многое ради вас. Но... - Его мягкий голос вдруг заметно похолодел. — Есть темы, которые я не стану обсуждать ни с кем. Даже с вами.

- Иногда, — сообщила тетужка после долгой паузы, - даже лучшие из мужчин бывают просто... отвратительны.

- Не могу с этим поспорить, — отозвался Кармель, и Айлин показалось, что он усмехнулся.

- Он ломает ей жизнь, — глухо сказала тетушка, опустив взгляд. - Как ты не понимаешь? Айлин нужно спасать! Если бы я могла что-то сделать... Неужели ты думаешь, я стала бы просить тебя? Дункан... Ну ведь что-то же можно сделать?!

В ее голосе прозвучала мольба, и Айлин затаила дыхание. Вдруг она действительно не увидела какой-то выход, и Кармель сейчас его назовет?!

- Разумеется, — отозвался разумник так бесстрастно, что Айлин похолодела. - Я могу убить Бастельеро. Но от этого способа ваша племянница отказалась наотрез, хотя, видит Странник, я предлагал. И, разумеется, я могу это сделать без ее согласия. Но, Элоиза, разве вы ее не знаете? Она же примет на себя вину за его смерть! Полагаете, это лучше? Пока еще можно что-то изменить, но если один из нас умрет, Айлин придется жить с этим... Будь она хоть немного старше... или чуть себялюбивее, но...

Он замолчал, а тетя безнадежно покачала головой.

- Всеблагая Мать... — прошептала она. - Если бы я меньше знала тебя, Дункан, я бы решила, что ты отступился... что тебе все равно...

- Все равно? - тихо уронил разумник и немного наклонился вперед. - Мне - все равно?

Айлин не видела, что он сделал, но тетя вскрикнула, и в ее голосе слышались испуг и вина.

- Дункан! Благие Семеро, ты не порезался?!

- Пустяки. Простите.

Магистр вздохнул, откидываясь назад, а тетушка торопливо подала ему салфетку и собрала... осколки чашки? Но Айлин не слышала звона!

Ей вдруг ясно представилась сильная смуглая рука разумника, и как в его ладони с едва слышным треском ломается хрупкий чинский фарфор, а острые тонкие осколки режут кожу. Она вздрогнула и зажала себе рот рукой.

- Простите, Элоиза, мне правда жаль... — негромко попросил Кармель, вытирая руки.

- Все-таки порезался, — вздохнула тетушка, подтверждая мысли Айлин. - О, Дункан, простите и вы меня! Но... что же делать?

- Ничего, - горько сказал разумник, пожав плечами. - Я же не могу увезти вашу племянницу силой. Она никогда не простит этого ни мне, ни себе. Конечно, я не собираюсь от нее отказываться, но... есть путь, который она может пройти только сама. Понять, чего она хочет и чем готова ради этого пожертвовать, осознать, что для нее действительно важно. Ей восемнадцать лет, Элоиза, и я не имею права решать за нее, какой будет ее жизнь. Если только...

- Если? - вскинулась тетушка.

- Если жизни Айлин будет угрожать опасность, я вмешаюсь, несмотря на ее собственную волю, — сухо сказал Кармель. - Надеюсь, это не потребуется. А до той поры, простите, я не собираюсь вести себя, как... Бастельеро.

Претемнейшая Госпожа, сколько гнева и плохо скрытого отвращения прозвучало в этом имени! Айлин, скорчившись, спрятала лицо в ладони, но продолжала слушать, и откройся рядом с ней портал, полный демонов, она бы не двинулась с места.

- Право, порой мне кажется, что ты изрядно разгневал Всеблагую, так долго отказываясь от ее даров, — вздохнула тетушка, даже не пытаясь скрыть сочувствие в голосе. - Даже не знаю, чем еще можно объяснить, что тебе уже во второй раз не везет с девицей из нашего рода?

- Во второй? - переспросил Кармель с болезненным недоумением и через несколько бесконечно долгих мгновений протянул: - А-а-а... ваша сестра? Дорогая Элоиза, право, я не столь тщеславен, чтобы думать, будто Всеблагой есть до меня какое-то дело. Да и отказ леди Гвенивер следует считать скорее удачей, чем потерей.

- Ты забыл! — пробормотала тетушка с тем же удивлением, что чувствовала сейчас сама Айлин. - Ты забыл о Гвен?! Ты, разумник! Я была уверена, что уж ты не забываешь вовсе ничего!

- Я тоже был в этом уверен, — подтвердил Роверстан и, помолчав, добавил явно нехотя: - Я был увлечен вашей сестрой, это правда. Что ж, ей было чем увлечь мужчину, но... даже тогда мне не хотелось посвящать ей стихи.

- А Айлин... — начала тетушка и осеклась.

- Колыбельная для девочки двенадцати лет, баллады - когда ей было пятнадцать, сонеты и серенады - для невесты и альбы для новобрачной, — пробормотал Кармель едва слышно, но Айлин уловила его слова почти болезненно обострившимся слухом.

«Баллады? Серенада?! Так он... ее не просто спел, но еще и сам сочинил?! Для меня?!»

Айлин прижала ладони к загоревшимся щекам.

- Я поражена, — признала Элоиза. - Серенада? Это понятно. Но колыбельная?

- Сложно представить, я понимаю, — снова усмехнулся, судя по голосу, Кармель. - Но если бы вы увидели ее тогда в Академии, как увидел я. На том Совете, чтоб его... Взъерошенный котенок перед стаей матерых псов, и далеко не всем из них хватало благородства, чтобы отнестись к этой крохе с уважением, которого она заслуживала. Ну а потом, когда она потеряла отца... Стыдно признаться, что я не смог отдать ей эти стихи. Это бы выглядело...

- Понимаю, — сочувственно проговорила тетя Элоиза. - И... они так и не увидят свет? Теперь-то?

- Ну, может быть, издам сборник, — опять пожал плечами Кармель. - От колыбельной до альбы... Критики признают, что это был неплохой замысел, основанный на истории взросления, и никто не узнает... Вам-то, надеюсь, не нужно пояснять, почему альба именно для новобрачной.

- Не нужно, — улыбнулась Элоиза. - Я помню, что по вашим арлезийским традициям альба должна быть весьма игрива, потому и пишется для возлюбленной или новобрачной. - И, снова вздохнув, добавила: - Ах, Дункан, как же нелепа жизнь. Право, может быть, вам стоило жениться на мне тогда? Ведь я же предлагала... Конечно, у меня нет столь... выдающихся достоинств, как у Гвенивер... хм... выдающихся во все стороны, о да... Но разве вы были бы несчастны со мной?

- А вы, Элоиза? - мягко спросил Дункан, взяв тетушку за руку. - Неужели вы хотели бы, чтобы в вашей жизни не было Тимоти и всех этих лет? О да, несомненно, этот брак не помешал бы нам остаться друзьями... Но разве вы смогли бы удовлетвориться меньшим, чем любовь?

Айлин, потрясенная, не верящая своим ушам, столько невероятного они услышали, вгляделась в лицо Элоизы. Тетушка и Дункан? Неужели они...

- Пожалуй, нет, — помолчав, призналась Элоиза. - Вы как всегда правы, мой дорогой разумник, - с легкой теплой грустью прозвучал ее голос. - Я никогда не пожалею, что в моей жизни был мой муж, как не пожалею и о дружбе с вами. От этого особенно горько...

- Не хороните ни себя, ни Айлин раньше времени, — встав, уронил Дункан. - Жизнь продолжается. И я уверен, она преподнесет нам еще множество даров. К слову, о дарах...- он помедлил несколько мгновений, не двигаясь с места и словно бы задумавшись. - Решение Айлин погостить у вас оказалось весьма своевременным. Со своей стороны я прошу вас, Элоиза, отклонять любые визиты, если кто-либо захочет их нанести. За исключением, разве что, его величества, лорда Фарелла или младшего лорда Аранвена. И не принимать ни цветов, ни сладостей, ни иных подарков, которые могут прислать в ваш дом, не прикасаться к ним, а сразу отправлять в огонь.

- Полагаете, кто-то желает навредить моей племяннице? - спросила тетушка, и Айлин не смогла не подумать, что Кармель действительно говорит так, словно опасается... проклятия на вещи? Но кому и зачем может понадобиться ее проклинать?

- Подвиг вашей племянницы не дает покоя многим, - уронил Кармель. - И хотя я надеюсь, что эта предосторожность окажется излишней, не пренебрегайте ей. Я, разумеется, тоже сделаю все, чтобы Айлин ничего не грозило...

Поклонившись, он почти вышел из гостиной, но уже на пороге обернулся и негромко сказал:

- Примерно два часа назад лорд Бастельеро объявил в обществе, что намерен жениться на Айлин и получил ее согласие. Полагаю, вам следует ждать визита жениха.

И вышел.

Айлин, подхватив платье и уже не беспокоясь, что тетя ее услышит, вскочила и бросилась к окну, выходящему во двор, куда гостю должны были подать коня или экипаж-смотря на чем он приехал. Но вместо этого в раскрытое окно услышала голос конюха, который вчера принимал у нее Луну.

- Милорд Роверстан! - едва не рыдал здоровенный детина. - Окажите милость, заберите сами свое Барготово отродье! Там, извольте видеть, кобылка юной леди стоит, тоже арлезийка, так он от нее наотрез уходит отказывается. Я к нему и так, и этак, и с яблоком, и с хлыстом, а он зубищи ка-а-ак оскалит, копытом ка-а-ак топнет...

- Ну, если вы, милейший, подходите к арлезийцу с хлыстом, так вам и надо, — отозвался Кармель, но затем смягчился: - Хорошо, заберу. Ведите.

Сердце Айлин снова застучало быстрее. Окна в дальнем конце галереи как раз выходили на внутренний двор конюшни! Она хотя бы еще раз увидит Кармеля! Может, последний... Рассудок подсказывал, что они наверняка еще увидятся в Академии или при дворе, но Айлин его не слушала, словно ее жизнь должна была закончиться в день свадьбы.

Она промчалась по галерее и выглянула в окно, старательно прячась за занавеской. Кармелю следовало внизу обойти весь дом, и Айлин успела первой. Внизу в загородке действительно прогуливались две лошади: расседланная, вычищенная и причесанная Луна, которой конюх заплел гриву в маленькие косички, и Дон Торнадо, под седлом, но тоже лоснящийся на солнце, великолепный и могучий.

Луна откровенно кокетничала, пофыркивая, косясь на роскошного жеребца и, кажется, томно трепеща ресницами, словно Иоланда перед зеркалом, когда тренировала особенно чарующий взгляд. Время от времени Луна помахивала хвостом, показывая его пышность, и постукивала о плиты двора то правым, то левым передним копытом. Дон Торнадо, справедливо принимая эти ужимки на свой счет, раздувал ноздри, пританцовывал и норовил положить морду Луне на холку, что она то принимала благосклонно, то уворачивалась, как благонравная девица, к которой слишком близко подходит настырный кавалер.

Как бы ни было Айлин плохо, но она улыбнулась, глядя на эту картину. Как раз в этот момент Торнадо все-таки удалось ласково прихватить зубами Луну за гриву. Она обиженно взвизгнула и отпрыгнула от него, развернувшись и яростно махнув хвостом. Айлин хихикнула. Бедняга жеребец, которому прилетело хвостом по морде, словно метелкой, всхрапнул, явно не понимая, чем провинился, а Айлин вспомнила, как Иоланда хвалилась пощечиной, которую влепила слишком возомнившему о себе юноше. И добавляла гордо: «Потому что я не какая-нибудь! Пусть знает, что у нас все серьезно!»

И тут во двор вышел Кармель, по пятам за которым семенил конюх. Подойдя к жеребцу, разумник что-то сказал ему, погладил по морде и шее... Дон Торнадо расстроено фыркнул, словно пожаловался на Луну, которая косилась, но не уходила слишком далеко. Кармель опять что-то сказал коню, а потом легко вскочил в седло. Айлин за занавеской прикусила губу, неслышно умоляя его обернуться. И разумник, словно услышав ее, развернул жеребца так, чтобы тот напоследок увидел красавицу арлезийку, а сам Кармель коротко глянул на окно.

Айлин была уверена, что ее не разглядеть! Но разумник быстро и резко склонил голову и приложил руку к груди, а второй натянул поводья Торнадо, так что конь на миг застыл с поднятым копытом, словно в фигуре танца. У Айлин сердце замерло, так красиво это было. Она подалась навстречу, но Кармель тут же развернул коня, и Дон Торнадо, красуясь, с места прыгнул через низкую ограду, а затем через открытые конюхом воротца вынес всадника на улицу.

Вцепившись в занавеску, Айлин смотрела вслед, слушая стук копыт по мостовой, пока он окончательно не стих, и лишь затем обессиленно опустила на кушетку возле окна, спрятав лицо в ладони.

***

Как и ожидал Грегор, в особняке Арментротов его приняли незамедлительно. Сама вдовая госпожа Арментрот вышла к гостю в безупречном глухом трауре, сдержанно извинилась за скромность приема и пригласила его в малую гостиную, куда распорядилась подать шамьет и пирожные. Возможно, милорду Бастельеро угодно вина или карвейна?

От крепких напитков Грегор отказался и выразил соболезнования, которые были приняты с должным достоинством. Следовало признать, что, несмотря на неравный брак, заключенный в юности, Элоиза Арментрот вела себя как подобает урожденной леди. И снова Грегор поразился, какие же разные дочери получились у Морхальта. Гвенивер — яркая красавица, но не блещет манерами, стоит только вспомнить безобразный скандал на похоронах Дориана и второй, совсем недавний, в лазарете. Трудно даже сказать, какой из них менее простителен...

Элоиза же, напротив, не унаследовала ничего от фамильной внешности, но держит себя с благородным изяществом, что говорит в ее пользу. Жаль, что она некрасива и уже немолода, могла бы снова выйти замуж и, возможно, теперь за дворянина. В конце концов, ей все равно понадобится супруг, чтобы войти во владение имуществом, на которое бездетная профанка не может претендовать за исключением вдовьей доли.

А судя по размерам особняка и его внутреннему убранству дела Арментрота шли превосходно, так что его вдова может принести отличное приданое второму мужу, который позаботится и о женщине, и о ее состоянии...

Глядя на бесцветную женщину в лиловом, разливающую шамьет, Грегор искренне пожалел бедняжку. Хорошо, если купец назначил надежных душеприказчиков, которые честно обойдутся с его вдовой, но честь нередко заканчивается там, где начинается прибыль, и купеческому сословию это особенно свойственно.

Он пригубил шамьет из белоснежной фарфоровой чашки с тончайшей росписью и сдержал снисходительную улыбку. Сервиз, которым накрыли стол в гостиной Арментротов, был точной копией сервиза, подаренного Стефану Черному Глазу лично чинским послом за какую-то важную услугу. Посол, помнится, тогда упоминал, что расписывать посуду именно этими сказочными птицами - как же их... фениксы, да! - дозволено только придворным мастерам чинского императора, и эта посуда подается исключительно к его столу либо жалуется подданным в знак высочайшей милости. Интересно, кто и когда скопировал узор, ведь такой посуды в Дорвенне попросту больше нет. Возможно, итлийские мастера постарались, получив откуда-то образец? Но подделка и есть подделка, это... так по-купчески!

- Прекрасная роспись, — похвалил он вкус хозяйки дома, желая сделать ей приятное. - И фарфор превосходный.

Чашечка действительно была такой тонкой, что просвечивала насквозь и мелодично звенела, стоило нечаянно задеть ее ложечкой.

- Благодарю, милорд, — любезно улыбнулась госпожа Арментрот. - Моему мужу подарил его компаньон, а ему - привез два сервиза какой-то близкий друг, посещавший Чину.

«Точно подделка, — убедился Грегор. - Раз уж целых два сервиза сразу. Вряд ли чинский император их раздает кому попало. А посол убеждал, что за воровство узора с фениксами положена смертная казнь... Но купцы - народ ушлый, а кто еще мог побывать в Чине?»

- Изумительный подарок, — согласился он вслух и тут же забыл и про сервизы, и про чинские обычаи, и про всех купцов на свете, потому что в гостиную с верхней галереи спустилась Айлин.

Встав, Грегор поклонился, и она ответила реверансом, придерживая широкую юбку темно-голубого платья и благонаравно опустив взгляд. Грегор жадно всмотрелся в бледное личико, на котором ярко проступили веснушки. Может быть, ей нужен целитель? Пережитые волнения, да и просто нездоровье от ее положения... Всеблагая Мать, ведь уже второй месяц! Получается... Осторожно касаясь губами тонкого запястья, Грегор пытался сообразить, когда же родится ребенок, но простейшие расчеты путались, получалось только, что где-то около Зимнего Солнцестояния...

- Миледи... - прошептал он благоговейно, чувствуя себя влюбленным мальчишкой. - Как ваше здоровье?

- Благодарю, милорд, превосходно.

Айлин быстро посмотрела на него и снова опустила ресницы, а потом позволила провести себя к столу и села. Грегор вернулся на свое место, а госпожа Арментрот налила племяннице шамьет и негромко сказала:

- Ты выглядишь немного бледной, дорогая. Может быть, горячего молока с медом? Или вина с пряностями?

- Благодарю, тетушка, не надо.

Айлин покачала головой, поднесла чашку к губам и тут же поставила ее обратно.

- Лорд Бастельеро был так любезен, что приехал поговорить об устройстве церемонии, - бесстрастно сказала госпожа Арментрот. - Полагаю, милорд, вы знаете, что ваша невеста больше не принадлежит к роду Ревенгаров, — обратилась она к Грегору.

- Да, сударыня, мне это прекрасно известно, — ответил он. - Но данное обстоятельство не имеет никакого значения. Поверьте, я женюсь на вашей племяннице, а не на ее... бывшей семье или титуле.

- Очень благородно с вашей стороны, — с холодной любезностью уронила Элоиза.

- Милорд Бастельеро... — начала было Айлин и торопливо поправилась: — Милорд... Грегор, есть одна важная вещь...

Осеклась, глубоко вздохнула и бросила быстрый взгляд на тетку, спокойно пившую шамьет. Грегор с невольной неприязнью подумал, что вдова Арментрот могла бы и оставить их с Айлин наедине. Разумеется, этикет не слишком одобряет подобные вольности, но ведь до свадьбы остаются считанные дни! Не думает же эта женщина, что Грегор позволит себе что-то неподобающее?

Почти сразу же он одернул себя. Все же Элоиза Арментрот вскоре окажется и его собственной родственницей, а соблюдение надлежащего этикета - достоинство, а отнюдь не недостаток, даже если этикет порой вяжет не хуже цепей.

- Очень важная вещь, — повторила Айлин. - Речь идет о моем приданом. Как вы понимаете, я ничего не получу от рода Ревенгар, но у меня есть собственные средства...

Грегор едва не рассмеялся и удержался только потому, что бледное личико Айлин имело вид умилительно серьезный. Не хватало еще снова обидеть невесту! Бедная девочка, ее беспокойство вполне понятно - сколько браков не сложилось из-за отсутствия приданого... Да вот хотя бы ее собственная тетка! Будь у Элоизы Морхальт, четвертой дочери обнищавшего магистра, приличное приданое, зачем бы ей понадобилось выходить за купца?!

- Любовь моя! — поспешно прервал он. - Прошу, не беспокойтесь о таких пустяках. Если это важно для вас, то имение, подаренное вам его величеством, само по себе приданое, которому могут позавидовать иные рода. Но поверьте, оно мне не нужно! Обещаю, ваше приданое останется в полном вашем распоряжении, а позже перейдет к дочери, которую вы мне однажды подарите...

- Прекрасные слова, милорд, — уронила Элоиза Арментрот, ставя опустевшую чашку на кружевную скатерть. - Я могу только приветствовать подобное намерение. Полагаю, если оно именно таково, то вы не откажетесь его подтвердить?

- Подтвердить? — переспросил Грегор, недоумевая. - Что вы имеете в виду, сударыня?

- Отказ от приданого, заверенный вашей рукой, — спокойно ответила она, и Грегор снова с неприязнью подумал, что брак с купцом все-таки не лучшим образом сказался на характере бывшей леди.

Даже Гвенивер Ревенгар при всех ее недостатках, из которых непроходимая глупость не самый страшный... даже она не посмела бы усомниться в его слове! Он почти готов был сказать это вслух, но поймал взгляд Айлин - настороженный, почти испуганный... И снова приказал себе успокоиться.

Что ж, пожалуй, Элоиза Арментрот в чем-то права. Возможно, она вспомнила собственного отца? Да и в Трех Дюжинах порой рождаются мерзавцы, способные пустить по ветру и семейное состояние, и приданое жены, не думая ни о ней, ни о детях. И незачем далеко ходить за примерами, достаточно вспомнить лорда Девериана или собственного кузена!

- Я распоряжусь подготовить необходимые бумаги, - заверил ее Грегор.

Элоиза Арментрот дернула изящный витой шнур, висящий на стене у самого ее кресла, и спустя несколько мгновений в комнату тенью скользнула горничная.

- Катрина, принесите шкатулку с документами из моей спальни и письменный прибор, - распорядилась тетка Айлин и, переведя взгляд на Грегора, продолжила: - Вам не нужно утруждаться, милорд. Бумаги на отказ от приданого уже готовы, там не достает лишь вашей подписи. Надеюсь, вы не возражаете поставить ее немедленно?

«Какая, однако, приткая особа, — невольно подумал Грегор. - Ведь Айлин могла сообщить ей о нашей свадьбе не раньше вчерашнего вечера, а подготовка таких документов обычно занимает немало времени. Или требует немалой суммы за срочность... Она должна была изрядно потратиться, чтобы нужный документ составили за несколько часов! Что ж, я ведь и раньше знал, что она действительно беспокоится об Айлин, и это определенно говорит в ее пользу... Или Айлин сказала ей о свадьбе раньше? Может быть, еще тогда, когда тетка навещала ее в лазарете? В этом случае она и впрямь успела бы подготовить документ без всяких затрат...»

Его охватило теплое чувство, стоило подумать, что все это время Айлин в нем не сомневалась. Конечно, она чуть-чуть кокетничала и капризничала, чтобы преподать ему урок, но точно знала, что может рассчитывать на его слово, данное еще до этого проклятого путешествия. Чудесная девушка!

В гостиную снова тихо проскользнула горничная и поставила на свободный край стола резную деревянную шкатулку и письменный прибор на маленьком подносе. Щелкнув замочком шкатулки, госпожа Арментрот извлекла из нее лист плотной гербовой бумаги и подала Грегору. Он взял, мельком пробежал его взглядом. Отказа от приданого ему до этого видеть не доводилось, но документ был составлен просто и ясно, только одна мелочь Грегора слегка смутила.

- Айлин Мелисса Элоиза Игрейна... — с удовольствием и нежностью произнес он. - В девичестве Ревенгар. Но будет ли эта бумага иметь законную силу теперь?

- Пожалуй, вы совершенно правы, милорд, — задумчиво подтвердила тетка Айлин. - Вы позволите?

Взяв бумагу у него из рук, она обмакнула перо в чернила и в широком промежутке между именем невесты и следующей строчкой быстро дописала изящным ровным почерком: «Именуемая также Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Дориан».

- Да, так вполне подойдет, — согласился Грегор и принял в свою очередь перо.

«Грегор Людвиг Стефан Вапериус, лорд Бастельеро», — написал он и поставил размашистую подпись, скрепив ее магическим отпечатком собственной силы.

- Благодарю, милорд.

Элоиза Арментрот учтиво склонила голову и забрала у него документ, отложив, чтобы дать бумаге просохнуть.

- Благодарю, милорд, — благовоспитанным эхом отозвалась Айлин. - Но, право, это было не обязательно... Вы даже не спросили о размере моего приданого.

- Пустяки, моя дорогая! - искренне отозвался Грегор. - Каким бы оно ни было, пусть остается вам на булавки и прочие мелочи. Разумеется, вдобавок к тому содержанию, что будет положено моей жене. Сударыня, раз уж вы занимаетесь делами моей невесты, не хотите ли осведомиться и об этом? - предложил он наполовину в шутку, наполовину всерьез.

- О, полагаю, вы не оскорбите свою супругу скупостью. - Госпожа Арментрот вернула ему улыбку острую, как рапира. - Теперь о подготовке к свадьбе. Как родственница и восприемница Айлин я возьму на себя подготовку ее гардероба. Остальные расходы, я полагаю, на вас?

- Разумеется, — подтвердил Грегор и - время настало! - потянулся к той шкатулке, что привез с собой и оставил на своем краю стола дожидаться нужного момента. - Я взял на себя смелость немного опередить события и привез гарнитур для невесты...

- Украшения? - Айлин наконец посмотрела на Грегора, но вместо радости в ее глазах он увидел нерешительность. - Я думала... Я хотела надеть жемчуг, что мне подарила тетя...

- Дорогая, — ласково улыбнулся Грегор. - Вы сможете носить ваши любимые украшения в любой другой день. Однако на свадьбу... Прошу, не лишайте меня удовольствия увидеть на вас мой подарок.

Взгляд Айлин метнулся к тетке, и госпожа Арментрот не обманула ожиданий Грегора, сдержанно отозвавшись:

- Я не обижусь, милая. И лорд Бастельеро совершенно прав. Те украшения потеряются со свадебным платьем.

- Но...

Айлин закусила губу и опустила взгляд, а потом тяжело вздохнула и тихо сказала:

- Хорошо...

- Я уверен, они пойдут к вашим дивным глазам, — негромко сказал Грегор и выругал себя болваном за то, что приехал без букета.

Драгоценности - это прекрасно, но его невеста так нежна и чувствительна... Еще один знак внимания был бы кстати! Что ж, он исправится...

Откинув крышку шкатулки, он подвинул ее к Айлин, жадно следя за выражением лица девушки. Вот она посмотрела внутрь, туда, где изумрудно-золотые сполохи играли на черном бархате... и...

- Они прекрасны, милорд, — сказала Айлин и подняла на Грегора взгляд, в котором он не увидел восторга, только вежливую благодарность. Словно почувствовав его разочарование, снова посмотрела на украшения и осторожно потрогала их пальцем, добавив совсем по-детски: — Такие красивые!

- Примерьте их, дорогая! - попросил Грегор. - А лучше, позвольте мне! Уверен, ваша почтенная тетушка не осудит эту маленькую вольность...

Госпожа Арментрот едва заметно поджала губы, но промолчала, и Грегор встал, подошел к Айлин и немного склонился над ней, едва дыша от сладкой нежности и благоговения, уже потянулся к шкатулке, но Айлин вздрогнула и умоляюще попросила:

- Нет, милорд, не надо! Я... хочу, чтобы вы увидели их потом! Сразу с платьем!

В ее голосе слышалось волнение, которое сразу успокоило Грегора. Ну конечно, она рада! Просто стыдится его прикосновений, да и со свадебным платьем этот гарнитур будет смотреться совсем иначе, Айлин совершенно права. А какой девушке не хочется поразить жениха в самое сердце своей красотой? Конечно же, она примерит его потом, когда он уедет... Просто не сможет удержаться! И получит еще одно доказательство его любви, когда увидит на себе эту прелесть... А пока можно и даже нужно уважать ее стыдливость, чтобы... чтобы загладить прошлую вину, все верно!

- Как скажете, любовь моя, - тихо сказал Грегор, убирая руки. - Ваши желания для меня закон.

Под бдительным взглядом госпожи Арментрот он легонько накрыл руку Айлин своей ладонью, пользуясь правами жениха, и снова поднес ее к губам. Пальцы девушки показались ему слишком холодными. Как же она волнуется!

Замерев, Айлин позволила ему поцеловать ее руку, и Грегор, чтобы не смущать невесту еще больше, почтительно отступил, но возвращаться на свое место не стал.

- Я пришло к вам моего дворецкого сегодня же, — сказал он госпоже Арментрот. - Обсудите с ним подготовку свадьбы. Полагаю, недели достаточно?

- Учитывая обстоятельства, вполне, — уронила та, и Грегор прикусил изнутри губу, со стыдом признав, что у холодной сдержанности этой дамы определенно есть причины.

Если она знает о положении Айлин... Тогда это более чем понятно.

- Я буду счастлив стать мужем вашей племянницы, — сказал он, не зная, как можно извиниться за то, что сделал. - И посвящу свою жизнь ее счастью и благополучию.

- Очень на это надеюсь, милорд, — бесстрастно отозвалась госпожа Арментрот.

Отвечая на прощальный поклон Грегора, Айлин и ее тетка встали и сделали реверанс. Лиловое и голубое платье зашуршали, стелясь по навощенному паркету, светлые и рыжие косы разом качнулись...

- До встречи, миледи, — выдохнул Грегор, глядя на невесту так жадно, словно видел ее в первый раз и любясь каждой черточкой лица и фигуры. - Я буду ждать ее, как лучшего дня в своей жизни.

- До встречи, милорд, — ответила Айлин, не поднимая взгляда. - Благодарю за подарок и визит...

«Она меня любит! - повторял себе самому Грегор, покидая особняк. - И она чудо скромности, благонравия и нежности! Все остальное лишь юная игривость, искренние порывы души... Как она смотрела на эти драгоценности, которые обрадовали бы королеву! Так, словно это простые стекляшки, которые ничего не стоят! Ей был приятен подарок, но не его стоимость! Разве это не изумительно?! Истинная леди, чистая в каждом слове и поступке, каждом порыве души... Всеблагая Мать, как же мне повезло! Как невысказанно и невозможно мне повезло найти женщину, которую можно не просто любить, но и восхищаться ею по достоинству, без малейших сомнений доверять ей свою честь и в ответ хранить ее любовь и доверие. О, Айлин, как мы будем счастливы теперь, когда больше ничто не стоит между нами!»

Возвращаясь домой, в особняк Бастельеро, Грегор предвкушал, как объявит слугам, что у них вскоре появится хозяйка, и велит немедленно начать приготовления.

Айлин заслужила достойную свадьбу, несмотря на траур в Дорвенне. Конечно, при дворе это могут не одобрить, в период глубокого траура по королевской семье никакие праздники проводить нельзя, но король сам только что женился по крайней необходимости и должен понять, что свадьба защитит репутацию Айлин от слухов.

Неделя! Всего неделя - и Грегор станет счастливейшим человеком на свете. Глядя в окно кареты на улицы Дорвенны, умытые недавним дождем и словно повеселевшие, он вспомнил тот самый разговор, когда король уговаривал его жениться, а Грегор обещал сделать это, как только найдет достойную леди.

«Видишь, Кольм, — виновато вздохнул про себя Грегор. - Я все-таки нашел ее и дождался своего счастья. Прости, что не понял тебя тогда... Ты выполнил свой долг перед страной, хоть это и разбило тебе сердце. Я же могу оправдаться только тем, что никогда не предавал нашу дружбу, хоть и любил твою жену. Как оказалось, исполненного долга слишком мало для счастья. Прости и покойся в мире, а я постараюсь быть счастлив за нас обоих. Если бы ты видел ее и знал, ты бы меня понял... Во всяком случае, тот твой приказ о женитьбе я теперь исполню с радостью!»

Он напомнил себе, что следует известить Аранвена о проклятии, лежащем на Фарелле, этого требует долг подданного. Кстати, любопытно, кто теперь станет королевским некромантом? Согласно традиции и здравому смыслу это должен быть умелый мастер проклятий, потому что

главная задача королевского некроманта - защищать от них королевскую семью и прочий двор по возможности. Мэтр Истерлинг был сверстником еще дедушки Стефана, неудивительно, что при известии о смерти короля и принцев у старика не выдержало сердце. Никто не обвинил бы его в плохом исполнении своих обязанностей, но такое пятно на профессиональной чести...

А теперь место королевского защитника вакантно. Был бы Саймон старше и серьезнее! Дарра прекрасно подошел бы, но он собирается преподавать и помогать Ангусу на службе, совместить целых три важнейших дела не получится даже у него.

Грегор перебрал в уме остальных Воронов. Гринхилл безумно увлечен исследованиями нечисти, из него вырастет прекрасный кладбищенский мастер. Возможно, он со временем заменит погибшего Ирвинга в Академии. Галлахер и Кэдоган, которых прозвали «два Оуэна», вообще не собираются идти на службу или заниматься частной практикой. Аранвен как-то обронил, что эти двое после окончания учебы решили отправиться во Фрагану изучать живопись. Некроманты - живопись!

Он с привычной усталой неприязнью вспомнил собственного отца, который заперся в самом большом и благоустроенном поместье Бастельеро и тоже что-то рисует. Правда, еще делами поместья занимается, хоть какое-то достойное занятие. И, к счастью, никогда не лезет в дела Грегора, как должное приняв решение деда, что назначил наследника в обход единственного сына.

Думать об отце было неприятно, и Грегор вернулся к остальным Воронам, быстро перебрав их в памяти. Драммонд - отличный проклятийник с великолепным потенциалом. Со временем перерастет покойного Денвера. Но вот его Грегор не порекомендовал бы ни в преподаватели, ни, тем более, в придворные некроманты. Что-то удивительно неприятное порой проглядывало в этом тихом юнце, верным пажом таскавшемся за Даррой. Кажется, молодой Аранвен оказывал ему покровительство, но близко не подпускал, снисходительно принимая преклонение мальчишки.

И, наконец, Тимоти Сэвендиш ничем особо не отличался, как и Брайан Лохланн с Колином Хавардом. На занятиях эти трое прилежно выполняли указания и, пожалуй, обещали вырасти в умелых и знающих некромантов, но отставали даже от Драммонда и «двух Оуэнов», не говоря уж об Эддерли с Аранвеном. Что же, кому-то ведь нужно упокаивать разгневанных призраков или укрощать умертвий на городских кладбищах вдали от Дорвенны! Достойное занятие и как раз им по способностям...

Он вернулся мыслями к посту королевского некроманта. Вороны для этого в любом случае молоды, им необходимо набраться опыта для такой важной должности. Придворный мастер - это, конечно, не магистр, но стоит всего на ступень ниже него и главы безопасности Ордена, которого традиционно избирают из некромантов. Проклятый Денвер замарал репутацию всей Фиолетовой гильдии!

Кого же порекомендовать Аранвену на этот важнейший пост? Грегор старательно перебрал всех знакомых мастеров, но неизменно находил в каждом из них какой-то недостаток. Слишком юный или слишком пожилой возраст, не та специализация, недостаток опыта или силы... Приходилось признать, что лучше всего на должность королевского некроманта подошел бы он сам! Но не при этом короле... Да и пост Архимага он теперь не отдаст Райнгартену, а в двух креслах одновременно не усядешь.

«Я все равно не ужился бы в одном дворце с этим... — мрачно утешил он себя. - Слишком глубока пропасть между нами. Каждый день видеть подобие Малкольма и при этом осознавать разницу между ними - право, это слишком! А еще пришлось бы выражать почтение Беатрис и ее девчонкам - живому свидетельству позора Малкольма! Нет уж, только не это! Конечно, если король прикажет, отказать вряд ли получится, но... он и сам наверняка не горит желанием меня видеть».

Грегор с раздражением подавил вдруг возникшее нелепое желание сделать для этого короля что-нибудь... Что-нибудь равное тому, что он делал для Малкольма! Упаси Благие от новой войны или Разлома, но как же невыносимо быть обязанным за прощение, причем такой вины, и не иметь никакой возможности расплатиться.

Карета въехала во двор особняка Бастельеро. Подбежавший лакей распахнул дверцу, закрыл ее за спустившимся со ступеньки Грегором и сообщил:

- Милорд Люциус изволил прибыть с визитом.

Люциус?! Грегор вдруг ощутил, как чудовищно устал, проголодался и совершенно не хочет принимать кузена. Что ему вообще здесь нужно?

- Давно? - хмуро спросил он лакея.

- С полудня, милорд, — почтительно отозвался тот. - Изволил ожидать вас в библиотеке, потом распорядился подать обед, а теперь пьет шамьет в гостиной.

Превосходно! Раздражение разгоралось все сильнее. Обед, разумеется, не жаль, да и навестить родовой особняк дражайший кузен имеет право, но мог бы предупредить о визите! Вообще-то, Грегор каждый день возвращался со службы гораздо позже, чем сегодня, так чего ради Люциус явился чуть ли не с утра? Знает же, что имеет дело с занятым человеком, не то что он сам, бездельник...

Уже давно зажившая нога вдруг потянула легкой болью, и Грегор оперся на дедову трость, так удачно прихваченную с собой. Наверное, слишком много ходил сегодня. Отвратительная слабость, надо от нее избавляться. Стоит возобновить конные прогулки и занятия фехтованием, которые он в последние пару лет забросил. Вдруг у него будет сын?! То есть почему вдруг, если не в этот раз, то в следующий непременно будет! И тогда никаких наемных берейторов и учителей фехтования, Грегор сам научит его всему, что должно уметь дворянину. Они станут проводить время вместе, он, Айлин и их ребенок...

Раздражение бесцеремонностью Люциуса не отступило, но немного смягчилось приятнейшей мыслью о будущем. Кстати, нужно порадовать кузена, что теперь ни он, ни его дети не могут рассчитывать на наследство Грегора!

Улыбаясь этой мысли, Грегор стремительно вошел в гостиную, небрежно помахивая дедовской тростью, и... онемел от возмущения.

Люциус не просто велел подать себе шамьет! Он развалился в кресле возле накрытого столика, а ноги в пыльных сапогах для верховой езды забросил на подлокотник другого кресла, между прочим, именно того, где обычно сидел сам Грегор!

- А, дорогой кузен! - оживился Люциус и помахал ему рукой. - Ну наконец-то! Признаться, я уже слегка утомился вас ждать! Нельзя же столько времени тратить на дела, а жить когда?

- Вы приехали, чтобы научить меня, как именно мне следует жить? - зло поинтересовался Грегор.

- Я приехал, чтобы вас поздравить, дорогой кузен! - невозмутимо сообщил Люциус и нехотя снял ноги с кресла, приняв более приличную позу. - Говорят, вы теперь в милости у его величества?

- А вы надеялись, что меня казнят? - съязвил Грегор и позвонил в колокольчик. Появившейся горничной он велел: — Накрывайте на стол, я буду обедать через четверть часа.

И выразительно посмотрел на кузена, который по обыкновению сделал вид, что не понял намека.

- Ах, Грегор, как вы могли так обо мне подумать, — укоризненно вздохнул Люциус. - Клянусь, я действительно искал вас в Академии, чтобы по-родственному поздравить и порадоваться за вас. И, между прочим, узнал от чужих новость, которую должен был услышать первым! Девериан-младший сказал, что вы объявили о помолвке!

- Это получилось неожиданно, — процедил Грегор, вспыхнув от воспоминания. - Разумеется, я собирался вас известить.

Что ж, нет смысла обижаться на Девериана, Грегор действительно сам сделал тайное явным. Да и приглашения рассылать пора, так что все узнают через день-другой.

- Говорят, девица Ревенгар весьма хороша собой, да и король испытывает к ней особые чувства. - Люциус посмотрел на Грегора и тут же поспешно добавил: - Я, конечно, имею в виду чувство благодарности и никак иначе!

- Конечно, — сдержанно подтвердил Грегор. - Дорогой кузен, признаться, я несколько занят... Вы же понимаете? И после обеда намерен заняться важнейшим делом - подготовкой к свадьбе. Не могли бы мы побеседовать в другое время?

- О, конечно! - заулыбался Люциус. - Я надеюсь, теперь, когда вы станете семейным человеком, мы сможем часто собираться по-родственному. Моя дорогая супруга будет рада познакомиться с вашей женой... Ревенгары - прекрасная партия! Правда, говорят, юная леди совершенно не похожа на отца. Весьма странно для золотой крови, не находите?

- Не нахожу, — сухо подтвердил Грегор. - Ее брат-близнец - копия погибшего Дориана Ревенгара, а девочка пошла в мать, с близнецами это бывает.

- Да-да, в Морхальтов, — покивал Люциус. - Ужасные слухи ходят про старого Морхальта, дорогой Грегор, просто отвратительные. Но вам виднее, конечно. Уверен, раз вы решили жениться на этой леди, она не имеет никакого отношения к деду! Наверняка кровь Ревенгаров в ней преобладает. Опять же, королевская милость, да и приданое...

Поставив трость возле подлокотника злосчастного испачканного кресла, Грегор скрестил руки на

груди и посмотрел на кузена, а потом благодарно вспомнил госпожу Арментрот с ее бумагами и с огромным удовольствием сказал:

- Моя невеста, дорогой Люциус, прекрасна и без всякого приданого. Поэтому я от него отказался. А если точнее, оставил за ней полное право им распоряжаться.

И улыбнулся Люциусу.

Только сейчас он заметил, что шамьет кузену подали в том самом сервизе, копия которого оказалась у Арментротов. Изящный кувшинчик, розетки для меда, печенья и сливок... И чашка, расписанная зелеными, алыми, голубыми и золотыми красками точно так же просвечивала насквозь... Эта самая чашка дрогнула в руке Люциуса, и кузен пораженно выдохнул:

- Вы сделали что?!

- Отказался от приданого, — с безмятежным удовлетворением повторил Грегор. - А почему вас это так взволновало, дорогой кузен? Это полностью мое дело, верно? Слава Благим, я могу себе позволить отдать эти деньги моей жене на булавки.

- Вы... вы... Это же семейное состояние! - взвизгнул Люциус, на глазах багровея. - Мало того, что вы берете в жены девку, о которой не судачит только ленивый! Девку, которая проехала весь Дорвенант, ночуя в объятиях короля! А может, и этого итлийца! Девку, с которой ее собственная мать после смерти Ревенгара много лет не общалась! Так вы еще смее... смееете пренебрегать долгом перед семьей?! Нашей семьей!

- Смею? - тихо уточнил Грегор. - Девку?

Испугайся Люциус вовремя того, что сказал, может быть, алая пелена, застелившая сознание Грегора, не оказалась бы такой плотной. Если бы он принялся просить прощения... Если бы хоть замолчал!

Но кузен, глядя на Грегора с ненавистью, с размаху грохнул чашкой о столешницу черного дерева, инкрустированную перламутром, и разноцветные осколки брызнули во все стороны. А Люциус, не понимая, что сейчас видит в глазах Грегора собственную смерть, выдохнул:

- Да кто вам позволил?! Жениться на этой... и еще от денег отказаться!

- На этой... — еще тише повторил Грегор, словно уточняя, и тут Люциус вскочил, что-то сообразив, но недостаточно резко.

Рука Грегора словно сама легла на рукоять трости, прислоненной к креслу, ухватив ее как рапиру. Серебряная воронья голова влипла в ладонь, и Грегор сделав один-единственный стремительный шаг, наотмашь хлестнул кузена по наглой роже. Тяжелое черное дерево с хрустом врезалось в скулу, смяв ее. Хлынула кровь, Люциус то ли взвыл, то ли захрипел, хватаясь за лицо, и Грегор с наслаждением влил ему снова — прямо поверх рук. А потом еще - слева! - с хищной расчетливостью загоняя орущего и брызжущего кровью кузена к стене. Этот удар пришелся на плечо и ключицу, и Грегор хладнокровным краем сознания, который чудом не затопила ярость, признал, что дедушка был прав даже в этом. Трость ничуть не хуже рапиры! Даже лучше иногда. Попросту заколоть эту тварь, посмевающую марать имя Айлин своим поганым языком, ему сейчас было бы недостаточно. Слишком мало! И даже проклясть его не хотелось. Нет, нужно было именно так! Давно уже следовало, но сейчас Люциус абсолютно точно перешел грань.

Завывая, тот пытался уклониться от ударов, закрыться, но Грегор, перехватив трость обеими руками, прижал ею шею кузена и тихо проговорил в залитое кровью лицо с выпученными глазами:

- Я не убью тебя только потому, что из-за похорон придется отложить свадьбу. Но лишь в этот раз! Еще одно слово про мою жену без должного почтения, и я раздавлю тебя, как червя. Размажу... Слышишь, Люциус?

Он надавил немного сильнее, потом, опомнившись, ослабил нажим, и кузен что-то прохрипел, глядя в диком ужасе и трясаясь всем телом.

- Слышишь, - удовлетворенно заключил Грегор. - И вот что, на свадьбе ты непременно будешь, дорогой кузен. Поздравишь мою невесту и меня, выразишь восхищение... В общем, изволь радоваться моему браку, как лучшему событию в своей жизни. И не дай Претемная мне решить, что ты счастлив недостаточно искренне или сильно. Ты меня понял?

Люциус опять что-то прохрипел, и Грегор, убрав трость и отступив на пару шагов, милостиво кивнул, а потом посоветовал:

- Теперь беги.

Мгновение, не больше, Люциус осознал услышанное, а потом, увернувшись от удара и вскрикнув, как загнанная лошадь, рванул к выходу из гостиной. У лестницы вниз Грегор его все-таки догнал и еще раз перетянул тростью уже поперек спины, но на первый этаж не побежал. С лестницы ему было прекрасно видно, как Люциус долетел до двери из холла, которую перед ним распахнул невозмутимый камердинер. Проскочив в нее, кузен исчез где-то во дворе, а камердинер с бесстрастной почтительностью пожелал ему вслед:

- Доброго дня, милорд.

И закрыл дверь.

Посмотрел вверх, где на галерее у начала лестницы стоял Грегор, и так же учтиво сообщил:

- Стол накрыт, милорд. Изволите отобедать?

- Непременно изволю, — кивнул Грегор. - Откройте к обеду бутылку лучшего фраганского и позовите дворецкого, я дам ему особые поручения.

Оперся на окровавленную трость и подумал, что дедушка бесспорно был прав, когда с ней не расставался. Вот Устав Ордена, к примеру, рапиры на территории Академии запрещает. А если бы Люциус это все сказал там?! Не руками же его бить, подобно простолюдину. И Благие Семеро, как же славно на душе! Исключительно правильно и спокойно!

ГЛАВА 10. Самый счастливый день

В строгом соответствии с традициями венчание назначили на второй день недели, посвященный Всеблагой Матери, и это затянуло ожидание Грегора еще на три бесконечных дня, которые тянулись, будто весь мир вокруг накрыло «Янтарным Щитом». Не сойти с ума от ожидания помогали только бесконечные заботы, не все из которых удалось поручить собственному дворецкому, управляющему Арментротов и многочисленным мастерам. Грегор даже не подозревал, что устройство свадьбы - настолько хлопотное дело!

Впрочем, он понимал, что это главный день в жизни женщины, и намерен был сделать все, чтобы его невеста получила достойный ее праздник. Даже обратился к их величествам за разрешением устроить малый бап, несмотря на траур. Прошение об этом Грегор лично отвез во дворец вместе с приглашением на свадьбу и получил милостивое согласие короля на любые торжества, которые чете новобрачных угодно будет устроить. Воспользовавшись случаем, он тогда же заглянул к Аранвену, рассказав о проклятии, наложенном на Фарелла.

- Дорогой Грегор, вы обладаете поразительным умением совершать неоднозначные поступки, — сдержанно сказал канцлер, выслушав его с обычным непроницаемым выражением лица. — Подарить невесте своего сюзерена не снимаемое смертельное проклятие... Я полагал, что достаточно знаю вас, но в очередной раз вынужден признать, что ошибался в мере вашей изобретательности.

- Мне было девятнадцать, Ангус, — проговорил Грегор, испытывая изрядную неловкость. - Признаю, что был влюбленным болваном. Тогда мне это казалось достойным подарком для...

Он хотел сказать «лучшей в мире девушки», но не смог произнести это применительно к Беатрис, даже говоря о глубоком прошлом.

- Ее величества, - договорил он.

- Разумеется, - еще более сдержанным и прохладным тоном согласился канцлер. — Но я всерьез опасаюсь, что проклятие, наложенное на Фарелла, это не самая большая неприятность, которая следует из вашего непредусмотрительного поступка. Скажите, его можно было использовать всего один раз?

- Формально - нет, — нехотя буркнул Грегор. - А фактически... Ангус, в камне осталась матрица проклятия, и в теории можно его перезарядить, но даже я сам дюжину раз подумал бы, взяться ли за это. Оно невероятно сложное, для проклятий такого уровня мало просто влить энергию в носитель.

- Однако вы могли бы это сделать? - напрямую спросил Аранвен, складывая перед собой руки и сплетая длинные тонкие пальцы.

- Я - мог бы, — признал Грегор. - Но не испытываю ни малейшего желания оказывать ее величеству

подобную услугу. А больше мастеров-проклятийников такого уровня в Дорвенанте сейчас попросту нет. Ну разве что ваш сын через несколько лет сможет, если не оставит некромантию ради государственных дел. Он исключительно талантлив и при этом силен.

- Иными словами, — педантично уточнил канцлер, — у меня нет необходимости оскорблять ее величество, требуя вернуть ваш подарок? Воспользоваться им снова она не сможет?

- С моей помощью - нет, — твердо сказал Грегор. - А если вы опасаетесь, что королева вдруг найдет некроманта, равного по мастерству мне, лорду Эддерли или покойному Денверу, достаточно заменить центральный камень в ожерелье на другой рубин, а этот уничтожить. Но, признаться, это была бы огромная потеря для науки.

- Наука... — вздохнул Аранвен. - Вы говорите в точности, как мой сын и моя жена. Иногда мне кажется, что те, кто двигает науку, забывают, что изначально она должна была служить людям. Можно подумать, человечество многое потеряет, если в мире станет одним способом смерти меньше. Но я вас понял. И насчет лорда Фарелла - тоже. Не вижу необходимости что-то предпринимать в этом отношении. Вы ведь обещали снять проклятие?

- Обещал, — сдержанно подтвердил Грегор.

- Вот и снимайте, — безмятежно позволил Аранвен, расплетая пальцы и откидываясь на спинку кресла. - У меня есть основания считать, что этот молодой человек может быть полезен Дорвенанту и его величеству.

- Как вам угодно, — встал и поклонился Грегор. - Кстати, Ангус, позвольте лично пригласить вас на мою свадьбу.

- Премного благодарен, — бесстрастно отозвался канцлер. - Конечно, мы непременно будем.

Ни словом, ни взглядом он не выдал то, о чем Грегор прекрасно помнил - юный Аранвен лишь немного опоздал сделать предложение. Разумеется, теперь Дарра будет вести себя с должной рассудительностью, Аранвены не преследуют замужних леди. Но Грегор вдруг искренне пожалел, что в окружении Айлин было так мало девиц и так много юношей. Сейчас, в новой семейной жизни, подругигодились бы ей гораздо больше, чем сомнительная дружба, которую общество непременно истолкует превратно. Нет, он не собирался отказывать Дарре и Саймону от дома, если они станут соблюдать приличия, но все-таки прошлому лучше оставаться в прошлом, а его жене - найти подходящий ей круг общения.

- Вы не знаете, Логрейн собирается наконец представить племянницу ко двору? - спросил он, уже собираясь выйти.

- Он заявил, что юная Кларисса слаба здоровьем и до сих пор не оправилась от смерти родителей и брата, — отозвался канцлер. - Хотя весьма странно держать больную девицу вдали от столичных целителей. Полагаю, мы с его величеством обязательно поинтересуемся мнением самой леди Клариссы на этот счет, как только разберемся с неотложными делами. С вашего позволения, милорд...

Он указал взглядом на стопку документов, и Грегор, понимающе кивнув, оставил Аранвена его служебным заботам.

А потом внезапно наступил тот самый день, и время понеслось вскачь. Грегор проснулся на рассвете, бодрый и переполненный нетерпеливым ожиданием. Позвонил в колокольчик и велел камердинеру подавать легкий завтрак через два часа. Выбравшись до синева, принял ванну и пригласил цирюльника, который высушил и уложил ему волосы. Затем сменил домашний халат на парадный камзол, над которым почти неделю трудился лучший портной Дорвенанта с армией помощников и который изрядно смущал Грегора. Он был непривычно яркого цвета лаванды и богато расшит золотом. Грегор уже не помнил, когда носил такую светлую одежду!

По привычке он собирался заказать что-нибудь фиолетовое или хотя бы темно-синее, а золото заменить серебром, но портной с язвительной учтивостью уточнил, действительно ли речь идет о свадьбе, а не о похоронах. И Грегор, сам себе удивляясь, не только простил обнаглевшему простолоудину подобную дерзость, но и неожиданно согласился с предложенным цветом и фасоном. Исключительно ради Айлин! Чтобы стать достойной оправой для ее красоты!

Надев белоснежное белье с арлезийским кружевом и этот самый лавандовый камзол, Грегор посмотрелся в большое зеркало и признал, что портной знает свое дело - все сидело великолепно. Кажется, он даже стал выглядеть моложе, резкие складки в уголках губ смягчились, и обычная мрачность куда-то исчезла, смытая благостной любовью ко всему миру.

Отложив Звезду Архимага, он надел фамильную дворянскую цепь Бастельеро, усыпанную звездной россыпью сапфиров и бриллиантов, поправил на пальце родовое кольцо.

Камердинер подал ему ленту для волос и прошелестел:

- Осмелюсь доложить, милорд, ночью изволил прибыть лорд Аларик. Занял прежние покои и велел сообщить, что в полном вашем распоряжении.

Отец! Все-таки приехал... Безоблачное настроение Грегора едва не омрачилось неприятной тенью, но он тут же ее отогнал. Разумеется, не пригласить на свадьбу собственного отца он просто не имел права! И не его вина, что тому не хватило учтивости отказаться от приглашения. Но это пустяки. Уж несколько дней, положенных по этикету, они друг друга вытерпят, зато в свете не смогут судачить, что на свадьбе нет родственников жениха и невесты. Кстати, очень любопытно, а Ревенгары будут? Он послал Артуру приглашение, составленное ровно в тех же выражениях, что и для всех остальных глав Трех Дюжин, ничем не намекающее на родство или особое отношение. И очень надеялся, что если юный Ревенгар явится на свадьбу, то, по крайней мере, оставит дома свою матушку.

- Передайте лорду Аларику, что я хотел бы видеть его за завтраком, — сказал он камердинеру, снова поправляя гербовый перстень главы рода. - А лорд Люциус еще не явился?

- Он передал, что прибудет прямо на венчание, милорд. Вместе с супругой и наследником.

Грегор удовлетворенно кивнул. Вот и славно. Для посторонних Бастельеро должны выглядеть образцом единства и семейной сплоченности. Даже у Люциуса не хватит глупости испортить какой-нибудь выходкой свадьбу главы рода. Если, конечно, он хочет остаться живым, здоровым и не лишенным милостей этого самого рода.

Он спустился к завтраку и вежливо раскланялся с отцом, которого не видел... Да лет пятнадцать, пожалуй. Лорд Аларик, как Грегор предпочитал его звать, выглядел для своего возраста прекрасно и довольно молодо, сразу видно, что вел здоровую жизнь на лоне природы, без волнений и утомительной службы.

- Поздравляю вас с прекрасной карьерой, милорд, — сказал отец, разрезая омлет. - Стать Архимагом - большая честь, а его величество, говорят, высоко оценил ваши труды как лорда-протектора. Вы достойный внук своего деда.

- Благодарю, милорд, — склонил голову Грегор. - Вы очень любезны, отмечая мои скромные заслуги. Как вы находите Дорвенну после стольких лет разлуки со столицей?

- Ночью ее было сложно разглядеть, — скупой улыбнулся лорд Аларик. - Но я выделяю день или два на прогулки. Если, конечно, вы не возражаете против моего пребывания в Дорвенне.

- Ни в коем случае, милорд, — заверил Грегор. - Прошу вас оставаться, сколько пожелаете. Я всегда рад видеть вас в моем доме.

Намек получился сам собой, и отец снова улыбнулся одними уголками губ, отпивая шамьет. В полном молчании они закончили неторопливый завтрак, и Грегор велел седлать лошадь. До полудня оставалось еще часа три, из которых дорога до храма вряд ли займет больше часа. Но его мучило нетерпение. Зато можно будет встретить прибывающих гостей и обменяться с ними парой слов... Он вспомнил список, присланный из особняка Арментротов, и вздохнул. Разумеется, его невеста пригласила не только всех Воронов и свою соседку по комнате, вот в этом Грегор несколько не сомневался, но и нескольких человек, которых он предпочел бы видеть пореже и уж точно не в такой день.

Он с трудом вытерпел еще полчаса, пока его итлийскую кобылу седлали парадным седлом и богато украшенной сбруей, пока распахивали ворота, и слуги выстраивались во дворе в два ряда, чтобы проводить хозяина. Конечно, и двор, и сад уже были убраны цветочными гирляндами и лентами, а над входом в особняк как раз вешали огромный вензель инициалов жениха и невесты, составленный из алых и белых роз... Аромат цветов и запахи еды, доносящиеся с кухни, бесчисленные свечи, расставленные везде в ожидании вечера, зеркально натертый паркет в бальном зале и праздничные ливреи прислуги...

Все это вдруг собралось вместе, окатив Грегора волной жадного предвкушения новой, особенной жизни, которая начнется прямо сегодня. Так в раннем детстве он ждал праздника Зимнего Солнцестояния, где главным были даже не подарки, а ожидание чуда, что непременно придет, просто не может не прийти! А самым прекрасным чудом сегодня - он точно знал! - был образ тоненькой рыжеволосой девушки в белом платье, что смотрела на него глазами цвета зеленой весенней листвы. Точно такую листву он увидел, очнувшись в армейском лазарете и осознав, что смерть снова прошла мимо, а жизнь продолжается.

Теперь он точно знал, что жизнь для него немыслима без этой зеленоглазой девушки.

Вскочив в седло, он выехал за ворота в сопровождении отца, который молча ехал рядом на рослой

дорвенантской гнедой. Свежий летний ветер шевелил волосы Грегора, перебирая пряди и пытаясь вытащить их из-под бархатной ленты. Ветер пах Дорвенной, цветущими в садах розами и счастьем...

А в храме, разумеется, было уже полно народа. Кто-то ожидал во дворе, и Грегор, спешившись, принялся раскланиваться и принимать поздравления от глав Трех Дюжин и магистров Ордена. Большинство из них, конечно, были с женами, а многие еще и с наследниками. Грегор впервые в жизни увидел супругу магистра Бреннана, круглолицую, пышную, улыбчивую и громкоголосую даму, которую принял бы за трактирщицу, не будь на ней бархатного синего платья, до вульгарности богато украшенного золотым шитьем. «Восемь внуков», — вспомнил он, кланяясь леди Бреннан, которая, безусловно, была леди только по мужу-магу.

Жена Ладецки, напротив, оказалась высокой, худощавой и светловолосой, как северянка. Она явно не привыкла к такому обществу и робко льнула к мужу, застенчиво поглядывая на всех большими голубыми глазами - единственным, что в ней было красивого. Супруга алхимика назойливо пыталась вмешаться в беседу леди Эддерли и Аранвен, впрочем, без малейшего успеха, поскольку обе дамы ее холодно игнорировали. Девериан с женой, Мэрли...

Вот старика Грегор был искренне рад видеть. И эту радость не испортило даже то, что почтенный старец одинаково от души обнял и его, и лорда Аларика, бормоча попеременно то «мой дорогой зять», то «мой дорогой внук», то «мои дорогие мальчики». Грегора кольнуло застарелое чувство вины перед несчастным, который даже понятия не имел... Но он постарался прогнать эту боль и как мог тепло ответил на пожелания лорда Мэрли, который то и дело смахивал слезы.

Следом пришлось приветствовать Эжена Райнгартена - нельзя же было не пригласить бывшего сослуживца и заместителя. Отвесить поклон Логрейну, который явно не горел желанием здесь присутствовать, но тоже никуда не мог деваться от требований этикета. Ангус Аранвен, лорды Дортмундер и Девериан-старший, Волански... Последний оказался холостяком, чему Грегор нисколько не удивился. Зато иллюзорник с неожиданной учтивостью поприветствовал супругу Бреннана, церемонно поцеловав ей руку, и потрепал по плечу их старшего внука, высокого тонкого юношу в форменной мантии Зеленого факультета.

Лица и голоса уже кружились у Грегора в сознании чудовищным калейдоскопом, а ведь это было только начало. Саймон Эддерли, совершенно счастливый и слегка пахнущий карвейном - вот паршивец! - едва не кинулся Грегору на шею, улыбаясь до ушей и громогласно желая «милорду мэтру» счастья с «их Ревенгар». В противоположность ему, Дарра поклонился очень сдержанно, а никакой радости на его лице не было. Впрочем, Грегор не мог его за это осудить и даже про себя великодушно пожалел бедного мальчика, которому не повезло проиграть в соперничестве.

Наконец, он исполнил долг жениха перед всеми, кто непременно хотел принести ему поздравления, и ступил под своды храма, улыбнувшись при мысли, что здесь только-только успели поменять свечи после королевской свадьбы. Что ж, зато его собственная свадьба - по любви, а не по расчету! А это, говорят, гораздо угоднее Всеблагот Матери!

По обе стороны от широкой дорожки, ведущей к алтарю, тоже стояли гости. Самые почетные, для которых предназначались лучшие места. Слева от входа - гости жениха, справа - приглашенные невестой. По традиции, если гость получал приглашение от обоих новобрачных, то сам выбирал одно из них, но этикет рекомендовал в таком случае мужчинам предпочитать сторону жениха, а дамам - сторону невесты.

Грегор окинул взглядом храм - и даже слегка нахмурился. Сторона невесты заполнилась уже почти полностью, но как раз женщин там почти не было. Зато Вороны толпились в полном составе, к которому только что добавились младшие Аранвен и Эддерли! Что ж, это было ожидаемо... Но барготов наглый фраганец, бывший наставник короля - его-то Айлин зачем позвала? Он даже в путешествии с ними не был, в отличие от королевского фаворита. Итлиец улыбался и что-то рассказывал Эдвину Кастельмаро, увидев которого, Грегор с досадой прикусил губу изнутри.

Получается, его невеста тоже позвала Кастельмаро, и боевик выбрал именно ее приглашение, а не Грегора, хотя этикет диктовал иное. Эдвин, конечно, был сослуживцем и другом Дориана, но... мог бы и подумать, как расценят его внимание к невесте. Он же вдовец, так что совершенно свободен и пользуется славой галантного кавалера, одержавшего множество побед. Не совсем то знакомство, что сейчас пошло бы на пользу репутации Айлин.

А самое главное, на стороне невесты, окруженные прочими гостями, стояли король с королевой! Очень явно давая понять подданным, что лорд Бастельеро, конечно, у монарха в милости... но не в особом фаворе. Отлично понятный всем нюанс! Прямо-таки прозрачайший намек, что в куда большем фаворе у королевской четы сама леди Дориан. Что ж, остается надеяться, что это упадет на другую чашу весов и заставит общество не прикусить языки - о, к этому королевский двор даже сам Баргот не принудил бы! - но хотя бы не болтать слишком громко.

Сделав несколько шагов, Грегор поклонился положенным большим поклоном и получил малые

ответные.

- Поздравляю, милорд, — уронил король, а королева протянула руку для поцелуя.

Бесстрастно коснувшись губами тонкого смуглого запястья, Грегор выпрямился и пошел вдоль дорожки, приветствуя остальных гостей невесты. Неожиданностью стало, что среди них затесался Артур Ревенгар, которого Айлин наверняка не приглашала, бледный, не по-ревенгаровски сдержанный и молчаливый и, к счастью, без матушки. Грегор ему про себя посочувствовал - новость о выходе Айлин из рода уже широко разнеслась при дворе и очень горячо обсуждалась. Однако Артур, явившись на свадьбу, при этом все равно предпочел встать на сторону бывшей сестры, показав, что готов хотя бы к примирению после скандала.

Кивнув мальчишке, Грегор повернулся к следующим гостям, которыми оказались Вальдероны-старшие. Себастьян был невозмутим, Джанет смотрела на Грегора с прохладной неприязнью и, отдав реверанс, тут же обернулась к стоящему рядом итлийцу, улыбнувшись ему гораздо теплее. Грегор вздохнул, равнодушно смиряясь с мыслью, что здесь вряд ли кто-то искренне радуется его счастью. Но выбор гостей - право невесты, и даже... Это там вольфгардцы?! А он все-таки надеялся, что Айлин пошутила!

Полдюжины здоровяков, разряженных все с той же варварской пышностью, увидев его, подняли правые руки перед собой и слаженно проорали:

- Хой! Хой! Хой! Привет славному ярлу!

Грегор обескураженно поклонился и, наконец, прошел к алтарю, сопровождаемый отцом, который спокойно раскланивался с гостями по обе стороны дорожки. Встал возле него и услышал, как звучно и гулко ударил колокол, отбивая первый удар из двенадцати. Полдень! Сердце, как ему казалось, с каждым ударом колокола билось все громче, а с последним и вовсе зачастило в нетерпении. В полной тишине он услышал, как скрипнула дверь храма, распахиваясь шире, а потом... по храмовому залу прокатились негромкие, но четкие смешки.

Смешки?!

Резко обернувшись, Грегор едва не застонал в голос. Прямо по проходу между гостями, которые даже не трудились сдерживать улыбки и смех, важно шествовал огромный белый пес. Проклятое умертвие! Ну вот зачем она взяла его в храм?!

А гости улыбались все шире, перешептывались, и пес, будто наслаждаясь всеобщим вниманием, шел неторопливо, чинно поднимая и ставя огромные мохнатые лапы и насторожив уши. Его глаза светились неестественным ярко-синим сиянием, что в легких сумерках, царящих под сводами храма, выглядело особенно зловеще. Дойдя до короля, пес повернулся к нему и вильнул хвостом. Гости чуть притихли, а король склонил голову, словно здоровался с обычным дворянином, и приветливо произнес:

- Доброго дня, милорд Упвь. Желаете занять свое место?

Так же важно и размеренно проклятое умертвие сошло с дорожки и село рядом с королем, потеснив итлийца, а потом пару раз удовлетворенно стукнуло хвостом по полу. Шепотки снова стали громче, и Грегор обреченно вздохнул. Надеюсь, хотя бы за стол это чудище не пригласят? Очень любезно со стороны короля свести все к шутке, тем более что он-то ее и начал, пожаловав умертвию полноправное дворянство, но, видят боги, это уже перестает быть забавным! Венчание - торжественный и священный обряд, а подобное существо в храме... Это же почти кошунство!

«Но чего я ожидал от девицы, которая столько времени проводила в компании Саймона Эддерли? - подумал он. - Вон, с каким восторгом смотрит этот юный болван! Надеюсь, хотя бы лорд Эддерли поговорит с ним о приличиях, а заодно напомним, что в общении с замужней дамой следует гораздо строже соблюдать этикет, чем в Академии среди соучеников...»

Разговоры, ставшие немного глуше, вдруг наполнили зал громким всплеском и мгновенно оборвались. Грегор отвел взгляд от короля, невозмутимо чesавшего умертвие за ухом, и, словно оглушенный этой внезапной тишиной, снова обернулся к двери.

Она плыла по проходу, словно белоснежное облачко, сверху ярко озаренное лучами самого золотого рассвета, который Грегор мог представить. Медно-рыжие волосы распущены по плечам, серебряное платье облегает высокую грудь и тонкую талию, а юбка едва заметно колыхается при каждом шаге, делая силуэт немыслимо изысканным и воздушным. Словно любой порыв ветра, ворвавшись в открытую дверь храма, может подхватить и унести это чудо, и Грегор, нарушив все традиции и повернувшись спиной к алтарю, сделал шаг обратно - к невесте, чтобы поймать и удержать ее, если это все-таки случится.

Краешком сознания он слышал восторженные перешептывания по обе стороны дорожки, но все,

что говорили гости, было лишь слабой тенью чувств, которые бушевали в Грегоре.

Самая прекрасная на свете! Чистая, нежная, долгожданная и безупречная... Его Айлин!

Теперь, когда она подошла ближе, он с каждым шагом различал в ее облике все больше, жадно впитывая глазами каждую мелочь. Очень простое и вместе с тем нарядное платье изумительно шло Айлин! Открытый лиф, широкие верхние рукава, под которыми то и дело мелькал искристый узор узких нижних, серебро ткани, то ли затканной, то ли вышитой таким же серебряным узором, словно ледяную гладь воды сверху затянуло изморозью. Айлин в этом платье казалась бледнее обычного, но невероятно красивой! И украшения...

Только сейчас Грегор понял, что имел в виду фраганец, когда объяснял, что в гарнитуре его работы все увидят не сами драгоценности, а девушку, надевшую их!

Тугие виноградные лозы ожерельем обвивали шею Айлин, диадемой скрывались и снова показывались в ее волосах. Серьги подчеркивали линию шеи и скул, и все это зелено-золотое великолепие так невыносимо прекрасно гармонировало с фарфорово-бледной кожей, медью волос и зеленью глаз, что у Грегора перехватило дыхание. Как замороженный, он смотрел на Айлин, медленно и плавно подходящую ближе. Серьезную, сосредоточенную, погруженную в себя и будто светящуюся изнутри...

Оказавшись в одном шаге перед ним, она остановилась, и только тогда Грегор заметил, что по пятам за его невестой следуют еще две женщины: Элоиза Арментрот в черном вдовьем платье и девица-иллюзорница в бледно-розовом. Как же ее... Иоланда Донован... Родственница невесты, провожающая ее к алтарю вместо матери, и единственная подруга.

Сделав реверанс, они отступили к гостям невесты, и Грегору показалось, что рядом с черным платьем госпожи Арментрот мелькнула знакомая белая мантия. А ведь Роверстана он до этого среди гостей не видел! Неужели... неужели у него хватило наглости... Он усилием воли отогнал неуместные сейчас мысли. Время думать только об Айлин и смотреть лишь на нее.

Она же присела в глубоком почтительном реверансе, и Грегор, у которого от волнения пересохло во рту, сделал последний шаг и взял невесту за руку, обтянутую белой перчаткой. Айлин выпрямилась, и он поймал взгляд огромных зеленых глаз... Время будто замерло, и Грегор замер вместе с ним. Только по шепоту вокруг он понял, что нарушает и этикет, и распорядок, и еще Баргот знает что! Виновато улыбнулся и, повернувшись, повел Айлин к алтарю.

Она шла рядом, еле слышно шурша платьем, и ее ладонь обжигала Грегора даже через шелк перчатки, хотя горячее не казалась. На самом деле, как он прекрасно понимал, его жжет близость этой девушки и предвкушение того, что сейчас произойдет.

Жрец Всеблагой уже ожидал возле алтаря, положив руку на священную книгу, и семь статуй позади него взирали на Грегора так, словно собирались вот-вот склонить к нему мраморные лица. Могучий Пресветлый Воин и величественная Всеблагая Мать, Великий Безликий, к которому Грегор всегда испытывал смутное недоверие и почти неприязнь, Милосердная Сестра и пара божественных братьев - Всеумелый Мастер с Творцом Превращений... А за ними, словно отделенная незримой границей, той самой, что пролегает между жизнью и смертью, Претемная Госпожа с бесконечным состраданием и нежностью в глазах.

Грегору вдруг вспомнился тот давний сон, уже почти забытый, но до сих пор навевающий странное чувство надежды. Претемная Госпожа пришла к нему и принесла дар. Великий дар, который должен был принести ему счастье. Теперь он совершенно точно знал, чей голос услышал тогда из коробки. И помнил, что Претемнейшая велела заботиться о ее подарке! О, как старательно он готов был исполнять ее повеление!

Рука Айлин слабо подрагивала в его ладони, и Грегор чуть сильнее сжал тонкие пальчики, чтобы успокоить невесту. Но Айлин чуть потянула руку на себя, и он поспешно разжал пальцы, не желая смущать девушку. Конечно, она стесняется множества направленных на нее взглядов!

- ...Валериус, лорд Бастельеро! - услышал он окончание своего имени, громко и торжественно произнесенного жрецом. - Согласны ли вы по доброй воле и без принуждения...

- Да! - выдохнул он, едва дождавшись окончания фразы жреца.

Сколько можно перечислять все, что входит в супружеский долг?! Да, разумеется, он согласен и в беде, и в счастье, и так далее! Зачем бы иначе пришел сюда?!

- Айлин Мелисса... — забубнил жрец. - Согласны ли вы по доброй воле и без принуждения...

Он невольно снова сжал руку Айлин и тут же опомнился. Просто эти несколько мгновений, пока девушка собиралась с духом для ответа, показались ему самыми долгими в жизни.

- Да, — прозвучал рядом ее голос.

Такой тихий и нежный...

Жрец повернулся к алтарю и простер к нему руки. Освящать брак во имя Семи Благих может любой маг, хотя, конечно, по традиции это доверяют тем, кого одарила Всеблагая. По той же традиции жрец-некромант - очень плохая примета. Смерть и Жизнь неразрывно связаны в великом колесе сущего, но... известно, что божественные сущности, которые их олицетворяют, не очень благосклонны друг к другу. И это можно понять...

Свечи начали медленно загораться под воздействием легкого магического дуновения от рук жреца. Самое первое упражнение для адептов или просто тех, кто изучает магию, не зависящее от цвета искры, - зажечь свечу силой своего духа. Вот загорелся огонек свечи Пресветлого Воина, следом за ним вспыхнула свеча перед статуей Милосердной Сестры...

Грегор затаил дыхание, хотя на его памяти ни разу не случилось так, чтобы брачные свечи не загорелись. В конце концов, это же просто ритуал! Не бывает настолько слабых жрецов, чтобы не могли этого сделать!

Свеча Всеумелого Мастера... Свеча Творца Превращений...

Он смутно помнил, что на бракосочетании короля с Беатрис свечи тоже вспыхнули не разом, но ярко и довольно уверенно. Да какая разница?! Только суеверные старухи пытаются разглядеть в этом какое-то предзнаменование для супружеской жизни, а любому вменяемому человеку понятно, что дело в качестве воска и ровности фитиля!

Свеча Великого Безликого...

Но две последние свечи все никак не загорались, и ему показалось, что мраморные губы Всеблагой Матери и Претемной Госпожи неодобрительно дрогнули, а на их лица напозла тень. В тот же миг он понял, что это снаружи облако закрыло солнце, и тень упала через высокие окна с витражами. А свечи... Свечи, помедлив еще одно томительно долгое мгновение, вспыхнули, и жрец облегченно выдохнул.

Снова повернувшись к Грегору и его невесте, он закончил обряд, и голоса певчих на верхней галерее взмыли под своды, заливая храм потоком звонких мальчишеских голосов, сливающихся воедино.

Снова легонько сжав руку своей теперь уже жены, Грегор потянулся к ее бледному серьезному личику губами, хотел поцеловать, но Айлин чуть отдернулась, и поцелуй вместо губ пришелся в щеку. Так получилось даже нежнее и гораздо приличнее, а в губы... У них еще вся ночь впереди! А потом и вся жизнь...

- Идемте, любовь моя, — сказал он ласково и поднес ее руку к губам под одобрительные возгласы в храме.

Опустив глаза, Айлин пошла за ним, и Грегор, пьяный от счастья, провел ее по дорожке между гостями, вывел из храма и подвел к белой арлезийской кобыле, на которой она приехала. Подсадил в седло... Из-за этой кобылы они едва не поссорились, когда при единственной встрече за эту неделю его невеста заявила, что поедет в храм верхом, как ее величество. Грегор уступил бы ей в чем угодно, но тут попросту испугался за ребенка! Пришлось съездить в Академию и лично спросить мнения магистра Бреннана. Пожилой целитель заверил его, что лошадь на таком небольшом сроке гораздо безопаснее кареты, в которой трясет. Конечно, если это хорошо выезженная лошадь, а седло - дамское.

На дамское седло Айлин со вздохом согласилась, но наотрез отказалась от кобылы, которую хотел прислать Грегор, опасавшийся, что ее арлезийка слишком норовиста. Итлийские лошади гораздо послушнее! Но нет, его невеста заявила, что предпочитает знакомую лошадь, и Грегор скрепя сердце согласился. А теперь у него снова дрогнуло сердце, когда Айлин оказалась в седле, и серебряные складки ее платья снова подчеркнули хрупкость фигуры. Никаких признаков, что его жена в положении! Неужели ребенок и вправду может родиться мертвым или искалеченным, как безжалостно указал Роверстан? А ведь при родах и женщина иногда гибнет... Нет-нет, с Айлин этого случиться просто не может! Бреннан ведь сказал, что она уже здорова...

Он вскочил в седло, и свадебная процессия потянулась по улицам Дорвенны к особняку Бастельеро. В этот раз никто не бросал под копыта всадникам и колеса экипажей цветы, но Грегору казалось, что день намного светлее, чем во время венчания короля, и даже Дорвенна чище и радостнее. Ветер снова был наполнен благоуханием цветов, самая прекрасная девушка на свете ехала рядом с ним, и когда их лошади бок о бок вошли в ворота особняка, Грегору захотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался.

***

- А этот что здесь позабыл? - тихо буркнул Альс, и Лучано, проследив за его неприязненным взглядом, увидел в нескольких шагах от них высокого светловолосого юношу в красном мундире дорвенантской армии. - Мог бы не портить настроение бывшей сестре в такой день.

Лучано про себя молча согласился, что настроение у синьорины и так наверняка не праздничное, определенно не стоит портить его еще сильнее.

- Возможно, грандсиньор как раз пришел помириться? - предположил он вслух и добавил:

- Кстати, пару дней назад он подрался на дуэли с неким гвардо, слишком дерзко отозвавшимся о синьорине Айлин. Тот был гораздо старше и опытнее, притом известный дуэлянт, как мне сказали, а у грандсиньора Ревенгара это оказался первый поединок.

- И как? - заинтересовался Альс. - Неужели победил?

- Убил одним ударом, — чуть улыбнулся Лучано. - Очень благоразумно. Теперь остальные любители потрепать языками постараются прикусить их в присутствии юного синьора. И вообще остерегутся задевать его попусту. Закончить первую дуэль смертью противника - прекрасная основа для правильной репутации, очень помогает избежать внимания всяких идиотто.

- Месьор д'Альбрэ то же самое говорит, - согласился Альс, покосился на фраганца, который одобрительно блеснул глазами, и вздохнул: - Ну ладно. Если он вступился за честь Айлин, значит, не совсем безнадежен.

Придя к этому выводу, он великодушно перестал рассматривать молодого гвардо, который под этим мрачным взглядом вытянулся в струнку и даже, кажется, побледнел.

- Если его величеству будет угодно узнать подробности, — негромко вступил в разговор стоящий рядом грандсиньор Кастельмаро, — то я был секундантом лорда Артура. Он действительно повел себя очень достойно. Хотя жалею, что я не успел сам вызвать того болтуна на дуэль. Мне уже не обязательно убивать противников, чтобы сохранять репутацию, а этот болван когда-то был сослуживцем Дориана. И надо же ему было так напиться... - с легким сожалением закончил доблестный синьор.

- Очень надеюсь, что остальные сделали правильные выводы, — бросил Альс. - И что никому не придет в голову болтать лишнее о леди... Дориан в моем присутствии. О, а вот и жених!

- Бастельеро в светлом? - изумленно проговорил Кастельмаро. - Как бы небо не упало на землю! Я думал, он дал обет носить только черное и фиолетовое!

- Разве вы не знали, милорд, как меняются мужчины, когда рядом с ними оказывается правильная женщина? - улыбаясь, обронила королева, и Лу увидел, как вспыхнул Альс, влюбленно посмотрев на нее. - Пожалуй, лорд Бастельеро еще всех нас удивит своей галантностью и трепетным отношением к супруге. Ведь он так долго искал достойную пару.

«Ну, «Тещину ласку» из ее голоса, пожалуй, не сварить, а вот «Черную вдову», что лишает мужской силы, вполне возможно, — усмехнулся про себя Лучано. - Кажется, грандсиньор некромант недооценивает силу женской обиды. Разумеется, ее гадючье величество не питала к нему никаких чувств, но когда поклонник принадлежит тебе столько лет, а потом внезапно находит другую, причем гораздо моложе... О да, это обидно! Одно хорошо, что она больше не считает синьорину соперницей, а злится лишь на грандсиньора».

Он в свою очередь поклонился нарядному и словно сияющему изнутри некроманту, который утратил обычную мрачность и до неприличия походил на влюбленного первый раз юнца, способного думать только о предмете своей страсти. И остро, до физической боли, резанувшей внутри, пожалел, что сейчас к алтарю подойдет совершенно не тот жених! Всеблагая, ну почему синьорина отказалась избавиться от последствий своей ошибки?! Ведь она же любит другого!

Лучано заставил себя вдохнуть поглубже, чтобы отвлечься от желания вытащить из прически шпильку, зажать ее между пальцами, оставив снаружи самый кончик, и немного погодя в толпе оказаться рядом с грандсиньором Бастельеро. Всего один укол - никто его не заметит! Интересно, в Дорвенанте принято носить по жениху долгий траур?..

- Поздравляю, милорд, — кивнул некроманту Альс, а ее гадючье величество протянула руку, и на смуглом запястье колко и остро сверкнул восхитительный бриллиантовый браслет из ажурных звезд, сплетенных лучами.

Точно такие же бриллиантовые звезды, к слову, украшали ожерелье, серьги и диадему королевы, идеально подчеркивая ее совершенную красоту. «Звезды Арлезы», — вспомнил Лучано услышанный

при дворе разговор. - Свадебный подарок Альса, достойный даже Риккарди. А вот синьорине этот гарнитур не пошел бы, слишком холодный...»

Некромант склонился и поцеловал королеву руку, едва не коснувшись украшения губами, затем выпрямился и... посмотрел на Беатрис Риккарди совершенно как на пустое место. Лучано содрогнулся - его окатило знобким страхом, словно ледяной водой. Ну разве можно так?! Благие Семеро и Баргот, какой идиотто! Однако Беатрис продолжала улыбаться даже тогда, когда Бастельеро отошел к другим гостям, а потом встал у алтаря. Задумчиво улыбаться, нежно... И Лучано стало еще страшнее. Солнечный и наконец-то теплый день показался пасмурно-серым, словно свет перестал проникать в храм через восхитительно яркие леденцовые витражи, а негромкий гул толпы отхлынул, словно морской прибой, и вернулся лишь через несколько мгновений.

Передернувшись, он оглядел других гостей. Храм был заполнен разряженными аристократами, их супругами и наследниками. Лучано издали увидел возвышающегося над спутниками синьора Ладецки и рядом с ним синьора Бреннана, а затем всех троих Аранвенов, удивительно похожих между собой - высоких, утонченно-стройных, затянутых в белое. Только у юного грандсиньора Дарры волосы отливали золотом, а у его почтенных родителей сияли чистейшим серебром.

Сазерленд и Дортмундер, Эддерли и Логенброу... Девериан и Райнгартен... Мэрли, Логрейн, Аттенлад...

Лучано повторял про себя вычурные дорвенантские имена как компоненты сложного зелья. Лионель Саграсс оказался бесценным приобретением! Это он подсказал, что можно попросту взять в королевской библиотеке геральдическую книгу с перечнем всех фамилий, входящих в Три Дюжины, и их родовых отличий. Ну а на память Лучано никогда не жаловался. Конечно, одного перечня мало, нужно еще знать, кто каким родством связан с остальными, кто чей друг и враг... Но это дело наживное, хотя и небыстрое.

А еще бывший гуардо знал немало интересного об Ордене и охотно отвечал на вопросы, искренне стараясь быть полезным. Никаких действительно грязных сплетен, увы, потому что Саграсс оказался отвратительно порядочным человеком, но даже из его осторожных обмолвок можно было многое выудить. Будь это чья-то другая свадьба, не синьорины, Лучано сейчас превратился бы в сплошные глаза и уши, впитывая все, что происходит рядом: каждый жест, каждое слово и взгляд. Но мысли безнадежно сбивались на Айлин, какой он ее увидел в тот последний раз. Какое супружеское счастье?! На плаху иной раз идет веселее.

Удар колокола раскатился по залу так громко, что Лучано поморщился. И тут же нехотя улыбнулся - синьор Собака отлично развлекал почтенную публику своим роскошным появлением. Даже самые сдержанные синьоры, надутые от сознания собственной важности, расплылись в улыбках и смешках. Он посторонился, давая псу место, чтобы сесть, и восторженно, немного подавшись к проходу.

Айлин!

Рядом изумленно выдохнул Альс. И Лучано его еще как понимал. Их синьорина плыла по проходу между гостями нежнейшей белой лилией, раскрывшейся венчиком вниз, а ее лицо... Никакие драгоценности, сверкающие на шее и в волосах, не могли скрыть бледности Айлин. Что проку в изумительных серьгах, если глаза, цвет которых они должны подчеркивать, не горят любовью и счастьем?! И все-таки синьорина была дивно хороша.

- Это Айлин? - пробормотал Аластор. - Точно она? Как?.. Она же... совсем не такая...

Лучано покосился на него - и едва не рассмеялся сквозь подступившую к самому горлу горечь. Альс, похоже, никогда не видел свою подругу в облике благородной девицы?!

Раньше, насколько он понял, они встречались украдкой, и Айлин была еще ребенком, а потом носила при Альсе либо мужскую дорожную одежду, либо мантию адептки. А в тот единственный раз, когда она предстала перед ними в озере вообще без одежды, этот благороднейший из благородных синьоров сам не воспользовался случаем. Неудивительно, что он теперь смотрит на синьорину как на прекрасную незнакомку - с таким восторгом, что на лицо Беатрис набежала тень.

А прекрасная белая лилия, увенчанная короной медно-рыжих волос, пронизанных золотом солнечного света, приближалась, и Альс тихо произнес, будто завороченный:

- Она похожа на Весну...

«О да, — с безмолвным отчаянием согласился Лучано. - Именно на Весну, ты прав, друг мой. Только не ту, что стоит на площади Верокки, счастливую, радостную и свободную. В этой Весне нет тепла, разве ты не видишь? Солнце, что льется сверху, ее не согревает и не отражается в ней, как раньше, когда Айлин сияла ему навстречу собственным светом. Теперь это ваша северная Весна, бело-

голубая, знобкая. Глубоко спрятанная подо льдом, что покрыл ее сверкающим панцирем. Интересно, в Дорвенанте знают сказку о принцессе, уснувшей мертвым сном и скрытой в хрустальном гробу?.. Всеблагая, как же Айлин восхитительна в этом платье, будто сотканном из инея! И как от этого страшно...»

Вокруг слышались восхищенные перешептывания, Альс во все глаза разглядывал невесту, даже рот чуть приоткрыл, и Лучано ничуть не удивился, когда едва расслышал тихое шипенье:

- Значит, простушка, да, мас-с-стер?.. Свежий полевой цветочек, не больше?..

Прежде чем ответить, Лучано сглотнул вдруг ставшую вязкой слюну и тихо отозвался, не отводя взгляда от Айлин:

- Разве бывают некрасивые невесты, ваше величество? И какую девушку не сделают красавицей такие драгоценности?

Беатрис ничего не ответила, но спустя несколько мгновений, когда Альс отвел взгляд от синьорины и посмотрел на жену, ее гадючие величество улыбалась беззаботно и снисходительно, а потом уронила:

- Какая милая девочка! Лорду Бастельеро чрезвычайно повезло, не так ли, мой дорогой супруг? Надеюсь, она станет часто бывать при дворе.

- Не уверен, — с явным сожалением отозвался Альс, влетая в ловушку с размаху, так что Лучано мысленно простонал: «Идиотто!» - Леди Айлин никогда не выражала желания становиться придворной дамой. К тому же ей нужно закончить обучение.

- Ах да, обучение... - протянула королева, и Лучано выдохнул.

По крайней мере, Альс отказался от мысли непременно и немедленно сделать подругу придворной дамой!

А возле алтаря уже шло венчание, и когда две свечи перед статуями Всеблагой и Претемной вспыхнули с опозданием, по храму снова прокатился шепоток, на этот раз тихий и осторожный.

Лучано с трудом отвел взгляд от спин новобрачных и покосился вправо, куда прошла синьора Арментрот. Черное вдовье платье... а рядом - белая мантия! Он мысленно застонал от нового приступа тоски, безжалостно сжимающей сердце. Грандсиньор Дункан пришел на эту свадьбу! Ну зачем? Зачем так рвать душу себе и ей?! Неужели надеялся, что в последний миг прямо у алтаря она скажет: «Нет?» Ох, вряд ли. Для этого он должен слишком хорошо знать свою несбывшуюся любовь. Тогда почему?

Вот в чем Лучано был свято уверен, так это в том, что на условности этикета разумнику плевать, и от приглашения своего начальника-Архимага он бы легко увернулся. Значит... значит, он здесь ради синьорины. То ли все-таки на что-то надеется, то ли, напротив, хочет вырезать эту любовь из сердца с полной безжалостностью, а в этом деле нет скальпеля лучше, чем увидеть, как твои надежды летят к Барготу с каждой вспыхнувшей на алтаре свечой.

«Как же больно за обоих, — подумал он с глухим отчаянием. - Только идиотто вроде меня мог влюбиться так безнадежно, бессмысленно и непристойно глупо! Разделить душу натрое между чужой женой, что будет наверняка несчастлива в браке, но верна супругу, и двумя мужчинами, которые никогда не ответят мне даже мимолетной страстью. Какой же я идиотто... Только бы они не узнали... Всеблагая, да будь они счастливы сами по себе, без меня, я бы смирился с тем, что им не нужен! Но как смотреть на это и не мучиться вместе с ними?»

Горечь наконец-то переполнила его полностью и прорвалась вымученным смешком, который Лучано постарался скрыть. И вправду идиотто! Ему, может, жить осталось всего ничего, а он продолжает думать о всяких глупостях! Нужно, наконец, отправить мастеру Ларци донесение, нужно выполнить обещание и создать Альсу маленькую тайную службу в дополнение к той, которой управляет грандсиньор канцлер. Нужно... да мало ли работы?! Вот и прекращай маяться самоубийственной дурью, Фортунато. Работай, мастер Шип!

Он глубоко вдохнул и выбросил из головы все, кроме самых необходимых вещей: кто и как смотрит на Альса и что при этом говорит. Многочисленные шепотки, обрывки бесед и обмолвки - все это послушно снова приблизилось, подчиняясь тренированному слуху Шипа. Но тут жрец провозгласил последние слова венчального обряда, и жених с невестой уже вместе пошли из храма, а за ними потянулись гости, почтительно пропустив первой королевскую чету.

Лучано же немного задержался, пристроившись в хвост процессии и провожая взглядом Дункана, который взял под руку тетюшку Айлин. Блондинка в черном и жгучий брюнет в белом, они составили изумительную пару, почти как ранее грандсиньор Дункан с юным грандсиньором

Даррой, только теперь это были не наставник с учеником, а просто удивительно красивые мужчина и женщина.

Выведя свою спутницу из храма, разумник посадил ее в карету без герба на дверцах, и туда же села синьорина Иоланда. Для мужчин в карете места уже не осталось, и Дункан приготовился вскочить в седло своего роскошного черного жеребца, но тут к нему подошел месьор д'Альбрэ, причем с таким странным выражением лица, что Лучано весь превратился в сплошные уши, делая вид, что поправляет упряжь Донны.

- Дорогой друг, - услышал он голос фраганца, непривычно взволнованный и как будто просительный. - Ради Благих, не сочтите, что я непозволительно дерзок... Прошу, представьте меня вашей даме! О, поверьте, я всего лишь хотел бы выказать ей свое почтение...

- Госпожа Арментрот не моя дама, Жозеф, - откликнулся грансиньор Дункан, и Лучано явственно расслышал в его словах теплую грустную нежность. - Она - мой давний бесценный друг. Разумеется, я представляю вас, но прошу - будьте осторожны. Не прошло и месяца, как Элоиза потеряла мужа, которого искренне любила.

- О... - вздохнул месьор восхищенно и разочарованно разом. - Несомненно, этой достойной даме нужно время, чтобы оплакать супруга! Но если вас не связывают... иные узы, помимо дружеских, значит, вы не будете против, если после глубокого траура...

- Итлийская поэзия, — прервал его разумник, еще больше понизив голос. - Аромат розового жасмина. Фраганское белое вино. И острая беседа.

- О! - Месьор д'Альбрэ словно захлебнулся вдохом, и нельзя сказать, чтобы Лучано его не понимал! - Как я могу отблагодарить вас, дорогой друг?

- Сделайте Элоизу счастливой, — улыбнулся грандсиньор Дункан, однако вышло это по-прежнему невесело.

А Лучано заметил, что к этой беседе прислушивается еще один человек. Грандсиньор Кастельмаро, боевой маг и лихой гуардо, который совсем недавно беседовал с фраганцем весьма дружелюбно, а теперь смотрит на него с изумленным разочарованием, почти отчаянно. Потом боевик поспешно отвел взгляд от мужчин и посмотрел вслед отъезжающей карете. Лучано только снова вздохнул про себя. Ну что за день такой неудачный?! Еще несколько минут назад эти двое прекрасно ладили между собой, как умеют ладить бывшие достойные враги, которым судьба позволила оказаться на одной стороне. Но теперь между ними, похоже, встала женщина?!

«В Итлии я бы ждал заказа, — подумал он. - Даже двух заказов! Но это не те люди, чтобы натравить на соперника Шипа. Они скорее обнажат шпаги сами, и как бы в результате прекрасная синьора Элоиза не осталась вовсе без надежды на новое счастье».

- Синьор Кастельмаро! - обратился он к боевику, и тот вздрогнул. - Простите, у меня к вам дело! Видите ли, так получилось... — Он погладил шею Донны и виновато улыбнулся. - Я совершенно случайно узнал, что моя лошадь... кажется, раньше она была вашей. - Поймал удивленный взгляд Кастельмаро и зачастил, старательно отвлекая того от лишних мыслей: - О, мне в самом деле ужасно жаль, благородный синьор! Видите ли, месяц с лишним назад, покидая Дорвенну, чтобы догнать его величество, я искал верховую лошадь, и пара проходимцев...

Сплетая словесные кружева, он видел, как боевик понимающе кивает, но думает все равно о другом.

- Не согласитесь ли вы оставить мне Донну? - умоляюще попросил он. - Куплю ее за вашу цену или обменяю на другую лошадь по вашему выбору! Я к ней так привык... А стоимость второй возьму, разумеется!

- Присоединяюсь к этой просьбе, — сказал Альс, которому как раз подвели его гнедого жеребца. - Ради Всеблагой, милорд Кастельмаро, уступите Фареллу эту кобылу. Он не слишком хороший наездник, увы, а Донна - умная спокойная лошадь.

- Да-да, ваше величество, — пробормотал боевик. - У меня все лошади прекрасно выезжены...

- То есть как у вас? - ревниво возмущился Аластор. - Донна - кобыла Вальдеронов! Это у нас они были прекрасно выезжены, а вы их всего лишь не испортили. - И тут же сменил шутиливый гнев на милость. - Хотя, должен признать, это уже само по себе редкость. Ну так что, продадите эту гнедую девочку Фареллу?

- Продать? - Кастельмаро наконец осознал, о чем идет речь, и пожал плечами. - Ради Всеблагой, милорд Фарелл, примите ее от меня в подарок! Это меньшее, что я могу сделать из уважения к вашему подвигу. Право, я когда-то послал немало проклятий мерзавцам, которые свели у меня

лошадей и тем задержали в пути, но... Сейчас вижу, что Благие мудры и все обернулось к лучшему. Хотя если бы я мог тогда сопровождать вас! - добавил он с искренней тоской.

«Полагаю, сейчас я не звал бы Альса - Альсом, — усмехнулся про себя Лучано. - Будь у нас настоящий отряд, а не безобразие из одного дворянина, одной магессы и одного наемника, меня бы и близко никто не подпустил ни к наследнику престола, ни к благородной синьорине. В лучшем случае, взяли бы слугой, как я и рассчитывал. Позволили бы готовить для синьоров да мыть за ними котелки - и какая тогда дружба? А я... я тогда улучил бы момент и подобрался к синьорине, чтобы выполнить приказ королевы. Пусть даже после ее возвращения от Баргота - какая разница? И ничего... ничего в моей жизни не изменилось бы! Просто Шип Фортунато исполнил бы еще один заказ. Благие Семеро, от каких мелочей порой зависит жизнь! Если бы для меня украли других лошадей, грандсиньор Кастельмаро мог бы догнать Альса раньше, возле самого города, и кто знает, как обернулось бы дело?!»

- Увы, грандсиньор! - улыбнулся он. - Нам бы очень пригодилась тогда ваша помощь, но... Ах да, ваши вещи я верну, разумеется!

- Вещи? - рассеянно переспросил Кастельмаро и вдруг просветлел лицом. - Фляжка! Моя любимая фляжка, она ведь была в сумке, верно? Не трудитесь отдавать остальное, милорд, право, это пустяки! Но сделайте милость, пришлите мне фляжку с гербом. Это память об отце. Притом я буду гордиться, что она побывала в этом славном походе и служила его героям! Передам ее наследнику!

- С радостью, грандсиньор, — поклонился Лучано, приложив руку к груди, а боевик снова посмотрел вслед давно скрывшейся карете.

.. «Великий Безликий! - ошеломленно подумал Лучано, примерно часом позже разглядывая палатку Бастельеро. - У кого хватило ума так вульгарно украсить этот мрачный дворец? Он будто сошел со страниц книги страшных сказок, но эти ленты, цветы и вензеля... Ужасно!»

Высокая каменная ограда с коваными острыми пиками поверху гостеприимно распахнула тяжелые ворота, и за ними был виден огромный и совершенно черный дом. Присмотревшись, Лучано понял, что стены облицованы плитами черного базальта - невероятно красиво и чудовищно дорого! Темной была и черепица на крыше, и резные карнизы над окнами - черного мрамора с белыми разводами. А сами окна - высокими, узкими и с острым верхом, словно бойницы, а на фасаде под самой крышей - крутое окно, забранное вроде бы разноцветным витражом, но исключительно из стекла черного, синего цвета и различных оттенков лилового.

- Темная Фрагана?! - пораженно пробормотал Лучано, узнав стиль. - Я думал, так уже лет триста не строят!

- Ну так примерно столько этому особняку и есть, — заметил Кастельмаро. - У нас, кстати, родовое гнездо тоже в этой манере, но несколько... повеселее. Камень светло-серый, да и отделка другая. Почти все Три Дюжины строились в то время заново на старых фундаментах, и с тех пор особняки только достраивались и немного переделывались. - Боевик окинул взглядом чудовищные вензеля из лент и цветов над входом и задумчиво предположил: - Ставлю золотой флорин против медяка, что праздничным украшением дома занимался не сам Грегор. Очень нарядно!

- Чрезвычайно, — согласился Лучано и про себя снова содрогнулся.

Никто в здравом уме не украшает склеп как праздничное весеннее дерево! То есть никто в Итлии! А вот синьор Кастельмаро явно ничего особенного не видит в этом варварстве. Напротив, ему нравится, как и остальным гостям! Поразительная страна...

Он отдал повод Донны подбегавшему слуге и с восторгом воззрился на дорожку, ведущую к дому, по обеим сторонам которой уходил вдаль прекрасный и тоже очень строгий парк. Все деревья высажены по линейке, кусты пострижены шарами, узкие клумбы-рабатки выверены по нитке, и цветы на них подобраны с исключительным искусством, но тоже в сине-лиловых тонах. И ни одной лишней травинки, косо торчащей веточки или вольно раскинувшегося куста.

- Бедная синьорина, — пробормотал он по-итлийски. - Здесь же тоскливее, чем на кладбище.

Словно отвечая на его мысли, с высоких вязов в глубине парка поднялось черное облако, потревоженное суматохой.

- Знаменитые вороны Бастельеро! - усмехнулся Кастельмаро, взявший на себя роль проводника. - Слышали о них, ваше величество? Говорят, перед смертью главы рода они куда-то исчезают и возвращаются, лишь когда титул принимает новый глава. Впрочем, такие приметы есть почти у всех старых семей.

- И у вашей, синьор? - поинтересовался Лучано. - О, простите, если это секрет!

- Никакого секрета, — пожал плечами боевик. - У нас дома перед смертью членов семьи воют собаки. Видели наш герб?

Лучано кивнул, вспомнив серебряную борзую на лазоревой эмали той самой фляжки, и уже в который за сегодня раз передернулся от смутной тревоги. Вороны, сделав несколько кругов над особняком и садом, медленно опускались на прежние места, но несколько птиц так и продолжали летать над островерхими башенками палаццо, пока не уселись на украшенные небольшими горгульями карнизы, глядя на людей подозрительно умными блестящими глазами.

- Не люблю падальщиков, - доверительно признался Кастельмаро. - Еще с войны не люблю. Насмотрелся. Так и тянет Молотом запустить, но нельзя - оскорбление чужого герба получится.

Словно услышав и поняв его, один из воронов насмешливо гаркнул сверху, неторопливо снялся и полетел обратно в парк, будто дразня боевика, который с сожалением проводил его взглядом.

- Кажется, вы ему тоже не нравитесь, синьор, — пробормотал Лучано. - Дивное место...

И подумал, что ничуть не удивился бы, узнав, что хозяин палаццо спит в гробу, словно нечисть.

А гости продолжали прибывать. Вот подъехала карета госпожи Элоизы. Боевик встрепенулся и превратился в подобие собственного герба, сделав стойку, будто собака, почуявшая дичь. Но раньше, чем он успел что-то сделать или сказать, рядом с каретой оказался Дункан, который помог тетушке синьорины выйти из нее и повел в дом. Светловолосой пышечке магессе эту услугу оказал фраганец, и Кастельмаро досадливо тронул чуть подкрученный вверх ус. Наверное, понял, что упустил случай оказаться рядом с прекрасной вдовой.

Следующая карета была уже с гербом на дверце - серебряный лебедь Аранвенов на белом щите. Лучано похвалил себя за отменно выученный урок по геральдике и поклонился канцлеру, который величественно выбрался из кареты сам, а потом подал руку грандсиньоре Немайн. Следом из экипажа вышел юный грандсиньор Дарра.

«Не такой уж он и юный, — поправил себя Лучано. - Мой ровесник, пожалуй. И Альсу в будущем придется вести дела именно с ним. У синьоров канцлеров здесь тоже династия не хуже королевской. Удобно, пожалуй... Когда знаешь, что оставишь страну сыну, поневоле постарайся обходиться с ней бережно, как рачительный хозяин. Конечно, если ты умнее прежнего короля».

Дарра одернул чуть приподнявшуюся полу длинного камзола, поправил перчатки... И тут к нему подошел один из юношей, одетых в черно-фиолетовые мантии, которых Лучано еще в храме заметил на стороне невесты.

- Доброго дня, Аранвен. - Юный некромант поклонился сыну канцлера, а потом слегка сконфуженно произнес: - Прошу, примите мою величайшую благодарность! Эта тяжба... Она уже высосала все соки из нашей семьи. Ваше покровительство было неоценимо! Если бы не вы... Я ваш должник!

- О, пустое, Лохланн, - с безукоризненной спокойной учтивостью отозвался младший Аранвен. - Мы же соученики, наш долг - помогать друг другу. Вам следовало раньше обратиться ко мне за помощью, я не отказываю друзьям. А вы вместо этого начали пропускать занятия, чтобы оплатить услуги стряпчего. Это недальновидно.

- Мне было неловко, — признался юноша по имени Лохланн. - Я думал, что пропущу всего несколько дней. Даже лорд Бастельеро ничего не заметил.

- Но я не лорд Бастельеро, — негромко заметил сын канцлера. - И если у вас еще что-нибудь случится, прошу не тянуть с известием об этом. Мой дом всегда открыт для моих братьев-Воронов.

Синьор Лохланн снова поклонился с искренней признательностью на круглом простодушном лице, а Лучано восхитился изяществом происходящего. Синьорина называла этот особый отряд молодых некромантов Воронами Бастельеро по имени их наставника и покровителя. Но юноша получил помощь не от него, а от своего же соученика, который предложил ее без всяких условий и даже не дожидаясь просьбы.

Прекрасное вложение! Теперь синьор Лохланн твердо знает, кому обязан благополучием семьи, а правильно воспитанные мальчики, становясь взрослыми, умеют платить долги. Наверное, соученики синьора Дарры обожают и почитают его не меньше, чем своего наставника, а то и больше. Однажды грандсиньор Бастельеро может обнаружить, что его Вороны - уже совсем не его. И совершенно не важно, что в гербе у Аранвенов лебедь, а одеяния - белого цвета, эта семья найдет применение стайке преданных Воронят.

Проходя вслед за Альсом и остальными в дом, Лучано вспомнил недавнюю беседу с Саграссом. Как он и ожидал, боевик поначалу дичился, прячась за строгий этикет, но, убедившись, что его новый начальник просто пытается освоиться в Дорвенанте, понемногу разговорился и, в свою очередь,

жадно слушал рассказы о походе к Разлому.

- «Огненный ветер», - уверенно опознал он заклятие, примененное синьориной против демонов. - Прекрасная работа для такого возраста! Дстойная дочери лорда Ревенгара. Знаете, я ведь мечтал служить под его началом - отменный был боевик, да и человек отличный. Жаль, что не сложилось...

- А что еще умеют боевики? - поинтересовался Лучано, подливая собеседнику шамьет. - Грандсиньорина Айлин как-то разожгла костер из мокрых дров огненным шаром. И щиты ставила, помнится...

- Ну, огонь и щиты - самые первые заклятия, основные, — пожал плечами боевик. - Это умеют все красные маги, хотя разница в силе имеет значение. Собственно, ставить щиты - это и было моей главной работой при Денвере. Представляете, — усмехнулся он, — я однажды прикрыл его щитом от самого лорда Бастельеро. Знал бы тогда...

- От Бастельеро? - Лучано почуял запах интересной истории. - Они... подрались?

- О нет! Просто встретились на месте преступления и не сразу узнали друг друга! Точнее... - Саграсс помрачнел и признался: - Нехорошая там вышла история, милорд. Двух мальчиков-адептов принесли в жертву, причем цепочкой. Сначала один подставил другого и отдал сектантам, а потом и его самого убрали. Теперь-то я понимаю, что Денвер уже тогда служил Барготу, а значит, был замазан в той истории по уши. Скорее всего, он обоих и убил. Ну, или руководил ритуалом. А лорд Бастельеро как-то выследил второго мальчишку, но опоздал. Совсем на чуть-чуть, но этого хватило, чтобы Денвер подчистил следы и обвинил Бастельеро, что это он привел за собой барготопоклонников. Мол, из-за него убили и мальчишку, и наблюдателей, которые его стерегли. Дескать, вот что бывает, когда в работу мастеров лезет любитель.

- Ну, тут он прав, - задумчиво согласился Лучано. - Ничего хорошего в таких случаях и правда не получается.

Саграсс кивнул и сказал еще задумчивее:

- Там и других странностей полно было. В ритуале обвинили старика-некроманта, Бастельеро его убил, поднял и допросил. Тот признался во всем, и этого хватило, чтобы признать расследование завершенным. Призраки, они ведь не лгут, понимаете? Но если руководил всем Денвер, получается, что старик лгал. Значит, ему еще при жизни кто-то умело заморочил голову, так что он и после смерти считал именно себя главным виновником, а про остальных ничего не знал. Опять же мальчишка этот, последняя жертва...

Он покрутил в пальцах чашку и сказал, пряча в ней взгляд.

- Знаете, милорд, когда у тебя всего один приличный костюм, бережешь его больше, чем собственную кожу. - Поморщился и пояснил, подняв голову и посмотрев Лучано в глаза: - Этот парень жил в труппах, комната у него была хуже, чем каморка истопника в приличном доме. А когда мы его нашли, тело было в мантии адепта. Вот зачем ему вздумалось дома посреди всей этой грязи натягивать форменную мантию? Причем невымытым и на старое заношенное белье, я потом его видел в мертвецкой... Простите, милорд, вряд ли вам это интересно!

- Напротив! — успокоил его Лучано. - Очень интересно, Лионель! А синьору Денверу вы об этом не сказали? Или грандсиньору Бастельеро?

- Денвер мне посоветовал не лезть в то, что не касается моих прямых обязанностей, - снова поморщился боевик. - Сказал, может, парень новую мантию примерял или натянул первое, что под руку попало. И потом, секретарь ведь признался. Призраки не лгут, это всем известно! Только душу парня, чтобы расспросить про его убийцу, сам Бастельеро призвать почему-то не смог, а она едва успела в Сады уйти, если вообще успела. Избранный Претемной Госпожи - и не смог! Ну а лорду Бастельеро я тем более не стал эту историю напоминать. Он, конечно, великий некромант, но это...

- Все равно, что вскрывать шкатулку крепостным тараном? - подсказал Лучано, уже составивший определенное мнение о деликатности и осторожности грандсиньора некроманта.

- Именно, милорд, - Саграсс усмехнулся и посмотрел на него гораздо свободнее, словно еще одна преграда между ними дрогнула и рассыпалась. - Лорд Бастельеро - великий человек. Настолько великий, что не всегда замечает разные мелочи.

«Интересно, заметит ли этот великий человек такую мелочь, как нелюбовь своей жены?» - подумал Лучано, находя взглядом невысокую прямую фигуру в лавандовом камзоле, густо расшитом золотом.

Грандсиньор некромант стоял возле большого стола, уставленного коробками и шкатулками - сюда

складывали подарки, присланные заранее или привезенные гостями. Лучано и сам отправил нарядный ларчик, заполненный кремами, душистым мылом и прочими средствами дамского обихода, а вот Альс свой подарок не доверил никому, решив вручить его невесте лично.

Бастельеро же о чем-то разговаривал с двумя юношами в некромантских мантиях, и Лучано пробился поближе, заинтересовавшись выражением лица юных синьоров, одновременно смущенным, гордым и азартным.

- Портрет моей... жены? - несколько растерянно уточнил грандсиньор и посмотрел на Айлин, которая застыла рядом с ним безмолвной мраморной статуэткой.

- Да, милорд Великий Магистр, — поклонился один из юнцов. - Мы с Оуэном нарисовали два портрета. И будем счастливы, если вы позволите преподнести их вам и нашей... — Он слегка замялся, но тут же вывернулся: - Дорогой соученице и сестре по гильдии.

- Буду чрезвычайно рад, — благосклонно кивнул некромант и снова быстро посмотрел на Айлин, словно не мог отвести от нее взгляда дольше, чем на несколько мгновений. - Я и не знал, что мои ученики так увлечены живописью!

Первый из юношей, серьезный, высокий и худощавый, с длинными русыми волосами, связанными в хвост, сдернул ткань, которой был накрыт большой холст, принесенный слугами. Собравшиеся вокруг одобрителем загомонили, и Лучано едва удержался, чтобы не присвистнуть одобрителем, а потом покосился на Бастельеро. И вот о таких талантах этот... восхитительный синьор не знал? Хорош наставник, не знающий подобного о своих учениках! И неважно, что преподавал он им совсем не живопись. Ты либо учишь кого-то и знаешь о нем больше, чем он сам о себе знает, либо... нет. Лучано взгляделся в картину.

Девять юношей в совершенно одинаковых черно-фиолетовых мантиях смотрели с холста кто серьезно, кто весело, кто застенчиво. Девять юных дворян, за которыми виднелись легко узнаваемые башни Академии и восхитительно прописанное безоблачное небо, в лучших традициях итлийских мастеров поражающее бездонностью и легкой воздушностью. Лучано сразу увидел грандсиньора Дарру и его веселого друга, потом взгляд выхватил самих юных художников и того паренька, что подходил к сыну канцлера с благодарностью... Прекрасное сходство, просто изумительное!

А на переднем плане, окруженная братьями-Воронами, словно принцесса из старинной сказки, с портрета улыбалась совсем юная Айлин! Золотисто-рыжая, веснушчатая, зеленоглазая девочка-Весна, еще не видевшая страшных смертей, горящих демонов и Барготова холма. И даже строгая классическая манера письма лишь подчеркивала жизнь, которой была напоена картина.

- Великий Безликий, — пробормотал рядом Альс. - Вы сами это нарисовали?!

- Да, ваше величество, — с достоинством поклонился юноша, которому, на взгляд Лучано, было всего-то около двадцати. - И сконфуженно пояснил: — Конечно, наброски я делал очень давно... Понимаете, мы хотели подарить эти работы Дарре... То есть младшему лорду Аранвену! Он первым из нас окончит Академию, и это... на память! Но когда узнали, что наша Ревенгар... То есть, простите, леди Айлин! Что она выходит замуж...

- Прекрасная работа, Оуэн, — уронил Бастельеро. - Просто восхитительная.

- Оуэн?... — проговорил Аластор, и юный некромант опять поклонился, а Лучано про себя снова отметил: подарок старшему из соучеников, не наставнику.

- Оуэн, младший лорд Галлахер, — представился он смущенно. - К услугам вашего величества.

- К услугам - это прекрасно! - жизнерадостно заявил Альс. - Лорд Галлахер, что вы скажете о месте при дворе? Я не нашел в перечне должностей придворного живописца, это обязательно следует исправить. Живопись — это важно, это вам не двенадцать... хм...

- Придворный живописец?! - Светло-голубые глаза Галлахера просияли восторгом пополам с испугом. - Ваше величество, но я не справлюсь! Я думал... то есть мы с Кэдоганом думали после окончания Академии уехать во Фрагану! Заниматься в их Академии искусств хотя бы вольнослушателями...

- Ага, а потом вы, чего доброго, решите остаться там? - фыркнул Аластор. - Нет уж, милорд Галлахер, нашим соседям своих живописцев хватит. Учеба - дело нужное, выпишем вам наставника. Хотя, на мой взгляд, вам и учиться-то больше нечему. Посмотрите, милорды и миледи, какое сходство! - обратился он к окружающим. - Беатрис, любовь моя, вы позволите этому юноше нарисовать ваш портрет?

- Охотно, дорогой супруг, — улыбнулась королева. - Но только если вы тоже согласитесь ему

позировать. Согласны, мой юный маэстро? - Она уделила Галлахеру несколько мгновений улыбки, с которой смотрела на Альса, и молоденький некромант побледнел, потом залился краской, а потом отчаянно взмолился:

- Ваше величество! И... ваше величество!

Он прижал к сердцу руку на южный манер, и Лучано даже умилился. Вот сейчас мальчик, разумеется, заверит, что не мечтал о большем счастье... И его вполне можно понять. Одним махом из учеников взлететь в придворные живописцы! Все равно что рядовому Шипу стать грандмастером! Может, и бывает, но только в сказках.

- Ваше величество, — отчаянно повторил юнец. - Прежде, чем предлагать мне такую милость... Прошу, взгляните на работу Кэдогана! Клянусь Безликим, он пишет не хуже!

Лучано изумленно замер и медленно выдохнул, разглядывая мальчишку, как невероятную редкость, полнейшую невидаль. Уступить такую возможность сопернику?! Да что там уступить - предложить самому! Толпа вокруг разом притихла, то ли разделяя его чувства, то ли удивляясь подобной глупости. «Идиотто! - подумал Лучано с восхищенным умилением. - Ах, какой чудесный идиотто!»

- Кэдоган? - обернулся Аластор ко второму юноше, круглолицему, рыжеватому и веснушчатому.

- Оуэн, младший лорд Кэдоган, — уронил Бастельеро. - Ну же, мальчик мой, а вы нас чем удивите?

Второй юнец, стоящий рядом со своим холстом, закусил губу и отчаянно дернул с картины легкую ткань. С вызовом глянул на короля, королеву и, почему-то, на грандсиньора Бастельеро, а потом посмотрел на Айлин и виновато опустил взгляд.

А вокруг в этот раз не слышалось ни одного слова - все разглядывали картину. У Лучано перехватило дыхание. Пожалуй... парадные портреты не то, что следует заказывать этому маэстрино, но...

На этой картине было всего трое. Никаких благородных темных тонов, строгих очертаний и классической манеры! С нее рвалась и хлестала сама жизнь! Посреди сумасшедшей зелени пышного сада на крошечной полянке стояли качели, с которых заливалась смехом рыжеволосая девчонка все в той же длинной черно-фиолетовой мантии, отороченной узким красным шнурком. Только мантия у нее слегка задралась от ветра, открывая босые ноги, одну - до середины тонкой изящной лодыжки, вторую - почти по колено! У Лучано пересохло во рту...

Белая светящаяся кожа, оттененная черным шелком, безупречные очертания фигурки и замшевые туфельки... Великий Безликий, туфельки! Одна валяется перед качелями, слетев с ноги, а вторая еще держится на самых кончиках нежных пальчиков, но видно, что еще миг - и улетит вслед за первой. И девчонка это понимает, но не в силах сдержать смех, а по обе стороны от нее веревки качелей держат двое юношей - грандсиньоры Дарра и Саймон.

У сына магистра некромантии улыбка во все лицо, такая же яркая и беззаботная, как у Айлин, а грандсиньор Дарра безупречен, как всегда, ни один волосок не выбился из прически, узкие белоснежные манжеты едва заметны из-под черных рукавов, но... уголки губ приподняты в улыбке. Улыбке, которую, - Лучано бы поклялся! - на этом лице увидеть сложнее, чем единорога на городской площади!

- Босиком... — прошептал кто-то позади. - Какая непристойность...

Аластор рывком обернулся туда, гневно раздувая ноздри, но тут в испуганно замершей тишине раздался бархатный голос Беатрис:

- Какая прелесть! Дорогой мой супруг, полагаю, нам необходимы два портрета. Один - для вашей семейной галереи, а второй - для малой гостиной. И я лично закажу этим милым юным маэстро портреты моих девочек в разной манере.

Выдохнув, Альс коротко кивнул, и общество облегченно зашумело, восхищаясь талантом обоих художников. А Лучано с трудом оторвал взгляд от картины с качелями и посмотрел на Бастельеро. Какие у грандсиньора были глаза... Словно он не понимал, чего ему хочется больше, упасть перед этим портретом на колени или швырнуть его в огонь!

- Так... Но я уже пообещал место придворного живописца вашему другу... - с трудом расслышал Лучано растерянный голос Аластора. - Что же мне теперь делать-то?

- Полагаю, отдать его Галлахеру, ваше величество, - отозвался смешной круглолицый мальчишка-художник, забавно задирая упрямый подбородок. И добавил среди негромкого почтительного шума: - Честное слово, ваше величество, парадные портреты у него получаются куда лучше, чем у меня, сами видите!

А потом улыбнулся так смущенно и с такой тайной гордостью, что Лучано понял: идиотто здесь он сам, а не эти двое. И что так, наверное, ведут себя настоящие друзья. Те самые, которых у него никогда не было, пока не появились сумасшедшие бастардо и магесса.

- Значит, так и решим, - уверенно кивнул Аластор. - Жалую Оуэну Галлахеру должность придворного художника. А вам... вы тоже Оуэн? А Оуэну Кэдогану - должность личного королевского художника!

Вокруг зашумели, превознося мудрость его величества, королева благосклонно улыбалась, а Лучано вздохнул. Вот после такого побратимы иной раз превращались в смертельных врагов, ненавидя соперника за королевскую милость и славу лучшего. Но... вдруг в этой безумной стране получится наоборот?! И два Оуэна останутся друзьями?

Он покосился на Айлин и увидел, что она тихо и нежно улыбается, глядя на обе картины, а в уголках глаз блестят слезы, словно растаявшие льдинки.

- Ваши величества, милорды и миледи! - церемонно провозгласил грандсиньор Бастельеро, беря Айлин под руку. - Прошу к столу, а потом нас ждет бал!

Яркая масса людей, шелестящая нарядными платьями и камзолами, сверкающая драгоценностями и благоухающая духами так, что у Лучано давно отшибло обоняние, чему он даже обрадовался, сдвинулась с места и поплыла в обеденный зал. Следуя за остальными, он расслышал, как грандсиньор Дарра негромко уронил:

- Чудесная работа, милорды. Но я надеюсь...

- Конечно, — заверил его один из юных маэстро. - Не сомневайтесь, Аранвен, ваша копия будет скоро готова и ничуть не хуже!

- Через пару недель, - добавил второй. - Хотите, я сделаю картину немного скромнее? Ну... вы же понимаете...

- Нет, - уронил сын канцлера так же бесстрастно. - Не нужно ничего менять, Кэдоган, я хочу точную копию именно этого полотна. На память.

...Обеденный зал палатцо оказался совсем иным, чем тот, в котором проходил свадебный пир Альса. Здесь по стенам тоже было развешено оружие, но не топоры с мечами, а рапиры тонкой работы. Лучано оценил панели из мореного дуба, не лакированного, а полированного до безупречной бархатистости и кое-где покрытого резьбой. В простенках узких высоких окон висели недурные пейзажи и несколько портретов очень старой работы: с потемневших от времени холстов смотрели надменные синьоры, чернокудрые, синеглазые и бледные, одетые по давно забытой моде. Изящные пальцы их красивых рук были унизаны драгоценными кольцами, в ушах дам сверкали рубины, сапфиры и жемчуг, на узких губах - ни тени улыбки.

- Милорд Бастельеро? - услышал он уже знакомый голос. - Простите, что осмеливаюсь потревожить... Я видел пейзаж вашей работы в доме моего кузена. Ивы над рекой - чудесная работа!

Лучано покосился в ту сторону и обнаружил, что новый придворный художник сияющими глазами смотрит на пожилого синьора, в котором так же явно видна кровь Бастельеро, как в любом из кавалеров на портретах. Те же фамильные глаза и черты лица... Только этот синьор гораздо выше грандсиньора некроманта и крупнее. Пожалуй, телосложением он напоминал почтенного батюшку Альса, такие же широкие плечи, благородная осанка и приятная здоровая плотность.

- Весьма польщен, — улыбнулся немолодой синьор, черноволосый, как все Бастельеро, но с серебристой проседью в крупных кудрях. - И очень рад, что на небе дорвенантской живописи загорелись две такие яркие звезды.

- Благодарю, милорд! - вспыхнул маэстрино, почтительно склонив голову. - Но в изображении натуры мне до вас далеко. Как у вас получается так передавать воздух?

- О, все дело в перспективе! - благодушно отозвался синьор и повел молодого некроманта к столу, по пути рассказывая ему что-то о тонкостях ремесла.

- Милорд Кастельмаро? - обратился Лучано к оказавшемуся поблизости боевику. - А этот благородный синьор... он тоже Бастельеро?

Гуардо присмотрелся к обоим художникам и удивленно хмыкнул:

- Ну надо же, лорд Аларик покинул свое затворничество. Впрочем, свадьба единственного сына - достойный повод. Да, это отец лорда Грегора.

- Его отец жив? - удивился Лучано. - Но я думал, что грандсиньор - глава рода.

- Так и есть, — кивнул Кастельмаро. - Старый Стефан, дед Грегора, за что-то разгневался на сына и передал титул главы рода внуку, в котором души не чаял. А сыну повелел жить в поместье. Впрочем, говорят, что Аларик не слишком был против. Он очень тяжело перенес смерть жены - она погибла из-за случайного выброса магии в лаборатории Бастельеро. Остался вдовцом, заперся в поместье по воле отца и полностью посвятил себя хозяйственным делам и живописи. Иногда присылает старым друзьям картины. Говорят, очень приличные, но я не знаток. Не понимаю Стефана... Впрочем, чужие семейные дела темнее глубокого омута. Грегор про отца ни слова никогда не говорил, а вот на деда молился почти как на Претемную Госпожу. Надеюсь, теперь Бастельеро хоть немного разрастутся, а то от всего рода остались только Аларик с Грегором да младшая ветвь - Люциус Бастельеро, кузен Грегора. Во-он он, видите! - указал гуардо на высокого синьора, который как раз подходил к новобрачным слегка прихрамывающей походкой. И доверительно пояснил, понизив голос: - Мерзавец редкостный. Никогда с ним не играйте, Фарелл, у него в колоде пять тузов и все козырные.

- Благодарю за предупреждение, грандсиньор, — улыбнулся Лучано, наблюдая, как упомянутый кузен целует руку Айлин и отходит.

Ему показалось, что любезная улыбка младшего синьора Бастельеро на мгновение превратилась в злую гримасу, но тут же снова обернулась учтивой маской.

- Теперь у Грегора есть все шансы продолжить род, - заметил Кастельмаро. - А у Люциуса рухнули надежды пожить после смерти кузена. Маги, конечно, живут подольше профанов, но свое состояние он давно просадил, теперь проедает содержание от рода и приданое жены, а у него сын и две дочери, которых нужно выдать замуж. Люциус наверняка рассчитывал, что кузен так и останется бездетным холостяком... Простите, Фарелл, я вас покину!

Он отошел, махнув кому-то в толпе рукой, а Лучано хорошо запомнил красивое лицо синьора Люциуса. Бедность, алчность и надежда на смерть богатого родственника - плохое сочетание. Особенно, если этот родственник взял - и женился! Если синьор Люциус решит отправить в Претемные Сады кузена - это дело благое! Лучано ему бы с радостью в этом поспособствовал.

Конечно, когда избавится от проклятия! Но зачастую, если за дело берется дилетанто, страдают люди вокруг заказа. А рядом с Бастельеро теперь Айлин.

Лучано отвел от нее взгляд, и ему снова стало больно, словно кто-то всадил в него нож и провернул в ране. На синьорину смотрел грандсиньор Дункан. Держа под руку синьору Элоизу, он немного склонился к ней, что-то говоря, но глядел при этом только на Айлин, и столько в этом взгляде было бессильной ярости, нежности и тоски, что Лучано захлебнулся чужими чувствами, как в тот день, когда магистр пустил его в свой разум.

Айлин, словно почувствовав этот взгляд, обернулась и ответила магистру своим, быстрым и таким же горько-тоскливым, а потом поспешно отвела глаза.

«Безумцы! - выдохнул про себя Лучано. - Как они смогут жить в одном городе и никогда себя не выдать?! Слава Всеблагой, что счастливый влюбленный муж, словно токующий тетерев, ничего не замечает, но если это увидит кто-то еще, если расскажет Бастельеро, если... Безумцы! Нельзя вечно скрывать кипящий металл запретной страсти, рано или поздно он прожжет мрамор любого самообладания».

***

Ладонь Айлин пойманной птицей замерла в его руке, и Грегор сжал ее чуть сильнее, одинаково боясь и выпустить, и сжать слишком сильно. Как же прекрасна его невеста! Нет, теперь уже его жена! Какое нежное слово... Его драгоценная леди и любовь!

А праздник шел своим чередом, и все было безупречно, именно как он и хотел. Только вот Кэдоган со своим портретом едва все не испортил. Нет бы нарисовать что-то приличное, как Галлахер! А глядя на картину с качелями, Грегор словно летел в пропасть, и сердце сладко замирало, но стоило подумать, что кто-то еще увидит его Айлин такой...

«Повешу в своем домашнем кабинете, — подумал он. - Все равно там никто, кроме меня, не бывает. А вот работу Галлахера можно и в галерее Бастельеро выставить, в той части, где не семейные портреты, а просто коллекция картин.» Он снова тихонько пожал пальчики Айлин, подводя ее к месту новобрачной, и с радостью увидел едва заметную улыбку на бледных губках жены. Как же восхитительно она себя держит! С каким великолепным достоинством! Даже на возмутительную выходку Кэдогана бровью не повела, хотя любая женщина почувствовала бы себя оскорбленной. Да, детские забавы в Академии бывают излишне вольными, но все, что там происходит, в стенах Ордена и должно оставаться!

Он опустился рядом с Айлин на свое место во главе стола и постарался незаметно оглядеться. Как и положено на свадьбе, новобрачных усадили посередине небольшого стола, предназначенного для членов семьи и самых почетных гостей. По правую руку от Грегора сел старый лорд Мэрли на правах его старейшего родственника, за ним - лорд Аларик и Люциус со своей женой.

Кузен, как и ожидалось, был исключительно тих и благонравен, подошел с поздравлениями и вообще вел себя с исключительной любезностью. Разумеется, Грегор поставил бы фамильный склеп Бастельеро против общей ямы на кладбище для бедноты, что Люциус не забудет обиду, но... кого волнует, что там думает этот мерзавец, пока ведет себя прилично?

Из кровных родственников Айлин на свадьбе оказались только ее тетка по матери и молодой Ревенгар, но он больше не считался братом невесты, следовательно, лорда Артура усадили с остальными гостями. А место рядом с Айлин заняла королевская чета и уже за ними последней села вдова Арментрот.

Конечно, обычай позволял пригласить остальных дочерей Морхальта, приходившихся Айлин близкой родней, они-то к Ревенгарам не имели никакого отношения, но... если его невеста не пожелала видеть драгоценных тетушек и кузенов с кузинами на собственной свадьбе, значит, они этого не заслужили. В конце концов, при всех недостатках вдовы Арментрот, лишь она после смерти Дориана побеспокоилась о племяннице, да и сейчас при подготовке к свадьбе повела себя наилучшим образом.

На общем столе лакеи разнесли первую перемену блюд и наполнили бокалы. Грегор окинул взглядом длинный зал, убеждаясь, что все в полном порядке. Как и положено, на самых почетных местах сидели старшие лорды и леди Трех Дюжин, начиная с Аранвенов, и магистры Ордена с супругами, дальше - молодежь и менее знатные гости.

Грегор нашел взглядом подругу Айлин, за которой любезно ухаживал фраганский наставник короля, и сидящего рядом с ними итлийца. Дальний конец стола занимали пятеро вольфгардцев и Вороны, слегка робеющие в таком блестящем обществе. Шестой северянин из уважения к его статусу посла сидел среди Трех Дюжин, между Эдвином Кастельмаро и престарелой вдовой Логенброу, на которую почему-то косился с изрядной опаской.

Ударил гонг, и церемониймейстер провозгласил:

- Лорд Бастельеро пьет здоровье леди Бастельеро!

Грегор поднялся, вдруг совершенно по-детски испугавшись уронить бокал, или раздавить его в руке, или поперхнуться - в общем, хоть как-то опозориться.

Зал притих, и Грегор под направленными на него десятками взглядов не нашел ничего лучше, как выдавить пересохшим от волнения горлом:

- За самую прекрасную леди на свете...

Поднес бокал к губам и жадно глотнул. Гости выпили, по залу прокатился шум одобрительных возгласов, и стало немного легче. Опустившись на массивный стул с высокой резной спинкой, Грегор как во сне принялся ухаживать за Айлин, но она почти ничего не ела, только отпила положенный этикетом глоток вина и едва притронулась к тушеной оленине.

- Осталось совсем немного, дорогая, — склонился к ней Грегор, с жалостью понимая, что бедная девочка наверняка уже устала.

Пышное тяжелое платье, драгоценности, а главное - необходимость выдерживать бесчисленные и бесконечные взгляды, обсуждения и шепотки за спиной. И со всеми держаться любезно, всем улыбаться... А ведь она даже при дворе не была!

- Да, милорд, - ровно отозвалась Айлин и произнесла, словно повторяла выученный урок: - Мой ответ вам, потом первая перемена бала. Обязательные два танца - с почетными гостями и жениха с невестой. Потом бокал за здоровье гостей и...

Она запнулась и опустила взгляд, а Грегору захотелось прямо сейчас разогнать всех, кто не дает им с Айлин уединиться. Уберечь ее от любых переживаний и усталости!

И тут гонг ударил второй раз.

- Леди Бастельеро пьет здоровье лорда Бастельеро! - провозгласил церемониймейстер.

Айлин поднялась, шурша платьем и сжимая бокал так, что у нее даже пальцы побелели. Грегор вдруг испугался, что стекло не выдержит - у боевиков крепкая хватка, даже у девиц! Страшно подумать, что она может порезать пальцы!

- За моего супруга, — негромко и чисто прозвучал ее голос, и Айлин сделала из бокала второй глоток.

Опустилась на свое место, идеально прямая, безупречно утонченная - его отважная девочка!

По залу во второй раз прокатился вал одобрительных разговоров. Гости выпивали, стучали приборами, звенели бокалами, разговоры становились все громче. Снова ударил гонг, безошибочно выбрав момент, когда следовало перейти в бальную залу. Грегор поднялся первым, предложил руку Айлин, и тут с места вскочил вольфгардский посол!

- Позволь молвить, славный ярл! - рявкнул он на весь зал, и Грегор мысленно застонал.

Ну что еще?! Сначала умертвив, потом чудом не случившийся скандал с Кэдоганом, теперь-то что?

- Да, милорд посол? - улыбнулся он, подозревая, что улыбка больше напоминает оскал, но северянина такими тонкостями было не смутить.

Гости заинтересованно притихли, а вольфгардец обвел всех торжествующим взглядом и остановил его на Айлин. Грегору немедленно захотелось поставить щит между своей женой и этим дикарем, но он сдержался.

- Благодарю славного ярла и прекрасную ярлини за приглашение! - громогласно заявил северянин.
- Пусть Волчица пошлет этому дому добра, а новой семье - много детей с хорошей судьбой! Славы, удачи, веселой смерти!

- Хой! - проорали с конца стола пятеро северян.

Нет, почему-то трое. Еще двое куда-то делись, но Грегору, держащему на лице застывшую любезную улыбку, было не до них. Да хоть бы все вольфгардцы, начиная с посла, прямо сейчас провалились сквозь пол, прямо в знаменитые подвалы Бастельеро!

- Прости, ярл, — развел северянин огромными лапищами, — но у нас не принято свадебные дары на стол складывать! Дар должен от сердца к сердцу через руки идти. Уж позволь, мы по-своему поступим. Коль прекрасная дева-ярлини пригласила нас на свадьбу, ее и одарим. Сигурд, неси, волчий сын, чего ты там телишься?!

Грегор глубоко вдохнул и выдохнул, смирясь с происходящим и напоминая себе, что это всего лишь северные обычаи, а так вольфгардцы ведут себя вполне уважительно. Для дикарей! И подумать только, что у него с этими полумедведями общие предки. Очень далекие общие предки!

В дальнем конце зала показались те двое, что пропали из-за стола, один на вытянутых руках нес большой ларец, второй - что-то длинное, светлое... Платье?! Нет, шуба...

- Вот! - гордо произнес северянин, указывая лапищей. - У вас в лесах такой мех не бегают, за ним надо к нам на север ехать. Носи, прекрасная дева, да вспоминай Ольвара-ярла из Серых Медведей!

- Соболя? - заинтересовался король, с живейшим интересом разглядывая длинную белоснежную шубу, усыпанную черными пятнышками.

- Нет, конунг, это горностаи, — широко усмехнулся ярл. - Лучший мех для женщины. Мягкий, теплый, а уж легкий какой! Коли пожелаешь, я и твоей жене велю такую шубу привезти...

Взяв у воина шубу, он двинулся вокруг стола для гостей, явно намереваясь то ли сунуть ее Айлин в руки, то ли вообще надеть на нее. Но возле верхнего стола остановился.

- Позвольте, милорд? - услышал Грегор тихий голос жены и растерянно кивнул.

Встав, Айлин вышла из-за стола, подошла к северянину, и тот бережно накинуд ей на плечи шубу. Гости загомонили, а Грегор закусил изнутри губу. Горностаи - королевский мех, на такую роскошную шубу их нужно бесчисленное количество, и стоит подобный наряд... Конечно, не как подаренный им невесте гарнитур, но весьма и весьма прилично. А главное, вряд ли северяне, когда сюда ехали, предполагали, что их пригласят на свадьбу. Послы обычно берут подарки для королевской семьи. И если шуба предназначалась Беатрис... Впрочем, ему-то какое дело?!

Айлин едва заметно улыбнулась и погладила накинудый ей плечи драгоценный мех, а северянин просиял и взял у второго воина ларец. Откинул крышку и показал всем огромное... ожерелье?

Грегор с трудом опознал драгоценность в чудовищной штуче, больше напоминающей деталь странного доспеха. Пластины золота и еще какого-то светлого материала чередовались, образуя тяжелый широкий воротник, покрытый резьбой. Черточки, значки...

- Лучшая моржовая кость, — гордо заявил ярл Ольвар. - А руны моя бабка резала! Самая сильная

ведунья в наших краях. Ворожила на легкие роды и сильных детей! Прими, ярлини, а то вон ты какая худенькая и бледненькая. Женщине, кроме силы, еще выносливость нужна...

И он уже с полной бесцеремонностью накинуд жуткое ожерелье на шею Айлин прямо поверх виноградных гроздьев работы месьора ди Амбруаза.

- Спасибо, славный ярл... - продолжала робко улыбаться Айлин. - Это драгоценный дар!

- Носи на здоровье, — удовлетворенно отозвался северянин. - Эй, а танцы будут?

- Непременно будут, — очень серьезно пообещал король, поднимаясь и подавая руку королеве.

И только в голубых глазах, невыносимо похожих на глаза Малкольма, плясали смешинки.

Подойдя к жене, Грегор притронулся к ее плечам, и Айлин с облегчением сбросила ему на руки шубу, а затем бережно сняла ожерелье. Посмотрела на него, удивленно подняв брови, и тихо проговорила:

- И правда руны. Я их только на занятиях видела... Но там они другие.

- Разумеется, другие, - сухо от неловкости отозвался Грегор. - Руны - высокое искусство, недоступное...

Он осекся, понимая, что едва не выставил себя болваном. Ведь руны, которые используются в магии, прямые потомки вот этих, сохранившихся на Севере. И все-таки разница между ними как между благородной породистой лошастью, которую выводили много поколений, и мохнатой полудикой крестьянской скотинкой. Кто знает, что там на самом деле записано этими рунами? Разве могла северная ведьма учесть все нужные ограничения и оттенки смысла?

- Оно красивое... — тихо сказала Айлин, разглядывая ожерелье. - Странное, но красивое.

- Хорошо, дорогая, — обреченно сказал Грегор. - Вы, конечно, можете его носить... Но, умоляю, давайте сначала покажем эту вещь мэтру Аберграссу, нашему рунологу.

Кивнув, Айлин с сожалением передала ему ожерелье, и Грегор, положив его в ларец, отдал подарки северян подскочившему лакею, велел:

- Шубу - в гардеробную леди, шкатулку - в мой кабинет.

Подав Айлин руку, он повел ее в бальную залу, и гости, томившиеся в нетерпении, двинулись следом.

Огни магических светильников и пламя обычных свечей, цветочные гирлянды, бесчисленные ленты... Грегор на миг зажмурился - он никогда не видел бальный зал собственного особняка таким нарядным и ярким. Слишком долго в этом доме правил бесконечный траур, но теперь это время кончилось. Айлин, наверное, любит танцевать! Они смогут давать балы... Конечно, потом, когда она родит ребенка. Леди в положении перестают выезжать, как только их состояние становится заметным, и даже дома принимают только родственников. Но потом... Она непременно будет блистать на балах, и придворных, и здесь, у себя дома.

На миг между ним и женой выросла строгая черная фигура Элоизы, Грегор встрепенулся, но тут же успокоился, заметив у женщины в руках бальную сумочку и платок, который она подала Айлин. Конечно, сейчас будет первый танец, и дамам нужно немного освежиться после стола. Промокнуть губы, смахнуть капельку пота...

- Какая удачная внешность, - услышал он рядом мелодичный голос и вздрогнул, словно наступил на змею. - Вашей невесте одинаково идут и топазы с изумрудами, и эта... северная прелесть. Милая Айлин прекрасно выглядит в любых украшениях! Но, признаться, я поражена. Все слышали о знаменитых фамильных сапфирах Бастельеро, почему же мы не видим их на вашей супруге? Неужели она не заслужила в качестве свадебного подарка родовые сапфиры?

На несколько мгновений Грегор онемел от ярости. Этот сладко-вкрадчивый тон, ядовитые слова... Да что эта женщина себе позволяет?! Как она смеет марать имя Айлин губами, которые знают вкус измены?!

Грегор медленно повернулся к Беатрис, которая смотрела на него с легкой полуулыбкой, уверенная, что он не найдет, чем ответить. Не станет ведь подданный ее супруга оскорблять свою королеву?

- Напротив, ваше величество, — склонил Грегор голову в тщательно отмеренном малом поклоне и выпрямился. - Я так высоко ценю свою супругу, что в этот день не хотел обидеть ее подарком, который уже носил кто-то другой, пусть и женщины моего рода. Она достойна украшений, которые

создавались именно для нее, которых до сих пор не касались ничьи руки. Что до фамильных сапфиров... Отныне они в ее распоряжении в любой другой день. Уверен, вы еще увидите их на моей жене.

Он улыбнулся, видя, как Беатрис стремительно бледнеет и будто нечаянно подносит руку к шее, трогая восхитительное бриллиантовое ожерелье. «Звезды Арлезы» когда-то принадлежали матери Малкольма. Поистине драгоценная вещь, но... всего лишь наследство. Ее создавали для совсем другой женщины, не для Беатрис!

- Стоит позавидовать вашей жене, мой дорогой Грегор, — проговорила Беатрис и растянула губы в подобии улыбки. - Теперь я вижу, что вы действительно обрели свою истинную любовь. Мои поздравления.

И, выпрямив и без того идеальную спину еще сильнее, так что высокая прическа чуть закинулась назад, отошла к королю, ожидавшему возле окна. Зазвучали первые такты ловансьона - и сразу смолкли, это оркестр пробовал инструменты, или что там делают музыканты в таких случаях. Прозвучал очередной гонг, и тут Грегор с отвращением вспомнил, что в случае присутствия на свадьбе монаршей семьи бал открывается их танцем с новобрачными. И это значит, что сейчас Айлин станет в пару с королем, ему самому... ему придется пригласить Беатрис. Отвратительная гримаса судьбы - напомнить их прошлый танец на первом балу после окончания войны. Одно утешение, самой Беатрис это будет вряд ли приятнее, чем ему.

- Первый танец! - провозгласил церемониймейстер. - Его величество приглашает леди Бастельеро! Лорд Бастельеро приглашает ее величество!

Грянул оркестр, и Грегор, стиснув зубы, двинулся к Беатрис. На полпути через зал встретился с королем, поклонился и принял ответный поклон-кивок, а потом прошел дальше. «Это всего лишь танец, — мрачно напомнил он себе. - Когда-то ты мечтал провести с этой женщиной всю жизнь. Благодарю судьбу, что избавила тебя от такой участи». Ему смертельно хотелось оглянуться назад, на Айлин, но этикет...

Остановившись перед Беатрис, он склонился в положенном теперь глубоком поклоне и протянул руку. Пальцы, затянутые в перчатку лилового шелка, опустились сверху на его ладонь легким прикосновением, а улыбка королевы, которой Грегор посмотрел в глаза, оказалась острее рапиры.

- Какой прекрасный бал, — уронила королева, следуя за ним в торжественном ритме взмывшего к сводам зала ловансьона. Ее голос был так безмятежен и радостен, словно разговор о драгоценностях Грегору приснился. - Вы по-прежнему прекрасно танцуете, мой дорогой Грегор...

- Благодарю, ваше величество, — процедил он, едва разжимая губы.

Первая фигура, вторая... Повинуясь рисунку танца, он вел королеву, едва касаясь кончиков ее пальцев своими, затем фигура сменилась, и они на миг оказались лицом друг к другу. Беатрис посмотрела за его плечо, торжествуя улыбнулась - и ускользнула в следующей фигуре.

Грегору мучительно тоже захотелось обернуться туда, где летело над сверкающим от воска паркетным полом серебристо-белое платье, отражаясь в нем, словно в зеркале. Но под взглядами гостей это было не просто невыносимо. Хуже - это было бы смешно! Всего лишь танец, причем не откровенная паэрана, а чинный пристойный ловансьон... Как и они с Беатрис, Айлин и король едва-едва встречаются в нем кончиками пальцев...

Пятая фигура, шестая... «Мне придется к этому привыкнуть, - упрямо подумал Грегор. - Я никогда не оскорблю свою жену такой пошлостью и глупостью, как недоверие. Ревновать - ее?! Айлин не способна на измену! Что бы мне ни сказали, что бы я сам ни увидел, одно я знаю точно и верю в это всем сердцем: она идеал чистоты!»

Седьмая фигура... Он сделал навстречу королеве положенные несколько шагов, соединил с ней руки... Беатрис посмотрела на него в упор, и едва заметная улыбка тронула ее губы.

- Не правда ли, мой дорогой Грегор... - тихо уронила она, скользя рядом с ним под плавную торжественную мелодию. - Мы с вами и мой любимый супруг с этой девочкой - такие замечательные пары. Взгляните, мы же как ночь и день...

Она прикрыла на миг ресницами огромные бархатные глаза, и Грегора словно пронзило иглой в самое сердце. Южная смуглая красота Беатрис, тьма ее глаз, густо-лиловое платье и звездные алмазы, усеявшие золотую кожу и черный бархат волос. Если и была на свете женщина - воплощение ночи, то именно она. И рядом - он в своем лавандовом наряде, тоже черноволосый... Не ночь, но вечер - определено.

Снова прикусив губу изнутри - уже до боли! - он повернулся в фигуре ловансьона и позволил себе один-единственный взгляд на вторую пару, медленно кружащуюся неподалеку.

Айлин, тоненькая, пронизанная солнцем и непредставимо юная, плыла по паркету рядом с молодым мужчиной в самом расцвете лет. Широленные плечи бастарда не мешали ему двигаться с легкостью отменного бойца - пожалуй, фраганский фехтмейстер не зря получал жалование. Светловолосая голова с северной прической из пары заплетенных кос немного склонилась к Айлин, а светло-голубой камзол изумительно гармонировал с ее свадебным нарядом. И вправду день! Торжество молодости, силы, безоглядной дерзкой уверенности...

Странная тоска резанула сердце Грегора, но он сразу опомнился, увидев при очередном повороте, как жадно Беатрис ловит его взгляд. Словно пытается понять, достиг ли удар цели.

- Вы правы, ваше величество, — парировал он с холодной ненавистью к этой женщине, что пыталась посеять в нем отвратительное подозрение. - Мы с вами - ночь, а они — день. Но Благие создали мир так, что ночь без дня и день без ночи были бы страшным бедствием! Никогда не вставайте между мной и моей леди ни словом, ни делом. Иначе... У меня еще осталось довольно проклятий, кроме того, что я когда-то вам подарил.

Он уронил последнее слово с последними же тактами ловансьона и усмехнулся, уловив чутьем некроманта жгучую злость королевы. Не глядя в лицо Беатрис, отвел ее на место, поклонился и принял ответный реверанс, а потом поспешил обратно к Айлин, предвкушая танец новобрачных.

***

Тяжелые плавные волны ловансьона несли их вперед, и Айлин хотелось, чтобы танец никогда не заканчивался. Рядом с Аластором ей было так спокойно! Словно она снова стала маленькой девочкой, которая может прийти с любой бедой к старшему брату, который еще и лучший друг при этом. Так хорошо и безмятежно ей было только рядом с отцом в те немногие моменты, которые им подарила судьба...

Но она знала, что этот волшебный ловансьон скоро кончится, и потому впитывала каждое мгновение, наслаждаясь близостью и доверием. Нехорошо так думать, но здесь и сейчас - о, всего на один танец! - Аластор принадлежал только ей, смотрел только на нее и улыбался чуть смущенно, словно был не королем, не героем, а тем самым мальчишкой, что разделил с ней яблоко, сидя на склепе среди толпы умертвий.

- Айлин, ты правда хочешь этого брака? - тихо спросил он, когда фигура танца снова свела их лицом к лицу.

Хочет ли она? Какая теперь разница? Клятвы произнесены, и теперь только смерть может разлучить ее с лордом Бастельеро, потому что развод муж ей никогда не даст - в этом Айлин была твердо уверена. Так какая теперь разница? Но Аластору об этом говорить незачем. Пусть не мучается тем, что она несчастна. Эту тайну лучше оставить только для себя.

Поэтому она заставила себя улыбнуться и уронила:

- Да, конечно. А как иначе?

- Не знаю, — чуть нахмурился Аластор. - Но я же видел, какой ты была раньше. А сейчас...

- Раньше я была ребенком, — ответила ему Айлин, продолжая старательно считать шаги ловансьона. - А теперь повзрослела. Многое изменилось, Ал. То есть ваше величество...

- Перестань, — продолжал хмуриться он. - Для тебя я всегда Ал. Не лишай меня своей дружбы, прошу.

— Хорошо, — улыбнулась она по-настоящему и попыталась проморгаться - бальный зал вокруг них вдруг заволочло радужной пеленой. - Мы ведь еще увидимся?

- В любое время, - пообещал Аластор, ведя ее вперед. - Мы с Беа всегда будем рады тебя видеть!

Он зовет ее Беа? Что-то внутри Айлин потянуло тихой застарелой болью. «Нет, — поняла она мгновение спустя. - Это не боль, а вина! Я снова обманываю Ала. Он так и не знает, что королева Беатрис приказала Лучано убить меня по дороге к Разлому. А самого Лу прокляла, и неизвестно, сможет ли лорд Бастельеро снять это проклятие. Может, стоило ему все-таки рассказать? О да, прекрасная мысль! Именно теперь, когда он светится от счастья при одном взгляде на свою... Беа! Отнять у него уверенность в жене, сделать несчастным... Дура ты, Айлин! Решила - так молчи! Пусть хотя бы у него все будет хорошо! А прошлое нужно оставить в прошлом».

- Знаешь, я принес тебе подарок, — заговорщицким тоном сказал Аластор, поворачивая ее в одной из последних фигур. - Там, среди других подарков, есть еще один от нас с Беатрис, она сама выбирала. Какая-то золотая посуда вроде бы... Но там от обоих, а это только от меня! Твое новое родовое кольцо!

- Родовое? Но я ведь теперь...

Айлин растерялась, не понимая, о чем он. Она ведь перестала быть Ревенгар и только что стала Бастельеро! Причем тут какое-то кольцо?

- Ты по-прежнему леди Дориан, — совершенно по-мальчишески гордо улыбнулся Аластор. - Я же дал тебе наследное дворянство, не зависящее от мужа! И привез кольцо с гербом. Этот титул у тебя никто никогда не отнимет, можешь им пользоваться, а потом передать любому из сыновей. Да хоть дочери! Наследный титул и поместье.

- Спасибо, — прошептала Айлин, и едва исчезнувшая дымка слез опять заволокла все вокруг, так что новую фигуру пришлось танцевать, опираясь на руку Аластора и не глядя по сторонам. - Спасибо, Ал!

Промелькнула мысль, что их могут услышать, а звать короля по имени, да еще не полному, а вот такому краткому - это верх неприличия! А она теперь не может позволить себе нарушать этикет, как раньше. Но Айлин не удержалась и спросила, слыша последние такты ловансьона и замирая в медленном плавном реверансе:

- А какой он? Мой герб...

- Сейчас увидишь, — почти одними губами пообещал Аластор, так же чинно поклонился и, предложив ей руку, повел на место.

Айлин едва слышала восхищенный гул, сопровождавший их весь танец и эти несколько шагов. В толпе мелькали знакомые лица, она заметила Саймона и Дарру, потом - Лучано, леди и лордов Эддерли и Аранвен, магистра Бреннана и Ладецки, остальных Воронов. А еще новых родственников, с которыми познакомилась только сегодня.

Лорд Люциус оказался очень красивым, но неумовимо неприятным из-за приторной любезности, которая напомнила Айлин тетю Мэйв, когда та приезжала просить у леди Ревенгар денег на оплату очередного долга своего мужа. Казалось бы, с чего лорду из Трех Дюжин быть таким угодливым?

Лорд Аларик, напротив, был приветливым, но как-то иначе, гораздо приятнее. Он поцеловал Айлин руку и улыбнулся сдержанно, зато тепло и по-настоящему, а леди, которая была с ним, присела в реверансе, но ее почему-то не представили... Странно, ведь Айлин поклялась бы, что леди — из рода Мэрли. На вид она была немного младше тетушки Эпоизы - лет тридцати. Белокурая, голубоглазая, удивительно милая, с грустной улыбкой и, так же как тетушка, одета в глубокий траур. Да, конечно, ведь Аделин Мэрли с факультета целителей погибла совсем недавно, вот и старый лорд Мэрли тоже одет в траурно-лиловое!

- Вот! - Аластор протянул ей небольшую бархатную коробочку, и Айлин ее открыла, от волнения едва справившись с тугой защелкой.

На черной подушечке лежало кольцо, удивительно напоминающее мажеский перстень, что ей подарил отец. В следующий момент она поняла, что сходство не такое уж большое, просто цвета одинаковые. Этот перстень тоже был красно-фиолетовым, но не цветом камня, а эмалевым щитком, разделенным пополам вертикальной чертой. А на красно-фиолетовом фоне золотом горели два скрещенных молота с длинными рукоятями, и нежно сиял серебряный цветок с пятью лепестками!

- Шиповник, — гордо подсказал ей Аластор. - Помнишь, мы пели балладу той ночью?

«Ночью, когда я готовилась умирать, — подумала Айлин, завороченно любуясь простым, но удивительно красивым перстнем. - Еще бы мне не помнить каждое сказанное тогда слово! А два молота - это же в честь отца! Это его звали Ревенгар Два Молота! Я как-то рассказала, и Аластор запомнил!»

- Это чудесно, — прошептала она.

- Носи его, пожалуйста, — попросил Аластор и, найдя взглядом появившегося рядом лорда Бастельеро, с прохладной вежливостью уточнил: — Я полагаю, твой супруг не будет против. Не так ли, милорд?

- Разумеется, ваше величество, — ответил тот, склонив голову. - Моя жена может носить, что ей угодно. А этот герб - свидетельство ее подвига на благо Дорвенанта!

Айлин показалось, что последние слова он произнес немного громче и как-то очень выжидающе обвел взглядом притихшую толпу. Но ей вдруг стало безразлично, кто что подумает или скажет. Их там не было!

Она посмотрела на правую руку, где уже сверкали два перстня. На указательном пальце -

мажеский, которым она пока не могла пользоваться, но это же временно! Да и память об отце... На безымянном - обручальное родовое кольцо Бастельеро с крупным сапфиром. Подумала - и протянула левую. Аластор кивнул и надел ей кольцо с новым гербом - тоже на безымянный, словно Айлин принадлежала сразу к двум родам.

«Так и есть, — подумала она, сдержав вздох и слыша, как шепотки в толпе становятся громче. - Я - леди Бастельеро по мужу. Одна из многих леди Бастельеро, что были до меня и будут потом. Но я еще и леди Дориан, единственная в своем роде и его глава! Как странно... И я обязательно буду носить это кольцо, чтобы совсем уж не потерять себя, растворившись в леди Бастельеро. Ах, с каким удовольствием я бы сняла этот сапфир, что так тяжело тянет палец! Кольцо Кармеля казалось таким легким и приятным...»

Она благодарно улыбнулась, и Аластор просиял в ответ. И тут снова ударил ненавистный гонг.

- Второй танец! - громогласно объявил церемониймейстер. - Лорд Бастельеро приглашает леди Бастельеро!

«Второй танец! - вспыхнуло у нее в мыслях. - Я совсем забыла про него! Хуже, я забыла, что это за танец! Только бы не...»

Но раздавшиеся звуки подтвердили ее худшие опасения. Паэрана! Это была паэрана...

- Прошу вас, миледи!

Айлин жалко улыбнулась мужу, протянувшему ей руку, и положила свою ладонь на его. - Ничего, это всего лишь танец. Только не думать про Вишневую ночь! Не вспоминать ту дивную безумную паэрону в цветущем саду. Благие и Баргот, пожалуйста, только бы не оказалось, что лорд Бастельеро тоже танцует паэрону по-итлийски!

Что ж, Благие сжалились хотя бы в этом. Супруг вел ее чинно и спокойно, сделав даже легкую воздушную паэрону чем-то основательным и почти торжественным. О нет, он кружил Айлин как положено, безукоризненно попадая в такт каждым движением и, кажется, даже вздохом, но чего-то в этом танце все равно не хватало.

«Так танцует Дарра, — вспомнила Айлин занятия танцами в Академии. Дарра неизменно появлялся на них только тогда, когда там была она. Вот Саймон, тот непременно являлся на каждое занятие и постоянно менял партнерш, а Дарра вставал в пару только с ней, как только Айлин доросла до такого высокого партнера. - Он тоже танцует с безупречной точностью, словно исполняет сложнейший ритуал. Саймон даже из ловансьона умудрился устроить балаган, и мэтр-танцмейстер его ругал и грозился выгнать из зала, а Дарра... С ним танцевать всегда было легко, надежно и безумно скучно. Совсем как сейчас...»

Она снова старательно улыбнулась лорду Бастельеро, который смотрел такими восторженными глазами.

- Вы прекрасно танцуете, дорогая! - прошептал супруг, деликатно придерживая ее за талию. - Восхитительно...

- Благодарю, — продолжала улыбаться Айлин, двигаясь, как механическая кукла.

Или как умертвив, взятое под полный контроль, только сейчас за невидимые нити дергала она сама, управляя собственным телом, словно... Как там Лу называл этих куколок? Марионетто?!

Она бездумно посмотрела поверх плеча мужа, и взгляд выхватил фигуру в белом. У Айлин потемнело в глазах, а нити, которыми ее воля правила глупым телом, дрогнули и на миг ослабли. О, конечно, она и раньше замечала в толпе Кармеля, но сейчас...

«Хватит! - застонала она беззвучно. - Я больше никогда не стану звать его по имени! Я смогу, я справлюсь! Ведь я же могла когда-то думать о нем просто как о магистре Роверстане?! Могла!»

Но подлая беспощадная паэрана вынесла их пару, летящую по кругу, как раз туда, где стоял разумник. И перед очередным поворотом сердце Айлин рухнуло куда-то вниз, когда она увидела осунувшееся лицо Кармеля, горящие черным огнем глаза и... узкий платок зеленого шелка, которым магистр повязал воротник белоснежной короткой мантии, больше похожей на камзол. Зеленого, как ее глаза...

«Я никогда. Не буду. Звать его Кармелем», — упрямо проговорила Айлин про себя, зажмуриваясь и кружась в вихре паэраны по памяти, как это было с Аластором, только теперь ноги предательски подкашивались, и в какой-то момент она испугалась, что просто рухнет на сверкающий паркет.

К счастью, паэрана закончилась, и ей снова стало хватать воздуха, только внутри дрожало и

стонало что-то, как стонет вьюга за окнами, то ли угрожая, то ли умоляя впустить. Так она стонала в том домике, где болел Лучано, и Айлин с замиранием сердца ждала возвращения Аластора, не зная, успеет ли тот привезти лекарство. Кажется, с тех пор она ненавидит вьюгу и когда холодно...

- Благодарю, миледи!

Она опомнилась, увидев, что уже снова стоит на прежнем месте, а супруг почтительно целует ей руку.

- Благодарю, милорд, — непослушными губами ответила Айлин, едва вспомнив правильный ответ.

- Перерыв! - снова завопил танцмейстер. - Кавалеры готовятся приглашать дам!

«Слава Всеблагой, обязательных танцев жениха и невесты больше нет, — мелькнуло у нее в мыслях. - Если что, сошлюсь на нездоровье и волнение. Саймон с Даррой наверняка обидятся... Но как им объяснить, что я не хочу больше танцевать с собственным мужем, а по этикету на свадьбе невеста не может отдать гостям больше танцев, чем жениху. Если приму приглашение от кого-то из них, лорд Бастельеро тоже сможет меня пригласить снова...»

- Как вы себя чувствуете, мое дорогое дитя? - заботливо спросил лорд Апарик, подавая Айлин бокал с каким-то напитком.

Она благодарно улыбнулась и пригубила прежде, чем ответить. Оказывается, в горле жутко пересохло!

- Благодарю, милорд Аларик. - И, повинувшись вдруг нахлынувшему чувству, робко добавила: - Простите, я могу звать вас батюшкой? Это не будет слишком неучтиво?

Молчаливая леди, стоящая рядом с отцом ее мужа, одобрительно улыбнулась, и ее глаза вспыхнули радостью.

- Батюшкой? - растерянно, как ей показалось, переспросил лорд Апарик, и в его взгляде тоже что-то дрогнуло. - О, дитя мое... конечно. Я... был бы счастлив иметь такую дочь... Так как вы себя чувствуете, милая Айлин? Вы слишком бледны. Здесь душно, может быть, вам выйти на воздух?

- Ничего страшного, — благодарно ответила Айлин, и тут подоспевшая Иоланда сунула ей в руки веер. - Не беспокойтесь! Я просто... не привыкла к балам...

- Ах, леди Бастельеро, вы прекрасно танцуете! - зашебетали сразу две молодые дамы, в которых Айлин узнала сестер Аластора. - Вам обязательно следует выезжать как можно чаще! Непременно! Возможно, ее величество предложит вам место в свите, она ведь ценит вашего супруга!

Айлин едва не перекосило, стоило представить, что она в самом деле может оказаться в свите королевы. Аластор - это совсем другое дело! Но терпеть эту... мантикору?!

- Это была бы огромная честь, — согласилась она. - Но боюсь, я не настолько хорошо знаю двор, чтобы быть полезной ее величеству в таком качестве.

Слова приходили на язык легко, она словно читала учебник по этикету, бездумно отвечая фразами, заученными в немыслимо далеком прошлом. Может быть, даже в доме Ревенгаров! О, как, наверное, леди Ревенгар сейчас оскорблена тем, что не может выступить на такой блестящей свадьбе в роли матушки невесты! Что ж, пусть Артур женится как можно удачнее, чтобы удовлетворить ее тщеславие. Интересно, невеста из Трех Дюжин леди Ревенгар устроит или меньше, чем на принцессу, она для любимого сына не согласится? Где бы только найти свободную принцессу, достойную Артура...

Айлин проглотила смех и поняла, что к горлу подступает истерика. Пошлая безобразная истерика! И уж конечно, Ревенгары здесь ни при чем! Много чести - думать о них!

От истерики ее спасли все те же леди Райнгартен, которые принялись хвалить платье Айлин - и тоже слаженным дуэтом, словно разум у них был один на двоих. Айлин попыталась уговорить себя, что нельзя быть такой грубой даже в мыслях, это ведь сестры Аластора, но никак не получалось забыть, что одна из них проболталась об отъезде их отряда, и месьор д'Альбрэ с людьми Вальдеронов едва не погибли, а сама Айлин и Аластор чудом ушли от погони. А ведь будь в отряде больше людей, Ал и Лучано не оказались бы ранены и отравлены! Как много событий пошли бы иначе, если бы кто-то из этих дур... А дуры, как назло, продолжали попытки ее то ли развлечь, то ли допросить:

- Кстати, дорогая леди Бастельеро, нам так жаль, — зашебетала одна из них.

Айлин снова не поняла, какая именно, хотя обеих девушек ей представляли в доме Вальдеронов.

Мэнди и Лорри... То есть Амандина и Лоррейн. Еще бы понять, кто из них кто!

- Да-да, — подхватила вторая. - Нам ужасно жаль! Этот брак... О, конечно, в вашем положении это более чем достойно, но ваш избранник...

- Мой избранник? - переспросила Айлин, отчаянно пытаюсь понять, о чем, собственно, так сожалеют леди Райнгартен.

- Да-да! — закивали обе леди. - Он вас совершенно не любит! Вот мой Этьен... Мой Эжен! — вставила другая, и дамы снова заговорили дуэтом: — Он непременно бросил бы все и помчался за мной! А лорд Бастельеро... Но вы не расстраивайтесь, милая! Это все-таки блестящая партия после всего, что с вами случилось...

- Бросил все?.. - растерянно повторила Айлин.

Ну не может же быть такого, чтобы сестры Аластора говорили это всерьез? Бросить столицу? Лорду-протектору и в такое время? То есть... дезертировать? Да чтобы лорд из Трех Дюжин запятнал себя таким позором?! Но как объяснить это милым, но таким наивным леди Райнгартен? Хотя нет, это все-таки не наивность, а самая настоящая глупость! И это она еще пропустила мимо ушей намек, что в ее положении на такую партию нельзя было рассчитывать! Ну, почти пропустила...

Она быстро и как можно более незаметно осмотрелась - вот бы обнаружить хоть одного скучающего гостя, которого необходимо развлечь! Иначе уйти просто невежливо. И снова столкнулась взглядами с Кармелем - он остановился совсем недалеко и слышал все, что сказали леди Райнгартен! Конечно, обе дамы имели в виду лорда Бастельеро, вот только... Да и вообще, какая разница, кого они имели в виду?! Все равно их слова стоит считать нелюбезными и неумными, и это еще мягко сказано!

- Вы ошибаетесь, — сказала она, улыбнувшись собеседницам как можно высокомернее. - Право, дорогие леди, не знаю, кто заставил вас так думать? Мой... избранник, безусловно, любит меня. К слову, он именно бросил все и отправился вслед за мной так быстро, как только ему позволил долг.

По лицу Роверстана скользнула едва заметная благодарная улыбка, и у Айлин на миг замерло сердце.

- Но... — начала было одна из леди Райнгартен, и Айлин изумленно подняла брови.

- Но? Дорогая леди, неужели вы полагаете, что лучшее свидетельство любви мужчины - это разрушенная столица? Право, это странно слышать! Простите, мне нужно подойти к моему новому родственнику.

Она любезно улыбнулась и наконец-то ускользнула от опешивших леди Райнгартен. Сделала несколько шагов к лорду Аларику, который разговаривал с Себастьяном Вальдероном и снова удивилась. Дама, которая везде сопровождала лорда Аларика, слегка прислонилась к его плечу, словно любящая и нежная супруга. Но кто же она ему?! И почему все, кто разговаривает с самим лордом, словно не замечают его спутницу? Почему ни словом, ни взглядом не выказывают ей должного уважения? Айлин проследила за взглядом дамы, та смотрела на ее мужа и улыбалась так застенчиво и грустно... Кто же она такая?!

Кстати, а на ком женат милорд Аларик? То есть был женат, он ведь вдовец... Ей представили лорда Мэрли как деда ее мужа, но вдруг это двоюродный дед?

Она уже открыла рот, чтобы спросить о даме прямо, но та, поймав ее взгляд, покачала головой и, виновато улыбнувшись, приложила палец к губам. А потом и вовсе скользнула в толпу гостей, растворившись так легко, словно была бесплотной, а в теплом душистом воздухе зала вдруг повеяло холодом...

Ох!

У Айлин закружилась голова, стоило ей понять, что дама... Ну конечно же, она призрак, потому-то ее и не видят ни гости, ни оба лорда Бастельеро! Она же... Она следует везде за лордом Бастельеро-старшим, как за Лучано следовал Алессандро, только вот Айлин готова была поклясться, что эта женщина, в отличие от мерзавца синьора Крема, не желает своему спутнику никакого зла. Слишком много любви и нежности в ее взгляде!

Но... почему ее видно?! Айлин даже чуть встряхнула головой от изумления и посмотрела на браслеты, запирающие магию. Даже сегодня тонкие золотые цепочки охватывали ее запястья, оберегая от собственной силы. И как тогда она видит призраков, если ее магия заперта? Может быть, этому браслеты не мешают?! Нужно обязательно узнать об этом как можно скорее. У лорда Эддерли, к примеру, ведь он лучший мастер призраков во всем Ордене!

Она нашла в толпе взглядом знакомую плотную фигуру в песочном камзоле с золотой отделкой. Лорд Эддерли о чем-то разговаривал с магистром Бреннаном... Айлин покосилась на церемониймейстера и поспешила к магистрам.

- Милорды! - Она торопливо присела в реверансе. - Магистр Эддерли, простите, могу я попросить вас уделить мне минуту?

- Для вас что угодно, дорогое дитя, — благодушно отозвался лорд Эддерли. - Этот важный вопрос требует тайны или присутствие нашего дорогого магистра Бреннана не помешает?

Айлин на миг задумалась, но Бреннану она доверяла. Да и вдруг видение незнакомой леди всего лишь галлюцинация?! Тогда помощь целителя будет очень кстати. Как же невыносимо не пользоваться магией! Ничего не понятно в окружающем мире!

- Ничуть не помешает, — улыбнулась она. - Милорд Эддерли, скажите, вам известно, на ком был женат отец лорда Бастельеро? Моего мужа, — уточнила она, чувствуя, что краснеет, и отводя взгляд.

- Конечно, дитя мое, — кивнул тот. - На леди Аделин Мэрли, дочери старого Мэрли. Вам, вероятно, его представили?

Значит, она поняла правильно! Дама - призрак жены лорда Аларика!

- Прекрасная была женщина, — с сожалением вздохнул магистр Эддерли. - Бедняжку Аделин, что погибла во время битвы за Академию, назвали в ее честь. Кажется, имя Аделин стало для Мэрли несчастливым. Грегор - ее единственный ребенок, остальные умерли в младенчестве.

- Милорд Эддерли, я ее вижу! - тихо, но отчаянно сказала Айлин. - Аделин Мэрли, жену лорда Аларика! Она... она везде следует за ним! Но так ведь не должно быть?! То есть я ведь не должна ее видеть?!

Она приподняла запястье и взглядом указала на цепочку.

- Видите? - нахмурился магистр Эддерли. - Дитя мое, это совершенно исключено! Может быть, вам показалось? И вы видели какую-то другую леди Мэрли? Вполне живую, просто похожую?

- Не показалось... — выдохнула Айлин. - Она только что исчезла на моих глазах, и повеяло холодом. И она следовала за лордом Алариком, а ее никто не видел. Милорд магистр, я точно видела...

Ее голос дрогнул от обиды, и Эддерли торопливо отозвался:

- Ну-ну, не расстраивайтесь! Конечно, я вам верю. Если уж холод... Хм... Дитя мое, а вам раньше случалось спонтанно видеть призраков? Без ритуалов?

- Да, милорд магистр, — кивнула Айлин. - Я всегда их видела. В нашем лабораторном склепе обитал... мэтр Киран Лоу.

Ее голос опять дрогнул, теперь от горьких воспоминаний.

- Он подарил мне тетрадь, помните? - добавила она.

- Ах да, тетрадь... — пробормотал некромант. - Вот как вы познакомились? Вы его... просто увидели?

- Я его приняла за живого человека, — призналась Айлин. - Вот как сейчас - леди Мэрли! И был еще один... итлие. Отвратительный негодяй! Он всюду ходил за лордом Фареллом и пытался украсть его тело. Я его упокоила... Я правда просто вижу призраков, милорд магистр! - Ее голос в очередной раз позорно задрожал. - Но почему сейчас?!

- Покажите мне ваши браслеты, дитя мое, - ласково попросил лорд Эддерли, и Айлин протянула обе руки.

Не задирая узкие нижние рукава ее платья, некромант провел ладонями по запястьям Айлин и пожал плечами.

- Ничего не понимаю, — признался он. - Спонтанное видение призраков - уникальный и прекрасный талант! Любой некромант может о таком только мечтать! Но ведь браслеты в совершенном порядке. Вы не должны видеть их сейчас... — В его лице что-то дрогнуло, а потом магистр спросил так мягко, что Айлин невольно насторожилась: — Скажите, юная леди, а другие проявления магии к вам вернулись?

- Нет, милорд, — вздохнула она.

Некромант как будто немного расслабился и уточнил:

- Вы еще кому-нибудь говорили, что видите призраков даже в браслетах?

- Нет...

- И не говорите, — велел лорд Эддерли, и магистр Бреннан, молча слушавший их беседу, кивнул. - Никому не говорите, слышите? Впрочем... супругу можете сказать. Но больше - никому. Я настоятельно вам это рекомендую и даже приказываю как магистр вашей гильдии, слышите, юная леди?

- Да, милорд, — послушно кивнула Айлин.

Почему это нужно держать в секрете, она не поняла, но на сердце стало немного теплее оттого, что лорд Эддерли по-прежнему считает ее некроманткой. Лишнее подтверждение, что браслеты это временно!

- Никому! - повторил лорд Эддерли и добавил мягче: — А насчет Аделин Мэрли не беспокойтесь. Если она в самом деле призрак, я постараюсь поговорить с этой дамой и выяснить ее... дальнейшие планы. Любовь часто привязывает неупокоенные души к тем, кого они при жизни любили. Так же часто, как ненависть. Мда... Печальная, должно быть, история... а вы идите, дитя мое, веселитесь и не думайте о плохом в такой день!

- Да, милорды! Благодарю!

Айлин присела в реверансе, и тут по залу снова разнесся гонг, а церемониймейстер провозгласил:

- Третий танец! Па-майордель! Кавалеры приглашают дам! - И добавил по старинной фривольной традиции, которую в Академии тоже соблюдали: — Дамы, берегите юбки!

Айлин поспешно отошла к стене, надеясь, что ее никто не пригласит. Сил на веселый и чувственный па-майордель, в котором кавалеры кружат дам так, что у тех взлетают юбки аж до середины лодыжек, она в себе никак не ощущала. Вот совсем не то настроение!

Заиграла музыка, и Айлин обреченно увидела, что к ней направляется Саймон Эддерли. Уже начала подбирать слова для отказа, и тут рядом возникла Иоланда. Заглянула ей в лицо и решительно заявила подошедшему Саймону:

- Невеста не желает танцевать. Милорд Эддерли, извольте осчастливить кого-нибудь другого. Вон, леди Логенброу без кавалера!

- Логенброу? — Саймона, глянувшего в ту сторону, перекосило от ужаса, и он возмутился: — Она же вот-вот рассыплется! А уж в па-майорделе. .. Иоланда, ну за что ты меня так не любишь?! Предлагать танцевать с леди лет девяноста!

- Зато какой опыт! - невозмутимо парировала Иоланда. - Причем наверняка во всем. Готова спорить, лорд Эддерли, она может дать вам пару уроков этикета и объяснить, когда не следует докучать дамам, решившим отдохнуть!

- Прости, Саймон, — улыбнулась Айлин. - Я и правда устала. Пригласи Иоланду, я не обижусь.

- Пусть ее старый лорд Мэрли приглашает, — мстительно отозвался Саймон.

Очень куртуазно раскланялся и отошел с физиономией обиженного кота, которого натыкали в испорченную обувь.

— За что ты с ним так? - Айлин невольно улыбнулась. - Он же хороший.

- За то, что не понимает слово «нет», — буркнула Иоланда. - Сто раз было говорено, что их светлость Эддерли-младший мне нужен, как переэкзаменовка по прорицаниям! Эх, вот был бы здесь...

Она осеклась.

- Кто? - тихонько спросила Айлин, которая никогда не видела на лице подруги такого выражения, мечтательного и тоскливого одновременно.

- Неважно, - вздохнула Иоланда. - Совсем не пара купеческой дочке, вот и весь разговор. Ревенгар, а ты чего такая бледная? Хочешь, я тебе попить принесу? Или пирожное? Тут такие пирожные подают, просто как сладкое облачко! Слушай, это же теперь твой дом, попроси у повара рецепт, а? Век тебе должна буду!

- Хорошо, — улыбнулась Айлин. - Обязательно попрошу! Иоланда, ты ведь будешь ко мне приезжать,

правда? Я... Теперь я, наверное, нескоро вернусь в Академию, — со вздохом сказала она. - Пока еще смогу магией пользоваться, да и...

Она замолчала, не решаясь признаться, что беременна, хотя точно знала, что уж Иоланда умеет хранить чужие тайны - не раз имела случай в этом убедиться. Но подруга-иллюзорница понимающе кивнула:

- Ну да, — согласилась она. - Если ты даже щиты поставить не можешь или порчу снять, в Академии тебе пока делать нечего. Не все, знаешь ли, рады твоей славе. Обязательно кто-то решит, что самое время посчитаться с зазнайкой Ревенгар, а твои Вороны у тебя под кроватью спать не станут и в уборную провожать - тоже. Эта дура Лионора на всех углах шипит, что... Впрочем, это тебе знать не нужно. Если не перестанет, я ей сама объясню, куда гнилой язык засунуть.

- Могу себе представить, что она говорит, — печально улыбнулась Айлин. - Про меня и его величество, да?

- Если бы, — зло бросила иллюзорница. Посмотрела на Айлин и неохотно выдавила: - Про тебя и всех Воронов, особенно про Эддерли и Аранвена. А еще про тебя и этого симпатичного итлийца. Странно, что про тебя и енота ничего не говорит, вот только это и осталось! Дура противная...

- Всего лишь одна из многих, — равнодушно пожала Айлин плечами. - Знаешь, мне сейчас две очень приличные леди сказали то же самое, только намеком, разумеется. Так что ничего нового. Лионору мне даже немного жаль, она все-таки любила Иду, вот и выплескивает свою боль таким образом.

- Гнусным образом она ее выплескивает! - отрезала Иоланда. - Я, между прочим, с Аделин Мэрли дружила с первого курса! Но не кидаюсь теперь на людей и никого не обвиняю! Кстати, Айлин, а ты можешь... ну, не сегодня, конечно... — Она неожиданно слегка зарумянилась и, понизив голос, попросила: — Можешь как-нибудь пригласить в гости своего итлийского друга? И сказать мне, когда он будет?

- Лучано? - изумилась Айлин. -Такты...

- Нет! - возмутилась Иоланда, поняв ее с полуслова. - Еще чего! Просто лорд Фарелл часто видится с одним человеком... И я хотела спросить... Мне бы только знать, что у него все хорошо, понимаешь?

Она неловко отвела взгляд, и Айлин взяла подругу за руку, пообещав:

- Конечно, я постараюсь! Он тоже обещал меня навещать! А этот человек - ему известно, что ты им интересуешься?

- Какая разница? - помрачнела Иоланда. - Мне после Академии прямая дорога замуж за одного из папенькиных компаньонов. Отец мне даже смотреть на дворянина не позволит, да и ему самому что за резон - жениться на купеческой дочке? Я так... просто помечтать напоследок...

- Иоланда, но ты же магесса, — растерялась Айлин. - У тебя вот-вот будет личное дворянство!

- Эх, Ревенгар, - вздохнула подруга, и Айлин снова простила ей привычное упоминание своего бывшего рода. - Ничего ты еще не понимаешь... У вас, рожденных под гербом, все иначе. Нуда, я-то магесса, а вся моя родня - купцы! Думаешь, ему позволят про это забыть? Вон, погляди на свою тетку. Она-то и вовсе урожденная леди, а как на нее смотрят все эти дуры расфуфыренные! Кстати, платье она тебе подарила - ух! Буду выходить замуж, тоже у нее закажу. Хоть какая-то радость... Надо папеньке сказать, как вернется, пусть ей новые образцы шелка отвезет. Может, и заказ выгодный заодно получится.

Айлин невольно улыбнулась - Иоланда все-таки и вправду купеческая дочь каждым движением души! Но о ком же она тоскует? Кого знает Лучано? Надо у него спросить, вдруг там не все так безнадежно, как кажется Иоланде?

Подруга между тем пощупала верхний рукав ее платья и восхищенно вздохнула:

- Работа-то какая! Месяца два шили, не меньше!

- Нет, что ты, — отстраненно ответила Айлин. - Тетушка всего за неделю узнала, что у меня будет свадьба.

- Ревенгар, нельзя же быть настолько... — выразительно глянула на нее Иоланда. - Такое платье - за неделю?! А я тебе говорю, что два месяца! И то дюжина швей старалась, не меньше! Ты на шитье посмотри, боевичка несчастная! Это тебе не Молотом кидаться, тут стежок к стежку! Жемчужная гладь - понимать же надо!..

Она еще что-то говорила, но Айлин не слышала. Ей вдруг стало нехорошо так, что пришлось

незаметно положить руку на опору для цветочной гирлянды. Какая же она и правда дура! Решить, что тетушкины швеи сотворили это платье за неделю! Да его же шили давным-давно для ее свадьбы с Кармелем! И он наверняка знал об этом... А сегодня увидел ее в этом самом платье перед алтарем с другим мужчиной! Дура! Как она могла сделать ему так больно?!

Да и документы на отказ от приданого тетушка тоже готовила совсем к иной свадьбе. Кармель ведь говорил, что оставит эти деньги ей, Айлин! Всеблагая Мать, как же больно!

Она не сразу поняла, что Иоланда замолчала и сочувственно смотрит на нее. А вокруг сверкает и несется пышный вихрь па-майордель, в котором вряд ли кто-то услышит чужой разговор. И - как удачно! - ее муж разговаривает с лордом Аранвеном! Конечно, он то и дело поглядывает в их сторону, но... Да какая разница? В Бездну все правила этикета на свете, если они мешают попросить прощения!

- Иоланда, — сказала она тихонько. - Ты можешь найти магистра Роверстана? Я бы хотела сказать ему несколько слов...

- Ох... - вздохнула Иоланда и прикусила губу в задумчивости, а потом решительно отозвалась: - Найду! Ты только никуда не уходи, а то сейчас еще два танца - и опять за стол позовут! А оттуда тебе дорога только в спальню! Жди, я мигом!

И она с невероятной быстротой растворилась среди цветочных колонн и гирлянд. «Хорошо быть иллюзорницей, — вздохнула Айлин, нервно комкая в руках платок. - Вот если бы я могла сейчас исчезнуть...»

Она взяла бокал с подноса у проходящего мимо лакея и притворилась, что пьет, хотя только смочила губы. Время тянулось мучительно. Вот кончился па-майордель, и Айлин испугалась, что муж к ней вернется, но он, к счастью, подошел к магистру Бреннану... После короткой передышки следующим танцем объявили верелей, тоже быстрый, но все-таки полегче, чем па-майордель, да и танцевали его не отдельными парами, а длинной цепочкой, взявшись за руки. Музыка снова заглушила разговоры тех, кто остался в стороне: верелей считался танцем молодежи. Она скользнула взглядом по веренице танцующих.

Вот Саймон с какой-то девицей из рода Мэрли, вот мелькают Вороны... Странно, почему Лу не танцует? Он же наверняка любит танцы? Но итлийец стоял рядом с Аластором, и улыбка на его лице была какой-то... неправильной. Словно маска любезности, надетая по необходимости. Но вот он встрепенулся, словно почувствовав ее взгляд, посмотрел на Айлин и улыбнулся совсем иначе, по-настоящему, а потом снова принялся разглядывать зал, словно кот, глядящий на стайку птичек - с хищным интересом.

Верелей уже подходил к концу, когда рядом раздался негромкий голос, от звуков которого у Айлин сильнее застучало сердце.

- Вы хотели меня видеть, миледи?

- Я... да! - выдохнула Айлин и заставила себя повернуться.

Она и забыла, как бесшумно умеет ходить Кармель!

Его лицо, белая мантия и этот зеленый платок, что так и притягивал взгляд. Нет, конечно, ей просто стыдно поднять на него глаза - уж в этом Айлин себя не обманывала.

- Всегда к вашим услугам, — негромко уронил он.

Все, что Айлин успела придумать за бесконечные минуты ожидания, вылетело у нее из головы. Она только и смогла, что заставить себя все-таки посмотреть ему в лицо и выдавить:

- Зачем вы пришли? Я не хотела, чтобы вам было больно!

- Мне? - По губам разумника скользнула быстрая горькая улыбка. - А о себе вы, как обычно, не думаете? Что ж, извольте. Я пришел, чтобы избавить вас от беспокойства. Чтобы вы не решили, что я собираюсь натворить какие-то глупости.

- А вы... правда не собираетесь? - совершенно по-детски спросила Айлин дрогнувшим голосом. - Я хочу, чтобы у вас все было хорошо...

- Обещаю, если я и натворю глупости, то, надеюсь, хорошо продуманные, - снова улыбнулся магистр на этот раз совершенно непроницаемой улыбкой. - И не в ближайшем времени. Будьте спокойны, миледи, вас мое отношение к вам ровным счетом ни к чему не обязывает. Я по-прежнему ваш друг и всегда готов прийти на помощь, помните об этом.

- Благодарю, - едва слышно ответила Айлин, у которой не стало легче на душе, но какая-то смутная тревога, замешанная на опасении, действительно отступила. Слишком хорошо она понимала, каким страшным противником может быть разумник, и в глубине души все-таки боялась чего-то ужасного, что может случиться между ним и лордом Бастельеро. - И... простите. Если можете.

- Вам не в чем себя винить, — ровно отозвался магистр. - Я бы пожелал вам счастья, миледи, но, боюсь, это будет слишком неоправданной надеждой. Поэтому желаю... - Его голос на мгновение дрогнул, а потом разумник закончил с бесконечной горечью: - Желаю вам не потерять себя, Айлин.

И, резко поклонившись, он отошел.

Как в тягучем кошмарном сне Айлин смотрела ему вслед, пока к ней снова не подошла Иоланда. Что-то рассеянно ответила на вопрос подруги, не особо вникая в смысл, старательно улыбнулась подошедшему лорду Бастельеро...

- Простите, что оставил вас так надолго, любовь моя, — извинился ее супруг. - Сейчас будет ловансьон, вам угодно танцевать?

- Я бы лучше отдохнула, — продолжая тянуть губы в улыбке, вежливо отказалась Айлин. - Но если вы хотите развлечься, милорд...

- Лучше проведу это время с вами.

Лорд Бастельеро улыбнулся ей в ответ сдержанно и как-то неумело, словно давным-давно это не делал, и Айлин отрешенно попыталась вспомнить, а когда она видела на его лице улыбку? Разве что иногда на занятиях, когда-то кто-то из Воронов показывал выдающиеся результаты. Да, в такие моменты губы лорда Бастельеро трогала быстрая одобрительная улыбка, редкая, как величайшая награда! А больше... Больше никогда, пожалуй!

«И вот сейчас он улыбается мне, - сквозь все то же тягучее оцепенение усталости подумала Айлин. - Ну что ж, хоть кто-то будет счастлив в этом браке. Они... наш ребенок. Это вполне достойная цена!»

Она подала мужу руку и заставила себя не выдернуть пальцы, когда лорд Бастельеро, склонившись, коснулся их губами.

«Я привыкну, - упрямо подумала Айлин. - И постараюсь быть хорошей женой».

После ловансьона она позволила отвести себя за стол, и, пока гости шумно рассаживались обратно, незаметно оглядела новых родственников. Лорд Люциус все также фальшиво и любезно улыбался, а за плечом лорда Аларика больше не было видно призрака, словно Аделин Мэрли увидела, что хотела, и откланялась как благовоспитанная дама. Интересно, вернется ли она? Айлин вдруг почувствовала острое желание поговорить с этой женщиной. Если лорд Эддерли ее не отпустит в Сады, вдруг получится?!

Когда гонг известил о третьем торжественном тосте, Айлин повторила за супругом положенные благодарности гостям, поднесла к губам бокал и сделала один глоток, остро жалея, что нельзя выпить карвейна из привычной любимой фляжки. Пусть резерв и не пополнится, зато помогло бы расслабиться!

«Леди не пьют карвейн, — одернула она себя. - Только бокал вина за ужином, если супруг не возражает. Летом еще позволительно днем разбавленное вино со льдом, зимой - горячее со специями. На приемах и балах следует отдавать должное угощению, в том числе и винам, но с величайшей умеренностью...»

Жаль, что в учебнике по этикету, который с такой легкостью всплывал в памяти, ничего не говорилось про первую брачную ночь! Тетушка Элоиза пыталась завести беседу об этом, но Айлин просто не смогла слушать и отделалась фразой, что лорд Бастельеро наверняка в этом разбирается гораздо лучше, а ее долг - просто повиноваться супругу. Любое руководство по этикету именно в этом полагало главное достоинство жены и подтверждение безупречности ее поведения! Тетушка покачала головой, но настаивать не решилась, только уронила, что Айлин всегда может обратиться к ней за советом.

Поставив бокал на стол, она выскользнула из-за него, готовясь следовать за мужем, и тут случилась небольшая заминка.

- Вы позволите, милорд? - прозвучал негромкий бесстрастный голос Артура. - Я вас не задержу.

Лорд Бастельеро молча кивнул, и Артур таким же ровным тоном произнес:

- Поздравляю, миледи. Желаю счастья и напоминаю, что вы... — Он запнулся, а потом вскинул голову совсем как отец и закончил во внезапно наступившей тишине, четко выговаривая каждое

слово: - Что вы вправе не считать меня братом, но я оставляю за собой право считать вас сестрой.

Щелкнул каблуками и отвесил такой же резкий и четкий поклон. Айлин на миг показалось, что она видит отца... Такого, каким он был когда-то...

- Я... запомню это, милорд, - выдавила она, понимая, что больше не в силах ненавидеть.

Во всяком случае, Артура. Потому что никого нельзя ненавидеть за собственную глупость. Если бы тогда у нее хватило выдержки объясниться... Возможно, брат встал бы на ее сторону?!

«Или вызвал на дуэль лорда Бастельеро, обесчестившего его сестру, — холодным эхом отозвалось в ее мыслях. - Ты же не сомневаешься, что он так и сделал бы?! Бесчестье следует прикрывать браком, это единственный способ уладить дело миром. Реши ты выйти за Кармеля, Артур попросту не понял бы, почему должен спустить лорду Бастельеро такой позор? Так что... все правильно. И, может быть, когда-нибудь вы действительно сможете простить друг друга».

Снова поклонившись, Артур отступил в толпу, а Айлин подхватил и увлек за собой вихрь разноцветных платьев - дамы провожали новобрачную до спальни. Среди них она увидела даже королеву - неслыханная честь! И почему это Айлин передернуло и захотелось поставить щит?

- О, как мило, что лорд Бастельеро выпросил у их величеств позволение провести свадьбу без глубокого траура! - щебетали леди Райнгартен. - Теперь еще долго не будет ни одного бала, весь летний сезон пропадет!

Айлин снова передернуло, на этот раз от чужой глупости и омерзительной бестактности. Траур, между прочим, по погибшему королю и принцам! Беатрис та еще... мантикора, но каково ей слышать, что ее скорбь по детям ценится куда дешевле, чем возможность покрасоваться в ярких платьях и украшениях! И как она вообще терпит этих дур?

Она, конечно, промолчала, зато старая леди Логенброу скрипуче одернула обеих дурех, напомнив, что следует уважать чужое горе! Особенно, если это касается всего Дорвенанта! Леди Райнгартен обиженно примолкли, а пожилая дама обратилась к Айлин, покорно идущей под руку с тетушкой:

- Вас, милочка, это не касается. Вы-то вели себя как подобает воспитанной девушке! Даже отказались от танцев, кроме обязательных. Очень достойно!

- Но, миледи, как же не танцевать на собственной свадьбе? - робко возразил кто-то из женщин помоложе. - Да и если бы все не стали танцевать, зачем тогда бал?

- Затем, чтобы сразу стало видно, у кого есть ум и понятие о приличиях! - отрезала старая леди. - Постыдились бы ее величества! Она пережила такую потерю, но милостиво пришла сюда в драгоценностях, чтобы оказать честь новобрачным и их дому. А вы и решили, что раз бал без траура, то можно все! В мое время в таких случаях танцевали только медленные пристойные танцы! Допускался ловансьон, но никакого па-майорделя или этой вашей новомодной паэраны! В траур-то! Даже верелей приличные люди не танцевали! Нет-нет, только ловансьон, чикона и басданс!

- Басда-а-а-анс... — с ужасом протянула та же молодая дама. - Да его уже и не танцуют! Он же... скучный!

- Не скучный, а скромный, — нравоучительно сообщила леди Логенброу. - Танцы не для того, чтобы обжиматься, а чтобы показать себя вблизи! Умение держаться, осанку, манеры! Главное украшение истинной леди - скромность, скромность и еще раз скромность!

Она снова посмотрела на новобрачную, и было легко догадаться, к чему это поучение. А внутренний голос Айлин вдруг прозвучал с вкрадчивыми интонациями Лучано: «Полностью согласен, прекрасная синьора! Почему бы всем девушкам не появляться в обществе исключительно в этом главном украшении? Облачаться в скромность вместо длинных юбок и корсетов - какая прекрасная идея! Скромность - и больше ничего, м-м-м-м, беллиссимо!

«Именно так он бы и сказал, — про себя нервно хихикнула Айлин. - Уж я-то знаю!»

- Благодарю, миледи, — сказала она вслух, и Логенброу продолжила в почтительном молчании, которое нарушал только шелест платьев и нижних юбок:

- Самое главное, милочка, запомните! Как можно меньше позволяйте мужу! Он должен понимать, что вы - леди, и с вами нельзя обращаться как с какой-нибудь... непотребной! Все мужчины - низменные развратные существа, полные похоти и нечистых желаний. Потакать им - значит обресть себя на женские болезни, трудные роды и раннее увядание!

- Но разве Всеблагой не угодны супружеские удовольствия? - упрямо поинтересовалась то ли очень отважная, то ли бесконечно уверенная в себе дама. - Ведь сказано, что жена должна служить

пользе и радости мужа своего!

- Вот именно, сначала пользе, а потом уже радости! - надменно уронила леди Логенброу. - Да и что за радость мужу унижать супругу всякими непотребствами? Он должен уважать жену, а какое уважение после подобного? Если уж не может сдерживать свою похоть, пусть удовлетворяет ее где-нибудь... подальше от семейного очага. Главное, чтобы жена об этом ничего не знала! Семейные радости должны быть чистыми и целомудренными, полными нежности, деликатности и благоговения. А главное - вести к рождению детей! Именно для этого боги их и предназначили. В наше время не было такого бесстыдства, как травы от зачатия. Пфе! Женщина и помыслить не могла, чтобы решать за Всеблагу, когда зачинать. Потому и дети рождались помногу, не то что сейчас...

- Только умирали частенько, — пробормотала леди Эддерли. - Причем зачастую вместе с матерью, которая еще не оправилась от прошлых родов. У вас, миледи, сколько их было? И сколько выжило?

- Сколько Всеблагая пожелала, столько и выжило, — процедила старуха. - Помнится, вас, дорогая леди, она тоже не очень-то благословила? Всего один наследник? А вот если бы не было этих трав!..

Айлин очень захотелось проклясть мерзкую старушеницу, она-то помнила, как Саймон говорил о погибшем брате. Как эта старуха вообще смеет указывать милой леди Эддерли и при этом тыкать ее в больное место?! А еще учит приличиям!

Она закусила губу, не понимая, почему леди Эддерли молчит, и тут раздался прямо-таки шелковый голос Иоланды:

- А мне кажется, миледи, что целебные травы - прекрасный дар Всеблагой Матери и Милосердной Сестры. Вот, скажем, ваша драгоценная внучка каждый год после Вишневой ночи является к целителям с жалобой, что застудилась, и поэтому лунные дни у нее не приходят вовремя. Попьет нужных травок, и вот чудо - все налаживается! А так-то она тоже всегда учит всех, как себя следует вести. И первая позорит несчастных дурочек, у которых не хватило соображения обделать все втихую. Хоть вы бы ей объяснили, что если травки пить до Вишневой ночи, а не после, то целители потом не ругаются на внезапные простуды.

«Кажется, эта молодая леди Логенброу чем-то очень насолила Иоланде», — подумала Айлин.

А в наступившей полной тишине, где даже платья шелестели как-то беззвучно и опасно, вдруг послышалось несколько смешков, и тут же раздался безмятежнейший голос леди Эддерли:

- Ах, милочка, до чего жаль, что вы не моя будущая коллега. Но все равно, на Летнее Солнцестояние приезжайте к нам на бал. Мы с мужем будем очень рады вас видеть.

Сконфуженная Иоланда едва успела заверить, что непременно будет, и тут коридор, казавшийся Айлин бесконечным, закончился. Перед ней выросла дверь, украшенная очередной цветочной гирляндой, один вид и запах которых уже вызывал тошноту. Дверь открылась, и Айлин первой вошла в полутемную спальню, в которой мрак рассеивал только канделябр, стоящий у кровати. Огромной кровати под темно-синим шелковым балдахином, который казался черным. Крылья балдахины были подняты, открывая вид на кипенно-белую постель. Айлин слегка замутило, и она не поняла, то ли это от страха, то ли от вездесущих букетов, которые, разумеется, обнаружились и здесь. К счастью, тетушка Элоиза первым делом распахнула окно, и дышать стало полегче. Ровно до того момента, как Айлин принялись раздевать.

Сначала в шкатулку на прикроватном столике отправился драгоценный гарнитур, потом королева в знак особого благоволения вытащила первую шпильку, но на этом, к некоторому облегчению Айлин, участие ее величества закончилось. Остальные леди по очереди подходили и то помогали ей расшнуровать платье, то убирали еще одну шпильку, то стягивали перчатку. Последней оказалась тетушка, которая помогла снять платье с нижними юбками, и Айлин осталась в панталонах и камизе. Их тоже пришлось снять, и Иоланда обтерла Айлин полотенцем, намоченным душистой водой, а потом подала ей батистовую ночную рубашку, белоснежную, длинную и просторную.

Айлин быстро скользнула в нее, прячась от бесцеремонных взглядов, которые жгли, словно ощущение наведенной порчи. Разумеется, никакой порчи быть не могло, даже самого простого сглаза, уж леди Эддерли с Иоландой за этим проследят, но... как же хотелось поставить щит!

Она с тоской посмотрела на дверь спальни, за которой по очереди скрывались нарядные леди, на прощанье желая новобрачной то супружеской любви, то скорого здорового потомства, причем обязательно первым родить мальчика, а лучше - двух-трех и только потом дочерей. Леди Логенброу, впрочем, ушла, храня оскорбленное молчание и недобро косясь на Иоланду, которая невозмутимо прошла последний раз по спальне, выставила в коридор букеты душистых белых лилий и даже пощупала постельное белье. Потом Иоланда и тетушка Элоиза, оставшись последними, по очереди обняли Айлин и поцеловали в щеку, причем тетушка украдкой смахнула слезинку, думая, что Айлин этого не видит. А потом дверь закрылась уже и за ними, и Айлин осталась одна в огромной темной

спальне, где и потолок, и углы утопали в холодном, как ей показалось, мраке. Умом она понимала, что это просто кажется из-за резных панелей мореного дуба, но даже свечи горели здесь тусклее, чем должны были.

«Интересно, в таком старом доме есть призраки? - попыталась Айлин отвлечься от того, что ей предстояло. - Или лорд Бастельеро их всех упокоил? Грегор... Наверное, я должна звать мужа по имени? Или еще как-нибудь ласково, раз уж он зовет меня «любовь моя». Придумаю что-нибудь... Потом, завтра. Жаль, если призраков нет, было бы с кем поговорить... Спросить, какие здесь правила и традиции. Ох, скорее бы уже! Ничего, это ведь недолго. И вряд ли будет часто, я ведь в положении. Может, вообще только сегодня! Надо было спросить леди Эддерли, не повредит ли ребенку, но тогда она сразу поняла бы... Впрочем, все равно нужно будет искать целительницу и признаваться ей про сроки! А леди Эддерли добрая, она не осудит... Да где там он уже?!»

Айлин подавила желание вылезти в окно и... Хватит, вылезла уже один раз! Она представила, что скажет и подумает лорд Бастельеро, явившись исполнять супружеский долг и обнаружив, что новобрачная исчезла. «Супружеские радости» — скажут тоже! Ничего в этих радостях нет радостного, она-то знает! Ну, или Всеблагая приберегает их для порядочных девиц...

За дверь в коридоре послышался приближающийся шум, который распался на множество голосов. Но он остановился не слишком близко от спальни, а потом и вовсе смолк.

Немного погодя дверь тихонько скрипнула, и Айлин замерла, сидя на постели и до боли стиснув зубы от желания закричать, отгородиться щитами, а лучше - просто убежать отсюда куда угодно!

«Нет уж! - сказала она себе с тихой ровной злостью. - Это мой муж, я сама это выбрала и не позволю такой мерзости, как страх, испортить мне всю жизнь. Он меня любит и не обидит, это главное. А к остальному привыкну...»

- Надеюсь, я не слишком задержался, миледи, - сказал лорд Бастельеро, появляясь на пороге. - Я понимаю, что вы устали, и заранее прошу прощения за неудобство. Поверьте, я...

Он подошел ближе, и Айлин глубоко вдохнула, а потом выдохнула и так же тихо ответила:

- Нет нужды просить извинений, милорд. Вас не затруднит погасить свечи?

- Конечно! - торопливо и, как ей показалось, даже с облегчением согласился ее муж и без всякой магии задул их.

Теперь комната была освещена только лунным сиянием, льющимся в окно, и тьма подступила совсем близко, но Айлин уже слишком устала, чтобы бояться или нервничать. Она видела силуэт поспешно раздевающегося лорда Бастельеро, потом он придвинулся, сел рядом с ней и взял ее за руку.

- Я люблю вас, моя леди, - так же негромко сказал он. - И сделаю все, чтобы больше никогда не оскорбить ни словом, ни делом, ни помыслом.

Это прозвучало как клятва и должно было успокоить Айлин, но... почему-то ей стало тревожно, и холодный весенний ветерок, пошевеливший отодвинутые занавеси, напомнил то ледяное дуновение, что пролетело по бальному залу с исчезновением леди Мэрли.

А муж поднял ее руку к губам и нежно поцеловал.

***

Она сидела на постели такая нежная, чистая и хрупкая! Лицо в лунном свете казалось высеченным из мрамора, как и руки, что Айлин сложила на коленях поверх белоснежной рубашки. Грегору невыносимо захотелось укутать ее в одеяло, обнять, и чтобы она положила голову ему на плечо, но где-то среди этой невозможной беспомощной нежности уже рождалось жгучее желание обладать, которого он почти испугался.

Как не сделать ей больно? Бреннан на вопрос, не повредит ли Айлин исполнение супружеского долга в ее положении, подозрительно замаялся, но все-таки признал, что не должно. И рекомендовал как можно быстрее найти опытную целительницу, которая сможет часто навещать его жену и наблюдать течение беременности. А он, мол, все-таки специалист совсем другого рода и чаще привык иметь дело со сломанными костями, магическим истощением, последствиями проклятий или отравлений зельями... Женское здоровье - совершенно иная область медицины!

С этим Грегор не мог не согласиться, и, пока невеста ждала его в спальне, подошел к вернувшейся оттуда леди Эддерли. Самым почтительным образом попросил ее об услуге и получил заверения, что леди завтра же снова заглянет в их особняк. Ему показалось, что немолодая целительница смотрела на него неодобрительно, но тут он иллюзий не питал, разумеется, дело в том, что их с

Айлин первая ночь случилась до брака. Магистр Эддерли вряд ли имеет тайны от своей жены, и остается только радоваться тому, что леди Мариан несравненно умнее и деликатнее обеих леди Райнгартен вместе взятых.

Грегор краем уха услышал их разговор с Айлин и поразился, до чего же это глупые курицы! Но как достойно при этом держалась его жена! С каким изяществом возражала им, не погрешив против правил учтивости, но поставив этих дурочек на место! Да, определенно, леди Райнгартен ей не компания! Сразу видно провинциальное воспитание, которое не прикроешь гербом супруга.

Но сейчас он выкинул из головы всех леди на свете, кроме одной-единственной, той, что смотрела на него в лунном сиянии, которое обрисовывало ее силуэт, как не смог бы ни один художник. А губы Грегора еще помнили вкус ее кожи, когда он целовал тонкие пальчики, и от этого сердце колотилось все быстрее, пока не сорвалось в бешеный галоп. Усилием воли он приказал себе быть как можно осторожнее и бережнее! Она смущается и стыдится... И наверняка помнит о той ночи, когда он так опозорился! Заснуть, даже не позаботившись об удобстве леди... Отвратительно!

Грегор закусил губу и бережно тронул волосы Айлин, распущенные по плечам. Внутри сладко заныло. Такие мягкие, так и тянет пропустить через пальцы... Это ведь совсем невинная ласка, это ее не испугает, верно? Он вдруг с ужасом понял, что в его плотской жизни никогда не было по-настоящему невинных и добродетельных девушек! Учась в Академии, он не позволял себе заходить дальше танцев на балах и поцелуев украдкой. Целуются все адепты! Но доступные для мужских желаний девицы его не привлекали, он резонно полагал, что та, которая отдается ему, точно так же отдастся другим, и брезговал подобными особами. А недоступные вызывали уважение, и он не позволил бы себе оскорбить их...

Оставался единственный выход для порядочного человека - хороший бордель, и лет с семнадцати Грегор иногда заглядывал туда за компанию с Диланом, когда страсть совсем уж туманила разум и мешала спокойствию тела. Но вслед за утолением желаний неизменно возвращались брезгливость, разочарование и презрение к самому себе. В армии было то же самое... Получается, всю жизнь он знал только продажных женщин, которых, разумеется, даже не пытался узнать по-настоящему! И всегда понимал, что любви и уважения достойна лишь чистота...

А теперь, когда его объятий ждет самая достойная и чистая на свете девушка, не осквернит ли он ее этими объятиями? Своим телом, что знает позорные удовольствия?

«Это не в счет, — отчаянно заверил себя Грегор. - Это происходило в другой жизни, когда я еще не знал Айлин. Да я словно и не жил до этой минуты! Конечно, это не считается. Она никогда не узнает, а я забуду, и получится, что этого не было!»

Он снова погладил волосы Айлин, потом коснулся кончиками пальцев щеки и провел вниз к подбородку. Ему показалось, что девушка вздрогнула, но осталась недвижима, и он, осмелев, погладил шею, спустившись к трогательно выступающим ключицам. Желание уже туманило мысли, плоть напряглась, и Грегор медленно выдохнул, а потом попросил:

- Вы не хотите лечь, дорогая? Нам будет удобнее...

Айлин доверчиво выполнила просьбу, он слышал ее быстрое неровное дыхание, когда опустился рядом и уткнулся губами в душистую массу волос. Потом поцеловал, и Айлин закрыла глаза, а Грегор едва не застонал от мучительной сладости ее губ. Невыносимо хорошо... Стоило ждать столько лет, чтобы познать ее, свою настоящую любовь! Приподнявшись на локте, он целовал ее снова и снова, прижимая к ее рту, словно к роднику, способному спасти от смертельной жажды.

Потом принялся покрывать поцелуями шею и ключицы... Дальше мешал ворот рубашки, и Грегор закусил губу, напоминая себе, что не имеет права оскорбить жену, попросив раздеться. Хорошо, что рубашка такая тонкая и хотя не позволяет коснуться кожи, но не скрывает очертания тела! И что зрение некроманта позволяет видеть в темноте...

Он провел рукой по подолу рубашки, осторожно и постепенно поднимая ее вверх, погладил нежное девичье бедро, и прикосновение к обнаженной коже обожгло так, что с ним едва не случился позорнейший конфуз, как в ранней юности. Вот это было бы совершенно убийственным позором!

Грегор в отчаянии попытался отвлечься от чудовищного напряжения, продолжая гладить ноги Айлин и слушая ее частое дыхание, как самые прекрасные звуки в своей жизни. Он поймал себя на извращенном желании покрыть поцелуями ее изящные ступни, — каждый пальчик в отдельности! - а потом подняться поцелуями выше, по безупречным линиям лодыжки... Да чтоб ему провалиться, этому мальчишке с его картиной! Теперь бесчисленное множество мужчин видело обнаженные ноги его жены, и эта мысль приводила Грегора в отчаяние. Какой-нибудь развратник может вспоминать эту картину и думать о том, что сам Грегор не осмеливается сделать, чтобы не оскорбить любимую!

Его ладонь словно сама по себе скользнула между ног жены, и Грегор, затаив дыхание, провел по

внутренней поверхности бедра... Поднял голову и увидел, что Айлин по-прежнему лежит с закрытыми глазами, прикусив губу, а на лице - напряженное ожидание. Его снова охватила безумная нежность и вина перед этой девочкой, и Грегор уткнулся лицом в ее волосы, бессвязно шепча самые ласковые и покорные признания любви, которые мог придумать.

В какой-то момент она вздохнула немного глубже, едва заметно подалась ему навстречу, и он, приняв это за разрешение, позволил телу возобладать над разумом. Айлин покорилась ему, она была горячеей, нежной, самой желанной на свете, и он не помнил себя от счастья, восторженно обладая ею, то снова признаваясь в любви, то замолкая и ожидая хотя бы одного слова в ответ... Своего имени, сорвавшегося с ее губ... Но она молчала, зажмурившись так мило и застенчиво, что от одного этого можно было сойти с ума...

А потом его накрыл всепоглощающий восторг, даже близко не подходящий к тому, что было с другими женщинами. Сейчас он обладал своей любимой! И Грегор застонал, изливаясь в ее тело и растворяясь душой в счастье, которое нахлынуло откуда-то и заполнило его целиком, смывая всю горечь и разочарование, накопившиеся за долгие годы одиночества. Замерев, он качался на этих сладких волнах, потом, опомнившись, виновато сдвинулся в сторону и тревожно взгляделся в лицо Айлин.

Она подняла влажные слипшиеся ресницы и посмотрела на Грегора.

- Спасибо, моя леди, - также восторженно прошептал он. - Любовь моя... Простите, если причинил вам неудобство.

- Ничего, милорд, - шевельнулись ее губы, которые Грегору снова нестерпимо захотелось поцеловать.

Но он сдержался, понимая, что его жене сейчас неловко, она стыдится происходящего, и вообще, после исполнения супружеских обязанностей следует не приставать с новыми домогательствами, а заверить в своей любви и благодарности. Грегор поправил непристойно задравшуюся рубашку, которую Айлин постеснялась одернуть сама, и укрыл жену одеялом. Айлин чуть ли не в первый раз взглянула ему прямо в лицо - и с несомненной благодарностью.

- Теперь мы можем уснуть, милорд?-спросила она.-Я... немного устала.

- Конечно, дорогая! — выдохнул Грегор. - Позвольте, я еще несколько мгновений полюбуюсь вами и оставлю. Вам нужно отдохнуть!

- Оставьте? - немного растерянно спросила она. - Ах да! Простите... Я совсем забыла...

Она снова смущенно прикусила чуть припухшую от его поцелуев нижнюю губу и вздохнула. Как показалось Грегору - с облегчением. Но даже это он принял безропотно, умиленно и виновато, понимая, что бедняжка действительно утомилась за этот бесконечно долгий день. Радостный, радуется, но такой напряженный! Немудрено немного забыть этикет и не сразу сообразить, что дворянин не может делить со своей женой одну постель, словно какое-то простонародье. Леди нужна отдельная комната, чтобы расположиться со всеми удобствами!

- Разумеется, я буду ночевать в своей спальне, - заверил он ее. - И не стану вас беспокоить... частыми визитами. В вашем положении следует беречь себя и как можно больше отдыхать.

Он как замороженный снова погладил ее волосы, отметив, что они спутались. Но даже так, с растрепавшейся прической и укрытая одеялом, которое она натянула до самого подбородка, его жена была прелестна, очаровательна, восхитительна и прекрасна! Грегор с трудом заставил себя встать и одеться, а потом виновато пообещал, понимая, что снова причиняет беспокойство:

- Я сейчас пришлю горничных, дорогая. Они сменят постель и помогут вам освежиться. Еще раз прошу прощения и... Я люблю вас.

- Благодарю, милорд, — тихо отозвалась Айлин и, немного откинув одеяло, подала Грегору правую руку, которую он поцеловал с величайшей нежностью и почтительностью.

Если бы сейчас его жена сказала, что тоже любит его... О, тогда, наверное, счастье было бы слишком полным, невозможно огромным для него. Но она промолчала, застенчиво отведя глаза, и Грегор, выпрямившись, поклялся себе, что непременно заслужит от нее эти слова. Что по сравнению с подобной наградой любые ордена, посты и звания?! Он взял столько побед и вершин в своей жизни, неужели не завоюет еще одну? И тогда их счастье, разделенное на двоих, станет совершенным и бесконечным. Только такая любовь достойна его Айлин.

КОНЕЦ ВТОРОГО СЕЗОНА